

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

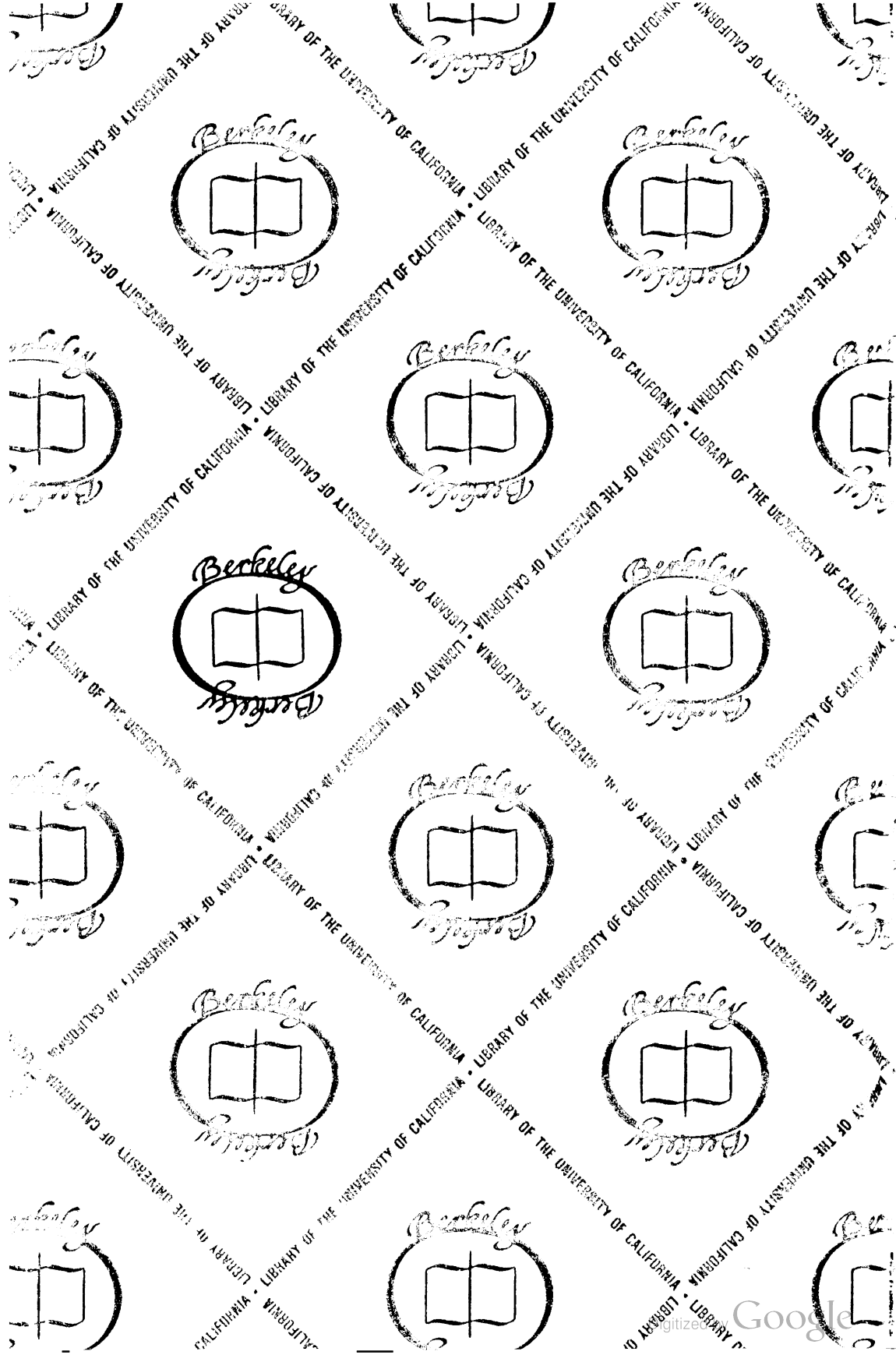
О программе Поиск книг Google

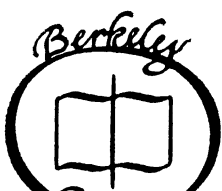
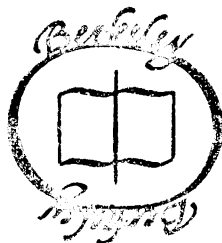
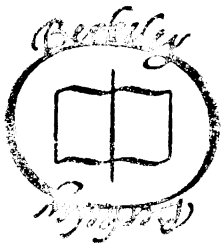
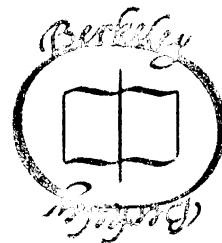
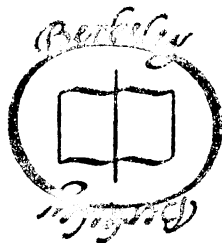
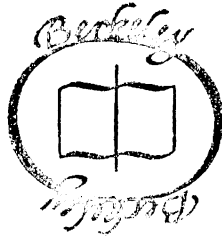
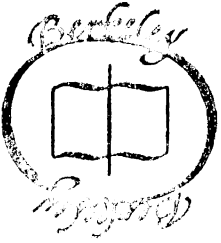
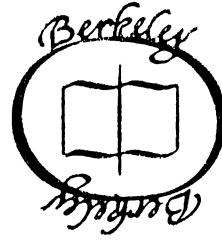
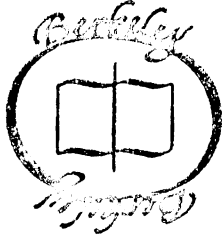
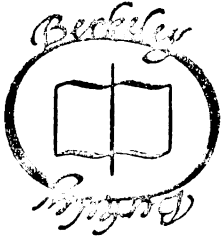
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

UC-NRLF

QB 533 181

Павлу Николаевичу

Древнерусскія
ДРЕВНЕРУССКІЯ

Милославу

на добрую память

Фрагменту

Сказанія и повѣсти
СКАЗАНІЯ И ПОВѢСТИ

О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ XVII ВѢКА,

КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІИ ИСТОЧНИКЪ.

AM. OF
FORM.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

С. Э. Платонова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Екатерининскій кан., № 78.

1888.

~~KIII. 16 MAIN~~

~~ZKIII
P6~~

LIBRARY
MILIOKOV

MILIOKOV LIBRARY

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1887—1888 г.

DKIII
P6
1888a
MAIN

In compliance with current copyright
law, U. C. Library Bindery produced
this replacement volume on paper
that meets the ANSI Standard Z39.48-
1984 to replace the irreparably
deteriorated original

1996

Предлагаемый трудъ первоначально былъ напечатанъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1887 годъ (октябрь, ноябрь и декабрь) и за 1888 годъ (февраль, мартъ и апрѣль). Въ настоящемъ изданіи прибавлены: заключеніе, указатель именъ личныхъ и географическихъ и перечень рукописей, разобранныхъ и упомянутыхъ въ книгѣ.

Въ своемъ трудѣ авторъ желалъ дать систематическій обзоръ тѣхъ литературныхъ произведеній великорусской письменности XVII вѣка, которыя были посвящены изображенію и обсужденію событій смутнаго времени Московскаго государства. Число такихъ произведеній довольно велико. Они стали появляться еще до окончанія смуты по поводу отдѣльныхъ ея фактовъ. Время царя Михаила Феодоровича было особенно богато сказаніями о смутѣ: многіе очевидцы событій смутнаго времени спѣшили описать пережитую эпоху и оставили по себѣ обширные, иногда даже художественныя труды. И при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ записано было нѣсколько любопытныхъ воспоминаній и преданій о смутномъ времени. Но во второй половинѣ XVII вѣка непосредственныя воспоминанія о смутѣ стали уже замирать, и люди, писавшіе о временахъ самозванщины, или перерабатывали болѣе раннія повѣствованія или создавали легендарно-поэтическіе рассказы.

Литературный характеръ произведеній о смутѣ очень разнообразенъ. Большинство ихъ носитъ названіе „повѣстей“ (иногда—„сказаній“) и заключаетъ въ себѣ литературно-обработанное повѣствованіе о событіяхъ и дѣятеляхъ смутнаго времени. Рядомъ съ „повѣстями“ стоятъ „житія“ лицъ смутной эпохи, въ которыхъ агиографическія черты тѣсно сплетены съ историческими. Нѣкоторые памятники называются „лѣтописцами“ и дѣйствительно представляютъ собою погодное изображеніе событій. Нерѣдко рассказъ о смутѣ заканчивается тотъ или другой видъ „хронографа“, даже поздней „степенной книги“. Не одно повѣствованіе о фактахъ составляетъ задачу всѣхъ этихъ литературныхъ памятниковъ: среди нихъ часто встрѣчаются произведенія публицистическія и морально-дидактическія, въ которыхъ фактическая сторона имѣетъ лишь служебное значеніе.

При большомъ разнообразіи ви́шнихъ формъ и приѣмовъ изложенія всѣ древнерусскія произведенія, касающіяся смуты, представляютъ собою одну цѣльную категорію источниковъ для изученія смутной эпохи наряду съ официальными документами и записками иностранцевъ. Въ качествѣ историческаго матеріала сказанія о смутѣ еще въ прошломъ вѣкѣ привлекали вниманіе изслѣдователей. Однако начитанность историковъ XVIII столѣтія въ этомъ матеріалѣ не шла далѣе Сказанія Авр. Палицына, Новаго Лѣтописца и немногихъ хронографовъ. Только въ нашемъ вѣкѣ Карамзинъ достигъ рѣдкаго, для его времени изумительнаго знакомства съ рукописными текстами самыхъ разнообразныхъ сказаній о смутѣ. Многочисленныя выписки изъ сказаній въ послѣднихъ томахъ „Исторіи Государства Россійскаго“ и до сихъ поръ нерѣдко замѣняютъ ученымъ первый источникъ и сохраняютъ за трудомъ Карамзина свѣжесть какъ бы современнаго намъ изслѣдованія. Послѣ „Исторіи Государства Россійскаго“ пользованіе этого рода источниками стало безусловно обязательнымъ для каждаго послѣдующаго историка смутнаго времени.

Впервые вводя въ научный оборотъ массу новаго матеріала изъ сказаній, Карамзинъ не могъ, разумѣется, точно оцѣнить каждый памятникъ со стороны его состава и достоинства его показаній. Съ теченіемъ времени многіе изъ рукописныхъ источниковъ Карамзина были изданы; шире сталъ и самый кругъ извѣстныхъ сказаній о смутѣ; въ трудахъ С. М. Соловьева, А. Н. Попова, И. Е. Забѣлина и другихъ изслѣдователей сдѣлано было нѣсколько попытокъ оцѣнить критически тѣ или другіе памятники. Но историко-критическое изученіе сказаній о смутѣ во всей ихъ совокупности составляло до послѣдняго времени невыполненную задачу въ русской исторіографіи. Принимая на себя эту задачу, авторъ настоящаго труда исходилъ изъ того убѣжденія, что дальнѣйшая разработка исторіи смутной эпохи можетъ идти съ надлежащимъ успѣхомъ только путемъ критической оцѣнки ея источниковъ.

Первая и главнѣйшая трудность, какую надлежало преодолѣть автору, состояла въ томъ, чтобы собрать и изучитъ всѣ касающіяся смуты рукописные тексты сказаній. Не имѣя возможности ознакомиться съ составомъ всѣхъ русскихъ древлехранилищъ, авторъ не смѣетъ надѣяться, что исчерпалъ въ полной мѣрѣ подлежавшій его разсмотрѣнію матеріалъ. И та степень полноты матеріала, какой удалось ему достигнуть, была бы недоступна для его личныхъ усилій безъ просвѣщеннаго содѣйствія его труду Археографической Комиссіи въ С.-Петербургѣ. Второе затрудненіе представилось автору въ самомъ изложеніи результатовъ его труда. Лучшею системою, какой онъ могъ держаться въ обзорѣ памятниковъ, безъ сомнѣнія, была бы система хроно-

логическая, при которой разборъ болѣе раннихъ произведеній предшествовалъ бы разбору болѣе позднихъ. Но отсутствіе точныхъ свѣдѣній о времени составленія многихъ сказаній не дозволяло расположить ихъ въ строгомъ порядкѣ по времени ихъ происхожденія. Кромѣ того, авторъ иногда находилъ болѣе удобнымъ давать отчетъ въ одномъ мѣстѣ о разновременныхъ произведеніяхъ въ силу ихъ внутренней близости и зависимости одного отъ другаго. Тѣмъ не менѣе онъ стремился, выдѣливъ памятники наиболѣе любопытные и важные изъ массы прочихъ, прослѣдить на нихъ постепенное развитіе въ XVII вѣкѣ письменности о смутѣ и отиѣтитъ общіе отличительные признаки произведеній различныхъ эпохъ. Остановливаясь съ особеннымъ вниманіемъ на раннихъ и потому наиболѣе цѣнныхъ сказанійхъ, писанныхъ современниками смуты, авторъ считалъ возможнымъ дать только краткія характеристики произведеній позднѣйшихъ и компилятивныхъ; что же касается до мѣстныхъ сказаній о смутѣ, то скудость текстовъ, бывшихъ въ распоряженіи автора, заставила его и вовсе отказаться отъ детальнаго изслѣдованія этого рода памятниковъ.

Какъ въ отношеніи общаго порядка изложенія автору не удалось выдержать единообразнаго приѣма, такъ невозможно было его выдержать и въ изслѣдованіи отдѣльныхъ произведеній. Не имѣя въ виду повѣрки всѣхъ показаній памятника, авторъ ограничивался желаніемъ опредѣлить время его составленія и указать личность составителя; выяснить цѣли, какими руководился составитель, и обстоятельства, при которыхъ онъ писалъ; найти источники его свѣдѣній, и наконецъ, характеризовать приблизительную степень общей достовѣрности или правдоподобности его разсказа. Но изслѣдованіе нѣкоторыхъ произведеній не давало удовлетворительнаго отвѣта на весь кругъ этихъ вопросовъ. Въ другихъ случаяхъ внѣшняя исторія и общій характеръ произведенія оказывались настолько извѣстными, что избавляли автора отъ необходимости повторять въ своемъ трудѣ наблюденія и выводы предшествующихъ изслѣдователей. Напротивъ, тексты мало извѣстные и вовсе неизвѣстные налагали на автора обязанность ознакомить читателя съ ихъ содержаніемъ помимо общихъ историко-критическихъ замѣчаній о памятникѣ. Такъ, особенности и степень извѣстности каждаго отдѣльнаго произведенія вліяли на характеръ отзыва о немъ.

Приведенныя замѣчанія свидѣтельствуютъ, что авторъ самъ сознаетъ неполноту и недостатки своего труда. Съ благодарностью приметъ онъ всѣ дополненія и замѣчанія, какія будутъ предъявлены ему ученою критикою. Съ глубокой благодарностью вспоминаетъ онъ и то сочувствіе, съ какимъ относились къ его труду многія лица. Занятія рукописными текстами стали ему возможны благодаря благосклонному содѣйствію А. Θ. Бычкова и

И. А. Бычкова (въ Императорской Публичной Библиотекѣ), А. И. Тимоеева (въ Археографической Комиссiи), князя П. П. Вяземскаго и Д. Ѳ. Кобеко (въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности), И. Е. Троицкаго и А. С. Родосскаго (въ библиотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи), В. О. Блжучевскаго (въ библиотекѣ Московской Духовной Академіи), о. арх. Леонида (въ библиотекѣ Троице-Сергіевой Лавры), Д. П. Лебедева (въ Московскомъ Публичномъ и Руминцевскомъ Музеяхъ) и Н. А. Шляпкина (въ его собственной библиотекѣ). Съ начала и до конца своихъ работъ авторъ пользовался совѣтами и указаніями своихъ бывшихъ преподавателей профессоровъ К. Н. Бѣстужева-Рюмина и Е. Е. Замысловскаго. Со стороны Л. Н. Майкова и В. Г. Дружинина видѣлъ онъ постоянную помощь и самое теплое отношеніе къ его труду. Наконецъ, составленіемъ указателя къ книгѣ авторъ обязанъ Н. Н. Платоновой.

I.

Въ ряду русскихъ повѣствованій о смутномъ времени такъ называемому Иному Сказанію принадлежитъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Его фактическія данныя были очень популярны въ XVII вѣкѣ, и составители позднѣйшихъ редакцій хронографовъ охотно вносили эти данныя въ свои труды. Благодаря этому и въ научной литературѣ нашего вѣка показаніями Инаго Сказанія пользовались весьма часто, хотя въ своей первоначальной формѣ оно стало извѣстно только съ 1853 г., когда было издано И. Д. Бѣляевымъ съ его предисловіемъ во Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, кв. XVI. Карамзинъ былъ знакомъ съ Инымъ Сказаніемъ лишь по сокращенной его передѣлкѣ, о которой будетъ сказано ниже, и по извлеченіямъ въ хронографахъ¹⁾. Со времени же изданія Сказанія имъ пользовались всѣ изслѣдователи смуты, а С. М. Соловьевъ далъ его краткую характеристику, отмѣтивъ отсутствіе въ немъ объективности²⁾.

Иное Сказаніе въ своемъ полномъ составѣ встрѣчается довольно рѣдко³⁾. Намъ извѣстны только два его списка. Одинъ, съ котораго Сказаніе было издано И. Д. Бѣляевымъ, принадлежалъ П. М. Строеву и хранится въ Погодинскихъ рукописяхъ Имп. Публ. Библиотеки⁴⁾. Другой принадлежитъ Московскимъ Публичному и Румянцевскому

¹⁾ Это видно изъ его ссылокъ въ Исторіи Государства Россійскаго: примѣчанія къ т. X: 221, 385, 397; къ т. XI: 194, 199, 252, 263, 272, 322, 331, 348, 402, 406, 530 и др.

²⁾ Ист. Россіи, IX, гл. V, по изд. 1875 г. стр. 422—423.

³⁾ Таково мнѣніе и составителя Отчета Моск. Публ. и Рум. Музеевъ за 1876—1878 гг. М. 1879, стр. 95.

⁴⁾ № 1503. Писанъ двумя почерками XVII в., скорописью, въ 4-ю долю, на 391 л., съ оглавленіемъ и приписками руки П. М. Строева. Иное Сказаніе находится на лл. 242—391.

Музеймъ ¹⁾. Оба списка писаны въ XVII вѣкѣ и не представляютъ сколько-нибудь важныхъ вариантовъ. И въ томъ, и въ другомъ Сказаніе слѣдуетъ за Сказаніемъ Авр. Палицына, какъ бы въ видѣ дополченія къ нему. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самое заглавіе дополнительнаго Сказанія: „Той же первой исторіи послѣдуетъ ²⁾ вторымъ сказаніемъ, которое въ первой скрачено, здѣ же приполнено, и гдѣ въ первой полно, здѣ же скратно писано. Инаго творенія“. Другаго, самостоятельнаго заглавія Сказаніе не имѣетъ. Строевъ въ своемъ списокѣ озаглавилъ его такъ: „Дополненіе къ Исторіи Палицына неизвѣстнаго автора“. Присвоенное же Сказанію названіе „Инаго“ дано ему издателемъ И. Д. Бѣляевымъ. Если говорить о времени составленія Инаго Сказанія въ полномъ его составѣ, то слѣдуетъ относить его къ срединѣ или ко второй половинѣ XVII вѣка ³⁾. Но даже бѣглое знакомство съ памятникомъ убѣждаетъ въ томъ, что Иное Сказаніе составилось изъ нѣсколькихъ лѣтописныхъ повѣствованій разнаго времени и различныхъ авторовъ. Мнѣніе И. Д. Бѣльева ⁴⁾, что въ первоначальномъ видѣ Сказаніе „было доведено сочинителемъ, кажется, только до изгнанія поляковъ изъ Москвы“, остальное же принадлежитъ другому автору,—требуетъ существенныхъ поправокъ. Въ Иномъ Сказаніи болѣе двухъ самостоятельныхъ повѣствованій: оно весьма ясно разлагается на слѣдующія составныя части:

1) Повѣсть о времени Бориса Годунова и перваго самозванца, сохранившая всѣ признаки своей литературной самостоятельности и по внесеніи въ текстъ Инаго Сказанія (*Временникъ*, 1—38).

2) Собраніе правительственныхъ грамотъ о сверженіи самозванца и воцареніи Шуйскаго (*Врем.*, 38—55).

¹⁾ № 1836. Писанъ полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, XVII в., въ 4-ю долю, на 333 лл. Иное Сказаніе находится на лл. 199—325. Къ нему приписанъ, на лл. 326—333, краткій родословецъ русскихъ государей. Рукопись принадлежала въ XVIII в. „Усольцу торговому челоуѣку Михаилу Ѳедорову сыну Зягину“; позднѣе — крестьянину Ѳедору Васильеву Кулѣшеву; въ Музей поступила въ 1878 г. отъ И. А. Бердникова.

²⁾ Предпочитаемъ чтеніе втораго изъ указанныхъ списковъ; въ списокъ Строева: „последнее“.

³⁾ Последнее извѣстіе Сказанія говоритъ о вѣнчаніи на царство царя Алексѣя Михайловича „въ лѣто 7154 (1645) сентября въ 28-й день“; списки же Сказанія несомнѣнно относятся къ XVII в.

⁴⁾ *Временникъ Моск. Общества Ист. и Древн.*, кн. XVI, Матеріалы, предисловіе, стр. IV.

3) Повѣствованіе о движеніяхъ въ первое время царствованія Шуйскаго, преимущественно же о движеніи Болотникова (Врем., 55—64).

4) Повѣсть о видѣніи, бывшемъ въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ въ 1606 г., вставленная въ предыдущее повѣствованіе (выпущена во Временникѣ).

5) Лѣтописныя замѣтки, тождественныя со статьями Хронографа второй редакціи (1617 г.), о взятіи Тулы царемъ Василиемъ и о дальнѣйшихъ событіяхъ до избранія Михаила Ѳеодоровича на царство, чѣмъ и кончается Хронографъ 1617 года (Врем., 64—73).

6) Лѣтописныя замѣтки о времени царя Михаила Ѳеодоровича и о вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича (Врем., 73—80) ¹⁾.

Для полной оцѣнки Сказанія слѣдуетъ ознакомиться ближе съ каждою изъ его отдѣльныхъ частей. Наибольшую важность имѣетъ первая изъ нихъ; къ ея обзорѣнью теперь и обратимся.

I. Главное содержаніе первой части Инаго Сказанія (мы будемъ въ нашемъ изложеніи называть ее Повѣстью 1606 года) составляетъ описаніе слѣдующихъ событій: 1) убіенія царевича Димитрія, 2) воцаренія Бориса Годунова, 3) появленія самозванца, 4) борьбы самозванца съ Борисомъ и воцаренія самозванца, 5) дѣйствій самозванца противъ русской народности и православія, 6) сверженія самозванца и воцаренія Шуйскаго, и 7) перенесенія мощей царевича Димитрія въ Москву. Вся Повѣсть проникнута чувствомъ ненависти къ Борису и самозванцу одинаково и чувствомъ преданности Шуйскому. Всѣмъ повѣствованіемъ руководитъ желаніе показать, что и Борисъ, и самозванецъ получили скорое возмездіе за свои злодѣянія.

Какъ сказано, Повѣсть сохранила на себѣ полный отпечатокъ самостоятельнаго литературнаго произведенія. Отъ остальныхъ частей Инаго Сказанія она отдѣлена послѣсловіемъ, и смыслъ нѣкоторыхъ ея мѣстъ даже противорѣчитъ дальнѣйшему разсказу Инаго Сказанія. Въ концѣ Повѣсти выражается радость по поводу избавленія Россіи отъ самозванца и по поводу вступленія на престолъ „таковаго благочестиваго государя“ В. И. Шуйскаго, который не ведетъ своихъ подданныхъ въ погибель, какъ велъ ихъ Разстрига, но совращаетъ ихъ

¹⁾ Нѣкоторыя изъ составныхъ частей Инаго Сказанія уже указаны А. Н. Поповымъ (Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 148—149). Въ спискѣ П. М. Строева есть въ концѣ нѣсколько ничтожныхъ приписокъ, сдѣланныхъ, очевидно, гораздо позднѣе владѣльцами рукописи.

съ пути погибельнаго и даже сподобился видѣть мощи царевича Димитрія въ Москвѣ. О дальнѣйшихъ смутахъ времени Шуйскаго въ Повѣсти нѣтъ и помину; главное чувство писателя — радость о томъ, что смута миновала и притомъ такъ благополучно. „Слава единому премудрому жизнедателю Богу“, восклицаетъ онъ: „яко маломъ наказанъ насъ, но много помилованъ“¹⁾. Между тѣмъ дальнѣйшее повѣствованіе о смутахъ времени Шуйскаго, въ третьей изъ указанныхъ нами частей Инаго Сказанія, ведется уже совершенно въ другомъ тонѣ: радостному чувству нѣтъ мѣста; его заступаетъ сознаніе, что современники автора осуждены Богомъ „во тмочисленныя бѣды и различныя напасти паки власти по праведному Его суду Божию“ за то, что сами отпали отъ Него своими согрѣшеніями²⁾. Описаніе многочисленныхъ возстаній противъ царя Василія, сознаніе силы мятежниковъ и слабости Шуйскаго дѣлаетъ преждевременнымъ и страннымъ радостное убѣжденіе Повѣсти въ окончаніи смуты. Очевидно, что лицо, составлявшее Иное Сказаніе, лишь механически соединяло его составныя части и не позаботилось сгладить ихъ взаимныя несогласія въ цѣльный рассказъ.

Счастливо уцѣлѣвшія частности Повѣсти 1606 года помогаютъ намъ съ достаточною точностью опредѣлить время и обстоятельства ея написанія. Если Повѣсть торжествуетъ вступленіе на престолъ Шуйскаго и перенесеніе мощей Димитрія царевича въ Москву, но не знаетъ еще, что при царѣ Василии смута не только повторится, но и разовьется съ большею силой, — значитъ, написана эта Повѣсть въ самомъ началѣ царствованія Шуйскаго. Время ея написанія слѣдуетъ полагать послѣ 3-го іюня 1606 г. (день перенесенія мощей царевича въ Москву), но до начала возстанія противъ Шуйскаго на югѣ, которое произошло не позже августа 1606 года³⁾, и, конечно, до прихода Болотникова и Пашкова къ Москвѣ, который послѣдовалъ осенью того же года⁴⁾. Объ этомъ приходѣ Болотникова и

¹⁾ Иное Сказаніе во *Временникѣ*, XVI, стр. 35—37.

²⁾ *Ин. Сказ.*, стр. 55—56.

³⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 149, стр. 316.—*Изборникъ А. Н. Попова*, стр. 331 (... „того же 114 году... въ Украинныхъ, въ полскихъ и въ сѣверскихъ городяхъ, учинилася прелесть и смута“, — значитъ, ранѣе 1-го сентября 1606 г.).

⁴⁾ *Изборникъ А. Н. Попова*, стр. 332. 2-го декабря 1606 г. мятежники были уже разбиты и прогнаны отъ Москвы. Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 150 и № 151. Въ спискахъ Инаго Сказанія не сохранилось никакихъ хронологическихъ датъ, которыя указывали бы время написанія Повѣсти. Но въ нѣкоторыхъ спискахъ

Пашкова повѣствуетъ уже третья часть Инаго Сказанія. Какъ можно догадываться по одному признаку, Повѣсть написана была тогда, когда авторъ ея узналъ, что въ государствѣ вторично началось броженіе во имя Димитрія и что тишинѣ, которая должна была бы наступить со сверженіемъ ложнаго царя, угрожаетъ опасность. Въ своемъ послѣсловіи онъ обращается съ наставленіемъ къ какому-то „губителю Божію“ и грозитъ ему: „аще... не премѣнишися отъ злаго сего обычая своего, ей реку ти, постражеша здѣ и въ будущемъ, яко же сей проклятый еретикъ Гришка Отрепьевъ“¹⁾. Дидактическій тонъ, красною нитью проходящій черезъ всю Повѣсть, въ послѣсловіи усиливается: писатель пространно объясняетъ, что гибель самозванца была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его „законопреступленія“, и что такое же возмездіе грозитъ всякому его послѣдователю. Авторъ даже открыто признается въ дидактическихъ цѣляхъ своего произведенія, говоря, что писалъ свою Повѣсть „прочитающимъ на пользу и въ предыдущія времена по насъ будущимъ челоувѣкомъ на память, а прочимъ зломысленникомъ, рачащимъ его (то-есть, самозванца) зловному преступленію, дабы пришли во умиленіе и отъ таковыхъ лукавствій престаи“²⁾.

Приведенныя мѣста послѣсловія вскрываютъ намъ нѣсколько внутреннія намѣренія автора: Повѣсть его направлена противъ „губителей Божіихъ“, зломысленниковъ, рачащихъ дѣлу самозванца. Написана, стало быть, она тогда, когда броженіе, не прекращавшееся въ народѣ съ самаго дня переворота 17-го мая 1606 г., стало при-

сокращенной позднѣйшей редакціи Повѣсти, извѣстной подъ именемъ „Повѣсти, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ“, читаемъ выраженіе: „о лють быша бы намъ *нынѣшняго* 114 году (Ркп. Имп. Публ. Библіотеки: Q. IV, 144, л. 283 об., и O. IV, 17, л. 423. Въ пространной Повѣсти слово „нынѣшняго“ выпущено: Ин. Сказ., стр. 33). Если мы вправѣ думать, что это чтеніе первоначальное, но утраченное списками полной редакціи, то уже несомнѣннымъ будетъ фактъ написанія нашей Повѣсти до 1-го сентября 1606 г. С. М. Соловьевъ при обработкѣ VII тома „Исторіи Россіи“ пользовался сокращенною редакціей Повѣсти и ее относилъ къ „первому времени царствованія Шуйскаго“ (т. VII, пр. 80). Въ своемъ мѣстѣ увидимъ что такъ можно говорить только о редакціи распространенной. А. Н. Поповъ именно эту послѣднюю относилъ къ 1606 г. (Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II стр. 148).

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 38 (неисправный текстъ изданія исправленъ по рукописямъ).

²⁾ Ин. Сказ., стр. 37 (также исправлено).

нимать опасный для установившагося порядка характеръ, но не перешло еще въ опредѣленныя формы народнаго бунта противъ Шуйскаго. Въ противномъ случаѣ авторъ не закончилъ бы своего произведенія радостною картиной счастливыхъ дней, наставшихъ для народа съ воцареніемъ В. И. Шуйскаго. Онъ не видитъ еще явнаго нарушенія счастливой тишины, но замѣчаетъ возможность такого нарушенія и спѣшитъ своимъ увѣщаніемъ предупредить его и по мѣрѣ силъ упрочить авторитетъ излюбленнаго имъ царя Шуйскаго. Первые мѣсяцы правленія Шуйскаго какъ разъ могли вызвать его на такой трудъ. Нѣтъ нужды приводить многочисленныя указанія источниковъ на то, что въ первые же дни царя Василія заложены были сѣмена дальнѣйшихъ смутъ и что взошли они очень скоро и прежде всего въ видѣ неясныхъ, но настойчивыхъ слуховъ о томъ, что Дмитрій спасся и живъ ¹⁾. Много было людей, вѣрившихъ этимъ слухамъ и не вѣрившихъ Шуйскому. Такіе люди, не желавшіе легко успокоиться и повѣрить тому, что говорило имъ правительство Шуйскаго о „законопреступленіи“ только что низвергнутаго царя, могли казаться „рачащими законопреступленію Разстриги“ и могли тревожить В. И. Шуйскаго и всѣхъ ему преданныхъ лицъ. Противъ такихъ-то „рачителей законопреступленія“ и направлена, смѣемъ думать, разбираемая Повѣсть.

Кто же и по какимъ мотивамъ взялъ на себя трудъ способствовать успокоенію московскихъ умовъ путемъ литературнаго вліянія въ помощь официальнымъ убѣжденіямъ правительственныхъ грамотъ?

Лица, писавшаго Повѣсть, назвать мы не можемъ, потому что имени его Повѣсть не сохранила. Но по нѣкоторымъ частностямъ разсказа можно довольно близко указать ту среду, къ которой принадлежало это лицо. Свидѣтельствую, что всѣ гонимые самозванцемъ люди умирали вѣрными православію, авторъ прибавляетъ: „А ини братія наша иноцы еще въ живыхъ останася и ти нынѣ вкупѣ съ нами содѣтельствуютъ во обители пресвятыя и животворящія Троицы, а ини у архистратига Божія Михаила, у чудотворца Алексѣя въ Чюдовѣ“ ²⁾. Изъ этихъ строкъ мы съ достовѣрностью узнаемъ, что авторъ принадлежалъ къ числу братіи Троице-Сергіева монастыря

¹⁾ Соловьева Ист. Россіи, т. VIII, гл. IV, и другія изслѣдованія о смутномъ времени.

²⁾ Ия. Сказ., стр. 37 (текстъ исправленъ по рукописямъ).

На это указывает и выражение „братія наша иноцы“, и слова: „вкупѣ съ нами содѣтельствуютъ во обители.. Троицы“. Еще болѣе подтверждаетъ такой выводъ рассказъ автора о перенесеніи мощей царевича Димитрія. Авторъ ничего не говоритъ ни объ обстоятельствахъ открытія мощей въ Угличѣ, ни о подробностяхъ ихъ перенесенія отъ Углича до Москвы, но считаетъ необходимымъ описать ихъ встрѣчу въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ и описываетъ ее хотя кратко, но съ такими подробностями, какія могла сохранить только память очевидца ¹⁾.

Духовнымъ саномъ автора объясняется отчасти его значительная начитанность: онъ нерѣдко приводитъ выписки изъ Св. Писанія, изъ твореній отцевъ церкви (Афанасія Великаго, Григорія Нисскаго и др.); знакомъ онъ и съ Византійскою исторіей. С. М. Соловьевъ замѣтилъ, что „образцомъ краснорѣчія“ послужило ему сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ ²⁾. Дѣйствительно, сличая это сказаніе ³⁾ съ нашею Повѣстью, замѣчаемъ нѣкоторое сходство литературныхъ приемовъ. Оба писателя влагаютъ въ уста дѣйствующихъ лицъ цѣлыя рѣчи; однако наша Повѣсть прибѣгаетъ къ такому приему рѣже сказанія о Мамаевомъ побоищѣ. Въ обоихъ произведеніяхъ встрѣчаемъ иногда одни и тѣ же характерныя выраженія; но эти выраженія не принадлежатъ исключительно Повѣсти и сказанію, а встрѣчаются и въ другихъ древне-русскихъ произведеніяхъ ⁴⁾. При такихъ условіяхъ

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 35: „Егда же приближающимся честнымъ его мощемъ ко пречестнѣй лаврѣ пресвятыя и живоначальныя Троицы и Сергія Чюдотворца, и тоя честныя обители архимандритъ и священники и діаконы, облачяся во священныя оджды, съ кадилы, и прочая вся братія со свѣщами срѣтаху его пречистыя и многоцѣлебныя мощи внѣ ограды съ радостными слезами и подобное надгробное псалмопѣніе лицу ему воспѣваху. И обита во обители въ соборной церкви пресвятыя и живоначальныя Троицы нѣкую годину и пакы поиде ко царствующему граду Москвѣ“.—Есть и еще одна черта, восвнно подтверждающая нашъ выводъ: авторъ укоряетъ самозванца въ томъ, что онъ „множествомъ имѣній, еже есть въ Россійскомъ царствіи, пообладалъ и обогатилъ вельми зѣло вскорѣ“ (Ин. Сказ., стр. 37). Этого упрека весьма понятенъ въ устахъ именно Троицкой братіи, по свидѣтельству которой (Сказ. Палицына, изд. 2-е, стр. 224), Лжедмитрій взялъ у Троице-Сергіева монастыря 30,000 рублей.

²⁾ Ин. Сказ., стр. 5, 7—8, 10, и т. д.; *Соловьева* Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 422.

³⁾ П. Собр. Р. Лѣт., VI, 90—98 и IV, 75—83.

⁴⁾ Такъ, напримѣръ, и сказаніе, и Повѣсть бѣгство побѣжденныхъ съ поля битвы передаютъ одинаковыми словами: „вдавъ плещи своя побѣже“, „давше плещи побѣгоша“ (П. Собр. Р. Лѣт., VI, 95, и Ин. Сказ., стр. 19 и 24). Но это

предполагать прямое подражаніе сказанію со стороны нашего автора, конечно, не возможно, тѣмъ болѣе, что въ описаніяхъ битвъ (гдѣ С. М. Соловьевъ собственно и находилъ подражаніе сказанію о побойщѣ) наша Повѣсть ближе слѣдуетъ пространной, позднѣйшей редакціи житія князя Александра Невскаго ¹⁾; а началомъ своимъ она до нѣкоторой степени напоминаетъ „Повѣсть о житіи и о представленіи вел. кн. Дмитрія Ивановича царя русьскаго“ ²⁾. Вѣрнѣе, поэтому, просто предполагать, что авторъ Повѣсти вообще усвоилъ себѣ установившіеся ранѣе литературные приемы и, не подражая рабски ни одному произведенію, въ сущности зависѣлъ ото всѣхъ своихъ литературныхъ предшественниковъ. Сходныя съ болѣе ранними произведеніями мѣста Повѣсти служатъ такимъ образомъ доказательствомъ начитанности ея автора, но не могутъ уличать его въ недостаткѣ литературной оригинальности и самостоятельности.

Въ концѣ Повѣсти находимъ заявленіе автора, что онъ писалъ „не слухомъ увѣряясь, кромѣ того, какъ той еретикъ и законопреступникъ (то-есть, самозванецъ) былъ въ Литовской земли, а что творился въ Россійскомъ государствѣ, то вся сія зря своимъ очима“ ³⁾. Сказанныя авторомъ для привлеченія большаго довѣрія къ его Повѣсти, слова эти не могутъ быть принимаемы нами въ ихъ букввальномъ смыслѣ. Соображая общественное положеніе автора съ существомъ передаваемыхъ имъ событій, мы должны вѣрить ему только въ томъ,

же выраженіе находимъ и въ другихъ памятникахъ разныхъ эпохъ. Въ сказаніи о покореніи Новгорода (П. Собр. Р. Лѣт., VI, 11) читаемъ: „вдаша своя плеча лукаваго ополченія и побѣгоша вспяты“; въ весьма древней „Повѣсти о житіи и о храбрости... кн. Александра Невскаго“ (П. Собр. Р. Лѣт., V, 4) о нѣмцахъ говорится: „и даша плеча своя и съчухуть я“.—Далѣе, какъ наша Повѣсть называетъ Бориса Годунова „вторымъ Іудюю предателемъ и вторымъ Святополкомъ по святоубійству“, такъ въ сказаніи о Мамаевомъ побойщѣ „новымъ Іудюю и новымъ Святополкомъ“ является кн. Олегъ Рязанскій (П. Собр. Р. Лѣт., VI, 92.—Ин. Сказ., стр. 5). Но это же самое сравненіе встрѣчаемъ и въ „Повѣданіи о побойщѣ вел. кн. Дм. Ив. Донскаго“ (Русск. Ист. Сборникъ подъ ред. М. П. Поюдина, т. III, стр. 9), да и вообще въ нашей письменности Святополкъ Окаянный былъ однимъ изъ отрицательныхъ прототиповъ.

¹⁾ Книга Степенная, т. I, стр. 360, 363—364.—Ин. Сказ., стр. 17—18, 19.—П. Собр. Р. Лѣт., VI, 94. Впрочемъ, нужно замѣтить, что картины битвъ у нашихъ древнихъ сказателей, при большей или меньшей распространенности, страдаютъ однообразіемъ чертъ. См. П. Собр. Р. Лѣт., VI, стр. 11, 106. Никоновск. Лѣт., IV, 282, и т. д.

²⁾ П. Собр. Р. Лѣт., VI, 104, и Ин. Сказ., стр. 1.

³⁾ Ин. Сказ., стр. 37.

что онъ, какъ современникъ, описалъ пережитую имъ эпоху, а не восстанавливалъ незнакомой ему старины по недоступнымъ провѣркѣ преданіямъ. Но можно сильно сомнѣваться, чтобы онъ всё описанныя событія видѣлъ своими глазами. Не говоря уже о многихъ второстепенныхъ фактахъ его разсказа, каковы, на примѣръ, подробности защиты Новгорода-Сѣверскаго и Кромъ и другія частности похода самозванца на Москву, свидѣтелемъ которыхъ трудно было быть монаху ¹⁾),—и многія главныя событія Повѣсти врядъ ли были доступны глазамъ и ушамъ автора. Ни одна черта разсказа не говоритъ намъ, на примѣръ, что авторъ самъ видѣлъ убіеніе царевича Димитрія, что онъ лично удостовѣрился въ насильственной смерти царя Феодора „отъ несправедливаго убійства того же Бориса“, что онъ знаетъ точно о самоубійствѣ Бориса, что онъ самъ слышалъ о намѣреніи самозванца избить „боляръ и гостей и всѣхъ православныхъ христіанъ“. По существу дѣла, какъ частный человекъ и къ тому же инокъ, онъ многого не могъ видѣть и знать и, стало быть, о многомъ могъ говорить только „увѣрялся слухомъ“ или на основаніи какихъ-либо свидѣтельствъ инаго рода.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ вопросу объ источникахъ нашей Повѣсти. Нѣтъ, конечно, возможности точно и со всею полнотою указать, откуда авторъ черпалъ свои показанія. Мы можемъ лишь съ большею или меньшею вѣроятностью установить связь нѣкоторой части Повѣсти съ другими, современными ей историческими памятниками. Всѣ эти памятники официальнаго характера. Нѣкоторые изъ нихъ нашъ авторъ включилъ въ свой разсказъ цѣликомъ, таковы: Извѣтъ старца Варлаама и три грамоты самозванца къ русскимъ людямъ, писанныя до его прихода въ Москву ²⁾). Дру-

¹⁾ Походъ самозванца на Москву изложенъ въ нашей Повѣсти хотя и довольно подробно, но безъ малѣйшихъ указаній на то, что писалъ очевидецъ. Подробности военныхъ дѣйствій онъ могъ узнать по официальнымъ документамъ, или просто по слухамъ. На основаніи слуховъ иностранцы сообщаютъ намъ иногда и большія подробности въ сравненіи съ Повѣстью. Сошлемся, на примѣръ, на разсказъ Массы объ осадѣ Кромъ, совершенно согласный съ разсказомъ Повѣсти, но гораздо болѣе подробный и яркій. (Сказанія Массы и Геркмана. С.-Пб. 1874, стр. 126—128. Сравни. Ин. Сказ., стр. 21).

²⁾ Ин. Сказ., стр. 11—14, 15—16, 24—27, 28—29. Всѣ эти документы изданы отдѣльно: Извѣтъ въ Акт. Арх. Эксп., II, № 64, грамоты въ Акт. Арх. Эксп., II, № 26, № 34, № 37, и въ Исторіи Россійской кн. *М. Щербатова*, т. VII, ч. 1, стр. 335—336, 338—342; т. VII, ч. 3, стр. 3—4. Изслѣдованіе грамотъ самозванца внѣ предѣловъ нашей темы. Что же касается до Извѣта Вар-

гими же документами авторъ пользовался, можно думать, какъ руководствомъ, и съ фактической стороны, и со стороны самыхъ взглядовъ, проводимыхъ въ Повѣсти. При чтеніи Повѣсти невольно бро-

лаама, то въ виду разногласій въ вопросѣ о подлинности его считаемъ нужнымъ сообщить о немъ нѣкоторыя замѣчанія. Какъ извѣстно, Н. И. Костомаровъ пытался доказать его подложность („Кто былъ первый Лжедимитрій?“, стр. 21, и „Смутное Время“ въ *Вѣстн. Евр.* за 1866 г., III, стр. 43). С. М. Соловьевъ, возражая Костомарову въ защиту Извѣта („Ист. Россіи“, VIII, прим. 65), признавалъ однако, что не все въ Извѣтѣ справедливо и безошибочно; но онъ думалъ, что неточности и ошибки даже неизбежны въ „первомъ показаніи“ свидѣтеля: „Что Варлаамъ не зналъ нѣкоторыхъ подробностей, смѣшалъ имена князей Вишневецкихъ, передалъ по своему рѣчь Лжедимитрія королю,—это такъ естественно, что не слѣдуетъ останавливаться на этомъ“, говоритъ С. М. Соловьевъ. И онъ самъ, и другіе исследователи вполне доверяли и доверяютъ Извѣту. Намъ же кажется, что въ данномъ случаѣ скептицизмъ Костомарова вполне уместенъ. Извѣтъ Варлаама былъ составленъ раньше, чѣмъ думаютъ обыкновенно, не въ концѣ 1606 года, а по крайней мѣрѣ лѣтомъ. Онъ вошелъ въ разбираемую нами Повѣсть, а она была сочинена до появленія Болотникова подъ Москвою. Старецъ Варлаамъ такимъ образомъ явился со своимъ Извѣтомъ въ желанную минуту для правительства Шуйскаго, когда оно старалось собрать какъ можно скорѣе и какъ можно больше оправданій майскаго переворота. Видѣвъ съ тѣмъ старецъ Варлаамъ зналъ какимъ-то образомъ тѣ грамоты Лжедимитрія, которыя онъ распространялъ по Московскому государству во время похода къ Москвѣ. Хотя Варлаамъ въ это время, по его словамъ, сидѣлъ въ Самборской тюрьмѣ и жилъ затѣмъ въ Кіевѣ, стало быть, не былъ въ Московскомъ государствѣ, тѣмъ не менѣе онъ изложилъ въ своемъ Извѣтѣ рѣчь самозванца Сигизмунду дословно по грамотамъ самозванца (слич. Пнаго Сказанія стр. 13, 25 и 15—16, и Акт. Арх. Эксп., II, № 64, № 34 и № 26). Такимъ образомъ Извѣтъ есть до нѣкоторой степени плагиатъ, если разсматривать его съ литературной точки зрѣнія. Подобная манера его составителя, конечно, не можетъ говорить въ пользу искренности и безыскусственности его разсказа, за то обнаруживаетъ въ немъ литературныя навыки и притязанія. Впрочемъ, они замѣтны и изъ другихъ мѣстъ Извѣта: Его начало—разговоръ Варлаама съ Григоріемъ на Варварскомъ крестцѣ (обыкновенномъ сборномъ мѣстѣ бродячаго духовенства)—поражаетъ искусственностью композиціи: случайно встрѣченный Отрепьевымъ Варлаамъ, какъ оказалось, зналъ родню безвѣстнаго Отрепьева; онъ съ точностью запомнилъ, о чемъ спрашивалъ и что разсказывалъ ему Отрепьевъ, помнилъ самый день встрѣчи и разговора и черезъ четыре года не затруднился подробно записать весь этотъ разговоръ, и притомъ въ формѣ довольно литературной. Далѣе, немного странно то обстоятельство, что Варлаамъ тутъ же на крестцѣ рѣшился на другой день пуститься въ далекій и трудный путь ко Гробу Господню. Странно и то, что такое же намѣреніе такъ же случайно возникло и у Отрепьева, а между тѣмъ къ слѣдующему дню онъ успѣлъ уже „приговорить ѣхати“ съ собою третьяго монаха, который оказался тоже извѣстнымъ Варлааму: онъ „зналъ его у князя Ивана Ивановича Шуйскаго“. Такое обиліе маловероятностей дѣлаетъ первую часть

сается въ глаза строгое соотвѣтствіе между разсказомъ о правленіи самозванца нашей Повѣсти и грамотами о сверженіи Лжедмитрія, обнародованными правительствомъ Шуйскаго въ маѣ и іюнѣ 1606 года.

Извѣтъ скорѣе любопытною сказкой, чѣмъ показаніемъ достовѣрнаго свидѣтеля. За то въ остальной своей части Извѣтъ полонъ фактовъ и именъ: Варлаамъ помнитъ много монастырей и ихъ настоятелей, знаетъ много населенныхъ мѣстъ и много лицъ; онъ какъ будто стремится доказать, что ему извѣстно все объ Отрепьевѣ, стремится подавить недоувѣріе читателя массой фактовъ и именъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ допускаетъ погрѣшности въ показаніяхъ довольно важныхъ (на нихъ указываютъ приведенныя нами слова Соловьева и разборъ Извѣта Костомарова). Горазда легче, кажется, было забыть имя какого нибудь строителя Новгородъ-Сверскаго монастыря, гдѣ Варлаамъ пробылъ весьма недолго, чѣмъ не знать объ участіи Константина Вишневецкаго въ дѣлѣ самозванца, за которымъ Варлаамъ такъ внимательно слѣдилъ. Но Варлаамъ помнитъ первое и не знаетъ второго. Если можно кратко характеризовать, что извѣстно и что неизвѣстно Варлааму, то мы можемъ сказать, что онъ знаетъ о Дмитріи все то, что могло быть извѣстно Московскому правительству и дѣлаетъ ошибки тамъ, гдѣ оно не могло имѣть точныхъ свѣдѣній. Онъ, напримѣръ, сообщаетъ, что Лжедмитрій выѣхалъ въ походъ съ Мнишкомъ 15 (25) августа 1604 г. Если разбирать, откуда явилось это сообщеніе въ Извѣтѣ, то врядъ ли можно допустить, чтобы, сидя въ польской тюрьмѣ, Варлаамъ могъ знать точно день и цѣль отъѣзда самозванца изъ Самбора. Нельзя допустить и того, чтобы частный русскій челоувѣкъ, сочиняя ложный извѣтъ, могъ указать это число, если только онъ не былъ съ самозванцемъ. Это число съ точностью и не опредѣлено, но оно поставлено первымъ въ началѣ дневной записи пути съ Дмитріемъ Мнишкой (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 80), при чемъ указываетъ не выѣздъ изъ Самбора (который могъ быть раньше), а пребываніе въ Жупновицѣ. Изъ этой записи число 15-е августа стало извѣстно Московскому правительству Шуйскаго, изъ нея же могло попасть и въ Извѣтъ Варлаама. Сопоставляя съ замѣчаніями на Извѣтъ Костомарова литературное заимствованіе Извѣта, его неправдоподобное начало, обиліе точныхъ указаній въ однихъ отношеніяхъ и довольно крупныя промахи въ другихъ, мы рѣшаемся высказать мысль, что Извѣтъ не могъ быть правдивымъ показаніемъ слѣдившаго за Отрепьевымъ челоувѣка, но не могъ быть и поддѣланъ искусною рукою какого-нибудь мало знающаго москвича. Онъ составленъ, очевидно, лицомъ много знавшимъ и близкимъ къ правительству (Варлаамъ говоритъ, что онъ знаетъ П. И. Шуйскаго), и составленъ не для правительства, которое могло знать и изъ другихъ источниковъ все изложенное въ Извѣтѣ, а для убѣжденія народа. На это указываетъ искусственность формы, стремленіе все объяснить и разсказать, стремленіе завоевать довѣріе массой фактовъ и именъ. Быть можетъ, что всѣ эти факты и имена не Варлаамомъ были сообщены Шуйскому, а, напротивъ, въ его Извѣтѣ перешли изъ правительственныхъ источниковъ, какъ мы можемъ это предполагать о числѣ 15-мъ августа. Понятно, что при такомъ пониманіи Извѣта мы не считаемъ его надежнымъ источникомъ.

Со стороны фактовъ нашъ авторъ иногда даетъ болѣе, иногда менѣе, чѣмъ упомянутыя грамоты, но освѣщеніе фактовъ онъ прямо беретъ изъ грамотъ. Его обвиненія противъ самозванца тождественны съ тѣми, какія предъявилъ народу В. И. Шуйскій въ оправданіе переворота 17-го мая. Въ грамотахъ В. И. Шуйскаго и его боярства ¹⁾ самозванецъ уличался въ томъ, что уступалъ Лятовъ Смоленскъ и Сѣверскую землю. Это обвиненіе находимъ и въ Повѣсти ²⁾. Въ грамотахъ достаточно мѣста удѣлено на то, чтобы доказать сношенія самозванца съ папой и еретичество его. И Повѣсть не проходитъ этого молчаніемъ, указывая на помощь, оказанную папой Лжедимитію за его обѣщаніе водворить въ Москвѣ католичество ³⁾. Это намѣреніе самозванца упичтожить православіе и ввести католичество грамоты Шуйскаго утверждаютъ не одинъ разъ. И Повѣсть считаетъ искорененіе правой вѣры главною цѣлью самозванца. Какъ грамоты говорятъ, что самозванецъ достигъ престола „вѣдовствомъ и чернокнижствомъ“, такъ въ Повѣсти читаемъ, что очень рано Гришка началъ вникать „въ премудрости богомерскихъ книгъ“, былъ „волшебной премудрости исполнень“, но погибъ, не смотря на „злохитренныи свои чародѣйства“; по этому поводу авторъ даже входитъ въ разсужденіе о вредѣ „книгъ, отреченныхъ св. Отцы“ ⁴⁾. Грамоты Шуйскаго ближайшимъ поводомъ сверженія самозванца выставляютъ умыселъ его перебить 18-го мая всѣхъ бояръ и большихъ дворянъ. На этомъ умыслѣ останавливается и авторъ Повѣсти, но въ его глазахъ самозванецъ хотѣлъ избить „всѣхъ православныхъ христіанъ“ и истребить затѣмъ православіе. Объясненіе такого гиперболическаго изображенія находимъ въ такъ-называемыхъ рѣчахъ Бучицскихъ, гдѣ читаемъ будто бы слова самого Лжедимитрія: „маія въ 18-й день... бояръ, и дворянъ лутчихъ, и дѣтей боярскихъ, и головъ, и сотниковъ, и стрѣльцовъ, и черныхъ людей, которые за нихъ любо станутъ, побити всѣхъ, а совершивъ тотчасъ велею костелы Римскіе ставить“ ⁵⁾. Также измѣнилъ авторъ и свидѣтельство грамоты Шуйскаго о постѣ самозванца по католическому обряду: грамота гово-

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Д., II, №№ 140, 144, 146, 147 (и № 76).—Акт. Арх. Эксп. II, № 44 и № 48.—Ин. Сказ., стр. 38—41 и 42—55.

²⁾ Ин. Сказ., стр. 15.

³⁾ Ин. Сказ., стр. 15.

⁴⁾ Ин. Сказ., стр. 10, 32, 38.

⁵⁾ Ин. Сказ., стр. 32—33.—Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 140, стр. 298.—Акт. Арх. Эксп. № 48, стр. 109—110.

ить лишь о томъ, что папинъ легатъ приказалъ самозванцу по-
считаться но католически, на что тотъ и согласился; въ Повѣсти же
находимъ показаніе, что Лжедимитрій, державъ католическій постъ,
не держалъ православнаго ¹⁾. Наконецъ, какъ грамоты, такъ и По-
вѣсть одинаково говорятъ, что самозванецъ укрѣплялъ свою власть
страхомъ, который онъ внушалъ москвичамъ казнями и ссыл-
ками ²⁾, и что онъ велъ безнравственную жизнь ³⁾. Есть въ
Повѣсти и такіе факты, какихъ нѣтъ въ грамотахъ Шуйскаго о
правленіи самозванца, но ихъ очень мало: перенесеніе тѣла царя
Бориса въ Варсонофьевъ монастырь, не состоявшаяся казнь и ссылка
В. И. Шуйскаго, устройство „ада“ на Москвѣ-рѣкѣ, да подробности
о сожженіи тѣла самозванца, — вотъ все, что находимъ въ Повѣсти и
чего нѣтъ въ грамотахъ Шуйскаго ⁴⁾. Въ свою очередь, грамоты за-
ключаютъ въ себѣ такой матеріалъ, которымъ не воспользовалась

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 32.—Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 147, стр. 314—315.—Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 115.

²⁾ Ин. Сказ., стр. 30—31.—Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 140, стр. 298; № 144, стр. 302; № 146, стр. 306—307; № 147, стр. 309.—Акт. Арх. Эксп. II, № 44, стр. 100; № 48, стр. 107, 109.

³⁾ Ин. Сказ., стр. 32.—Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 147, стр. 309.—Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 107.

⁴⁾ Мы не включаемъ сюда очень темныхъ упоминаній Повѣсти о обличеніи разстрига отъ многихъ иноковъ, послѣдовавшихъ въ этомъ подвигѣ примѣру В. И. Шуйскаго. (Ин. Сказ., стр. 31). Это сообщеніе можетъ быть просто развитіемъ темы, данной грамотами. Въ грамотахъ свѣтскаго правительства находимъ такое мѣсто: „и многихъ православныхъ христіанъ, которые его знали и злодѣйство вѣдали и его обличали, злой смерти (Разстрига) предалъ“. (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 147, стр. 309.—Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 107). Въ грамотѣ Московскаго духовенства, писанной въ іюнь 1606 г. князю Василию Константиновичу Острожскому, читаемъ: (Отрепьевъ) „въ Россійскомъ царствѣ многую смуту и разореніе учинилъ, церкви Божіи осквернилъ и многихъ православныхъ христіанъ, которые его злодѣйство вѣдали и обличали, наипаче же отъ духовнаго чина и иноковъ многихъ, побарающихъ о вѣрѣ, премучилъ и въ заточеніе отосла“ (Доп. къ Акт. Ист. I, № 151, стр. 258). О свѣтскихъ обличителяхъ (Тургеневъ. Основы и др.) нашъ авторъ ничего не говоритъ; объ инокахъ же иноку всего легче было заговорить, потому что въ своемъ монастырѣ онъ, по его собственнымъ словамъ, зналъ потерпѣвшихъ отъ самозванца иноковъ (Ин. Сказ., стр. 37). Но можно сомнѣваться, что они сообщили автору какіе-либо важные факты о своихъ мученіяхъ: иначе, онъ ихъ включилъ бы въ свою Повѣсть. Точно также мы не считаемъ самостоятельнымъ упрекъ повѣсти самозванцу за употребленіе имъ титула Цезарь: этотъ упрекъ находимъ въ рѣчахъ Бучинскихъ (Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 109.—Ин. Сказ., стр. 33).

наша Повѣсть. Такимъ образомъ, въ Повѣсти мы видимъ не слѣпое подражаніе официальнымъ документамъ, но самостоятельное изложене, только основанное въ большей части на этихъ документахъ и всденное въ томъ же направленіи, какого держатся самые документы.

Еще болѣе строго выдержано единство направленія въ той части Повѣсти, какая посвящена вновь воцарившемуся В. И. Шуйскому. Здѣсь авторъ не только, согласно съ грамотами, считаетъ В. И. Шуйскаго законно избраннымъ монархомъ, но идетъ гораздо далѣе, сплетая аргументы, приводимые въ пользу избранія Шуйскаго въ грамотахъ царскихъ и боярскихъ, съ самою неумѣренною лестью повому царю. Такимъ образомъ частная Повѣсть какъ бы приходитъ на помощь официальному документу, пуская въ ходъ для достиженія общей цѣли—укрѣпленія на престолѣ В. И. Шуйскаго—такія средства, какія неумѣстны въ документѣ. Въ грамотахъ бояръ и Марыи Нагой объ избраніи В. И. Шуйскаго находятъ характеристика его, какъ „государя благочестиваго и по Божьей церкви и по православной христіанской вѣрѣ поборителя, отъ корени великихъ государей Россійскихъ, отъ великаго государя князя Александра Ярославича Невскаго, и многое смертное изгнаніе за православную вѣру съ братьею своею во многія лѣта претерпѣли, а наипаче всѣхъ отъ того вора, богоотступника и еретика, смертію пострадалъ“¹⁾. Авторъ Повѣсти довольно точно воспроизводитъ эту лестную характеристику. Онъ говоритъ, что православные христіане „избрали себѣ на царство царскіе же палаты сингклита мужа праведна и благочестива, прежнихъ благовѣрныхъ царей коренѣ, отъ великаго Владимира во святомъ крещеніи Василя и отъ благовѣрнаго князя Александра Ярославича Невскаго, отъ того святого коренѣ великаго боярина князя Василя Ивановича Шуйскаго, еже первіе пострадалъ за православную христіанскую вѣру“. Къ этому отзыву онъ прибавляетъ въ Повѣсти еще такую похвалу Шуйскому: (Богъ даровалъ) „намъ по всещедрому хотѣнію своему такового благочестиваго государя царя и великаго князя Василя Ивановича всеа Русіи самодержца, истиннаго заступника и пастыря словеснымъ овцамъ своимъ, а не наймника, и тако полагаетъ душу свою за овцы во время скорби и погибели нашея: не точію о имѣніихъ своихъ поскорбѣ, но и плоти своей нещадѣ и пычѣ соблюдаетъ истинную православную вѣру христіанскую, яко зеницу ока и управляетъ и наставляетъ всякаго на путь спасенія,

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 142, стр. 301; № 146, стр. 307—308.

дабы по отшествіи своемъ вси были наслѣдницы породы жизненныя, а не ведеть насъ въ погибель и, паки реку, совращаетъ съ пути погибельнаго“¹⁾). Высказывая, согласно грамотамъ, взглядъ на дѣятельность Шуйскаго при самозванцѣ, какъ на религіозный подвигъ, авторъ считаетъ нужнымъ пояснить краткія слова грамотъ объ этомъ подвигѣ пространнымъ рассказомъ о казни и ссылкѣ Шуйскаго²⁾). Не беремъя рѣшать, на чемъ основалъ авторъ фактическую сторону этого рассказа, но политическій заговоръ своего излюбленнаго героя онъ представляетъ, какъ страданіе за вѣру,—точка зрѣнія, наиболѣе желательная для самого Шуйскаго. Въ своемъ заговорѣ бояринъ Шуйскій является „первострадальцемъ“, уразумѣвшимъ „ересь“ Разстриги по откровенію Божію, „страстотерпцемъ“, которымъ Богъ восхотѣлъ „сохранить свою церковь отъ разоренія“. Не сомнѣваясь, какъ сомнѣвались нѣкоторые позднѣйшіе писатели³⁾, въ законности избранія В. И. Шуйскаго, нашъ авторъ старается увѣрить, что Шуйскій избранъ „всею Россійскою областію“, а не только „всѣмъ Московскимъ государствомъ“. Разницу этихъ двухъ понятій онъ, конечно, чувствовалъ такъ же, какъ и Московское правительство Шуйскаго. Однако послѣднее не всегда отваживалось въ грамотахъ такъ рѣшительно утверждать, что Шуйскій избранъ „всею Россійскою областію“ или „всѣми государствами Россійскаго царствія“, какъ слѣдовало бы выразиться, еслибы выборъ былъ правиленъ⁴⁾). Авторъ въ этомъ случаѣ менѣе стѣсняется въ пользу Шуйскаго, чѣмъ самъ Шуйскій.

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 34—35 и 37.

²⁾ Ин. Сказ., стр. 30.

³⁾ Авторъ Новаго Лѣтописца, Авр. Палицынъ и др.

⁴⁾ Ин. Сказ., стр. 34. По грамотамъ Шуйскаго, выборъ совершается „всѣми людьми Московскаго государства“ (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 142, № 144, № 146.—Акт. Арх. Эксп. II, № 44). Въ одной грамотѣ Шуйскій весьма знаменательно объясняетъ, что „принялъ скипетръ Россійскаго царствія.. за челобитьемъ.. людей Московскаго государства“ (Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 110. См. также Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 147, стр. 310). Между тѣмъ по актамъ 1598 и 1613 гг. видны, что и Б. Ѳ. Годуновъ и М. Ѳ. Романовъ приняли престолъ по избранію „всего многобездчисленнаго народнаго христіанства отъ конецъ до конецъ всѣхъ государствъ Россійскаго царствія“, „всѣхъ православныхъ христіанъ всего Россійскаго царствія“ (Акт. Арх. Эксп. II, № 6.—Собр. Гос. Гр. и Д. I, № 203). Когда же эти акты довольствуются терминомъ Московскаго государства, то упоминаютъ при этомъ и о городскихъ выборныхъ, чего не дѣлаетъ Шуйскій. Различіе понятій „Московскаго государства“ и „Россійскаго царствія“, въ смыслѣ видовомъ и родовомъ, отчасти объяснено В. О. Ключевскимъ (Боярская Дума, изд. 2-е, стр. 341—345).

Личныя достоинства и права на занятіе престола новаго царя наша Повѣсть стремится подкрѣпить указаніемъ на родовыя добродѣтели и высокое общественное положеніе Шуйскихъ. Авторъ говоритъ, что Шуйскіе „изъ начала прародителей своихъ боящеся Бога и держащи въ сердцахъ своихъ къ Богу велию вѣру и къ челоувѣкомъ нелицемѣрную правду“; онъ называетъ князя Ивана Петровича Шуйскаго „вѣрнымъ пріятелемъ и доброхотомъ“ царя Ивана Грознаго, и въ то же время всѣхъ Шуйскихъ „господами“ Годунова ¹⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что Повѣсть въ отношеніи Шуйскаго не только приняла официальную его рекомендацію, изложенную въ грамотахъ, но и гораздо подробнѣе развила ее, укрѣпивъ новыми фактами и сообщивъ ей характеръ пространнаго диэирамба. Даже радостное настроеніе автора, которому онъ отдается въ концѣ Повѣсти по поводу воцаренія Шуйскаго, торжества православія и гибели врага правой вѣры самозванца, — даже это настроеніе замѣчаемъ въ одной изъ официальныхъ грамотъ, которая совѣтуетъ „изряднымъ во благочестіи“ христіанамъ „о семъ радоватися и веселитися, что истинная и непорочная христіанская вѣра тверда и непоколебима пребываетъ, бѣсовавши же ся на истину и хотящи свѣтъ омрачити конечною погубелію погубоша“ ²⁾.

Такъ сильна связь нашей Повѣсти съ официальными грамотами, составленными одновременно съ тѣмъ, какъ составлялась сама Повѣсть. Но можно догадываться, что авторъ, кромѣ этихъ документовъ, имѣлъ подъ руками и другіе источники официального происхожденія. Онъ, напримѣръ, точно знаетъ назначенія военачальниковъ, послѣдовавшія еще во времена Бориса; знаетъ, кто защищалъ Новгородъ-Сѣверскій отъ самозванца и кто изъ воеводъ сражался при Добрыничахъ. Ему извѣстно, что у города Кромъ сперва стоялъ Ѡ. И. Шереметевъ, а что Мстиславскій съ товарищами присланъ туда послѣ; извѣстно также, какіе именно воеводы передались самозванцу по смерти Бориса и какіе съ вѣстью объ этомъ „къ Москвѣ утекоша“ ³⁾. Знаетъ авторъ и то, что войска самозванца вступили въ Московское государство двумя путями: отъ Кіева и по Крымской дорогѣ; извѣстенъ ему и весь походъ самозванца къ Москвѣ. Трудно предположить, чтобы всѣ эти подробности могла удержать

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 1—3.

²⁾ Доп. къ Акт. Ист. I, № 151, стр. 262.

³⁾ Ин. Сказ., стр. 16, 17, 19, 21, 23—24, 15.

память человека, не бывшего ни въ разрядѣ, ни въ войскѣ, да еще чуждаго войскѣ и мѣстничеству монаха. Не будетъ рискованнымъ допустить, что ему были извѣстны официальные или частныя разрядныя записи. Сравнивая его показанія съ дошедшею до насъ любопытною разрядною книгой того времени (она извѣстна подъ именемъ хронографа Столяра), мы видимъ, что нашъ авторъ допустилъ лишь двѣ небольшія погрѣшности: во второй битвѣ при Добрыничахъ воеводою правой руки онъ считалъ В. И. Шуйскаго, вмѣсто Дм. Ив., его брата; а Ив. Ив. Годунова назвалъ воеводою лѣвой руки, тогда какъ онъ былъ въ сторожевомъ полку¹⁾. Другихъ ошибокъ сличеніе Повѣсти съ разрядною книгой не открываетъ, хотя и замѣтны незначительныя разногласія въ ихъ показаніяхъ.

Вотъ всѣ данныя объ источникахъ повѣствованія нашего автора, какія мы могли прослѣдить путемъ сближенія Повѣсти съ другими историческими документами. Ранѣе мы видѣли, что авторъ, помимо простаго описанія достопамятныхъ событій, поставилъ себѣ цѣлью убѣдить своею Повѣстью „зломысленниковъ“, рачащихъ законопреступленію Разстриги, „дабы пришли во умиленіе“ и оставили свои лукавства. Сближеніе Повѣсти съ грамотами Шуйскаго показываетъ ясно, что авторъ усвоилъ себѣ вполнѣ правительственную точку зрѣнія на событія и развивалъ правительственные взгляды В. Шуйскаго. Такое совпаденіе взглядовъ и самая цѣль повѣствованія, поставленная прямо въ интересахъ Шуйскаго, придаютъ нашей Повѣсти характеръ офиціознаго произведенія. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы утверждать, что авторъ Повѣсти писалъ по порученію В. И. Шуйскаго и имѣлъ исключительно публицистическія цѣли. Онъ могъ прийтись за свой трудъ по внутреннему побужденію, чтобы передать потомству тѣ впечатлѣнія, какія онъ получилъ отъ удивительныхъ событій его времени, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать успокоенію умовъ современниковъ и склонить ихъ въ пользу новаго государя. Авторъ могъ чувствовать искреннюю преданность Шуйскому, могъ искренно вѣрить показаніямъ его правительства, могъ безо всякой задней мысли положить эти показанія въ основу своего труда. Однимъ словомъ, онъ безсознательно могъ, ища истины, стать на сторону узкой политической партіи, далеко не правой въ своихъ показаніяхъ и взглядахъ²⁾. Еслибы

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 19.—Изборникъ А. П. Попова, стр. 324 и 326.

²⁾ Отсутствие правды во многихъ заявленіяхъ Шуйскаго относительно личности и дѣятельности самозванца весьма убѣдительно показываетъ г. Н. Де-

дѣло было и такъ, взглядъ нашъ на произведеніе не можетъ измѣниться. Авторъ его, сознательно или нѣтъ, но стоитъ на сторонѣ одной партіи, проводить ея взгляды, старается возвысить и оправдать Шуйскихъ и унижить ихъ противниковъ. Этого онъ достигаетъ съ большою литературною умѣlostью и на столько вѣренъ своему пристрастному партійному взгляду, что его партійность бросается въ глаза при первомъ же знакомствѣ съ Повѣстью. С. М. Соловьевъ, мимоходомъ характеризуя Повѣсть, называетъ автора ея „ревностнымъ приверженцемъ“ Шуйскаго. Такимъ образомъ, мы должны, и не обвиняя автора въ намѣренномъ искаженіи истины, все же признать его Повѣсть пристрастнымъ голосомъ одной политической партіи, полнымъ отраженіемъ взглядовъ, симпатій и антипатій цари Шуйскаго съ его правительствомъ.

Съ этой точки зрѣнія мы должны цѣнить всѣ фактическія показанія автора. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы старались показать, взяты изъ официальныхъ документовъ, и оцѣнка ихъ достовѣрности зависитъ отъ того или другаго отношенія къ официальнымъ свѣдѣніямъ. Но помимо явно заимствованнаго авторомъ матеріала, есть въ Повѣсти и такія показанія, источника которыхъ указать не возможно и на которыя историкъ поэтому долженъ смотрѣть, какъ на первоисточникъ. Отношеніе къ этому первоисточнику и можетъ создаваться лишь на почвѣ общей характеристики Повѣсти.

Кромѣ многихъ мелкихъ фактическихъ показаній и частныхъ эпизодовъ, которые изложены въ Повѣсти самостоятельно или не находятся совсѣмъ въ современныхъ и болѣе раннихъ памятникахъ,— наша Повѣсть является самымъ раннимъ и притомъ самостоятельнымъ литературнымъ воспроизведеніемъ слѣдующихъ историческихъ обстоятельствъ: во первыхъ, борьбы Годунова съ Шуйскими за власть при слабомъ царѣ Феодорѣ, вовторыхъ, убіенія царевича Дмитрія, втретьихъ, захвата Борисомъ Годуновымъ царскаго престола путемъ интригъ и подкуповъ, вчетвертыхъ, біографіи самозванца до бѣгства его въ Литву, и впятыхъ, нѣкоторыхъ подробностей о послѣднихъ дняхъ Бориса и о судьбѣ его семьи. Показать самозванство свергнутаго царя Дмитрія было одною изъ главнѣйшихъ задачъ нашего автора. Собирая біографическія подробности о самозванцѣ, онъ въ то же время чувствовалъ необходимость показать судьбу и

витскій въ своемъ трудѣ: „Лжедмитрій I, какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ“ (*Христ. Читаніе* за 1885 г. № 5—6, 9—10 и за 1886 г. № 1—2, 7—8).

истиннаго царевича Димитрія. По официально заявленнымъ даннымъ, царевичъ былъ жертвою Бориса Годунова. И самозванецъ называлъ Бориса своимъ „измѣнникомъ“ и убійцей, и В. И. Шуйскій объявилъ народу прямо, что царевичъ „по зависти Бориса Годунова, яко агня незлобивое, заклася“ ¹⁾. Въ виду такого заявленія грамотъ, авторъ Повѣсти долженъ былъ показать участіе Бориса въ смерти Димитрія и исполнилъ это съ большимъ стараніемъ: онъ поставилъ официально заявленный фактъ въ связь съ характеромъ и замыслами Годунова такъ, какъ онъ ихъ понималъ, и нарисовалъ цѣлую картину козней и преступленій Бориса, совершенныхъ для достиженія престола. Стоя вообще на точкѣ зрѣнія Шуйскаго, онъ отнесся къ Борису такъ, какъ отпосились Шуйскіе, то-есть, крайне враждебно. Интересуясь Шуйскими, онъ видное мѣсто отвелъ и ихъ борьбѣ съ Годуновымъ при царѣ Феодорѣ.

Но изображеніе этой борьбы у нашего автора и мало содержательно, и односторонне. Авторъ только намекаетъ на различные факты борьбы, и эти намеки не имѣютъ для насъ никакой определенности, расплываясь въ туманныя фразы. Авторъ не упоминаетъ объ участіи въ борьбѣ ни митрополита Діонисія, ни Мстиславскаго, ни другихъ лицъ, и единственными твердо поставленными фактами являются у него извѣстія о взытіи Ив. Петр. Шуйскаго на дорогѣ въ Суздальскую вотчину и о смерти въ ссылкѣ Ив. Петр. и Андр. Ив. Шуйскихъ. Самый взглядъ на боярскую смуту въ Повѣсти, очевидно, одностороненъ: Шуйскіе—образецъ добродѣтели, Годуновъ—воплощеніе зла; Шуйскіе—терпѣливыя жертвы, Годуновъ—двоедушный тиранъ, трусливый при неудачѣ, жестокій при успѣхѣ. Сопоставляя въ этомъ отношеніи папу Повѣсть съ показаніями Новаго Лѣтописца, мы должны отдать предпочтеніе показаніямъ послѣдняго, какъ болѣе полнымъ и объективнымъ ²⁾.

Гораздо труднѣе оцѣнить рассказъ нашей Повѣсти объ убіеніи царевича Димитрія. Смерть царевича въ наукѣ находитъ, какъ извѣстно, два противоположныхъ толкованія, и критика источника въ данномъ случаѣ не можетъ опереться ни на какое прочное основаніе. Въ 1591 г. официально былъ установленъ фактъ нечаяннаго самоубійства Димитрія, въ 1605 и 1606 г. официально же утверждаетъ

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 26, № 37 и № 48, стр. 110.—Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 147, стр. 311.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 7—10.

лось въ данномъ случаѣ убійство со стороны Годунова, но безъ всякаго объясненія его подробностей ¹⁾). Наша Повѣсть впервые переноситъ это утвержденіе изъ области официальныхъ увѣреній и народныхъ толковъ въ область литературы и впервые противопоставляетъ описаніе убійства картинѣ самоубійства, находящейся въ слѣдственномъ дѣлѣ. Это придаетъ большую важность разсказу Повѣсти о смерти царевича. Разсказъ былъ написанъ въ то время, когда были живы и дѣйствовали въ Москвѣ ближайшія къ событію лица: мать царевича и его дяди Нагиг ²⁾). Авторъ разсказа, какъ мы видѣли, былъ хорошо снабженъ источниками, имѣлъ въ рукахъ много документовъ, самъ принадлежалъ къ числу братіи близкаго къ Москвѣ и вліятельнаго монастыря, писалъ въ цѣляхъ и, легко можетъ быть, съ покровительствомъ В. И. Шуйскаго. Если для неважныхъ подробностей похода самозванца авторъ добылъ себѣ точные источники, то мы вправѣ думать, что для описанія смерти царевича, которую для цѣлей автора необходимо было доказать какъ можно убѣдительнѣе, авторъ и долженъ былъ и по своему положенію могъ собрать обстоятельныя и точныя показанія. Что же находимъ мы въ его разсказѣ? Очень краткія сообщенія о томъ, что, желая „исторгнуть корень царскій“ и наследовать царство, Борисъ задумалъ предать смерти царевича, сталъ притѣснять его и „многожды“ посылалъ къ нему „смертоноснаго яда вкушеніе“. Но видя, что ядъ не дѣйствовалъ (почему, не объясняется), Борисъ послалъ М. Битяговскаго и „племянника его“ Н. Качалова убить царевича. Они ждали удобнаго мгновенія и, когда царевичъ вышелъ „играть“, „единъ отъ нихъ“ (кто именно, не говорится) „прерѣза гортань его“, послѣ чего убійцы были побиты „отъ людей града того“. Въ разсказѣ нѣтъ ни одной черты, которая указывала бы на близкое знакомство съ мѣстностью и внѣшнею обстановкой преступленія, съ положеніемъ Нагихъ въ Угличѣ и съ ихъ отношеніями къ большому Московскому двору; нѣтъ ни одной такой подробности, которая намекала бы на очевидца событія или на близость повѣствователя къ очевидцу. Напротивъ, можно даже думать, что авторъ Повѣсти плохо былъ ознакомленъ съ обстоятельствами смерти царевича и съ произведеннымъ о ней слѣдствіемъ. Въ минуту смерти царевича въ Угличѣ говорили, что

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 50.—Акт Арх. Эксп. II, № 26, № 37, № 48.

²⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 149: въ августѣ 1606 г. Марѳа Нагага послала въ Елецъ съ образомъ царевича Дмитрія брата своего Гр. Фед. Нагаго.

убили его Осипъ Волоховъ, Никита Качаловъ и Данила Битяговскій (сынъ); Михаилъ же Битяговскій, по показанію Михаила и Григорія Нагихъ, пріѣхалъ на царскій дворъ послѣ убійства и въ убійствѣ непосредственнаго участія не принималъ. Если даже и подозрѣвать, что слѣдственное дѣло было поддѣлано во всемъ его составѣ или же въ вѣкоторыхъ его частяхъ, то и въ такомъ случаѣ нѣтъ никакихъ данныхъ полагать, что сочинители дѣла желали освободить Михаила Битяговскаго отъ обвиненія въ томъ, что онъ своими руками убилъ Димитрія. Поэтому мы можемъ думать, что во всякомъ случаѣ М. Битяговскаго во время несчастія съ царевичемъ не было около него. Между тѣмъ, авторъ Повѣсти, не поминая вовсе о сынѣ Битяговскаго и о Волоховѣ, представляетъ дѣло такъ, какъ будто М. Битяговскій лично напалъ на царевича. Съ другой стороны, нашъ авторъ дѣлаетъ въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи явную ошибку: рассказывая о борьбѣ Годунова съ самозванцемъ (съ чѣмъ мы встрѣтимся ниже), онъ мимоходомъ заявляетъ, что для погребенія Димитрія и для слѣдствія въ Угличѣ былъ посланъ съ В. Ив. Шуйскимъ и патріархъ Іовъ. На самомъ же дѣлѣ, въ Угличѣ ѣздилъ не Іовъ, а митрополитъ Геласій ¹⁾. Эти обстоятельства отнимаютъ у насъ возможность отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ разсказу нашей Повѣсти о смерти царевича. Сближеніе Повѣсти съ показаніями слѣдственнаго дѣла можетъ только усилить наше недовѣріе къ Повѣсти. За слѣдственнымъ дѣломъ безспорно остается преимущество большей современности и обстоятельности показаній. Повѣсть противорѣчитъ официальному документу въ томъ, что въ смерти царевича видитъ убійство; она указываетъ и главнаго виновника злодѣяства—Бориса. Но когда авторъ Повѣсти начинаетъ излагать обстоятельства убійства, онъ не сообщаетъ никакихъ доказательствъ того, что произошло убійство, и никакихъ уликъ противъ Бориса Годунова. Онъ воспроизводитъ въ общихъ чертахъ ту же обстановку смерти царевича, какую находимъ и въ слѣдственномъ дѣлѣ. По разсказу Повѣсти, царевичъ былъ раненъ у дворца, когда игралъ „по дѣтскому обычаю“; то же находимъ и въ слѣдственномъ дѣлѣ во многихъ показаніяхъ. По разсказу Повѣсти, рана у царевича была въ горлѣ; въ слѣдственномъ дѣлѣ—то же. Слѣдственное дѣло, какъ и Повѣсть, называетъ М. Битяговскаго и Н. Качалова въ числѣ лицъ, побитыхъ по подозрѣнію въ злодѣяствѣ; но изъ дѣла узнаемъ,

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 21.—Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 60, стр. 121.

что подозрѣвали и убили не только двухъ, но болѣе десяти человекъ. Новостью въ Повѣсти является желаніе Бориса отравить царевича, но въкоторыя показанія привлеченныхъ къ слѣдствію лицъ даютъ ясныя намеки на то, что, по представленію Нагихъ, царевича портили до его смерти помощію какой-то „жоночки уродливой“, ходившей къ царевичу „для потѣхи“¹⁾). Такія предположенія царицы, погубившей жоночку уже два дня спустя послѣ смерти царевича, напоминаютъ нѣсколько намеки Повѣсти на стараніе Бориса тайно извести царевича ядомъ. Если ядъ не привелъ къ цѣли, по свидѣтельству Повѣсти, то и порча жоночки не извела царевича, убитаго ножемъ, по мнѣнію его матери. Какъ бы то ни было, кромѣ этого показанія о ядѣ, наша Повѣсть въ сравненіи со слѣдственнымъ дѣломъ не даетъ ничего новаго относительно внѣшнихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ смерть царевича. Она только утверждаетъ, что смерть произошла отъ убійства по замыслу Бориса Годунова, но на чемъ основано такое утвержденіе объ убійствѣ и винѣ Годунова, авторъ не объясняетъ. Не подкрѣпленное никакими фактами, это утвержденіе автора является голословнымъ, тогда какъ слѣдственное дѣло даетъ массу фактическихъ подробностей и скрѣпляетъ ихъ подписями многихъ свидѣтелей. Поэтому уже своимъ фактическимъ содержаніемъ наша Повѣсть не можетъ опровергнуть слѣдственнаго дѣла; если же мы примемъ во вниманіе крайнюю вражду ея автора къ памяти царя Бориса и его зависимость отъ официальныхъ взглядовъ правительства Шуйскаго въ другихъ частяхъ его Повѣсти, то придемъ къ тому предположенію, что въ данномъ случаѣ авторъ только освѣтилъ съ точки зрѣнія своей партіи тѣ факты, какіе были установлены ранѣе въ свою пользу противною партіей. Такимъ образомъ и здѣсь мы должны принимать его показаніе съ крайнею осмотрительностью, какъ голосъ партіи, которая бросила обвиненіе и, не смотря на его громадную важность, не успѣла собрать никакихъ уликъ и доказательствъ. А срокъ для этого былъ: со времени преступленія прошло уже пятнадцать лѣтъ; свидѣтели были на лицо и служили обвинителямъ.

Большее количество фактовъ собралъ авторъ Повѣсти для того,

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 60, стр. 106—107. — И самованецъ въ одной изъ своихъ грамотъ (Акт. Арх. Эксп. II, № 34) писалъ, что „измѣнники . . . посылали многихъ воровъ и велѣли портити насъ и убити“. Быть можетъ, эти заявленія о порчѣ были верномъ легенды о ядѣ.

чтобы обрисовать преступную и лукавую политику Бориса для захвата царскаго престола. Обвиняя Бориса (и опять голословно) въ смерти царя Θεодора, онъ такъ излагаетъ исторію избранія Годунова въ цари: Борисъ, давно желавшій царства и гадавшій съ астрологами о томъ, получить ли онъ вѣнецъ, заранѣе старался утвердить свое вліяніе въ странѣ. Онъ „прельстилъ“ и боярѣ, и духовенство, и „гостей и всякихъ людей“, кого подарками и „любовью“, кого страхомъ, и никто поэтому не смѣлъ ему противорѣчить „отъ боярѣ и до простыхъ людей“. Послѣ смерти царя Θεодора онъ отправилъ по всему государству своихъ агентовъ, чтобъ они убѣждали народъ избрать Бориса на престолъ. И никто не возражалъ противъ этого: кто былъ сторонникомъ Бориса, кто боялся его мести; а были и такіе, которые боялись посѣять междоусобіе. Народъ, наученный агентами Годунова, просилъ его на царство передъ боярами и предъ „властями“, предъ всѣмъ „царскимъ синелитомъ“. Люди, дѣйствительно достойные занять престолъ, вида „народное изволеніе“ и думая, что любовь народа къ Борису искренняя, не рѣшались выступить его соперниками. Но самъ Борисъ, отказываясь отъ престола, указывалъ на этихъ „достойныхъ“ и ушелъ въ Новодѣвичій монастырь „служить“ своей сестрѣ-царицѣ. Настойчивыя просьбы народа не оставили его и тамъ. Борисъ однако не смѣлъ дать свое согласіе, боясь сестры, которая противилась его избранію, потому что знала его преступленія. Тогда пріятели Бориса „принудили“ народъ просить царицу дать свое согласіе. Народъ просилъ Ирину „по вся дни съ великимъ воплемъ и плачемъ“. А между тѣмъ, вида народное движеніе, люди, достойные занять престолъ, то-есть, великіе бояре, „сродники“ угасшему царскому роду, и въ это время не рѣшались избрать царя „между себѣ“, но отдали дѣло на волю народной массы, потому что „быша и тако при царѣхъ велики и честни и славни“. А тѣ, добавляетъ авторъ, кто и не хотѣлъ Бориса, боялся говорить противъ него, зная его нравъ. Народъ, принужденный „рачителями“ Бориса, долго проливалъ невольныя и неискреннія слезы, стоя „на площади“ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; „бояре же и вельможи“ „предстояли“ Иринѣ въ ея келіи. Наконецъ, благодаря добротамъ Бориса, Ирина убѣдилась въ искреннемъ желаніи народа имѣть царемъ Бориса. Она согласилась благословить на царство брата; но самъ Борисъ упорно отказывался, желая, чтобы его просили какъ можно болѣе. И тогда, вида народное желаніе и понуждаемый сторонниками Бориса, патриархъ Іовъ съ крестнымъ ходомъ пошелъ

просить Бориса на царство. Борисъ, какъ бы „устрашась“ пришествія въ нему образа Богоматери, согласился и принялъ скипетръ. Во время же своего царствованія онъ старался укрѣпить престолъ своему потомству и поэтому гналъ и искоренялъ „царскій родъ“, то-есть, вельможъ, родственниковъ угасшей династіи царя Θεодора.

Въ такой послѣдовательности фактовъ авторъ Повѣсти передаетъ избраніе Бориса въ царя. Вчитываясь въ эти строки Повѣсти, мы замѣчаемъ въ нихъ нѣкоторыя фактическія неточности и внутреннія несообразности. Прежде всего, авторъ ни слова не говоритъ о томъ, что избраніе Бориса совершенно земскимъ соборомъ, отъ котораго до насъ дошло и много частныхъ свидѣтельствъ, и официальные документы. По изображенію автора, Годунова избрало въ цари населеніе одной Москвы подъ вліяніемъ агентовъ Бориса. Хотя авторъ и упоминаетъ, что Борисъ посылалъ своихъ „злосовѣтниковъ и рачителей“ „по всѣмъ градомъ“, а не по одной Москвѣ, просить его на царство; хотя авторъ и говоритъ, что Бориса просило на царство „всенародное множество“; но городскихъ выборныхъ въ его повѣствованіи не видно, а подъ терминомъ „всенародное множество“ мы не имѣемъ права разумѣть земскаго собора, потому что земскій соборъ сошелся уже тогда, когда Борисъ былъ въ монастырѣ, а „всенародное множество“, по разсказу автора, просило Бориса еще до отъѣзда его къ царицѣ Иринѣ. Далѣе, по представленію автора, Ирина согласилась на избраніе Бориса не въ одинъ день съ Борисомъ: ея согласіе было получено избирателями до крестнаго хода патріарха Іова. Между тѣмъ по избирательной грамотѣ царя Бориса, которая подробно, день за днемъ, передаетъ обстоятельства избранія, дѣло происходило иначе: царица Ирина, какъ и самъ Борисъ, согласились на народную просьбу только 21-го февраля 1598 года ¹⁾. Такія неточности въ передачѣ фактовъ сопровождаются у нашего автора внутренними противорѣчіями и нѣкоторою спутанностью изложенія. Любопытно сопоставить въ разсказѣ Повѣсти тѣ мѣста, гдѣ говорится объ участіи „бояръ и вельможъ“ въ избраніи Бориса. Сперва авторъ заявляетъ, что Годуновъ то лаской, то угрозами подчинилъ себѣ и бояръ, и всѣхъ прочихъ людей, и „не смѣяше никто вопреки ему глаголати отъ бояръ и до простыхъ людей“ ²⁾. Такъ было до смерти царя Θεодора. Когда же умеръ Θεодоръ и Борисъ началъ добиваться

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 7, стр. 28—30.

²⁾ Ин. Сказ., стр. 7.

избранія въ цари, опять по разнымъ побужденіямъ и простые люди и бояре „никто не смѣя противу его речи“. Въ то же время, когда простой народъ предъ вельможами молилъ Годунова принять престоль, люди, достойные царства, то-есть, вельможи, сродные царю Феодору, не рѣшались поставить себя кандидатами на царство уже не страха ради, а потому, что считали мольбы народа искренними; исходящими „отъ истинныя сердечныя любви“ къ Борису. Точно такъ же, когда народъ сталъ молить Ирину благословить брата на царство, и тогда достойные царства вельможи не стали мѣшаться въ это избраніе. Но мотивъ въ этомъ случаѣ авторъ указываетъ иной: сродные царямъ бояре „быша и тако при царѣхъ велики и честни и славни не токмо въ великой Русіи, но и въ иныхъ дальнихъ странахъ“. Наконецъ, когда авторъ повѣствуетъ о согласіи Ирины и о сценахъ народнаго плача въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, онъ сообщаетъ, что въ народныхъ просьбахъ участвовали и бояре, и вельможи: одни изъ нихъ „предстояли“ Иринѣ въ келіи, другіе стояли на крыльцѣ кельи. Тѣ, которые предстояли въ келіи, просили Ирину „преклонити ушеса и внимати къ моленію народному“. Читатель Повѣсти вправдѣ думаетъ, что авторъ ведетъ здѣсь рѣчь о всѣхъ боярахъ; но нѣсколькими строками ниже оказывается, что и въ кельѣ, и на крыльцѣ распоряжались Борисовы рачители. Они подавали изъ кельи условные знаки для того, чтобы народъ зналъ, когда слѣдуетъ вопить и плакать. Стало быть, если въ кельѣ царицы Ирины и присутствовали чуждые Борису и достойные царства бояре, то они, по прямому смыслу Повѣсти, были нѣмыми свидѣтелями наглаго обмана. Но эти нѣмые свидѣтели не были ничтожны въ глазахъ Бориса: онъ боялся, что они будутъ держать на него гнѣвъ и будутъ его поносить за то, что онъ самъ взялъ скипетръ. Именно поэтому онъ такъ упорно отказывался отъ царства: онъ желалъ, чтобы всѣ видѣли, что онъ сталъ царемъ по просьбѣ народа, а не самовольно.

Итакъ, съ одной стороны, бояре запуганы Борисомъ, они не смѣютъ говорить противъ него, они присутствуютъ молча при обманѣ царицы Ирины. Съ другой стороны, они потому только не избираютъ цари между себя, что и такъ велики и славны; они не сопротивляются народному избранію, потому что считаютъ народную любовь къ Борису искреннею; самъ Борисъ боится ихъ гнѣва и укора. Помирить такія противорѣчія Повѣсти можно лишь искусственными толкованіями изложенныхъ мѣстъ. И во всякомъ случаѣ легче объяснить эти противорѣчія, чѣмъ слить ихъ въ цѣльное представленіе. Автору на-

добно было показать чрезмѣрную силу и вліяніе Бориса и въ то же время не уронить авторитета тѣхъ лицъ, которыя были при избраніи Бориса и сохраняли свое высокое положеніе и въ 1606 году, когда была писана Повѣсть. Среди боярѣ, достойныхъ царства и уступившихъ его Борису въ 1598 году, авторъ, конечно, разумѣетъ родъ Шуйскихъ и царя Василя. Показать читателю ничтожество и страхъ Василя Шуйскаго предъ Борпсомъ для нашего автора было не возможно при его отношеніи къ царю Василю. Поэтому, какъ намъ кажется, и явились въ разсказѣ автора подробности о боярахъ, вѣрившихъ чистотѣ народной любви къ Борису и не стремившихся къ престолу, потому что и безъ царскаго вѣнца они были велики и славны. Не могъ, конечно, авторъ Повѣсти отнестись свободно и къ личности патріарха Іова, который извѣстенъ, какъ почитатель Бориса. Патріархъ Іовъ, сверженный и опозоренный при самозванцѣ, со вступленіемъ на престолъ Василя Шуйскаго сталъ снова пользоваться почетомъ. Сохранилось отъ начала XVII вѣка извѣстіе, что по сверженіи Игнатія Іовъ не возвратился на патріаршество, потому что ослѣпъ ¹⁾, стало быть, у современниковъ была мысль даже о возвращеніи Іова на престолъ. Въ началѣ 1607 года правительство Шуйскаго и патріархъ Гермогенъ съ большимъ почетомъ приняли Іова въ Москвѣ ²⁾. Ясно, такимъ образомъ, что Іовъ, оставаясь не у дѣлъ, былъ при Василю Шуйскомъ весьма почетнымъ лицомъ. Участіе Іова въ избраніи Бориса Годунова на основаніи официальной избирательной грамоты представляется весьма дѣятельнымъ: патріархъ руководилъ всѣмъ въ дѣлѣ избранія царя. Но авторъ Повѣсти, представляя избраніе Бориса нечистымъ дѣломъ его партіи, оставляетъ патріарха въ сторонѣ и отводитъ ему пассивную роль: Іовъ вмѣшивается въ дѣло избранія только тогда, когда убѣждается въ непремѣнномъ желаніи народа имѣть царемъ Бориса ³⁾. Къ тому же,

¹⁾ Изборникъ А. Н. Попова, стр. 194.—Сказанія Массы и Германа. С.-Пб. 1874, стр. 240.

²⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 67.

³⁾ Нужно замѣтить, что въ обоихъ дошедшихъ до насъ спискахъ Инаго Сказанія, какъ кажется, есть пропускъ въ повѣствованіи о патріархѣ Іовѣ. Этотъ пропускъ возстановляется по тексту издавнаго А. Н. Поповымъ хронографа 3-й редакціи (Изборникъ, стр. 216). Въ Иномъ Сказаніи (стр. 9) читаемъ: „Таже видя сіа патріархъ народное усердіе и тцаніе къ Борису, паче всѣхъ сущихъ возлюбиха Бориса на государство; къ сему же еще Борисовыми рачители и доброты къ моленію понуженъ бываесть патріархъ Іевъ; патріархъ же

одновременно съ внутренними побужденіями, Іовъ „понуженъ“ былъ и со стороны доброхотовъ Годунова. Тогда только патріархъ съ крестнымъ ходомъ идетъ къ Борису, и Борисъ сразу соглашается на избраніе. Такое осторожное отношеніе нашего автора къ личности и поступкамъ патріарха приводитъ его къ фактическому разногласію съ официальными данными и кажется на первый взглядъ очень страннымъ. Въ ученыхъ трудахъ мы привыкли при описаніяхъ воцаренія Бориса видѣть на первомъ мѣстѣ патріарха Іова и слышать нападки на его поведеніе въ дѣлѣ избранія Годунова ¹⁾. Патріархъ Іовъ съ полнымъ основаніемъ признается доброхотомъ Бориса всѣми учеными изслѣдователями ²⁾, а между тѣмъ современникъ Бориса, настроенный противъ него болѣе всѣхъ лѣтописателей XVII вѣка, ставитъ патріарха Іова въ сторонѣ отъ Бориса и представляетъ его жертвою интриги, устроенной Борисомъ. Чѣмъ иначе объяснить эту странность, какъ не внѣшними обстоятельствами, при которыхъ писалъ нашъ авторъ? Патріархъ Іовъ былъ тогда живъ, и его личность нельзя было тронуть съ такою легкостью, какъ личности Годунова и самозванца.

Такимъ образомъ разсмотрѣніе разсказа автора о воцареніи Бориса Годунова показываетъ намъ прежде всего фактическія разногласія его съ официальными данными, заключающимися въ избирательной грамотѣ Бориса. Хотя критическая оцѣнка данныхъ этой грамоты не входитъ въ нашу задачу, тѣмъ не менѣе мы, кажется, вправѣ сказать, что грамота въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можетъ служить для справокъ къ нашей Повѣсти. Грамота гораздо точнѣе и полнѣе передаетъ внѣшнія обстоятельства избранія, чѣмъ какой-либо другой источ-

со всѣмъ освященнымъ соборомъ приѣмлетъ икону. . . .“ и т. д. Въ хронографѣ же это мѣсто читается такъ: „Также видя вся патріархъ народное усердіе и бояръ и велможъ никому о семъ не пререкающе, и ниято на се не поступаетъ, но вси народомъ тшутся о царскомъ избраніи и яко вси усердно возлюбиха Бориса на царство, къ сему же еще и Борисовыми рачители и доброхоты къ моленію понуженъ бываетъ патріархъ Іевъ. Патріархъ же Іевъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ приѣмлютъ икону. . . .“

¹⁾ Для примѣра сошлемся на труды: *И. Д. Бялева* Земскіе соборы на Руси въ *Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* 1866—1867 гг., № 4, и *Н. И. Костомарова* Смутное время Московскаго государства, т. I. Названные изслѣдователи подвергаютъ очень строгой критикѣ дѣйствія Іова въ 1598 году.

²⁾ Въ духовной грамотѣ самого Іова находимъ убѣдительныя доказательства преданности его Борису Годунову (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 82.—Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, VI, № 5).

никъ. Поэтому изслѣдователи обыкновенно излагаютъ ходъ избранія Бориса, руководясь именно грамотой, и только дополняютъ свой рассказъ показаніями сказаній, въ томъ числѣ и нашей Повѣсти. Изображая факты вступленія Бориса на престолъ совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ грамота, наша Повѣсть при всей спутанности и внутреннихъ противорѣчіяхъ, даетъ рядъ показаній, которыя не содержатся въ грамотѣ и не допускаютъ повѣрки помощью надежныхъ источниковъ: таковы, напримѣръ, свидѣтельства о подкупахъ и застрачиваніи со стороны Бориса и его клеветовъ, о принудительномъ собираніи народа подъ Новодѣвичій монастырь, о штрафахъ и побояхъ, которыми подвергались москвичи за то, что не обнаруживали преданности Борису. Подобныя извѣстія возможно найти лишь у нѣкоторыхъ иностранцевъ-современниковъ (Буссовъ, Маржеретъ, Масса), но сказанія иностранцевъ сами нуждаются въ повѣркѣ. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мы можемъ только указать на оригинальныя показанія Повѣсти, но не имѣемъ возможности ихъ оцѣнить иначе, какъ съ нашей общей точки зрѣнія на всю разбираемую Повѣсть. Если видѣть въ Повѣсти голосъ партіи, а не объективное свидѣтельство о бывшемъ, то пользоваться данными Повѣсти о поведеніи враждебной автору стороны можно лишь съ большою осторожностью.

Переходимъ къ тѣмъ даннымъ нашей Повѣсти, которыя поясняютъ біографію Григорія Отрепьева до его бѣгства въ Литву. Рассказъ Повѣсти о самозванцѣ до его похода на Москву распадается на двѣ части: въ первой авторъ описываетъ жизнь Отрепьева до побѣга за рубежъ въ Литву и говоритъ отъ своего лица; во второй авторъ помѣщаетъ „Извѣтъ“ Варлаама и отъ себя къ нему не прибавляетъ ничего. Въ той части, гдѣ авторъ говоритъ отъ себя, онъ сообщаетъ, что Юшка (Юрій) или въ монашествѣ Григорій Яковлевъ Отрепьевъ происходилъ изъ Галича „отъ младня чади“, какъ и самъ Борисъ Годуновъ ¹⁾. Онъ былъ наученъ дома матерью Св. Писанію,

¹⁾ Этотъ явительный намекъ автора на неродовитое происхожденіе Годуновыхъ, сдѣланный съ цѣлью поставить Бориса на одну доску съ Грешкой, привелъ Карамзина къ недоразумѣнію. Въ Повѣсти читаемъ: (Богъ попустилъ на Бориса) „Отрепьева родомъ Россійскія же области града зовомаго Галича отъ младя чади Юшку Яковлева сына Отрепьева, яковъ самъ той святоубійца Борисъ Годуновъ“. (Ин. Сказ., стр. 10. Мы цитируемъ по рукописи Имп. Публ. Библиотеки, Погодинск. № 1503, л. 258 об.). Карамзинъ относительно мѣстоименіе „яковъ“ принялъ за имя собственное и замѣтилъ (Ист. Рос. Росс., XI, прим. 194), что „отецъ Разстригинъ назывался Яковомъ, какъ и самъ Го-

затѣмъ ушелъ въ Москву, гдѣ встрѣтился съ игуменомъ Хлыповскаго Успенскаго монастыря Трифономъ ¹⁾. Трифонъ уговорилъ Юрія постричься въ монашество, и Юрій былъ постриженъ (гдѣ именно, не указывается) 14 лѣтъ отъ роду съ именемъ Григорія. Послѣ постриженія Григорій ушелъ изъ Москвы въ Суздаль въ Спасо-Евфимьевскій монастырь, оттуда перешелъ „въ томъ же уѣздѣ“ въ Кукоцкій („на Куксѣ“) Спасовъ монастырь, бывалъ и въ другихъ монастыряхъ и, наконецъ, вернулся снова въ Москву, гдѣ и основался въ Чудовѣ монастырѣ. По „произволенію“ архимандрита Чудовскаго Пафнутія ²⁾ Григорій былъ посвященъ въ діаконъ патриархомъ Іовомъ. Послѣ этого онъ началъ вникать „въ премудрости богомерзкихъ книгъ“ и впалъ въ ересь; въ то же время, живи въ Москвѣ, онъ сталъ извѣстенъ многимъ мірянамъ и духовнымъ людямъ. Изъ Чудова Григорій ушелъ къ Николѣ на Угрѣшу, а спустя немного времени въ Костромской уѣздъ въ монастырь Іоанна Предтечи на Желѣзномъ Борку. Оттуда онъ снова вернулся въ Москву, а изъ Москвы убѣжалъ въ Литву съ черпцами Мисаиломъ Повадичнымъ и Варлаамомъ.

Сличая это повѣствованіе съ другими историческими документами, говорящими о походеніяхъ Отрепьева на Русь, мы приходимъ къ убѣжденію, что рассказъ нашего автора отличается отъ всѣхъ другихъ официальныхъ и частныхъ повѣствованій. Написанный въ годъ смерти самозванца, онъ имѣетъ поэтому большую важность. Кромѣ того, важенъ онъ и своею подробностью. Въ большинствѣ русскихъ сказаній (не говоря уже объ иностранныхъ) происхожденіе и первые годы Отрепьева описываются весьма кратко. Только наша Повѣсть, Новый Лѣтописецъ и легендарное „Сказаніе, еже содѣяся...“ даютъ больше матеріала, далеко не одинаковаго, иногда даже противорѣчиваго ³⁾. Нѣсколько подробностей, и согласныхъ, и несоглас-

дуновъ“. Въ этомъ усумнился уже Арцыбышевъ (Пов. о Россіи, т. III, прим. 448). И дѣйствительно, ни грамматическій строй, ни логическій смыслъ рѣчи нашей Повѣсти не позволяютъ читать это мѣсто, какъ читалъ Карамзинъ.

¹⁾ Игуменъ Трифонъ (святый) въ то время существовалъ дѣйствительно. *Строева* Списки Іерарховъ, ст. 802.—Житіе преп. Трифона. Казань. 1868.—*Н. Ш. Барсукова* „Источники русской агиографіи“, ст. 560.

²⁾ Архимандритъ Пафнутій (впоследствии митропол. Сарскій) въ то время существовалъ дѣйствительно. *Строева* Списки Іерарховъ, ст. 163. Его урочастъ Авр. Палицынъ въ томъ, что онъ, зная Отрепьева, свидѣтельствовалъ о немъ, какъ объ истинномъ царевичѣ (Сказаніе, изд. 2, стр. 25).

³⁾ Новый Лѣтописецъ въ Ник. Лѣт. VIII, 54, и Лѣт. о многихъ мнѣжахъ, изд. 2, 72.—„Сказаніе, еже содѣяся...“ въ *Чт. М. Общ. Ист. и Др.* 1846—7 гг.,

ныхъ съ нашею Повѣстью, можно найдти и въ официальныхъ актахъ времени Бориса Годунова и Василия Шуйскаго. Онѣ отчасти дополняютъ данныя Повѣсти, отчасти сходятся съ нею, иногда же противорѣчатъ ей; но рѣдкій официальный актъ можетъ сравниться съ Повѣстью количествомъ свѣдѣній о первоначальныхъ похожденияхъ Отрепьева ¹⁾. Поэтому намъ кажется, что Повѣсть въ этихъ своихъ показаніяхъ объ Отрепьевѣ должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ среди прочихъ источниковъ. Если она и уступаетъ Новому Лѣтописцу въ обилии второстепенныхъ подробностей, то за нею остается преимущество большей простоты разсказа.

Въ заключеніе укажемъ на тѣ мѣста Повѣсти, гдѣ говорится о смерти царя Бориса и гибели его семейства. Видя успѣхи самозванца, Борисъ думалъ отворотить отъ него народную симпатію тѣмъ, что заставилъ патріарха Іова и Василия Шуйскаго всенародно свидѣтельствовать о смерти царевича Димитрія въ Угличѣ. Онѣ выбрали именно этихъ лицъ потому, что они, какъ думаетъ авторъ, были посланы царемъ Ѳеодоромъ „къ досмотру и погребенію“ Димитрія послѣ его смерти (мы уже видѣли, что авторъ дѣлаетъ здѣсь большую ошибку: Іовъ не былъ посланъ въ Угличъ). Народъ однако не вѣрилъ ни патріарху, ни Шуйскому, думая, что они говорятъ по припущенію Бориса. Не помогло Борису и то, что онѣ „уоставилъ“ царевичу въ соборной церкви „вѣчную память кликати“, а Гришку Отрепьева проклинять. На эту мѣру въ народѣ отзывались, что еслибы Борисъ такъ не утверждалъ и не дѣлалъ, то ему слѣдовало бы прямо отказаться отъ царства и спасать свою жизнь. Было и другое мнѣніе, будто Борисъ искренно думаетъ, что царевичъ мертвъ и что противникъ Бориса—самозванецъ; на самомъ же дѣлѣ царевичъ предумыслительно былъ замѣненъ другимъ ребенкомъ, который и былъ убитъ вмѣсто Димитрія; Димитрій же росъ не въ Угличѣ и теперь, какъ истинный царь, идетъ къ Москвѣ. Вѣря въ идущаго на Москву Лжедимитрія, москвичи желали ему удачи и явно выражали ему свое сочувствіе. Борисъ жестоко наказывалъ тѣхъ, кого уличалъ въ распространеніи выгодныхъ для самозванца слуховъ; но это не повело ни къ чему: вѣра въ самозванца не исчезала. Тогда, видя воен-

IX, и отдѣльно. Указанія нѣкоторыхъ противорѣчій находимъ у Костомарова („Кто былъ первый Лжедимитрій?“, стр. 24 и слѣд.).

¹⁾ Важнѣйшіе акты, говорящіе объ Отрепьевѣ до его перехода въ Польшу, слѣдующіе: Собр. Гос. Гр. и Д., II, № 152. — *Щербатова Ист. Росс.*, т. VII, ч. 3, № 24.—Акт. Арх. Эксп. II, № 28.—Доп. къ Акт. Ист. I, № 151.

ные успѣхи ложнаго царевича и чувствуя, что народъ на его сторону, Борисъ впалъ въ отчаяніе и отравился. Передъ смертію онъ принялъ постриженіе съ именемъ Боголѣпа. Отъ яда тѣло его и лицо почернѣло, какъ уголь, и было изломано, то-есть сведено судорогой. По смерти Бориса, съ приближеніемъ самозванца къ Москвѣ, жена Бориса и сынъ Федоръ были умерщвлены по приказу Лжедмитрія, а дочь оставлена въ живыхъ для утѣхи самозванца. При вступленіи Лжедмитрія въ Москву тѣло Бориса было извлечено „на сонмище“ и поругано, послѣ чего Годуновыхъ погребли въ убогомъ Варсонофьевскомъ монастырѣ ¹⁾.

Въ этомъ разсказѣ любопытны двѣ подробности: о самоубійствѣ Бориса и о судьбѣ его дочери. Далеко не всѣ послѣдующіе сказатели о смутномъ времени раздѣляютъ мнѣніе Повѣсти о самоубійствѣ царя Бориса. Писатели, принадлежавшіе къ придворному кругу, своими глазами видѣвшіе Бориса и мало расположенные къ нему, князь С. И. Шаховской, И. М. Катыревъ-Ростовскій и И. А. Хворостининъ одинаково говорятъ о естественной смерти Бориса ²⁾. То же свидѣтельствуешь и Авраамій Палицынъ. Новый Лѣтописецъ, богатый свѣдѣніями и точный въ своихъ показаніяхъ, смерть Бориса также считаетъ естественною ³⁾. Что касается до современниковъ-иностранцевъ, то и они не вѣрять Борисову самоубійству ⁴⁾. Такимъ образомъ, сопоставляя разнорѣчивыя показанія источниковъ, приходимъ къ тому заключенію, что весьма цѣнные источники противорѣчатъ нашей Повѣсти. Извѣстіе о самоубійствѣ Бориса не подкрѣпляется и историческими фактами, при которыхъ произошла смерть Годунова. Сображая, были ли достаточныя основанія для того, чтобы Борисъ могъ упасть въ отчаяніе и рѣшиться на самоубійство, наши изслѣдователи приходятъ къ отрицательному выводу и не вѣрятъ,

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 21—23, 29—30. День смерти Бориса въ Повѣсти указанъ 13-го апрѣля, согласно съ оѣциальною грамотой (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 83), съ показаніемъ Маржерета (23-го апрѣля по новому стилю. „Сказ. современниковъ о Дмитріи самозванцѣ“, изд. 3-е, ч. I, стр. 295) и разрядной книгой Столяра (Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 327). Но одна изъ надписей въ Троице-Сергіевой лаврѣ день смерти Бориса показываетъ 1-го мая (Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XVI, стр. 317).

²⁾ Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 290.—Ркп. Имп. Публ. Библиотеки, Q. IV. 172, л. 4 об.—Ркп. Моск. Дух. Акад. № 213, л. 290.

³⁾ Ник. Лѣт. VIII, 64.—Авр. Палицына Сказаніе, изд. 2, стр. 23.

⁴⁾ Сказанія Массы и Геркмана. С.-Пб. 1874, стр. 136 и примѣчаніе.

что Борисъ умеръ отъ яда ¹⁾. Въ виду этихъ обстоятельствъ, съ полнымъ правомъ можно отвергать показаніе нашей Повѣсти о самоотравленіи Бориса. Въ этомъ показаніи легко усмотрѣть простой слухъ, ходившій по Москвѣ въ 1605 году и вызванный, очевидно, тѣмъ, что Борисъ умеръ внезапно, безъ долгой болѣзни. Но отвергая главное показаніе автора, не имѣемъ основаній отвергать любопытныя частности, къ нему относящіяся. По разсказу Повѣсти, Борисъ пришелъ въ отчаяніе вслѣдствіе военныхъ неудачъ и недовѣрія къ нему народа, ожидавшаго съ нетерпѣніемъ прихода въ Москву самозванца. Военныя дѣйствія того времени мы можемъ прослѣдить по другимъ источникамъ; но построеніе умовъ въ Москвѣ, которое авторъ рисуетъ очень живо въ цѣльной картинѣ, восстанавливается труднѣе. Показанія автора въ этомъ отношеніи очень цѣнны и занимаютъ видное мѣсто среди показаній другихъ современниковъ. Нѣтъ никакихъ даннѣхъ думать, что автору Повѣсти необходимо было сочинить въ этомъ случаѣ небылицу. Всею своею Повѣстью онъ хотѣлъ вызвать и укрѣпить довѣріе народа къ Шуйскому; къ этой цѣли врядъ ли могло вести изображеніе того, какъ народное недовѣріе привело Бориса къ скорой гибели.

Извѣстіе нашей Повѣсти о печальной судьбѣ царевны Ксеніи, взятой Лжедмитріемъ для гнусныхъ цѣлей, подтверждается, помимо нѣкоторыхъ писателей-современниковъ, и одною данною въ перепискѣ самозванца съ Юріемъ Мнишкомъ: въ декабрѣ 1605 года этотъ послѣдній просилъ Лжедмитрія удалить отъ себя „царевну Борисову дочь“ ²⁾. Въ Повѣсти извѣстіе о Ксеніи появилось тогда, когда Ксенія была еще жива и когда о ней еще помнили въ Москвѣ. Трудно допустить, чтобы авторъ безъ достаточнаго основанія рѣшился пабросить тѣнь на ея имя; точно также и Мнишекъ не сдѣлалъ бы Лжедмитрію

¹⁾ Карамзина Ист. Гос. Росс. XI, изд. 5-е, стр. 105. — Бутурлина Ист. смутн. времени, т. I, стр. 121. — Соловьева Ист. Россіи VIII, изд. 1873 г., стр. 101. — Костомарова Русск. ист. въ жизнеописаніяхъ, изд. 2-е, т. I, стр. 624—625.

²⁾ Нужно, впрочемъ, замѣтить, что далеко не всѣ русскіе сказатели говорятъ о судьбѣ Ксеніи. Изъ самостоятельныхъ писателей встрѣчаемъ упоминаніе объ этомъ у Катыврева-Ростовскаго (Изборникъ А. П. Попова, стр. 292) и Шаховскаго (ржп. Моск. Дух. Академіи № 213, з. 291). Въ иностранныхъ сказаніяхъ находимъ у Буссова (Regum Ross. Scriptores exteri, I, p. 35), Петрея (ibid. I, 177), Массы (Сказанія Массы и Геркмана, стр. 171). См. также *Adelung's Uebersicht der Reisenden in Russland*, II, 224. — Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 112.

своего предостереженія, еслибы не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что Ксенія живетъ при самозванцѣ.

Если мы упомянемъ еще о нѣкоторыхъ мелкихъ, но любопытныхъ подробностяхъ, которыя являются въ нашей Повѣсти недоступными для провѣрки, и источника которыхъ указать нѣтъ возможности, то этимъ содержаніе памятника будетъ исчерпано. Къ числу такихъ подробностей относимъ мы рассказъ о томъ, что Борисъ собиралъ волхвовъ и гадалъ, будетъ ли онъ царемъ; ¹⁾ затѣмъ рассказъ о томъ, что Лжедмитрій послѣ пораженія при Добрыничахъ думалъ бѣжать въ Литву, но не былъ отпущенъ жителями Украйны, которые рѣшились или погибнуть съ самозванцемъ или посадить его на Москвѣ: они боялись, что Борисъ расправится съ ними за измѣну такъ же жестоко, какъ съ жителями Комарицкой волости. Далѣе, упомянемъ о томъ извѣстїи автора, что самозванецъ велъ съ собою до Путивля старца Леонида, котораго и показывалъ всѣмъ за Григорія Отрепьева; въ Путивлѣ же за какую-то вину этотъ Леонидъ былъ посаженъ въ тюрьму. Любопытны въ Повѣсти подробности несостоявшейся казни В. И. Шуйскаго при Лжедмитріи и сообщеніе объ „адѣ“, построенномъ для потѣхи Лжедмитрія на Москвѣ-рѣкѣ. Наконецъ, не лишены значенія для характеристики народнаго настроенія въ Москвѣ рассказы о тѣхъ видѣніяхъ, какія были по ночамъ надъ трупомъ самозванца, и о тѣхъ рѣзкихъ измѣненіяхъ погоды, какія случились въ маѣ 1606 г. и были поставлены въ связь съ сверженіемъ и убїеніемъ еретика Лжедмитрія ²⁾.

Итакъ, разборъ первой части Инаго Сказанія показалъ намъ, что въ Иное Сказаніе включена въ цѣломъ видѣ самостоятельная Повѣсть, составленная не позднѣе лѣта 1606 г. монахомъ Троице-Сергіева монастыря. Повѣстную о времени Бориса Годунова и Лжедмитрія, Повѣсть имѣетъ цѣлю успокоить взволнованные умы Московскихъ людей и укрѣпить положеніе только что возникшаго правительства Шуйскаго. Преданный царю Василю авторъ Повѣсти основываетъ свой рассказъ на официальныхъ источникахъ, обнаруженныхъ Шуйскимъ, усваиваетъ взгляды В. И. Шуйскаго и излагаетъ событія въ

¹⁾ Нужно замѣтить, что еще въ 1605 году шелъ слухъ о волхвахъ, „которыхъ у себя Борясъ держалъ“ (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 96, стр. 214). Но цитируемую здѣсь грамоту врядъ ли можно считать источникомъ нашей Повѣсти.

²⁾ Ин. Сказ., стр. 6, 20—21, 28, 30, 32 и 31. Объ „адѣ“ Масса отзывается, что это—потѣшная крѣпость (Сказанія Массы и Германа, стр. 210).

интересахъ и съ точки зрѣнія правительства Шуйскаго. Въ виду этого Повѣсть 1606 года получаетъ характеръ пристрастнаго публицистическаго произведенія и не можетъ считаться объективной лѣтописью событій. Тамъ, гдѣ Повѣсть сходится своимъ содержаніемъ съ грамотами В. Шуйскаго, повѣрка ея показаній естественно должна переходить въ критику официальныхъ сообщеній В. Шуйскаго. Самостоятельныя же сообщенія Повѣсти, насколько они допускаютъ оцѣнку съ помощью другихъ источниковъ, являются въ большинствѣ пристрастнымъ, въ пользу Шуйскаго, изложеніемъ событій. Поэтому историческая цѣнность разбираемаго памятника должна опредѣляться не столько его фактическимъ богатствомъ, сколько тѣми взглядами, съ которыми выступаетъ передъ нами авторъ и которые характеризуютъ настроеніе и взгляды партіи В. Шуйскаго въ первое время его правленія. Историкъ долженъ крайне осторожно пользоваться фактическими данными Повѣсти именно потому, что въ ней скрывается партійная односторонность. Для фактической исторіи Повѣсть можетъ служить лишь тѣми показаніями, за которыми изслѣдованіе не откроетъ партійной тенденціи (таковы, напримѣръ, показанія о первыхъ походахъ Отрепьева, хронологическія данныя и т. д.). За то отзывы и взгляды автора, обусловленные его приверженностью къ В. Шуйскому, даютъ богатый матеріалъ для сужденій о томъ, какъ была настроена, что говорила и думала извѣстная часть Московскаго общества, шедшая за В. И. Шуйскимъ. Съ этой точки зрѣнія разбираемая Повѣсть имѣетъ большое историко-литературное значеніе.

Въ письменности XVII вѣка Повѣсть 1606 года стала, какъ мы уже сказали, весьма популярна. Въ полномъ своемъ составѣ она, какъ можно судить по малочисленности списковъ, переписывалась рѣдко. Гораздо чаще встрѣчается она въ сокращенной передѣлкѣ, извѣстной въ рукописяхъ подъ названіемъ: „Повѣсть, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ“ и т. д. Съ другой стороны, съ небольшими измѣненіями рассказъ Инаго Сказанія о смерти царевича Дмитрія легъ въ основу житія царевича, внесеннаго въ извѣстныя Минеи Г. Тулупова. Наконецъ, большая часть первоначальнаго текста Повѣсти перенесена въ Хронографы такъ называемой 3-й редакціи и въ этомъ видѣ сохранилась во множествѣ списковъ.

Прежде чѣмъ перейти къ обзору дальнѣйшихъ частей Инаго Сказанія, мы остановимся на сокращенной передѣлкѣ нашей Повѣсти и на упомянутомъ нами житіи царевича Дмитрія.

Повѣсть, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ¹⁾, представляетъ собою сокращеніе первой части Инаго Сказанія съ нѣкоторыми вставками. Въ ней мы уже не встрѣчаемъ того извѣстія, что Повѣсть составлена въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ; но въ ней уцѣлѣли послѣсловіе и многія черты, указывавшія на время составленія пространной Повѣсти. Въ частностяхъ содержанія сокращенная Повѣсть различается отъ первоначальной слѣдующими сокращеніями и вставками:

а) Сокращено описаніе смерти царя Іоанна Грознаго и иначе переданъ отъѣздъ царевича Димитрія въ Угличъ: по сокращенной Повѣсти Димитрій былъ Ѳеодоромъ, „отпущенъ“ на удѣлъ, а по первоначальной „отогнанъ“ (неизвѣстно, кѣмъ) и терпѣлъ тамъ притѣсненія.

б) Послѣ извѣстія первоначальной Повѣсти объ опалѣ Шуйскихъ въ сокращенной редакціи внесена вставка о волхвованіи Бориса, которымъ онъ привлекъ къ себѣ любовь царя Ѳеодора и достигъ полной власти въ государствѣ. Определить происхожденіе этой вставки на основаніи имѣющихся у насъ текстовъ нѣтъ возможности²⁾.

¹⁾ 1) Сборникъ Имп. Публ. Библіотеки О. IV. 17, въ 8-ю долю, XVII в., скоропись, 554 лл., на лл. 400—434 (Рукопись эта принадлежала А. И. Ермолаеву и перешла къ Н. М. Карамзину, который много разъ цитировалъ Повѣсть по этому именно списку. См. Ист. Гос. Росс. XI, прим. 194 и др. Этимъ же спискомъ пользовался и С. М. Соловьевъ. См. Пет. Россія, VII, прим. 80). 2) Сборникъ Имп. Публ. Библіотеки Q. IV. 144, въ 4-ю долю, XVII в., скоропись, на 294 лл., лл. 264—294 (Изъ собранія гр. Ѳ. А. Толстова, Отд. II, № 438). 3) Сборникъ Моск. Публ. Музея № 1516, въ 4-ю долю, XVII в., скоропись, на 517 лл., л. 439 об.—493. 4) Сборникъ Моск. Публ. Музея № 2529, XVIII в., въ 4-ю долю, на 461 лл., скоропись, на л. 326—386 (списокъ съ посторонними вставками). 5) Въ хронографѣ Имп. С.-Петербургскаго Университета (безъ №), въ 4-ю долю, XVII в., скоропись. 6) Въ списокѣ И. П. Сахарова, писанъ въ листъ рукою Сахарова и съ его замѣчаніями о самой Повѣсти,—на 11-ти листахъ; принадлежитъ И. А. Шляпкину.

²⁾ Приводимъ эту вставку здѣсь. Послѣ словъ первоначальной Повѣсти (Ин. Сказ., стр. 4): „...многихъ отъ вельможъ различнымъ смертемъ предасть, ихъ же число Богъ вѣсть“,—слѣдуетъ вставка сокращенной Повѣсти: „Изъ многихъ городовъ Россійскія области собираша многихъ волхвовъ и кудесниковъ, и тѣмъ волшебствомъ и прелестію сотворилъ себѣ, яко и самъ царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Русіи любяще его. Онъ же наводдаше на многихъ вельможъ и на князей лживыми словесы. Государь царь во всемъ вѣряще ему, живущей въ немъ прелести невѣдающе, понеже бо царь государь во всемъ вѣротеленъ и приведенъ и безлобивъ и благочестивъ, на молитвѣ стояще день и ночь, того ради православіе земное возложиша на него Бориса, мяише его къ

в) Въ сокращенной Повѣсти выпущенъ разсказъ о попыткѣ Бориса отравить царевича Дмитрія, а также нѣтъ и описанія самаго убійства въ Угличѣ. Выпущенные разказы замѣнены краткими фразами, взятыми изъ первоначальной же Повѣсти.

г) Выпущены сообщенія первоначальной Повѣсти о томъ, что Борисъ гадалъ съ волхвами и звѣздословцами, получить ли онъ престолъ; отъ смерти царевича Дмитрія авторъ прямо переходитъ къ смерти царя Феодора.

д) Пропущены всѣ подробности избранія на престолъ Бориса, кромѣ сообщенія, что Борисъ посылалъ своихъ совѣтниковъ по Москвѣ и городамъ, чтобы обезпечить свое избраніе. За этимъ сообщеніемъ идетъ сравненіе Бориса съ Оокой Мучителемъ и извѣстіе о его вѣнчаніи на царство.

е) Вслѣдъ за сообщеніемъ о воцареніи Бориса находимъ небольшую вставку неизвѣстнаго происхожденія о лицемѣрїи и жестокостяхъ Бориса и вставку о чудесахъ царевича Дмитрія¹⁾.

ж) Разсказавъ, согласно первоначальной Повѣсти, о происхожденіи Отрепьева, составитель сокращенной передѣлки иначе передаетъ о похожденіяхъ его въ Литвѣ: Лжедмитріій убѣждалъ въ Литву съ тремя,

воинскому чину и ко всей земли правителя, и того ради страха вси велможї повиновахуся ему и весь воинской чинъ и вся земля. Онъ же возгорѣлся велии и помышляху, какъ бы восхитити царскій престолъ, и многихъ вельможъ и воинскаго чину и земскихъ людей безъ государева вѣдома овнѣгъ смерти предасть, овнѣхъ въ заточеніе по разнымъ городомъ разосла и домы ихъ въ расхищеніе сотвори и многихъ кроворазлитіе учини и нѣкоторою кровію славобѣсныи утробы своея не удовли⁴.

¹⁾ Приводимъ здѣсь эти вставки. Послѣ словъ первоначальной Повѣсти (Ин. Сказ., стр. 9): „... и царствова лѣтъ 7“,—слѣдуютъ слова: „Но обаче своего злаго нрава и обычая лукаваго не остави. Егда же воцарился, нача велможъ и бояръ, паче блаженныи памяти царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Росїи сродичевъ имати и разсылати по дальнимъ городомъ, и тамо ихъ повелѣ въ заточеніи уморити злою смертію. Прежде поминаемый же и благовѣрный царевичъ князь Дмитріій Ивановичъ, убїенный отъ Бориса на Угличѣ, нача по смерти чудеса многа творити съ вѣрою приходящимъ ко гробу его. Оному же Борису не довляше, еже уби младенца незлобива, паче же реку государя своего, царевича Дмитрія, и пролія кровь неповинную; но хотяше и по смерти память его отъ земли истерти, и преславная чудеса его въ презрѣнїи положити, дабы имя его и по смерти не именовалося, но обаче на себя привлече студъ и поношеніе. Пребывше же ему на царствѣ лѣтъ 7“. Слич. житіе царевича Дмитрія Миллютинской редакціи (рпк. Имп. Публ. Библиотеки Погодинск. № 1558, л. 210).

а не съ двумя иноками, какъ въ первоначальной Повѣсти: Мисаиломъ Повадинымъ, Венедиктомъ и Леонидомъ. Изъ нихъ Леонидъ сталъ называться въ Литвѣ именемъ Отрепьева, когда самъ Отрепьевъ объявилъ себя за царевича. О дальнѣйшемъ поведеніи самозванца въ Литвѣ авторъ позднѣйшей редакціи передаетъ кратко двумя фразами изъ Извѣта Варлаама, но самаго Извѣта не приводитъ ¹⁾. А затѣмъ онъ возвращается къ тексту первоначальной Повѣсти.

з) Описаніе похода самозванца къ Москвѣ въ позднѣйшей Повѣсти ведется исключительно на основаніи первоначальной редакціи, но очень сокращенно. Составитель передѣлалъ бывшій у него въ рукахъ текстъ такимъ образомъ: онъ пропустилъ грамоты Лжедмитрія, кратко разказавъ ихъ содержаніе; пропустилъ описаніе битвъ и осады Кромъ; отбросилъ хронологическія указанія, бывшія въ первоначальной Повѣсти. Онъ изобразилъ только общій ходъ успѣховъ самозванца и удержалъ тѣ размышленія, какія высказывалъ авторъ пер-

¹⁾ Приводимъ это мѣсто позднѣйшей Повѣсти: „И прельсти съ собою отъйти въ Кіевъ трехъ иноковъ: Мисаила Повадина, да чернеца Венедикта, да чернеца Леонида Крипецкаго монастыря. И жилъ во градѣ Кіевѣ Успенія Пречистыя Богородицы въ Печерскомъ монастырѣ въ чернцахъ. И повелъ тому Леониду зватися своимъ именемъ Гришкою Отрепьевымъ, а самъ ложно именована себя благовѣрнымъ царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ, еже убіенъ бысть во градѣ Угличѣ и иже излія кровь свою неповинную. И свергъ съ себя окаанный онъ Гришка иноческій образъ и изучися, ту живучи, люторской и латинской и польской грамотѣ и бысть отменникъ и преступникъ православныя христіанскія сущія вѣры (эта фраза по Извѣту Варлаама: Ин. Сказ., стр. 12.—Акт. Арх. Эксп. II, № 64, стр. 142—143). И нача прельщати Литовскія земли короля, имянуучи себя сущаго быти царевича Дмитрія, приснаго сына благовѣрнаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, великія Россійскія области самодержца“ (и эта фраза по Извѣту: Ин. Сказ., стр. 13.—Акт. Арх. Эксп. II, № 64, стр. 143). О монахѣ Леонидѣ, который носилъ имя Отрепьева, говоритъ и первоначальная Повѣсть (Ин. Сказ., стр. 28); но составитель сокращенной редакціи видоизмѣнилъ ея показаніе, опустивъ однѣ подробности и вставивъ другія, и перенесъ его въ другое мѣсто своего текста. Что же касается до чернеца Венедикта, то его въ первоначальной Повѣсти нѣтъ. „Чернецъ Венедиктъ, постриженникъ Троице-Сергіева монастыря“, упоминается, какъ свидѣтель самозванства Отрепьева, въ одной изъ грамотъ патр. Іова (Акт. Арх. Эксп. II, № 28). Быть можетъ, это офиціальное упоминаніе и послужило источникомъ для составителя; хотя необходимо замѣтить, что, по грамотѣ патр. Іова, Венедиктъ бѣжалъ въ Кіевъ самъ и узналъ Отрепьева только въ Кіевѣ. Извѣстіе сокращенной Повѣсти о трехъ инокахъ, ушедшихъ съ Гришкой, повторено въ такъ наз. Морозовскомъ Лѣтописцѣ и принято съ нѣкоторой оговоркой Карамзинымъ (Ист. Гос. Росс. XI, прим. 201).

вой Повѣсти по поводу описанныхъ событій. Если сличать обѣ редакціи шагъ за шагомъ, то становится яснымъ, что позднѣйшій составитель по большей части цѣликомъ выхватывалъ фразы изъ Повѣсти 1606 года и располагалъ ихъ въ томъ порядкѣ, какой ему казался удобнѣе, не придерживаясь послѣдовательности, дапной первымъ авторомъ¹⁾. Иногда же онъ прибѣгалъ къ самостоятельному пересказу данныхъ ранней Повѣсти, при чемъ старался сжать свое изложеніе²⁾. Доведя свое сокращенное повѣствованіе до убіенія царя Θεодора Борисовича, составитель поздней редакціи снова сходится съ текстомъ болѣе раннимъ и съ незначительными пропусками и вставками доводитъ свое повѣствованіе до конца Повѣсти.

и) Виднѣйшія отличія поздней Повѣсти въ повѣствованіи о правленіи и убіеніи самозванца суть слѣдующія: пропущено описаніе ареста и казни В. И. Шуйскаго; пропущено извѣстіе о пріѣздѣ въ Москву инокини Марыи Нагой; опущены нѣкоторыя хронологическія указанія; вставлено извѣстіе объ обличеніи самозванца людьми разныхъ чиновъ³⁾; наконецъ, въ заключеніи пропущено мѣсто о вредѣ книгъ, отреченныхъ св. Отцы.

Можетъ возникнуть вопросъ, на какомъ основаніи считаемъ мы сокращенную редакцію Повѣсти позднѣйшей въ сравненіи съ той, какая вошла въ Иное Сказаніе. Мы не можемъ точно указать ни лица, составившаго сокращенную редакцію, ни времени ея составле-

¹⁾ Заимствованіе фразъ идетъ приблизительно въ такомъ порядкѣ страницъ Иного Сказанія: 15, 18, 16, 23 и 28, 22—23, 29.

²⁾ Такъ вмѣсто грамоты Джемидитрія находится слѣдующій пересказъ ихъ содержанія: „И умысли лукавствомъ своимъ, нача во царствующій градъ Москву, еже есть мать градомъ, и по окрестнымъ градомъ, иже суть въ Россійской области, гонцовъ съ грамотами посылати, и въ грамотахъ именована себѣ прирочнымъ Московскимъ царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ, и изьявени всѣмъ людямъ, живущимъ во градѣхъ и въ селѣхъ и весѣхъ, великую свою милости, и во всѣхъ винахъ, что противу его стояли, пощаду и милосердіе, и отъ темницъ свободеніе и отъ узъ разрѣшеніе, и хотяше воинскому чину помѣстья и вотчины изобильно даровати, и златомъ и серебромъ удолити, а гостемъ и торговнымъ и всякимъ тяглымъ людямъ великую льготу давати“.

³⁾ Приводимъ эту вставку. Послѣ словъ первоначальной Повѣсти: „.... ко идолопоклонянію православныхъ христіанъ всячески понуждати восхотѣ“ (Иное Сказ., стр. 32), слѣдуетъ: „не покоряющихъ же се сему злонавному и проклятому обычаю гоненію вда. И царскія палаты дворяне, и діяки и иные многіе служилые люди, и церковнаго чина протопопы и священники обличаше его проклятую ересь. Онъ же ихъ многихъ смерти предасть, а иныхъ въ заточеніе разосла“.

нія. Но по нѣкоторымъ даннымъ можемъ безошибочно заключать, что сокращенная редакція Повѣсти составлена позже пространной.

Уже простое сравненіе текстовъ обѣихъ редакцій приводитъ къ мысли, что въ пространной редакціи болѣе фактическаго содержанія и больше цѣльности во взглядахъ и изложеніи. Невозможно допустить, что на основаніи разобранной нами краткой редакціи позднѣйшій книжникъ составилъ болѣе распространенный и болѣе фактической рассказъ, внеся въ него точныя хронологическія показанія (въ родѣ датъ поставленія патріарха Игнатія и казни В. И. Шуйскаго, отсутствующихъ въ краткой редакціи). Трудно допустить, что позднѣйшій составитель внесъ въ рассказъ цѣликомъ тѣ грамоты и документы, которые только въ пересказѣ или отдѣльными фразами являются въ краткой редакціи. Трудно, наконецъ, допустить, что интерполаторъ могъ не только развить фактическія данныя, но и строго выдержать основную точку зрѣнія на событія, данную краткою Повѣстью, и сохранить цѣльность изложенія, какую мы замѣчаемъ въ пространной редакціи. На другихъ сказаніяхъ о смутѣ мы видимъ, что позднѣйшія передѣлки и компіляціи въ томъ случаѣ, если онѣ распространяютъ своихъ оригиналовъ, пополняются отвлеченными сужденіями и легендарными чертами или же распространяются путемъ вставокъ, плохо связанныхъ съ основнымъ текстомъ. Въ нихъ не найти ни точности фактическаго изложенія, если онѣ удерживаютъ литературную форму (напримѣръ, Морозовскій Лѣтописецъ), ни литературной цѣльности, если онѣ пополняются фактическими вставками (Хронографы 3-й редакціи). Въ разбираемыхъ же редакціяхъ Повѣсти на сторонѣ полнѣйшей изъ нихъ и фактическое богатство, и литературная цѣльность¹⁾. Одно это уже можетъ служить указаніемъ что полнѣйшая редакція есть въ то же время и болѣе ранняя.

¹⁾ Нѣтъ нужды доказывать, что пространная редакція Повѣсти богаче фактическими показаніями: это ясно изъ приведеннаго нами перечня различій обѣихъ редакцій. Что же касается до литературной стороны, то вставки, находящіяся въ краткой редакціи, иногда просто нарушаютъ послѣдовательность изложенія: такъ напр. приведенная нами выше вставка о лицемѣрїи Бориса и о чудесахъ отъ мощей царевича въ Угличѣ. И до нея, и послѣ нея составитель повторяетъ извѣстіе, что Борисъ царствовалъ 7 лѣтъ. Самое содержаніе вставки о чудесахъ Димитрія настолько неопредѣленно, что возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе: составитель сдѣлалъ эту вставку передъ рассказомъ о появленіи самозванца; какъ же могъ самозванецъ имѣть успѣхъ въ народѣ, если отъ гроба царевича Димитрія были чудеса раньше появленія самозванца? И литературная неловкость (повтореніе одного и того же показанія) и внутренняя непослѣдовательность по-

Но помимо гадательныхъ соображеній мы можемъ найдти оправданіе своему взгляду и въ памятникахъ письменности. Нѣкоторые списки житія царевича Дмитрія, внесеннаго въ Минеи Г. Тулунова, даютъ намъ ясныя указанія на то, что это житіе составлено въ 1607 году. Оно есть почти дословное повтореніе той части первоначальной Повѣсти, въ которой описывается смерть царевича Дмитрія и которая выпущена въ „Повѣсти, како восхити“ и т. д. Такимъ образомъ мы можемъ утверждать, что пространная редакція Повѣсти уже въ 1607 г., черезъ годъ по ея написаніи, послужила источникомъ для иныхъ литературныхъ произведеній. Какимъ бы образомъ могло это быть, еслибы въ 1606 г. была написана не распространенная редакція Повѣсти, а краткая, въ которой рассказъ объ убіеніи царевича выпущенъ?

Чтобы не быть голословными, обратимся къ разбору названнаго нами житія царевича Дмитрія.

Житіе царевича Дмитрія, внесенное въ Минеи Г. Тулунова, встрѣчается въ нѣсколькихъ спискахъ. Въ полномъ своемъ видѣ оно состоитъ изъ: 1) риторическаго предисловія (Нач.: „Богъ премудростію землю основа“...), 2) собственно житія (Нач.: „Въ лѣто 7091 родися сей благочестивый царевичъ“...), 3) повѣсти о перенесеніи мощей святаго изъ Углича въ Москву (Нач.: „Въ лѣто осьмое по убіеніи святаго“...) и 4) слова похвальнаго (Нач.: „Благаго и человеклоубиваго Бога нашего“...). Однако вмѣстѣ всѣ эти части не встрѣчаются ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ списковъ ¹⁾. Первоначально были

казаній произошла, кажется, оттого, что составитель въ данномъ случаѣ неумѣло редактировалъ извѣстіе Житія царевича Дмитрія (Милютинской редакціи) о томъ, что Борисъ насильственно прекращалъ слухи о чудесахъ царевича.

¹⁾ Намъ извѣстны слѣдующіе списки: 1) Костромскаго Богоявленскаго монастыря № 838, въ 4^о, XVI и XVII в., л. 420—443. (См. Библиол. Словарь *Стрובה*. стр. 327). 2) Библ. С.-Петербургск. Дух. Акад. Софійск. № 1357, въ листъ, XVII в., л. 471—484. Въ обоихъ этихъ спискахъ находимъ только житіе и повѣсть о перенесеніи мощей, безъ предисловія и похвальнаго слова. 3) Библ. Троице-Сергіевой Лавры № 676 (Минея Г. Тулунова на май), 1630 г., въ листъ, л. 467 об.—482. 4) Той же библиотеки № 625, въ 4^о, XVII в., л. 170—192. Въ обоихъ этихъ спискахъ находимъ предисловіе, житіе и похвальное слово безъ повѣсти о перенесеніи мощей. 5) Библ. С.-Петербургск. Дух. Акад. Софійск. № 1459, въ 4^о, XVII в., л. 17—30. Въ этомъ списокѣ находится предисловіе и житіе безъ повѣсти о перенесеніи мощей и похвальнаго слова. 6) Моск. Публ. и Рум. Музеевъ ркп. В. М. Ундольскаго № 643, въ 4^о, XVII в., л. 226—236. 7) Того же Музея, по Описанію Востокова № 157, въ 8^о, XVII в., л. 136—158. Въ этихъ двухъ спискахъ есть предисловіе, житіе и повѣсть о перенесеніи мо-

написаны, насколько можно судить, самое житіе и повѣсть о перенесеніи мощей, впоследствии житіе было украшено витѣватými началомъ и концомъ. Такъ какъ предисловіе и похвальное слово святому, являясь простыми ораторскими упражненіями, не заключаютъ въ себѣ ни историческихъ данныхъ, ни указаній на автора и время ихъ составленія, то эти части житія мы оставляемъ безъ разсмотрѣнія. Обращаясь же къ самому житію и разсказу о перенесеніи мощей, легко замѣчаемъ, что оба эти произведенія написаны однимъ лицомъ и въ одно время. Въ послѣсловіи, уцѣлѣвшемъ въ одномъ изъ списковъ житія (Костромскаго Богоявленскаго монастыря № 838) находится любопытная приписка: „Списахъ же сіе преславное принесеніе честныхъ мощей съ Углича во царствующій градъ Москву желаніемъ вѣры ко святому, занеже начало видѣхъ очима своими азъ многгрѣшный... А сіе пречестное принесеніе списахъ азъ, многгрѣшный, въ лѣто 7115 (1607), мѣсяца іюля въ 24 день, въ славу Богу и его страдальцу“¹⁾. По прямому смыслу этой приписки мы должны думать, что въ 1607 году написана была только повѣсть о перенесеніи мощей; о времени составленія житія, приложеннаго къ этой повѣсти, приписка не говоритъ. Но знакомясь съ содержаніемъ памятника, мы видимъ, что не только въ повѣсти о перенесеніи мощей, но и въ житіи заключается много указаній на современность произведенія съ фактомъ перенесенія мощей царевича. Повѣсть о перенесеніи мощей даетъ нѣсколько подобныхъ указаній: она, напримеръ, употребляетъ слово „нынѣ“, когда говоритъ о явленіи мощей царевича Димитрія и ихъ принесеніи въ Москву: „честныя же его мощи сокровенны быша во градъ Угличъ, отнюду же нынѣ намъ яко солнце преславно отъ гроба возсія“. Въ концѣ повѣсти находится молитва ко святому Димитрію, и въ ней авторъ проситъ святаго царевича защитить свое царство отъ междоусобной вражды и разоренія: „царству своему буди миротворецъ отъ междоусобныхъ брани“²⁾. Ясно, что эта молитва составлена не въ спокойное время,

щей безъ похвальнаго слова; изложеніе иногда сокращено; въ послѣднемъ спискѣ передъ повѣстью о перенесеніи мощей вставлена риторическая статья (Нач.: „Елма убо всякое созданіе“...), которая встрѣчается и отдѣльно (ркп. Имп. Публ. Библ. Q. I, 352).

¹⁾ Библиол. Словарь *Строева*, стр. 327—328. Въ 1885 г. Археологическая Комиссія обратилась въ Костромской Богоявленскій монастырь съ запросомъ о рукописи № 838 и получила извѣщеніе, что рукопись эта въ монастырѣ не находится.

²⁾ Ркп. С.-Пб. Дух. Акад. Соеійск. № 1357, л. 474 об. и 483.

когда нѣтъ необходимости въ умиротвореніи, а въ смуту: въ 1607 году Шуйскій боролся съ Болотниковымъ. Точно также и въ самомъ житіи Дмитрія замѣчаемъ нѣсколько такихъ фразъ, которыя указываютъ съ одной стороны на время написанія житія, а съ другой стороны на близость житія къ повѣсти о перенесеніи мощей. Говоря о погребеніи царевича въ Угличской церкви Преображенія, житіе прибавляетъ: „оттуду же и нынѣ намъ возсія яко солнце изрядными чудесы“. „Возсія бо намъ днесъ яко солнце добропобѣднѣй страдалецъ“, прибавляетъ авторъ немного ниже и выражается о царевичѣ, что его „въ послѣдняя лѣта преславно прояви Богъ Россійскому царствію хранителя необорима“ ¹⁾. Эти фразы весьма близко подходятъ къ приведеннымъ нами словамъ повѣсти о перенесеніи мощей и даютъ полное основаніе полагать, что житіе составлено въ томъ же 1607 году, когда была сочинена повѣсть, и составлено притомъ тѣмъ же самымъ лицомъ, которое написало и рассказъ о перенесеніи мощей. Вотъ почему, дѣлая свою приписку къ повѣсти, свидѣтельствующую, что она написана въ іюлѣ 1607 года, неизвѣстный составитель житія и повѣсти о перенесеніи мощей выразился, что написалъ свой рассказъ, „да проповѣсться надо всякою странюю, яко во истину царевъ сынъ пострада отъ властолюбива раба“ ²⁾. Между тѣмъ, въ повѣсти о перенесеніи мощей нѣтъ описанія страданій и смерти царевича. Ясно, стало быть, что, говоря такимъ образомъ, авторъ разумѣлъ въ своей припискѣ не одну повѣсть, но и житіе царевича. Наконецъ, для доказательства того, что рассказъ о житіи и повѣсть о перенесеніи мощей царевича составляютъ одно литературное цѣлое, имѣетъ большое значеніе слѣдующій фактъ: оба повѣствованія весьма замѣтно пользовались разобранною нами первою частью Инаго Сказанія, причемъ житіе царевича всю свою фактическую основу прямо заимствовало отъ Инаго Сказанія, а повѣсть о перенесеніи мощей написана была подъ его литературнымъ вліяніемъ.

Что касается до состава житія царевича, то съ первыхъ же его строкъ читатель замѣчаетъ его зависимость отъ Повѣсти 1606 г. Авторъ житія выбросилъ изъ начала Инаго Сказанія все, что не имѣетъ прямого отношенія къ царевичу Дмитрію, напримѣръ, сообщеніе о томъ, кому Иванъ Грозный, умирая, поручилъ своихъ сыновей, раз-

¹⁾ Ркп. С.-Пб. Дух. Акад. Соѳійск. № 1357, л. 473—473 об. — Ркп. Троице-Сергіевской Лавры, № 676, л. 474—474 об.

²⁾ Библиол. Словарь *Строева*, стр. 328.

сказъ о враждѣ Годунова и Шуйскихъ и т. д. Немногія же разрозненныя фразы Ивана Сказанія о рожденіи и ссылкѣ въ Угличъ царевича Дмитрія авторъ сплотилъ въ цѣльный рассказъ, кое-что измѣнивъ въ нихъ и добавивъ къ нимъ краткое извѣстіе о постриженіи царя Ивана Васильевича („и воспріять ивоческій чинъ и нареченъ бысть Іона“). Эти немногія фразы и послужили автору вмѣсто введенія къ разсказу о смерти царевича, которую онъ описываетъ уже прямо словами Повѣсти 1606 г. безъ всякихъ пропусковъ ¹⁾). Окончивъ рассказъ о убіеніи Дмитрія краткимъ сообщеніемъ о его погребеніи въ Угличѣ, составитель житія продолжаетъ далѣе уже самостоятельно. Въ немногихъ словахъ замѣчаетъ онъ, что Борису удалось достигнуть своей цѣли и сѣсть на Московскомъ престолѣ, но „по нѣколицѣхъ лѣтѣхъ“ за свое убійство онъ принялъ и отмщеніе отъ Бога, попустившаго на него самозванца. Невинный же мученикъ царевичъ прославленъ былъ чудесами, и въ немъ Богъ проявилъ русскому государству необоримаго хранителя. Затѣмъ краткой молитвой ко святому авторъ и оканчиваетъ житіе.

„Повѣсть о обрѣтеніи и о принесеніи честныхъ и многочудесныхъ мощей благовѣрнаго царевича Дмитрія отъ града Углича въ Москву“ начинается краткимъ извѣстіемъ о смерти царя Θεодора, о воцареніи и семилѣтнемъ правленіи царя Бориса и о появленіи Лжедмитрія. Кратко рассказывается затѣмъ объ успѣхахъ, воцареніи и гибели Лжедмитрія, причемъ на изложеніи автора замѣтно отражается его знакомство съ Повѣстью 1606 г. Онъ иногда пользуется ея выраженіями такъ: Повѣсть 1606 г. даетъ московскимъ государямъ эпитетъ „во благочестіи пресвѣтло сіяющихъ“; этотъ эпитетъ употребляется и нашимъ авторомъ. Заимствованное, вѣроятно, изъ Псалтири (псаломъ 2-й) выраженіе Повѣсти 1606 г. „поучатися тщетнымъ“ или „поучатися всячески тщетнымъ“ находимъ и у нашего автора. Какъ Повѣсть 1606 г., такъ и повѣсть о перенесеніи мощей, отмѣчаютъ тотъ фактъ, что тѣло Лжедмитрія было сожжено въ томъ „адѣ“, который онъ устроилъ для своей потѣхи въ Москвѣ. Наконецъ, намъ кажется, что знакомство съ Повѣстью 1606 г. составителя повѣсти о перенесеніи мощей царевича Дмитрія выразилось и въ томъ противорѣчии

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 4, со словъ: „И начать же помышляти лукавый 10й рабъ“... до словъ на стр. 5: „въ церквѣ боголюбиваго Преображенія Госиода Бога и Спаса нашего Іисуса Христа“. Слѣдующія затѣмъ въ Иномъ Сказаніи слова Григорія Нисскаго авторъ житія перенесъ въ начало своего разсказа о смерти царевича.

въ какое онъ впалъ, объясняя причину появленія самозванца. Повѣсть 1606 г. высказываетъ мысль, что Богъ попустилъ самозванца на Бориса въ отмщеніе всѣхъ его злодѣйствъ. Эту точку зрѣнія усвоилъ и авторъ Повѣсти о перенесеніи мощей царевича Димитрія, но не вполне выдержалъ ее: рядомъ со словами: „мню бо, яко на отмщеніе крови праведника посла Богъ (самозванца), да отмщеніе убившему его сотворить“, у него встрѣчаемъ и такія слова: „Богу насъ наказующу, да быхомъ познали заповѣди Его и отвратилися бы отъ всѣхъ золь своихъ, пустившу на насъ грѣхъ ради нашихъ за наше беззаконіе богомерзкаго безбожнаго досадителя“ (то-есть самозванца) ¹⁾. Изъ этихъ двухъ объясненій одно внушено автору его литературнымъ образцомъ; другое могло составлять его личный взглядъ. Помирить ихъ и слить вмѣстѣ авторъ не сумѣлъ: и то и другое объясненіе поставлены у него почти рядомъ, но независимо одно отъ другаго и въ неловкомъ сочетаніи фразъ.

Сообщивъ о воцареніи Василя Шуйскаго, съ такими же похвалами ему, какія читаемъ въ Повѣсти 1606 года, авторъ переходитъ къ разсказу объ обрѣтеніи мощей царевича. Небогатый вообще фактическими свѣдѣніями, этотъ разсказъ, однако, даетъ нѣсколько любопытныхъ чертъ и, ни въ чемъ не противорѣча окружающей грамотѣ Шуйскаго ²⁾, дополняетъ ея показанія нѣкоторыми подробностями. Не вдаваясь въ подробный пересказъ повѣствованія, отмѣтимъ лишь его немногія особенности. Авторъ, на примѣръ, ни разу не упоминаетъ въ своемъ повѣствованіи о патріархѣ и, говоря о духовенствѣ при встрѣчѣ мощей въ Москвѣ, на первомъ мѣстѣ ставитъ „архіереевъ“ или освященный соборъ,—ясный признакъ, что патріархъ Гермогенъ еще не былъ поставленъ въ патріархи 3 іюня 1606 года, когда состоялось принесеніе мощей царевича въ Москву ³⁾. Далѣе, авторъ замѣчаетъ, что царевичъ Димитрій до обрѣтенія мощей его не былъ „никѣмъ помяновень или со славою възсканъ страха ради убійцы“ то-есть Бориса ⁴⁾. Есть въ повѣствованіи нѣсколько

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 9—10.—Ркп. С.-Пб. Дух. Акад. Совѣйск. № 1357, л. 474 об.

²⁾ Собр. Гос. Гр. п. Д. II, № 147.—Акт. Арх. Эксп. II, № 48.

³⁾ Пр. Макарія Ист. Русск. церкви, X, стр. 125—126. Сл. Рукопись Филарета, стр. 8 (Сборникъ *Муханова*, изд. 2-ое, стр. 270).

⁴⁾ Ркп. С.-Петербургск. Дух. Акад. Совѣйск. № 1357, л. 478. Любопытно сопоставить это замѣчаніе съ тѣмъ фактомъ, что московская администрація въ 1604—1605 гг. не сразу могла точно установить годъ смерти царевича Димитрія (*Соловьева* Ист. Россіи, VIII, по изд. 1873 г., стр. 88—89).

мелькихъ подробностей, дополняющихъ фактическую сторону дѣла: о тѣхъ орѣхахъ, которые находились въ рукѣ царевича, повѣствователь сообщаетъ, что они, „цѣлы, но токмо отъ пречестныя его крови почернѣли“; гробъ, въ которомъ погребенъ былъ царевичъ, былъ „отъ древа дуба“; при встрѣчѣ мощей Василиемъ Шуйскимъ въ Москвѣ, онъ самъ „совлекъ царскую червленую багряницу съ пречестныхъ мощей и цѣловавъ святого любезно“¹⁾. Всѣ эти мелочи, не находясь въ другихъ источникахъ, имѣютъ нѣкоторую цѣну, какъ показанія лица, близко стоявшаго къ событію, очевидца, какъ онъ и самъ себя называетъ. Но кромѣ этихъ мелочей, повѣсть о перенесеніи мощей царевича не даетъ ничего для изслѣдователя.

Итакъ, мы закончили разборъ первой части Инаго Сказанія и произведеній, отъ нея зависящихъ. Что касается до статей о смутѣ Хронографовъ 3-й редакціи, то разборъ ихъ былъ бы здѣсь неумѣстенъ. Будучи компилятивными, эти статьи пользуются не однимъ Инымъ Сказаніемъ, но и другими повѣствованіями о смутѣ, и мы предпочитаемъ рассмотреть ихъ тогда, когда будутъ оцѣнены всѣ ихъ источники. Теперь же возвратимся къ разбору дальнѣйшихъ составныхъ частей Инаго Сказанія.

II. Вторая часть Инаго Сказанія (стр. 38—55), какъ уже было нами указано, состоитъ изъ нѣсколькихъ правительственныхъ грамотъ, относящихся къ 1606 году и объясняющихъ обстоятельства сверженія Лжедмитрія и вступленія на престолъ царя Василія Шуйскаго. Предъ каждой грамотой находится какъ бы предисловіе отъ составителя Инаго Сказанія, поясняющее время и обстоятельства составленія грамотъ. Послѣ же грамотъ приписано небольшое заключеніе.

Всѣ эти грамоты достаточно извѣстны и помѣщены въ различныхъ сборникахъ актовъ. Изъ нихъ первая разослана въ города 20-го мая 1606 года Василиемъ Шуйскимъ и заключаетъ въ себѣ краткое изложеніе московскихъ событій 17—19 мая: убіенія самозванца и избранія царя Василія²⁾. Предъ нею авторъ Инаго Сказанія замѣтилъ только, что царь Василій, „егда воспріять скипетръ великія державы“, разослалъ эту грамоту „по государствомъ и по всѣмъ городомъ Рос-

¹⁾ Ркп. С.-Петербургск. Дух. Акад. Соѣйск. № 1357, л. 479 и 480.

²⁾ Напечатана: Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 144.—Акт. Арх. Эксп. II. № 44.—Князя Щербатова. Ист. Росс., т. VII, ч. 3, стр. 63—67.—Берха Древнія Государств. Грамоты, ... собранныя въ Пермской губ., стр. 14.—Бутурлина Исторія смутнаго времени въ Россіи, т. I, Приложенія, стр. 150.

сійскія области“. За этою грамотой слѣдуетъ извѣстная „запись цѣловальная, по которой самъ царь цѣловалъ крестъ“ ¹⁾. Слѣдующая грамота разослана была изъ Москвы уже въ іюні 1606 года ²⁾. Она заключала въ себѣ подробное изложеніе причинъ сверженія самозванца и сообщала объ избраніи на престолъ царя Василія и объ обрѣтеніи мощей царевича Димитрія. Къ этой грамотѣ были приложены цѣликомъ нѣкоторые документы: такъ пазываемыя „распросныя рѣчи“ Бучинскихъ были введены въ самый текстъ грамоты ³⁾, а одно изъ письменныхъ обязательствъ Лжедимитрія Мнишку вмѣстѣ съ сокращеннымъ изложеніемъ его переписки съ поляками и католическимъ духовенствомъ были приписаны къ концу грамоты. По содержанію своему эта іюньская грамота явилась обширнымъ обвинительнымъ актомъ противъ самозванца и должна была убѣдить русское общество въ справедливости внезапнаго низверженія Лжедимитрія. Очень любопытна та приписка, которую находимъ въ Иномъ Сказаніи предъ этой грамотою. Она поясняетъ, что царь Василій разослалъ іюньскую грамоту потому, что русскіе люди были „развращены и прельщены“ самозванцемъ и считали его истиннымъ государемъ. Стало быть, первыя объясненія Шуйскаго, данныя имъ тотчасъ же по возвращеніи, не были приняты народомъ довѣрчиво, и являлась нужда въ новыхъ оправданіяхъ совершеннаго Шуйскимъ переворота. Выше мы старались показать, что эта нужда вызвала, помимо официальныхъ увѣреній, и разобранную нами Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и самозванцѣ.

Не лишены интереса и тѣ строки Инаго Сказанія, которыя слѣдуютъ непосредственно за указанными грамотами, составляя какъ бы ихъ заключеніе ⁴⁾. Въ нихъ сперва сообщается, что принесеніе мощей царевича въ Москву состоялось 3-го іюня, „а праздновати его уложиша соборомъ, стихѣры и канонъ сложенъ октября въ 19-й день,

¹⁾ Напечатана: Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 141.—Акт. Арх. Эксп. II, № 44, стр. 102.—*Бутурлина* Исторія смутнаго времени въ Россіи, т. I, Приложенія, стр. 108.

²⁾ Напечатана: Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 147, № 140 и № 76.—Акт. Арх. Эксп. II, № 48.—*Верха* Древнія Государств. Грамоты, ... собранныя въ Пермской губ., стр. 1.—*Бутурлина* Исторія смутнаго времени въ Россіи, т. II, Приложенія, стр. 3.—Кн. *Щербатова* Ист. Росс., т. VII, ч. 3, стр. 33; т. VII, ч. 1, стр. 332. Объ этой грамотѣ см. Сказанія Массы и Геркмана, стр. 208, 212—215.

³⁾ Ин. Сказ., стр. 44—47. — Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 140.

⁴⁾ Ин. Сказ., стр. 55.

на тотъ же день, въ которой день... царевичъ... родился, на память святаго мученика Уара". Затѣмъ выражается радость по поводу явленія новаго угодника, который отнял „стужу отъ сердець“ русскихъ людей и ихъ печаль „днесъ на радость преложилъ... своимъ преславнымъ явленіемъ“. Это чувство радости вызываетъ у писателя горячую благодарность Богу, „яко отъ толикихъ бѣдъ и напастей избавилъ насъ, малымъ бо понаказа насъ, а великая даровалъ намъ“. Таково содержаніе приписки. Оно позволяетъ сдѣлать заключеніе относительно того, когда именно къ разобранной нами Повѣсти 1606 года были приписаны слѣдующія за нею грамоты и самая приписка. Выраженіе „днесъ“, употребленное о явленіи мощей царевича, и радостное чувство, вызванное малымъ наказаніемъ и великой милостью отъ Бога, чувство, не омраченное еще сознаниемъ смуты,—прямо свидѣтельствуютъ о томъ, что грамоты и ихъ послѣсловіе приписаны къ Повѣсти 1606 года въ томъ же году, до смуты Болотникова, о которой Иное Сказаніе повѣствуетъ непосредственно за разбираемой припискою. Очень легко можетъ быть, что и грамоты и приписки къ нимъ присоединилъ къ своей Повѣсти самъ ея авторъ. Мы уже видѣли, что грамоты эти не только были знакомы автору Повѣсти 1606 года, но и служили ему источникомъ для его труда. Слогъ приписокъ не разнится отъ слога Повѣсти, а нѣкоторыя фразы заключительной приписки могутъ быть поставлены въ прямую связь съ выраженіями Повѣсти. Хвала, высказанная въ припискѣ „милостидавцу и избавителю нашему Богу, яко отъ толикихъ бѣдъ и напастей избавилъ насъ, малымъ бо понаказа насъ, а великая даровалъ намъ“,—въ сущности есть парафраза заключительныхъ страницъ Повѣсти 1606 года, гдѣ воздается хвала „едипому премудрому животодателю Богу, яко маломъ наказа насъ, но много помилова, предложи намъ смерть и дарова животь“¹⁾).

Итакъ, мы можемъ думать, что грамоты, составляющія вторую часть Инаго Сказанія, были приписаны къ Повѣсти 1606 года немедленно по ея сочиненіи. Въстѣ съ Повѣстью онѣ стали той первоначальной основой Инаго Сказанія, на которую разновременными слоями ложились позднѣйшія добавленія. Къ разсмотрѣнію этихъ добавленій мы теперь и обратимся.

III. Послѣдующія части Инаго Сказанія нельзя назвать цѣльными литературными произведеніями, за исключеніемъ лишь Повѣсти о

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 55 и 36.

видѣніи, бывшемъ въ 1606 году въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Дальнѣйшій рассказъ Инаго Сказанія представляется намъ, какъ рядъ болѣе или менѣе пространныхъ записей, присоединенныхъ въ разное время и разными лицами къ Повѣсти 1606 года. Прежде всего, въ царствованіе В. И. Шуйскаго, приписанъ былъ рассказъ о бунтѣ Болотникова и самозванца Петра (стр. 55—64 Инаго Сказанія). Въ этотъ рассказъ была внесена цѣликомъ Повѣсть о видѣніи 1606 года. Затѣмъ позднѣе и совсѣмъ независимо отъ предыдущихъ частей Инаго Сказанія составлены были статьи объ окончаніи царствованія В. Шуйскаго и о междуцарствіи и присоединены къ Иному Сказанію (стр. 64—73). Наконецъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича къ Иному Сказанію приписаны были краткія извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ второй четверти XVII вѣка (стр. 73—80). Въ текстѣ Инаго Сказанія не сохранилось никакихъ прямыхъ указаній ни на время, ни на обстоятельства написанія всѣхъ этихъ повѣствованій, и поэтому нельзя съ точностью опредѣлить ихъ происхожденія и отношенія къ другимъ литературнымъ произведеніямъ той же эпохи. А между тѣмъ, для изученія нашего памятника это было бы весьма важно, въ виду того, что Иное Сказаніе въ своихъ послѣднихъ частяхъ часто буквально сходится съ другими повѣствованіями о смутѣ, и изслѣдователю иногда очень трудно рѣшить, въ какомъ памятникѣ онъ имѣетъ дѣло съ первоначальнымъ текстомъ и гдѣ онъ находитъ позднѣйшее заимствованіе.

Подобное затрудненіе мы встрѣчаемъ прежде всего при изученіи той части Инаго Сказанія, которая повѣствуетъ о Лжепетрѣ и Болотниковѣ. Рассказъ о нихъ отдѣляется небольшимъ вступленіемъ отъ разобранной нами приписки къ грамотамъ 1606 года. Въ этомъ вступленіи обнаруживается взглядъ автора на смыслъ описываемыхъ событій: бѣдствія междоусобія посланы на Русь за то, что люди обратились „на злодѣяніе и беззаконіе“ и прогнѣвали Бога. Такъ какъ благодать Божія отступила отъ людей Его, сатана воздвигъ на царя Василія Илейку Горчакова и Ивана Болотникова, которые послѣдовали примѣру погибшаго Лжедмитрія и пожелали завладѣть Московскимъ государствомъ. Для этой цѣли Илейка и назвался Петромъ, небывалымъ сыномъ царя Ѳедора Ивановича. Описывая возникновеніе и развитіе перваго возстанія противъ Шуйскаго, авторъ рассказа вездѣ соединяетъ въ одинъ бунтъ нѣсколько движеній, возникшихъ не въ одно время и въ разныхъ мѣстахъ. Ложный царевичъ Петръ, какъ извѣстно, явился у терскихъ казаковъ еще при жизни Лжедмитрія;

Болотниковъ же принялъ участіе въ движеніи южныхъ городовъ значительно позже, уже послѣ того, какъ недовольство Шуйскимъ въ Сѣверской области привело къ возстанію отдѣльные города; при этомъ Болотниковъ дѣйствовалъ не въ пользу Петра, а въ пользу вымышленнаго царя Димитрія. Наконецъ, Рязань и Тула съ окрестными городами возстали, также за царя Димитрія, еще позже, послѣ первыхъ побѣдъ Болотникова ¹⁾. Въ разбираемомъ же разсказѣ дѣло представлено такъ, какъ будто бы движеніе начато было въ Сѣверской области Лжепетромъ и Болотниковымъ и оттуда сразу распространилось на другіе города, которые встали за того же Лжепетра. О второмъ самозванцѣ, имя котораго на самомъ дѣлѣ служило знаменемъ для возставшихъ, авторъ разсказа говоритъ только мимоходомъ, что Лжепетръ „именоваше у себе царевича Дмитрея... дядю тому Петру царевичу“; но этотъ царевичъ Дмитрій не играетъ въ разсказѣ никакой роли. Первоначальныя военныя дѣйствія московскихъ воеводъ противъ мятежниковъ подъ Ельцомъ и Кромами въ разсказѣ опущены совершенно, и обстоятельное повѣствованіе начинается лишь съ прихода мятежниковъ въ село Коломенское. Авторъ упоминаетъ о сраженіяхъ съ мятежниками подъ Москвой и о приступѣ ихъ къ Симонову монастырю, откуда они были отражены со срамомъ, и затѣмъ описываетъ, до какого отчаянія было доведено Московское населеніе, когда всѣ пути изъ Москвы и въ Москву были заняты бунтовщиками. При общемъ горѣ, однако, явилось и утѣшеніе. Неизвѣстное лицо духовнаго сана довело до свѣдѣнія царя и патріарха, что ему было видѣніе. Оно состояло въ томъ, что „мужъ духовный“ во снѣ видѣлъ Господа, грозящаго наказать москвичей за ихъ прегрѣшенія, и Богоматерь, молящую Его о милости къ нимъ ²⁾. Узнавъ о видѣніи, царь и патріархъ заповѣдали москвичамъ молиться и поститься, чтобы раскаяніемъ смягчить Божій гнѣвъ. Шестидневный постъ (съ 14 по 19 октября 1606 года) и непрестанная молитва не прошли даромъ: къ Москвѣ подоспѣли подкрѣпленія изъ Смоленска и съ Двины, всего 400 человекъ. Царь же Василій объявилъ народу, что съ одной Двины пришло 4000, да столько же изъ Смоленска; отъ этого среди москвичей началось ликованіе. Въ то же время число

¹⁾ Соловьева Ист. Россіи, VIII, по изд. 1873 г. стр. 134—136, 158—162.

²⁾ Разсказъ о видѣніи составляетъ отдѣльную повѣсть, вставленную въ Иное Сказаніе цѣликомъ, по пропущенную въ изданіи И. Д. Бѣляева (Ин. Сказ., стр. 58). Разборъ этой повѣсти слѣдуетъ ниже.

подоспѣвшаго войска преувеличено было и мятежниками, которые думали, что въ Москву мимо ихъ становъ прошло болѣе 5000 чело- вѣкъ. Ихъ уныніе еще усилено было рассказами какого-то „служилаго пана Московскаго государства“ Севастіана, который очень высоко цѣнилъ боевыя качества Двинскихъ стрѣльцовъ и даточныхъ людей. Такъ, по разсказу нашего автора, возвратилась бодрость къ оса- женнымъ и явился страхъ у мятежниковъ. Когда царь Василій убѣ- дился въ томъ, что его подданные готовы умереть за него, онъ сталъ „надеженъ“ и „дерзновененъ“. Рѣшась на битву съ бунтовщиками, онъ служилъ торжественный молебенъ у гроба царевича Дмитрія и самъ выѣхалъ на бой изъ Москвы Калужскими воротами. Испуган- ные паномъ Севастіаномъ и храбростью Шуйскаго, мятежники были побѣждены. „Атаманъ казачей“ Истомка Пашковъ ¹⁾ добро- вольно сдался царю Василію; остальные были прогнаны въ ихъ укрѣп- ленный острогъ въ Коломенскомъ. Черезъ три дня и острогъ былъ взятъ царскими войсками, а мятежники бѣжали въ Калугу и Веневъ. Далѣе разсказывается о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Калугою и Вене- вомъ противъ шаекъ Болотникова и Лжепетра. Авторъ не описы- ваетъ военныхъ дѣйствій во всѣхъ ихъ подробностяхъ, а отмѣчаетъ только нѣкоторые ихъ эпизоды и при томъ безъ всякой хронологи- ческой связи: у него нѣтъ, напримѣръ, ничего о битвахъ на Выркѣ и у Серебряныхъ Прудовъ, о чемъ находимъ извѣстія у другихъ сказа- телей (въ Новомъ Лѣтописцѣ и Столяровскомъ хронографѣ); за то рядомъ съ краткимъ описаніемъ Пчельнинскаго сраженія, читаемъ очень подробное изложеніе того, какъ московскіе воеводы неудачно пытались зажечь Калужскія укрѣпленія помощью деревяннаго под- мета, о чемъ лишь вскользь замѣчаетъ Новый Лѣтописецъ ²⁾. Въ зависимость отъ неудачи этого подмета авторъ ставитъ даже отступ- леніе отъ Калуги воеводъ Шуйскаго, тогда какъ по другимъ источ-

¹⁾ Здѣсь Истомка Пашковъ называется казачьимъ атаманомъ, въ Новомъ Лѣтописцѣ—снмомъ боярскимъ (Ник. Лѣт. VIII, 81.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 109.—Нов. Лѣтописецъ, 79); въ Столяровской же разрядной книгѣ о Пашковѣ ска- зано: „на Веневѣ былъ сотникъ“ (Изборникъ А. Н. Попова, стр. 332). Въ Но- вомъ Лѣтописцѣ Пашковъ названъ Соловлинномъ, а въ одной изъ грамотъ 1606 г.—Епифанцемъ (Ак. Арх. Эксп. II, № 60, стр. 137).

²⁾ Карамзина Ист. Гос. Росс. XII, изд. 5-е, стр. 30—32.—Арцибичева Пов. о Россіи, т. III, стр. 156—160.—Соловьева Ист. Россіи, VIII, по изд. 1873 г. стр. 164—165, 170—171.—Ник. Лѣт. VIII, 84—86. — Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 113—117.—Новый Лѣтописецъ, 82—84.—Изборникъ А. Н. Попова, стр. 333.

никамъ (Новый Лѣтописецъ, Хронографъ Столяра) отступление отъ Калуги было послѣдствіемъ неудачной для Шуйскаго битвы на Пчельнѣ.

Описаніемъ мужественной защиты княземъ М. В. Скопиннымъ-Шуйскимъ отступающихъ отъ Калуги войскъ заканчивается подробный рассказъ о военныхъ дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ. Слѣдующія затѣмъ строки объ осадѣ Шуйскимъ Тулы очень отличаются отъ предыдущаго рассказа: онѣ очень кратки, написаны съ инымъ литературнымъ приѣмомъ (болѣе риторически) и представляютъ полное тожество со статьей объ этомъ же фактѣ Хронографа 2-й редакціи, чего нельзя сказать о предыдущемъ. Вотъ почему мы полагаемъ, что изложенная нами выше часть Инаго Сказанія не составляетъ одного цѣлаго съ слѣдующими его частями. Мы думаемъ, что она была написана ранѣе ихъ и, вѣроятно, еще въ царствованіе Шуйскаго.

Однако мы не рѣшимся утверждать это категорически. По своему содержанию, изложенный нами рассказъ не обличаетъ въ авторѣ полного знакомства со всѣми подробностями описаннаго имъ времени: мы уже замѣтили, что онъ просто опустилъ многіе эпизоды военныхъ дѣйствій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ многое въ его рассказѣ указываетъ на то, что авторъ былъ современникомъ рассказанныхъ имъ событій и писалъ вскорѣ послѣ того, какъ они совершились. Онъ иногда отличается такою точностью и мелочной подробностью въ своихъ показаніяхъ, какую мы можемъ предполагать только у очевидца или у человѣка, по свѣжимъ слѣдамъ ознакомившагося съ событіемъ. Такъ напримѣръ, онъ сообщаетъ, какую именно дорогу хотѣлъ засѣсть Истома Пашковъ и сколько именно стрѣльцовъ и какимъ путемъ пришло въ Москву. Далѣе, рассказъ его о панѣ Севастіанѣ, немного сказочный по своему характеру, вовсе не походитъ на позднюю легенду, а скорѣе воспроизводитъ одинъ изъ слуховъ, бывшихъ въ обращеніи въ ближайшіе къ событію дни. Повѣствованіе о пораженіи бунтовщиковъ подъ Коломенскимъ полно интересными подробностями: острогъ, устроенный мятежниками, обстрѣливали безуспѣшно три дня; мятежники прятались въ землянкахъ, а огненные ядра (бранд-кугели) тушили яловичьими кожами; узнавъ объ этомъ отъ плѣннаго, воеводы царя Василія приняли свои мѣры и успѣли зажечь острогъ, устроивъ особымъ образомъ ядра; выбитые изъ острога мятежники въ своемъ бѣгствѣ прятались по дворамъ и церквямъ. Такія подробности могли явиться лишь у человѣка, видѣвшаго фактъ или же

хорошо знавшаго о немъ отъ очевидцевъ. Подобныя же частности встрѣчаемъ и въ описаніи неудачнаго дровянаго подмета къ стѣнамъ Калуги. Весь ходъ осаднаго маневра изложенъ очень удовлетворительно и неудача осаждающихъ описана прекрасно; очевидно, что авторъ имѣлъ обо всемъ этомъ очень хорошія свѣдѣнія ¹⁾). При этомъ онъ свои свѣдѣнія записалъ, какъ можно полагать, немного времени спустя послѣ событій, имъ рассказанныхъ: въ его повѣствованіи есть черты, позволяющія думать, что онъ писалъ еще въ царствованіе В. Шуйскаго. Царя Василя онъ постоянно именуетъ „боголюбивымъ царемъ“, „благовѣрнымъ царемъ и великимъ княземъ“. При описаніи личнаго участія царя въ походѣ на Коломенское онъ слагаетъ какъ бы панегирикъ его доблести и его дѣло считаетъ дѣломъ правымъ. Ни однимъ словомъ онъ не даетъ понять, что царствованіе Шуйскаго уже миновало и что всѣ его хвалы относятся къ государю, уже не царствующему. Въ то же время, упоминая о мощахъ царевича Дмитрія, авторъ называетъ его „новымъ почестеносцемъ“,—признакъ того, что авторъ писалъ немного спустя послѣ открытія мощей царевича Дмитрія.

Къ такому выводу приходимъ на основаніи данныхъ разбираемаго текста. Сравненіе текста съ другими произведеніями, ему современными, съ одной стороны подтверждаетъ, съ другой же какъ будто колеблетъ этотъ выводъ. Сличеніе разбираемаго разсказа съ Повѣстью 1606 года приводитъ къ тому заключенію, что въ слогѣ разсказа и Повѣсти есть большое сходство, какъ будто бы Повѣсть послужила литературнымъ образцомъ для разбираемаго разсказа. Описаніе битвъ подъ Москвою съ мятежниками въ разсказѣ, очевидно, скопировано съ описаній битвъ въ Повѣсти; точно такъ же и описаніе бѣгства мятежниковъ изъ Коломенскаго очень близко подходитъ по слогу къ описанію бѣгства перваго самозванца послѣ битвы при Добрыничахъ. Кромѣ того очень часто въ разбираемомъ разсказѣ можно встрѣтить и отдѣльныя выраженія и сравненія, совершенно сходныя съ оборотами Повѣсти 1606 года ²⁾. Что авторъ разсказа зналъ Повѣсть 1606 года и въ дополненіе къ ней составилъ свое повѣствованіе, въ этомъ, какъ намъ кажется, не можетъ быть сомнѣнія: говоря о Бо-

¹⁾ Разсказъ нашего автора въ данномъ случаѣ подтверждается и дополняется извѣстіями Новаго Лѣтописца (Ник. Лѣт., VIII, 84.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 113.—Новый Лѣтописецъ, 82) и показаніями Массы (Сказанія Массы и Германа, стр. 236—237).

²⁾ Сравни. Ин. Сказ., стр. 57 и 18—19, 62 и 19.

рисѣ Годуновѣ, онъ употребляетъ такое выраженіе: „преждепоминаемаго святоубійцы Бориса Годунова“, а между тѣмъ въ его разсказѣ ранѣе Борисъ не поминался ни разу ¹⁾. Ясно, что въ данномъ случаѣ авторъ разумѣетъ не свой разсказъ, а Повѣсть 1606 года и считаетъ себя какъ бы продолжателемъ Повѣсти. Мы не имѣемъ никакихъ указаній относительно личности этого продолжателя, но сходство слога въ Повѣсти и ея продолженіи, сходство даже взглядовъ, какое не трудно замѣтить при чтеніи Инаго Сказанія, позволяютъ сдѣлать предположеніе, не самъ ли авторъ Повѣсти 1606 года, Троицкій монахъ, явился ея продолжателемъ? При такомъ предположеніи легко объясняется то чувство особеннаго почтенія и симпатіи, съ какимъ продолжатель Повѣсти отнесся къ мужеству братіи Симонова монастыря при нападеніи на монастырь мятежниковъ ²⁾.

Такимъ образомъ, сравненіе съ Повѣстью 1606 года нисколько не противорѣчитъ сдѣланному нами выводу относительно разбираемаго разсказа, напротивъ, даже оправдываетъ его. Если разсказъ былъ назначаемъ его авторомъ въ дополненіе къ Повѣсти, если онъ былъ написанъ въ ея духѣ и, быть можетъ, тѣмъ же лицомъ, то естественно думать, что онъ явился вскорѣ послѣ описанныхъ въ немъ событій, какъ сама Повѣсть о самозванцѣ была написана тотчасъ послѣ смерти самозванца. Но сличеніе разсказа со статьями Хронографа 2-й редакціи о тѣхъ же событіяхъ можетъ поколебать подобное заключеніе.

Дѣло въ томъ, что въ Хронографѣ 2-й редакціи находимъ нѣсколько мѣстъ, совершенно одинаковыхъ съ разбираемымъ разсказомъ. Несомнѣнно въ данномъ случаѣ прямое заимствованіе однимъ сказателемъ у другаго, потому что нельзя думать, что и нашъ разсказъ и статьи Хронографа написаны однимъ лицомъ. Для этого нѣтъ ни малѣйшихъ основаній. Нѣтъ основаній и для того, чтобы предполагать какое-либо неизвѣстное намъ, болѣе раннее произведеніе, повлиявшее и на статьи Хронографа и на разбираемый разсказъ. Кто же явился заимствователемъ: авторъ ли разсказа, или авторъ статей о смутѣ въ Хронографѣ? На этотъ вопросъ отвѣтить очень трудно.

Не говоря покуда о статьяхъ Хронографа 2-й редакціи вообще, замѣтимъ, что въ нихъ всѣ тѣ немногія фразы, какія находимъ о бунтѣ Болотникова и Лжепетра (до описанія осады Тулы), почти

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 56.

²⁾ Ин. Сказ., стр. 57—58.

тождественны съ соответствующими мѣстами разсказа въ Иномъ Сказаніи ¹⁾. Но въ Иномъ Сказаніи разсказъ гораздо подробнѣе, богаче фактами и заключаетъ въ себѣ такія черты современности описанному, какихъ нѣтъ въ Хронографѣ, составленіе котораго А. Н. Поповъ совершенно основательно относитъ къ первымъ годамъ царствованія Михаила Ѳеодоровича. При такихъ условіяхъ легко является мысль, что авторъ статей въ Хронографѣ просто заимствовалъ свои показанія изъ Инаго Сказанія. Однако при ближайшемъ сравненіи текстовъ это можетъ подвергнуться сомнѣнію. Мы, напримеръ, читаемъ въ Иномъ Сказаніи, что Лжепетръ назвался сыномъ царя Ѳедора Ивановича: „ини же пишуть, назвася сыномъ царевича Ивана“, — прибавлено затѣмъ въ Иномъ Сказаніи. Чѣмъ вызвана эта прибавка и кто писалъ, что самозванецъ Петръ назвался сыномъ Ивана, а не Ѳедора? Въ официальныхъ грамотахъ напрасно будемъ искать подобной ошибки, но мы встрѣчаемъ ее какъ разъ въ Хронографѣ 2-й редакціи ²⁾. Выходитъ какъ будто такъ, что авторъ разсказа, помѣщеннаго въ Иномъ Сказаніи, зналъ статьи Хронографа и пользовался ими, выписывая изъ нихъ цѣлыя мѣста и оговаривая то, чему онъ въ нихъ не довѣрялъ. Стало бытъ, разсказъ Инаго Сказанія сочиненъ былъ позже составленія статей Хронографа, — выводъ, противоположный сдѣланному нами выше. Противорѣчія здѣсь можно избѣгать, сдѣлавъ предположеніе, что слова: „ини же пишуть“ и т. д. вставлены въ текстъ какимъ-либо позднѣйшимъ переписчикомъ; но для такого предположенія мало данныхъ. Трудно также допустить и то, что составитель Хронографа неумѣло сократилъ слова Инаго Сказанія и изъ двухъ изложенныхъ въ немъ показаній о самозванствѣ Петра выбралъ одно, менѣе вѣроятное. Далѣе, можно указать и еще одно мѣсто въ разбираемыхъ произведеніяхъ, которое увеличиваетъ затрудненія изслѣдователя. И въ Хро-

¹⁾ Сравни. Изборникъ А. Н. Попова, стр. 195 (отъ словъ: „Сей ложныя лжи ложь“.... до словъ: „грады многими и мѣсты“) и Ин. Сказ., стр. 56 (вторую половину) и стр. 57 (со словъ: „И таковаго ради ложнозательства“....). Далѣе: Изборникъ, стр. 195 — 196 (§ 3 отъ словъ: „Гермогенъ патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ“... до словъ: „И тако молитвами святаго“....) и Иное Сказ., стр. 60 (отъ словъ: „повелѣваетъ патріарху Гермогену со всѣмъ освященнымъ соборомъ“....). Далѣе: Изборникъ, стр. 196 (отъ словъ: „И тако молитвами святаго“.... до конца § 3) и Ин. Сказ., стр. 61 (отъ словъ: „милостіями пречистыя Богородицы“....).

²⁾ Ин. Сказ., стр. 57.—Изборникъ А. Н. Попова, стр. 195.

пографъ и въ Иномъ Сказаніи читаемъ о Лжепетрѣ одинаковыя фразы: „и такового ради ложнозвательства его всѣ люди страны тоя пріяша (его)“¹⁾ и т. д. Въ Хронографѣ ясно, какія мѣста авторъ разумѣетъ подъ словами „страны тоя“: выше онъ говоритъ (и говоритъ невѣрно), что Лжепетръ первоначально явился въ Путивлѣ „и во всей земли Черниговскія страны“. Но въ Иномъ Сказаніи слова „страны тоя“ не находятъ себѣ никакого объясненія въ предшествующемъ текстѣ. Это обстоятельство, какъ явная стилистическая неловкость со стороны автора разбираемой части Инаго Сказанія, можетъ быть истолковано не въ его пользу: гораздо легче предполагать неумѣнье справиться съ фразой у компилятора, стѣсненнаго особенностями чужой рѣчи, чѣмъ у самостоятельнаго писателя, свободно излагающаго свои мысли. Естественно является предположеніе, что въ Иномъ Сказаніи заключается неумѣлое распространеніе того, что кратко и стройно изложено въ Хронографѣ.

Такъ, нѣкоторыя мелочи текста мѣшаютъ придти къ категорическому выводу объ отношеніяхъ Хронографа къ разсказу Инаго Сказанія. Однако, мы рѣшаемся сказать, что, по нашему личному мнѣнію, эти мелочи не могутъ играть рѣшающей роли въ вопросѣ о времени написанія разбираемой части Инаго Сказанія: соображая общій ходъ изложенія въ Иномъ Сказаніи, мы склонны считать позднюю вставку замѣчаніе: „иніи же пишутъ: назвася сыномъ царевича Ивана“²⁾; что же касается до стилистическаго промаха, указаннаго нами, то самъ по себѣ онъ не имѣетъ большаго значенія. вмѣстѣ съ тѣмъ, рядъ фактическихъ неточностей и краткость изложенія въ Хронографѣ (съ чѣмъ мы познакоимся въ своемъ мѣстѣ) исключаютъ въ насъ всякую мысль о томъ, чтобы болѣе вѣрный, подробный и носящій въ себѣ самомъ слѣды своего ранняго происхожденія разсказъ Инаго Сказанія могъ явиться позднѣйшимъ распространеніемъ неточнаго и бѣглого разсказа Хронографа. На этихъ основаніяхъ мы полагаемъ, что заимствовалъ авторъ статей въ Хронографѣ, а не со-

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 57.—Изборникъ А. Н. Попова, стр. 195.

²⁾ Такія позднія вставки, несомнѣнно, существуютъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ Инаго Сказанія. Укажемъ на одну изъ нихъ: въ статьѣ „о плѣненіи царя Василія“, написанной не позже 1617 г., вставлено извѣстіе о возвращеніи изъ Польши князя Ивана Шуйскаго. Эта вставка могла явиться только послѣ 1619 г., ибо князь Иванъ вернулся не ранѣе конца этого года (сравни. Ин. Сказ., стр. 68 — 69 и Изборникъ А. Н. Попова, стр. 199 — 200. — Соловьева Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 135, 143, 188).

ставитель дополненій къ Повѣсти 1606 года, и что, стало быть, дополненія къ Повѣсти 1606 года составлены ранѣе статей Хронографа, вѣроятно, въ царствованіе Василя Шуйскаго, какъ можно догадываться по указаніямъ самаго текста дополненій.

IV. Переходимъ теперь къ той Повѣсти о видѣніи, бывшемъ неизвѣстному „мужу духовну“ въ 1606 году, которая цѣликомъ внесена въ составъ Инаго Сказанія, и о которой мы уже упоминали. При напечатаніи Инаго Сказанія И. Д. Бѣляевъ выпустилъ это произведеніе, помѣстивъ лишь краткій отзывъ о его содержаніи ¹⁾. Но въ обоихъ спискахъ Инаго Сказанія Повѣсть о видѣніи находится на лицо; кромѣ того, она существуетъ и въ отдѣльныхъ спискахъ и по одному изъ нихъ, къ сожалѣнію, позднему, была напечатана въ Лѣтописи занятой Археографической Коммиссіи ²⁾. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ списковъ Повѣсти наиболѣе цѣнный находится въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки (О. IV. 17). Онъ одинъ только имѣетъ предисловіе, позволяющее опредѣлить, когда и кѣмъ была составлена Повѣсть о чудесномъ видѣніи. Приводимъ здѣсь это предисловіе: „Нѣкоторому мужу духовну явился таково видѣніе во снѣ, и той мужъ то видѣніе сказалъ Благовѣщенскому протопопу Терентью. И по его скаскамъ Терептей писалъ у него, и то письмо написалъ, да отдалъ патріарху, да и царю сказывалъ. А того человѣка имени не сказалъ ни царю, ни патріарху, кому то видѣніе видѣлося: заклалъ деи его именемъ Божинмъ, не велѣлъ про себя сказывать. И то видѣніе чли по царскому велѣнію въ соборѣ у Пресвятые Богородицы вслухъ во весь народъ, а міру собраніе велико было. И для того постъ учинили въ царствѣ, великъ и малъ, лѣта 4115 (1606), съ октября съ 14-го дня отъ понедѣльника да по октябрь же по 19-й день до недѣли, и молебны пѣли по всѣмъ

¹⁾ Ина. Сказ., стр. 58.

²⁾ Въ составѣ Инаго-Сказанія Повѣсть находится въ ркп. Имп. Публ. Библіотеки, Погодинск. № 1503 и въ ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 1836. Отдѣльно и въ составѣ компилятивныхъ повѣствованій о смутѣ Повѣсть находится: 1) въ ркп. Имп. Публ. Библіотеки О. IV, 17, въ 8^о, XVII в., 554 л., л. 284—294; 2) ркп. той же Библіотеки Погодинск., № 1551, 4^о, XVII в., 34 л., л. 29 об. — 34; 3) ркп. той же Библіотеки Погодинск., № 1570, 4^о, XVII в., 247 л., л. 29 — 32; 4) ркп. той же Библіотеки Q. XVII, 94, 4^о, XVIII в., 292 л., л. 158; 5) ркп. той же Библіотеки Толстовск., Отд. II, № 101, 4^о, Петровск. времени, л. 368 — 377; 6) ркп. Библіотеки А. И. Хлудова, № 258, 4^о, XIX вѣка, 112 л., л. 107—112. — *Лѣтопись занятой Археографич. Коммиссіи*, т. III, I, отд. II, стр. 52—56.

храмомъ и Бога молили за царя и за все православное крестьянство“¹⁾).

Изъ этого предисловія ясно, что видѣніе „духовна мужа“ записано было Московскимъ Благовѣщенскимъ протопопомъ Терентіемъ въ 1606 году ранѣе 14-го октября. Изъ другихъ же источниковъ²⁾ знаемъ, что самое видѣніе имѣло мѣсто 12-го октября. Стало быть, между этими числами протопопъ Терентій и составилъ свой рассказъ³⁾. Тотъ „мужъ духовный“, котораго Терентій въ Повѣсти называетъ „святымъ мужемъ“ и который рассказалъ Терентію свое видѣніе, остается намъ совершенно неизвѣстенъ. За то протопопъ Терентій лицо не безъизвѣстное въ древней письменности, и его Повѣсть о видѣніи не есть его первое произведеніе. Въ кратковременное царствованіе Лжедмитрія онъ успѣлъ составить ему два посланія, исполненные похвалъ не только самозванцу, но и патриарху Игнатію. Одно изъ этихъ посланій, помѣченное 7114 (1605—1606) годомъ, еще не издано⁴⁾; другое уже напечатано въ Актахъ Археографиче-

¹⁾ Ркп. Имп. Публ. Библиотеки О. IV. 17, л. 284. Тѣ же дни поста (14 — 19 октября) показаны и въ Иномъ Сказаніи (стр. 59). — Предисловіе къ Повѣсти было извѣстно С. М. Соловьеву (Ист. Россіи, VIII, по изд. 1873 г. стр. 180).

²⁾ Ин. Сказ., стр. 58.—Ркп. Имп. Публ. Библиотеки, Погдинск. № 1551, л. 29 об.—А. Θ. Бычкова Описание церк.-слав. и русск. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библиотеки, ч. I, стр. 36.

³⁾ Рассказъ Терентія въ рукописи Имп. Публ. Библиотеки О. IV. 17 дошелъ до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. На это указываетъ сохранившееся только въ этомъ спискѣ обращеніе Терентія къ слушателямъ въ началѣ Повѣсти: „Благочестивому царьскому сигклиту и христолюбивому воинству и всему православному христіанству Руского народа. Послушайте Божія милости къ намъ грѣшнымъ, повѣсти сія: дивно и зѣло полезно къ нынѣшнему роду лукавому и непокоривому и отбѣгшему Божія милости и уклонившемуся отъ заповѣдей Его святыхъ и впавшему въ сѣти дьявола многоразличныя. Повѣда мнѣ, грѣшному...“ и т. д. (л. 285). Въ другихъ спискахъ это обращеніе Повѣсти къ народу, слушавшему ее въ церкви, или уничтожено, или передѣлано въ заглавіи Повѣсти.

⁴⁾ Находится въ рукописи Имп. Публ. Библиотеки, Погдинск. № 1622, л. 10—14. См. А. Θ. Бычкова Описание церк.-слав. и русск. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библиотеки, ч. I, стр. 402—403. А. Θ. Бычковъ, отмѣчая въ этой рукописи два посланія Лжедмитрію (л. 10 и л. 12), первое изъ нихъ категорически, а второе лишь предположительно приписываетъ Терентію. На сколько мы можемъ судить на основаніи нашего знакомства съ рукописью № 1622, первое посланіе составляетъ лишь введеніе ко второму и предназначено было для того, чтобы рядомъ похвалъ самозванцу смягчить для него основную мысль послѣдующаго разсужденія („Вся церковная преданія... непременно подобаетъ соблюдать

ской Экспедиции подъ не совсѣмъ точнымъ названіемъ „привѣтствія“ самозванцу Димитрію ¹⁾). Біографическихъ данныхъ о протопопѣ Те-

не токмо святителемъ, но и царемъ... Потомъ непреложно подобаеъ соблюдати отъ свитка новыхъ заповѣдей Устиніана... о священствѣ и о царствѣ“...). Если первое посланіе принадлежитъ Терентію (что несомнѣнно), то и второе, по внутренней ихъ связи, должно принадлежать ему же. Мы и видимъ, что въ рукописи № 1622 второе посланіе не имѣетъ особаго заглавія и ничѣмъ не отдѣлено отъ предыдущаго: писецъ, очевидно, считалъ обѣ вещи за одно цѣлое, какъ можемъ считать и мы по содержанію посланій. Если нашъ взглядъ вѣренъ, это посланіе Терентія пріобрѣтаетъ большой интересъ. На основаніи его мы можемъ думать, что были въ Москвѣ такіе люди, которые мягко и дружески подавали самозванцу совѣтъ держаться старыхъ правилъ московской жизни строже, чѣмъ онъ это дѣлалъ.

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 224. Основываясь на неточномъ заглавіи памятника, митр. Макарій въ своей Исторіи Русск. церкви (т. X, стр. 110—111) высказалъ предположеніе, что Терентій „сказалъ или поднесъ“ самозванцу свое привѣтствіе въ день вѣнчанія его на царство. Врядъ ли это было такъ. Произведеніе Терентія, о которомъ идетъ рѣчь, напечатано въ Актахъ Арх. Эксп. изъ сборника Имп. Публ. Библиотеки О. IV. 17 (гдѣ оно находится на л. 238—245 об.). Въ общемъ оглавленіи сборника (л. 3) произведеніе названо такъ: „Списокъ съ челобитные и похвала Терентія, Благоувѣщенскаго протопопа, къ тому же ложному царю Димитрію“. Передъ самимъ же текстомъ произведенія въ рукописи заглавія вовсе нѣтъ. Изъ этого видно, что названіе „привѣтствіе Благоувѣщенскаго протопопа Терентія Димитрію самозванцу“ въ Акт. Арх. Эксп. дано произведенію совершенно произвольно. Оно не оправдывается и самымъ смысломъ произведенія, которое есть не что иное, какъ литературно написанная челобитная. Въ началѣ ея Терентій слагаетъ похвалу „ложному царю“ и затѣмъ проситъ его: „наша молбы царьски подвижныя пріимати; а же въ твоя честнѣйшая ушеса влагающихъ слухи неподобные, ими же много и непотребенъ сваръ сотворнютъ и тебя Великого Государя на гнѣвъ подвизають, таковые отрѣвати, яко неподобны“. Какіе это были „слухи неподобные“, иначе говоря, клеветы, мы не знаемъ. Терентій только смутно намекаетъ на содержаніе этихъ клеветъ, говоря самозванцу: „отврати слухъ свой праведный иже неправѣ глаголятъ на ны тебѣ, Царю великоимените... Богъ бо тебѣ укрѣпи, и утверди, и постави ноузъ твои на камыцѣ своего основанія, кто ты можеть поколебати?“ И далѣе: „никогда бо твоей царстѣй власти зла сотворихомъ, токмо припадаемъ сокрушеннымъ сердцемъ и со слезами, и молимъ всещедрого Владыку всегда за твое царьское многоязтное здравіе“... На основаніи этихъ мѣстъ можно думать, что на Терентія пало подозрѣніе въ какой то провинности политическаго характера. Чтобы избавиться отъ такого подозрѣнія, онъ и составилъ свое витѣватое челобитье. Онъ припадаетъ къ ногамъ самозванца и молить: „да услышу гласъ твой пресладкій: иди въ домъ свой съ миромъ и къ тому не буди печаленъ, но буди моля Бога о насъ! И пришедъ въ домъ свой, милости твоя всѣмъ возврати“... Вотъ въ чемъ заключается сущность этого произведенія Терентія. При-

рентіи мы не имѣемъ; знаемъ только, что послѣ 1606 года онъ былъ лишенъ своей должности въ Благовѣщенскомъ соборѣ и получилъ ее обратно 30-го ноября 1610 года по указу Сигизмунда III ¹⁾).

Содержаніе Повѣсти о видѣніи, написанной протопопомъ Терентіемъ, таково: Человѣкъ духовнаго сана, пожелавшій скрыть свое имя, передалъ Терентію въ душеполезной бесѣдѣ, что ему было видѣніе. Послѣ вечерней молитвы, въ полночь, онъ былъ разбуженъ звономъ колокола. Отворивъ окно, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что уже свѣтло. Къ нему подошелъ какой-то знакомый ему человѣкъ и позвалъ его въ Успенскій соборъ, говоря, что тамъ онъ увидитъ „преславное видѣніе“. Когда духовный мужъ подошелъ къ западнымъ дверямъ собора, то замѣтилъ, что онѣ открыты, и увидѣлъ Господа, сидящаго на престолѣ. Одесную Его стояла Богоматерь, а на лѣвой сторонѣ престола Іоаннъ Креститель. Господу предстояли лики святыхъ. Пораженный видѣніемъ, мужъ духовный стоялъ, „къ единой странѣ церковныхъ вратъ приникся“, и услышалъ голосъ Богоматери, молящей Господа ношадить православный народъ. На это Господь отвѣтствовалъ: „Многажды Твоихъ ради молитвъ отвращаю праведный гнѣвъ Свой отъ нихъ; но зѣло стужаютъ Ми злобами своими и лукавыми нравами: понеже бо церковь Мою оскверниша злыми своими праздными бесѣдами и Мнѣ ругатели бывають; взявше убо отъ скверныхъ языкъ мерзскія ихъ обычая и нравы, брады своя постригаютъ и содомская дѣла творять, и неправедный судъ судятъ, и правымъ убо насилуютъ, и грабятъ чужая имѣнія, и многая иная скверная ихъ дѣла творять“ ²⁾... Когда же Богоматерь и всѣ предстоящіе Господу продолжали моленіе о православныхъ, то Господь вторично отвѣчалъ имъ: „Не рѣхъ ли вамъ, яко нѣсть истины во царѣ же, и въ патриарсѣ ³⁾, ни во всемъ священномъ чину, ни во всемъ на-

веденныхъ мѣстъ достаточно для того, чтобы видѣть, что это не могло быть ни простымъ „привѣтствіемъ“ государю, ни рѣчью на торжествѣ царскаго вѣнчанія. За то не будетъ невозможнымъ предположеніе, что Терентій могъ вызвать гнѣвъ самозванца своимъ первымъ къ нему посланіемъ, указаннымъ выше. На ставленіе государю, какъ должно ему себя вести, могло показаться Лжедмитрію посягательствомъ на полноту его власти.

¹⁾ Акт. отн. къ ист. Западн. Россіи, т. IV, № 183, стр. 388—389: „вѣлно протопопу Терентію быти по прежнему у Благовѣщеня, а Благовѣщенскому протопопу вѣлно быти у Спаса на Дворцѣ“.

²⁾ Ркп. Имп. Публ. Библиотеки, О. IV. 17, л. 288 об.—*Лѣтопись занятіи Археограф. Коммисіи*, вып. I, отд. II, стр. 52.

³⁾ Въ другихъ спискахъ читается: „во царѣхъ же и въ патриарсѣхъ“.

родъ Моемъ, новѣмъ Израили“. Однако Онъ, внимая мольбамъ Богоматери, обѣщалъ, наказавъ православныхъ, пощадить ихъ и теперь, если они покаются. Слыша это, нѣкто отъ предстоящихъ въ соборѣ подошелъ къ мужу духовному и велѣлъ ему повѣдать, кому самъ знаетъ, обо всемъ видѣнномъ. „Азъ же окаянный“, говорилъ тотъ Терентію: „отъ ужаснаго того и страшнаго видѣнія трепетень быхъ и едва въ себе пришедъ, и убудихся на одрѣ лежа“. И рассказавъ протопопу свое видѣніе, онъ требовалъ, чтобы Терентій передалъ его царю и патриарху, какъ призывъ ко всенародному покаянію. Такое покаяніе и было совершено, какъ мы уже видѣли.

Не имѣя значенія историческаго источника, рассказъ протопопа Терентія очень любопытенъ въ другомъ отношеніи. Онъ свидѣтельствуемъ намъ, до какого напряженія доходило чувство и воображеніе народа, ошеломленнаго чрезвычайными явленіями самозванщины и междоусобной смуты. Историкъ не имѣетъ основаній видѣть какой либо затаенный умыселъ или обманъ какъ въ рассказѣ о видѣніи, такъ и въ предписанномъ всему „царству“ покаянніи по поводу этого чудеснаго событія. Не одно только записанное Терентіемъ чудесное видѣніе огласилось въ то время въ Москвѣ: можно указать и другіе необычайные факты, которые, по убѣжденію современниковъ, совершались тогда на Русѣ¹⁾. И всѣ эти факты говорятъ намъ о глубокомъ

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 34 и 68.—Изборникъ *А. Н. Потова*, стр. 199.—Ряз. Имп. Публ. Библиотеки О. IV. 17, л. 292—293 об. Чудо, рассказанное въ этой рукописи, было видѣно семью сторожами въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ 27-го февраля 7115 (1607) года. Сторожа донесли „окольному и казначею“ В. П. Головину: „Какъ де будетъ въ 5-мъ часу ночи, и учалъ де быти въ церкви у собора Архангела Михаила, гдѣ благовѣрніи великіе князи лежать, шумъ быти и говоръ великъ, по смѣтѣ голосовъ съ двадцать или съ тридцать. А одинъ де изъ нихъ говорилъ по книжному за упокой безъ престани; а рѣчей де его и тѣхъ людей, у которыхъ промежъ ими говоръ и шумъ великъ, не разумѣти, и ихъ въ лица не видѣти никого же; а въ тѣ поры въ церкви свѣча горитъ. И послѣ де того промежъ ими учалъ быти смѣхъ, и одинъ де изъ нихъ изво всехъ голосъ толеть, а противъ де его говорили всѣ встрѣчно, а одинъ де таки говоритъ по книжному за упокой; и толстоголосой на нихъ на всѣхъ крикнулъ, и они де предъ нимъ всѣ умолкли. И послѣ де того въ церкви промежъ ими всѣми учалъ быти плачь великъ. А по церкви де въ тѣ поры по всей свѣтъ великъ былъ: и какъ де свѣтъ пойдетъ къ верху, ино де освѣтитъ верхъ весь и всю церковь; а какъ свѣтъ пойдетъ къ низу, ино де освѣтитъ мостъ церковный; а въ лице де никого не видѣти и рѣчей де ихъ не разумѣти. И тое говори было промежъ ими, шуму и плача съ пятого часа да до седмаго; а заглядывали де тѣ сторожи въ церковные въ двои двери дщелми и сквозъ замки“.

нравственномъ потрясеніи русскаго общества, которое не могло отыскать правды и смысла въ удивительныхъ событіяхъ реальной жизни, часто не вѣрило очевидности, но вѣрило сверхъестественному и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышалось до открытаго сознанія, что „нѣсть истинны во царѣ же и во патріарсѣ, ни во всемъ священномъ чину, ни во всемъ народѣ“. При такого рода сознаніи врядъ ли могъ быть обманъ, да и говорящій такими словами обманщикъ многимъ рисковалъ бы, еслибы былъ уличенъ.

Но считая искреннимъ рассказъ „духовна мужа“ о его видѣніи, мы не можемъ считать таковымъ рассказа его подражателя. Въ Новгородѣ нашелся какой-то неизвѣстный намъ человекъ, написавшій Повѣсть о видѣніи, бывшемъ мниху Варлааму въ 1611 году. И видѣніе мниха Варлаама чрезвычайно напоминаетъ изложенное нами московское видѣніе, и Повѣсть о немъ есть очевидное подражаніе Повѣсти протопопа Терентія ¹⁾. Мнихъ Варлаамъ жилъ въ Новгородѣ, иногда же пребывалъ „въ Великаго Новгорода“ (но гдѣ именно, въ новгородской Повѣсти не объясняется). Питался онъ Христовымъ именемъ и былъ человекъ строгой жизни. Однажды сидѣлъ онъ въ келіи своей и, размышляя „о погибели православныя земли русскія“, задремалъ, хотя „никогда же очима своими дреманія сна не далъ“. И вотъ во свѣтъ съ нимъ произошло почти то же, что съ московскимъ духовнымъ мужемъ: онъ, правда, не слышалъ колокольнаго звона, но увидѣлъ свѣтъ „свѣта сего свѣтлѣе седмерицею“ и, открывъ оконце, также замѣтилъ человека, зовущаго его изъ келіи. Съ этимъ человекомъ пошелъ онъ въ Новгородъ, и градская стража не видѣла ихъ, хотя городъ и берегли, такъ какъ шведы стояли уже отъ города „мало болѣ поприца въ монастырѣ Пречистыя Богородицы, еже есть зовомо на Колмовѣ“ ²⁾. Какъ московскій мужъ духовный, идя къ Успенскому собору, удивлялся тому, что дорога суха и чиста, не

¹⁾ Новгородская Повѣсть о видѣніи извѣстна намъ по рукописи бібліотеки И. А. Шляпкина (сборникъ, въ 8-ю долю, скорописью XVII вѣка). Повѣсть носитъ названіе: „Повѣсть зѣло полезна: бысть явленіе въ Склепопольской странѣ, иже нарицается въ Великомъ Новѣградѣ, нѣкоторому мниху, именемъ зовому Аврааму, въ лѣта 7119 году, іюля въ 15 д.“ Названный въ заглавіи Авраамомъ, инокъ въ самомъ текстѣ произведенія носитъ имя Варлаама.

²⁾ Въ тѣ дни (судя по заглавію разбираемой Повѣсти, видѣніе было 15-го іюля 1611 годѣ) шведы дѣйствительно стояли въ Колмовѣ монастырѣ (Ник. Лѣт. VIII, 169.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 227). Но о городской стражѣ Новый Лѣтописецъ замѣчаетъ: „во градѣ же въ тѣ поры по стѣнамъ стража худа“ (ibidem).

смотря на осеннюю пору (октябрь), такъ и мнихъ Варлаамъ спрашивалъ „водящаго“ его: „что нынѣ путь гладокъ есть, а осень нестройна и дождевна?“ Неумѣренно подражая московской Повѣсти, новгородскій авторъ впалъ здѣсь въ очевидное противорѣчіе съ самимъ собою. Въ заглавіи онъ отнесъ видѣніе Варлаама къ 15-му числу іюля; по тексту Повѣсти видно, что оно было тогда, когда шведы занимали Колмово, то-есть, въ послѣдніе дни передъ взятіемъ Новгорода, именно въ іюль 1611 года ¹⁾; а между тѣмъ мнихъ Варлаамъ говоритъ о нестройной и дождевной осени. Придя „къ церкви святыхъ и великихъ Софеевъ“, мнихъ Варлаамъ увидѣлъ въ церкви свѣтъ и „двери церковныя отверсты“, но не вошелъ въ церковь, а сталъ смотрѣть „скважною прилежно“. Онъ увидѣлъ Богоматерь, сидящую на престолѣ, и предъ нею ангельскіе лики и новгородскихъ святыхъ: „Никиту епископа и Иоанна архіепископа и прочіи же новгородстии святіи“. Хотя всѣ они готовились „изыти изъ града вонъ и Великій Новгородъ предати безбожнымъ нѣмцамъ“, однако святители новгородскіе стали молить Богородицу о пощадѣ ихъ славному городу. На это они получили отрицательный отвѣтъ. Богоматерь говорила имъ о новгородцахъ: „прогнѣвали Сына Моего... и Мене злыми, мерзкими, скверными, блудными своими дѣлами, осодомили бо есть всѣ люди отъ мала до велика“. Когда же преподобный Варлаамъ Хутипскій повторилъ моленіе о пощадѣ, Богоматерь пролила слезы и сказала, что сама скорбитъ о Новгородѣ: „вѣмъ бо, яко сей есть градъ жребій мой и людіе есте достояніе Мое“. Но погибель Новгорода рѣшена: „Бысть мѣсто сіе неразоримо, и собирашася въ него людіе отъ всѣхъ странъ, еже разорени отъ нынѣшнихъ бѣдъ и золь и утекающе сѣмо во градъ сей; они же ихъ оскорбляюще и попошающе ихъ и наругающеся имъ и досаду имъ приносяще, яко невѣрніи“. Много и другихъ грѣховъ тяжкихъ содѣяно новгородцами, и вотъ—„уже градъ сей преданъ хочеть быти“, и воля Господа неизмѣнна. Мнихъ Варлаамъ, слышавшій приговоръ, произнесенный надъ его городомъ, былъ затѣмъ призванъ отъ дверей церкви къ самому престолу и услышалъ повелѣніе Богоматери: „старче! поиди во градъ и рцы митрополиту

¹⁾ Новгородъ былъ взятъ шведами 16-го іюля 1611 года (см. *Карамзина* Ист. Гос. Росс., XII, прим. 807 и 810). По тексту Повѣсти, какъ и по ея заглавію, возможно отнести видѣніе прямо къ 15-го іюля: Богоматерь въ Повѣсти предвѣщаетъ, что Новгородъ будетъ взятъ шведами „во утрій день“, то-есть, иначе говоря, видѣніе совершилось наканунѣ дня паденія Новгорода.

и всему синклиту и воеводамъ и всему Новаграда воинству, да примутъ всѣ покаяніе и готовились бы къ смерти: уже хочеть градъ сей во утрій день преданъ быти певѣрнымъ людемъ нѣмцамъ свейномъ Свейскія земли“.

На этомъ кончается новгородская Повѣсть. Не смотря на полную ея литературную зависимость отъ московской Повѣсти, въ ней взяты совершенно иной основной мотивъ. Повѣсть протопопа Терентія скорбѣла о грѣхахъ московскаго народа, вѣщала, что пѣтъ болѣе истины въ „новомъ Израилѣ“, и звала народъ къ нравственному очищенію, видя въ этомъ единственное средство избавиться отъ смуть и бѣдствій. Новгородская же Повѣсть въ покаяніи видитъ лишь приготовленіе къ смерти и составлена не для того, чтобы призвать новгородцевъ къ нравственному возрожденію въ виду грозящей имъ гибели. Написанная, конечно, послѣ взятія Новгорода шведами, Повѣсть имѣла цѣлью показать жителямъ Новгорода, что они несутъ заслуженное наказаніе за свои грѣхи. Перечисляя эти грѣхи, авторъ новгородскаго видѣнія рядомъ съ обвиненіями, общими всѣмъ обличительнымъ твореніямъ того времени, бросаетъ новгородцамъ упрекъ и въ томъ, что они, какъ невѣрные, поносили и оскорбляли людей, искавшихъ убѣжища въ Новгородѣ. Быть можетъ, въ этомъ скрывается намекъ на какой-либо неизвѣстный намъ фактъ, послужившій поводомъ къ составленію самой Повѣсти. Авторъ Повѣсти, безъ сомнѣнія, зналъ и Новгородъ и новгородскія событія 1611 года: онъ зналъ день взятія Новгорода, зналъ, гдѣ стояли шведскія войска передъ штурмомъ Новгорода, зналъ, наконецъ, мелочи новгородской топографіи,—словомъ, онъ былъ очевидцемъ новгородскихъ событій. Но мы не можемъ утверждать, что онъ былъ кореннымъ новгородскимъ жителемъ: онъ могъ быть и изъ числа тѣхъ, которые искали безопасности въ Новгородѣ, а нашли тамъ оскорбленія.

V. Намъ остается еще сказать о той части Инаго Сказанія, которая совершенно тождественна со статьями Хронографа 2-й редакціи. Эта часть начинается повѣствованіемъ объ осадѣ Тули царемъ Василиемъ и кончается статьею о „царствѣ государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича“¹⁾. Такъ какъ разборъ этихъ статей Инаго Сказанія невозможенъ безъ разсмотрѣнія статей Хронографа, то мы

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 64—73 (кончая словами: „во всякомъ благоденствіи и радости расти и множествовать“).—Изборникъ А. Н. Попова, стр. 196—204.

здѣсь же остановимся на той части Хронографа 2-й редакціи, которая посвящена смутному времени.

Статьи Хронографа 2-й редакціи о смутномъ времени уже оцѣнены А. Н. Поповымъ ¹⁾. Въ повѣствованіи Хронографа о времени съ 1534 года до воцаренія Михаила онъ видитъ „оригинальное цѣльное сочиненіе неизвѣстнаго русскаго автора“. Доказательствами оригинальности и цѣльности служатъ, по мнѣнію А. Н. Попова, „общій характеръ всего произведенія“ (рядъ характеристикъ и общихъ очерковъ), „особенность изложенія, обыкновеніе автора говорить о себѣ въ первомъ лицѣ и постоянныя ссылки то на предшествующій рассказъ, то на послѣдующій“. Авторомъ этого цѣльнаго произведенія А. Н. Поповъ считаетъ самого собирателя второй редакціи Хронографа. Трудно однако согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго изслѣдователя. Доказательства, высказанныя имъ, сами по себѣ довольно слабы: ловкій компиляторъ съумѣетъ у мѣста поставить ссылки на предыдущій и послѣдующій рассказъ и легко будетъ говорить о себѣ въ первомъ лицѣ; общій же характеръ произведенія и особенности изложенія могутъ быть перенесены компиляторомъ въ его трудъ изъ того его источника, которому онъ дастъ преобладаніе надъ другими. Хотя текстъ разбираемыхъ статей Хронографа дѣйствительно носитъ на себѣ черты своеобразнаго и довольно связнаго рассказа и потому не легко поддается анализу, хотя мы и не можемъ разыскать всѣ источники, на которыхъ построенъ этотъ рассказъ,—тѣмъ не менѣе рѣшаемся утверждать, что его нельзя признать вполне цѣльнымъ и оригинальнымъ произведеніемъ.

Самъ А. Н. Поповъ указалъ, что въ разбираемыхъ статьяхъ Хронографа находится вставка: „въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго включены отрывки изъ Хожденія Трифона Коробейникова“. При изученіи текста Хронографа можно замѣтить слѣды и другихъ вставокъ. Все повѣствованіе о русскихъ событіяхъ XVI—XVII вѣковъ въ Хронографѣ можно раздѣлять на простыя лѣтописныя замѣтки и на связные очерки лицъ и событій. Чѣмъ болѣе составитель Хронографа приближается въ рассказѣ къ своему времени (начало XVII вѣка), тѣмъ менѣе у него краткихъ лѣтописныхъ замѣтокъ и тѣмъ

¹⁾ Обзоръ хронографовъ русск. редакціи, II; стр. 117—121. Статьи второй редакціи Хронографа о смутѣ изданы: цѣликомъ въ Изборникѣ А. Н. Попова, стр. 182—204, частями у гр. *Распичина*: Четыре сказанія о Лже-Димитріѣ. С.-Пб. 1863 стр. 57—73, и въ *Ист. Сказ.*, стр. 64—73.

болѣе связанъ разсказъ. Въ главѣ 161-й („Царство государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси“¹⁾) мы читаемъ 13 извѣстій лѣтописнаго характера, отрывокъ изъ Хожденія Коробейникова, характеристику царя Ивана Грознаго, небольшой разсказъ о взятіи Казани подъ особымъ заглавіемъ и сообщеніе о смерти и завіщаніи Грознаго тоже подъ особымъ заглавіемъ. Всѣ эти составныя части вовсе не связаны между собою, и такимъ образомъ глава 161-я,—начало „оригинальнаго и цѣльнаго“ разсказа, по мнѣнію А. Н. Попова, вовсе не имѣетъ литературной цѣльности. При этомъ несомнѣнно и то, что авторъ внесъ въ 161-ю главу свои лѣтописныя замѣтки не по памяти, а выбралъ ихъ изъ какого нибудь болѣе рачнаго лѣтописца. Онъ писалъ въ 1617 году²⁾, а его лѣтописныя извѣстія восходятъ къ 1534 году и въ то же время очень точны. О 1534 годѣ, напримѣръ, читаемъ: „августа въ 1 день явилася звѣзда на небеси“...; о крымскомъ набѣгѣ 1571 года: „въ лѣто 7079...прииде... Крымской царь и Москву пожогъ маія въ 24 день“³⁾. Нельзя допустить, чтобы авторъ запомнилъ не только за 83, но хотя бы и за 46 лѣтъ день какого-либо событія. Очевидно, подъ его рукою былъ какой то лѣтописный источникъ, изъ котораго онъ вносилъ въ свой Хронографъ все, что его интересовало, вносилъ такъ же, какъ внесъ Хожденіе Коробейникова. Такимъ образомъ, 161-ю главу Хронографа мы не можемъ считать и оригинальнымъ трудомъ: это компиляція, въ которой однако происхожденіе нѣкоторыхъ частей (характеристики Грознаго, напримѣръ) остается неяснымъ.

Слѣдующая 162-я глава („Царство царя и великаго князя Θεодора Ивановича всея Русіи“⁴⁾) начинается характеристикой царя Θεодора Ивановича, за которою слѣдуетъ цѣлый рядъ извѣстій, иногда весьма краткихъ, по годамъ. Эти извѣстія опять ничѣмъ, кромѣ хронологической послѣдовательности, не связаны одно съ другимъ. Послѣ извѣстія о замыслѣ Шуйскихъ расторгнуть бракъ Θεодора, слѣдуетъ упоминаніе о постройкѣ каменной городской стѣны въ Москвѣ, а затѣмъ краткая замѣтка объ учрежденіи патріаршества, и т. д. Источника этихъ извѣстій указать мы не можемъ, но не можемъ и найдти

¹⁾ Изборникъ А. Н. Попова, стр. 182—186.

²⁾ А. Н. Попова Обзоръ хронографовъ русск. редакціи, II, стр. 70.—По хронологическимъ указаніямъ, находящимся въ самомъ Хронографѣ второй редакціи, его составленіе должно быть относимо къ 7125 (1616—1617) году.

³⁾ Ник. Лѣт. VII, стр. 313.

⁴⁾ Изборникъ А. Н. Попова, стр. 186—188.

такихъ чертъ, которыя бы давали право говорить о литературной цѣльности разсказа. Скорѣе можно указать на нѣкоторую неловкость изложенія: повтореніе извѣстій. Въ концѣ главы 161-й сообщается о воцареніи Θεодора, въ началѣ же 162-й главы это извѣстіе снова повторяется въ иной формѣ. Еще замѣтнѣе отсутствіе цѣльности разсказа въ слѣдующей 163-й главѣ („Царство Борисово“ ¹⁾). Послѣ характеристики Бориса, сочувственной ему, слѣдуютъ два маловажныхъ извѣстія (о построеніи Бѣлгорода и о кончинѣ новгородскаго митрополита Варлаама) и продолжается характеристика Бориса. Далѣе идутъ опять мелкія замѣтки о голодѣ, дороговизнѣ хлѣба и морѣ въ Смоленскѣ, послѣ чего начинается статья о первомъ самозванцѣ. Сказавъ о томъ, что царь Борисъ въ появленіи самозванца увидѣлъ кару Божью и „сего ради бысть зѣло прискорбенъ, потомъ же и болѣзненъ, та же и смертенъ“, авторъ сейчасъ же говоритъ: „въ лѣто 7112 гсударь царь и великій князь Борисъ Θεодоровичъ... преставися маія въ 13 день“ ²⁾. Такимъ образомъ онъ какъ бы дважды сообщаетъ объ одномъ и томъ же событіи, но въ разной формѣ: сперва въ риторическомъ повѣствованіи, потомъ въ простомъ изложеніи краткаго лѣтописца.

Со 164-й главы („Царство Θεодора Борисовича Годунова“ ³⁾) исчезаютъ въ Хронографѣ краткія замѣтки по годамъ. Весь разсказъ о Θεодорѣ Борисовичѣ состоитъ изъ общаго цѣльнаго очерка его недолгаго царствованія. Глава 165-я („Царство Розстриги“ ⁴⁾) имѣетъ тотъ же характеръ цѣльнаго повѣствованія. Но глава 166-я („Царство Василия царя“ ⁵⁾), не заключая въ себѣ простыхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, не отличается и цѣльностью изложенія. Кромѣ общаго заглавія, подъ которымъ помѣщено краткое родословіе князей Шуйскихъ, она имѣетъ 11 заглавій, обозначающихъ отдѣльные небольшіе разсказы о событіяхъ времени Шуйскаго. Первый такой разсказъ—о поставленіи Гермогена на патріаршество—фактиченъ и кратокъ. За-

¹⁾ Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 188—191.—Четыре сказанія о Лже-Димитріѣ (гр. *Ростопчина*), стр. 57—61.

²⁾ День 13-го мая показанъ здѣсь невѣрно: царь Борисъ умеръ 13-го апрѣля (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 83).

³⁾ Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 191—192.—Четыре сказанія о Лже-Димитріѣ (гр. *Ростопчина*), стр. 62—64.

⁴⁾ Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 192—194.—Четыре сказанія о Лже-Димитріѣ (гр. *Ростопчина*), стр. 65—73.

⁵⁾ Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 194—200.—Ин. Сказ., стр. 64—69.

тѣмъ слѣдуетъ повѣствованіе о самозванцѣ Петрѣ: оно состоитъ изъ риторическаго вступленія и очень короткаго разсказа о томъ, что Петрушка явился въ Путивлѣ, былъ „казаческой товарищъ, родомъ Звенигородецъ, художествомъ гончаръ“, возмутилъ „Черниговскую страну“, овладѣлъ мѣстами „Шатьскими и Рязаньскими“ и достигъ даже до Москвы, но Москва была избавлена отъ него заступленіемъ святыхъ и молитвами „новаго почестопосца“ царевича Димитрія. Сравненіе этого повѣствованія съ официальными данными о самозванцѣ Петрѣ показываетъ, что въ повѣствованіи Хронографа много фактическихъ неточностей ¹⁾. Сравненіе же его съ Инымъ Сказаніемъ, сдѣланное нами выше, открываетъ въ Хронографѣ нѣсколько одинаковыхъ съ Инымъ Сказаніемъ выраженій. Показавъ при разборѣ 161-й главы Хронографа, что его собиратель и въ своемъ повѣствованіи о позднѣйшихъ русскихъ событіяхъ не просто сочинялъ свои показанія, а руководился литературными источниками, мы теперь съ большею увѣренностью можемъ высказать наше предположеніе, что онъ пользовался и продолженіемъ Повѣсти 1606 года, находящимся въ Иномъ Сказаніи. Это продолженіе Повѣсти, какъ мы видѣли, было составлено, по всѣмъ соображеніямъ, еще въ царствованіе Шуйскаго; нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что оно стало извѣстно писателю первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳеодоровича. Подобную же связь съ Инымъ Сказаніемъ мы замѣчаемъ и далѣе, въ слѣдующей статьѣ 166-й главы Хронографа, въ разсказѣ о принесеніи въ Москву мощей царевича Димитрія. Здѣсь авторъ сперва передаетъ (и не вполне вѣрно ²⁾) обстоятельства перенесенія мощей, затѣмъ, какъ чудо отъ новоявленныхъ мощей, описываетъ побѣду царя Василія надъ мятежниками у Коломенскаго. Это описаніе отъ начала до конца ведется словами Ипаго Сказанія, какъ мы уже говорили при разборѣ соотвѣтствующей его части.

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 81.—*Соловьева* Ист. Россіи, VIII, по изд. 1873 г. стр. 134—136.—Авторъ Хронографа не знаетъ даже того, что Петрушка явился еще до воцаренія Шуйскаго и не былъ организаторомъ возстанія на югѣ противъ Шуйскаго, равно какъ и не являлся подъ Москву съ Болотниковымъ и Пашковымъ.

²⁾ Онъ говоритъ, что за мощами цар. Димитрія былъ посланъ Крутицкій митрополитъ Геласій (Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 195); на самомъ же дѣлѣ въ Угличѣ ѣздилъ митр. Филаретъ Ростовскій (Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 110). Автору Хронографа измѣнила память: митрополитъ Геласій въ 1591 г. хоронилъ царевича въ Угличѣ (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 60, стр. 121).

Дальнѣйшія подраздѣленія 166-й главы Хронографа, такъ же, какъ и остальные его главы до конца, представляютъ почти полное тожество съ текстомъ Ипаго Сказанія. Разница между ними сводится къ простому различію списковъ одного и того же произведенія. Эта часть, общая обомъ памятникамъ, начинается краткимъ рассказомъ объ осадѣ и взятіи Тулы, причемъ въ пей цѣтъ никакого предисловія и никакого другаго признака, по которому бы можно было видѣть въ ней особое, самостоятельное сочиненіе. Описавъ побѣду царя Василия надъ мятежниками, авторъ повѣствуетъ о его къ нимъ милосердіи и о томъ, что помилованные имъ клятвопреступники не пришли „въ разумъ истинный“, а снова подняли мятежъ. Людской ярости и злобѣ, питавшей междоусобія, авторъ посвящаетъ риторическій плачь, который и служитъ какъ бы введеніемъ къ повѣствованію о дальнѣйшихъ смутахъ. Послѣ плача онъ описываетъ появленіе Тушинскаго вора и развитіе смуты при царѣ Василии. Царь Василий, „желая отсуду и отъинуду помощи, но ни откуда же обрѣтая“, посылаетъ своего воеводу князя М. В. Скопина-Шуйскаго къ шведамъ „призвати къ своему царскому жалованію нѣмецкихъ всякихъ земель ратныхъ людей“. Сообщивъ объ этомъ, авторъ даетъ живую характеристику князя Михаила Скопина и выясняетъ, какъ много бѣдъ принесла Руси его смерть. Еслибъ онъ жилъ, Русь освободилась бы отъ враговъ; со смертью же его междоусобіе усилилось и многіе отпали отъ царя Василия. Какъ бы въ зависимость отъ смерти Скопина въ общемъ ходѣ своего рассказа авторъ ставитъ неудавшійся заговоръ противъ В. Шуйскаго князя Гагарина, Сумбулова и Грязного. Онъ относитъ его къ 1610 году, съ чѣмъ однако несогласно большинство изслѣдователей повѣствующихъ объ этомъ заговорѣ подъ 1609 годомъ¹⁾. Но если бы даже мятежъ и произошелъ въ 1610

¹⁾ *Соловьева* Ист. Россіи, VIII, по изд. 1873 г. стр. 238. — *Карамзина* Ист. Гос. Росс., XII, изд. 5-е, стр. 85 и прим. 351. — *Бутурлина* Исторія смутнаго времени въ Россіи, II, 226. — Одинъ Арцыбышевъ (Пов. о Россіи, т. III, стр. 231) относитъ мятежъ къ 1610 году, слѣдуя именно показанію Хронографа; а во 2-й редакціи. Но Хронографъ не всегда вообще вѣрно показываетъ годы: появленіе Тушинскаго вора отнесено въ немъ къ 7116 (1608) году вмѣсто 1607 г. (*Соловьева* Ист. Россіи, VIII, по изд. 1873 г. стр. 172); сверженіе В. Шуйскаго рассказывается подъ 7119 (1611) годомъ вмѣсто 1610 года. Относительно же мятежа 17-го февраля мы не имѣемъ опредѣленныхъ хронологическихъ указаній ни въ какомъ другомъ памятникѣ, кромѣ Хронографа. Относящіяся къ этому мятежу двѣ грамоты Гермогена (Ак. Арх. Эясп. II, № 169 и примѣчаніе 19) не рѣшаютъ дѣла: онѣ не имѣютъ даты и по указаніямъ текста могутъ быть

году, все-таки онъ былъ ранѣе смерти Скопина ¹⁾ и, стало быть, не можетъ быть поставленъ съ нею въ связь. Помѣстивъ такимъ образомъ свой рассказъ о мятежѣ не вполне на мѣстѣ, авторъ однако сообщаетъ въ немъ довольно цѣнные извѣстія, которыя вмѣстѣ съ Новымъ Лѣтописцемъ и грамотами патриарха Гермогена позволяютъ намъ хорошо узнать, что происходило въ Москвѣ 17-го февраля ²⁾).

Далѣе, логическая стройность рассказа нѣсколько нарушается. Предъ описаніемъ сверженія Шуйскаго авторъ помѣщаетъ два извѣстія о чудесныхъ явленіяхъ въ Москвѣ. Одно изъ нихъ было „въ четвертое лѣто царства Василия октября въ 20-й день“, то-есть, въ 7118 (1609) году, другое— „того же лѣта, мѣсяца февраля въ 18 день“ то-есть, въ 7118 (1610) году. Такимъ образомъ, второе изъ чудесныхъ явленій было позднѣе только что описаннаго мятежа противъ Шуйскаго, а первое нѣсколькими мѣсяцами раньше,—нарушеніе и хронологической послѣдовательности изложенія, если только мятежъ 1-го февраля въ извѣстныхъ намъ спискахъ отнесенъ къ 7118 году, вмѣсто 7117-го, не по ошибкѣ писцовъ, а самимъ авторомъ Хронографа. Статью о сверженіи царя Василия авторъ, какъ мы уже замѣтили, ошибочно помѣщаетъ подъ 7119 (1611) годомъ (этотъ годъ находится и въ обоихъ спискахъ Инаго Сказанія). Эта краткая статья служитъ прямымъ продолженіемъ прерваннаго сообщеніемъ о чудесахъ рассказа автора. Онъ и начинается ее такъ: „въ лѣто 7119... каки мятежники злу и велику крамолу посреди народа воздвигнуша“... Упомянувъ о смерти царя Василия въ польскомъ плѣну заканчивается обширная

приурочены одинаково удобно и къ 1609 и къ 1610 году. Соображеніе же Карамзина: „если мятежники бѣжали къ самозванцу въ Тушино, то конечно въ 1609 г., ибо въ слѣдующемъ Тушинскаго стана уже не было“,—не совсѣмъ справедливо: въ февралѣ 1610 г. Тушино доживало еще свои послѣдніе дни (*Карамзина* Ист. Гос. Росс., XII, прим. 351 и 482.—*Соловьева* Ист. Россіи, VIII, по изд. 1873 г. стр. 279—281).

¹⁾ М. В. Скопинъ-Шуйскій умеръ въ апрѣлѣ 1610 года. *В. С. Иконникова* „Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій“ въ *Чтеніяхъ въ Ист. Обществѣ Нестора Лѣтописца*, кн. I, Кіевъ. 1879 г., стр. 146—148.

²⁾ Ник. лѣт. VIII, стр. 111. — Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, стр. 150. — Новый Лѣтописецъ, стр. 101.—Акт. Арх. Эксп. II, № 169. — Повѣствованія объ этомъ мятежѣ другихъ сказаній, на которыя ссылаются изслѣдователи, основаны именно на Новомъ Лѣтописцѣ и Хронографѣ 2-й редакціи. Здѣсь считаемъ не лишнимъ замѣтить, что въ обоихъ спискахъ Инаго Сказанія рассказъ „о сонмищѣ мятежниковъ на царя Василия“ читается такъ, какъ онъ напечатанъ въ *Изборникѣ А. Н. Попова* (стр. 198); въ изданіи же И. Д. Бѣльева (стр. 67) онъ помѣщенъ съ пропусками.

166-я глава хронографа. По составу своему, она, какъ мы видѣли, не однородна. Въ началѣ она является какъ бы сокращеніемъ части Инаго Сказанія, затѣмъ слѣдуетъ рядъ отдѣльныхъ статей, связанныхъ между собою одною логическою нитью, причеиъ эта связь между ними нарушается вставочными извѣстіями о чудесахъ. При такомъ характерѣ разсказа, конечно, нельзя назвать его цѣльнымъ повѣствованіемъ.

За то остальные главы (167-я, 168-я и 169-я)¹⁾, отличаются полною выдержанностью изложенія. Глава 167-я разсказываетъ „о боярскомъ державствѣ Московскаго государства“ и объ общественной дѣятельности патріарха Гермогена при Шуйскомъ и въ междоцарствіе. При этомъ снова встрѣчаемся съ повтореніемъ одного и того же извѣстія: въ предыдущей главѣ авторъ уже говорилъ о посвященіи Гермогена въ патріархи; здѣсь же этимъ самымъ извѣстіемъ онъ начинаетъ характеристику патріарха. Къ нему онъ относится съ замѣтнымъ несочувствіемъ, осуждаетъ его за постоянные раздоры съ царемъ Василіемъ и даетъ понять, что патріархъ отчасти былъ виною паденія Шуйскаго и своей собственной гибели. Въ главѣ 168-й слѣдуетъ краткій разсказъ объ ополченіи Лянунова и о его смерти, въ которой прямо обвиняется Заруцкій; а затѣмъ авторъ общими чертами рисуетъ исторію нижегородскаго ополченія и въ дѣлѣ освобожденія Москвы главнымъ героемъ считаетъ Минина, за личностью котораго совершенно скрыты у него остальные дѣятели ополченія. Что касается до послѣдней 169-й главы, то въ Хронографѣ она имѣетъ заглавіе „Царство государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича“, но о событіяхъ его царствованія въ ней нѣтъ рѣчи. Мы находимъ въ ней только повѣствованіе о избраніи царя Михаила и свидѣтельство того, что новый государь мирно „нача правити мудрокормный царствія корабль“ и что всѣ русскіе люди съ новымъ царствованіемъ увидѣли „сладостныя тишины свободный день“. Эта глава есть заключеніе всего повѣствованія Хронографа о русскихъ событіяхъ и поэтому составлена съ особымъ риторическимъ прилежаніемъ, а въ началѣ даже представляетъ попытку римованной рѣчи. Весь складъ этой главы свидѣтельствуеиъ намъ, что здѣсь кончается вторая редакція Хронографа и что всѣ добавленія къ ней, какія встрѣчаются въ различныхъ спискахъ Хронографа, составлены позже другими лицами.

¹⁾ Изборникъ А. Н. Попова, стр. 200—204.—Ии. Сказ., стр. 69—73.

Таково содержаніе статей о смутѣ Хронографа 1617 года. Ясно, что по внутреннему своему строю эти статьи не могутъ назваться цѣльнымъ повѣствованіемъ: это собраніе простыхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, статей объ отдѣльныхъ фактахъ смуты (объ осадѣ Тулы, о заговорѣ 17-го февраля) и общихъ характеристикъ лицъ и царствованій. Всѣ эти разнородные элементы произведенія мѣстами вовсе не связаны между собою, мѣстами же достигаютъ высоты прагматическаго изложенія (какъ въ главѣ 166-й). Въ общемъ же повѣствованіе Хронографа представляется не стройнымъ литературнымъ произведеніемъ, а хрестоматіей разнородныхъ свѣдѣній о смутной эпохѣ. Мы успѣли, въ малой правдѣ степени, указать и на источники этой хрестоматіи. Однако, разъ установленъ тотъ фактъ, что авторъ Хронографа заимствовалъ кое-что изъ лѣтописей, пользовался хожденіемъ Трифона Коробейникова и, быть можетъ, Инымъ Сказаніемъ, — мы имѣемъ полное право отрицать полную оригинальность его произведенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны допустить, что составитель Хронографа пытался связать и объединить собранный имъ матеріалъ помощью большей или меньшей его обработки въ собственномъ вкусѣ и стилѣ. Для такого предположенія найдутся данныя.

На статьяхъ о смутѣ Хронографа лежитъ весьма замѣтный отпечатокъ оригинальности слога и взглядовъ. Изложеніе автора, богатое метафорами и эпитетами, выразительное и вмѣстѣ съ тѣмъ сжатое при всей своей вычурности, позволяетъ читателю безошибочно отличать его среди другихъ статей Хронографа, написанныхъ по иному литературному шаблону и иными лицами. Эта оригинальность слога и стремленіе автора въ краткомъ очеркѣ охватить всѣ событія извѣстной эпохи заставила А. Н. Попова, а за нимъ и насъ, считать началомъ разбираемаго повѣствованія главу 161-ю. Она ничѣмъ не отличалась бы отъ предшествующихъ главъ Хронографа о русскихъ событіяхъ XV—XVI вѣка, если бы въ нее не была введена характеристика Грознаго, обладающая именно тѣми литературными особенностями, какія мы сейчасъ указали и какія встрѣчаются въ послѣдующихъ главахъ. По свидѣтельству о принадлежности всего повѣствованія одному лицу, этотъ же самый оригинальный слогъ можетъ служить доказательствомъ и того, что въ повѣствованіи нѣтъ литературной цѣльности. Далеко не всѣ статьи его писаны этимъ слогомъ; иногда даже въ одной и той же статьѣ разные ея части не одинаковы по слогу. Для примѣра укажемъ на извѣстіе объ убіеніи

царевича Димитрія ¹⁾). Предъ нимъ находится шесть краткихъ извѣстій о разныхъ событіяхъ, написанныхъ самымъ простымъ языкомъ. Такимъ же языкомъ передается и о смерти царевича: „маія въ 15 день, на память преподобнаго и богоноснаго отца нашего Пахомія великаго, убиенъ бысть благовѣрный царевичъ князь Дмитрей Ивановичъ, иже на Угличе, отъ Митки Качалова да отъ Данилки Битяговскаго; мнози же глаголаху, яко еже убиенъ благовѣрный царевичъ князь Дмитрей Ивановичъ Углицкой повеленіемъ Московскаго боярина Бориса Годунова“. Это краткое извѣстіе, какъ намъ кажется, выписано авторомъ откуда-нибудь цѣликомъ: онъ даже не замѣнилъ словъ „Московскаго боярина“ обычнымъ своимъ эпитетомъ Годунова „шуринъ царевъ“. Но къ этому простому извѣстію онъ счелъ нужнымъ прибавить нѣсколько риторическихъ восклицаній: „О злое сластолюбіе власти! О звѣре бестрашный, иже вся поядая и отопчевая и останки ногами истребляя, ни милости внимая, ни будущаго прещенія помышляя, не щадить сродныхъ, не устрашается великородныхъ, ни милуетъ старость, ни умиляется о юности, но аки злый врань, иже злобою очерненный, доброцвѣтущую вѣтвь благоплоднаго древа сокруши и пагубу злу учини!“ Если первое приведенное нами мѣсто могло быть написано самымъ безыскусственнымъ лѣтописцемъ, то второе несомнѣнно принадлежитъ нашему автору: въ этомъ убѣждаетъ сравненіе его съ прочими риторическими мѣстами повѣствованія и особенно съ тѣмъ плачемъ о людской ярости и злобѣ, о которомъ мы уже упоминали ²⁾). Точно такое же различіе въ слогѣ, какъ въ разсказѣ о смерти царевича, можно замѣтить и между стоящими рядомъ статьями о ссылкѣ Романовыхъ и о голодѣ при Борисѣ Годуновѣ ³⁾). Не говоримъ уже о различіи въ языкѣ простыхъ лѣтописныхъ замѣтокъ и тѣхъ витиеватыхъ статей, среди которыхъ вставлены эти замѣтки.

Итакъ, служа отличіемъ всего разбираемаго произведенія, его своеобразный слогъ часто не выдержанъ и часто смѣняется совершенно простымъ, такъ-сказать, велитературнымъ языкомъ. Чѣмъ объяснить такую двойственность? На это можно отвѣтить только тѣмъ предположеніемъ, что авторъ Хронографа, собирая свои данныя изъ разнообразныхъ источниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не желалъ

¹⁾ Изборникъ А. Н. Попова, стр. 188.

²⁾ Изборникъ А. Н. Попова, стр. 196—197.

³⁾ Изборникъ А. Н. Попова, стр. 189—190.

ограничиться простымъ ихъ сопоставленіемъ въ компилятивный рассказъ. Можно думать, что нѣкоторыя заимствованія онъ оставлялъ безъ измѣненій, какъ напримѣръ, выборки изъ лѣтописей и Хожденіе Коробейникова, другія сокращалъ и отчасти передѣлывалъ, какъ рассказъ Инаго Сказанія, а многое писалъ и самъ или потому, что было необходимо заполнить пробѣлы между извѣстіями, или потому что авторъ не сочувствовалъ или не довѣрялъ тому источнику, который у него былъ подъ руками. Въ его рассказѣ нерѣдко встрѣчаемъ при какомъ нибудь извѣстіи оговорку, что такъ „глаголютъ нѣдци“ или что такъ „мнози глаголаху“. Намъ представляется, что въ подобныхъ случаяхъ авторъ намекаетъ на какой либо свой литературный источникъ, опасаясь согласиться съ нимъ безусловно. На всѣ эти прибавленія и передѣлки и легла печать стилистическаго дарованія автора. Если бы мы попробовали соединить всѣ мѣста, написанныя его слогомъ, въ одно цѣлое, мы не получили бы цѣльнаго рассказа, потому что всѣ эти характеристики и общіе очерки, очевидно, составлены уже тогда, когда авторъ собиралъ матеріалъ для послѣднихъ главъ Хронографа: въ томъ, что писалъ онъ самъ, онъ уже принимаетъ во вниманіе тѣ мѣста, которыя по слогу отличаются отъ его писаній и ему, вѣроятно, не принадлежатъ. Такъ въ характеристикѣ царствованія Феодора Иоанновича онъ говоритъ о смерти боярина Никиты Романовича, не объясняя, какое значеніе онъ имѣлъ при государѣ, потому что это уже было сказано въ лѣтописной замѣткѣ въ предыдущей главѣ; онъ только напоминаетъ объ этомъ читателю словами: „прежереченный благовѣрный бояринъ“¹⁾. Далѣе, сдѣлавъ краткую лѣтописную запись о смерти царевича Дмитрія, авторъ вспоминаетъ о царевичѣ въ риторической главѣ о Разстригѣ и говоритъ: „о немъ же писалъ въ царствѣ блаженныя памяти Феодора Ивановича“²⁾. Въ своей статьѣ о взятіи Тулы В. Шуйскимъ авторъ дважды упоминаетъ имя Лжепетра съ эпитетомъ „прежереченнаго“; этимъ онъ дѣлаетъ ссылку на тѣ строки своего повѣствованія, которыя, по видимому, взяты изъ Инаго Сказанія. На тѣ же строки ссылается онъ и въ рассказѣ о второмъ самозванцѣ, говоря, что Тушинскій воръ явился „въ той же прежереченнѣй Черниговстѣй странѣ“³⁾. Во всѣхъ нами указанныхъ мѣстахъ ссылки

¹⁾ Изборникъ А. Н. Попова, стр. 186 и 185.

²⁾ Изборникъ А. Н. Попова, стр. 192 и 188.

³⁾ Изборникъ А. Н. Попова, стр. 196, 197 и 195.

сдѣланы авторомъ на тѣ части Хронографа, которыя не отличаются особенностями его слога, и въ то же время эти ссылки не могутъ быть—по ходу изложенія—объясняемы какъ позднѣйшія вставки переписчика. Такимъ образомъ онѣ достаточно опредѣленно показываютъ намъ, что общіе очерки и характеристики въ повѣствованіи принадлежатъ самому собирателю Хронографа и составлялись уже тогда, когда составлялся самый Хронографъ.

Итакъ, наблюденія надъ слогомъ Хронографа приводятъ къ мысли что при разнородномъ характерѣ его составныхъ частей эти части связаны болѣе или менѣе въ одно цѣлое повѣствованіемъ самого собирателя Хронографа. Можетъ теперь возникнуть вопросъ, какимъ образомъ часть повѣствованія о смутѣ, находящаяся въ Хронографѣ, оказалась въ Иномъ Сказаніи? Такъ какъ статьи Хронографа не во всѣхъ своихъ частяхъ являются оригинальнымъ сочиненіемъ, то не заимствовалъ ли его собиратель изъ Инаго Сказанія той части, которая дословно одинакова въ обоихъ памятникахъ? На первый взглядъ эта догадка кажется вполне вѣроятной на томъ основаніи, что авторъ Хронографа, какъ мы старались показать, заимствовалъ кое-что изъ продолженія Повѣсти 1606 года, находящагося въ Иномъ Сказаніи. Однако держаться этой догадки невозможно по слѣдующимъ соображеніямъ.

Нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній для того, чтобы рѣшить вопросъ категорически. Исслѣдователь долженъ руководиться исключительно тѣми данными, какія даетъ ему изученіе текстовъ обоихъ памятниковъ. При такихъ условіяхъ единственный путь къ разрѣшенію задачи—сравненіе текста, общаго тому и другому памятнику, съ другими частями этихъ памятниковъ съ цѣлью выяснить, съ какимъ изъ двухъ произведеній изслѣдуемая часть имѣетъ болѣе общихъ чертъ. Если мы произведемъ подобное сравненіе, то убѣдимся, что статьи, общія Хронографу и Иному Сказанію, написаны авторомъ Хронографа и, стало быть, отсюда перешли въ Иное Сказаніе, а не наоборотъ.

Простое чтеніе обоихъ произведеній уже показываетъ однородность общихъ статей съ прочими частями Хронографа. Оригинальный слогъ Хронографа бросается въ глаза одинаково во всѣхъ статьяхъ его о смутѣ съ начала до конца ¹⁾). Можно уловить даже характерныя вы-

¹⁾ А. Н. Поповъ, знавшій оба памятника, не поднялъ даже вопроса о томъ, которому изъ нихъ принадлежатъ общія ихъ статьи. Онъ ихъ разбиралъ, какъ

раженія, чуждыя Иному Сказанію въ его первыхъ частяхъ, но встрѣчающіяся какъ въ статьяхъ общихъ, такъ и въ началѣ повѣствованія Хронографа. Такъ рассказъ въ общей части о сожженіи Москвы начинается словами: „изліяся фіалъ горести царствующему граду Москвѣ“; подобное же выраженіе „фіалъ гнѣва ярости Господня нанъ изливашеся“, встрѣчаемъ у автора Хронографа, когда онъ говоритъ о смерти Годунова ¹⁾. Далѣе, въ общей части, въ заключительной главѣ говорится, что Михаила Ѳедоровича просили на царство „сродственнаго его ради союза царскихъ искръ“; въ 165-й главѣ Хронографа, говоря о возвращеніи Романовыхъ изъ ссылки, авторъ къ нимъ предлагаетъ то же выраженіе: „иже быша искръ царскія крове родове“ ²⁾. Въ общей части о Скопинѣ-Шуйскомъ находимъ такой отзывъ: „бѣ бо во бранѣхъ лють на враги и стремленіемъ зѣло искусенъ и ратникъ непобѣдимъ“; въ главѣ 161-й у автора Хронографа читаемъ о Грозномъ: „во бранѣхъ на сопротивныя искусенъ, великъ бѣ въ мужествѣ и умѣ на рати копіемъ потрясати, воинственъ бо бѣ и ратникъ непобѣдимъ“ ³⁾. Но помимо сходства и тождества отдѣльныхъ реченій, всѣ характеристики лицъ въ общихъ статьяхъ (Скопина-Шуйскаго, Гермогена, даже Манина) очень близки къ характеристикамъ первыхъ главъ о смутѣ Хронографа. И въ то же время ни тонъ, ни отдѣльныя реченія Хронографа и общихъ статей не свойственны ни Повѣсти 1606 г., ни ея продолженію.

Но и помимо внѣшнихъ признаковъ внутреннія особенности произведеній показываютъ, что общія ихъ статьи гораздо ближе къ Хронографу, чѣмъ къ Иному Сказанію. Повѣсть 1606 г. составлена, какъ мы знаемъ, духовнымъ лицомъ, которое обладало достаточною богословскою начитанностью; оно вело свой рассказъ въ строго-религіозномъ тонѣ, объясняло событія внимательствомъ въ людскую жизнь Божиимъ, а въ бѣдахъ видѣло руку діавола. Къ представителямъ духовенства авторъ Повѣсти 1606 г. относился съ большимъ

органическую часть повѣствованія Хронографа, не упоминая объ Иномъ Сказаніи (Обзоръ хронографовъ русск. редакціи, II, стр. 120—121).

¹⁾ Изборникъ А. Н. Попова, стр. 200 и 191.—Ин. Сказ., стр. 69.

²⁾ Изборникъ А. Н. Попова, стр. 203 и 193—194.—Ин. Сказ., стр. 72.

³⁾ Изборникъ А. Н. Попова, стр. 198 и 183. — Ин. Сказ., стр. 66. Текстъ о Скопинѣ мы привели по Иному Сказанію, ибо въ Изборникѣ онъ не полонъ. Сравни. Карамзина Ист. Гос. Росс., XII, прим. 528 (о хронографѣ Ключарева). Выраженіе „искусенъ стремленіемъ“ употреблено еще въ главѣ 168-й Хронографа 2-й редакціи (Изборникъ, стр. 202.—Ин. Сказ., стр. 71).

вниманіемъ и сочувствіемъ. То же можно сказать и о продолжателѣ повѣсти 1606 г.: у него тотъ же религіозный тонъ, хотя меньше ссылокъ на Библию и Отцовъ церкви; у него такое же стремленіе объяснять ходъ событій неземнымъ вмѣшательствомъ; онъ также относится къ людямъ духовнымъ съ большимъ сочувствіемъ и почтеніемъ, что видно изъ его словъ о защитѣ поками Симонова монастыря. Совсѣмъ инымъ представляется въ своемъ повѣствованіи авторъ Хронографа: въ его разсказѣ почти вовсе нѣтъ библейскихъ цитатъ, цѣтъ и стремленія давать рѣшающее значеніе въ человѣческихъ дѣлахъ небеснымъ силамъ и діаволу; религіозная точка зрѣнія не исчерпываетъ его міровоззрѣнія, а духовенство не поставлено у него на такомъ высокомъ пьедесталѣ, какъ въ Иномъ Сказаніи. Чтобы не быть голословными, укажемъ на такой примѣръ разнаго отношенія повѣствователей къ одному и тому же предмету. Въ Иномъ Сказаніи самозванецъ Лжепетръ является „сосудомъ діавола“, его орудіемъ для того, чтобы „смутить языцы инозemi“; въ Хронографѣ же повѣствованіе о немъ начинается сообщеніемъ, что „паки Розстригины стаибники воздвизаютъ крамолы“, а затѣмъ просто говорится о Петрушкѣ, что „ивъ нѣкто прелукавый змій возста“. Такимъ образомъ, Хронографъ связываетъ явленіе Петра съ прежней самозванщиной и этимъ какъ бы указываетъ на его причину, не прибѣгая къ инымъ объясненіямъ¹⁾. Подобныхъ примѣровъ различія между Инымъ Сказаніемъ и Хронографомъ можно указать достаточно; мы остановились на этомъ именно примѣрѣ потому, что статья изъ которой онъ взятъ, заключаетъ въ себѣ отдѣльныя фразы, общія обоимъ памятникамъ. При сходствѣ изложенія, при подражаніи одного писателя другому, естественно было ожидать и сходства воззрѣній на дѣло, но этого сходства не оказывается.

Статьи, общія Хронографу и Иному Сказанію, своимъ внутреннимъ строемъ приближаются вполне къ Хронографу. Онѣ отличаются отъ Инаго Сказанія прежде всего меньшею подробностью разсказа: въ въ Иномъ Сказаніи очень подробно говорится о военныхъ дѣйствіяхъ московскихъ войскъ противъ мятежниковъ подъ Калугою, описываются даже малыя стычки, приводятся подробности неудачнаго штурма Калуги. Читатель вправѣ ожидать, что такой крупный фактъ изъ исторіи возмущенія Болотникова, какъ осада и взятіе Тулы, будетъ описанъ съ соотвѣтствующею подробностью, — и

¹⁾ Ин. Сказ., стр. 56.—Изборникъ А. Н. Попова, стр. 195.

вмѣсто этого видитъ рѣзкую перемену въ приемѣ изложенія: взятіе Тулы едва очерчено въ бѣгломъ разсказѣ. Именно этимъ бѣглымъ разсказомъ и начинаются въ Иномъ Сказаніи общія статьи съ Хронографомъ. Въ Хронографѣ же, напротивъ, этотъ разсказъ своею краткостью вполне гармонируетъ съ остальнымъ изложеніемъ. Далѣе вмѣстѣ съ краткостью въ статьяхъ, общихъ обоимъ произведеніямъ, наблюдаются и другія черты, отдаляющія его отъ Инаго Сказанія. Начало Инаго Сказанія, какъ мы видѣли, составлено было въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ. Если бы разбираемыя статьи были прямымъ продолженіемъ Инаго Сказанія, написаннымъ тѣмъ же лицомъ, или въ томъ же монастырѣ, мы могли бы ожидать въ нихъ хотя краткаго упоминанія о судьбахъ Троицкаго монастыря въ эпоху смуты. Но въ этихъ статьяхъ нѣтъ ни слова ни объ осадѣ монастыря, ни о его роли во время междуцарствія. Въ первыхъ частяхъ Инаго Сказанія мы видѣли рядъ похвалъ Василию Шуйскому; въ разбираемыхъ же статьяхъ отношеніе къ царю Василию гораздо сдержаннѣе и холоднѣе, хотя авторъ статей и относится къ нему въ общемъ сочувственно.

Такъ рядъ указаній текста лишаетъ насъ возможности считать общую часть Хронографа и Инаго Сказанія за одно органическое цѣлое съ Инымъ Сказаніемъ. Напротивъ, есть данныя, дающія основаніе думать, что эта общая часть составлена авторомъ Хронографа и уже изъ Хронографа переписана въ Иное Сказаніе. Этому не можетъ противорѣчить наше утвержденіе, что авторъ Хронографа пользовался кое-какими данными Инаго Сказанія. Первые части Инаго Сказанія были самымъ раннимъ, по времени составленія, разсказомъ о смутѣ; естественно, что собиратель Хронографа могъ ими воспользоваться. Но самъ онъ въ своемъ Хронографѣ явился однимъ изъ первыхъ повѣствователей о послѣднихъ годахъ смутной эпохи, и его разсказъ могъ быть занесенъ въ списки Инаго Сказанія въ качествѣ прямого его продолженія. Во время появленія Хронографа второй редакціи въ нашей письменности, насколько мы можемъ судить по уцѣлѣвшимъ памяткамъ, не было еще вовсе описанія смуты во всемъ ея цѣломъ, и поэтому статьи Хронографа о событіяхъ XVI—XVII вѣковъ могли представить собою большой интересъ для современниковъ. Онѣ и переписывались иногда отдѣльно отъ предыдущихъ статей Хронографа, въ дополненіе, напримѣръ, къ Хронографу первой редакціи ¹⁾.

¹⁾ А. И. Попова Обзоръ хронографовъ русск. редакціи, II, стр. 253.

Чтобы окончить нашу рѣчь о статьяхъ Хронографа второй редакціи, обратимся къ вопросу объ ихъ исторической цѣнности. По нашему мнѣнію, она не во всѣхъ отношеніяхъ одинаково велика. Статьи Хронографа очень интересны для того, кто желалъ бы узнать, какъ смотрѣли на событія и дѣятелей смутной эпохи люди времени Михаила Феодоровича. Взгляды автора, отчасти изложенные А. Н. Поповымъ, поражаютъ своею противоположностью тѣмъ воззрѣніямъ, какія мы встрѣчаемъ въ Повѣсти 1606 года. Въ Хронографѣ, напримѣръ, нѣтъ уже того безпощадно строгаго осужденія Бориса Годунова, какое высказывалъ авторъ Повѣсти со своей партійной страстностью. Напротивъ, Борису слагается цѣлое похвальное слово, какъ и сыну его Феодору. Въ Борисѣ авторъ Хронографа видитъ только одинъ порокъ—властолюбіе, но говоритъ о немъ, какъ бы извиняя его, съ такою оговоркой: „не бываетъ же убо никто отъ земнородныхъ безпороченъ въ житіи своемъ“. Этотъ порокъ привелъ Бориса къ тому, что онъ для достиженія и сохраненія власти слушалъ доносы, гналъ государеву родню и велѣлъ убить царевича Димитрія; впрочемъ, о винѣ Бориса въ этомъ убійствѣ авторъ даже не рѣшается утверждать ничего: онъ говоритъ, что о ней „мнози глаголаху“, и только. Этотъ же порокъ привелъ къ гибели и самого Бориса: „сего ради на ся отъ всѣхъ Русскія земли чиноначальниковъ негодование наведе“, и доброцвѣтущая красота его царства была поэтому низложена. Равнымъ образомъ, сочувственно относится авторъ Хронографа и къ пріятелю Бориса патриарху Іову, котораго называетъ „блаженнымъ и смиренномудреннымъ, источникомъ медоточныя сладости“. Напротивъ, къ В. И. Шуйскому онъ холодеетъ; хотя и не отказываетъ ему въ названіи „доброцвѣтущаго благовѣріемъ“ царя, но и не хвалитъ его такъ, какъ ранѣе хвалилъ царя Феодора Ивановича и Бориса. Съ плохо скрываемою враждой относится онъ къ Гермогену, котораго превозносятъ всѣ прочіе сказатели, и безъ всякаго сочувствія къ дѣятельности и участи Ляпунова, который въ 1611 году первый откликнулся на призывъ Гермогена освободить Москву отъ поляковъ. Онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что по смерти Ляпунова было „великое уннїе“ на Руси, но говоритъ, что происходило оно отъ „насилованія ратныхъ“, а не отъ потери земскаго предводителя. Въ его повѣствованіи не видно, чтобы онъ считалъ смуту—наказаніемъ Божиимъ за грѣхи всего народа; причину смуть онъ видитъ въ несогласіяхъ русскихъ людей и въ броженіи дурныхъ частей русскаго общества, того „злочиннаго сонмища, идѣ же безъ зла не спать“, иначе говори,

казачества и прочихъ дѣятелей самозванщины. Но пидѣ авторъ не обвиняетъ всего православнаго народа, всѣхъ „простожительныхъ людей“ въ тяжкихъ прегрѣшеніяхъ, наказаніемъ за которыя являлась смута, по мнѣнію другихъ писателей XVII вѣка.

Нѣтъ возможности объяснить происхожденіе всѣхъ оригинальныхъ взглядовъ автора Хронографа, потому что мы ничего не знаемъ о немъ самомъ. Намъ остаются неизвѣстными тѣ условія, въ которыхъ онъ воспитался и которыя повліяли на его воззрѣнія и симпатіи. Мы можемъ догадаться только объ одномъ: въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ такимъ очевидцемъ смуты, который бы самъ видѣлъ всѣ описанныя имъ лица и событія и самъ опредѣлилъ свое къ нимъ отношеніе по своимъ личнымъ впечатлѣніямъ. Нѣсколько грубыхъ фактическихъ неточностей въ разсказѣ Хронографа убѣждаютъ насъ въ томъ, что авторъ не все хорошо запомнилъ, или не все хорошо зналъ изъ тѣхъ фактовъ, которые описалъ ¹⁾. Это, конечно, значительно уменьшаетъ цѣнность его показаній для изслѣдователя событій, но за то даетъ важность его показаніямъ при изученіи взглядовъ на смуту русскаго общества XVII вѣка. Если авторъ писалъ не по памяти, которая ему измѣняла, а по показаніямъ другихъ лицъ (мы не думаемъ, чтобы у него въ 1617 году могли быть какіе-либо литературные источники для всѣхъ частей разсказа), то мы въ его произведеніи встрѣчаемся съ мнѣніями не одного лица, а всей

¹⁾ Прежде всего замѣчаемъ неисправность хронологическихъ показаній о событіяхъ весьма крупныхъ. Напримѣръ: смерть царя Бориса показана подъ 7112 (1604) годомъ, сверженіе Шуйскаго подъ 7119 (1611), избраніе Михаила Федоровича подъ 14 марта 1613 года (Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 191, 199, 203.— Четыре сказанія о Лже-Димитріѣ (гр. *Ростопчина*), стр. 61. — Ин. Сказ., стр. 68, 71). Далѣе, мы уже указали на неточности въ разсказахъ о самозванцѣ Петрѣ и о перенесеніи мощей царевича Димитрія. Последній разсказъ—о перенесеніи мощей,—хотя и имѣетъ вѣрную дату (3-го іюня 7114 г.), однако передаетъ такъ, что показываетъ незнакомство автора съ событіемъ. Помимо того, что виесто митр. Филарета названъ Геласій, весь строй разсказа неточенъ: авторъ думаетъ, что при Шуйскомъ являлось много чудесъ отъ гроба Димитрія, что только это постоянное чудотвореніе навело Шуйскаго на мысль перенести мощи въ Москву и что онъ исполнилъ это лишь тогда, когда мятежники стояли подъ Москвой. По крайней мѣрѣ, такъ можно понять по общему ходу повѣствованія. Другіе писатели имѣли большее знакомство съ этимъ фактомъ и ни одинъ изъ нихъ не допускалъ такихъ ошибокъ и неточностей въ передачѣ факта, какъ составитель Хронографа. Это тѣмъ болѣе странно, что въ авторѣ Хронографа можно предполагать московскаго жителя: онъ хорошо зналъ самый городъ Москву (см. начало главы 168-й).

той среды, которая ему внушила его взгляды. При таких условиях мы можем в повествовании автора видеть отзвук различных мифий и слухов о смуте, а не личные отзывы отдельного писателя—очевидца.

Закапчивая этимъ разборъ статей Хронографа второй редакціи и вмѣстѣ съ тѣмъ предпоследней части Иаго Сказанія, мы должны сознаться, что отсутствіе какихъ-либо точныхъ указаній въ текстѣ памятниковъ лишило насъ возможности пойти далѣе простой догадки, что послѣднія четыре главы Хронографа, который самъ по себѣ не представляетъ цѣльнаго и вполне оригинальнаго произведенія, были переписаны въ Иное Сказаніе въ дополненіе къ его первымъ частямъ. Это заимствованіе изъ Хронографа сдѣлано неизвѣстно кѣмъ, но, конечно, послѣ 1617 года, когда была составлена вторая редакція Хронографа.

Что касается до послѣдней части Иаго Сказанія, состоящей изъ краткихъ замѣтокъ по годамъ о времени царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, то ея разборъ уже не входитъ въ программу нашего труда. Замѣтимъ только, что эти краткія записи не составляютъ связнаго повѣствованія, крайне разнообразны по содержанію и безыскусственны по формѣ. Продолжаются онѣ до 7154 (1645) года и заключаются извѣстіемъ о вѣнчаніи на царство царя Алексѣя. Въ списокъ Императорской Публичной Библіотеки такихъ замѣтокъ нѣсколько больше, чѣмъ въ списокъ Московскаго Публичнаго Музея. Не лишено значенія то обстоятельство, что среди извѣстій о дѣлахъ общерусскихъ весьма часто попадаются извѣстія новгородскія, большей частью о смерти и поставленіи новгородскихъ владыкъ. Иногда же въ нихъ попадаются черты, прямо намекающія на ихъ составителей новгородца. Такъ о возвращеніи Новгорода подъ власть Михаила Ѳеодоровича говорится: „марта въ 13-й день пришли послы въ Новгородъ князь Данила Ивановичъ Мезецкой... въ четвертокъ вторыя недѣли великаго поста, въ десятой часъ дни, а нѣмцы вышли изъ города того же дни въ вечерѣ“. Подъ 7137 (1620) годомъ читаемъ: „то же весны въ водопольѣ въ Великомъ Новѣгородѣ рѣка Волховъ иде вспять 10 дней“¹⁾. Такое присутствіе новгородскихъ извѣстій ст. чисто мѣстнымъ колоритомъ даетъ поводъ думать, что послѣдніи дополненія къ Иному Сказанію сдѣланы кѣмъ либо въ Новгородѣ²⁾.

¹⁾ Ии. Сказ., стр. 75 и 77.

²⁾ Впрочемъ, эти позднѣйшія замѣтки могли быть внесены въ Иное Сказаніе изъ какого нибудь другаго лѣтописнаго сборника новгородскаго происхожденія:

Итакъ, мы окончили разсмотрѣніе Инаго Сказанія и нѣкоторыхъ произведеній, съ нимъ связанныхъ. Въ основу Инаго Сказанія легла Повѣсть, составленная въ 1606 году монахомъ Троице-Сергіева монастыря, въ духѣ правительственныхъ воззрѣній В. И. Шуйскаго. Эта Повѣсть 1606 года подверглась сокращенію, въ какое время — намъ неизвѣстно, и въ сокращенномъ видѣ дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ. Съ другой стороны часть Повѣсти 1606 года вошла въ Житіе царевича Дмитрія 1607 года, внесенное въ Минеи Четыи Германа Тулупова. На эту повѣсть 1606 года въ Иномъ Сказаніи разновременными слоями легло нѣсколько дополненій. Прежде всего, быть можетъ, при самомъ ея появленіи въ свѣтъ, къ ней было приписано нѣсколько правительственныхъ грамотъ царя Василя. Затѣмъ, по всей вѣроятности, въ царствованіе же Шуйскаго и самимъ авторомъ Повѣсти 1606 года, приписано было повѣствованіе о первыхъ смутахъ при царѣ Василя. Въ это повѣствованіе цѣликомъ вошла Повѣсть протопопа Терентія о чудесномъ видѣніи 1606 года, которая вызвала въ Новгородѣ подражаніе себѣ. Далѣе, послѣ 1617 года къ Иному Сказанію было прибавлено нѣсколько статей изъ Хронографа второй редакціи и, наконецъ, Иное сказаніе дополнялось лѣтописными замѣтками, доходящими до половины XVII вѣка. Такимъ образомъ, разбираемый памятникъ есть не что иное, какъ сборникъ самаго разнохарактернаго состава. Первые его статьи показываютъ намъ, что смута еще въ начальные момепты своего развитія стала уже предметомъ литературнаго повѣствованія. Дальнѣйшее наше изложеніе покажетъ, что существуютъ и другія повѣствованія о смутѣ, составленныя до ея окончанія.

онѣ попадаются и въ спискахъ хронографовъ XVII вѣка (Изборникъ А. Н. Попова, стр. 278, 388).

II.

Нѣсколько повѣствованій о смутѣ, составленныхъ въ самую эпоху смуты, были предметомъ нашего изученія въ первой главѣ нашего труда. Таковы Повѣсть 1606 года, Повѣсть о перенесеніи мощей царевича Дмитрія, рассказъ о видѣннн протопопа Терентія. Таковы же, вѣроятно, рассказъ о новгородскомъ видѣннн 1611 года и повѣствованіе, составляющее третью часть Инаго Сказанія. Къ этимъ раннимъ произведеніямъ о смутѣ слѣдуетъ причислить еще Повѣсть о честнѣмъ житіи царя Θεодора Ивановича, написанную патриархомъ Іовомъ, такъ называемую Новую Повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ 1610—1611 года Плачь о плѣненн и о конечномъ разоренн Московскаго государства въ 1611 году и нѣкоторыя повѣсти о чудесныхъ видѣнняхъ, бывшихъ въ смутное время. Разборъ этихъ произведенн долженъ предшествовать нашему знакомству съ позднѣйшими трудами о смутѣ.

Повѣсть о честнѣмъ житіи царя Θεодора Ивановича, вошедшая въ составъ Никоновской Лѣтописи ¹⁾, написана была патриархомъ Іовомъ, по всѣмъ признакамъ, въ царствованн Бориса и, стало быть, ранѣе Повѣсти 1606 года ²⁾. Въ то время, какъ послѣдняя получила обширное распространенн, трудъ Іова оставался безъ замѣтнаго вліянн на послѣдующія описанія событн смутнаго времени

¹⁾ Ник. Лѣт. VII, стр. 316—359.

²⁾ Въ Повѣсти Іова нѣтъ прямыхъ указанн на время ея составленн. По нѣкоторымъ выраженнмъ можно было бы думать, что Повѣсть составлена въ первые дни по кончинѣ Θεодора. Такъ, Іовъ говоритъ: „се днесъ благочестивнй государь,.. оставивъ земное царство, восходитъ къ Вышнему, отседе же... престолъ

и переписывался рѣдко¹⁾). А между тѣмъ патріархъ Іовъ по своимъ взглядамъ на лица и событія представляетъ разительную противоположность автору Повѣсти 1606 года. Начитанный и прекрасно владѣвшій литературнымъ слогомъ своего времени писатель и близко стоявшій къ государственнымъ дѣламъ церковный дѣятель, Іовъ въ своей Повѣсти далъ общій обзоръ важнѣйшихъ внѣшнихъ событій времени царя Θεодора: подчиненія Сибири, учрежденія патріаршества, шведской войны, войны съ крымцами въ 1591 году. Разсказъ патріарха носитъ на себѣ слѣды его литературнаго образованія, отличаясь обиліемъ риторики, и въ то же время имѣетъ характеръ официального повѣствованія, сообразно общественному положенію автора. Фактическія показанія Іова весьма мало могутъ служить историку смуты, какъ потому, что не касаются событій смутнаго времени, такъ и потому, что о времени Θεодора Ивановича вообще мы знаемъ болѣе, чѣмъ сообщаетъ патріархъ, на основаніи иныхъ источниковъ²⁾). Трудъ патріарха интересенъ для насъ только тѣми характеристиками, какія

великія Россія вдовствовать начинаетъ“ (стр. 351—352). Обращаясь къ усопшему, Іовъ выражается такъ: „аще еси уже достиже умныхъ силъ въ премирная селенія и ясне зриши триипостаснаго существа пресвѣтлое сіяніе“... (стр. 358). Но въ другомъ мѣстѣ находимъ указаніе, что Іовъ писалъ уже по избраніи Бориса: говоря о томъ, что, награждая Бориса царскою золотою цѣпью, Θεодоръ этимъ предсказывалъ царство Борису, Іовъ заключаетъ: „не по мнозѣхъ лѣтѣхъ царское его на семь пророчество совершился“ (стр. 345). Съ другой стороны, нѣтъ давныхъ думать, что Іовъ составилъ свою Повѣсть по смерти царицы Ирины и царя Бориса: о нихъ въ Повѣсти говорится, какъ о живыхъ. Далѣе, въ Повѣсти нѣтъ ни слова о смерти царевича Димитрія: не можетъ быть, чтобы Іовъ умолчалъ объ этомъ, еслибы писалъ послѣ появленія или послѣ смерти самозванца, когда обстоятельства требовали какъ можно тверже установить фактъ дѣйствительнаго прекращенія династіи Калиты. Соображая всѣ эти данныя, приходимъ къ мысли, что патріархъ Іовъ составилъ свою Повѣсть при царѣ Борисѣ еще въ первые годы его царствованія.

¹⁾ О спискахъ Повѣсти Іова см. *Н. П. Барсукова* Источники р. агиографии, ст. 587. Мы лично не встрѣчали ни одного списка.

²⁾ Весьма интересенъ у Іова разсказъ о послѣднихъ минутахъ царя Θεодора (Ник. Лѣт. VII, стр. 347—359; сравн. VIII, стр. 33). Затѣмъ историкъ можетъ воспользоваться нѣкоторыми чертами разсказа о нашествіи татаръ на Москву въ 1591 г. въ дополненіе къ тѣмъ даннымъ, какія обнаружены С. М. Соловьевымъ по Дѣламъ Крымскимъ и другимъ источникамъ (сравн. Ник. Лѣт. VII, стр. 335—346, и *Соловьева* Ист. Россіи, VII, по изд. 1879 г. стр. 311—318). Но этимъ и ограничивается фактическая цѣнность памятника.

далъ Іовъ двумъ главнымъ лицамъ своего разсказа: царю Теодору и Борису Годунову:

И къ тому, и къ другому относится онъ съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ. Въ его глазахъ Теодоръ „древнимъ царемъ благочестивымъ равнославенъ, нынѣшнимъ же красота и свѣтлость, будущимъ жъ сладчайшая повѣсть и слуха благое наслажденіе“. Господствующею чертою въ характерѣ Теодора Іовъ считаетъ его глубокое благочестіе: стремленіе къ вѣчному отвлекаетъ Теодора отъ житейскихъ заботъ, ведетъ его къ постоянной молитвѣ, къ изнурительному посту и долгимъ церковнымъ стояніямъ. Вся жизнь Теодора есть рядъ благочестивыхъ подвиговъ и добрыхъ дѣлъ: онъ „зѣло благочестивъ и милостивъ ко всѣмъ, кротокъ и незлобивъ, милосердъ, нищелюбивъ и страннопріимецъ“. Эти свойства обнаруживаются не только въ частной жизни Теодора, но и въ управленіи государствомъ: „во всей своей богохранимой державѣ Російскаго царствія правду любя, злобы ненавидя, любовь имѣя, лукавство жъ разрушая и межусобныя брани, востающія во всемъ царствіи его, своимъ царскимъ смиренномудріемъ укрощая и вся предѣлы богохранимаго царствія своего въ мирѣ и въ тишинѣ и во всяцемъ благоденствіи утвержая“ ¹⁾. Въ лицѣ Теодора такимъ образомъ Іовъ создаетъ какъ бы идеаль монарха, инока а аскета по личной жизни, и въ то же время разумнаго, кроткаго и дѣятельнаго правителя. Жизнь Теодора онъ прямо называетъ „святымъ житіемъ“ ²⁾. Этотъ идеальный образъ Теодора воспроизводится и другими сказателями ³⁾; но, признавая въ царѣ Теодорѣ кроткаго подвижника, отзываясь о немъ съ глубокимъ уваженіемъ, они расходятся съ Іовомъ въ одномъ отношеніи. Въ Повѣсти Іова Теодоръ является активнымъ дѣвателемъ государственной политики, въ прочихъ сказаніяхъ онъ совершенно удаляется отъ дѣлъ, скучаетъ ими и все государство отдаетъ въ руки Бориса ⁴⁾. И форма позднѣйшихъ

¹⁾ Ник. Лѣт., VII, стр. 319—320 и 346.

²⁾ Ник. Лѣт. VII, стр. 320.

³⁾ Напримѣръ, въ Хронографѣ 2-й редакціи (Изборникъ А. Н. Попова, стр. 186), въ Сказаніи Авраамія Палицына (изд. 2-е, стр. 2), въ Повѣсти кн. Ив. М. Катырева-Ростовскаго (Изборникъ А. Н. Попова, стр. 285 и 313), въ Житіи цар. Дмитрія, внесенномъ въ Милютинскія Минеи (Ркп. Моск. Синод. Библиотеки № 805 по Указателю арх. Саввы, л. 1027), и во Временникѣ Ивана Тимоеева (Ркп. Флорищевой пустыни № 108, л. 40—43 об.).

⁴⁾ Кн. Ив. М. Катыревъ-Ростовскій замѣчаетъ даже, что Борись получилъ такую власть при Теодорѣ, „яко же и самому царю во всемъ послушну ему быти и повелѣнное имъ творити“ (Изборникъ А. Н. Попова, стр. 285).

отзывовъ о Ѳеодорѣ и ихъ самостоятельность въ томъ или другомъ отѣннѣ отношенія къ Ѳеодору исключаютъ всякую мысль о возможности прямого подражанія Іову со стороны позднѣйшихъ сказателей.

Не нашлось подражателей патріарху и въ тѣхъ частяхъ его Повѣсти, которыя посвящены Борису Годунову. Годунова Іовъ ставитъ по добродѣтелямъ его рядомъ съ царемъ Ѳеодоромъ. По словамъ Іова, Борисъ мудръ и храбръ; о его умѣ, мужествѣ и благочестіи слава распространилась даже за предѣлы Руси; самъ царь Ѳеодоръ Ивановичъ, видя правленіе своего шурина, удивлялся его достоинствамъ. Борисъ всѣхъ въ Москвѣ превосходилъ „благимъ разумомъ“ и совершилъ „великій подвигъ“ „о исправленіи богохранимыя царскія державы“. Въ борьбѣ съ татарами онъ показалъ себя „непобѣдимымъ воеводою“; „пречестнымъ его правительствомъ благочестивая царская держава въ мирѣ и тишинѣ велелѣпнѣй цвѣтуще“; онъ создалъ много каменныхъ градовъ „и въ нихъ превеликіе храмы въ славословіе Божіе возгради и многія обители устрои“; Москву онъ украсилъ, „яко нѣкую невѣсту“, выстроивъ въ ней много храмовъ, „палаты купеческія“ и каменные стѣны¹⁾. Таковъ былъ „изрядный правитель“, по разсказу патріарха. О придворныхъ смутахъ времени Ѳеодора Ивановича, бывшихъ слѣдствіемъ чрезвычайнаго возвышенія Годунова, объ опалахъ и ссылкахъ, о смерти царевича Димитрія, словомъ, о темной сторонѣ дворцовой жизни при царѣ Ѳеодорѣ у патріарха Іова не находимъ ни слова. Онъ ограничивается лишь далекимъ намекомъ на „межусобныя брани, востающія во всемъ царствіи“, которыя укрощалъ Ѳеодоръ своимъ смиренномудріемъ, но ничего не говоритъ объ этихъ браняхъ. Такимъ образомъ рядомъ съ идеальнымъ монархомъ въ Повѣсти Іова стоитъ идеальный правитель.

Сопоставляя характеристики Іова съ отзывами Повѣсти 1606 года, замѣчаемъ полнѣйшую ихъ противоположность. У Іова Ѳеодоръ является главнымъ, лучшимъ дѣятелемъ своего времени, въ Повѣсти 1606 года царю Ѳеодору, „пресвѣтлой отрасли царскаго корени“, не найдемъ ни одной похвалы. Борисъ у Іова безупречный человекъ и правитель, въ Повѣсти 1606 года онъ только властолюбецъ и злодѣй безъ малѣйшихъ признаковъ совѣсти. Оба писателя, и патріархъ и авторъ Повѣсти 1606 года, явно пристрастны, и увлеченіе одного помогаетъ намъ лучше понять увлеченіе другаго. Знакомство съ писателями времени Михаила Ѳеодоровича убѣдитъ насъ въ томъ, что люди,

¹⁾ Ник. Лѣт., VII, стр. 327—328, 337.

писавшіе о смутѣ по личнымъ впечатлѣніямъ и свѣжимъ преданіямъ, умѣли избѣгать какъ односторонности официальныхъ похвалъ Іова, такъ и партійной ненависти Повѣсти 1606 года.

Новая Повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ дошла до насъ въ единственномъ спискѣ ¹⁾ и представляетъ собою чрезвычайно любопытный памятникъ древне-русской письменности. Довольно обширное послѣсловіе къ Повѣсти ²⁾ позволяетъ опредѣлить происхождение этого памятника. Изъ послѣсловія узнаемъ, что авторомъ Новой Повѣсти былъ какой то москвичъ, имѣвшій жецу и дѣтей и служившій московскому боярскому правительству 1610—1611 года, тому правительству, которое избрало въ цари Владислава и пустило въ Москву польскій гарнизонъ. Господство иновѣрныхъ поляковъ въ Москвѣ и поведение бояръ, подчинявшихся незаконнымъ притязаніямъ Сигизмунда, заставили автора отвернуться отъ своихъ господъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на измѣнниковъ, „враговъ креста Христова“ и губителей православныхъ христіанъ. Служить врагамъ Руси, не отстать отъ нихъ и не противиться имъ значило для него погубить

¹⁾ Ркп. библиотеки Моск. Дух. Академіи № 175, въ 4 д., XVI и XVII вв., 561 лл.; Новая Повѣсть писана мелкою скорописью на лл. 369—388 об. Описание ркп. № 175 см. въ трудѣ арх. Леониды: Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Свято-Троицкія Сергіевы Лавры въ бібліотеку Троицкой Дух. Семинаріи въ 1747 году (*Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. за 1884 г., III, стр. 182*). Полное заглавіе Повѣсти таково: „Новая Повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ и великомъ государствѣ Московскомъ, и о страданіи новаго страстотерпца святѣйшаго киръ Ермогена патріарха всеа Руси, и о посланныхъ нашихъ преосвященнаго Филарета митрополита Ростовскаго и болярина кн. Василія Голицына съ товарищи, и о крѣпкомъ стояніи града Смоленска, и о новыхъ измѣнникахъ и мучителей, и гонителей, и раззорителей и губителей вѣры христіанскія Феодки Ондророва съ товарищи“. Такъ какъ авторъ Повѣсти въ текстѣ ея не называетъ „новыхъ измѣнниковъ“ по именамъ, то можно сомнѣваться въ томъ, что онъ самъ далъ своей Повѣсти это заглавіе, къ тому же не совсѣмъ грамотное; вѣрнѣе, что оно было приписано кѣмъ-нибудь позже. — Знавшіе Повѣсть изслѣдователи дали о ней разнорѣчивые отзывы: Арх. Леонидъ опредѣлялъ Новую Повѣсть, какъ „одно изъ Троицкихъ посланій“ въ смутное время (*Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. за 1884 г., III, стр. 196*). Г. Кедровъ, пользовавшійся Повѣстью въ своемъ трудѣ „Авраамій Палицынъ“, думалъ, что Повѣсть есть „посланіе, писанное изъ Кремля какимъ-то женатымъ лицомъ, вѣроятно, подъ Смоленскъ“ между декабремъ 1610 г. и апрѣлемъ 1611 г. (*Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. за 1880 г., IV, стр. 62*). Оба опредѣленія одинаково не могутъ быть приняты.

²⁾ Оно напечатано нами въ статьѣ „Новая Повѣсть о смутномъ времени XVII вѣка“ (*Журн. Мин. Нар. Просв. за 1886 г., январь, стр. 52—53*).

свою душу. Но онъ былъ у нихъ „зѣло пожалованъ“, онъ зналъ „ихъ думы и мысли“, и не могъ безнаказанно стать противъ измѣнниковъ. По его увѣренію, онъ не боялся умереть, если его измѣна боярамъ и полякамъ будетъ открыта: хотя „всѣ мы смерти боимся“, но умереть за правду значитъ „ожити за ту правду“. Ему только страшно было „жена и дѣти осиротити, межъ дворъ пустити, или будетъ всего того горши,—на позоръ дати“, и поэтому онъ задумалъ измѣну тайную. Онъ составилъ пространное „письмо“, въ которомъ обличалъ замыслы Сигизмунда овладѣть Русью и доказывалъ, что боярское правительство служить королю и готово подчинить ему и Польшѣ, а не Владиславу, все Московское государство. Указывая на безчинства поляковъ и русскихъ измѣнниковъ въ Москвѣ, авторъ „письма“ считалъ истинными защитниками вѣры и государства патріарха Гермогена, великихъ пословъ къ Сигизмунду, не уступавшихъ его требованіямъ, и храбрыхъ защитниковъ осажденнаго королемъ Смоленска. Приглашая москвичей послѣдовать ихъ примѣру, авторъ Новой Повѣсти прямо побуждалъ ихъ на открытое возстаніе противъ московскихъ бояръ и поляковъ, для того, чтобы изгнать польскій гарнизонъ изъ Москвы. Свое письмо авторъ, вѣроятно, бросилъ въ какомъ нибудь людномъ мѣстѣ Москвы съ тою цѣлью, чтобы его подняли и прочли. „И кто сіе письмо возьметъ и прочтетъ“, пишетъ онъ: „и онъ бы его не таилъ, давалъ бы разсмотрѣючи и вѣдаючи своей братіи православнымъ христіаномъ прочитати вкратцѣ“. Таково происхождение Новой Повѣсти: это—подметное письмо, заключающее въ себѣ призывъ къ возстанію противъ поляковъ, занимавшихъ Москву, и противъ бояръ, повиновавшихся и радѣвшихъ Сигизмунду. Подметныя письма или „листы“ не были рѣдкостью въ смутное время ¹⁾, но они до сихъ поръ не были извѣстны. Новая Повѣсть, являясь единственнымъ образцомъ такого рода, показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что

¹⁾ Дошли извѣстія о подметныхъ письмахъ при первомъ самозванцѣ (Сказанія Массы и Геркмана, стр. 195). Въ 1606 г., послѣ сверженія самозванца, такія письма волновали москвичей (*Устрялова* Сказанія современниковъ о Дмитріи самозванцѣ, изд. 3-е, ч. I, стр. 306; ч. II, стр. 177). Болотниковъ своими „листами“ старался поднять московскую чернь (Акт. Арх. Эксп. II, № 57, стр. 129). Немного позднее, какъ сообщаетъ Масса, въ Москвѣ за распространеніе подметныхъ листовъ былъ казненъ священникъ (Сказанія Массы и Геркмана, стр. 239). Подметныя письма появлялись и послѣ смуты (*Котошигина* О Россіи въ царств. Алексія Мих., изд. 3-е, стр. 114.—*Записки Отд. Русск. и Слав. Археологій Имп. Арх. Общества*, II, стр. 682.—*Др. Росс. Вивліюенка*, изд. 2-е, III, стр. 285).

тайныя писанія достигали иногда значительнаго объема и не были чужды литературныхъ достоинствъ.

Невозможно опредѣлить по даннымъ Повѣсти личности ея автора: по свойству самаго произведенія онъ старался какъ можно меньше обнаружить себя. Если полагаться на его искренность въ его немногихъ показаніяхъ о самомъ себѣ, то слѣдуетъ предположить, что онъ былъ изъ числа людей служилыхъ. Онъ говоритъ о себѣ, что былъ „пожалованъ“ московскимъ правительствомъ, зналъ его намѣренія, „думы и мысли“, принялъ его сторону „для ради суетныя славы и тлѣннаго богатства“, иначе говоря, для служебной карьеры и обогащенія. Врядъ ли могъ такъ выражаться о себѣ человѣкъ тяглый, торговый или промышленный, далекій отъ политическихъ дѣлъ и административной дѣятельности. Врядъ ли могло такъ говорить и лицо духовное: забота автора о семьѣ показываетъ, что онъ не былъ монахомъ, а рѣзкій отзывъ его о духовенствѣ ¹⁾ и служба его „врагамъ креста Христова“ не позволяютъ видѣть въ немъ и священника. Наконецъ, нельзя не замѣтить и того, что онъ нигдѣ не ставитъ себя рядомъ съ боярствомъ, „съ земледержцами и правителями“; напротивъ, отождествляя себя съ пародною массой, онъ какъ бы противопоставляетъ себя боярству и отзывается о немъ очень рѣзко ²⁾. Всѣ эти признаки, хотя и мало устойчивые, даютъ однако право думать, что сочинитель подметнаго письма былъ простымъ дворяниномъ или сыномъ боярскимъ, или же приказнымъ дьякомъ. Бойкій слогъ его письма обличаетъ въ авторѣ человѣка, привыкшаго писать, но не усвоившаго себѣ привычки къ риторическимъ оборотамъ книжной рѣчи. Онъ не чуждается риторической фразы, но рядомъ съ нею сходитъ до свободной шутки и до простаго разгово-

¹⁾ О московскомъ духовенствѣ авторъ говоритъ, что въ немъ Гермогенъ „способниковъ себѣ не имѣеть никого же: которые его были сынове и богомольцы, той же санъ на себѣ имѣють,—и тѣ славою міра сего прелестнаго прельстилися, просто речи, подалися и къ тѣмъ врагомъ приклонилися и творять ихъ волю“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 382).

²⁾ „А будетъ и есть избранніи, сердцемъ желанніи, по христіанской вѣрѣ и по всѣхъ по насъ жалѣють и радять отъ тѣхъ же чиновъ (то-есть, благородныхъ) и боярскихъ родовъ, но не могутъ ничего учинити“, говоритъ авторъ о боярствѣ въ противоположность себѣ и народу (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 283 об.). Авторъ вообще не любитъ боярскаго правительства и постоянно называетъ его „измѣнниками“, „богоотступниками“, „кривителями“, „землесѣдцами“, „братьями Иуды предателя“ и т. д.

наго языка ¹⁾). У него нѣтъ выписокъ изъ библіи и другихъ духовныхъ книгъ, которыми любили щеголять начитанные писатели его времени; общій планъ его изложенія невыдержанъ: авторъ беспорядочно перебѣгаетъ отъ предмета въ предмету и часто повторяется. Все это говоритъ намъ, что авторъ, бойко владѣя перомъ, не имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ книжныхъ навыковъ. По этой примѣтѣ легче всего предполагать въ авторѣ именно приказнаго дьяка ²⁾).

Новая Повѣсть не заключаетъ въ себѣ точныхъ указаній и на время ея составленія. По нѣкоторымъ даннымъ текста можно приурочить ее или къ самому концу 1610 или къ самому началу 1611 года. Авторъ ее знаетъ тѣ событія, которыя совершались въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1610 года, но ни слова не говоритъ о тѣхъ событіяхъ, которыя имѣли мѣсто въ началѣ 1611 года и должны были бы интересовать его. Такъ, въ Новой Повѣсти находимъ разсказъ о неудачныхъ переговорахъ и о страданіяхъ великаго посольства подъ Смоленскомъ; митр. Филаретъ и кн. В. В. Голицынъ прибыли въ королевскій лагерь 7-го октября, а начали переговоры 15-го или 16-го октября ³⁾. Далѣе, въ Повѣсти читаемъ описаніе того, какъ Ѡ. Андроновъ распоряжался царскою казною; назначеніе Андропова казначеемъ на Казенный дворъ состоялось 7-го ноября (нов. стиля) ⁴⁾.

¹⁾ Нѣсколько выдержекъ изъ Новой Повѣсти, приведенныхъ въ нашей статьѣ о ней (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1886 г., январь), могутъ дать понятіе о языкѣ автора.

²⁾ Московскіе дьяки не были безучастны къ смѣнѣ правительствъ, которымъ имъ приходилось служить. Въ 1610 г. Ѡедоръ Андроновъ писалъ канцлеру Сапѣгѣ о приказныхъ людяхъ: „да и въ Приказы бѣ потреба иныхъ приказныхъ людей посажать, которые бы его Королевскому Величеству примили, а не Шуйскаго похлѣбцы“. Онъ боялся вторичнаго воцаренія царя Василія, который еще не былъ увезенъ изъ Москвы (Акт. Ист. II, № 299, стр. 356). Многие дьяки внесены были въ списокъ подозрительныхъ для поляковъ лицъ, составленный въ томъ же 1610 году (Акт. Ист. II, № 310). Не смотря однако на заботу имѣть у дѣлъ вѣрныхъ людей, Сигизмундъ писалъ въ апрѣлѣ 1611 года: „учинилось намъ вѣдомо, што некоторые дьяки, цѣловавъ сыну нашему крестъ, измѣнили, побѣжали съ Москвы въ воровство къ Липунову и инымъ измѣнникомъ“ (Акт. Западн. Россіи, IV, № 183, стр. 406).

³⁾ Русск. Ист. Библіотека, I, ст. 686 и 688. — *Гбликова* Двѣня Петра В. изд. 2-е, т. XII, стр. 303 и 312.

⁴⁾ Акт. Западн. Россіи, IV, № 183, стр. 372. Авторъ Новой Повѣсти не называетъ Андропова прямо по имени, но прикрываетъ его насмѣшливымъ нескромнымъ прозвищемъ, настолько прозрачнымъ, что нельзя и сомнѣваться, кого слѣдуетъ разумѣть подъ нимъ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 385 об.—

Авторъ Повѣсти описываетъ столкновение патріарха съ однимъ изъ „новыхъ измѣнниковъ“, который требовалъ отъ Гермогена присяги на имя Сигизмунда; по намекамъ Повѣсти слѣдуетъ думать, что это былъ М. Салтыковъ, а первая ссора съ нимъ Гермогена происходила 30-го ноября и 1-го декабря 1610 года („предъ Николинымъ днемъ“ въ пятницу и субботу¹⁾). Наконецъ, авторъ знаетъ, что изъ великаго

386.—*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1886 г., январь, стр. 60). О дѣятельности Андропова, какъ казначая, авторъ говоритъ: „И еще же врагъ и лютой злодѣй нищѣ не въ свое достоиніе вниде, аки Ихнилать, въ цареву ризницу вѣзъа казяти и губити то великое царское сокровище, отъ многихъ дѣтъ многими государи самодержъцы великими князи и цари всея Русіи собрано и положено. Онъ же окаянный, аки вышереченный Ихнилать, во единомъ часѣ или паги не по мнозѣ времени, все хотѣтъ извѣсти и расточить и погубить, и ту цареву ризницу хоцетъ пусту до конца оставить, аки пустую и бездѣльную храмину. А уже и оставилъ, и нынѣ тѣ великія сокровища, тяжкоцѣнныя камыки и портища и всякія вещи, иже нами невѣдомы и незнаемы, съ своими единомысленики разбиваетъ и вещь къ вещи прибираетъ, къ тому же злата и сребра и бисерія великія ковчеги насыпаетъ и къ тому прежереченному сопослату нашему врагу королю и похитителю подъ оный заступный нашъ градъ (то-есть, Смоленскъ) посылаетъ“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи, № 175, л. 386—386 об.).

¹⁾ Новая Повѣсть не называетъ по имени того, кто спорилъ съ патріархомъ; о немъ говорится такими словами: „по его злому дѣлу недостойтъ его во имя мысленнаго или святаяго назвати, но достойтъ его нареци злый челоувкоядный волкъ“. Этотъ волкъ въ то же время называется „начальнымъ губителемъ Божіяго жребія“; „имя же его всѣмъ намъ вѣдомо“, прибавляетъ затѣмъ авторъ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 379). Бояринъ Мих. Глѣб. Салтыковъ подходитъ подъ всѣ эти намеки: онъ назывался во имя „мысленнаго“ архангела Михаила и былъ самымъ виднымъ и дѣятельнымъ изъ высокопоставленныхъ сторонниковъ Сигизмунда въ Москвѣ (его обвиняли предъ Сафѣго даже въ томъ, что онъ „назывался на Москвѣ владѣльцомъ или правителемъ“ и вершилъ дѣла по своему приговору и безъ боярскаго вѣдома. Акт. Ист. II, № 306, стр. 363). Если не предполагать въ „начальномъ губителѣ“ Салтыкова, то трудно указать другое лицо изъ московскаго боярства, всѣмъ извѣстное и стоявшее во главѣ сторонниковъ Сигизмунда (Ф. Андропова Новая Повѣсть характеризуетъ иными чертами). О ссорѣ Салтыкова съ патріархомъ см. Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 224, стр. 491.—Акт. Арх. Эксп. II, № 170, стр. 292.—Няк. Лѣт. VIII, 152—153.—Наша Повѣсть говоритъ, что „начальный губитель“ требовалъ отъ Гермогена, чтобы тотъ повелѣлъ народу цѣловать крестъ самому Сигизмунду („всего бы міра спасеніе злодѣйцу отцу касатися повелѣтъ“). Когда же патріархъ не согласился, „начальный губитель“ началъ, „аки безумный пѣсъ на аеръ зря, лаяти и нелѣпными словами, аки сущій буй каменіемъ, на лице святителю метати и великоимянитое святительство безчестити и до рождѣнія его неискуснымъ и болѣзненнымъ словомъ доходити“. Однако затѣмъ онъ просилъ прощенія у патріарха и примирился съ нимъ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, лл. 379—380 об.—*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1886 г., январь, стр. 57—58 и 62).

посольства подѣ Смоленскомъ многіе разѣхались, многіе стали служить королю: „Пошли отъ насъ со многими людьми въ велицѣмъ числѣ“, говоритъ онъ о послахъ: „а вынѣ де и въ малѣ дружинѣ остались вящихъ самыхъ два, а то де и всѣ, для великія скорби и тѣсноты не мога терпѣти, тому сопостату врагу королю поклонилися и на ево волю вѣрилися. Того не вѣмъ, всѣ ли отъ желаннаго сердца къ нему приклонилися,... токмо разошлись и разѣхались, овіи къ намъ (то-есть, въ Москву), а овіи инудѣ по своимъ мѣстамъ“¹⁾. Разладъ въ посольствѣ и отѣздъ его членовъ—думнаго дворянина Сукина, дьяка Сыдавнаго и Авраамія Палицына—произошелъ уже въ декабрѣ 1610 года²⁾. Такимъ образомъ ясно, что Новая Повѣсть не могла появиться ранѣе декабря 1610 года, даже второй его половины, потому что ранѣе въ Москвѣ не могли узнать о несогласіяхъ въ посольствѣ и ранѣе не могли вернуться въ Москву замѣтные члены посольства.

Съ другой стороны все содержаніе Повѣсти показываетъ, что авторъ писалъ до сожженія Москвы и до появленія подѣ стѣнами Кремля ополченія Пр. Ляпунова (въ мартѣ 1611 года). Мало того, несомнѣнно, что авторъ вовсе не зналъ о томъ движеніи, которое начиналось въ городахъ противъ поляковъ послѣ смерти Тушинскаго вора. Напротивъ, онъ какъ бы упрекаетъ города за ихъ бездѣйствіе: указывая на примѣръ Смоленска, онъ замѣчаетъ: „аще бы такихъ крѣпкостоятельныхъ и поборательныхъ по вѣрѣ градовъ въ Россійскомъ государствѣ хотя и немного было, не токмо что всѣ,—никако же бы тѣмъ нашимъ врагомъ и злымъ волкомъ было въ нашу землю входъ, но отнюдь, просто рещи, и повадно“³⁾. Не знаетъ еще нашъ авторъ и того, что Гермогенъ не только сочувственно относился къ открытому сопротивленію полякамъ, но, прямо давая благословеніе на возстаніе, тѣмъ самымъ какъ бы становился во главѣ народнаго движенія. Новая Повѣсть питаетъ увѣренность только въ сочувствіи патріарха тѣмъ, кто возстанетъ противъ поляковъ, но не допускаетъ и мысли, чтобы самъ патріархъ вызвалъ народъ „на кровь дерзнути“. „Ей, ей, никако же такова отъ него государя поущенія не

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 374.—Сравн. Изборникъ А. Н. Понова, стр. 348—349.

²⁾ Прощальная аудіенція Сукина и Сыдавнаго была 8 (18)-го декабря (Русск. Ист. Библиотека, I, ст. 708. См. также Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 216 и № 217). Отпускная грамота короля архимандриту Евѣимію и Авр. Палицыну помѣчена 12-мъ декабря (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 218, стр. 485—486).

³⁾ Ркп. Моск. Дух. Акад. № 175, л. 370 об.

будеть; и самъ онъ государь велика разума и смысла и мудра ума; мню: мыслить, чтобы не отъ него зачалося“,—такъ рѣшительно высказывается авторъ и продолжаетъ: „А ожидаетъ (патріархъ) съ часу на часъ Божія поможения и вашего тцанія и дерзновения на нихъ (то-есть на поляковъ). Аще и безъ его государева словеснаго повелѣнія и ручнаго писанія по своей правдѣ дерзнете на нихъ злыхъ,... не будетъ отъ него на васъ клятва и прещеніе, паче же веліе благословеніе на васъ и на чадѣхъ вашихъ въ роды и роды комуждо до живота его“¹⁾. Между тѣмъ мы знаемъ, что нижегородцы получили отъ Гермогена словесное благословеніе идти къ Москвѣ противъ поляковъ въ первые дни 1611 года, если еще не въ концѣ 1610 года; а 27-го января 1611 года патріархъ уже прислалъ нижегородцамъ и письменныя воззванія²⁾. Современники смутной эпохи (кн. Ив. Мих. Катывревъ-Ростовскій и полякъ Маскѣвичъ) свидѣтельствуютъ, что Гермогенъ сталъ рѣшительно дѣйствовать противъ поляковъ словомъ и перомъ непосредственно послѣ смерти Тушинскаго вора, то-есть, въ декабрѣ 1610 г.³⁾. На призывъ Гермогена очень скоро отозвались многіе города: въ январѣ 1611 года поднимался Нижній⁴⁾; московскіе бояре уже въ первой половинѣ января извѣщали гетмана Сапѣгу объ измѣнѣ Пр. Ляпунова и писали королю, что Ляпуновъ возмущаетъ весь Рязанскій край⁵⁾. Ни

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Акад. № 175, лл. 383 об. и 384.

²⁾ 12-го января 1611 года въ Нижній пріѣхали изъ Москвы „сынъ боярской Романъ Шахомовъ да посадской человекъ Родіонъ Мосевъ“ и сказали, „что приказывалъ съ ними въ Нижней... святѣйшій Ермогенъ патріархъ... рѣчью“. Послѣ этого „по благословенію святѣйшаго Ермогена... и по совѣту всей земли“ нижегородцы рѣшили идти противъ поляковъ „къ Москвѣ въ тотъ часъ“ (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 228.—Акт. Арх. Эксп. II, № 176, стр. 301).—О грамотахъ отъ патріарха, присланныхъ въ Нижній 27-го января, см. Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 229.—Акт. Арх. Эксп. II, № 176, стр. 297.

³⁾ Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 306 (также „Рукопись Филарета“, стр. 42—43, и Сборникъ *Муханова*, изд. 2-е, стр. 304—305).—*Устрялова* Сказанія современниковъ о Дмитріи самозванцѣ, изд. 3-е, II, стр. 48—49.—Тушинскій воръ убитъ 11-го декабря 1610 года (Акт. Ист. II, № 307).

⁴⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 228.—Акт. Арх. Эксп. II, № 176, стр. 301.

⁵⁾ Гетманъ Янъ Сапѣга писалъ кн. Ю. Н. Трубецкому: „да Генваря, господине, въ 14-й день писали ко мнѣ съ Москвы бояре, . . . что отложились отъ Москвы Прокопій Ляпуновъ со многими города“ (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 237, стр. 508). Судя по дневнику Сапѣги, 14(24)-го января Сапѣга уже получилъ это извѣщеніе (*Сынъ Отечества* за 1838 г., № 1, Науки и Искусства, стр. 58). Король Сигизмундъ зналъ о возстаніи Ляпунова уже 17-го января

о чемъ подобномъ нѣтъ ни слова въ Новой Повѣсти. Съ достаточнымъ основаніемъ мы можемъ отсюда заключить, что событія, въ самомъ началѣ 1611 года ставшія извѣстными и московскому правительству (движеніе въ Рязани), и русскимъ людямъ далекимъ отъ Москвы мѣсть (благословеніе Гермогена, разглашенное нижегородцами по другимъ городамъ), оставались неизвѣстными автору Новой Повѣсти. Онъ составилъ свое письмо, очевидно, ранѣе, чѣмъ могъ узнать эти обстоятельства, весьма для него важныя. Вызывая москвичей на возстаніе, онъ имѣлъ прямую выгоду указать на авторитетъ патріарха и на примѣръ Ляпунова и нижегородцевъ. Если онъ не считалъ удобнымъ и приличнымъ, изъ боязни повредить Гермогену, прямо утверждать, что патріархъ содѣйствуетъ возстанію, то ничто не мѣшало ему указать москвичамъ на возстаніе другихъ городовъ. Онъ могъ рано узнать о движеніи въ государствѣ противъ поляковъ, потому что былъ „зѣло пожалованъ“ правительствомъ и зналъ его „думы и мысли“; заговорить объ этомъ движеніи было прямо въ его интересѣ; если онъ этого не сдѣлалъ, то всего вѣроятнѣе потому, что онъ объ этомъ еще не зналъ.

Итакъ, вторая половина декабря 1610 и начало января 1611 года — вотъ вѣроятное время составленія Новой Повѣсти, если судить по даннымъ ея текста. Въ обстоятельствахъ московской жизни за это время найдемъ подтвержденіе этому выводу. Еще въ октябрѣ 1610 г. гетманъ Жолкѣвскій зналъ о намѣреніи Сигизмунда пріобрѣсти Москву не для Владислава, а для себя; это желаніе короля, сообщенное гетману и письменно и устно, заставило его уѣхать изъ Москвы къ королю¹⁾. Въ октябрѣ намѣреніе Сигизмунда было еще тайной, а черезъ какой-нибудь мѣсяць, въ концѣ ноября, московскіе сторонники короля уже рѣшились требовать отъ Гермогена, чтобы онъ вмѣстѣ съ ними приказалъ великому посольству „ложиться на королевскую волю“. Гермогенъ понялъ, что за этимъ требованіемъ скрывается желаніе отдать Москву Сигизмунду и „дѣ-

(ст. стила) 1611 года (Сборникъ *Муханова*, изд. 2-е, № 110, стр. 184—185. — Сравни. Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 223).—О томъ, что движеніе Ляпунова было вызвано вліяніемъ Гермогена, находимъ нѣсколько данныхъ въ городскихъ грамотахъ 1611 г. (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 229.—Авт. Арх. Эксп. II, № 176 и № 179), у кн. Катырева Ростовскаго (Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 306) и у Жолкѣвскаго (Записки, изд. 2-е, стр. 115). Этому однако нѣсколько противорѣчить показаніе Новаго Лѣтописца (Ник. Лѣт. VIII, 151 и 155).

¹⁾ Записки гетмана *Жолкѣвскаго*, изд. 2-е, стр. 95—96.

ловати крестъ самому королю, а не королевичу⁴). Въ такомъ же смыслѣ поняли это и другіе русскіе люди ¹⁾, и желаніе короля завладѣть Москвой стало быстро оглашаться. Уже 7-го января о немъ знали въ Казани; въ Москвѣ же узнали, разумѣется, ранѣе,—вѣрнѣе всего, въ декабрѣ, тотчасъ послѣ столкновенія патріарха съ боярами ²⁾. Понятно, что извѣстіе о затаенныхъ враждебныхъ стремленіяхъ Сигизмунда заставило русскихъ подумать о расторженіи договора съ Владиславомъ. И безъ того отношенія москвичей къ польскому гарнизону стали къ декабрю весьма натянутыми ³⁾. Но, конечно, трудно было сразу придти къ рѣшенію открытою силой стать противъ враговъ. Къ тому же существованіе Тушинскаго вора не позволяло вести прямого разчета съ поляками: борьба съ внѣшнимъ врагомъ давала бы новыя силы внутреннимъ элементамъ безпорядка. 11-го декабря однако вора не стало, самозванщина перестала грозить русскому обществу, и расчетъ съ поляками сталъ возможенъ. Одна изъ грамотъ 1611 года прекрасно передаетъ, какъ повліяло извѣстіе объ убійствѣ вора на настроеніе москвичей: „и въ то время на Москвѣ русскіе люди возрадовалися и стали межъ себя говорить, какъ бы де во всей землѣ всѣмъ людемъ соединитись и стати противъ Литовскихъ людей, чтобъ Литовскіе люди изо всея земли Московскія вышли всѣ до одного, на чемъ крестъ цѣловали“ ⁴⁾. Послѣ смерти самозванца явилась такимъ образомъ опредѣленная мысль объ общемъ соединеніи и открытой борьбѣ съ врагами. Какъ мы видѣли, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ смерти вора московское боярское правп-

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 152—153.—Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 224, стр. 491.—Акт. Арх. Эксп. II, № 170, стр. 292.—*Соловьева* Ист. Россіи, VIII, по изд. 1873 г. стр. 350.—Какъ мы видѣли выше, Новая Повѣсть также говоритъ, что отъ Гермогена требовали благословенія на присягу королю (Рѣч. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 379).

²⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 224, стр. 490.—Акт. Арх. Эксп. II, № 170.—Изъ Казани писали въ Хлыновъ, что 7-го января въ Казань прямо изъ Москвы пришло извѣстіе о желаніи бояръ цѣловать крестъ Сигизмунду и о томъ, что Гермогенъ по этому дѣлу собиралъ народъ „въ соборную церковь“. „И гости и торговые и всякіе люди, пришедъ въ соборную церковь, отказали, что имъ Королю креста не цѣловати“. Если это извѣстіе справедливо и Гермогенъ дѣйствительно говорилъ всему народу о незаконномъ намѣреніи бояръ, то это было въ самомъ началѣ декабря, до смерти Тушинскаго вора, потому что казанцы, зная объ этомъ, не знали еще, что воръ убитъ, и 9-го января цѣловали ему крестъ.

³⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 224.—Акт. Арх. Эксп. II, № 170.

⁴⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 226. — Акт. Арх. Эксп. II, № 176, стр. 300.

тельство уже доносило Сигизмунду о движеніи Ляпупова. Сообщало оно королю и о толкахъ противъ поляковъ въ Москвѣ. Въ отвѣтѣ своемъ боярямъ Сигизмундъ повторялъ ихъ донесеніе такими словами: „писали естя къ намъ, што... почала быти во многихъ людехъ Московскихъ молва и смута многая, што будто мы, Великій государь, сына нашего на Московское государство дати не хотимъ, будто мы того государства Московского къ Польшѣ и къ Литвѣ достигать хотимъ и вашу православную христьянскую вѣру Греческаго закона будто мы, Государь, порушити хотимъ и переворотити въ Латинскую и въ иную вѣру“. Король просилъ не вѣрить этимъ толкамъ и увѣрялъ: „а что люди, намъ и сыну нашему недоброхоты, о насъ пишутъ и сказываютъ, то все за злосердіе и неправду дѣлаютъ“¹⁾.

Впродолженіе этого мѣсяца, протекшаго отъ смерти вора до полученія въ Москвѣ извѣстій о движеніи въ городахъ, и была, очевидно, составлена Новая Повѣсть. Авторъ ея зналъ о смерти вора: онъ ни слова не говоритъ о самозванцѣ. Еслибы послѣдній былъ живъ, авторъ не могъ бы умолчать о немъ при томъ важномъ значеніи, какое имѣлъ воръ въ отношеніяхъ москвичей къ полякамъ; къ тому же авторъ Повѣсти знаетъ факты, происшедшіе одновременно съ смертью самозванца,—расколъ въ великомъ посольствѣ подъ Смоленскомъ. Съ другой стороны, мы видѣли, что Повѣсть была написана до обнаруженія возстанія въ городахъ²⁾. Своимъ содержаніемъ она совершенно соотвѣтствуетъ тѣмъ толкамъ противъ поляковъ, какіе поднялись непосредственно послѣ смерти вора. Авторъ Повѣсти требуетъ только изгнанія поляковъ изъ Руси, но не отрицаетъ безусловно кандидатуры Владислава. Сигизмунда онъ обвиняетъ именно въ томъ, въ чемъ тотъ оправдывался предъ боярами въ своей грамотѣ: быть можетъ даже, Сигизмундъ зналъ о существованіи Новой Повѣсти, когда говорилъ боярямъ о недоброхотахъ, пишущихъ про него по злосердію и неправдѣ. Такимъ образомъ Новую Повѣсть мы

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 235.

²⁾ Мы склонны предполагать, что авторъ писалъ свое письмо около праздника Рождества Христова: на святки въ Москву стекалось много народа, а для автора было очень важно воспользоваться многолюдствомъ въ видахъ бѣльшаго распространенія его Повѣсти и успѣха возстанія, которое онъ надѣялся возбудить. У Маскѣвича (Сказанія современниковъ о Дмитріи самозванцѣ, изд. 3-е, II, стр. 49—50) находимъ описаніе святокъ 1610—1611 г. въ Москвѣ: онъ прошелъ неспокойно.

можемъ считать однимъ изъ первыхъ по времени протестовъ противъ польскаго правительства. Авторъ писалъ въ тѣ минуты, когда скрытые планы Сигизмунда только что стали извѣстны въ Москвѣ и когда патриархъ еще не вполне обнаружилъ свою рѣшимость руководить народомъ въ борьбѣ съ поляками. Этими обстоятельствами многое объясняется въ изложеніи нашего автора.

Прямымъ призывомъ москвичей къ возстанію на поляковъ авторъ и начинаетъ и кончаетъ свою Повѣсть ¹⁾. Все его изложеніе направлено къ тому, чтобы показать необходимость вооруженной расправы съ поляками и измѣнниками. Онъ рисуется яркими красками бѣдственное положеніе государства, преданнаго своими же въ руки поляковъ. Доказывая, что Сигизмундъ желаетъ разорить Московское государство и затѣмъ повелѣвать имъ изъ Польши, онъ убѣждаетъ москвичей не вѣрить искренности и добрымъ намѣреніямъ поляковъ. Онъ предсказываетъ скорую гибель Руси, если народъ не поддержитъ своихъ немногихъ защитниковъ: Гермогена, московскихъ пословъ подъ Смоленскомъ и осажденный Смоленскъ. Съ грустью говоритъ онъ, что Гермогенъ терпитъ обиды и гоненія въ Москвѣ; московскіе послы уже слаются на волю короля, кромѣ двухъ только „вящихъ“ пословъ, примѣръ Смоленска не находятъ подражанія въ другихъ городахъ, послушныхъ польской и измѣнничьей власти, а въ Москвѣ горсть поляковъ и измѣнниковъ притѣсняетъ безнаказанно русскій народъ. Необходимо возстать противъ враговъ, иначе, по мнѣнію автора, гибель Москвы и государства неизбежна ²⁾.

Указанными фактами и лицами и ограничивается авторъ въ своемъ изложеніи. Собственно повѣствованія о событіяхъ мы у него не находимъ: онъ только обсуждаетъ факты, въ большинствѣ извѣстные

¹⁾ „Не нерадите о себѣ“, говоритъ авторъ москвичамъ въ началѣ Повѣсти: „вооружимся на общихъ сопостать нашихъ и враговъ и стоимъ вкупи крѣпости за православную вѣру и за святыя Божія церкви и за свои души и за свое отечество и за достояніе, еже намъ Господь далъ“. Въ заключеніи Повѣсти читаемъ снова: „И вы, православніи, Богомъ почтенніи, умилилися душою, содрогните сердцемъ, зряще на себѣ такія неудобносимыя бѣды и скорби, и смерть свою всегда видаще во очѣхъ своихъ и поправаніе вѣры нашея православныя, и не дайте сами себя въ руки врагомъ своимъ. Взавъ Бога на помощь и Пречистую Его Матерь и великихъ чудотворцовъ и всѣхъ святыхъ, дерзайте на враговъ своихъ“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, лл. 369 и 387).

²⁾ Содержаніе Новой Повѣсти въ той послѣдовательности, какой держится авторъ, передано нами въ статьѣ „Новая Повѣсть о смутномъ времени XVII вѣка“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1886 г., январь, стр. 54—61).

его современникамъ и ограничивается иногда однимъ намекомъ на какое-нибудь обстоятельство, которое читателю нашего времени приходится угадывать ¹⁾. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается онъ на выясненіи плановъ Сигизмунда, насилій и беззаконій поляковъ и русскихъ измѣнниковъ въ Москвѣ и на отношеніи къ событіямъ патріарха. Все это вызвано, какъ надобно думать, обстоятельствами именно той минуты, когда писана Новая Повѣсть. Въ первые дни послѣ того, какъ обнаружилось желаніе Сигизмунда владѣть Москвою, еще необходимо было доказывать и пояснять народу это желаніе. Съ другой стороны, народъ еще не такъ враждебно относился къ польскому гарнизону, какъ позже, предъ сожженіемъ Москвы, и не могъ еще понять поведенія М. Салтыкова, Ѳ. Андропова и имъ подобныхъ. Наконецъ, и патріархъ не успѣлъ еще заявить о себѣ, какъ объ открытомъ врагѣ польскихъ притязаній.

Что касается до плановъ Сигизмунда, то авторъ подходит къ ихъ объясненію чрезъ краткое изложеніе обстоятельствъ избранія Владислава. Онъ говоритъ, что къ Сигизмунду было отправлено посольство „на добрѣйшее дѣло“: просить у него сына на московскій престолъ. Королевичъ долженъ былъ принять православіе и успокоить Московское государство, изгнавъ изъ него поляковъ и истребивъ „злое кореніе и зеліе“, то-есть, самозванщину. Но „добрѣйшее дѣло“ не можетъ состояться, потому что Сигизмундъ слѣдуетъ примѣру

¹⁾ Таковъ, напримѣръ, его намекъ на преступленіе поляка Блинскаго, стрѣлявшаго въ икону Богоматери, находившуюся въ воротахъ на одной изъ московскихъ стѣнъ. Блинскій былъ казненъ, а его руки были прибиты подъ иконой. Объ этомъ говорятъ Маскввичъ и Буссовъ (Сказанія современниковъ о Дмитріи самозванцѣ, изд. 3-е, II, стр. 47 — 48; I, стр. 131 — 132. — *Regum Rossicarum Scriptores selecti*, I, p. 120—121).—Нашъ авторъ, доказывая, что поляки не щадятъ русскихъ святинь, говоритъ о поступкѣ Блинскаго только слѣдующее: „въ видъ существа Божія и Пречистыя Его Матере стрѣляютъ, яко же нынѣ свидѣтельствуяютъ злодѣйственной рудѣ, пригвожденной къ стѣнѣ подъ образомъ Матери Божіи“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 377).—Здѣсь не лишнимъ будетъ замѣтить, что Буссовъ помѣщаетъ казнь Блинскаго, по общему ходу своего изложенія, въ концѣ января или началѣ февраля 1611 года. Если вѣрить Буссову, надобно написаніе Новой Повѣсти отнести, самое раннее, къ февралю. Но Буссову противорѣчитъ Маскввичъ, который рассказываетъ о Блинскомъ до описанія Рождественскихъ дней и убіенія Тушинскаго вора. Кроме того, если бы Повѣсть писана была въ февралѣ, автору, безъ сомнѣнія, было бы уже извѣстно движеніе городовъ противъ поляковъ. Вотъ почему мы не придаемъ значенія показанію Буссова, хронологическая исправность котораго не всегда одинакова.

прежнихъ польско-литовскихъ государей: „Отъ давнихъ лѣтъ“, говоритъ авторъ: „мысля(тъ) на наше великое государство всѣ они оканники и безбожники, иже и прежь того были ево же (то-есть, Сигизмунда) братія въ той же ихъ проклятой землѣ и вѣрѣ, како бы имъ великое государство наше похитити и вѣра христіанская искоренити и своя богомерзская учинити; но не убѣ имъ было время, дондеже прииде до того нынѣшняго нашего сопостата врага короля“¹⁾. Король очень обрадовался московскому посольству въ своихъ цѣляхъ: онъ думалъ, что ему легко будетъ овладѣть Московскимъ государствомъ, когда въ Москвѣ находятся польскія войска и когда русскіе измѣнники готовы ему служить. Онъ не медля пошелъ бы въ Москву, если бы Смоленскъ не сопротивлялся такъ упорно; его доброты немедли привели бы Москву къ присягѣ самому Сигизмунду, если бы этому не противился Гермогенъ. Теперь же король поневолѣ стоитъ у Смоленска и еще скрываетъ свои намѣренія. Но авторъ думаетъ, что ни граждане Смоленска, ни патріархъ не спасутъ Русской земли, если ихъ не поддержать русскіе люди. Самъ Сигизмундъ, по его мнѣнію, увѣренъ въ своемъ успѣхѣ: „уже конечно во умѣ своемъ мыслить, что великое наше государство обовладѣлъ, а бѣсовскаго своего воинства всю нашу землю наполнилъ и конечно надеженъ сталъ быти“²⁾. Эта надежда на успѣхъ повліяла на поведеніе слугъ Сигизмунда въ самой Москвѣ: они требуютъ отъ патріарха, уже не скрываясь, присяги на имя короля и притѣсняють русскихъ людей.

Поведеніе королевскихъ слугъ, поляковъ и русскихъ, въ Москвѣ Новая Повѣсть описываетъ любопытными чертами. „Сами видите“, говоритъ авторъ, „что они нынѣ надъ нами чинятъ: всегда въ очѣхъ нашихъ всѣмъ намъ смерть показываютъ и поругаются и насилуютъ намъ и посѣкаютъ насъ и дома наша у насъ отнимаютъ“. Указавъ, что поляки даже не щадятъ святыни русской и стрѣляютъ въ образа (какъ мы выше сказали, это намекъ на постоуокъ Блинскаго), авторъ свидѣтельствуетъ, что такіе поступки не остаются у поляковъ безъ наказанія, — но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ: „на то не смотрите, православніи христіане, и не имите тому вѣры, что они нынѣ предъ вами лицемѣрство чинятъ, сами своихъ людей казнятъ, а все намъ блазнятъ; увѣряючи и прельщаючи васъ тѣмъ, тако творятъ и ска-

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 372.

²⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 373 об.—374.

зываютъ, что не отцу быти у насъ, но сыну¹⁾. Авторъ указываетъ и причину, почему поляки боятся слишкомъ раздражать народъ въ Москвѣ: „для того намъ лстятъ и блазнятъ, чтобъ насъ всѣхъ тѣмъ областити и укротити и великимъ бы нашимъ моремъ не взмутити и имъ бы самѣмъ врагомъ въ немъ не потонути“¹⁾. Боясь возмущенія этого моря, поляки принимаютъ въ Москвѣ рядъ предосторожностей: „нынѣ послали во всѣ города, по которымъ стоятъ такія же губители и кровопролители неповинныхъ новоизраилтескихъ кровей, а велѣли имъ быти сюда къ намъ (то-есть, въ Москву); а нашихъ людей же въ воинскомъ чину, которыя живутъ у насъ здѣ, тѣхъ всѣхъ ссылаютъ доловъ, а умышляючи то, чтобы ихъ враговъ было много, а насъ было мало, чтобъ намъ отнюдъ противу ихъ стати не мочно“. Собирая людей, поляки въ то же время укрѣпляли городъ, затворяя часть воротъ, и держали сильные караулы въ городѣ. Эти предосторожности оскорбляютъ автора Новой Повѣсти: онъ думаетъ, что поляки желаютъ ими „живую и явную смерть казати“ москвичамъ²⁾.

Въ то-же время слуги Сигизмунда работаютъ всячески въ его пользу, приготовляя ему дорогу къ московскому престолу. Въ числѣ такихъ доброхотовъ короля авторъ прежде всего называетъ русскихъ бояръ, „земледержцевъ и правителей, нынѣ же близъ рещи и кривителей“. Первое мѣсто между этими кривителями, рабски угождающими королю, занимаютъ два лица, не названныхъ въ Повѣсти по имени: въ нихъ можно угадать боярина Салтыкова и думнаго дворянина Андропова. Въ то время какъ первый рѣшается требовать отъ патріарха благословенія цѣловать крестъ Сигизмунду, второй отправляетъ къ королю царскую казну, которою онъ управляетъ. Называя Салтыкова „начальнымъ губителемъ“, авторъ Новой Повѣсти относится къ нему все таки мягче, чѣмъ къ Андронову. Его возмущаетъ и поведеніе, и происхожденіе Андропова: „невѣдомо кто“, говоритъ онъ объ Андроновѣ: „ни отъ царскихъ родовъ, ни отъ боярскихъ сыновъ, ни отъ иныхъ избранныхъ ратныхъ головъ; сказываютъ, отъ смердовскихъ рабовъ“. Фамилію Андропова онъ подмѣняетъ неприличнымъ прозвищемъ и ядовито смѣется надъ родовитыми московскими людьми,

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 377—378.

²⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 377 об. и л. 384 — 385. См. также выписки изъ Повѣсти въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1886 г., январь, стр. 59—60.—Показанія Новой Повѣсти напоминаютъ описаніе хода дѣлъ въ Москвѣ (въ декабрь 1610 г. или въ началѣ января 1611 г.), какое находимъ въ казанской грамотѣ на Вятку (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 224.—Акт. Арх. Эксп. II, № 170).

которые предалися Сигизмунду и поневолѣ ухаживаютъ за Андроновымъ: „смотреть изъ рукъ и изъ скверныхъ устъ его, что имъ дастъ и уважаетъ, яко нищія у богатаго проклятаго“. А между тѣмъ Андроновъ, по выраженію автора, иному изъ нихъ „и въ подножіе ногъ не гождъ“¹⁾. Если не считать В. В. Голицына, одного изъ „вящихъ двухъ“ членовъ посольства, то можно сказать, что авторъ ко всей московской правящей аристократіи относится съ ненавистью и какъ бы желаетъ подорвать всякій ея кредитъ въ глазахъ народа, представляя боярство врагомъ народа и православія. Онъ не жалѣетъ словъ, чтобы доказать измѣну боярства, и если поминаетъ о немногихъ вѣрныхъ своему долгу боярахъ, то прибавляетъ, что они „не могутъ ничего учинити и не смѣютъ стати“ противъ враговъ²⁾.

За то всѣ симпатіи автора на сторонѣ Гермогена. Онъ благоговѣетъ предъ патриархомъ, и въ его разсказѣ Гермогенъ принимаетъ черты эпическаго героя. Патриархъ—единственная твердая опора вѣры и народа: какъ исполинъ безоружный, однимъ словомъ своимъ онъ поражаетъ многочисленныхъ враговъ и движетъ народною массой; какъ непоколебимый столпъ, онъ держитъ собою все государство; какъ твердый адамантъ, онъ является неодолимымъ препятствіемъ для враговъ и защищаетъ отъ нихъ свою паству, какъ „стѣна“ и „забрало“. Съ его смертью православіе неизбежно должно погибнуть, если самъ народъ не станетъ на его защиту³⁾. Твердость патриарха

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, лл. 385—386 и л. 382. — *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1886 г., январь, стр. 60—61.

²⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 373 и л. 382. — *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1886 г., январь, стр. 55—56. Вотъ наиболѣе яркое мѣсто о боярахъ, служащихъ королю: „И тако тѣ наши благородніи зглупали и душами своими пали и пропали навѣки, аще отъ того зла и худа на добро не обратятся. Горши же намъ всего учинили, что насъ всѣхъ выдали, да не токмо выдали, ино заодно съ ними со враги вооружилися вкупѣ и хотятъ насъ всѣхъ погубити и вѣру христіаньскую искоренити“ (л. 382—382 об).

³⁾ Вотъ какими словами говоритъ авторъ о Гермогенѣ: „Яко столбъ, непоколебимо стоитъ посреди нашея великія земли, сирѣчь посреди нашего великаго государства, и по православной вѣрѣ побораеетъ и всѣхъ тѣхъ душепагубныхъ нашихъ волковъ и губителей увѣщаетъ. И стоитъ единъ протяву всѣхъ ихъ, аки исполинъ мужъ безо оружія и безо ополченія воинскаго, токмо ученіе, яко палицу въ руку свою, держа противу великихъ агарянскихъ полковъ и побивая всѣхъ; также и онъ, государь, вмѣсто оружія токмо словомъ Божиимъ всѣмъ соперникомъ нашимъ загражая уста и посрамляя лица и бездѣяны отсылая отъ себя. И насъ всѣхъ укрѣпляетъ и поучаетъ, чтобы страха ихъ и прещенія не боятися и душами своими отъ Бога не отщелитися“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи

въ борьбѣ съ врагами обнаружилась тогда, когда отъ него „начальный губитель“ Салтыковъ потребовалъ благословенія на присягу королю. Гермогенъ на требованіе и брань отвѣчалъ твердымъ отказомъ: „да будеши проклятъ со всѣмъ своимъ соньмомъ въ семъ вѣцѣ... и въ будущемъ, но и съ тѣмъ, его жъ желаеши и всего міра спасеніе ему всѣмъ усты касатися поущаеши (то-есть, съ королемъ). И еще прирекъ: не токмо намъ онъ гождь, но и тако его отрасль, аще не придетъ въ наше хотѣніе“¹⁾. Хотя „начальный губитель“ и испросилъ себѣ лицемѣрно прощеніе у патриарха, однако за его отказъ началъ его притѣснять²⁾. Но гоненія не заставили Гермогена измѣнить своей воли: не принимать не только короля, но и Владислава, если онъ нарушитъ первоначальный договоръ съ нимъ русскихъ людей. Непрестанною молитвой просить онъ у Бога помощи и ожидаетъ поддержки со стороны народа: „ожидаетъ съ часу на часъ“, говоритъ авторъ, „Божія поможения и вашего тщанія и дерзновенія на нихъ (то-есть, на враговъ)“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ увѣренно говоритъ, что Гермогенъ не подастъ самъ знака къ возстанію, хотя и благо-

№ 175, л. 374 об.).—„Здѣ у насъ премереченный и непоколебимый столпъ самъ крѣпко и непоколебимо во умѣ своемъ стоитъ и не стѣны едины великаго нашего града держитъ, но и живущихъ въ нихъ всѣхъ крѣпитъ и учитъ... и пакы великое сіе безводное море словесы своими утишываетъ и укрываетъ. Сами вси видите: аще бы не онъ, государь, здѣ держалъ, кто бы таковъ инъ восталъ и противу тѣхъ нашихъ враговъ и губителей крѣпко сталъ? Давно бы страха ради прещенія отъ Бога отступили, душами своими пали и пропали“ (ibidem, л. 376).— „Только у насъ нынѣ по Бозѣ и по Пречистѣй Его Матери стѣны и забрала, что онъ, государь, великій святитель и крѣпкій заступитель. Аще которою мѣрою отъ тѣхъ враговъ нашихъ что надъ нимъ, государемъ, учинитца, и тѣлесне разрѣшитца и отъ свѣта сего прелестнаго въ вѣчныя обители преселится,— конечно и вѣра наша изгубится (отъ) настоящихъ нашихъ губителей, аще ваше противленіе къ нимъ не явится. Аще ли его, государя, отъ нихъ Богъ соблюдетъ и неврежѣнъ поживетъ, тогда Бога и Пречистую Его Матерь и великихъ нашихъ чудотворцовъ и всѣхъ святыхъ умолятъ, и себя и насъ всѣхъ спасетъ, и вѣру удержитъ, и враговъ побѣдитъ молитвою своею“ (ibidem, лл. 382 об. — 383).

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, лл. 379 об.—380.

²⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 380—380 об. Показаніе нашего автора, что Салтыковъ послѣ ссоры съ Гермогеномъ „всяко стужаетъ и тѣснитъ“ патриарха, подтверждается одною изъ городскихъ грамотъ (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 228.—Акт. Арх. Эксп. II, № 176, стр. 301). Какъ показаніе Новой Повѣсти (предположительно), такъ и показаніе грамоты (навѣрно) должны быть отнесены къ декабрю 1610 года.

словить тѣхъ, кто смѣло возстанетъ на поляковъ ¹⁾. Трудно сказать, на чемъ основана такая увѣренность, но она заставляетъ автора энергичнѣе призывать народъ къ возстанію, не дожидаясь со стороны патріарха: „словеснаго повелѣнія и ручнаго писанія“.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе Новой Повѣсти. Она даетъ весьма мало фактическаго матеріала, за то сама является цѣннымъ литературнымъ фактомъ. Какъ живой голосъ русскаго чело-вѣка, возмущеннаго иноземнымъ господствомъ и поведеніемъ бсярства, но въ то же время боящагося этой ненавистной власти,—Новая Повѣсть вскрываетъ тѣ чувства и мысли, какія общи были многимъ москвичамъ въ любопытный историческій моментъ. Въ концѣ 1610 и началѣ 1611 года долгая внутренняя смута переходила изъ междоусобія въ національную борьбу противъ исконнаго врага Руси, завладѣвшаго Москвой; въ русскіхъ людяхъ просыпалось чувство національнаго единства, являлось сознаніе необходимости защищать изъ послѣднихъ силъ самостоятельность государства и религіи. Первымъ носителемъ этого сознанія былъ Гермогенъ, руководившій движеніемъ земли противъ Сигизмунда. Новая Повѣсть показываетъ намъ, что въ первыя же минуты, какъ только обнаружались притязанія короля, патріархъ имѣлъ уже у себѣ сторонниковъ и помощниковъ. Авторъ Повѣсти старался своимъ письмомъ провести въ массу московскаго населенія тѣ идеи, которыя Гермогенъ распространялъ по всему русскому государству. Страстность, съ какою написана Повѣсть, заставляетъ съ осторожностью относиться къ ея фактическимъ показаніямъ. Но взгляды на событія, отзывы о лицахъ, тонъ, которымъ говоритъ авторъ о томъ или другомъ современномъ явленіи, драгоцѣнны для историка, потому что помогаютъ ему уловить и воссоздать первые проблески того общественнаго настроенія, которое быстро окрѣпло, слотило всю народную массу однимъ національнымъ чувствомъ и повело къ возвращенію государственнаго порядка и національной самостоятельности. Этою своею стороною Новая Повѣсть представляетъ большой интересъ.

Плачь о плѣненіи и о конечномъ разореніи превысокаго и пресвѣтлѣйшаго Московскаго государства, заключающій въ себѣ краткій обзоръ событій смутнаго времени до разоренія Москвы, дошелъ до насъ въ немногихъ и неудовлетворительныхъ спискахъ.

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, лл. 383 об.—384.—Выписки объ отношеніи Гермогена къ возстанію противъ поляковъ приведены нами выше.

Мы знаемъ лишь одинъ списокъ, въ которомъ это произведеніе сохранилось въ своемъ первоначальномъ видѣ ¹⁾. Изъ двухъ другихъ списковъ одинъ не имѣетъ конца и довольно неисправенъ ²⁾; другой же, при большей исправности, представляетъ однако тѣ неудобства, что въ немъ отрывки Плача раздѣлены выдержками изъ другихъ произведеній о смутѣ ³⁾. Хотя часть Плача и была напеча-

¹⁾ Ркп. Имп. Публ. Библиотеки Погодинск. № 1504, въ 4 д., XVII в. (конца), 265 лл. Плачъ помѣщенъ на л. 253—265; первые же листы заняты Сказаніемъ Авр. Паллцина; списокъ небрежный. Заглавіе Плача, приведенное нами, взято изъ этого списка.

²⁾ Ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 2529 (изъ собранія А. Н. Попова), Петровскаго времени, въ 4 д., 461 лл. Плачъ находится на л. 425—438 и носитъ названіе: „О пѣвненіи и конечномъ разореніи Московскаго государства“. Въ этомъ списокѣ не достаеетъ конца Плача и изложеніе прерывается на разсказѣ о сожженіи Москвы въ 1611 году. Передъ Плачемъ помѣщена разобранная нами выше „Повѣсть, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ“ (лл. 326—386). Въ ней находимъ обширныя вставки изъ „Сказанія и Повѣсти, еже содѣяся“ и т. д. (*Чтенія съ Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1846—1847 гг., IX, стр. 1—24, и отдѣльно: М. 1847). За Повѣстью въ рукописи слѣдуетъ рядъ грамотъ 1606 года о Лжедмитріи (лл. 386—425), какія находятся въ Иномъ Сказаніи (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, кн. XVI, Матеріалы, стр. 42 и далѣе).

³⁾ Ркп. библиотеки гр. А. С. Уварова № 896 (изъ бывшаго собранія И. Н. Царскаго, по описанію П. М. Строева, отд. II, № 417), въ 4 д., 1671—1676 года, 288 лл. На листахъ 144—245 об. находимъ компилятивное повѣствованіе подъ заглавіемъ: „Плачъ о пѣвненіи Московскаго государства, како наведе на ны грѣшныи Господь Богъ праведный гнѣвъ свой, грѣхъ ради нашихъ беззаконныхъ, и како разорися Великая Росія поущеніемъ Божиимъ отъ невѣрныхъ языкъ и отъ междоусобныя брани, и о изліяніи крови многія христіянскія Греческаго закона сыновъ Русскихъ“. Предъ этимъ повѣствованіемъ (на л. 143) рукою переписчика сдѣлана надпись: „182 года сентября 1 день о ростригѣ у Трегубова“. На основаніи этой надписи можемъ думать, что компилятивное повѣствованіе составлено было не позднѣе 182 (1674) года. Въ началѣ его (лл. 144 об.—150 об.) читаемъ вступительную часть разбираемаго нами Плача, отъ котораго и вся компиляція названа также Плачемъ. На лл. 151—165 находимъ начало Повѣсти кн. Ив. М. Катырѣва-Ростовскаго (*Изборникъ А. Н. Попова*, стр. 283—297) съ многочисленными вставками изъ Хронографа 2-й редакціи, Повѣсти 1606 года и „Сказанія и Повѣсти, еже содѣяся“. Сопоставленіе источниковъ сдѣлано такъ неловко, что разсказъ о смерти цар. Дмитрія повторенъ дважды (на лл. 156—157 словами Катырѣва-Ростовскаго и на лл. 164 об.—165 по „Сказанію и Повѣсти, еже содѣяся“). Далѣе, на л. 165 об.—175 об. помѣщена съ нѣкоторыми сокращеніями часть житія цар. Дмитрія, внесеннаго въ Миней Милюткина. На л. 175 об.—222 об. продолжается на основаніи прежнихъ источниковъ (Повѣсти Катырѣва-Ростовскаго, Повѣсти 1606 года и Сказанія, еже содѣяся и т. д.) раз-

на ¹⁾, но въ передѣлкѣ на южнорусскій говоръ; поэтому въ нашемъ изложеніи мы будемъ пользоваться рукописными текстами Плача.

Задача Плача состоитъ въ изображеніи того критическаго положенія, въ какомъ находилось Московское государство въ 1611—1612 гг., послѣ сожженія Москвы и взятія Смоленска. Приемы, съ которыми авторъ выполняетъ свою задачу, обнаруживаютъ въ немъ привычку къ книжному языку, но фактическія неточности разсказа указываютъ на то, что авторъ мало былъ знакомъ съ событіями смуты. Свое повѣствованіе онъ начинаетъ риторическимъ вступленіемъ, приглашая „смыновъ свѣта и чадъ церковныхъ“ плакать о паденіи „преславныхъ и яносіяющія великія Росіи“. Говоря о славі, богатствѣ и благоденствіи благочестиваго Московскаго государства въ прежніе дни, авторъ ставитъ свою тему въ видѣ вопроса: „какъ падеся толикій престоль благочестія, како разорися благонасажденный виноградъ?“ ²⁾.

сказъ о появленіи и гибели перваго самозванца, о воцареніи Шуйскаго и борьбѣ его съ Болотниковымъ (до взятія Тулы). На лл. 223—224 находимъ ятрой отрывокъ изъ разбираемаго Плача—о появленіи Тушинскаго вора. За нимъ, на лл. 224—230, помѣщенъ пересказъ Повѣсти протопопа Терентія о видѣніи духовна мужа. На лл. 230—238 об. читаемъ окончаніе разбираемаго Плача, и, наконецъ, на лл. 239—245 об., повѣствованіе заключается грамотами 1606 года цѣликомъ и въ сокращенномъ пересказѣ (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVI, Матеріалы, стр. 42 и далѣе). Сопоставляя съ полнымъ спискомъ Плача его отрывки, разбросанные между прочими источниками компиляціи, находимъ, что они составляютъ почти полный текстъ Плача: недостаетъ только разсказа о первомъ самозванцѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ сравненіи съ полнымъ спискомъ можно указать и два весьма замѣтныхъ дополненія, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

¹⁾ *Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, V смѣсь, стр. 56. Здѣсь находимъ первую половину Плача; заключительнаго разсказа о разореніи Москвы въ 1611 году нѣтъ; выпущены также мѣста о „домашнихъ врагахъ“, которые избрали Владислава и пустили поляковъ въ Москву (см. ниже).

²⁾ Ркп. Имп. Публ. Библиотеки Погодинск. № 1504, л. 253 об. Въ ркп. гр. Уварова № 896, л. 145, это мѣсто читается иначе: „какъ падеся толикій вихрь на благочестіе и како разорися Богомъ насажденный виноградъ?“ Затѣмъ, въ сравненіи съ прочими списками, въ этой рукописи вступленіе въ его концѣ значительно дополнено (л. 146 отъ словъ: „Обаче жъ во обычное моленіе притеку“ до л. 150, до словъ: „Начну жъ бесѣдовати сице“): авторъ обращается съ молитвою къ Богородицѣ и недоумѣваетъ, какъ попустила Она оскорбленію своей святости и разоренію Русскаго государства. „О, како къ тому помышляю и возглаголю“, восклицаетъ авторъ: „яже въ насъ содѣяшеса, да и нынѣ дѣтеса по смотрѣнію Божию за неправду и за гордѣніе и за грабленіе и за прочія лукавыя злыя дѣла“ (л. 148—148 об.). По словамъ „да и нынѣ дѣтеса“ можно думать,

На этот вопрос онъ отвѣчаетъ указаніемъ на причины смуты и краткимъ разсказомъ о ея развитіи. Причиною разоренія государства, по его мнѣнію, были грѣхи монарховъ, предшествовавшихъ смутѣ, и грѣхи всего народа. Монархи уклонились отъ православія и снисзошли до волшебства и чарованія (въ этомъ ясный намекъ на Бориса Годунова): они окружили себя пагубными совѣтниками, слушали клеветы, и, возлюбя гордость и злобу, стали жестоки (въ этомъ можно видѣть намеки одинаково на Грознаго и на Бориса ¹⁾). И народъ отъ головы и до ногъ покрылся „неиздѣльными“ грѣхами ²⁾. Въ наказаніе Господь попустилъ на Русь голодъ, а за нимъ бѣдствіе, неизвѣстное ни богословскимъ, ни философскимъ, ни историческимъ книгамъ, именно, самозванца. Съ упоминанія о голодѣ и съ разсказа о первомъ самозванцѣ начинается въ Плачѣ фактическое изложеніе событій смутнаго времени. Оно не богато содержаніемъ, не даетъ намъ ничего новаго и интересно только своими ошибками. Авторъ, его, какъ увидимъ ниже, пользовался въ своемъ изложеніи письменными источниками. Хотя нѣкоторыхъ его показаній и не находимъ въ этихъ источникахъ, однако ни одна черта Плача не показываетъ намъ, чтобы авторъ былъ очевидцемъ описанныхъ имъ событій и хорошо зналъ обстоятельства смутной эпохи. Начиная свой разсказъ

что это дополненіе не есть позднѣйшая вставка, а часть Плача, пропущенная переписчиками другихъ списковъ. Но обиліе испорченныхъ и трудно понимаемыхъ мѣстъ мѣшаетъ твердо установить внутреннее соотвѣтствіе этого дополненія съ другими частями Плача.

¹⁾ „Сущіи въ немъ (то-есть, въ Русскомъ государствѣ) живущіи царіе вмѣсто лѣствицы ко Господу возводящія спасительныхъ словесъ, иже рожаются отъ книгородныхъ дохматовъ, пріяша богоненавистныя дары: бѣсовскія возни, волжбу и чарованіе. И вмѣсто духовныхъ людей и сыновей свѣта возлюбиша чадъ сатаниныхъ, иже отводятъ отъ Бога и отъ неблазненнаго свѣта во тму. И не даша мѣста умному своему слуху видѣти словеси правдива, но клевету на благородныхъ ненависти ради яено послушающе, и крови многочисленнаго народа того ради, яко рѣки, изліяшася. И вмѣсто непобѣдимаго жезла богоподражательныя кротости и правды гордость и злобу возлюбиша“. Приводимъ это мѣсто по рукописи Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 2529 (л. 427 об.—428). Въ другихъ спискахъ оно передано съ частыми описками, но ничѣмъ не различается по смыслу (Ркп. Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. № 1504, л. 255 об.—Ркп. гр. Уварова № 896, л. 150—150 об.).

²⁾ „Къ сему жъ отъ великихъ и благородныхъ, отъ премудрыхъ и до простыхъ, вкратцѣ реку, отъ главы и до ногу всѣ неисцѣльными струпы обязагаса“ (Ркп. Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. № 1504, л. 255 об.—Ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 2529, л. 428 об.).

краткою замѣткой о побѣгѣ самозванца изъ Москвы въ Польшу, авторъ сообщаетъ, что польскій король, паны и католическое духовенство съ радостью дали самозванцу литовское войско, чтобы воздвигнуть „мечъ на кровь христіанскую“. Сѣверскіе города приняли Джемидитрія за истиннаго государя и вмѣстѣ съ нимъ „воздвигло мечъ противъ братій своихъ“. Когда уже самозванецъ завладѣлъ престоломъ, тогда только русскіе люди узнали, что это не Димитрій, а разстрига Отрепьевъ. Однако онъ царствовалъ, страхомъ укрѣпляя свою власть, свергая іерарховъ и проливая кровь подданныхъ. Онъ даже не устыдился ввести въ церковь некрещеную свою невѣсту и повѣнчаться съ ней, а затѣмъ пожелалъ и въ конецъ искоренить православную вѣру и ввести латинство и люторство. Но тогда Богъ „разсыпалъ бѣсовскія козни его“, и онъ „срамною смертію отъ рукъ правовѣрныхъ скончался“¹⁾. Послѣ его смерти русскіе люди надѣялись, что подобные соблазны самозванщины никогда не повторятся, а между тѣмъ „таки того жъ проименованіемъ царя Димитрія инъ врагъ воздвижеся“:

¹⁾ На повѣствованіи Плача о первомъ самозванцѣ отразилась составленная въ февралѣ 1607 года такъ называемая прощальная грамота патріарховъ Іова и п Гермогена (Акт. Арх. Эксп. II, № 67). Авторъ Плача подражаетъ ей и даже заимствуетъ изъ нея цѣлыя фразы. Такъ, напримѣръ, отъ лица Іова въ прощальной грамотѣ рассказывается о сверженіи его съ престола и затѣмъ о поведеніи самозванца въ Москвѣ: по словамъ Іова, самозванецъ „многія крестьянскія церкви осквернилъ и и не прія въ сѣбѣ сѣмѣва бѣсовскаго яда, но и до конца хотя разорити нашу непорочную христіанскую вѣру, пріявъ себѣ изъ Литовскія земли невѣсту, люторскія вѣры дѣвку, и введе ея въ соборную и апостольскую церковь Пречистыя Богородицы и вѣнчавъ ея царскимъ вѣнцомъ и повелѣ той своей скверной невѣстѣ прикладыватися и въ царскихъ дверяхъ святымъ муромъ ея помазалъ“ (Акт. Арх. Эксп. № 67, стр. 155). Въ Плачѣ читаемъ, что самозванецъ „святителей и отецъ начальствующихъ со престоловъ свергъ и многихъ пастырей и наставниковъ отъ паствъ отлучилъ, безчисленныя крови христіанскія изліялъ. И не прія въ сѣбѣ сѣмѣва бѣсовскаго яда, пріявъ себѣ жену Люторскія вѣры невѣсту Маринку и не устыдився ни мало, ниже убоявся безсмертнаго Бога, овелъ се некрещену въ соборную апостольскую церковь Пречистыя Богородицы и вѣнчавъ ея царскимъ вѣнцомъ“. (Ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 2529, л. 431—431 об.—Ркп. Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. № 1504, л. 257 об.—258). Въ такомъ близкомъ сходствѣ фразъ мы вправѣ видѣть прямое подражаніе; замѣтно оно и въ упоминаніи автора Плача о томъ, что царь В. Шуйскій „бысть отъ корени святаго благовѣрнаго князя Александра Ярославича Невскаго“. Вообще, при сличеніи мѣстъ Плача, относящихся къ исторіи перваго самозванца, съ официальными грамотами Шуйскаго о сверженіи Джемидитрія, мы готовы допустить предположеніе, что эти грамоты были извѣстны автору Плача: онъ близко подходитъ къ нимъ многими фразами своего разсказа.

явился второй самозванецъ, то-есть Тушинскій воръ. Онъ нашелъ себѣ сторонниковъ, привлекъ къ себѣ Марину Мнишекъ и получилъ помощь отъ польскаго короля. Король выслалъ на Русь свое войско, и оно разрушило города, поругало святыню, избилло много православнаго народа. Вслѣдъ за воровъ и поляками, двумя главными врагами, поднялись враги второстепенные: явилось много самозванцевъ подъ разными именами. Всѣ они, правда, погибли безслѣдно, но сильнѣйшіе враги Руси восторжествовали надъ нею: Польскій король съ теченіемъ времени самъ поднялся на Русь и взялъ Смоленскъ, несмотря на его храброе сопротивление. Въ то же время Тушинскій воръ стоялъ подъ самою Москвою „съ проклятою Литвою“ и русскими измѣнниками. И въ самой Москвѣ нашлись измѣнники, „домашніи врази: отъ синклита царска Михайло Салтыковъ, отъ рода купецка Федка Одроновъ и ивнн съ ними“. Они отправились къ королю какъ бы посланниками отъ всей Москвы, просить на Московское царство королевича. По совѣту съ королемъ имъ удалось дѣйствительно прельстить москвичей „епистолиями королевскими и своими злостренными глаголы“, чтобы москвичи приняли Владислава, съ условіемъ его перехода въ православіе. Затѣмъ они явились подъ Москву вмѣстѣ съ королевскимъ гетманомъ (Жолкѣвскимъ). Самозванецъ же, по тайному соглашенію съ пришедшими поляками, сталъ въ это время особенно тѣснить Москву и разорять страну. Не понимая тайнаго союза враговъ, русскіе люди изъ боязни вора рѣшили принять королевича и для этого „несовершенствомъ ума“ своего свергли Шуйскаго, постригли его и отослали къ королю, а литовское войско впустили въ Москву ¹⁾. Одинъ патріархъ Гермогенъ по-

¹⁾ Въ одномъ спискѣ Плача (ркп. гр. Уварова № 896, лл. 231 об. — 232) вся вина сверженія Шуйскаго возложена на боярство: „Людіе жъ, живущіи въ велицѣй Росіи, властодержцы московстїи бояре сотониною завистию и дьявольскимъ гордѣвіемъ не восхотѣша царю Василію поклонитися, а не разумѣша вражебнаго королевскаго лукавства, восхотѣша прїяти королевича на Московское государство царствовати, и престоютою и несовершенствомъ ума Богомъ избраннаго царя Василія Шуйскаго со престола здвинули и отъ царствїа отлучили“. Въ другихъ спискахъ это мѣсто читается такъ: „Людіе же, живущіи въ великой Росіи, не уразумѣша вражебнаго королевскаго лукавства, восхотѣша прїяти королевича на Московское государство царствовати, и несовершенствомъ ума Богомъ избраннаго царя (Василія Ивановича всеа Русіи) съ престола свергнули и отъ царствїа отлучили“ (Ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 2529, л. 435 об. — 436. — Ркп. Имп. Публ. Библиотеки Погодинск. № 1504, л. 261 об.). Сопоставленіе текстовъ свидѣтельствуетъ, что мѣсто о боярахъ насильственно разрывааетъ пра-

нималъ всю опасность происшедшихъ событій и увѣщевалъ москвичей не дружить съ поляками: онъ указывалъ на полную невозможность сближенія съ врагами православія и, осуждая мятежное сверженіе законнаго государя, призывалъ народъ молить у Бога вразумленія и помощи ¹⁾. Не всѣ слушали Гермогена съ сочувствіемъ, многіе осуждали его, противъ него „нелѣпая вѣщающе“. А между тѣмъ поляки въ Москвѣ стали дѣлать насилія, построили костелы, наконецъ, воздвигли „многмятежную бурю“ на русскихъ людей и пролили рѣки крови. Авторъ разумѣетъ подъ этою бурей разрушеніе Москвы и, обращаясь къ тѣмъ людямъ, „иже не видѣша сицеваго великія Росія разоренія“, требуетъ отъ нихъ усиленнаго вниманія къ этому главнѣйшему факту своего повѣствованія.

Поляки, говоритъ авторъ, завладѣвъ Москвой, не сразу рѣшились на ея разореніе, но ожидали удобной минуты и совѣщались съ предателями Салтыковымъ и Андроновымъ, „которымъ бы образомъ разорити превеликій градъ Москву“. Обсудивъ дѣло, они приготовились и исполнили свой умыселъ, когда „седмица наста спасительныхъ страстей“. Сперва они зажгли церкви и дома въ Москвѣ, затѣмъ стали избивать гражданъ и грабить то, что уцѣлѣло отъ огня. Каменные церкви были разграблены, иконы поруганы, всѣ драгоцен-

вильную фразу о довѣрчивыхъ и несовершенныхъ умомъ московскихъ людяхъ, которые свергли Шуйскаго не по гордости, а по своей простотѣ. Съ полнымъ основаніемъ поэтому можно считать это мѣсто позднѣйшею вставкой.

¹⁾ Приводимъ цѣликомъ увѣщаніе Гермогена, по списку Имп. Публ. Библиотеки Погодинск. № 1504 (л. 261 об.—262 об.), исправляя его на основаніи другихъ списковъ (Ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 2529, лл. 436—437 об.—Ркп. гр. Уварова № 896, лл. 232—233): „Непоколебимый же столпъ благочестія, предивный рачитель христіанскія вѣры, крѣпкій адамантъ, чадолюбивый отецъ, премудрый іерархъ, святѣйшій Ермогенъ патріархъ Московскій (и) всеа Русіи, вида людей Божіихъ въ велицѣй Росіи мятущихся и зѣло погибающихъ, много наказуя ихъ, полезная вѣщая имъ, глагола: „Иако паствы моея! послушайте словесъ моихъ. Что всуе мятетеси и вѣрваете душа своя поганымъ полякомъ? Которое вамъ, словеснымъ овцамъ, причастіе (съ) злохитными волки? Вы кротцы о Христѣ, они же дерзостни отъ сатаны. Въсте сами, яко издавна православная вѣра наша христіанская греческаго закона отъ иноплеменихъ странъ ненавидима. Кими же нравы примирхомся со иноплеменики сими? Лутче было вамъ искати, что со слезами и съ рыданіемъ всему народу въ женами и съ чады притещи къ неотсѣкаемой надежи, ко всемилостивому въ Троицѣ славимому Богу и просити милости и щедроты у благодательныхъ Его десницъ, да подасть намъ разумъ благо, еже творити душамъ своимъ полезная и царствующему граду и окрестнымъ градомъ благоустроенная, и не мятежная“.

ности въ городѣ и въ царской казнѣ расхищены. Не пощадили даже раки мощей блаженнаго Василія, разсѣкли ее на части и на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла, поставили коней и творили безчинства. Трупы убитыхъ побросали въ рѣку, а взятыхъ въ плѣнъ женщинъ подвергли поруганію. Уцѣлѣвшіе отъ избіенія москвичи бѣжали изъ Москвы и „по распутіямъ мнози мразомъ и голодомъ и различными скорбьми скончевашася“.

Таковыми чертами рисуетъ авторъ разрушеніе Москвы. Въ одномъ изъ двухъ списковъ, заключающихъ въ себѣ окончаніе Плача ¹⁾, непосредственно за этимъ описаніемъ московскаго пожара, убійствъ и грабежа, слѣдуетъ краткое заключеніе, въ которомъ авторъ призываетъ русскихъ людей къ покаянiю и молитвѣ, „дабы премилостивый Богъ нашъ, челоуѣколюбія ради своего, пощадилъ бы насъ отъ враговъ нашихъ и злолукавый совѣтъ ихъ искоренилъ и остатокъ бы Російскихъ царствъ и градовъ и веси миромъ оградилъ и всяки благодати исполнилъ и не предалъ бы насъ врагомъ нашимъ въ расхищеніе и въ плѣнъ“. Въ другомъ же спискѣ находимъ вставку, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, объ ополченіи Пожарскаго, освобожденіи Москвы и воцареніи Михаила Ѳеодоровича ²⁾. Сообразно съ

¹⁾ Ркп. Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. № 1504, л. 264 об.—265 об.

²⁾ Ркп. гр. Уварова № 896, л. 235 об.—237 об. — Вслѣдъ за картиной московскаго разоренія (послѣ словъ: „мнози по путемъ мразомъ и голодомъ смертію скончашася“) здѣсь читаемъ: „Милостивый бо Владыко челоуѣколюбецъ Богъ нашъ, показуя наказавъ и не до конца родъ христіанскій сыновъ русскихъ въ руки невѣрнымъ предаде. И сбѣжа съ Москвы отъ сихъ окаянныхъ убійцовъ поляковъ Богомъ соблюдаеміи воини князь Дмитрей Тимоеевичъ Трубецкой да князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской, да съ ними жъ приложись купецъ коровой именемъ Кузма Мининъ и иніи съ ними воеводы, иже онѣ не восхотѣша душъ своихъ отъ Бога отщетити и отъ вѣры христіанскія отрѣшитися и въ Люторскую вѣру впасти и симъ невѣрнымъ не восхотѣша повиноватися. И побѣгоша по окреснымъ градомъ рускимъ, въ Казанскія городы, и въ Володимерь, и въ Суздоль, иніи въ Ярославль, иніи въ Нижней Новгородъ. И собраша войско сыновъ русскихъ, иже кто изволилъ пострадати за благовѣріе, и за святую православную христіанскую вѣру, и за святыя церкви и обители, и за все православіе. И пришедше съ войскимъ подъ царствующій градъ Москву. Тіи жъ окаянніи поляки свдша въ Москвѣ въ осаду и ждуще помощи отъ короля своего. И таково убо сихъ окаянныхъ сыродцовъ и кровопивцовъ жестосердіе и крѣпкое свдѣніе, яко плоти челоуѣческія ядоша и кровь пьюще и съ жребія другъ друга убиваше и ядуще, а покорное не сотвориша и не здашася. И молящеся князи и воеводы вси Господу Богу и Пречистой Его Богоматери и постящеся со всѣмъ своимъ воинствомъ во всѣхъ градахъ и селахъ Російскія земли, старыя и юныя и со младенцы, три дни и три ноцы, дабы Господь Богъ явилъ

этой вставкой передѣлано и заключеніе, въ которомъ вмѣсто молитвы о спасеніи „остатка“ государства читаемъ молитву о спасеніи „останка рода христіанскаго“, о благополучіи новаго государя, о сохраненіи и вразумленіи синклита царскаго и бояръ, наконецъ, о прекращеніи браней и голода.

пастыря расхищенному стаду и словеснымъ овцамъ Греческаго закона и словеснаго языка государя и очищеніе царствующаго града Москвы. Милостивый бо и челоуколюбивый Богъ нашъ молитвъ ради Пречистыя Матере Своея Владычицы нашея Царицы и Богородицы и Приснодѣвы Маріи и Ивана Предтечи и обоюнадесяти апостолъ и всѣхъ святыхъ небесныхъ силъ, и молитвъ ради святыхъ отецъ новоявленныхъ чудотворцовъ, иже просіявшихъ въ Руской земли, святыхъ трехъ преосвященныхъ митрополитовъ Петра и Алексѣя и Іоны, и преподобныхъ отецъ нашихъ, иже во обителѣхъ святыхъ и въ лаврахъ, и поста ради младенецъ оныхъ,—въ три лѣта едва возмогоша сихъ окаянныхъ восхитить. Туту жъ Божіею помощію множество ихъ побіенно бысть; оттуду жъ ихъ окаянный король возвратися прочь посрамленъ во свою Полшу вспять. А по одолѣніи сихъ окаянныхъ и невѣрныхъ поляковъ въ Московскомъ государствѣ воздвиге Господь Богъ благовѣрнаго и благочестиваго, Богомъ почтеннаго, и Богомъ вознесеннаго, и Богомъ украшеннаго, и Богомъ звичаннаго, и Богомъ совершеннаго, и святыхъ елеомъ помазаннаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Русіи самодержца Руской земли“. Что эти строки ссть позднѣйшая вставка въ Плачь, доказывается какъ различіемъ слога, такъ и внутреннимъ несоотвѣтствіемъ этого мѣста всему строю Плача. Плачь посвященъ разоренію Москвы и кончается горькимъ сожалѣніемъ о ея гибели и молитвою о сохраненіи того, что еще уцѣлѣло въ государствѣ. Вставка же торжествуетъ по поводу освобожденія Москвы и избранія государя. Составитель ея не сумѣлъ примирить ея радостный тонъ съ печальнымъ тономъ всего Плача. Тотчасъ послѣ приведенной вставки слѣдуютъ такіа слова первоначальнаго Плача: „И кто сія слышавъ отъ крестьянъ, не наполнится плача и рыданія? Кто ли не ужаснется, толикую скорбь и язву слышаще? О присно по духу братіе! Кто ли не накажется толкими бѣдами, не о имѣніи своихъ скорбище, но о разореніи святыхъ церквей и о позыбленіи столпа благочестія истинныя христіанскія вѣры рыдающе?“ Эти восклицанія въ первоначальномъ Плачѣ стоятъ вполне на мѣстѣ тотчасъ послѣ разсказа о разрушеніи Москвы, но звучатъ очень странно послѣ вставки о торжествѣ Руси надъ врагами и избраніи Михаила. Судя по тому, что составитель вставки не знаетъ обстоятельствъ возникновенія въ Нижнемъ земскаго ополченія, смѣшиваетъ ополченіе Трубецкаго съ ополченіемъ Пожарскаго и потому думаетъ, что Москву ополченіе осаждало три года, наконецъ, въ своемъ заключеніи къ Плачу молитъ Бога укротить страну и прогнать „ратныхъ“, — можно думать, что вставка въ Плачь сдѣлана въ первое время царствованія Михаила. Тогда еще страна не была укрошена и не явилось еще такихъ литературныхъ произведеній, которыя позволили бы ознакомиться съ событіями смуты челоуку, лично ихъ не знающему. Таковъ былъ авторъ вставки, писавшій, очевидно, по неточнымъ слухамъ о положеніи дѣлъ въ Москвѣ и государствѣ.

Нѣтъ необходимости доказывать, что изложеніе событій смутнаго періода въ Плачѣ далеко не вѣрно. Многочисленныя неточности, въ которыя впадаетъ авторъ Плача, достаточно объясняются его зависимостью отъ источниковъ, бывшихъ у него въ рукахъ. На одинъ источникъ—пропальную грамоту патриарховъ Іова и Гермогена—мы уже указывали выше. Этотъ документъ повліялъ лишь на повѣствованіе Плача о первомъ самозванцѣ. Гораздо шире, на всѣхъ частяхъ фактическаго разсказа Плача, отразились тѣ грамоты 1611 и 1612 годовъ, какія разсылались по городамъ изъ ополченій Пр. Ляпунова и кн. Д. М. Пожарскаго ¹⁾). Сличеніе Плача съ этими грамотами позволяетъ намъ понять самый процессъ составленія Плача и объясняетъ, откуда взялись у автора нѣкоторыя его ошибки. Авторъ Плача вполне усвоилъ себѣ ту точку зрѣнія на событія, какою давали эти грамоты 1611—1612 годовъ. Составляя свое произведеніе, онъ прямо пересказывалъ въ немъ то, что находилъ въ грамотахъ, и даже вносилъ въ свой Плачъ отдѣльныя фразы изъ грамотъ цѣликомъ. Но простой языкъ грамотъ не удовлетворялъ его и онъ считалъ необходимымъ украшать свое произведеніе цвѣтистыми оборотами книжной рѣчи ²⁾).

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 251, № 262, № 281. — Акт. Арх. Эксп. II, № 185, № 188, V; № 203.

²⁾ Приведемъ нѣсколько сходныхъ мѣстъ Плача и той грамоты изъ ополченія Пожарскаго, которая болѣе всего повліяла на изложеніе Плача (Акт. Арх. Эксп. II, № 203). Въ грамотѣ о первомъ самозванцѣ говорится: „И своимъ злымъ умысломъ и по вражью дѣйству избѣжалъ въ Польшу и тамо безчисленныхъ и богомерскихъ ересей исполнился, и вмѣсто крестьянскія вѣры греческаго закона Люторскую и проклятую вѣру возлюбилъ, и безстыдно нарекъ себя царемъ Дмитріемъ“. Въ Плачѣ читаемъ: „Избѣжавъ въ Польшу и тамо безчисленныхъ богомерскихъ ересей скрыжалъ сердца своего наполнилъ, и тмообразную свою душу пакы предалъ въ рудъ сатанины, и вмѣсто крестьянскія вѣры Греческаго закона Люторскую треокаянную вѣру возлюбилъ, и безстыдне нарекъ себя царемъ Дмитреемъ приснопамятнаго цари Ивана сыномъ“ (Ркп. Моск. Публ. и Гум. Музеевъ № 2529, л. 429—429 об. — Ркп. Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. № 1504, л. 256 — 256 об.). Въ грамотѣ читаемъ о ворахъ и полякахъ: „Къ ихъ же (то-есть, воровъ) злочестивому совѣту присталъ Литовскій король, преступивъ крестное цѣлованіе, на чемъ было утверженіе съ царемъ Борисомъ, и послалъ съ тѣмъ воровъ Полскихъ и Литовскихъ людей: и съ тѣми воры сложяся, Полскіе и Литовскіе люди многіе грады разорили, и святыя великія лавры разрушили, и нетлѣнные тѣлеса святыхъ обругали, и безчисленно православныхъ христіанъ мечному потребленію предали. И мнози воздвигашася врази, и тмочисленное изліяся лукавство, и мнози отъ грабителей и ненасытныхъ кровоядцовъ царя себя называше, Петрушка, и Августъ, и Лаврушка, и Федка, и иные многіе, и отъ нихъ многія крови разліяшася и безчисленно бла-

Вмѣстѣ съ тѣмъ, отбрасывая изъ грамотъ все то, что казалось ему лишнимъ въ Плачѣ, онъ дополнялъ Плачъ такими данными, которыхъ не находимъ въ грамотахъ. Такъ, на примѣръ, явилась у него приведенная нами рѣчь Гермогена: она составлена, вѣроятно, на основаніи слуховъ о патриархѣ, потому что ни въ одной изъ грамотъ мы не найдемъ ничего подобнаго этой рѣчи.

Отходя такимъ образомъ въ частностяхъ отъ своего главнаго источника, авторъ Плача остался ему вѣренъ въ своихъ общихъ представленіяхъ о ходѣ событій смутнаго времени. Онъ изображаетъ развитіе смуты съ появленія Тушинскаго вора, преимущественно по грамотамъ Пожарскаго ¹⁾. Эти грамоты другъ друга дополняютъ своими показаніями, но одна изъ нихъ отличается сравнительною подробностью и обстоятельностью ²⁾. Она была разослана въ города ото всего ополченія Пожарскаго вскорѣ послѣ прихода его въ Ярославль (въ апрѣлѣ 1612 г.) и заключаетъ въ себѣ краткій обзоръ событій со времени прекращенія династіи Калиты до обстоятельствъ распаденія Ляпуновскаго ополченія. Эта грамота болѣе другихъ послужила источникомъ для автора Плача: изъ нея онъ усвоилъ себѣ и отдѣльныя фразы, и фактическія ошибки, и даже послѣдователь-

городныхъ людей мечемъ скончаша; милосердый же Богъ тѣхъ лженианитыхъ враговъ, Петрушку съ товарищи, злой смерти предалъ“. Въ Плачѣ это мѣсто грамоты подверглось нѣкоторой передѣлкѣ:... „Къ его жь (Тушинскаго вора) злочестивому совѣту пристагъ король Литовскій и посла бѣсояросное воинство свое, и многія грады вси разорилъ, и святыя и великія лавры разрушилъ, и негдѣнные и пречестивѣйшая по успеніи тѣлеса святыхъ отъ благочестія устроенныхъ ракъ извергъ и ковечному обруганію предалъ, и безчисленно православнаго народа мечному посвяченію предаша, и крови источницы проліяшася. И не единымъ симъ насытнымъ кровопролитіемъ великодержавная Росія въ погубель впаде, но и многи воздвигошася врази и тмочисленное изліяся лукавство. Мнози отъ грабителей и насытныхъ кровоядцевъ царями именоваша себе и многія имена на ся возложиша: инъ наречеси Петръ, инъ же Иванъ, инъ же Августъ, инъ Лаврентей, инъ Гурій. Отъ нихъ тако же многія крови изліяшася, безчисленно благородныхъ мечемъ скончашася, ихъ же всѣхъ превысокая Божія десница побѣди, и мимо текущая ихъ преблудная слава, яко дымъ, разліяся и, яко прахъ, разсыпаша“ (Ркп. Имп. Публ. Библиотеки Погодинск. № 1504, л. 259—259 об. — Ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 2529, л. 432 об. — 433 об. — Ркп. гр. Уварова № 896, л. 223—224). Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы установить фактъ заимствованія Плача изъ грамоты. Последовательное сличеніе этихъ памятниковъ открываетъ въ нихъ много одинаковыхъ выраженій и фразъ.

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 281.—Акт. Арх. Эксп. II, № 203.

²⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 203.

ность изложенія. Слѣдую за этою грамотой, онъ думаетъ, что Сигизмундъ былъ въ совѣтѣ и въ союзѣ ~~с~~ Тушинскимъ воромъ и что польскія войска явились на Русь въ помощь вору. Какъ въ грамотѣ, въ Плачѣ за рассказомъ о ворѣ слѣдуетъ перечисленіе мелкихъ самозванцевъ ¹⁾). И грамота, и Плачъ одинаково даютъ понять, что поляки завладѣли Москвою посредствомъ скрытаго соглашенія съ Тушинскимъ воромъ, который по ихъ наущенію подступилъ къ Москвѣ и страхомъ своего нападенія заставилъ москвичей принять польскій гарнизонъ и свергнуть Шуйскаго. Одними словами оба памятника описываютъ поведеніе поляковъ въ Москвѣ и ихъ совѣщаніе съ русскими измѣнниками о разореніи Москвы. Но о поведеніи русскихъ измѣнниковъ Салтыкова и Андропова и о самомъ разрушеніи Москвы въ апрѣльской грамотѣ Пожарскаго говорится меньше, чѣмъ въ другихъ грамотахъ его и Ляпунова. Авторъ Плача въ этомъ случаѣ слѣдуетъ болѣе подробному источнику. Сохраняя ту послѣдовательность изложенія, какую онъ заимствовалъ изъ апрѣльской грамоты, онъ дополняетъ ея рассказъ данными другихъ грамотъ. Такъ его убѣжденіе, что Салтыковъ и Андроновъ пришли подъ Москву вмѣстѣ съ польскимъ войскомъ и прельстили москвичей принять королевича, очевидно, основано на грамотѣ Пожарскаго, разосланной въ города въ юнѣ 1612 года ²⁾). Къ даннымъ этой послѣдней грамоты близокъ въ общихъ чертахъ и рассказъ Плача о московскомъ разореніи. Но грамоты Пожарскаго собственно о московскомъ разореніи только повторяютъ слова грамоты Ляпунова съ немногими отступленіями и сокращеніями ³⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ рассказъ Плача о сожженіи Москвы, будучи близокъ къ грамотамъ Пожарскаго, еще ближе подходитъ къ грамотамъ Ляпунова ⁴⁾). Поэтому въ

¹⁾ Въ Плачѣ, впрочемъ, находимъ такіа имена самозванныхъ царевичей (Швант, Гурій), какихъ нѣтъ въ грамотѣ (Ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ № 2529, л. 433.—Ркп. Имп. Публ. Библиотеки Погодинск. № 1504, л. 259 об.—Акт. Арх. Эксп. II, № 203, стр. 354. См. также *Бутурлина* Исторія смутнаго времени, II, Приложение VII, стр. 56—57).

²⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 281.

³⁾ Сравн. грамоты, помѣщенные въ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 251 и № 262, и въ Акт. Арх. Эксп. II, № 185 и № 188, V, съ грамотами, помѣщенными въ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 281, и въ Акт. Арх. Эксп. II, № 203.

⁴⁾ Излагая содержаніе Плача, мы передали его рассказъ о сожженіи Москвы со всѣми подробностями. При сравненіи ихъ съ грамотами можно замѣтить, что Плачъ воспроизводитъ и такіе факты, которыхъ нѣтъ въ грамотахъ Пожарскаго, но которые находятся въ грамотахъ Ляпунова (обращеніе церквей въ конюшни: Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 251.—Акт. Арх. Эксп. II, № 188, V).

данномъ случаѣ основательнѣе будетъ предположеніе, что авторъ Плача зналъ и тѣ и другія грамоты и пользовался ими всѣми.

Утверждая зависимость Плача отъ названныхъ нами грамотъ, мы этимъ не утверждаемъ, что авторъ Плача не имѣлъ другихъ источниковъ. Въ его изложеніи можно указать такія подробности, происхождение которыхъ не объясняется указанными грамотами. Таковы пѣкоторыя частности разсказа о первомъ самозварцѣ, отзывы о Гермогенѣ и нѣсколько мелкихъ фактическихъ чертъ, которыми авторъ дополнялъ кое-гдѣ показанія грамотъ ¹⁾. Всѣ эти черты могли быть заимствованы изъ какихъ-нибудь письменныхъ источниковъ, но могли быть занесены въ Плачъ и на основаніи простыхъ слуховъ. При общей краткости Плача, такія независимыя отъ грамотъ мѣста его въ общей сложности составляютъ нѣсколько фразъ; притомъ по содержанию своему они не даютъ историку ничего новаго. Только отношеніе автора къ Гермогену можетъ имѣть значеніе въ ряду прочихъ характеристикъ патріарха, сдѣланныхъ его современниками, людьми первой половины XVII вѣка. Такимъ образомъ Плачъ, какъ произведеніе, составленное на основаніи извѣстныхъ намъ документовъ и не заключающее въ себѣ новыхъ фактическихъ данныхъ, имѣетъ весьма малую историческую цѣнность.

Знакомство съ источниками Плача даетъ намъ основаніе для

¹⁾ Таковы сообщенія автора объ уничтоженіи рака блаженнаго Василія въ Москвѣ, о поруганіи труповъ и о страданіяхъ удѣльвшихъ отъ московскаго погрома москвичей: „И рака блаженнаго и цѣлоноснаго тѣлеси великаго Василія о Христвъ юродиваго разсѣкоша на мнози части и одръ съ мѣста, иже бысть подъ ракою святаго, здвигнуша. А на томъ мѣствѣ, идѣже лежитъ блаженное тѣло святаго Василія, конемъ мѣста устроиша и съ женообразными лицы безстудне и безстрашне того святаго блаженнаго Василія въ церкви блудное скаредіе творяще. Неповинныхъ побіенныхъ православныхъ христіанъ, ниже погребенія сподобихася, но въ рѣву свергоша всѣхъ побіенныхъ тѣлеса... Избѣгшичъ же отъ рукъ ихъ, по распутиемъ мнози мразомъ и голодомъ п различными скорбми скончавашася“ (Приводимъ текстъ по ркп. Имп. Публ. Библиотеки Погодинск. № 1504, л. 264 — 264 об., съ исправленіями по ркп. гр. Уварова № 896, л. 235 — 235 об.). Всѣ эти свѣдѣнія находимъ въ такъ-называемой Рукописи Филарета (Рукопись Филарета, стр. 47—48.—Сборникъ *Муханова*, изд. 2-е, стр. 309—310). Нѣтъ основаній предполагать, что они сюда были перенесены изъ Плача: Рукопись Филарета повѣствуетъ объ этихъ фактахъ въ совершенно иной формѣ, чѣмъ Плачъ. Въ свою очередь и Плачъ не могъ заимствовать изъ Рукописи Филарета, такъ какъ былъ составленъ ранѣе ея. Остается предположить поэтому, что у обоихъ произведеній былъ одинъ и тотъ же неизвѣстный намъ источникъ.

нѣкоторыхъ соображеній о его авторѣ и о времени написанія самаго произведенія. Авторъ Плача, безъ сомнѣнія, не былъ москвичемъ: ни одна черта его повѣствованія не даетъ намъ права заключать, что онъ былъ свидѣтелемъ московскаго разоренія. Еслибъ онъ самъ видѣлъ пожаръ, грабежи и убійства въ Москвѣ, въ его разсказѣ это отразилось бы большею точностью и содержательностью изложенія. Сравнивая же немногія строки Плача о разрушеніи Москвы съ показаніями о немъ Новаго Лѣтописца и Рукописи Филарета, въ которыхъ видны впечатлѣнія очевидцевъ ¹⁾, мы можемъ только удивляться безцвѣтности и неопредѣленности разсказа Плача. Простыя фразы грамотъ, легшія въ основу этого разсказа, подверглись въ Плачѣ риторической переработкѣ и въ новой формѣ потеряли свою прежнюю выразительность. Къ такому приему передѣлки чужихъ показаній не прибѣгъ бы очевидецъ, богатый собственными воспоминаніями. Не видѣвъ московскихъ событій лично, сочинитель Плача однако зналъ о нихъ по грамотамъ. Въ его рукахъ были, какъ мы старались показать, правительственныя грамоты разныхъ лѣтъ, и по ихъ сообщеніямъ онъ разсказывалъ всѣ событія смуты, и особенно сожженіе Москвы, тѣмъ людямъ, „иже не видѣша сиеваго великія Росія разоренія“, то-есть, не москвичамъ. На основаніи этихъ данныхъ можно построить догадку, что авторъ Плача составилъ свое произведеніе въ какомъ-нибудь городѣ или уѣздѣ для поученія мѣстныхъ жителей. Если онъ считалъ возможнымъ, не видя событій своими глазами, разсказывать о нихъ другимъ, то это показываетъ намъ, что онъ былъ болѣе другихъ знакомъ съ этими событіями по слухамъ и по грамотамъ. Въ такомъ положеніи всего легче могло быть лицо изъ мѣстной администраціи или духовенства, получавшее и хранившее грамоты, рассылаемыя правительствомъ.

Что касается до времени составленія Плача, то о немъ въ самомъ произведеніи нѣтъ данныхъ. Слова, читаемая въ одномъ изъ списковъ послѣ заглавія: „сотвориже сие плѣненіе и разореніе царствующему граду Москвѣ въ лѣто 7119 (1611) году“ ²⁾,—относятся только къ факту сожженія Москвы и датой произведенія служить не могутъ. Зная, что авторъ Плача пользовался грамотой, разосланною изъ опол-

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 156—158.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-ое, 210—213.—Новый Лѣтописецъ, 131—134.—Рукопись Филарета, стр. 47—48.—Сборникъ *Мухомова*, изд. 2-ое, стр. 309—310.

²⁾ Ркп. Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. № 1504, л. 253.

чепія Пожарскаго въ апрѣль 1612 г. ¹⁾, и, быть можетъ, даже грамотой, разосланной въ іюнь того же года ²⁾, мы отнесемъ составленіе Плача не къ 1611, а къ 1612 году, и притомъ къ его срединѣ или осеннимъ мѣсяцамъ. Въ концѣ 1612 г. вѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ уже разнеслась по государству; но авторъ Плача, прося у Бога пощады „остатку государства“, еще не знаетъ объ освобожденіи его столицы.

Повѣсть о нѣкоей брани, палажащей на благочестивую Россію, извѣстна намъ по одному списку ³⁾. Она представляетъ собою многословное повѣствованіе лишь о одномъ фактѣ—знаменіи, которое было видѣно на небѣ авторомъ Повѣсти. Въ предисловіи къ разсказу объ этомъ знаменіи авторъ высказываетъ свой взглядъ на значеніе бѣдствій, пережитыхъ Русью въ смутное время. Онъ вѣритъ въ неизбежность скорого небеснаго возмездія за грѣхи „овогда гладомъ, овогда огненными запаленіи, овогда же безбожннхъ нахоженнми и межуособною бравію и прочими таковыми“. Такъ какъ русскіе люди грѣшили „отъ главы и до ногу, сіирѣчь отъ великихъ и до пшжайшихъ“, то „такой грѣхъ не можетъ очиститися ничимъ же, точію огнемъ и мечемъ и прочими таковыми, якоже содѣяся во дни наша“. Но въ своемъ изложеніи авторъ не развиваетъ этой мысли: онъ прямо переходитъ къ описанію своего видѣнія, и хотя часто отвлекается отъ него, но не для того, чтобы убѣдить читателя въ грѣховности русскихъ людей, и не для того, чтобы показать имъ всю картину заслуженныхъ ими бѣдствій. Говоря, что его разсказъ относится къ 7116 (1608) году, къ царствованію царя Василия, авторъ при царскомъ имени приводитъ полную форму царскаго титула съ официальнымъ родословіемъ Шуйскихъ, которое восходитъ, по его мнѣнію, до Θεодосія Великаго съ сыповьями Гоноріемъ и Аркадіемъ. Возвращаясь къ своей темѣ, авторъ опять указываетъ, что его повѣст-

¹⁾ Акт. Аух. Эксп. II, № 203.

²⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 281.

³⁾ Ркп. Имп. Публ. Библиотеки F. IV. 222 (изъ собранія гр. О. А. Толстова, отд. I, № 241), въ листѣ, скорописью XVII вѣка, на 125 лл. На л. 1—118 находится краткій автописецъ, на л. 119—124 разбираемая Повѣсть, имѣющая такое заглавіе: „Счинена Повѣсть сія о нѣкоей брани, палажащей на благочестивую Россію грѣхъ ради нашихъ, и о видѣніи нѣкоего знаменія въ нынѣшнемъ родѣ нашемъ, о немъ же преди слова бесѣда изъявить“. За Повѣстью, на лл. 124—125 об., помѣщено послѣсловіе къ ней подъ особымъ заглавіемъ „Молитва“.

нованіе относится къ третьему лѣту царствованія Шуйскаго и ко времени патріарха Гермогена, и затѣмъ опять отвлекается въ сторону для того, чтобы объяснить, при какихъ историческихъ обстоятельствахъ произошло видѣнное имъ знаменіе. Въ третье лѣто царствованія Шуйскаго, по его словамъ, была „веля брань“ на Руси „отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ казаковъ донскихъ“. Казаки одного изъ своей среды назвали царевичемъ Димитріемъ и, собравъ войско „изъ поляковъ и литвы и угрянъ и черкасовъ запорожскихъ и прочихъ языкъ“, пришли подъ Москву. Они стали таборами въ Түшинѣ, „понеже то мѣсто вельми крѣпостно“, и оттуда разсыпались по всему государству, оскверняя церкви, сожигая города и села, убивая и уводя въ плѣнъ жителей. Видя въ этихъ бѣдствіяхъ исполненіе библейскихъ предсказаній, авторъ обращается къ святому князю Владиміру и спрашиваетъ: какъ Владиміръ и другіе святыя князья его „отрасли“ не умолили Бога пощадить русскихъ людей? Но на это самъ же авторъ отвѣчаетъ своимъ соображеніемъ: „аще они и молятъ, по не протвнятся судьбамъ Божиимъ; понеже убо согрѣшиша (русскіе люди) отъ главы и до ногу: аще не огнемъ и мечемъ, ниѣмъ ничимъ же могутъ очиститися таковыя грѣхи“. Послѣ этого авторъ сообщаетъ, что въ то тревожное время онъ былъ посланъ изъ Москвы въ города вмѣстѣ съ „толмачемъ нѣмецкаго языка“ Григоріемъ Кропольскимъ „изъ пресвѣтлія его (царя Василія) палаты, рекома Писолскаго приказу, его царьскія тайныя думы отъ дьяка зовомого именованіемъ Василія, по рекломъ же нарицаешесъ Телепневъ“ ¹⁾. Толмачу Кропольскому вмѣстѣ съ авторомъ вельно было ѣхать, „съ царьскими епистолиями на собраніе чина воинскаго въ супротивленіе тѣхъ окопныхъ предиреченныхъ враговъ“, въ Переяславль Залѣскій, въ Ростовъ, въ Ярославль Поволжскій, на

¹⁾ Ркн. Имп. Публ. Библиотеки F. IV. 222, л. 122.—0 Гр. Кропольскомъ свидѣній мы не имеемъ. Что касается до думнаго дьяка Василія Григорьевича Телепнева, то при Шуйскомъ онъ сидѣлъ въ Посольскомъ приказѣ въ 1606—1610 годахъ и считался приверженцемъ Шуйскаго (Др. Росс. Вивл., XX, стр. 365.—Акт. Ист. II, № 310.—Русск. Ист. Библиотека, IX, стр. 438). По сверженіи Шуйскаго онъ остался однако у дѣлъ, былъ въ числѣ лицъ, заключавшихъ съ Жолкѣвскимъ договоръ объ избраніи Владислава, и читалъ полякамъ тѣ статьи, которыми бояре желали обусловить власть королевича (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 199 и № 200.—Записки Жолкѣвскаго, изд. 2-е, стр. 74). Позднѣе, не смотря на то, что былъ въ подозрѣніи у поляковъ (Акт. Ист. II, № 310), онъ оставался въ составѣ боярской думы и дѣйствовалъ вмѣстѣ съ нею (Акт. Ист. II, № 321 и № 322).

Кострому и въ Галичъ. Такъ какъ Москва была тогда въ осадѣ и дороги во власти измѣнниковъ, то авторъ со своимъ спутникомъ пробирался „околными дорогами: Владимірскою на Киржацкій ямъ, и гдѣ возможно отъ нихъ (враговъ) пройти, на Благовѣщенской монастырь, рекомый на Киржачѣ, на Александрову слободу, на Переяславль Залѣсскій“ ¹⁾. И вотъ на пути „отъ Александровы слободы къ Переяславлю“, „о полудни въ постѣ верховныхъ апостолъ Петра и Павла“ ²⁾, авторъ былъ свидѣтелемъ небеснаго явленія, на которое указалъ ему Кропольскій. Оно состояло въ томъ, что на небесныхъ облакахъ глазамъ путниковъ представились левъ и змѣй, окруженные звѣрями и змѣями. И левъ, и змѣй какъ бы желали растерзать другъ друга, но оба исчезли съ небесъ, и облака приняли свой обычный видъ. Прихотливыя и перемѣнчивыя очертанія облаковъ, въ воображеніи путешественниковъ принявшія формы страшныхъ существъ, вызвали со стороны толмача любопытныя толкованія. Онъ объяснилъ автору, что это не простое явленіе, а знаменіе: левъ изображаетъ царя Шуйскаго, змѣй—Тушинскаго вора, а звѣри и змѣи вокругъ нихъ—ихъ приверженцевъ. Какъ левъ и змѣй желали поглотить одинъ другаго, но оба скоро исчезли, такъ Шуйскій и воръ, не одолѣвъ другъ друга, должны скоро погибнуть ³⁾. Объясненію то-

¹⁾ Предъ описаніемъ своего пути авторъ снова дѣлаетъ неловкое отступленіе: сказавъ о томъ, что дороги отъ Москвы во власти враговъ, онъ вдругъ переходитъ къ царю Василию и хвалитъ его кроткое долготерпѣніе, какое онъ обнаруживалъ, сидя въ осадѣ и видя измѣну многихъ подданныхъ (л. 122—122 об.).

²⁾ Этими словами опредѣляется время описываемаго видѣнія. Оно было въ Петровъ постъ: съ 23-го мая до 29-го іюня 1608 г. (*Горбачевскаго Археогрѣвич. Календарь, таблица 6-я*). Но врядъ ли оно могло быть ранѣ середины іюня, такъ какъ, по словамъ автора, онъ былъ посланъ уже тогда, когда воръ поставилъ свои таборы въ Тушинѣ: это произошло въ началѣ іюня 1608 г. Историки, основываясь на показаніи Буссова, говорятъ, что воръ подошелъ къ Москвѣ 1-го іюня (*Карамзина Ист. Гос. Росс., XII, изд. 5-е, стр. 49 и прим. 193.—Соловьева Ист. Россія, VIII, по изд. 1873 г. стр. 189*).

³⁾ Приводимъ цѣликомъ разсказъ Повѣсти о знаменіи: „Той предреченный толмачъ нѣмецкій Григорій Кропольскій рече ми на пути о полудни въ постѣ верховныхъ апостолъ Петра и Павла: зриши ли, что на облацѣхъ небесныхъ прямо насъ? Азъ же, по пореченію его, возрѣхъ велие, чудное и ужасное знаменіе, и рече ему: зрю, господине мой. Онъ же рече ми: чесо зриши? рци ми. Азъ же глагола ему: Страшно, господине, знаменіе вельми зрю: льва, звѣря зѣло превелика и пречудна, одесную страну стояща, а ошуюю страну прямо его недалече змѣя прелюта и прегорда стоящи неподвижно, а хочеть яко единъ единого возхитити и растерзати. А окрестъ льва великого множество

варища авторъ повѣрилъ и вспомнилъ его, когда умерли и воръ въ Калугѣ, и Шуйскій въ плѣну ¹⁾. Удивленный исполненіемъ знаменія, онъ разсказалъ о небесномъ явленіи какому-то настоятелю монастыря: „етеру нѣкіе честныя обители содержащему паству“. Тотъ же понудилъ его „писанію предати, начертати на харатійцѣ“ свой разсказъ. Не желая послушаться, авторъ исполнилъ это, и такимъ-то образомъ создалось его произведеніе.

Оканчивается оно молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу, „дабы отвратилъ отъ насъ гнѣвъ своего праведнаго прещенія, негли умило-сердится всецѣдрая и человѣколюбная утроба Его. Возможна вся суть Ему, всецѣдрому содѣтелю, аще изволить; яко по довольнѣмъ наказанію нашего согрѣшенія, и паки можетъ всеильный Господь погребеную, яко въ пепелѣ, искру благочестія во тмѣ злочестивыхъ разорителей возжещи зѣло и попалити нечестивыхъ и зловѣрныхъ, яко же терніе, и паки просвѣтити свѣтъ благочестіе“. Но за этою краткою молитвою авторъ подъ особымъ заглавіемъ помѣстилъ вторую, болѣе пространную. Въ ней онъ снова проситъ Бога отвратить отъ

звѣрей различными образы: змія же прелютаго окрестъ множество змій малыхъ. И по колику времени нача видѣніе то миноватися: змій окружшася выспрь ногами и нача по малу изчезати; левъ же припаде на чрево и нача по малу убывати; и потомъ ни единъ невидимъ бысть, и прочіе звѣрія и зміи тако жъ невидими быша, и облака паки устрошася во своемъ естествѣ. Предреченный же Григорій рече ми: разумѣши ли сего видѣнія знаменіе? Азъ же рече: Ни, господине мой, отнюдь недоумѣюся, но токмо ужасаюся. Онъ же нача глаголати ми и разсуждати: Разумѣй, рече, сіе есть знаменіе: Левъ превеликій—то есть нашъ благочестивый христіанскіе вѣры поборникъ, царь и великій князь Василій. Окрестъ же его звѣріе—его подручники, православніи народи сынове Російстїи, поборая съ нимъ по правовѣрїю. Змій же прелютый и прегордый—Тушинской царь, коварственный лживый царевичъ Дмитрій. А окрестъ его множество змій—то споборатели съ нимъ окоянніи они богоотметніи языцы. Оба изгибше, левъ и змій, и прочіе окрестъ звѣріе и зміи такожде—то есть покажутъ вскорѣ обоимъ царемъ будетъ измѣненіе и прекращеніе, а ни единъ кождо не одолѣетъ“ (гл. 122 об.—123 об.).

¹⁾ „Не въ долзѣ времени вся сія збышася, еже рече онъ: И Тушинского лживого и коварственнаго царя во градъ, нарицаемомъ Колузѣ, внезапной напрасной смерти предаша зовомый князь Петръ Урусовъ, главу ему отсѣкша, а самъ по убїеніи его убѣгъ въ орду Нагайскую, понеже бо онъ сродствїя тоя Нагайскїя орды. А приснопамятнаго самодержца Московского благочестиваго царя Василія свои ему подручники съ царства свергнуша и насиліемъ въ черныцїи постригоша и къ полскому и къ литовскому къ Жигимонту королю отдаша и со единокровными его братїями, со княземъ Дмитреемъ и со княземъ Иваномъ, тамо же и скончашася нужною смертію“ (гл. 123 об.).

русскихъ людей праведное Его прещеніе и подать имъ помощь на враговъ. „Способствуй вѣрному слугѣ своему, православному царю нашему, и христіюбивому его воинству храбрость и помощь и одолѣніе подаждь на видимыя и невидимыя враги наша“, — такъ молится авторъ за всѣхъ, а затѣмъ начинаетъ просить милости и для себя. При этомъ онъ говоритъ: „именованія же своего, Владыко, не возмогу и стыжуся объявити за премножество грубости моея и превеликихъ и безчисленныхъ злосмрадныхъ и злогнусныхъ пребеззаконій моихъ“.

На основаніи этихъ двухъ молитвъ можемъ до нѣкоторой степени опредѣлить время написанія Повѣсти. Изъ разсказа автора ясно, что онъ писалъ уже послѣ смерти Тушинскаго царика и послѣ смерти В. Ц. Шуйскаго. Самозванецъ былъ убитъ 11-го декабря 1610 года¹⁾, а Шуйскій умеръ въ плѣну 12-го сентября 1612 года.²⁾ Стало быть, ранѣе конца 1612 года авторъ не могъ записать видѣннаго имъ знаменія. Въ заключительной своей молитвѣ онъ молить Бога о „православномъ царѣ“, что свидѣтельствуетъ намъ, что онъ писалъ уже по избраніи Михаила Федоровича, значитъ, даже позже 1612 года. Но къ какому времени царствованія царя Михаила относить его Повѣсть, мы не могли бы сказать, еслибы нѣкоторые мѣста его молитвъ не служили намъ въ этомъ путеводною нитью. Авторъ очень опредѣленно просить у Бога, „по доволѣпѣмъ наказанію“ русскихъ людей, отвратить отъ нихъ „гнѣвъ своего праведнаго прещенія“, снова возжечь искру благочестія и попалить ею „нечестивыхъ и зловѣрныхъ“. Эти слова обнаруживаютъ, что авторъ писалъ еще въ смутную пору и еще видѣлъ опасность для Руси отъ ея „разорителей“. Противъ нихъ-то онъ и желаетъ успѣха православному государю. По этимъ частностямъ его молитвъ мы съ полнымъ основаніемъ можемъ относить его Повѣсть къ самому первому времени Михаилава царствованія. Слабость новаго московскаго правительства въ началѣ его дѣятельности, броженіе казачества и грабежи польскихъ шаекъ внутри государства, наконецъ, враждебныя отношенія къ Польшѣ и Швеціи не могли внушать современникамъ увѣренность въ спокойной будущности. Для нихъ въ первые годы новой династіи смута еще не кончилась, и они могли молиться о ея окончаніи именно такъ, какъ молился авторъ Повѣсти³⁾.

¹⁾ Акт. Ист. II, № 307.

²⁾ Голицова Дѣянія Петра Великаго, изд. 2-е, т. XII, стр. 340—341.

³⁾ Есть въ текстѣ Повѣсти одинъ признакъ, по которому можно предпола-

Авторъ скрылъ свое „именованіе“, но не скрылъ своего общественнаго положенія. Изъ его словъ ясно, что онъ служилъ въ Посольскомъ приказѣ, а по его слогу весьма вѣроятно, что онъ былъ подъячимъ или дьякомъ, привыкшимъ къ языку официальныхъ бумагъ. Онъ начинаетъ свою Повѣсть витиеватою фразой, безъ сомнѣнія, заимствованною изъ какой-нибудь торжественной официальной грамоты ¹⁾, и не затрудняется во всей полнотѣ и точности привести царскій титулъ въ его торжественной формѣ. Но, не смотря на нѣкоторую привычку автора писать книжнымъ языкомъ и даже на его начитанность въ сферѣ библейскихъ текстовъ, которые авторъ нрѣдко приводитъ, его Повѣсть не обладаетъ ни внутреннею стройностью, ни внѣшнею правильностью изложенія. Историческая цѣнность ея показаній ничтожна: историкъ не можетъ заимствовать изъ нея ни одного факта, если не считать любопытными и полезными краткихъ указавій на тѣ пути сообщенія, къ которымъ прибѣгали при невозможности пользоваться прямою дорогою изъ Москвы на сѣверъ. Все, что рассказываетъ авторъ о событіяхъ смуты, лучше извѣстно по другимъ источникамъ; самое же знаменіе, которому посвящена Повѣсть, представляется простою игрою празднаго воображенія, а не результатомъ того нравственнаго кризиса, слѣды котораго мы видѣли, напримѣръ, въ Повѣсти протопопа Терентія.

Въ заключеніе обратимся къ двумъ сказаніямъ о чудесныхъ видѣніяхъ 1611 года. Неисправность списка, въ которомъ намъ пришлось ознакомиться съ этими сказаніями ²⁾, лишаетъ насъ возможности

гать, что Повѣсть писана до 1619—1620 г. О Шуйскихъ авторъ говоритъ, что они у короля „скончашася нужною смертію“. Онъ не знаетъ такимъ образомъ, что кн. Иванъ Шуйскій остался живъ. Эгого не могло бы быть, еслибъ авторъ писалъ послѣ возвращенія кн. Ивана въ Москву, которое состоялось въ концѣ 1619 или началѣ 1620 г. (*Соловьева* Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 135, 143, 188). Иванъ Шуйскій остался при царѣ Михаилѣ въ прежнемъ своемъ чинѣ боярина (Др. Росс. Вѣвл., XX, стр. 66 и 98), и авторъ Повѣсти, служивый московскій человекъ, не могъ не знать о его возвращеніи и службѣ.

¹⁾ „Великаго Господа Бога Отца, страшнаго и всеильнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свѣтѣ неприступнѣмъ, въ превеличій и въ превьсочайшей величїи святѣй славѣ величества своего, сѣдѣющаго на престолѣ херувимствѣхъ (здѣсь можно предполагать пропускъ) въ вѣдрѣхъ отчїихъ и на земнородныхъ насъ призирая милостивнымъ си окомъ“ (л. 119). Сравни, напримѣръ, начало („богословіе“) грамотъ въ Акт. Арх. Эксп. II, № 7 и № 4.

²⁾ Ркп. Имп. Публ. Библіотеки Эрмитажн. № 358, въ листѣ, скорописью XVIII в., 70 нумерованныхъ и нумерованныхъ листовъ. Эта рукопись пред-

предложить читателю ихъ обстоятельный разборъ. Допуская частныя описки и искаженія текста, переписчикъ сверхъ того не сѣмѣлъ привести въ порядокъ листы оригинала, и потому части двухъ различныхъ сказаній оказались перемѣшанными. Если при внимательномъ чтеніи и возможно различить и соединить отрывки каждаго произведенія, все-таки нельзя быть увѣреннымъ, что возстановленный текстъ будетъ исправенъ и полонъ.

Первое изъ этихъ сказаній повѣствуетъ о видѣніи, бывшемъ „человѣку благочестиву именовъ Григорію“ въ Нижнемъ-Новгородѣ 26-го мая 1611 (7119) года. О видѣніи Григорія рассказываетъ и Новый Лѣтописецъ ¹⁾. По его словамъ, въ первомъ подмосковномъ ополченіи, послѣ смерти Пр. Ляпунова, неизвѣстно откуда явился свитокъ съ рассказомъ о нижегородскомъ чудѣ. Передавая кратко содержаніе чуда, состоявшаго въ томъ, что Господь, явившійся Григорію во снѣ, повелѣвалъ русскому народу покаяться и поститься три дня, авторъ Новаго Лѣтописца замѣчаетъ, что дѣйствительно постъ былъ во всемъ государствѣ: „отъ того же писанія и постъ зачася; въ Нижнемъ же того отнюдь не баше“, прибавляетъ онъ, „и мужа Григорія такова не знаху, и посту въ Нижнемъ не бысть; нижегородцы же о томъ дивяхуса, откуда то взяся“. Это обстоятельство авторъ Новаго Лѣтописца считаетъ совсѣмъ непонятною „тайной“: „невѣдомо, отъ Бога ли, или отъ человѣка“, говоритъ онъ о происхожденіи поста и появленіи свитка съ указаніемъ о чудѣ. Этого недоумѣнія Новаго Лѣтописца мы не можемъ разрѣшить помощью прочпхъ источниковъ. Изъ отписки сольвычегодцевъ пермичамъ, которая была писана въ 7120 (1611 — 1612) году и при которой сохранилось въ первоначальномъ видѣ сказаніе Григорія, узнаемъ, что въ Соли-Вычегодской извѣстіе о нижегородскомъ видѣніи было получено изъ Устюга, въ Устюгѣ изъ Вологды, а въ Вологдѣ „изъ Ярославля и изъ иныхъ городовъ“ ²⁾. О Нижнемъ-Новгородѣ здѣсь нѣтъ никакого упоминанія: сказаніе о чудѣ идетъ на сѣверо-востокъ

ставляетъ собою сборникъ грамотъ XVII вѣка, выписанныхъ въ сибирскихъ архивахъ. Въ приложеніи къ одной изъ грамотъ 7120 (1611 — 1612) года (Акт. Арх. Эксп. II, № 199) и находятся, на лл. 9 об.—12, оба разбираемыя сказанія:

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 172—173.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 231—233.—Нов. Лѣт., 143. Въ последнемъ при рассказѣ о видѣніи находимъ ссылку: „зри Прологъ октября въ 22 день“; но въ печатномъ Прологѣ (по изд. 1817 г. листъ 136) о видѣніи Григорія нѣтъ ни слова.

²⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 199.

Руси не прямо изъ Нижняго, а изъ Ярославля. И въ самомъ сказаніи не находимъ никакихъ данныхъ для того, чтобы рѣшить, въ Нижнемъ ли именно, или же въ иномъ мѣстѣ Григорій написалъ рассказъ о своемъ видѣніи. Въ концѣ сказанія онъ говоритъ только: „азъ я многогрѣшный Григорей видѣ видѣніе се въ Нижнемъ-Новѣградѣ“¹⁾, но не объясняетъ, гдѣ онъ составилъ свое сказаніе и кому объявилъ его. Такимъ образомъ намъ не представляется возможности ни опровергнуть показанія Новаго Лѣтописца, ни истолковать его удовлетворительно.

Что сказаніе о видѣніи въ Нижнемъ составлено самимъ Григоріемъ, ясно изъ только что приведенныхъ его словъ и изъ того, что рассказъ ведется Григоріемъ въ первомъ лицѣ. Однако въ началѣ сказанія кѣмъ-то прибавлено вступленіе, заимствованное изъ Повѣсти протопопа Терентія и приглашающее благочестивыхъ людей, „да съ радостію придутъ слушати слова Божія; къ тому жъ явися видѣніе въ Нижнемъ-Новѣградѣ чловѣбу благочестиву именемъ Григорью“. Видѣніе Григорія, по его собственному рассказу, состояло въ слѣдующемъ: Отговѣвъ на первой недѣлѣ Петрова поста, въ ночь на воскресенье 26-го мая²⁾ спалъ онъ въ храмѣнѣ, — и вдругъ „взяся покровъ храма того и воздвижеса на всѣ четыре страны“. Въ сіяньи небснаго свѣта увидѣлъ Григорій „Господа сходяща во образъ чловѣчестѣй“ п съ Нимъ чловѣка въ бѣлыхъ ризахъ. И казалось Григорію, что чловѣкъ въ бѣлыхъ ризахъ сталъ съ правой его стороны, а Господь возсѣлъ на персяхъ Григорія и, благословивъ его, велѣлъ ему проповѣдать „во градѣ семъ, чтобъ приняли постъ и молитву съ поканіемъ“. Затѣмъ спутникъ Господа сказалъ Ему, „Господи, зри: въ Россійскомъ государствѣ вселенскій соборъ собирають отъ всея земли власти, митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и всѣ православные христіане и молятъ Тебѣ, чловѣколюбцу Богу: простиши ли ихъ?“ Господь отвѣчалъ, что проститъ, если покаются и будутъ поститься „три дни и три ночи“. Тогда предстоящій Господу спросилъ Его, когда и гдѣ именно должны поститься русскіе люди, и получилъ отвѣтъ, что они должны

¹⁾ Такъ мы рѣшаемся прочесть явно испорченныя слова рукописи: „азъ я многогрѣшный Григорей виде виденіе седниъ намъ Нове граде“ (Ркп. Имп. Публ. Библіотеки Эрм. № 358, л. 10).

²⁾ Въ 1611 году на 26-е мая приходилось, дѣйствительно, воскресенье 2-й недѣли по Пятидесятницѣ (*Горбачевскаю* Археогр. вѣд. Календарь, таблица 3-я).

держатъ постъ во всемъ государствѣ три дня: попедѣльникъ, вторникъ и среду; что, кромѣ того, должны постронть храмъ Господу и Богоматери въ Московскомъ государствѣ и освятить его всѣмъ все-ленскимъ соборомъ: тогда только они будутъ спасены. На это спутникъ Господа замѣтилъ, что Московское государство „отъ враговъ иноплеменниковъ нечисто стало“, и что приличнѣе будетъ поставить храмъ въ Новгородѣ. Но Господь отвѣчалъ: „доколѣ собирается все-ленскій соборъ, Московское государство очищу“. Когда же предстоящій Господу спросилъ, гдѣ пменно въ Москвѣ слѣдуетъ стронть храмъ, то Господь сказалъ: „на Пожарѣ близъ Василія Блаженнаго того (храма) мѣсто“. Затѣмъ Господь повелѣлъ принести „Матери Моея образъ Пречистыя Владимірскія въ Московское государство изъ Володимера“, поставить его въ новомъ храмѣ и въ немъ же на престолѣ положить на три дня „свѣцу невозженную и бумагу неписану“. „И въ четвертый день, говорилъ Господь: пріндугъ ко образу Моему и Матери Моея Богородицы, — и свѣца возжена будетъ отъ огня небеснаго, и колокола сами воззвонятъ, а на бумагѣ будетъ написано имя, кому владѣти Россійскимъ государствомъ по сердцу Моему. Аще ли поставятъ царя по своей волѣ, павѣки не будетъ царь“. Выслушавъ это, предстоящій Господу спросилъ Его, что будетъ, если русскіе люди не послушаютъ Божьей воли и не повѣрятъ видѣнію? Господь грозилъ за это погибелью всему Русскому государству. Тогда спутникъ Господа велѣлъ Григорію проповѣдывать безъ боязни свое видѣніе. При этомъ ему было открыто, что Нижній-Новгородъ постигнетъ „буря велія изъ рѣки Волги“, если Григорій скроетъ свое видѣніе, или же если нижегородцы „во градѣ семъ удержатъ Мое (то-есть, Господне) явленіе и написавъ не пошлютъ въ Московское государство и въ нныя грады“. Господомъ было даже указано время этой бури — „въ день недѣльный“, „какъ солнце на покать поидеть“. Послѣ этого видѣніе исчезло ¹⁾.

Мы видимъ, что Григорій не ослушался того, что ему было приказано: онъ записалъ свое видѣніе и, какъ можно думать, записалъ немедля, такъ какъ уже осенью 1611 года оно обошло многіе города ²⁾. Русскіе люди съ вѣрою относились къ разсказу Григорія и

¹⁾ Передавая содержаніе чуда, напоминаемъ, что наше изложеніе сопоставляетъ разьединенныя отрывки сказанія. Быть можетъ, болѣе удачная ихъ группировка измѣнитъ порядокъ въ передачѣ нѣкоторыхъ частныхъ видѣній.

²⁾ Видѣніе было 26-го мая 1611 года, а уже въ началѣ октября черезъ Ярославль и Вологду сказаніе о немъ дошло до Устюга (Акт. Арх. Эксп. II,

налагали на себя постъ: „постилися, по своему изволенію, отъ недѣли и до суботы, а постилися три дни; въ понедѣльникъ, во вторникъ и въ среду ничего не ѣли, не пили, въ четвергъ и пятницу сухо ѣли“¹⁾; „и скотомъ не даюху ясти“²⁾. Потребность нравственно очиститься и покаянiемъ получить избавленіе отъ бѣдствiй сильна была въ русскомъ обществѣ во время московскаго разоренiя. Какъ показатель этой потребности, видѣніе Григорiя имѣетъ безспорный историческій интересъ и заслуженно пользуется вниманiемъ историковъ, знающихъ его по краткому пересказу Новаго Лѣтописца³⁾. Понятно, насколько первоначальное сказаніе о видѣніи важнѣе и любопытнѣе его пересказа въ лѣтописи.

Второе изъ разбираемыхъ сказанiй представляетъ собою довольно краткую записку, неизвѣстную кѣмъ составленную, о томъ видѣніи, которое было во Владимiрѣ въ ночь съ 24-го на 25-е августа 1611 г.⁴⁾ „Нѣкто же именованъ Борисъ, зовомый Мясникъ, сего подружіе именованъ Меланiя прииде къ начальствующему граду и повѣда“ ему о бывшемъ чудѣ. Ночью явилась Меланiи жена „въ свѣтлыхъ ризахъ, поверхъ главы образъ на рукахъ держитъ великъ и чюдень велми“. Она приказала Меланiи на утро проповѣдывать всѣмъ въ городѣ „чтобъ постилися и молилися со слезами“, обѣщая, что „Господь Богъ услышитъ моленіе ихъ и отвратитъ праведный гнѣвъ свой и побѣдитъ враговъ, борющихся и волнующихъ насъ, и дастъ земли тишину и благодѣтельное житіе“. На это Меланiя отвѣчала: „Азъ есть млада:

№ 199). Если сообразить, сколько времени понадобилось, чтобы передать извѣстіе о чудѣ между названными городами, то смѣло можно предполагать, что сказаніе составлено было еще лѣтомъ 1611 года. Въ этомъ же убѣждаетъ и небольшая подробность самого сказанiя: спутникъ Божiй замѣчаетъ, что новый храмъ съдугаетъ ставить не въ Москвѣ, которая стала нечистою отъ иноплеменниковъ, а въ Новгородѣ; стало быть, авторъ сказанiя считаетъ Новгородъ еще чистымъ. Это и позволяетъ намъ думать, что сказаніе составлялось еще въ то время, когда вѣсть о взятiи Новгорода шведами (16-го iюля 1611 г.) не успѣла разнестись по всему Московскому государству.

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 199.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 172.

³⁾ Соловьева Ист. Россiи, VIII, по изд. 1873 г. стр. 404—405. — *Бестужевъ-Июмина* Обзоръ событiй отъ смерти ц. Иоанна Вас. въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1887 г., августъ, стр. 289. — *Костомарова* Смутное Время, III (въ *Вѣст. Европы* за 1867 г., сентябрь, стр. 2).

⁴⁾ Видѣніе было ночью „во 119 году августа въ 24 день противъ недѣльнаго дня“. Въ 1611 году воскресенье приходилось 25-го августа (*Горбачевскаго* Археогр. Календарь, табл. 3-я).

аще и повѣмъ,—не поймутъ вѣры“. Тогда чудная жена сказала ей, что не вѣрующіе будутъ наказаны жаромъ и гадами, и показала Меланіи этихъ гадовъ: „много жужелець и червей множество“ и „змія превелика“. Однако Меланія не рѣшилась никому говорить о своемъ видѣніи, и тогда оно повторилось: чудная жена снова велѣла ей проповѣдывать постъ и покаяніе. Узнавъ о видѣніи, владимірцы постились три дня, пѣли молебны и „въ ближніе и въ дальніе и во всѣ грады писали“ о происшедшемъ у нихъ.

Насколько можемъ судить, владимірское видѣніе, разглашаясь по городамъ вмѣстѣ съ нижегородскимъ, менѣе дѣйствовало на умы русскихъ людей сравнительно съ этимъ послѣднимъ. Авторъ Новаго Лѣтописца, отмѣтивъ любопытныя предсказанія нижегородца Григорія, ни слова не говоритъ о чудѣ съ Меланіей. Причина этого въ самомъ владимірскомъ сказаніи: оно довольно бѣдно содержаніемъ.

Итакъ, знакомство съ наиболѣе ранними произведеніями о смутѣ показываетъ намъ, что исключительныя событія русской жизни начала XVII вѣка немедленно же вызвали рядъ литературныхъ трудовъ самаго различнаго характера. Рядомъ съ безхитростными повѣствованіями о различныхъ фактахъ и видѣніяхъ (каковы Повѣсть о перенесеніи мощей царевича Димитрія, Плачь о паденіи Москвы и только что разобранные рассказы о видѣніяхъ и знаменіяхъ) создавались такія произведенія, которыя имѣли публицистическій характеръ, опредѣленную политическую или нравственную цѣль, въ родѣ Повѣсти 1606 года, желавшей укрѣпленія власти Шуйскихъ, Новой Повѣсти, требовавшей сверженія польской власти, и Повѣсти протопопа Терентія, призывавшей народъ къ нравственному очищенію. Изъ всѣхъ этихъ произведеній одни носили черты официальнаго или официознаго происхожденія (Повѣсть патріарха Іова о царѣ Θεодорѣ и Повѣсть 1606 года), другія были результатомъ исполнѣ свободнаго творчества, а Новая Повѣсть была даже направлена противъ польско-боярскаго правительства, владѣвшаго Москвой. Сообразно своимъ цѣлямъ и происхожденію, далеко не всѣ сказанія предназначались только для того, чтобы передать потомству достопамятные факты. Сказатели часто имѣли въ виду современное имъ общество гораздо болѣе, чѣмъ пото мсво. Авторъ Повѣсти 1606 года хотя и говоритъ, что пишетъ „по насъ будущимъ человѣкомъ на память“, однако болѣе заботится о томъ, чтобы привести въ повиновеніе Шуйскому „грубителей Божіихъ“ ревнующихъ погибшему самозванцу. Протопопъ Терентій несетъ свой рассказъ о видѣніи старца къ царю и патріарху, и его Повѣсть имѣетъ

слѣдствіемъ всенародный постъ. Подражатель Терентія, передѣлавъ его Повѣсть сообразно условіямъ новгородской жизни въ 1611 году обличаетъ въ ней грѣхи новгородцевъ, современниковъ взятія шведами Новгорода. Новая Повѣсть вовсе не думаетъ о потомствѣ; она даже не описываетъ фактовъ, а только разсуждаетъ по поводу общаго положенія дѣлъ и доказываетъ необходимость возстанія. Плачь о паденіи Москвы прямо обращается къ современникамъ и призываетъ ихъ плакать и молиться объ остаткѣ государства.

При такомъ характерѣ большинства повѣствованій, современныхъ смутѣ, нельзя ожидать отъ нихъ ни стремленія къ подробному и всестороннему изображенію событій, ни объективности показаній. Одни сказатели просто не заботились о полномъ восстановленіи фактовъ смуты для потомства и повѣствовали о нихъ мимоходомъ, насколько находили нужнымъ для своей темы; такъ поступили авторъ Плача и авторъ Повѣсти о небесномъ знаменіи 1608 года. Другіе же изображали факты подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, отдавая дань своимъ партійнымъ пристрастіямъ; примѣрами такихъ сказателей могутъ служить Іовъ, другъ царя Бориса, и авторъ Повѣсти 1606 года его жестокой врагъ. Поэтому всѣ разобранныя нами сказанія, сами по себѣ являясь весьма любопытными для изученія литературными фактами, или вовсе не даютъ фактическаго матеріала для историка, или даютъ такія свѣдѣнія, которыя нуждаются въ строгой критической провѣркѣ. Болѣе объективныя и содержательныя описанія смуты явились въ нашей письменности позднѣе, въ тѣхъ сказаніяхъ, которыя были составлены или приняли окончательную литературную форму въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Первою по времени попыткою послѣдовательнаго, хотя и очень краткаго обзора событій смутнаго времени были разобранныя нами статьи Хронографа 2-й редакціи, въ которыхъ находимъ уже спокойный разсказъ, имѣющей своею цѣлью простое описаніе памятныхъ событій. За этимъ первымъ повѣствованіемъ послѣдовало нѣсколько другихъ, болѣе обширныхъ и не менѣе любопытныхъ. Но, какъ увидимъ ниже, и писателямъ времени Михаила не всегда удавалось достигать безстрастнаго отношенія къ событіямъ и лицамъ смутной эпохи.

III.

Въ одно приблизительно время съ появленіемъ Хронографа 2-й редакціи, дьякъ Иванъ Тимоѣевъ принялся за составленіе своего историческаго труда, которому далъ названіе „Временника по седмой тысящи отъ сотворенія свѣта во осмой въ первые лѣта“. Не получивъ распропагандированія въ XVII вѣкѣ, Временникъ Тимоѣева въ настоящее время извѣстенъ всего въ одномъ, и то значительно неисправномъ спискѣ, принадлежащемъ бібліотекѣ Флорищевой пустыни ¹⁾). На основаніи знакомства съ этимъ спискомъ П. М. Строевъ отзывался о Временникѣ, какъ о „писаніи высокопарномъ и многословномъ, но мѣстами любопытномъ“. „Словоизлитія и пустословіе“ Тимоѣева не помѣшали Строеву замѣтить въ его изложеніи „обстоятельства неизвѣстныя“, показанія, не находимыя въ другихъ источникахъ ²⁾). Тѣмъ не менѣе со времени археографической экспедиціи Строева и до нашихъ дней трудъ Тимоѣева остался внѣ

¹⁾ Рукопись Флорищевой пустыни № $\frac{108}{683}$, въ 4-ю долю, скорописью XVII вѣка, 313 нумерованныхъ листовъ. На послѣднемъ листѣ запись: „Куплена сія книга у Еутимѣя Сидорова Попова, дана IX вѣка. Поручкою по немъ Иванъ Василіевъ сынъ Безносозъ. 1699 августа въ 1 день“. Показанный нами № рукописи находится на ея корешкѣ; П. М. Строевъ (Библиол. Словарь, стр. 271) зналъ эту рукопись подъ № 41.

²⁾ „Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1834 г., часть I, отд. II, § 164, стр. 175.—Библиол. Словарь, стр. 269—271.

круга ученыхъ изысканій, хотя и упоминался иногда въ общпхъ обзорахъ древне-русской письменности ¹⁾).

Строевъ считалъ Ивана Тимоѣева дьякомъ новгородскаго митрополита. Онъ основывалъ такое заключеніе на текстѣ Временника. Авторъ его, не называя себя по имени, пространно сообщаетъ, что началъ писать свое произведеніе по принужденію митрополита новгородскаго Исидора, которому не смѣлъ противорѣчить ²⁾. На полѣ рукописи противъ этого разсказа стоятъ слѣдующія слова, приписанныя инымъ почеркомъ, но несомнѣнно въ XVII вѣкѣ: „Новгородскій митрополитъ Исидоръ понуждаетъ бывающая предложить писанію дьяка Ивана Тимоѣева“ ³⁾. Изъ этой-то приписки, открывающей намъ имя автора Временника, и изъ его разсказа о приказаніи, полученномъ отъ митрополита Исидора, Строевъ дѣлаетъ свой выводъ, что Тимоѣевъ былъ митрополичьимъ дьякомъ. Однако простое послушаніе митрополиту еще не даетъ права заключать о служебной зависимости отъ него Тимоѣева. Изъ официальныхъ документовъ XVII вѣка и изъ самаго Временника мы можемъ извлечь нѣсколько такихъ біографическихъ данныхъ объ Иванѣ Тимоѣевѣ, которыя свидѣтельствуютъ, что онъ былъ дьякомъ государевымъ. Въ 1598 году онъ сидѣлъ въ какомъ-то изъ московскихъ приказовъ: въ качествѣ именно приказнаго дьяка онъ подписался на избирательной грамотѣ царя Бориса ⁴⁾. На сколько можно судить по темнымъ намекамъ самого Тимоѣева, въ началѣ царствованія Василя Шуйскаго онъ былъ въ Москвѣ, а когда Москва освободилась отъ шаекъ Болотникова, то-есть, въ концѣ 1606 или въ началѣ 1607 года, онъ былъ отправленъ на царскую службу въ Новгородъ ⁵⁾. Въ 1608 году мы дѣйствительно видимъ его госу-

¹⁾ См., напримѣръ, преосв. Филарета Обзоръ русск. духовн. литературы, I, § 204, и *Старческаго* Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина. С.-Пб. 1845, стр. 86—87.

²⁾ Библиол. Словарь, стр. 270—271.—Ркп. Флорищ. пустыни, л. 276 об.—279.

³⁾ Библиол. Словарь, стр. 270, примѣчаніе. — Ркп. Флорищ. пустыни, л. 277 об.

⁴⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 7, стр. 45 и 53. — *Бутурлина* Исторія смутнаго времени въ Россіи, I, Приложенія, стр. 60 и 74.

⁵⁾ Разсказывая о томъ, что Шуйскій „самодвижно воздвигся кромѣ воли всеа земля и самъ царь поставися“, Тимоѣевъ его „скоропомазаніемъ“ объясняетъ скорый мятежъ противъ царя Василя рабовъ его, осадившихъ Москву (подъ этими рабами онъ разумѣетъ Болотникова и Лжепетра, ибо о Тушинскомъ ворѣ говорить въ другомъ мѣстѣ). Возставшіе осадили Москву: „отъ нихъ же новоярцующему во градѣ, яко пернатѣй въ клѣтцѣ, объяту сушу и затворене все-

даревымъ дьякомъ въ Новгородѣ ¹⁾). Отбивъ эту службу не позже начала 1610 года ²⁾, Тимошеевъ желалъ возвратиться въ Москву, но не могъ по недостатку средствъ и остался въ Новгородѣ до взятія его шведами ³⁾. Тамъ опъ пробылъ и во все время шведскаго господства ⁴⁾, и легко можетъ быть, что по своей бѣдности временно

родно, *ту жъ и мнѣ* мухоподобному во тмахъ чловѣческаго умноженія, соображающуся въ сонменныхъ чинѣ, заповѣданіи царскихъ тогда велѣній етера хранящу. Егда жъ стужающихъ *на градъ емалъ уляже брань*, тогда самохотне о мнѣ изволися царевн, и паче сего Богови своими тварми чудне промыслъ творящу всяко ко оному и прочимъ: кромѣ воля моя взысканія *послати мя умилися въ трикратное титло царевн мѣсто*, еже царскихъ въ писаніи о имени возвышеніи чтомыхъ (третье мѣсто въ царскомъ титулѣ послѣ Владиміра и Москвы занималъ, какъ извѣстно, Новгородѣ), первоименнымъ, иже мене предварившемъ, *сначальствовати мнѣмъ* (то-есть, меньшимъ) купно въ градскихъ движенихъ повелѣвая онъ“ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 209—209 об.). Изъ этихъ витѣватыхъ строкъ съ трудомъ можемъ понять, что именно дѣлалъ авторъ въ Москвѣ („заповѣданіи царскихъ тогда велѣній етера хранящу“). Остальное ясно: Тимошеевъ былъ посланъ въ Новгородъ „сначальствовати въ градскихъ движенихъ“ старшимъ чинамъ (кн. А. П. Куракину и М. И. Татищеву), когда прекратилась осада Москвы Болотниковымъ.

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист. I, № 155. Изъ этой грамоты видимъ, что въ мартѣ 1608 года Новгородомъ управляли бояринъ кн. А. П. Куракинъ, окольничій М. И. Татищевъ и дьяки Ешилъ Телепневъ и Иванъ Тимошеевъ.

²⁾ Царская грамота въ Новгородъ 1-го мая 1610 г. (*Лѣтопись занятій Археографич. Комиссіи*, IV, Матеріалы, стр. 20—23) показываетъ, что въ Новгородѣ были уже иныѣ воеводы и дьяки: бояринъ И. П. Большой Одоевскій, Р. А. Вельяминовъ, дьяки Чулокъ Бартеневъ и Корнилъ Левлевъ.

³⁾ Онъ говоритъ о себѣ: „Мос жъ отсюду (то-есть, изъ Новгорода) къ преславному граду (то-есть, къ Москвѣ) вспять возвращеніе, отнюдужъ прежь ми съмо исхожденіе бысть, медленіемъ здѣ надолзѣ закоснѣ скудостію ми возможныхъ къ подъятію дѣйствъ. Дожда бо и до иже великому граду (то-есть, Новгороду) порабощеніемъ въ плѣнъ пріятися Еллыны, къ нимъ же убо нашего общеработства работствомъ тамо, яко въ сѣти, увязе ми нога, и виѣ града пажютруду преди съ прочими гонзнути не свободися, предиписанья ради вины“ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 210 об.—211).

⁴⁾ Объ этомъ онъ свидѣтельствуетъ не одинъ разъ: На л. 202 об. онъ говоритъ, что во время сверженія и плѣна Шуйскаго „о всѣхъ сихъ быхомъ здѣ (то-есть, въ Новгородѣ) отъ плѣна, яко во мрацѣ, внутрь стѣнъ невѣдени затворени; развѣ что кромѣ истины жѣ вмалѣ пріяхомъ несогласное отъ слуха, но яко по аеру чрезъ забрала и та въ слухи наша едва кое нуждею прелетитъ слово“. На л. 265—265 об., говоря о походѣ Скопина изъ Новгорода къ Москвѣ, Тимошеевъ не описываетъ подробностей похода: „о нихъ же, иже тамо бывшихъ, мы здѣ (то-есть, въ Новгородѣ) затвореніи ясне подробно къ сказанію не долѣни“,—говоритъ онъ. На л. 277—279 онъ свидѣтельствуетъ, что началъ пи-

находился у новгородскаго митрополита при какомъ-нибудь дѣлѣ. Но послѣ освобожденія Новгорода онъ снова дѣйствуетъ на государственной службѣ: въ 1618 году онъ былъ уже посланъ дьякомъ въ Астрахань, гдѣ находился до 1620 года и былъ затѣмъ отпущенъ къ Москвѣ ¹⁾. Съ 1622 по 1626 годъ видимъ его дьякомъ въ Ярославлѣ ²⁾. Оттуда въ 1626 году онъ былъ переведенъ въ Нижній Новгородъ и изъ Нижняго отпущенъ въ Москву только въ 1628 году ³⁾. Въ Боярской книгѣ 7137 (1628—1629) года онъ еще упоминается въ дьякахъ ⁴⁾; позднѣе же о немъ не встрѣчается извѣстій и въ Боярскую книгу 7144 (1635—1636) года онъ уже не занесенъ. Можно поэтому предполагать, что онъ умеръ вскорѣ послѣ 1629 года.

Списокъ Временника Тимоѣева мѣстами на столько неисправенъ, что затрудняетъ чтеніе памятника. Необыкновенно вычурный языкъ автора, очевидно, плохо былъ понимаемъ переписчикомъ, который иногда обращалъ въ бессмысленный наборъ словъ запутанныя фразы Временника. Частыя, но не всегда удачныя поправки и приписки, внесенныя вѣмъ-то въ списокъ (судя по почерку, еще въ XVII вѣкѣ и, быть можетъ, даже самимъ авторомъ), мало помогаютъ

сать свой трудъ послѣ бесѣды съ митрополитомъ Исидоромъ, бывшей въ Новгородѣ въ послѣдніе дни шведскаго плѣна (Библиол. Словарь *Строева*, стр. 270). Наконецъ, на лл. 303—304, заключая свое повѣствованіе о смутахъ, Тимоѣевъ говоритъ: „Въ Новѣградѣ Велицкѣмъ въ тожде междоусобіе земное всеградно Еллини заплѣнены быхомъ. Со убѣгшими же отуду во иже всего царствія въ матерѣ градонъ угонзнути невозмогохомъ, Богу хотимое нами не собогаволяющу. Потомъ же, мало пренуская время, въ протчихъ градѣхъ пребыванія наше на уреченныхъ службахъ, царскимъ по Бозѣ повелѣніемъ, бысть“. Последнее изъ приведенныхъ мѣстъ даетъ поводъ думать, что послѣ освобожденія Новгорода отъ шведовъ Ив. Тимоѣевъ не могъ возвратиться въ Москву такъ же, какъ и ранѣе, до новгородскаго плѣна. Однако неясность его изложенія позволяетъ эту фразу о невозможности убѣжать въ Москву относить и къ тому времени, когда онъ по бѣдности не могъ вернуться со службы и избѣжать плѣна. Послѣ 1617 года изъ Новгорода незачѣмъ было „убѣгать“.

¹⁾ Дворцовые Разряды, I, 349, 426 и 459. — Книги Разрядныя, I, 511, 663 и 720.

²⁾ Дворцовые Разряды, I, 739. — Книги Разрядныя, I, 868, 924, 1033, 1139 и 1245.

³⁾ Въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ былъ уже въ іюнѣ 1626 года, „за два мѣсяца... до Семеня дни“: Русск. Ист. Библиотека, II, № 223, стр. 990; IX, стр. 455. — Книги Разрядныя, I, 1218; II, 62. — Нижегородскій лѣтописецъ, изд. А. С. Гацисскаго, стр. 54.

⁴⁾ Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ. М. 1853, стр. 410.

читателю, и самое внимательное изученіе рукописи не может привести къ полному пониманію всѣхъ ея мѣстъ. Поэтому, приступая къ обзорѣнню Временника, мы принуждены будемъ оставить безъ изслѣдованія нѣкоторые его частности, не рискуя входить въ оцѣнку такихъ показаній автора, точный смыслъ которыхъ не можетъ быть восстановленъ.

Цѣль труда Ив. Тимофеева, предпринятаго имъ по мысли митрополита Исидора, заключается въ томъ, чтобъ изобразить событія его времени, „малу часть нѣкую отъ нихъ сповѣдати, елика имуть писателеви взыти на память, яже видѣна и яже слышана быша здѣ“ (то-есть, въ Новгородѣ) ¹⁾. Авторъ еще помнилъ времена Грознаго; съ нихъ онъ началъ свое повѣствованіе и довелъ его приблизительно до 1619 года. По характеру изложенія Временникъ представляетъ собою рядъ отдѣльныхъ очерковъ и характеристикъ дѣятелей и событій смуты; это можно видѣть уже изъ оглавленія рукописи ²⁾. Всѣмъ

¹⁾ Ркп. Флорнц. пустыня, л. 278.—Библиол. Словарь *Строева*, стр. 270—271.

²⁾ Приводимъ здѣсь перечень главъ Временника, находящейся на лл. 9—11 рукописи: „I. Царство великаго юсударя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи. Въ той же главѣ: 1) о опришннѣ, 2) о новгородскомъ пѣвннн, 3) о царицѣ и вел. княгинѣ Анастасіѣ Романовнѣ и о чадѣхъ, 4) о царевичѣ и вел. князѣ Иваннѣ Ивановичѣ, 5) о братѣ царя Ивана Васильевича всеа Русіи князѣ Владимерѣ Ондрѣевичѣ Старицкомѣ. — II. Царство благодетивоое, иже отъ поста просіавшее, великаго юсударя царя и великаго князя Теодора Ивановича всеа Русіи. Въ той же главѣ: 1) о закланіи юсударя царевича и вел. кн. Димитрія Ивановича въ 99-мъ году, и о приходѣ крымского царя подъ Москву, ... 2) о постриженіи царицы Маріи, матери царевича Димитрія Ивановича, по смерти его, и съ Углича ссылка ея, 3) о Богданѣ Бѣльскомѣ, 4) о принесеніи мощей святаго царевича Димитрія Ивановича съ Углича къ Москвѣ. — III. О обчраніи Бориса Федоровича на царство въ Новомѣ Дѣвичьмъ монастырѣ и о воцареніи его... и о Серпуховскомѣ его походѣ... Въ той же главѣ: 1) о крестномъ цѣлованіи царю Борису Теодоровичю, 2) о утвержденіи имени писмены тогожде, 3) о немъ же Борисѣ. — IV. Богопустное на Московское юсударство Ростришино беззаконное царство. Притча о царевѣ сынѣ Римскомѣ, иже пострижесе и паки иноческій образъ попра: розстригнися, восхотѣ совокупитися браку. — V. Царство царя и великаго князя Василья Ивановича Шуйского: 1) о царѣ же Васильѣ Ивановичѣ и о табарѣхъ, 2) о князѣ Михайлѣ Васильевичѣ Шуйскомѣ Скопинѣ, 3) о князѣ Михайлѣ жѣ, 4) о печи и о походѣ со кресты, 5) о воровскомѣ бѣжаніи съ Хутыни и о приходѣ ихъ, 6) о князѣ Михайловѣ къ Москвѣ изъ Новагорода походѣ, 7) о патріархѣ Ермогенѣ, 8) Лѣтописецѣ вкратцѣ тѣхъ же предвпомянутыхъ царствѣ и о Великомѣ Новѣградѣ, иже бысть въ дни коегождо царства ихъ, 9) о крестномъ цѣлованіи королевичю Владиславу, 10) о вдовствѣ Московскаго юсударства двѣ притчи“. — Это оглавленіе вполнѣ соответ-

этимъ очеркамъ и характеристикамъ предшествуетъ любопытное предисловіе, изъясняющее взгляды автора на происхожденіе и значеніе смуты. Въ самомъ же текстѣ Временника находимъ рядъ замѣчаній автора о тѣхъ приемахъ изложенія, какіе онъ считалъ для себя обязательными. Поэтому, прежде чѣмъ ознакомиться съ историческимъ содержаніемъ Временника, необходимо характеризовать ту точку зрѣнія, съ которой авторъ смотрѣлъ на событія и на свой трудъ.

Предисловіе свое Ив. Тимоѣевъ начинаетъ разсказомъ о томъ, что всѣ твари, послушныя безгрѣшному Адаму, стали ему непослушны и страшны, когда онъ согрѣшилъ. Нѣчто подобное видитъ Тимоѣевъ и въ исторіи Руси: пока государи Московскіе крѣпко держались „повелѣній, данныхъ Богомъ“, и свято сохраняли благочестивую старину, до тѣхъ поръ московскіе люди „такъ безоотвѣтны быша къ нимъ, яко рыбы безгласны“. Но по скольку „предержатели“ московскіе „начаша древняя благоустановленія законная и отцы предавая превращати в добрая обычая на новоспротивная измѣнати,—по толпкѣ и въ повинующихся рабѣхъ естественный страхъ къ покоренію владыкъ оскудѣваше исчезаа“. Перемѣна древнихъ благоустановленій сказалась прежде всего въ томъ, что „обдержители“ стали „ушеса своя сладце преклоняти къ ложнымъ шепотныхъ глаголомъ“: „лжевый же недугъ и горкій плевель тернія посреди всего царствія израстая умножашеса“; „языки бо своими убиваху люди, яко мечи“. Это было началомъ зла. Московскіе люди стали робки и „на каждой часъ измѣнѣми и словопреватни удобъ и всяко неутвержени ни въ чемъ, въ дѣлѣхъ же и словесѣхъ нестоятелии, по всему вертяхуса, яко коло, и другъ другомъ защищающеса въ находящихъ“. Иностранцы „посолницы и кунцы“, приходившіе на Русь, узнали о такой нравственной слабости, и враги Руси воспользовались ею, создавъ русскимъ людямъ „о лжецарѣхъ погибельное предкиновеніе“. Такимъ образомъ нравственное паденіе русскихъ людей вызвало смуты и нашествіе иноземцевъ. „Се же все бысть державныхъ малѣмъ поползновеніемъ, яко же Адамимъ ко грѣху умяхченіемъ, рабскимъ же нашимъ многимъ прегрѣшеніемъ, единаче жъ обоихъ къ Богу о добродѣтелѣхъ неисправленіемъ“,—такъ резюмируетъ авторъ свой взглядъ на при-

стствуетъ порядку изложенія во Временникѣ. Восьмая статья послѣдней главы, озаглавленная „Лѣтописецъ вкратцѣ“ и т. д., представляетъ собою попытку сократить все предшествующее изложеніе является какъ бы самостоятельнымъ произведеніемъ.

чины смуты и закапчиваетъ предисловіе обличеніемъ новыхъ пороковъ русскаго общества, созданныхъ смутой. По его словамъ, честолюбіе явилось у всѣхъ: начали „малая великихъ одолѣвати, юныя жъ старыхъ и безчестныя честныхъ, рабы своихъ имъ владыкъ“. Рядомъ съ этимъ онъ отмѣчаетъ развитіе эгоизма, приносящаго въ жертву личному благополучію и личной наживѣ цѣлость и спокойствіе родины ¹⁾.

Такъ съ самаго начала авторъ становится на точку зрѣнія моралиста, въ нарушеніи старыхъ началъ русской жизни видѣвшаго источникъ всѣхъ бѣдствій. И все его повѣствованіе полно обличеніями: это — не спокойный лѣтописатель, а человѣкъ, стремящійся показать читателю, кто былъ повиненъ въ бѣдствіяхъ смуты, кто вызывалъ и поддерживалъ междоусобія и кто палъ жертвою этихъ междоусобій. Въ зависимости отъ такого характера повѣствованія создалась и самая форма изложенія. Авторъ не стремится къ фактической полнотѣ показаній и не стѣсняется хронологическою послѣдовательностью: въ рядѣ отдѣльныхъ очерковъ даетъ онъ характеристики дѣятелей, останавливается на отдѣльныхъ событіяхъ, которыя почему либо считаетъ важными, и не только описываетъ и рассказываетъ, но и обсуждаетъ факты.

Строго судя нравственныя качества и поступки тѣхъ, о которыхъ пишетъ, Тимоеевъ также строго относится и къ своимъ обязанностямъ писателя: „попоспо бо есть писателю, говорить онъ: не ясно вѣдуще, сущая вещи описывать“. На этомъ основаніи онъ иногда прямо отказывается отъ описанія нѣкоторыхъ событій. Говори, напримеръ, о временахъ Грознаго, онъ замѣчаетъ, что описываетъ „не вся по ряду“, но „елико ми на память слышаніемъ въздоша, толика и написашася“. Отъ подробнаго описанія похода кн. М. В. Скопина-Шуйскаго изъ Новгорода въ Москву онъ совсѣмъ уклоняется, потому что въ то время сидѣлъ въ Новгородѣ и не зналъ о подвигахъ Скопина: „по тонку же вся свѣдять съ нимъ же бывшая“ (люди),—замѣчаетъ онъ ²⁾. Обнаруживая такимъ образомъ стремленіе передавать лишь достойно ему извѣстные факты, Тимоеевъ въ то же время желаетъ казаться и вполнѣ безпристрастнымъ писателемъ. Послѣ характеристики Бориса, очень неблагоклонной и рѣзкой, онъ перечисляетъ и добро-

¹⁾ Ркп. Флориц. пустыни, лл. 1—7.—Нельзя не отмѣтить замѣчательнаго совпаденія взгляда Тимоеева на происхожденіе смуты со взглядомъ разсмотрѣннаго нами выше „Плача о плѣненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства“

²⁾ Ркп. Флориц. пустыни, лл. 311, 20 об., 25—26 об. и 265 об.

дѣтели Годунова и приводить весьма любопытное оправданіе такой двойственности изображенія: „Елика убо злоторная его подробно написати подщяхомся, говорить онъ: сице и добротворивая о немъ исповѣдати не облѣнимся, дондеже отъ перехода лѣтняго продолженіи не спокрышася забвеніемъ. Елика ми на память въздоша, толико напишу ихъ, да не и наше списаніе, еже нанъ злобное, возмнится по нѣкихъ враждуемо. Егда злоторная одинако изречена бы, добрая же отъ ипѣхъ сказуема, нами же умолкнута,—явѣ неправдованіе обнажилось бы писателево; а иже обол вправду извѣстуема безъ прилога, всяка уста загралятся“¹⁾).

При такомъ желаніи Тимоѣева быть точнымъ и объективнымъ писателемъ, мы вправѣ ждуть отъ его Временника полной искренности показаній и вправѣ всѣ неточности его изложенія объяснять невольными заблужденіями автора, а не его тенденціозностью. Судя и по содержанію Временника, Тимоѣевъ не выпесъ изъ смуты никакихъ партійныхъ привязанностей и лично-враждебныхъ воспоминаній. Почти повальное осужденіе, съ какимъ онъ отнесется къ русскимъ общественнымъ дѣтелямъ смутной эпохи, обусловлено у него не партійными взглядами, а общею точкой зрѣнія моралиста, быть можетъ, слишкомъ довѣрливаго злоязычнымъ сплетнямъ своего времени.

При отрицательномъ отношеніи къ современности, Тимоѣевъ не страдалъ однако самоиѣніемъ. На свой трудъ смотрѣлъ онъ, какъ на дѣло, превышающее его силы и знанія. Когда митрополитъ Исидоръ въ удивленной бесѣдѣ благословлялъ его на составленіе Временника, Тимоѣевъ отказывался отъ этого дѣла, представляя митрополиту „недовольство смысла своего“ и свое „ненаученіе“. Убѣжденный тѣмъ доводомъ, что при его отказѣ могутъ быть забыты памятные событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, Тимоѣевъ сталъ писать; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не считалъ себя ни умѣлымъ, ни безошибочнымъ писателемъ и молился: „яко да достовѣрніи, илѣже аще явльшеся обрящутся, яко въ насъ да исправятъ иже сія“. Читателей своихъ онъ предвѣриетъ, что не имѣетъ привычки къ литературнымъ занятіямъ, какъ „поселине“ не имѣютъ привычки къ оружію, и просить помнить о его сочиненіи. „яко по пужди вчинися сіе“²⁾).

¹⁾ Ркп. Флорнц. пустыни, лл. 116 об.—117.

²⁾ Ркп. Флорнц. пустыни, лл. 277 — 279 и л. 270 — 271. — Библиол. Словарь Стросса, стр. 270—271.

Быть можетъ, недостаткомъ литературной опытности слѣдуетъ объяснять излишнюю и не всегда удачную вычурность слога во Временникѣ, доходящую мѣстами до того, что приходится просто отгадывать мысли автора въ массѣ темныхъ иносказаній. Не возвышаясь до такой изящной замысловатости выраженій, какой умѣлъ иногда достигать авторъ Хронографа 2-й редакціи, Пв. Тимоеевъ, можно сказать, испортилъ свое любимоѣйшее произведеніе тяжелою риторическою рѣчью и, конечно, самъ былъ виною того, что трудно понимаемый Временникъ не достигъ замѣтнаго распространенія среди его современниковъ.

Зная личность автора Временника, его литературные приемы и общее отношеніе къ событіямъ смуты, перейдемъ къ частностямъ его повѣствованія. Первая глава Временника ¹⁾ посвящена времени царя Ивана Васильевича Грознаго. Она не вошла бы въ наше изложеніе, еслибъ авторъ самъ не связывалъ смутной эпохи съ временемъ Ивана IV. Ему кажется, что Грозный много способствовалъ разрушенію порядка въ своемъ государствѣ и этимъ подготовилъ послѣдующія смуты. Указывая на блестящее происхожденіе Ивана „отъ самого Августа цесаря“, Тимоеевъ сперва слагаетъ ему общую риторическую похвалу, но затѣмъ говоритъ, что онъ „къ ярости удобъ подвиженъ бѣ“ и держалъ „пламенный гнѣвъ“ на своихъ людей. Онъ „возненавидѣлъ грады земля своя“ и потому раздѣлилъ ихъ на двѣ части; „яко двоевѣрны сотвори“. Однихъ онъ „усвоилъ“ себѣ, другіе же отринулъ и запретилъ „именемъ его мнозѣмъ градомъ нарицатися“. Этимъ раздѣленіемъ Грозный „всю землю державы своя, яко сѣкирюю наполю нѣкако разсѣче“ и „смяте люди вся“. Мало того, „на время“ онъ поставилъ надъ Русью царя Симеона и самого себя раболѣпно смирялъ предъ нимъ, а затѣмъ снова взялъ у него власть. „Такъ Божіими людьми играя“, замѣчаетъ о Грозномъ Тимоеевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понять, въ чемъ видитъ онъ причину такого поведенія Іоанна. Казня и прогоняя „въ чужевѣрныя земли“ своихъ вельможъ, царь „во онѣхъ мѣсто“ приближалъ къ себѣ иностранцевъ: они-то внушили ему ненависть къ его подданнымъ ²⁾. Авторъ удив-

¹⁾ Ркп. Флориц. пустыни, лл. 12—39.

²⁾ „Отъ окрестныхъ странъ пріѣзжающая къ нему возлюбилъ и болшими дарованми тѣхъ богаты. Отъ нихъ же ипѣхъ и въ тайномыслие си пріятова, другихъ художества врачевные хитрости къ нему примилшихся, извѣтомъ здравія ему своя мудрости раствореніе приносяще. О нихъ же истинне рещи: души его

ляется, какъ Иоаннъ, который „въ мудрости никимъ побѣжденъ бысть“, не могъ догадаться, что не слѣдуетъ „яти вѣры врагомъ своимъ“, и самъ вложилъ свою главу „въ уста аспидъ“, самъ отдался въ руки иноземцевъ. „Увы“, восклицаетъ Тимоеевъ, „вся внутренняя его въ руку варваръ быша, и аже о немъ восхотѣ, да сотвориша; лишше не глаголю: самъ себѣ навѣтникъ бывъ“. Слѣдствіемъ такого поведенія Грознаго и было раздѣленіе земли, расколъ въ умахъ и дальнѣйшія смуты въ государствѣ ¹⁾).

Описывая затѣмъ дружину опричниковъ, которые по своей черной одеждѣ, „яко ночь темна, видѣніемъ зряхуса“ и „взоромъ бо единымъ, чеже смерти прещеніемъ страшаху люди“, авторъ переходитъ къ погрому Новгорода въ 1570 году. Разсказъ о погромѣ ведетъ онъ отъ лица Новгорода (это обыкновенная его манера излагать новгородскія событія); но при этомъ онъ не сообщаетъ никакихъ фактическихъ подробностей. Любопытенъ лишь тотъ его взглядъ, что Грозный — „рабоубитель и мірогубитель“, раздѣлившій прибитки новгородцевъ „по жребію равно съ рабы“, — черезъ годъ послѣ разоренія Новгорода уже получилъ Божье отомщеніе въ видѣ татарскаго набѣга на Москву ²⁾ Затѣмъ Богъ поразилъ Иоанна и личнымъ горемъ: „болѣти

вредъ, тѣлесное паче нездравіе, вкушъ жъ съ симъ и ненавидѣніе ему на люди его нанесоша“ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 15—15 об.). Въ данномъ случаѣ мы можемъ, кажется, съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ указать источникъ Тимоеева: это — замѣтка Псковскаго лѣтописца о врачѣ Елисеѣ Бомелии (П. Собр. Р. Лѣт. IV, 318, 342.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс., IX, прим. 268).

¹⁾ „И симъ земли всей великъ расколъ сотвори и усомнѣватися всѣмъ въ мыслѣхъ своихъ о бываемомъ. Бога самого премилостиваго ярость на себе разже симъ раздѣленіемъ, мноу, вынѣшися вся земля розгласіе яко прообразуя отуду дождѣ. Самъ тогда на ню руку неблагоговѣя наложи, дажъ оно и донныѣ не утверженымъ отъ грѣхъ колеблемо, и нѣсть ю до единого нынѣ отъ челоувѣкъ утвердити могущаго“ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 16—16 об.).

²⁾ Иоаннъ Грозный съ его помощниками, „яко саморазжено угаіе огнено во градъ (Новгородъ) къ запаленію совнесше, въ невѣдѣніи сами яко подгнѣту симъ царску граду всему (Москвѣ) сотвориша. И яко на утрѣи нѣкако, на лѣто по сихъ 9-е круга обшество, яко корень и главу со утробою, еже гнѣздо всего царствія, присное пребывалище водворенія самого царска, съ своеущими въ немъ благими всѣми, Изманге сѣмя Агары жъ пороженіе, богопустно отъ востокъ нашедше, все огнемъ запаше испепелиша“ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 19—19 об.). Ту же самую мысль, и гораздо яснѣе, выражаетъ Авр. Палицынъ въ первоначальной редакціи первыхъ главъ своего Сказанія, говоря, что „царь Иванъ Василіевичъ пострада за разгромъ Великого Новаграда и инѣхъ, иже по единому лѣтъ не бысть помощи ему отъ плѣна святыхъ иконъ и книгъ и колоколовъ... Москвѣ тогда седмицею

неисцѣльно ему сотвори“. Однако не отъ этой болѣзни умеръ Грозный: по словамъ Тимоеева, „жизнь же яростиваго царя, глаголютъ нѣщцы, преждь времени ближнїи сего, зельства его ради сокращенїя, угасиша“. Этими ближними были Борисъ Годуновъ и „царевъ возлюбленникъ того времени“ Богданъ Бѣльскїй ¹⁾. Смерть Іоанна вызвала всеобщую радость. Ликовали мнимые друзья его иноземцы, знавшїе, „что мечь бо его десница съ воздуху долу не туне свожашеся на противнїя“. Радовались въ глубинѣ души и бояре, которые содрогались, вспоминая ярость Грознаго, и даже не могли сразу повѣрить, что онъ дѣйствительно умеръ. Торжествуя свое избавленїе отъ Іоанна, они думали-было творить свою волю, не обращая вниманїя на царя Θεодора; но вскорѣ всѣ погибли отъ Бориса Годунова ²⁾.

Послѣ такой бѣглої характеристики Іоанна и его дѣятельности, Тимоеевъ переходитъ къ повѣствованїю о нѣкоторыхъ личностяхъ времени Грознаго. Кратко и очень похвально отзываясь о царицѣ Анастасїи, онъ говоритъ затѣмъ о дѣтяхъ царя Івана: о царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ сообщаетъ, что онъ умеръ „отъ рукобїсїи отча“ и многими былъ оплаканъ за его способности; о царевичѣ Θεодорѣ отзывается съ полнымъ уваженїемъ за его благочестїе и однако замѣчаетъ о его „недовлѣнїи къ царству отческу“ ³⁾. Наконецъ, разсказомъ съ участи князя Владимїра Андреевича Старицкаго и семьи его авторъ заканчиваетъ первую главу ⁴⁾.

злѣйши Новагорода разтлѣнїе бысть, и за Волховъ-рѣку, насаженъ до верха, и Москва наполнися свѣченыхъ во всѣхъ улицахъ отъ конца до конца“ (Ркп. Моск. Дух. Академїи № 175, л. 366 об.).

¹⁾ О существованїи подобнаго слуха въ 1584 году читаемъ въ Новомъ Лѣтописцѣ (Ник. Лѣт. VIII, 6.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 7.—Нов. Лѣт., 24).

²⁾ „Вмалѣ жъ silentїары (очевидно латинское silentiarum) вси отъ срабнаго Бориса одолави погубоша“,—говоритъ Тимоеевъ (Ркп. Флориц. пустыни, л. 23).

³⁾ Любопытенъ разсказъ автора о смерти сына Грознаго Дмитрія во время путешествїя царя въ 1553 году: „Царю, отцу дѣтища, водоносила ко отечеству воспяты съ Бѣлаозера отъ лавры святаго отца Кирила спутьшествующу, . . . случися внезапно отроку отъ рукъ долица на воду испасти, сноиъ той погрузившїи“ (Ркп. Флориц. пустыни, лл. 30 об.—31). Ни лѣтописъ (Ник. Лѣт., VII, 203), ни „Исторїя“ кн. Курбскаго (Сказанїя кн. Курбскаго, изд. 3-е, стр. 41) не говорятъ, что царевичъ утонулъ (см. Сказанїя Массы и Геркмана, стр. 13).

⁴⁾ Тимоеевъ говоритъ, что кн. Владимїръ, оклеветанный „рабами“, былъ умерщвленъ „напоенїемъ смертнымъ купно зъ женою и сыномъ: вси принужени быша испити смертныя горести чашу“ (Ркп. Флориц. пустыни, л. 36 об. Сравни. *Карамзина* Ист. Гос. Росс., IX, прим. 277, и *Соловьева* Ист. Росїи, VI, прим. 90).

Глава вторая ¹⁾ по заглавію посвящена событіямъ времени царя Θεодора и начинается похвалою благочестивому царю, въ которомъ „купно мншество съ царствіемъ соплетено безъ раздвоенія едино другаго украшаше“. Умиротворяющее вліяніе кроткаго царя-подвижника, по мнѣнію Тимоеева, отозвалось на врагахъ Руси. Забывая о войвахъ Θεодорова царствованія, онъ говоритъ, что при Θεодорѣ Русская земля „мирне и невоеванна пребысть, кромѣ внутреннихъ мірскихъ соплетеній“. Жертвою этихъ соплетеній со стороны Бориса Годунова палъ и самъ Θεодоръ, вмѣстѣ съ братомъ Димитріемъ ²⁾. И не было никого, кто возсталъ бы противъ честолюбца Годунова, „не бѣ тогда и дощнѣ крѣпкаго во Израили, отъ главы дажь и до ногъ, отъ величайшихъ дажь и до простыхъ, яко и благороднійши вси тогда онѣмѣша и равно ему (то-есть, Борису) попустиша и безгласи бо быша, яко рыбы“. Этого молчанія Борисъ съумѣлъ достигъ разными средствами: „величайшихъ“ людей онъ устранилъ, мелкихъ подкупилъ своею щедростію, а среднихъ одарилъ чинами не по достоинству. При общемъ молчаніи ему легко было рѣшиться на преступленія для достиженія завѣтной цѣли—престола.

Началъ свои злодѣйства Годуновъ съ убіенія брата государева Димитрія. Сперва онъ прогналъ его вмѣстѣ съ роднею въ Угличъ, а затѣмъ, уловивъ удобную минуту, умертвилъ царевича при помощи Клешинина ³⁾ и своихъ „послушателей“. О самомъ убіеніи Димитрія

О кн. Марѣ Владиміровнѣ съ дочерью Тимоеевъ говоритъ, что при царѣ Θεодорѣ онѣ были возвращены въ Россію, обласканы и содержались въ довольствѣ (Ркп. Флорищ. пустыни, лл. 38—39. Сравни. *Вестужева-Рюмина* Обзоръ событій отъ смерти ц. Іоанна Вас. въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1887 г., іюль, стр. 82, прим. 2).

¹⁾ Ркп. Флорищ. пустыни, лл. 40—93 об.

²⁾ Объ убіеніи Θεодора Борисомъ Тимоеевъ говоритъ не одинъ разъ. Въ началѣ 2-й главы о злодѣйствѣ Бориса онъ выражается темно: „нѣкако виновну ему смерти сущу бывша, по всему вещемъ облачающимъ его, яко-жь и о уншемъ братѣ сего царя онъ же явленъ убійца бысть“ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 44). Но въ главѣ 3-й онъ уже прямо утверждаетъ, что Θεодоръ отравленъ Годуновымъ: „Прежде времене ему положенъхъ Богомъ предѣлъ крестопреступный въ клятвѣ рабѣ сему уготова вѣчнымъ сномъ почити: возложи бо на того царску главу свою рабоскверनावую убивства руку, принесе господску животу смертенъ ядъ и уби и не кровопролитне“ (л. 94 об.).

³⁾ О Клешиникѣ находимъ только слѣдующія слова: „Обрѣтъ (Борисъ) и суща станиника себѣ потаена зѣло злыхъ злѣйша Луппа нѣкогого, брата си свойствомъ и дѣломъ, иже толкуется волкъ, отъ дѣлъ званіе пріймъ“ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 48—48 об.). Что Луппъ (Андрей) Клешиникъ былъ Борису „братъ

авторъ разсказываетъ очень кратко ¹⁾, но за то долго останавливается на событіяхъ, связанныхъ съ его смертію. Въгломъ упоминаетъ о расправѣ угличанъ съ убійцами царевича, Тимоѣевъ разсказываетъ, что за нее Борисъ, „утанвса отъ царя“, страшно наказалъ и жителей Углича, и Нагихъ. Первыхъ онъ морилъ въ темницахъ и приказывалъ душиить на дорогѣ въ ссылку, вторыхъ предалъ „злѣйшимъ мукамъ“ и разсѣялъ по краямъ земли; мать же царевича онъ постригъ. Наоборотъ, родню преступниковъ, убитыхъ угличанами, Борисъ разскалъ и одарилъ. Когда же для слѣдствія о смерти брата царь послалъ въ Угличъ Сарскаго митрополита и „вельможу, благороднаго вельми“ (имя этого „вельможи“, В. Шуйскаго, авторъ обнаруживаетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, при разсказѣ о перенесеніи мощей царевича), то слѣдователи убоялись Бориса „паче повелѣнія царска“ и по его наущенію донесли царю о Димитріи, „яко самому ему играя заклатися“. Ложно Борисъ объяснялъ и причину самоубійства царевича: „болѣзнь ему тяжку прирекъ; яко вѣкимъ, тако и сему, глаголя, страдати, иже иступати умомъ и тѣломъ оцѣпѣвати“. Послѣ такого оборота дѣла царевичъ былъ погребенъ въ Угличѣ. Приписывая проискамъ Бориса то обстоятельство, что тѣло Димитрія не было погребено въ Москвѣ, Тимоѣевъ вступаетъ въ пространное разсужденіе по этому поводу. По его соображеніямъ, Борисъ основательно боялся принесенія мощей Димитрія въ столицу. Онѣ могли бы обличить его преступленіе, и народъ не попустилъ бы преступника захватить престолъ. Яснымъ доказательствомъ этого въ глазахъ Тимоѣева служатъ чудеса, явившіяся слѣдствіемъ обрѣтенія мощей царевича въ 1606 году. Святой своимъ чудотвореніемъ доказалъ народу преступленія Годунова и перваго самозванца и отнялъ всякую возможность успѣха у самозванцевъ, явившихся позже.

Показавъ читателю первые преступные шаги Годунова и переходя къ описанію его воцаренія, Тимоѣевъ дѣлаетъ весьма любо-

свойствомъ“, другіе источники, насколько мы знаемъ, не сообщаютъ (см. *Карамзина* Ист. Гос. Росс., X, прим. 247; XII, прим. 97.—*Записки гетмана Жолтвскаго*, изд. 2-е, приложение № 28.—*Новый Лѣтописецъ* въ Ник. Лѣт., VIII, 16.—*Бутурлина* Исторія смутнаго времени, II, Приложенія, стр. 49). А между тѣмъ это извѣстіе, если оно вѣрно, не лишено значенія и помогаетъ понять, откуда произошло упорный слухъ о соучастіи Клешиина въ злодѣяствѣ Бориса.

¹⁾ Собственно о смерти царевича у Тимоѣева одна фраза: „ножемъ послужатели на зло закланъ бысть предо очима своя ему матерѣ“ (Ркп. Флорисц. пустыни, л. 48 об.).

пытную оговорку ¹⁾). Онъ замѣчаетъ, что „о царюющихъ убо нами вправду первосушихъ царѣхъ“ слѣдуетъ писать осторожно, не вдаваясь въ осужденіе ихъ слабостей, ибо оцѣнку своихъ дѣлъ они и безъ людскаго осужденія получаютъ отъ Бога. „О такихъ творити тщанно и страхоприступно списатели обыкоша, говоритъ онъ: и насъ научаша“. Но о людяхъ „богопустнѣхъ“, „иже отъ несущихъ, ниже благословно и чрезъ подобство наускающихъ на царство, сицевыхъ явѣ отъ благихъ по всему отдѣлися судъ“. Къ этимъ незаконнымъ монархамъ, по мнѣнію автора, можно относиться и съ осужденіемъ. Такой взглядъ, служащій для насъ залогомъ откровенности автора, высказанъ имъ, какъ вступленіе въ дальнѣйшее его повѣствованіе о Годуновѣ.

Авторъ приступаетъ затѣмъ къ описанію событій, случившихся одновременно („въ однихъ недѣляхъ и дняхъ“) со смертью царевича: московскаго пожара и нашествія татаръ на Москву. Пожаръ, по мнѣнію Тимоеева, „умыслительнымъ бысть повелѣніемъ тогожде“, то-есть, Бориса: „онѣмъ повелителемъ пущенія запалители купно вездѣ пламень возжигашу“. Но для чего понадобилось Годунову жечь Москву, Тимоеевъ совершенно не объясняетъ. Въ нашествіи же Казы-Гирея онъ видитъ кару небесную, ниспосланную за грѣхи русскихъ людей, не смотря на благочестіе царя Феодора: „единого добродѣтель не можетъ спокрыти всѣхъ челоувѣкъ прегрѣшеніе“. Рассказывая довольно подробно о татарскомъ набѣгѣ ²⁾, Тимоеевъ съ

¹⁾ Ркп. Флориц. пустыни, лл. 57—58.

²⁾ Въ этомъ рассказѣ любопытны нѣкоторыя частности: Тимоеевъ, напримеръ, обстоятельно выясняетъ значеніе для Московскаго государства Оки, которая служила „непролазною стѣною“ для татаръ, приходившихъ отъ полудня. (Ркп. Флориц. пустыни, лл. 62 об. — 63). Онъ передаетъ извѣстную легенду о томъ, какъ татары подъ Москвой были испуганы рассказами русскихъ плѣнныхъ и поэтому отступили отъ Москвы (Ник. Лѣт. VIII, 21.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 28.—Новый Лѣт., 36—37). Но эта легенда у него обладаетъ оригинальными чертами: героемъ ея является одинъ „благочестивый воинъ“, захваченный въ плѣнъ татарами подъ самой Москвой; „грѣхпростительной лжою“ о приходѣ въ Москву новгородскихъ и псковскихъ войскъ онъ напугалъ татаръ, а затѣмъ, когда они отступили, этотъ „плѣнный узникъ, возвратився во своя утеченіемъ съ пути, вся потонку царю нашему вопрошаемъ возвѣсти“ (Ркп. Флориц. пустыни, лл. 63—65). Не лишено значенія и пространное описаніе укрѣпленнаго лагеря русскихъ (лл. 65—68). Этотъ лагерь, „по простой рѣчи глаголемый обозъ, древнимъ же званіемъ — гуляй“, по рассказу Тимоеева, былъ изобрѣтеніемъ „князя, наричють, нѣкоего Михаила, порекло Воротынскій Ивановичъ“. Но можно думать, что „гуляй-города“ были въ употребленіи еще въ началѣ XVI в.

особеннымъ вниманіемъ останавливается на поведеніи Бориса въ это время. Борисъ руководилъ защитой Москвы противъ враговъ, и, когда татары ушли, его ласкатели донесли царю, что Москва освободилась, благодаря мудрому „промысленію“ Бориса. Самъ же Годуновъ возвратился изъ лагеря въ Москву и лукаво медлилъ въ ней три дня, не преслѣдуя хана и осыпая наградами льстецовъ и войско. И только тогда, когда бѣгство хана стало несомнѣннымъ и онъ достигъ уже Ливенъ, Борисъ устремился „во слѣдъ гнати ему яко по вѣтрѣ“, не рискуя потерпѣть пораженіе, не надѣясь даже догнать татаръ. Отъ Серпухова Борисъ однако повернулъ назадъ, увѣряя, что враги ушли безвозвратно ¹⁾. Въ Москвѣ между тѣмъ ожидали его новыя похвалы подкупленныхъ льстецовъ, да и самъ правитель безъ стыда величался своими вымышленными побѣдами и въ память ихъ устроилъ даже монастырь (Донской). Разсылая по городамъ грамоты съ описаніемъ небывалыхъ своихъ подвиговъ, осыпая незаслуженными наградами своихъ соратниковъ, Годуновъ старался этимъ достигъ славы и любви въ народѣ. Скрытая цѣль его стараній была однако отгадана московскими людьми. Они сознавали, что награды, полученныя ими, не по заслугамъ велики, и объясняли это тѣмъ, что Борисъ желаетъ щедростью подготовить свое избраніе въ цари. Однако всѣ молчали: „онѣмѣша бо языки ихъ и уста затвориша(ся) ото мзды; вся же чюства наша наче страхомъ ослабѣша“.

Отъ этихъ обличеній Бориса Тимоѣевъ возвращается къ обсужденію дѣла о смерти царевича Димитрія. Подробно рассказываетъ онъ о заточеніи и страданіяхъ матери убитаго царевича, о ссылкѣ и казняхъ угличанъ и по поводу этого восклицаетъ: „Гдѣ суть, иже нѣбогда глаголющеи, яко неповинна суща Бориса закланію царского дѣтища?“ По мнѣнію автора, лучшимъ возраженіемъ противъ защитниковъ Бориса (очевидно, существовавшихъ, какъ показываетъ самое обращеніе къ нимъ автора) служатъ страданія тѣхъ людей, которые отмстили за смерть царевича, и награды родственникамъ убійцъ. Какъ правосудный правитель, Годуновъ долженъ былъ бы наказать

до кн. М. П. Воротынского, воеводы Грознаго (*Карамзина*, Ист. Гос. Росс. VII, прим. 302; IX, прим. 391; X, прим. 270).

¹⁾ Сравненіе разсказа Тимоѣева съ другими источниками обнаруживаетъ его полную односторонность и неточность. Сравни. *Карамзина* Ист. Гос. Росс., X, изд. 5-е, ст. 86 — 91 и прим. 267, 269 и 270. — *Соловьева* Ист. Россіи, VII, по изд. 1879 г. стр. 316 — 318. — Кн. *Щербатова* Ист. Росс., т. VI, ч. 2-я, № 28, стр. 252—256.

не только убійца Димитрія, но и племя ихъ (таковы правовыя представленія автора-человѣка XVI—XVII вѣка); а между тѣмъ Борисъ разыскалъ это племя и его „руки наполни мздою, и мѣнами и дарми многими“. Онъ обнаружилъ этимъ „жалѣніе свое объ убійцахъ“ и, наказывая угличанъ, какъ бы мстилъ имъ за злодѣевъ. Такое вопіющее нарушеніе правды осталось однако безнаказаннымъ, потому что русскіе люди по своему „несогласію“ и „неумужеству“ не только пустили злодѣю первое преступленіе, но своимъ молчаніемъ еще усилили его дерзость. Онъ свободнѣе сталъ распоряжаться въ отношеніи тѣхъ людей, которые казались опасными его честолюбію и зависти: онъ умертвилъ „агарянскаго царевича“ и двухъ сыновей „латинскихъ кралей“¹⁾, пришедшихъ въ Московское государство: онъ, „изъ предъ царя восхищая“, развѣялъ по копцамъ земли знатнѣйшихъ русскихъ людей.

Примѣромъ отношенія Бориса къ русской знати служить для Тимоѣева участъ Богдана Бѣльскаго, къ описанію когорой онъ переходитъ. По его словамъ, Бѣльскій былъ любимцемъ Грознаго. Предосудительная близость его къ царю ставила его даже выше Годунова. Бѣльскій сохранилъ свое высокое положеніе и при Θεодорѣ, хотя и не жилъ въ Москвѣ: „вдалѣ града царска во своихъ онъ предѣлахъ удаляемъ бываше отъ молвъ міра за наставшую о немъ въ царствіи тогда бывшую крамолу“ (намекъ на извѣстныя обстоятельства 1584 года). Переѣзжая „отъ веси въ весь“, жилъ онъ въ покоѣ, снабждаемъ Борисомъ“. Когда же воцарился этотъ послѣдній, Бѣльскій былъ посланъ имъ въ Борисовъ-градъ; но оклеветанный кѣмъ-то, онъ тамъ легко попалъ въ опалу, благодаря злему и подозрительному характеру Бориса. Лишивъ его боярскаго сана и громаднхъ имуществъ, Годуновъ „казнь... позорную ему давъ, градскихъ законъ уставленную, яковою по градомъ казняку злодѣя, разбойники и мытаря; и ина безчестнѣйшая поруганія ему и срамоту волею повелѣвшаго наложиша, и въ мѣста дѣланая поточень бысть“²⁾.

¹⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что подъ названіемъ „латинскихъ кралей“ Тимоѣевъ разумѣетъ Іоанна датскаго и Густава шведскаго. Но *Густавъ* умеръ уже въ 1607 году (*Regum Rossicarum Script. exteri*, I, p. 10, 158.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс. XII, прим. 327). Подъ именемъ „агарянскаго царевича“ всего вѣроятнѣе предполагать крымскаго Мурата, жившаго въ Астрахани; его смерть, по слухамъ, была насильственной (Ник. Лѣт. VIII, 13—15.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 17—19.—Нов. Лѣт., 30—31.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс. X, прим. 254).

²⁾ Рян. Флорищ. пустыни, л. 85 об.

Подобная же участь постигла и другихъ знатныхъ вельможъ, страшныхъ Борису и оклеветанныхъ предъ нимъ. Однако всѣ эти страдальцы въ послѣдствіи „лучшу первыя въ земныхъ жизнь Ростригою улучиша“:

Если такимъ образомъ Борису не удалось навѣкъ погубить горимыхъ имъ, то не удалось ему затмить славу и первой своей жертвы—царевича Дмитрія. Весьма пространно и риторически рассказываетъ Тимоеевъ о торжественномъ перенесеніи мощей царевича въ Москву и этимъ оканчиваетъ вторую главу Временника ¹⁾. Не трудно замѣтить, что содержаніе ея не вполне соотвѣтствуетъ ея заглавію. Царемъ Феодоромъ, царствованію котораго посвящена вторая глава, Тимоеевъ занимается очень мало. Онъ ограничивается его благосклонною характеристикой и все свое вниманіе обращаетъ на Годунова, раскрывая путемъ разбора отдѣльныхъ фактовъ его замыслъ овладѣть престоломъ. Въ третьей же главѣ онъ характеризуетъ Бориса, какъ монарха и какъ человѣка. Такимъ образомъ, и вторая, и третья главы имѣютъ тѣсную связь между собою и содержаніемъ своимъ заходятъ одна въ другую.

Третья глава ²⁾ начинается описаніемъ воцаренія Бориса. Послѣ смерти царя Феодора онъ удалился въ Новодѣвичій монастырь, по-

¹⁾ Въ описаніи перенесенія мощей любопытны только нѣкоторыя частности. Тимоеевъ описываетъ одежды, въ которыхъ былъ погребенъ царевичъ, такимъ образомъ: „И се не мало на убійцу во указаніе: не въ погребальныхъ убо, яко же по закону, въ бѣлыхъ ризахъ нынѣ страдалецъ въ рацѣ зримъ, но во иже прилучшихся въ немъ во святостраданіи, еговою обогрѣнѣхъ тогда кровію... Но ниже въ пренесеніи первосвятителя и царю вложи святыи въ мысль ко еже бы премѣнитися тѣмъ... Число же въ рацѣ ризъ его сице бѣ: едина, иже по первѣй на срачицу въ животѣ его обычаи полагаются, опоясуема; таже двѣ единого существа бѣловиднаго тканія, иже къ телеси приближни суть: срачица и гащи, иже дальнѣйшая объемля части тѣла до плесну; по сихъ препоясаніи; елика къ симъ же сандалейца со обувными платы, багряновиденъ тѣхъ зракъ бѣ. Митра же честныя его главы моему недостойну забвися виду: суть ли ту съ прочими, или нѣ? (Ркп. Флорит. пустыни, лл. 91—92 об.). Изъ этого описанія ясно, что авторъ былъ очевидцемъ перенесенія мощей царевича. Странно поэтому читать его показаніе, что „Гермогенъ всеа Росіи великій патріархъ всесоборне иконамъ вослѣдуя во срѣтеніи новомученика“ (л. 88 об.). Объ отсутствіи Гермогена узнаемъ изъ официальныхъ источниковъ, которые нѣсколько расходятся съ разбираемымъ Временникомъ и въ описаніи одежды царевича (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 147.—Акт. Арх. Эксп. II, № 48). Впрочемъ, Тимоеевъ сознается, что кое-что „моему... забвися къ виду“.

²⁾ Ркп. Флорит. пустыни, лл. 94—155 об.

тому что боялся, по мнѣнію автора, какъ бы не раскрылись въ это время всѣ его преступленія противъ угасшей династіи. Кроме того, со стороны ему было удобнѣе наблюдать за тѣмъ, что дѣлалось въ Москвѣ. По словамъ Тимоѣева, онъ легче могъ узнать, кто былъ его другомъ и кто врагомъ, кого онъ долженъ былъ со временемъ наградить, а кого преслѣдовать. Однако, съ удаленіемъ Бориса, въ Москвѣ продолжали дѣйствовать его родственники и „спомогатели“, „яко вездѣ быти въ людѣхъ того всѣхъ слухъ и око“. И вотъ „наутріе“, „въ сырней седмицы вторникъ“, сторонники Бориса подвинули Москву на его избраніе ¹⁾. „Молебну человѣку угодія хартію писанми тщанно соплетше“, иначе говоря, составивъ опредѣленіе объ избраніи Бориса, рачители Годунова явились во дворъ „самого архіерея“, то-есть, патріарха Іова, и принудили его съ крестнымъ ходомъ идти въ монастырь къ ихъ избраннику просить его на царство. За крестнымъ ходомъ явилась въ монастырь и масса народа, „люди вся отъ старецъ до юношей“. Борисъ вышелъ „во срѣтеніе всеградской святыни“ и присутствовалъ на молебнѣ, послѣ котораго всѣ пришедшіе стали просить его на царство ²⁾. Несмотря на то, что Годуновъ „съ клятвой“ отказывался отъ престола, его продолжали молить. Тогда онъ, продолжая отказываться, притворно далъ понять народу, что далъ нѣйшія просьбы заставить его наложить на себя руки,—и затѣмъ убѣждалъ въ келью царицы Ирины ³⁾. Тѣмъ не менѣе его не оставили въ

¹⁾ Тимоѣевъ представляетъ избраніе Бориса дѣломъ одного дня и описываетъ только то, что происходило въ Новодѣвичьемъ монастырѣ во вторникъ сырной недѣли, то-есть, 21-го февраля (Акт. Арх. Эксп. II, № 7, стр. 29). При этомъ его выраженіе „наутріе“ нельзя понимать въ томъ точномъ смыслѣ, что избраніе Бориса произошло на другой же день послѣ его отъезда изъ Москвы.

²⁾ Говоря, что московская знать усердно увѣщала Бориса, Тимоѣевъ такъ описываетъ крики среднихъ и простыхъ людей: „Среднимъ же и до мала всѣмъ нелѣпо съ воплемъ многимъ кричати не въ чинъ, яко до иже разсѣдятся отъ вопля того утроба ихъ, и лица рдѣтиса ото рдѣнья, и ушеса своя отъ шума того слышащихъ затыкати. Таково человѣкомъ угодія леств баше въ нихъ“ (Ркп. Флориц. пустыни, лл. 97 об.—98). Однако Тимоѣевъ ни слова не говоритъ о тѣхъ агентахъ Годунова, которые, по словамъ Повѣсти 1606 года, насиліемъ понуждали народъ плакать и вопить.

³⁾ „Онъ же (говоритъ авторъ о Борисѣ), зря всѣхъ таковое о себѣ прошенія прилежаніе, еще спокрывся нехотѣніемъ и выпрь, яко орелъ, превзятся мѣроу паче и прелукавне явлеными показанми оболстеваше люди. Иже въ рукахъ держа пота своего утиранія тканія платъ, сего плата, въ приложеніе своимъ онъ клятвамъ, предстоящимъ вдаль народу, иже не слышащимъ отъ прочихъ вопля словесъ его, ставше ему въ крылу церковнѣмъ, прямо входу западныхъ

покоѣ. Народъ обратился къ царицѣ-инокѣ и просилъ ее, да „вдасть повелительне брата молящихъ прошенію“. Въ это время какой-то мальчикъ неизвѣстно какъ очутился на монастырской стѣнѣ у оконъ царицной кельи и такъ громко просилъ царицу дать Бориса на царство, что крикъ его покрывалъ голоса народа, стоявшаго дальше отъ кельи ¹⁾. Этотъ случай, неприличный въ глазахъ Тимоѣева, убѣждаетъ его въ томъ, что для избранія Бориса его рачители не стѣснялись прибѣгать къ самымъ безчиннымъ и наглымъ поступкамъ. И они достигли цѣли: изъ покоевъ Ирины просители вышли съ ра-

вратъ на мѣстѣ высокоѣ, еже мощи видену ему быти всѣми,—оного плата окрестъ шія своя облагаше. Ближнимъ, имъ же мощи гласъ словесъ чловѣческихъ слышети, симъ глаголаше, дальнимъ же прилагателне о себѣ показу разумѣвати, яко бы удавиться понуждаемаго ради хоташе, аще не престануть молящии. Таково послѣднее тогда сего нехотѣнія притвореніе людскому множеству показа и плошайшихъ убо симъ въ вѣру многу улови, прочихъ же никако же, яко и сего его лстиваго ловленія сътей разумѣни ся вышшимъ быти. Но что успѣ разумѣние? аще и уразумѣша, но хотящее богопущенье быти превратити невозмогаша“ (Ркп. Флориц. пустыни, лл. 98 об.—99 об.). Если не ошибаемся, эта частность въ поведеніи Годунова не указана ни однимъ изъ извѣстныхъ источниковъ.

¹⁾ „Къ симъ же (разсказываетъ авторъ при описаніи народныхъ просьбъ къ Иринѣ) отрокъ нѣкій науценъ не вѣдѣ кими, хотимъ ли самъ коварне нѣкако, или блазнительи его. Яко проповѣдника извѣтомъ предъ лицемъ мнихо-пребывательныхъ затворивъ (затворами Тимоѣевъ называетъ келью) царицы посадища и на забралѣхъ, поставленѣхъ въ защищеніе града храмомъ оной мнишницы смиренія ради, и выспръ сего на та вознесше при самыхъ оконцахъ державныя. Извѣтомъ народа яко во уши той младый вопати повелѣвъ; просимыхъ же моленію согласенъ отрока вопль бысть. Вся народныя ихъ гласы пре восходя, къ затворшейся, име въ темныхъ храмѣхъ волею, единогласно вопія, да дастся ею поставитися царски братъ ея во главу всѣмъ людѣмъ. И паки то жъ непремѣнне крича и не престаѣ. И елико сей вопіаше, симъ паче хотимаго обличаше, яко уже студъ бѣ мнозымъ и слышати таковаго нехѣпаго и бесчисленнаго вопля. И аще не бы любезенъ былъ и кромѣ воли желателя таковъ близъ неприступныхъ храмовъ бесчиненъ и много вопль уноша, то не бы къ мѣсту тому и приступити смѣлъ, ниже бы зрящая стерпѣли тому на мнозѣ, яко и въ среднихъ таковымъ бывати не стерпѣвають, ни попускаютъ же“... (Ркп. Флориц. пустыни, лл. 100—101 об.). Разсказъ Тимоѣева немного напоминаетъ собою анекдотическія сообщенія Петрея и Буссова о мальчикахъ и юношахъ, посланныхъ народомъ умолять Бориса (*Петрей*, въ *Regum Rossicarum Script. exteri*, I, p. 154: „schickten etliche tausent junge Knaben aus“.—*Буссовъ*, *ibidem*, p. 7: „da machte die gantze Gemeinde einen Haufen junger Knaben und Jünglinge aus“; но въ Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, I, стр. 16: „два отрока подошли къ монастырю“).

достью и велѣли служить молебны за новаго государя. Борисъ же, давъ свое согласіе, „много не отлагая, отъ лавры паки вниде во градъ“.

Дѣятельности новаго государя авторъ не изображаетъ систематически. Во второй половинѣ третьей главы находимъ лишь общую характеристику Годунова и въ связи съ нею изображеніе нѣкоторыхъ отдѣльных фактовъ. Факты эти приводятся для того, чтобы показать честолюбіе Бориса и его заботы о сохраненіи пріобрѣтеннаго величія. Тимоѣевъ насмѣшливо описываетъ походъ Годунова къ Серпухову противъ татаръ, предпринятый будто бы лишь тогда, когда Борисъ твердо увѣрился, что крымцы не пойдутъ на Русь. Для Бориса походъ былъ средствомъ повеличаться и предъ своими людьми, и предъ татарскимъ посольствомъ; но довѣрчивые москвичи видѣли въ этомъ особенную заботу Годунова о царствѣ и еще болѣе привязались къ нему ¹⁾). Съ полнымъ осужденіемъ говоритъ затѣмъ Тимоѣевъ объ учрежденіи ежегоднаго крестнаго хода въ Новодѣвичій монастырь въ память избранія Бориса. По его мнѣнію, это было не празднованіемъ Богу, а человѣкоугодничествомъ со стороны патріарха Іова, потакавшаго „славоослѣпленію“ Годунова ²⁾). Такое же человѣкоугодничество видитъ Тимоѣевъ и въ томъ обмѣѣ, по которому многіе строили церкви въ честь государева ангела для того только, чтобы этимъ получить милость Бориса ³⁾). Принимая охотно

¹⁾ „Симъ исхожденіемъ ко еже возлюбити его всѣхъ паче утверди, иже не разумѣющихъ козненнаго“, говоритъ авторъ о Борисѣ по поводу похода (Ркп. Флориц. пустыни, л. 107).

²⁾ Замѣчая, что этотъ крестный ходъ не совершался по смерти Годунова, авторъ говоритъ: „не убо ли отъ сихъ и первосвятителя съ прочими обнажися лестное послуженіе въ животъ ему“, то-есть, Борису (Ркп. Флориц. пустыни, л. 111.—См. Акт. Арх. Эксп. II, № 7, стр. 37—38).

³⁾ „Во имя бо купно державныхъ ангеловъ храмы здаху мнози съ довольствы, яко вѣчны, и иконы писующе украшаху и прочая чести тѣмъ сотворяюще Славимыя же несътне о сихъ ублажахуся честію опасно, сами сія о себѣ вѣдущи и зрящи. И по исходѣ славолюбныхъ отсюду храмы они опустеваеми и небрегоми, иконы же презираеми, яко поругани и насмѣховаеми умаленіемъ вѣры, ими же прежде почитаеми, сими и оставляеми“ (Ркп. Флориц. пустыни, л. 111—111 об.). И Авр. Палицынъ въ первоначальной редакціи своего Сказанія говоритъ о легкомысленномъ созиданіи церквей и о пренебреженіи къ нимъ самихъ же строителей, желавшихъ имѣть свой храмъ для того, напримѣръ, чтобы не ходить въ церковь непріятнаго имъ сосѣда (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, лл. 335 об.—336 об., л. 365 об.).

всякую лесть, Борисъ и самъ „возносился гордостью“ и старался прославить свое имя. „Всечасно надымаяся, тоже и отъ ласкатель ему своихъ бояръ поджизаемъ хвалою льстивою“,—Борисъ задумывалъ построить въ Москвѣ новый храмъ вмѣсто древняго Успенскаго собора и устраивалъ богатѣйшую плащаницу. Но Богъ не принялъ его гордыхъ даровъ, и Борисовы начинанія не были доведены до конца ¹⁾). Также неудачны были и старанія Бориса укрѣпить себя и свой родъ на престолѣ, хотя онъ и прилагалъ къ этому всѣ усилія.

Тимоеевъ возмущается тѣмъ, что Борисъ при вступленіи на престолъ требовалъ отъ народа присяги не по старой формѣ. Пренные государи „въ жительныхъ храминахъ такое о своемъ утвержденіи сотворати повелѣваху“. Борисъ же, наученный своими ласкателями, придалъ присягѣ особенный характеръ и для того, чтобы лучше укрѣпить свою власть, велѣлъ народу присягать въ церквахъ ²⁾). Въ Москвѣ при цѣлованіи креста должно было присутствовать духовенство и боярство съ патриархомъ во главѣ. Въ Успенскомъ соборѣ присяга шла много дней съ утра до вечера, и въ эти дни нельзя было, какъ слѣдуетъ, совершать литургіи: „народовъ соймы, въ церкви снемнися вкупѣ, кричаху клятву“. Нарушеніе церковнаго благочинія не было единственнымъ зломъ: для большей крѣпости присяги Борисъ въ подкрестную запись включилъ страшную и неумѣстную угрозу: „богоотступно слово приведе,—говорить Тимоеевъ,—яко не быти на

¹⁾ Плащаницу Тимоеевъ называетъ описательно „Христа Бога гробомъ, божественныя Его плоти вмѣстилищемъ“. По его словамъ, это драгоценное сооруженіе Бориса имѣло печальную участь: „незлѣпотне Ростригою лжецаремъ на доможательныя потребности безообразны сокрушени разсыпашеся, неже хитротвореніе красоты жалость отъ разбіенія удержа“. Точно также и матеріалы, заготовленные Борисомъ для построенія храма, „яко непотребны вмѣнишася: Шуйскимъ Васильемъ царемъ на ина зданія, даже на простыя храмы вся распродалася“ (Ркп. Флорищ. пустыни, лл. 122 об. и 123 об.). Не говоря о томъ, какой именно храмъ хотѣлъ строить Борисъ, Тимоеевъ только замѣчаетъ, что онъ долженъ былъ замѣнить Успенскій соборъ. Въ первоначальной редакціи Сказанія Палицына читаемъ: „Царь убо Борисъ мысля храмъ новъ воздвигнути во имя Воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и, по образцу содѣланному смѣтивъ, готовяше много множество къ созданію праведнаго, а неправеднаго собранія. И хотя Устиніану уподоби(т)я, но Маврикіеву часть получи“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, лл. 366 об.—367).

²⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 7, стр. 39: „...у пречистыя Богородицы чюдотворного ея образа и у цѣлбоносныхъ гробовъ великихъ чюдотворцевъ Петра и Іоны животворящей крестъ цѣловали“.

насъ всѣхъ Сотворшаго ны милости и святыхъ Его¹⁾. Этимъ самымъ Борисъ, по мнѣнію автора, „анаемъ всѣхъ подложи“. Но такими угрозами онъ не укрѣпилъ своего господства; это показали послѣдующія событія. Такъ же бесплодны, какъ грозная присяга, были и другія мѣры Бориса, направленные „къ укрѣпленію его имени“. Напрасно онъ предписалъ пѣть въ церкви многолѣтіе не себѣ одному, но всей своей семьѣ: „въ женою ему купно и съ чады повсюду пѣватися сотвори“. Напрасно приказывалъ онъ писать царское имя „полнымъ именованіемъ“ при всякомъ случаѣ и жестоко наказывалъ за неисполненіе этого. Напрасно, выстроивъ знаменитую колокольню, онъ написалъ на ней свое имя „въ позлащенныхъ дѣкахъ златописьмянными словеса“. Напрасно, наконецъ, онъ спряталъ торжественную грамоту о своемъ избраніи въ раку мощей святителя Петра, которая до него никогда не открывалась²⁾. Все это не создало ему прочной власти и славы,—и самозванецъ „пришедъ, среди царствія срамне того и всеродно низложи“.

Всѣ приведенные нами факты служатъ для Тимоеева доказательствомъ чрезмѣрнаго честолюбія Годунова. Изображеніе его преступленій и интригъ, направленныхъ къ достиженію власти и славы, составляетъ главную задачу автора во второй и третьей главахъ его Временника. Однако, безпощадно относясь къ самому Борису, Тимоеевъ не его одного считаетъ отвѣтственнымъ за зло, имъ сдѣланное. Окруженный льстецами и порочными совѣтниками, Борисъ часто поддавалъ ихъ вліянію и дѣйствовалъ по ихъ совѣтамъ³⁾. Но ослѣп-

¹⁾ Въ покрестной записи Борисовой дѣйствительно было подобное выраженіе: „А не учну язъ Государю...служити и прямиати или какое что лихо сдѣлаю мимо се крестное цѣлованіе, и не буди на мнѣ Божья милость и Пречистыя Богородицы... и всѣхъ Святыхъ“ (Акт. Арх. Эксп. II, № 10, стр. 61; сравн. № 44, III).

²⁾ Вотъ какъ говоритъ объ этомъ поступкѣ Бориса Тимоеевъ: „Къ прочимъ еще о себѣ утвержденіемъ и сіе приложити умысли: ко еже избранія его укрѣпленію скривалъ велію на хартіи съ печатльми вси людіе о немъ иже отъ первосвятитель и синглитъ весь, даже бо и до нарочитыхъ, да напишуть съ подписанни своихъ имъ десницъ. Къ сему же еще не устращися дерануть, иже заклепанный отгвердити гробъ и вложити ту во златый ковчегъ ко освятованнымъ мощемъ русекаго первосвятителя во святыхъ дивнаго чудотворца Петра раку“....„Святителей на се принудилъ, ласкатели же наумнелъ, и по растльвни отгвожденіемъ кіота сего пакя оней того затвори“ (Ркп. Флорищ. пустыни, лл. 138 — 139. — Сравн. избирательную грамоту въ Акт. Арх. Эксп. II, № 7, стр. 46, и въ Др. Росс. Вивліювикъ, изд. 2-е, VII, стр. 109—110).

³⁾ Самая мысль искать царства внушена Борису, по словамъ автора, отъ „ласкатель ему своихъ бояръ“: они „и къ царствія желанію сего подвигоша“ (Ркп. Флорищ. пустыни, лл. 121 об.—122).

ленный жаждою власти, подозрительный и жестокий, онъ платилъ зломъ даже своимъ друзьямъ и руководителямъ. Такъ пострадали отъ него два брата „самописчихъ“ (то-есть, дьяковъ), которыхъ Тимошеевъ не называетъ по имени, но подъ которыми намъ некого разумѣть, кромѣ братьевъ Щелкаловыхъ ¹⁾). Одинъ изъ нихъ, по словамъ автора болѣе всѣхъ содѣйствовалъ возвышенію Годунова, былъ его вѣрнымъ „наставникомъ и учителемъ“ на первыхъ шагахъ жизненнаго пути,— и по воцареніи Борпса былъ посланъ въ ссылку вмѣстѣ съ братомъ. Такъ же Борисъ поступалъ и съ прочими своими пріятелями.

Объяснить, какъ зародилась въ душѣ Бориса „гордость“ и стремленіе къ власти, Тимошеевъ не беретъ. Онъ только замѣчаетъ, что учрежденіе на Руси патріаршества было первымъ успѣхомъ Бориса, поднявшимъ его самолюбіе: „устроеніе се бысть начало гордыни его“, говоритъ онъ ²⁾). Гораздо болѣе интересуется Тимошеева то обстоятельство, что Борисъ, при полномъ отсутствіи образованія ³⁾ и при всѣхъ своихъ порокахъ, обладалъ тѣмъ не менѣе прекрасными свойствами правителя и человѣка. Скрыть это отъ читателя авторъ не считаетъ возможнымъ, потому что иначе открылось бы пристрастіе писателя, а Тимошеевъ желаетъ быть безпристрастнымъ. Онъ пытается

¹⁾ Вотъ какъ описываетъ Тимошеевъ этихъ „самописчихъ“: „Нѣкоего своему злу злокознена всячески наставника и учителя си имѣ (Борисъ)...древня мужа иже въ царскихъ ступающихъ тайнахъ премудрыхъ царей нашихъ предваршихъ приближена бывша и многолѣтна, глубочайшими сѣдинами цвѣтуци и состарѣвшися. Безъ него же никакая же держивныхъ тайна и о землѣ правленіюхъ законоуоставленная положенія не совершашеся, понеже въ дѣльныхъ зѣло злохитръ бѣ. Отъ соименныхъ ему и въ преимущихъ чиномъ всего синклита инъ сицевъ до дне смерти его и по немъ доннѣ не обрѣташеся. Такова убо се той желатель царствію учителя тезозлобна по враву стяжа. Бѣ же сему мнѣ соутробный на се съ нимъ оному споборникъ. Они же своему чину первоначальницы суть въ самописчихъ“ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 135 об.—136 об.). Подъ это опредѣленіе легко подходитъ думный дьякъ Андрей Щелкаловъ съ братомъ Василюемъ, вліятельные въ концѣ XVI в., близкіе къ Годунову и пострадавшіе при немъ (Сказанія Массы и Германа. С.-Пб. 1874, стр. 55.—*Карамзина*, Ист. Гос. Росс., X, прим. 344; XI, прим. 159.—„Сказаніе и Повѣсть, еже содѣяся“ и т. д. въ *Чт. Моск. Общ. ист. и др.* за 1846—1847 г., IX, стр. 1.

²⁾ Ркп. Флорищ. пустыни, л. 146.

³⁾ Тимошеевъ представляетъ Бориса даже неграмотнымъ: „Онъ же презрѣ словесъ силу, глаголемыхъ Богомъ, ли не разумѣ: отнюдъ бо бѣ симъ неискусенъ сы отъ роженія бо до конца...И чюдо! яко первый таковъ царь не книгочій намъ бысть“ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 102 об.). „Слѣпый вождь толико стаду бывъ, грамотичнаго ученія не свѣдый же до мала отъ юности, яко ни простымъ буквамъ навыченъ бѣ. И чюдо! первый бо той въ Росіи десподъ безкниженъ бысть“ (л. 125 об.).

объяснить двойственность характера Бориса тѣмъ, что Борисъ только ,рикидывался добродѣтельнымъ, съ цѣлью оболъстить народъ. Но оядомъ съ этимъ встрѣчаемъ во Временникѣ и такую мысль, что „и отъ самодержавнаго вправду Θεодора многу благу ему (Борису) навикнути: отъ младыхъ бо ноготь придержася пять его“¹⁾.

Желаніе показать читателю и хорошія стороны Годунова наравнѣ съ дурными заставляетъ Тимоеева дать общую характеристику Бориса. Въ первое время его дѣятельности Борисъ еще не осквернилъ себя преступленіями и являлся образцовымъ правителемъ, благочестивымъ, добрымъ и правосуднымъ, защитникомъ слабыхъ и врагомъ всякаго зла²⁾. Властолюбіе привело Бориса ко многимъ преступленіямъ, измѣнило и весь нравъ его. Опъ „всяко всѣмъ жестокъ и тяжекъ обрѣтсѣ“, послѣ того какъ достигъ царскаго вѣнца. Но и тогда онъ былъ на столько благоразумнымъ правителемъ, что другіе

¹⁾ Ркп. Флорищ. пустыни, л. 118 об.

²⁾ Приводимъ эту похвальную характеристику Бориса съ тѣми неисправностями, какія находимъ въ спискѣ: „Въ началѣ убо житія си онъ всяко добровиновень бѣ. Первое его и добро творивъ и началнѣйшее къ Богу, неже къ людемъ, се еже о благочестіи всяцемъ ревнитель усерденъ по древнихъ о церквахъ съ чини тоя бысть попечении прилженъ. Требующимъ даватель неоскуденъ; къ мірови въ молбахъ о всяцей вещи преклонитель кротостенъ; во отвѣтѣхъ всѣмъ сладокъ; на обидящихъ молящимся, беспомощнымъ и вдовицамъ отмститель скоръ; о земли правленіохъ прилежаніемъ премногъ; правосудства любленіи мѣ безмсадно; неправдѣ всяцей изиматель не лстенъ; о зданіохъ градостроителныхъ вещей, яже къ царствіи наполнянію тому прилучныя красоты, уряженіемъ излишенъ. Доможителное всѣмъ во дни его пребываніе въ тихости необходимо, даже и до начатія еже по немъ самобезначальства въ земли. Насилующимъ маломощныхъ возбраненіе въ гнѣва прещеніемъ уемно, развѣ обидѣ кихъ слухъ его не пріятъ; обидимыхъ отъ рукъ сильныхъ изиматель крѣпокъ; купно о всея земли утверженіе попеченіемъ показуся прсизлиха, дондеже не превзять любовластіемъ. Въ безмѣрв богомерскому винопитію продаваніе отнюдное искорененіе съ наказаніемъ; зельныхъ издопримству всему вконецъ умерщвеніе непощаденно баше, мерско бо ему за нравъ; на всяко зло, сопротивное добру, искоренително неумолимъ со властію, яко же нивмъ воздоброе издовоздатель нескстенъ... Въ часѣ же смерти его никто же вѣсть, что въ немъ одолѣ и кая страна мѣрила претягну дѣлъ его, благая ли злая“ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 117—119). Подобную похвалу дѣятельности Бориса можемъ найдти только въ Повѣсти патріарха Іова и отчасти у Авр. Палицына и въ Хронографѣ 2-й редакціи. Не думаемъ, однако, чтобы Тимоеевъ могъ заимствовать у кого-либо изъ нихъ свою оцѣнку Бориса: Хронографъ и Сказаніе Палицына составлены одновременно съ его Временникомъ, а Повѣсть патріарха Іова, если Тимоеевъ ее и зналъ, не подчинила его одностороннимъ взглядамъ патріарха, котораго авторъ считалъ угодникомъ Бориса, какъ мы видѣли выше.

монархи не чуждались его и считали его равнымъ себѣ ¹⁾). Однако во внутреннемъ управленіи Борисъ, по мнѣнію Тимоѣева, не избѣгъ роковыхъ ошибокъ. Возвышая не по заслугамъ незнатныхъ людей ²⁾, онъ дѣлалъ этимъ двоякій вредъ. Прежде всего, онъ раздражилъ противъ себя знать, ненависть которой ему и пришлось почувствовать впоследствии ³⁾. А кромѣ того, люди, возвышенные имъ, не имѣя навыка къ государственнымъ дѣламъ, явились весьма плохую и подкупную администраціей, возстановившею народъ противъ Бориса. Все это повело къ тому, что Борисъ, разгнѣвавъ Бога своими дѣлами, не могъ укрѣпить своего царства и на землѣ.

Таковъ взглядъ Тимоѣева на личность и дѣятельность Бориса. Общую оцѣнку Годунова заканчивается третья глава Временника, и въ главѣ четвертой ⁴⁾ авторъ переходитъ къ повѣствованію о самозванцѣ. Насколько внимательно относился Тимоѣевъ къ Годунову, настолько бѣгло говоритъ онъ о Лжедмитріи. Какъ и всѣ прочіе писатели XVII вѣка, онъ убѣжденъ, что роль царевича Дмитрія принялъ на себя Гришка Отрепьевъ, бѣжавшій въ Литву и тамъ сбросившій иноческое платье. Но обстоятельной біографіи Разстриги Тимоѣевъ не сообщаетъ. Мимоходомъ лишь говоритъ онъ, что Гришка въ Литвѣ обручился съ еретицей Мариной и, съ помощью поляковъ достигнувъ престола, хотѣлъ искоренить на Руси православіе. Объ этомъ послѣднемъ узнали уже послѣ сверженія самозванца: „по смерти его отъ тайныхъ его увѣдено бысть“. По словамъ Тимоѣева, русскіе

¹⁾ „Таковъ бо той бысть рабоцарь, яко и прочая величайшая и прегордая по вселенній цари, иже нечестивыхъ державъ обладателя, рабородства того не отвращахуся, ни гнушахуся; державнаго ради соименства и благоразумія его, о земныхъ слышаще справаго (быть можетъ, справахъ?), братства и друголюбства не отметахуся, яко же и благороднехъ прежде его бывшихъ, ли и вѣцше. И что дивно: аще быша по семъ намъ иніи цари разуму, но къ сего стѣнь суть онѣхъ разумы“ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 103—103 об.—Сравни. Сказаніе Авр. Палицына, изд. 2-е, стр. 19).

²⁾ „Худородныя на благородныхъ возводя онъ степени кромѣ мѣры и времени, тайнословія ради тѣхъ ко оному“... (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 140 об.—Сравни. Изборникъ А. Н. Попова, стр. 189).

³⁾ „Сими той на ся въ сердцахъ величайшихъ, о еже на высокая меншихъ вчиненихъ, велеразсужену (велеразжжену?) и неугасну стрѣлу гнѣва къ ненависти воззигъ, еже и сотворися по днѣхъ, со стекшимся отъ него имъ въ прочихъ купно по временахъ досадахъ (досадамъ?)“ (Ркп. Флорищ. пустыни, лл. 140 об.—141.—Сравни. Изборникъ А. Н. Попова, стр. 189: „на ся отъ всѣхъ Русскія земли чинаначальниковъ негодованіе наведе“).

⁴⁾ Ркп. Флорищ. пустыни, лл. 156 об.—191 об.).

люди, недовольные правленіемъ Бориса и считавшіе Гришку за настоящаго царевича, передались ему еще въ то время, когда онъ былъ въ Польшѣ: „еще ему внѣ сущу предѣль Русскія земли“. Борисъ же, слыша о самозванцѣ, „съ высоты престола царствія низвержеся“, не потому, чтобы боялся силы Лжедмитрія, но вслѣдствіе укоровъ собственной совѣсти ¹⁾). Встрѣченный всѣми, какъ истинный государь, самозванецъ легко достигъ Москвы.

Съ полнымъ сочувствіемъ относится Тимоѣевъ къ семьѣ Бориса и съ сожалѣніемъ передаетъ о смерти его жены и сына и о несчастіяхъ дочери. Переведенная изъ дворца въ домъ одного изъ угодниковъ самозванца, „приближна нововельможи“ ²⁾), Ксенія была пострижена въ монашество и затѣмъ терпѣла много горя и униженій ³⁾). Одновременно со сверженіемъ Θεодора Борисовича свергнутъ былъ и патріархъ Іовъ; поставленный же на его мѣсто Игнатій былъ вѣрнымъ слугою самозванца. Поэтому, когда Аѳ. Власьевъ привезъ въ Москву невѣсту Лжедмитрія ⁴⁾ и поднять былъ вопросъ о ея кре-

¹⁾ Тимоѣевъ высказываетъ мысль, что самозванецъ былъ посланъ Богомъ именно для наказанія Бориса: „не только сей на ны, елико оного властолюбца поразити страхомъ пущенъ бысть, суду на неправеднаго пришедшу праведну“ (Ркп. Флориц. пустыни, л. 157).

²⁾ Имени этого вельможи во Временникѣ нѣтъ. Въ Повѣсти Катырева-Ростовскаго читаемъ, что самозванецъ „Ксенію повелѣть отъ смерти соблюсти и въ дому князя Василья Мосальсково повелѣть ей пребывать“ (Изборникъ А. Н. Попова, стр. 292.—*Карамзинъ* зналъ это извѣстіе по компилятивному Морозовскому Лѣтописцу: Ист. Гос. Росс. XI, прим. 348).

³⁾ „Тогда сію не брегому (говоритъ авторъ о Ксеніи-монахинѣ) и мелчайшіи чади многи обгляда око, и оттуду на лѣта къ болшему безчестію продолжися животъ ея дажъ и до четвертаго по отцы царюющаго... И отъ мѣста на мѣсто, и отъ лавры въ лавру она превожденіе подъя. И до толма безславія жизнь ея протяжеса, яко и до еже егда всему царску граду объяту отъ противныхъ и во облянїи бывшу, въ немъ той съ прочими затворени,—всякаго безчестія скудость и нужду претерпѣти, дажъ и до сего, яко и иноплемныхъ языкъ самыхъ враговъ отца ея ту уничижене руки осызаша. Прочее же помолчу: елико въ царствїяхъ превзятыхъ высоты достиже, множае въ нижайшихъ безчестія всякаго... И да никто же, иже отъ здѣ глаголь, сопротивно нѣкое тоя чистотѣ възнепщуетъ, еже бы по изволенію ея: не буди то, развѣ насилія многа“... (Ркп. Флориц. пустыни, лл. 162 об.—163 об.). Хотя эти показанія не идутъ далѣе намѣковъ, но они представляются намъ довольно любопытными.

⁴⁾ Объ Аѳ. Власьевѣ находимъ у Тимоѣева такой отзывъ: онъ говоритъ что Марина Мишечкѣ „въ царскій градъ приводится нѣкоимъ отъ синклитъ станиникомъ его Власовымъ Оеонасомъ, всяко челоувкоугодно ему отъ сердца и душа послужившу чести ради гнилыя... Приведый же сію тайно глагольникъ его Аѳонасъ отъ пославшаго его санъ пѣкїй паче достоянїя своего и имени сугубыя

щеніи, церковный соборъ, уstraшенный участію Іова и прельщенный самозванцемъ, потворствовалъ желаніямъ Лжедимитрія. Лжедимитрій вѣнчался съ Мариною, не крестивъ ея въ православіе.

Дѣятельность самозванца во время его правленія Русью Тимоѳеевъ рисуется самыми общими чертами и относится къ ней съ рѣзкимъ осужденіемъ. Лжедимитрій „ничимъ тогда мнѣ самого антихриста“ казался русскимъ людямъ. Онъ оскорблялъ народъ въ его вѣрованіяхъ и обычаяхъ; онъ разрушалъ порядокъ въ государствѣ, раздавая чины „ради студныхъ дѣлъ“; онъ истощалъ для удовольствія поляковъ несмѣтныя сокровища древней царской казны. Хотя его окружала сильная стража и онъ наводилъ на всѣхъ страхъ, убивая и заточая обличающихъ его людей,—тѣмъ не менѣе противъ него удачно былъ составленъ заговоръ и самозванецъ скоро погибъ со всѣми близкими къ нему поляками ¹⁾.

По словамъ Тимоѳеева, русскіе люди надѣялись, что со смертію Лжедимитрія наступятъ спокойные дни; но Богъ, погубивъ самозванца, „сохранилъ“ для наказанія Руси лютейшія бѣды. Убіеніемъ Лжедимитрія, бывшаго орудіемъ поляковъ, москвичи возбудили вражду Польши: „всю землю ихъ сами на ся симъ восколебахомъ“, говоритъ авторъ о своихъ современникахъ. Въ сильныхъ чертахъ изображая картину разоренія, постигшаго Русь послѣ перваго самозванца, Тимоѳеевъ высказываетъ убѣжденіе, что тяжелыя испытанія посланы Богомъ на русскихъ людей ради ихъ тяжелыхъ прегрѣшеній. Разсужденіе о томъ, „отъ кихъ разліяся грѣхъ земля наша“, составляетъ у Тимоѳеева какъ бы вступленіе въ пятую главу, содержащую въ себѣ разсказъ о всей позднѣйшей смутѣ. По мнѣнію автора, невозможно и перечислить всѣхъ пороковъ русскаго общества. Главнѣйшими считаетъ онъ клятвопреступленіе и мздоимство, честолюбіе и

чести предложеніе не въ лѣтоту пріять. Всѣхъ сокровищныхъ царскихъ добротъ властохранителя надо всѣми того постави, вся царская ему вручи хранилища.... И предходатая его сотвори себѣ напоследокъ, иже втораго чина боярска ступающа съ съ прочими предъ лицемъ лжецаря“ (Ркп. Флорищ. пустыни, лл. 164 об.—165 об.). При Лжедимитрія Ае. Васильевъ былъ въ околничихъ и именовался „Potscarbi nadworny i secretarz wielki“ (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 93, стр. 210).

¹⁾ Судьба Разстриги напоминаетъ Тимоѳееву „Притчу о царевѣ сынѣ римскомъ, иже пострижеса и паки иноческій образъ попра: разстригнися, восхотѣ совокупитися браку“. Эта притча внесена въ конецъ четвертой главы Временника (Ркп. Флорищ. пустыни, лл. 188—191); она повѣствуетъ о страшной гибели царевича, презрѣвшаго иноческіе обѣты, и не заключаетъ въ себѣ никакихъ историческихъ чертъ.

оскудѣніе любви къ ближнимъ, роскошь и нравственное растрѣніе вообще. Православная Русь ничѣмъ не отличается отъ еретическихъ странъ: „единѣмъ точію лучши сихъ явихомся, еже ко иконамъ поклоняемую въ себѣ имяхомъ почестъ и еже не соизволяемъ съ ними преданія намъ посты разорити“. Справедливымъ поэтому наказаніемъ Руси были такіе люди, какъ Борисъ и Лжедимитрій; заслуженнымъ было и то страшное разореніе, какое наступило послѣ нихъ.

Этому разоренію посвящена пятая, самая обширная глава Временника ¹⁾. По сравненію съ предыдущими главами, она представляется гораздо менѣе обработанною и интересною. Тимоѣевъ самъ сознается, что, сидя въ Новгородѣ, онъ могъ только по слухамъ узнавать о событіяхъ, происходившихъ въ Московскомъ государствѣ при царѣ Василии Шуйскомъ и во время московскаго разоренія. О многомъ, какъ напримѣръ, объ освобожденіи Москвы, онъ и вовсе не рассказываетъ. Всего внимательнѣе относится онъ къ новгородскимъ дѣламъ; но и о нихъ говорить не всегда обстоятельно и ясно. При такомъ характерѣ изложенія, мы можемъ извлечь изъ заключительной главы Временника сравнительно немногія любопытныя мелочи и частности.

Начинается пятая глава рассказомъ о воцареніи князя Василя Шуйскаго, къ которому Тимоѣевъ относится очень дурно. По его мнѣнію, Шуйскій самозванно сѣлъ на престолъ помимо согласія народа и патріарха. Виновникомъ его воцаренія былъ Михаилъ Татищевъ. Онъ первый провозгласилъ князя Василя царемъ, но этимъ ничего не достигъ лично для себя ²⁾. Царь Василій послалъ его на

¹⁾ Ркп. Флориц. пустыни, лл. 192—312.

²⁾ Вотъ какъ описано во Временникѣ воцареніе Шуйскаго: „Безъ Божія, мню, его избранія же и благоволенія свѣдша, ниже по общаго всеа Русіи градовъ людскаго совѣта себѣ составляша; но самозвольне и единѣмъ нѣкимъ присоединившимся ему сложеніемъ въ мысль, напрасивъ въ дѣлѣхъ и словесѣхъ, волкохитивъ лжесилентіаромъ, иже отъ перваго рабочнаго въ Росіи царя Бориса богопротивное ему нѣкае тайнослуженія угожденіе не свойственное ниже достойне въ синклитства чинъ нововводнаго, худородна же по всему Михаилка Татищева. Прже бо нѣкогда оному первоглаголанному Василю, о немъ же здѣ слово, даже и до рукобенья всеродно той досажда, миролюбообладателю первоцарю своему Борису чести ради сына полученія си тому угожда, оного же Василя всеродна безчестя. Сея онъ предваршія ради своая вины ему льстивне гонзнути хотя, и обаче не получи: оному препоманутому Василю на великую Росію всю безъ воля всеа земля люди по случаю нѣкоему спѣшне, елико возможе того скоростъ, отъ ту сущихъ токмо иже въ царствія и градъ людій, безъ прекословья всякого отъ него нарещися первѣе во своемъ ему дворѣ, по-

службу въ Новгородѣ, и недовольный Татищевъ сталъ мыслить зло на своего же избранника: „моцень мянцеса того и низвергнути“. Однако раньше чѣмъ онъ успѣлъ что-либо предпринять, онъ былъ утопленъ новгородцами. Но немногимъ позже сверженъ былъ и самъ Василій; такимъ образомъ оба они кончили неудачно. „Такова бо високоумныхъ и самомудрыхъ гордоустцовъ кончпна“, замѣчаетъ Тимошеевъ.

О правленіи Шуйскаго авторъ говоритъ очень рѣзко: онъ обвиняетъ его въ безнравственности, жестокостяхъ, расточительности и даже чародѣйствѣ¹⁾. Его именно считаетъ онъ виновникомъ даль-

томъ же и поставитися царю. Ниже первопрестолнѣйшему нареченію его повѣсти, да не противословіе кое въ людѣхъ будетъ, но яко просталюдина тогда святителя виѣни, токмо послѣди ему о немъ изъяви. Колико можаше той безстудствомъ сія тому сотворити, никому же ему смѣюшу возбранити, ли прекословити въ таковѣ превеліи дѣлеса“ (Ркп. Флорищ. пустыни, лл. 192—193 об.). О роли М. И. Татищева въ переворотѣ 1606 г. говорятъ намъ и другіе источники (*Устрялова* Сказанія современниковъ о Дмитріи самозванцѣ, изд. 3-е, I, стр. 300—301; II, стр. 163, 168, 236; также *Historica Russiac Monumenta*, II, p. 118.—Сказанія Массы и Германа, стр. 232); но о вліяніи Татищева на воцареніе Шуйскаго намъ извѣстій не встрѣчалось.

¹⁾ „Нечестивъ всяко и скотолѣпъ, царствова во блудѣ и пѣнствахъ и кровопролитіихъ неповинныхъ кровей, къ симъ же и во враждахъ богомерскихъ, ими же мня ся во царствіи утвердити. Сего ради паче царство его малолѣтно пребысть. Аще и перводержавнѣйшимъ сроденъ бѣ, но ничтоже успѣ тому тѣхъ сродство ко еже царствію утверженію, неблагочестивне живущу, остава Бога, къ бѣсомъ прибѣгая. Но и жилища симъ собою въ царскихъ кровѣхъ въ присное пребываніе тайно устрои ради непрестаемаго съ ними нощію и днѣи обаяніи чародѣяніи творенія, иже чюже таковая христیانомъ, неже царю. Яко же и преже сего: егда онъ въ синглитствѣ бивъ,—израденъ въ прочіихъ сверстницѣхъ сточныхъ ему, первосовѣтникъ и предъказатель въ соборѣ всего синглита о земныхъ вещьхъ управляемыхъ всѣхъ. Егда жъ страстемъ плотскимъ безумно приплетеса, тогда и умомъ срастлися“ (Ркп. Флорищ. пустыни, лл. 193 об.—194 об.). „Предивныхъ царскихъ презрядныхъ и предрагихъ вещей, отъ многъ лѣтъ собранныхъ, сихъ всѣхъ добротъ онъ расточитель и искоренитель бѣ, соими же ся возлюбѣ. Сего ради не мощи его нареци по истинѣ царя, зане мучителски правяща власть, неже царски. Суди ему Боже по дѣломъ его!“ (л. 195 об.). „До сего убо онъ, растрлитый умомъ, мнимый царь по себѣ предваршихъ царей исполненыя до верха царскія сокровищныя хранилища истоши, яко уже ему сими его скотскому житію не довѣтися. Но яко нечестивъ, и освященнымъ сосудомъ въ соборѣхъ и по святымъ лаврѣскимъ мѣстомъ всѣхъ градовъ своего владычества, иже преже бывшихъ царей съ роды вданная по душахъ ихъ въ вѣчную память,—сія онъ къ потребѣ своего студожительства въ сребреницѣхъ разліати не устыдѣся, извѣтъ творящу, яко бутто воинномъ раздаянію лѣтняго ихъ

нѣйшихъ междоусобій ¹⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ автора тревожитъ мысль: не совершили ли русскіе люди тяжелаго грѣха, самовольно сведя Шуйскаго съ царства? не оскорбили ли они святости сана, снявъ его хотя бы и съ грѣшнаго человѣка? Авторъ сознаетъ, что сверженіе Шуйскаго не прекратило междоусобій и разоренія, а подчинило Русь иноземцамъ-еретикамъ и ввергло ее въ сильнѣйшія бѣдствія. Упомянутое объ этихъ бѣдствіяхъ увлекаетъ автора къ личнымъ воспоминаніямъ. Онъ передаетъ свои собственные впечатлѣнія отъ смуты (мы ихъ коснемся ниже) и рассказываетъ кое-что о самомъ себѣ (этимъ мы уже воспользовались въ біографическихъ замѣткахъ о Тимоѣевѣ). Возвращаясь къ своему разсказу, авторъ даетъ затѣмъ рядъ отдѣльныхъ очерковъ и характеристикъ, плохо связанныхъ между собою и не представляющихъ цѣльной картины смуты. Въ нихъ онъ чаще всего повѣствуетъ о новгородскихъ дѣлахъ; начинаются же эти очерки статью о воровскихъ таборахъ.

Винникомъ появленія втораго самозванца и Тушинскихъ таборовъ Тимоѣевъ считаетъ короля Сигизмунда. Види нестроенія въ Руси при Василии Шуйскомъ, король задумалъ воспользоваться ими и послалъ на Москву свои войска, „соединивъ свое злоуміе о насъ съ несвященнымъ и лжепапою, оскверняющимъ Римъ“. Въ польскихъ войскахъ оказался и новый самозванецъ, который выдавалъ себя за перваго Лжедмитрія. Скудоуміе заставляло нѣкоторыхъ отнестись съ довѣріемъ къ ложному царю. Другіе же шли къ самозванцу въ Тушино, вовсе не вѣря въ него, ради полученія „сановъ“ и „безтрудоунаго богатства“,—такъ низко, по мнѣнію автора, пали многіе русскіе люди. Слѣдствіемъ такого раздвоенія русскихъ людей между царемъ Василиемъ и воровъ было страшное междоусобіе. Измѣнники непременно желали захватить Москву и такъ стѣснили ее

урока ради; истовый ихъ весь урокъ, на то отлучены предваршими цари, вся сребреницы преже блуднически изжившу“ (л. 196—196 об.).—Сравни. Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 198, и П. Собр. Р. Лѣт., V, стр. 57. Авторъ Хронографа 2-й редакціи несочувственно относится къ такой оцѣнкѣ В. Шуйскаго, какую высказываетъ Тимоѣевъ; напротивъ, Псковскій сказатель близко къ ней подходитъ. Этотъ послѣдній, такъ же какъ и Тимоѣевъ, упрекаетъ Шуйскаго въ его несвоевременной женитьбѣ.

¹⁾ „Его же скоропоманіемъ (говоритъ Тимоѣевъ о Шуйскомъ) вси людіе о немъ предкнущася, и сего ради... возвижъ на ся ненависть. Оттуду бо по первыхъ въ Руси все зло начало пріятъ и нача много въ земли рожатися зло“ (Ряц. Флорищ. пустыни, лл. 208 об.—209).

и въ то же время такъ разоряли все государство, что даже иностранцы жалѣли о судьбѣ Руси. Ожесточеніе русскихъ измѣнниковъ доходило до того, что сами поляки удивлялись ему и наказывали наиболѣе свирѣпыхъ изъ нихъ ¹⁾. Царь Василій былъ запертъ измѣнниками въ Москвѣ и не могъ ничего предпринять противъ нихъ, потому что „не толико бѣ люди со царемъ остало во градѣ, елико лжецарю приложиша“. Тушино могъ уничтожить только М. В. Скопинъ-Шуйскій; но и послѣ паденія Тушинскихъ таборовъ измѣнники и поляки продолжали разорять землю. Они столько принесли вреда Руси, что его нельзя исчислить одному писателю: „книга особъ каждому мѣсту можетъ быть“, говоритъ Тимоѣевъ.

Обращаясь затѣмъ къ описанію дѣятельности князя Скопина-Шуйскаго, авторъ подробно рассказываетъ извѣстный по Новому Лѣтописцу эпизодъ бѣгства изъ Новгорода Скопина и Татищева ²⁾. Въ повѣствованіи Тимоѣева находимъ новыя черты, не лишеныя интереса. Онъ объясняетъ намъ, прежде всего, причины тайнаго отъѣзда Скопина, которыя не вполне объяснены въ Новомъ Лѣтописцѣ. Главная роль во всемъ этомъ дѣлѣ принадлежала „мздоимному“ Михаилу Татищеву: напуганный псковскимъ мятежемъ, происшедшимъ въ первые дни сентября 1608 года ³⁾, и боясь принять ту же участь, какъ воеводы во Псковѣ ⁴⁾, Татищевъ уговорилъ „презязнаго рачителя къ мірови“ Скопина выйти изъ Новгорода. Въ этомъ ему по-

¹⁾ „Роженный рожшаго и сопротивне воспятъ (то-есть: и обратно), неже самобратная и далечне и чюднѣи по роду никакоже себе пощаждѣвающе, но яко иновѣрни убивахуса безъ милосердія отъ крайня лютости, ниже вѣру, ниже сродство си во умъ пріемлющимъ, и яко самимъ противнымъ, иже на се пришедшимъ, зельость онѣхъ къ сроднымъ имъ зраче дивитися“. Такъ говоритъ авторъ о русскихъ измѣнникахъ и замѣчаетъ: „кровь родительну незаконно убивающимъ чюднѣи отищеваху и неотложно къ будущему побивателей отсыллающе: жестоты сихъ и суровства къ родителямъ ихъ страннѣи зрѣти не терпячу“ (Ркп. Флорищ. пустыни, лл. 229 об.—230, л. 232). Въ этихъ показаніяхъ Тимоѣевъ сходится съ Авр. Палицынымъ (Сказаніе, изд. 2-е, стр. 37—38). И вообще его рассказъ о смутѣ при Шуйскомъ напоминаетъ извѣстную шестую главу Сказанія Палицына.

²⁾ Нак. Лѣт. VIII, 106—108.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 144—146.—Нов. Лѣт., 97—99.

³⁾ П. Собр. Р. Лѣт., IV, 325; V, 67.

⁴⁾ П. Собр. Р. Лѣт., V, 67: „и похваташа воеводъ, всадиша въ темницу“. По словамъ Тимоѣева, Татищевъ и его друзья „народа множествомъ людіи еже убити, ли связанемъ въ Плесковъ имъ къ настающему тогда мучителю лжецарю отвестися,—сего бояхуса“ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 239).

могъ и товарищъ его дьякъ ¹⁾). Подъ ихъ вліяніемъ черезъ недѣлю послѣ псковскаго бунта, именно 8-го сентября, Скопинъ бѣжалъ изъ города тайно, перелѣзши стѣну, „черезъ оплотъ мелющія хитрости“. Съ нимъ ушелъ и Татищевъ и еще нѣсколько „воиновъ“, захвативъ городскую казну. Выбравшись изъ города, бѣглецы прислали сказать новгородцамъ, что пошли въ Иванъ-городъ нанимать нѣмецкое войско. Истинную же причину бѣгства Татищевъ открылъ одному изъ своихъ пріятелей только по возвращеніи своемъ въ Новгородъ. Солгавъ передъ новгородцами, бѣглецы, однако, и на самомъ дѣлѣ пошли къ Иванъ-городу. Тамъ ихъ не приняли бы, ибо городъ этотъ возсталъ уже противъ царя Василія. Но Скопинъ не дошелъ до Иванъ-города: со своими спутниками сталъ онъ блуждать „по непроходнымъ стремнинамъ и пропастямъ“, не зная, что предпринять, и многіе спутники покинули его здѣсь. Они унесли отъ него казну, возвратились въ Новгородъ и рассказывали тамъ о приключеніяхъ Скопина, тогда какъ самъ Скопинъ рѣшился искать пристанища въ Орѣшкѣ. Но воевода, бывшій въ Орѣшкѣ ²⁾, поносилъ его, смѣялся надъ бѣглецами и грозилъ, „веригами обложивъ тѣхъ, предпослати“ къ царю. И только Татищевъ успѣлъ укротить его, благодаря своему съ нимъ родству („за соплемянное“, какъ выражается Тимоѣевъ). Между тѣмъ, новгородцы смутились, узнавъ, что Скопинъ не на время только, но и вовсе покинулъ ихъ. Послѣ долгихъ волненій, подъ вліяніемъ знатныхъ и богатыхъ гражданъ и митрополита, новгородцы рѣшили просить Скопина о возвращеніи и отправили къ нему посольство съ грамотою. Тогда Скопинъ и Татищевъ вернулись въ Новгородъ „водопутными посилы“ и были торжественно встрѣчены всѣмъ городомъ. Они, однако, не покаялись предъ народомъ и не открыли ему настоящей причины своего бѣгства. Таковъ рассказъ Тимоѣева, под-

¹⁾ „Созволяетъ же и способствуетъ того совѣту и отъ втораго чина самописчій нѣкто, иже сосоходенъ злохитрому оному (то-есть, Татищеву) во злобныхъ нравѣхъ и собесѣдливъ, паче же по лукавству свойственъ. Бяку бо тогда ему свѣтли дни живота его, тайнаго ради послуженія законопреступнаго и еже за сродныхъ времеи приближенія, честію малемъ не точенъ злохитрому за тайное ко царю языковредіе“ (Ркп. Флорнц. пустыни, л. 238—238 об.). Тимоѣевъ не называетъ этого самописчаго по имени. Но изъ Новаго Лѣтописца узнаемъ, что „князь Михайло жъ совѣтовалъ съ Михайломъ Татищевымъ, да и зъ дьякомъ съ Ефимомъ Телепневымъ“ (Ник. Лѣт. VIII, 107.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 144.—Нов. Лѣт., 98).

²⁾ „Въ Орѣшкѣ же въ тѣ поры воевода Михайло Салтыковъ“ (Ник. Лѣт., VIII, 107.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 144.—Нов. Лѣт., 98).

тверждающій и дополняющій показанія Новаго Лѣтописца. Тимоеевъ, какъ и авторъ Новаго Лѣтописца, не винитъ ни въ чемъ самого Скопина. Онъ представляетъ его жертвою лукаваго Татищева и весьма удовлетворительно объясняетъ, какія причины заставляли „мздоимнаго“ Татищева стараться о скорѣйшемъ отлѣздѣ изъ Новгорода ¹⁾).

Передъ Скопинымъ же Тимоеевъ благоговѣтъ. По его словамъ, князь Михаилъ „аще и юнъ сый тѣломъ, по многолѣтну стяжа ума крѣпость“. Только его талантомъ и счастьемъ Москва могла освободиться отъ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ. И сами поляки, побѣжденные имъ, не могли не признать его рѣдкихъ достоинствъ и желали, чтобы у нихъ явился королемъ такой же человекъ, какъ Скопинъ ²⁾. Что же касается до русскихъ людей, то они прямо смотрѣли на князя Михаила, какъ на помазанника Божія. Народная любовь къ Скопину вызвала со стороны его родныхъ чувство зависти, и онъ былъ „смертнымъ узвемъ ядомъ“. „Сказуютъ нѣщцы, прибавляетъ авторъ: носяй вѣнецъ стрый его виновенъ бѣ“. Главнаго подвига Скопина — похода къ Москвѣ и ея освобожденія — Тимоеевъ, однако, не описываетъ на томъ основаніи, что, оставаясь въ Новгородѣ, онъ не былъ очевидцемъ этого. Онъ рассказываетъ только, что Скопинъ выступилъ изъ Новгорода 25-го мая 1609 года, въ день Вознесенія ³⁾ и что новгородцы торжественно проводили его: „до внѣ града и вдаль съ хлѣбопровожденни почтоша“ ⁴⁾.

¹⁾ Показанія Тимоеева вполне оправдываютъ догадки В. С. Иконникова о роли Татищева въ бѣгствѣ Скопина („Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій“ въ *Чтеніяхъ съ Ист. Обществъ Нестора Лѣтописца*, кн. I, Кіевъ. 1879, стр. 121).

²⁾ Тимоееву объ этомъ сообщили русскіе люди, слышавшіе это отъ поляковъ: „Намъ тезовѣрніи сказаша, ото онѣхъ (то-есть, поляковъ) се слово пріемше, иже съ ними въ сооружествѣ на ны бывшеи, яко сопротивніи нѣкогда нѣгдѣ глаголаше имъ: аще возможно бы, яко да имъ всеми таковой юноша кралствуетъ достоинъ, рѣша“ (Ркп. Флорищ. пустыни, лл. 253 об.—254).

³⁾ „117-го круга лѣту . . . маія каландъ двадесять пятахъ . . . четвертка день Спасенаго Вознесенія“, — такъ опредѣляетъ авторъ день выступления Скопина въ походъ (въ 1609 г. день Вознесенія приходился дѣйствительно на 25-е мая. *Горбачевскаго Археогрѣвич. Календарь*, табл. 26). В. С. Иконниковъ на основаніи грамотъ принимаетъ иную дату — 10-го мая („Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій“ въ *Чтеніяхъ съ Ист. Обществъ Нестора Лѣтописца*, кн. I, стр. 128).

⁴⁾ Предъ рассказомъ о походѣ Скопина во Временникѣ вставлены двѣ статьи. Въ одной Тимоеевъ скорбитъ о томъ, что въ смуту „отъ нечестивыхъ“ упразднили „великотаинственная вся святодѣйствія канолическія церкви“: крестные ходы, водоосвященія, омовеніе ногъ, омовеніе мощей, пещное дѣйство и др. Въ

Отъ Скопина авторъ переходитъ къ другому герою смуты, патриарху Гермогену, и даетъ краткую и витіеватую характеристику его дѣятельности. Когда Москва окончательно попала во власть поляковъ и измѣнниковъ, Гермогенъ крѣпко вооружился противъ нихъ своимъ пастырскимъ словомъ¹⁾. Но синклитъ царскій, несмотря на увѣщанія патриарха, предался врагамъ, и главные измѣнники, Салтыковъ и Андроновъ, сѣумѣли склонить и бояръ и самого Гермогена на избраніе въ цари Владислава. Такимъ образомъ, по представленію Тимоѣева, патриотическая дѣятельность патриарха была безплодна и не спасла Руси отъ господства поляковъ²⁾.

Статьею о Гермогенѣ прекращается сколько нибудь связанное изложеніе событій во Временникѣ. Далѣе у Тимоѣева слѣдуетъ „Лѣтописецъ вкратцѣ“, содержащій въ себѣ сокращенное обозрѣніе всего того, о чемъ рассказывалъ авторъ выше. Обширное вступленіе къ этому Лѣтописцу придаетъ ему характеръ самостоятельнаго произведенія, какъ бы попытки вновь передѣлать подробный Временникъ. Въ Лѣтописцѣ однако не находимъ ничего новаго сравнительно съ Временникомъ. Любопытно только вступленіе, дающее нѣсколько показаній о самомъ авторѣ; ими мы уже воспользовались. Окончивъ изложеніе своего Лѣтописца временемъ царя Шуйскаго, Тимоѣевъ приписалъ ко нему двѣ отдѣльныя статьи „о крестномъ цѣлованіи Владиславу“ и „о вдовствѣ Московскаго государства“. Въ первой изъ

другой рассказывается, что воры, пришедшіе въ началѣ рождественскаго поста 1608 г. подъ Новгородъ и стоявшіе на Хутыни, неожиданно бѣжали оттуда 11-го января 1609 г. Это бѣгство Тимоѣевъ приписываетъ чудотворенію преп. Варлаама Хутынскаго. Ясно, что этотъ рассказъ Тимоѣева, любопытный только хронологическими показаніями, долженъ относиться къ шайкамъ Кернозицкаго, о которыхъ обстоятельно повѣствуетъ Новый Лѣтописецъ (Ник. Лѣт., VIII, 108—109.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 146—147.—Нов. Лѣт., 99—100).

¹⁾ „Онъ на сихъ (говоритъ авторъ о патриархѣ) крѣпце храбрства. Языкомъ единомъ томо со усты, яко мечемъ, противныя немилостивне постѣкая и падати тѣхъ безъ отвѣты предъ ногама си сотворяя; богоотступныхъ же, яко идоловъ бездушныхъ возгнушався, отвращая“ (Ркп. Флориц. пустыни, л. 267—267 об.).

²⁾ Текстъ статьи о Гермогенѣ во Временникѣ нѣсколько испорченъ переписчикомъ и несомнѣнъ понятенъ. Въ концѣ статьи читаемъ, что измѣнники „преже ласканми, потомъ же прещенми къ воли своей неволею привлекоша (кого привлекли: весь ли синклитъ, или въ частности Гермогена, понять трудно) во еже къ тѣхъ повинутію на иже Російскія вся скипетры извѣтомъ Жлгимонта, латыномъ краля сына, сыну его Владиславу вдатися“ (Ркп. Флориц. пустыни, л. 268—268 об.).

нихъ авторъ весьма невразумительно рассказываетъ о томъ, что грамота, по которой должно было цѣловать крестъ королевичу, сперва была составлена какимъ-то дьякомъ; но затѣмъ два властолюбца измѣнника передѣляли эту грамоту по своему „во угожденіе по всему варваромъ“ (то-есть, полякамъ) ¹⁾. Последняя же статья заключаетъ въ себѣ двѣ „притчи“ о разореніи Московскаго государства, въ которыхъ авторъ сравниваетъ безначальную Русь съ домою, гдѣ умеръ хозяинъ и безчинствуютъ рабы. За притчамъ, мало интересными, слѣдуютъ заключительныя строки всего произведенія.

Авторъ задумывается снова надъ вопросомъ: почему такъ страдаетъ въ смутахъ Русская земля. Ему кажется, что недостатокъ единенія въ русскихъ людяхъ помогаль врагамъ разорять землю и мѣшатель русскимъ успѣшно бороться со зломъ. По мнѣнію Тимоеева, русское общество издавна не имѣло „мужественной крѣпости“, чтобы „многолюднаго собранія ликъ составить къ возбраненію на неугодно нѣкая Богови и человекомъ, иже что нововводно и чрезъ законы бываемо“. Если и составлялся такой „собранія ликъ“, то въ немъ, — какъ то было при Борисѣ и Разстригѣ, при господствѣ поляковъ и шведовъ, — являлись трусы и доносчики, губившіе дѣло. Плодомъ этого была всеобщая подозрительность; въ русскихъ людяхъ „вогнѣздался педугъ“ взаимнаго недовѣрія. „Мы другъ друзѣ любовнымъ союзомъ растояхомся“, говоритъ Тимоеевъ, — „къ себѣ каждо насъ хресты обращаемся: овѣи къ востоку зрять, овѣи же къ западу. Но сія наша разность многу на ны врагомъ нашимъ подаде крѣпость“. Если враги разорили Русь, то не они одни въ этомъ виноваты: „не чюждїи земли нашей разорители, но мы есмы сами той потребители“, заключаетъ авторъ ²⁾.

Бросая затѣмъ общій взглядъ на исторію смуты, составляющую главный предметъ Временника, Тимоеевъ касается и окончанія смутнаго времени, о которомъ ничего не говорилъ въ своемъ изложеніи. Кратко упоминаетъ онъ объ освобожденіи Москвы „малеми

¹⁾ Неизвѣстно, какую грамоту разумѣетъ здѣсь Тимоеевъ: договоръ ли, заключенный съ Жолкѣвскимъ (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 199), или крестоцѣловальную запись (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 203. — Акг. Арх. Эксп. II, № 164). О дьякѣ, писавшемъ грамоту, онъ говоритъ только: „ему же имя благодата“ (то-есть, Іоаннъ?). О двухъ властолюбцахъ онъ также не сообщаетъ ничего опредѣленнаго. II вообще весь эпизодъ представляется намъ совершенно непонятнымъ; въ другихъ источникахъ ни на что подобное нѣтъ и намека.

²⁾ Ркп. Флориц. пустыни, лл. 299 об.—303 об.

останцы людїи“ и переходитъ къ „триличному царствїю“ Михаила Теодоровича, слагая похвалу какъ самому молодому царю, такъ и его родителямъ, патриарху Филарету и инокъ Марѳѣ. Наконецъ, онъ заключаетъ свое изложеніе просьбою къ читателямъ исправить недостатки его труда.

Таково содержаніе Временника Ивана Тимоѳеева. Стараясь передать его въ той послѣдовательности, какою держался самъ авторъ, мы имѣли въ виду показать читателю между прочимъ и то, насколько отсутствуетъ система въ изложеніи Тимоѳеева. Если хронологическій беспорядокъ въ группировкѣ фактовъ допускался иногда авторомъ съ цѣлью доказать разновременными примѣрами ту или другую мысль, то съ другой стороны на отсутствіе послѣдовательности вліяло и то, что Тимоѳеевъ написалъ свое произведеніе не сразу, а въ разное время. Доказательства этого разсѣяны по всему Временнику. Самъ авторъ говоритъ, что началъ писать еще въ Новгородѣ, находясь въ шведскомъ плѣну. Мысль изложить на бумагѣ пережитыя впечатлѣнія явилась у него тотчасъ послѣ взятїя Новгорода шведами. Видя разореніе своего города, Тимоѳеевъ, по его собственнымъ словамъ, ходилъ, „яко изступивъ умомъ, изгубленіе таковое граду мысля“. Тогда уже въ немъ явилось желаніе записать не только бѣдствїя Новгорода, но и всей земли ¹⁾. Однако скромность долго мѣшала ему выступить въ роли писателя, пока не понудилъ его къ этому митрополитъ Исидоръ. Бесѣда автора съ митрополитомъ, намъ уже извѣстная, происходила, насколько мы можемъ судить, въ концѣ новгородскаго плѣна, и если Тимоѳеевъ принялся за свой Временникъ послѣ нея, то мы имѣемъ полное право относить начало его Временника къ 1616 году или же къ началу 1617 года ²⁾. Во всякомъ случаѣ, Тимоѳеевъ началъ писать до освобожденїя Нов-

¹⁾ Ркп. Флорш. пустыни, л. 211—218.

²⁾ Авторъ такъ опредѣляетъ время этой бесѣды: «Внегда убо хъ концу грядише время лѣтъ, иже отъ нечестивыхъ намъ на долзѣ во множествѣ бѣдѣ ими дѣемая вражда, и аще ожидахомъ градови сему всичаемыя свободы, еже... царя Михаила посланными его на мѣстѣ нѣкоемъ совѣщаннѣмъ съ нечистыми о соглашенїи мирнѣ...» (Ркп. Флорш. пустыни, л. 277—277 об.—Библиола. Словарь *Стрѣова*, стр. 270). Изъ Москвы для переговоровъ со шведами послы кн. Д. И. Мезецкій и А. Зюзинъ были отпущены въ 7124 (1616) году „послѣ Свѣтлаго Воскресенья на шестой недѣлѣ“, то-есть, въ началѣ мая (Дворцовые Разряды, I, 227.—*Горбачевскаго* Археографич. Календарь, табл. 10). Отсюда ясно, что Тимоѳеевъ могъ начать свое произведеніе уже лѣтомъ 1616 года.

города, которое произошло въ мартѣ 1617 года. Онъ рассказываетъ, что при шведскомъ господствѣ, боясь и враговъ и своихъ людей, онъ писалъ тайно, сколько могъ и какъ могъ; исправить же написанное онъ надѣялся впоследствии ¹⁾. Мы можемъ даже сказать, съ большою вѣроятностью, что большую часть Временника успѣлъ онъ написать именно въ Новгородѣ. Во всѣхъ пяти главахъ Временника, до „Лѣтописца вкратцѣ“, находятся такія черты, которыя свидѣтельствуютъ, что авторъ писалъ до 1617 года и до окончанія войнъ Москвы съ поляками и шведами въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича ²⁾. Напротивъ, читая „Лѣтописецъ вкратцѣ“ и

¹⁾ „Моего же скудоумнаго сего составленія писательство (говорить о своемъ трудѣ Тимоѳеевъ) совокупленіемъ не купно бѣ; но другъ друзѣмъ разстоящяся по всему, яко плотовидна несоставне вкупѣ многоразная удеса хартейныхъ членовъ, или яко новоскроена нѣкая риза, купно же не сошвена, ли распалася отъ ветхости: пже за страхъ тогда не сподобилася исправленію и въ сличное сочетаніе по чину совокупленія, плѣножительнаго ради во градѣ обдержанія, иже не свободне нашего во страхѣ пребыванія и хартейныя отъ изнуренія въ затворѣ скудости, неже тѣлесныхъ потребь. Но яко же въ безсловесныхъ волѣ затворенъ и утанвса всѣхъ, отъ затвора испедѣ, пажить малу обрѣтъ, во глэдъ срываеть, не избирая, траву, токмо еже бы ему утробу наполнити, обзираея обьямо всюдѣ во ужасѣ, да не узрится ниже увѣсто будеть стяжавшимъ и. Тако ми и о тайнописаніи, въ туждихъ сущу, невольное разумѣи: зѣло бо въ скривленія уденіемъ частаго отъ мѣста въ мѣсто преношенъя противныхъ страхомъ въ смерти чаяніа то сокрывахъ. И самѣхъ темномѣсть безгласнѣхъ, иже та въ себѣ таящихъ, яко чюствена отъ нихъ провѣщанія бояхся, да не проглаголють ли, мняхъ си, ниже кому повѣдать о сихъ, иже на имя. П не точію тѣхъ, иже градъ враждебно, яко зміеве своими зубы. держащихъ, но сихъ множество и своевѣрныхъ, враждующихъ ми, страхахся, иже присѣдять о насѣ тайно въ ловительхъ ко еллиномъ. Ловять бо и убиваютъ, яко левъ во оградѣ, сиче они во дни и въ ноци христیانомъ душа съ тѣлесе неповинныа. Нынѣ же, егда отгуду свободи ны Господь Богъ и Царь нашъ, Его же отъ явка рабы вси есмо убо Божією благодатію, въ прочее, аще живи будемъ и обрящемся возможны, начнемъ о исправленіи предваршихъ своихъ писаній скривати стезя премудрыхъ и ударяти во двери могущихъ, по премудрому словеси“ (Ркп. Флорищ. пустыни, лл. 218 об.—220). Изъ этого невольнаго яснаго отрывка видно однако, что Тимоѳеевъ началъ свой Временникъ въ Новгородѣ при шведскомъ господствѣ, то есть до 1617 года.

²⁾ Такъ авторъ не разъ даетъ понять, что въ то время, когда онъ писалъ, смута еще не кончилась; онъ даже молитъ Бога о ея окончаніи и спасеніи Руси (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 16 об., л. 191 об.). О Литвѣ и Польшѣ говоритъ онъ, что съ ними „и донхѣ“ идетъ война (лл. 173—174, л. 188). О Новгородѣ онъ въ одномъ мѣстѣ прямо говоритъ, какъ о плѣненномъ шведамъ: „Азѣ, глаголавый се (такъ выражается онъ отъ лица Новгорода), обладанъ елліны и не

слѣдующія за нимъ статьи, ясно видимъ, что они были составлены уже послѣ освобожденія Новгорода, но до возвращенія въ Москву Филарета Никитича. Въ началѣ Лѣтописца авторъ замѣчаетъ, что Новгородъ „шестолѣтно же бысть безъ мала одержимъ всяко погано туждихъ (то-есть чуждыхъ) руками“¹⁾. Раньше конца новгородскаго плѣна Тимоеевъ, конечно, не могъ знать его продолжительности. Въ послѣдней же статьѣ („о вдовствѣ Московскаго государства“) Тимоеевъ о родителяхъ царя Михаила говоритъ, что отецъ его находится въ плѣну, а мать его соправительствуетъ сыну²⁾. Значить, о возвращеніи Филарета онъ еще не зналъ. По этимъ признакамъ мы могли бы увѣренно полагать, что Временникъ былъ законченъ Тимоеевымъ самое позднее—въ началѣ 1619 года, еслибы заключительныя строки произведенія не говорили о мирѣ съ поляками, о возвращеніи Филарета и о поставленіи его въ патриархи³⁾. Это обстоятельство заставляетъ думать, что Тимоеевъ и позже дополнял свой трудъ. Когда онъ прекратилъ эти дополненія, опредѣлить нельзя. Одна только мелочь въ спискѣ Временника даетъ поводъ думать, что Временникъ былъ законченъ и переписанъ немного спустя послѣ 1619 года, къ которому относятся его послѣднія извѣстія. Въ главѣ пятой авторъ между прочимъ повѣствуетъ о томъ сочувствіи, съ какимъ относились европейскія государства къ несчастіямъ Руси. Намекая, какъ мы думаемъ, на извѣстное посредничество Дж. Мерика и Эразма Ганделіуса, Тимоеевъ замѣчаетъ, что

могу сихъ нзъ себе встребити, дондеже Введый иже въ мя благоволихъ о мнѣ тѣхъ виѣ изрынетъ“ (л. 231 об.). Всѣ эти черты указываютъ на раннее происхождение тѣхъ статей, въ которыхъ находятся. Но рядомъ съ ранними статьями замѣчаемъ и позднѣйшія вставки — плодъ дальнѣйшей обработки Временника. Такова, напримѣръ, вставка автобіографическаго характера, приведенная нами въ предыдущемъ примѣчаніи.

¹⁾ Ркп. Флорищ. пустыни, л. 275 об.

²⁾ Авторъ замѣчаетъ, говоря о царѣ Михаилѣ: „Его во свѣтъ сей родителіе сего міра еще путь живота си проходятъ малъ: жена — во образѣ мнишескаго устроенія; особъ и различне кождо: овъ въ земли чуждыхъ правды ради стѣсняемъ, страдательно лѣты многими въ нуждахъ съ прочими подвижется о всемъ мірѣ нашемъ; ова же во царствіи яко второпрестольствуетъ своему ея сынови, о всѣхъ купно сповѣдая съ нимъ“ (Ркп. Флорищ. пустыни, л. 298 об.). Инокію Марѳу Тимоеевъ сравниваетъ съ имп. Теодорой: „яко же Теодору съ сыномъ древле получиша греки, сиче таковы и мы другія“, говоритъ онъ (л. 298).

³⁾ Ркп. Флорищ. пустыни, лл. 307—312. Нареченіе Филарета въ патриархи происходило 22-го іюня 1619 г. (Собр. Гос. Гр. и Д. III, № 45).

иностранныя хлопчуть объ умиротвореніи Московскаго государства для того, чтобъ и себѣ пріобрѣсти друзей и помощниковъ въ будущемъ на тотъ случай, если съ ними произойдетъ такая же бѣда: „на ся тожде чающе наитіе“, какъ выражается авторъ ¹⁾). На полѣ рукописи противъ этихъ словъ находится любопытная приписка, сдѣланная лицомъ, исправлявшимъ всю рукопись (быть можетъ, это былъ самъ авторъ): „днесъ и на нихъ то же по сему пророчеству сбьтсѣ“. Слова эти, очевидно, относятся къ Тридцатилѣтней войнѣ, о которой знали наши писатели XVII вѣка ²⁾). Изъ того обстоятельства, что приведенный текстъ самаго Временника только предполагаетъ возможность междоусобій на Западѣ и не заключаетъ въ себѣ передѣлокъ, хотя эта возможность скоро осуществилась, мы можемъ заключить, что Тимоѣевъ закончилъ обработку Временника раньше, чѣмъ узналъ о войнѣ въ Германіи ³⁾).

Итакъ, изъ всего сказаннаго нами о времени составленія Временника ясно, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ весьма раннимъ. Тимоѣевъ былъ очевидцемъ смуты, принялся писать свои воспоминанія о ней тогда, когда смута по его представленію еще не кончилась; написанное онъ затѣмъ дополнялъ и всетаки закончилъ свой трудъ весьма рано, около 1619 года. Если даже и предполагать, что онъ возвращался къ нему и позднѣе, то смѣло можно думать, что его позднѣйшія поправки не были существенны и значительны: онъ ничѣмъ не отразился на изложеніи Временника. Напротивъ, Временникъ во всѣхъ своихъ частяхъ вполне сохранилъ черты ранняго происхожденія и признаки чисто вѣщнаго, механическаго соединенія разновременныхъ статей.

Въ своемъ общемъ обзорѣ литературныхъ памятниковъ мы не

¹⁾ Приводимъ цѣликомъ это мѣсто Временника. Замѣчалъ, что печальная участь Трои всегда возбуждала сожалѣніе народовъ, Тимоѣевъ продолжаетъ: „И днесъ окрестная величества сего (то-есть, Московскаго государства) опустѣваема и не въ конецъ падша слышати нетерпѣть. И колеблющая того вѣтры, иже ненавидящая по всему мира, мирне укротевають, друголюбное показующе, на ся тожде чающе наитіе по временахъ. Аще не лестне будутъ мирствують, ни радующеса зломъ нашимъ, Богъ въсть“ (Ркп. Флориц. пустыни, л. 231).

²⁾ Ник. Лѣт., VIII, 238.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 320—321.

³⁾ Эта приписка о Тридцатилѣтней войнѣ помогаетъ опредѣлить и время самаго списка Временника. Приписка сдѣлана во время войны („днесъ“ — говорится въ ней о войнѣ); стало быть, рукопись несомнѣнно относится къ первой половинѣ XVII вѣка.

можемъ болѣе останавливаться на трудѣ Ивана Тимоеева. Предметомъ отдѣльной монографіи должно быть изслѣдованіе состава Временника, его отдѣльныхъ показаній и тѣхъ источниковъ, какими пользовался его авторъ. Въ нашемъ же изложеніи мы старались дать лишь общую характеристику труда Тимоеева, отмѣтить наиболѣе любопытныя сообщенія автора, указать время и обстоятельства, при которыхъ онъ писалъ свой Временникъ. Отмѣчая иногда совпаденіе показаній Тимоеева съ данными другихъ современныхъ ему или позднѣйшихъ трудовъ, мы не входили въ рѣшеніе вопроса объ источникахъ свѣдѣній нашего автора. Тѣмъ не менѣе, хотя зависимость автора отъ официальныхъ грамотъ подмѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Временника ¹⁾, мы рѣшаемся утверждать, что Тимоеевъ долженъ считаться писателемъ самостоятельнымъ. Если онъ и заимствовалъ откуда нибудь отдѣльныя свои фактическія показанія, то всегда перерабатывалъ ихъ въ самостоятельный рассказъ. Большая же часть его сообщеній прямо обличаетъ въ немъ очевидца событій или современника ихъ, передающаго факты или по личнымъ впечатлѣніямъ, или по свѣжимъ слухамъ. Строго выдержанная точка зрѣнія на эпоху, своеобразный языкъ, одинаковый съ начала до конца рассказа, исключаютъ всякую мысль о томъ, что Тимоеевъ могъ заимствовать что-либо отъ своихъ литературныхъ предшественниковъ. Сравненіе Временника съ болѣе ранними произведеніями о смутѣ, извѣстными намъ, также показываетъ полную независимость отъ нихъ Тимоеева. Такимъ образомъ, во Временникѣ мы имѣемъ, безъ всякаго сомнѣнія, оригинальное произведеніе очевидца смуты.

Произведеніе это въ нашихъ глазахъ имѣетъ большое значеніе. Если Тимоеевъ уступаетъ Авраамію Палицыну въ богатствѣ фактическихъ показаній, ясности и точности языка, даже въ степени богословскаго об-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, рассказывая о намѣреніяхъ противъ православія перваго самозванца, Тимоеевъ намекаетъ на источникъ своихъ свѣдѣній (вѣроятно, грамоту Шуйскаго, въ которой были помѣщены допросныя рѣчи Бучинскихъ. Акты Арх. Эксп. II, № 48) такими словами: „по смерти его (то-есть, самозванца) отъ тайныхъ его увѣдено бысть“ (Ркп. Флориц. пустыни, л. 159). Трудно допустить, чтобы Тимоеевъ самъ могъ узнать что-либо отъ приближенныхъ самозванца. Далѣе въ рассказѣ Тимоеева, какъ въ разобранномъ нами выше Плачѣ о пльненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства, король Сигизмундъ представляется союзникомъ тушинцевъ (л. 222 об.—225). Ошибка Тимоеева, всего вѣроятнѣе, произошла отъ такого же излишняго довѣрія къ грамотамъ земскихъ ополченій 1611—1612 гг., какимъ отличался авторъ Плача.

разованія ¹⁾, то оба писателя могутъ быть поставлены рядомъ въ другомъ отношеніи. Оба они являются въ своихъ произведеніяхъ публицистами, обсуждающими явленія своего времени съ одной точки зрѣнія—моральной. И Тимоѣевъ не менѣ Авраамія Палицына заслуживаетъ вниманія своими взглядами, своимъ отношеніемъ къ дѣйствительности и тѣмъ подборомъ данныхъ для характеристики русскаго общества въ смутную эпоху, какой мы находимъ въ его *Временникѣ*. Этотъ подборъ фактовъ, на которые направлены обличенія Тимоѣева, иногда поразительно сближается съ обличительными мотивами Палицына, что только можетъ усилить нашъ интересъ къ трудамъ обоихъ писателей.

При такомъ взглядѣ на личность и произведеніе Ив. Тимоѣева мы не можемъ согласиться съ тѣмъ строгимъ приговоромъ, какой произпесъ надъ его *Временникомъ* П. М. Строевъ, и не можемъ не жалѣть, что этотъ *Временникъ* такъ долго оставался въ полномъ забвеніи.

Одновременно съ Ив. Тимоѣевымъ работалъ надъ своимъ Сказаніемъ Авраамій Палицынъ. Въ то время, какъ *Временникъ* безвѣстнаго дьяка оставался, на сколько мы можемъ судить, безъ всякаго распространенія среди его современниковъ и вовсе не былъ замѣченъ историками, — Сказаніе знаменитаго старца келаря приобрѣло широкую извѣстность въ московскомъ обществѣ XVII вѣка, переписывалось очень часто цѣликомъ, вносило по частямъ въ компилятивные хронографы, ²⁾ было издано уже въ прошломъ столѣтіи ³⁾, а въ нашемъ

¹⁾ Впрочемъ, у Тимоѣева нерѣдко встрѣчаемъ выписки изъ Св. Писанія и богословскихъ книгъ. Онъ, быть можетъ, знакомъ былъ и съ латинскимъ и греческимъ языками; по крайней мѣрѣ онъ любитъ вставить въ свою рѣчь—и съ надлежащимъ смысломъ—слова вродѣ: *силентіаръ* (*silentiarius*), *доместикъ* (*domesticus*), *скимень* (*ὁ σκίμος*) и др. Не беремъ рѣшать, откуда онъ ихъ заимствовалъ.

²⁾ Списковъ Сказанія Палицына нѣтъ возможности пересчитать: въ одномъ, напримѣръ, *Погодинскомъ Древлехранилищѣ* Имп. Публ. Библіотеки ихъ девять (№ 1502 — 1510). Нѣкоторые списки указаны и оцѣнены *П. М. Строевымъ* (*Виблюл. Словарь*, стр. 11—12), *Д. П. Голохвастовымъ* и *А. В. Горскимъ* (*Москвитянинъ* за 1842 г., ч. IV, № 7, стр. 125 — 126; ч. VI, № 12, стр. 421) и *С. И. Кедровымъ* (*Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 444—446). О томъ, насколько пользовались компиляторы Сказаніемъ Палицына, есть обстоятельныя указанія въ трудахъ *А. Н. Попова* (*Обзоръ хронографовъ* р. редакціи, II, глава 3-я, и *Изборникъ*, стр. 213—281).

³⁾ Въ первый разъ Сказаніе было издано въ 1784 г., во второй—въ 1822 г., оба раза въ Синодальной типографіи.

вѣкъ вызвало цѣлый рядъ замѣчаній и оцѣнокъ со стороны изслѣдователей смуты ¹⁾). И практическая дѣятельность Палицына, и его литературное творчество не разъ служили предметомъ научной полемики и создали цѣлую литературу о старцѣ Аврааміи.

Первый занялся изслѣдованіемъ историческихъ показаній Палицына Д. П. Голохвастовъ въ своихъ „Замѣчаніяхъ объ осадѣ Троицкой лавры“, напечатанныхъ въ 1842 году. Онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что Палицынъ не дорожилъ историческою точностью, ибо не преслѣдовалъ цѣлей объективнаго лѣтописателя. По своимъ задачамъ Сказаніе Троицкаго старца „есть духовно-историческая эпопея, которой главная видимая цѣль—прославленіе чудеснаго избавленія лавры, и вообще Россіи, предстательствомъ святыхъ Сергія и Никона“ ²⁾). Голохвастовъ находилъ у Палицына и невидимыя, скрытыя цѣли: прославляя лавру, старецъ желалъ „внести въ исторію свой собственный панегирикъ“; изображая злодѣйства поляковъ, онъ пользовался этимъ, какъ поводомъ къ религіозно-нравственнымъ поученіямъ; наконецъ, онъ стремился угодить новой династіи и, въ частности, патриарху Филарету. Всѣ эти практическія задачи помѣшали надлежащей полнотѣ и точности фактическихъ показаній Палицына. Поэтому-то Голохвастовъ и призналъ его Сказаніе источникомъ не вполне надежнымъ. Вскорѣ послѣ напечатанія замѣчаній Голохвастова противъ данной имъ оцѣнки Сказанія высказался А. В. Горскій въ томъ смыслѣ, что „намѣреніе Авраамія было — передать чистую истину, а не украшать повѣствованіе вымыслами эпическими“ ³⁾). И въ трудѣ Горскаго, какъ въ трудѣ Голохвастова, въ подкрѣпленіе высказанныхъ взглядовъ, произведенъ рядъ историко-критическихъ разысканій. Такимъ образомъ вопросъ о характерѣ литературной дѣятельности Палицына сталъ еще въ 40-хъ годахъ предметомъ специальныхъ изслѣдованій, которыя связали съ литературною дѣятельностью Палицына его дѣятельность историческую. Рядомъ съ вопросомъ историко-литературнымъ въ полемикѣ Голохвастова и Горскаго разрабатывался вопросъ біографическій.

Позднѣе въ нашей исторіографіи споръ о личности и трудахъ Авраамія Палицына снова былъ поднятъ въ статьяхъ И. Е. Забѣлина и

¹⁾ Наиболее раннія изъ нихъ собраны Д. П. Голохвастовымъ (*Москвитянинъ* за 1842 г., ч. IV, № 7, стр. 135—136). Позднѣйшія указаны С. И. Кедровымъ (Авраамій Палицынъ. М. 1880. Предисловіе).

²⁾ *Москвитянинъ* за 1842 г., ч. IV, № 7, стр. 136 и слѣд.

³⁾ *Москвитянинъ* за 1842 г., ч. VI, № 12, стр. 426.

Н. И. Костомарова ¹⁾. Первый изъ этихъ изслѣдователей принялъ вполне точку зрѣнія Голохвастова и готовъ былъ видѣть въ разсказахъ Авраамія легендарную эпическую поэму, составленную съ одною цѣлью прославленія Троицкаго монастыря и самого Авраамія ²⁾. Но Н. И. Костомаровъ не раздѣлялъ твердой вѣры Горскаго въ искренность и объективность показаній старца келаря. „Мы далеки отъ того“, говорилъ онъ,—„чтобъ довѣрять безусловно Авраамію. Въ его разсказахъ есть легенды... старецъ немного и прихвастываетъ“. Тѣмъ не менѣе Костомаровъ признавалъ за Сказаніемъ Палицына и большую историко-литературную важность: онъ видѣлъ въ немъ прекрасный памятникъ „чувства и воображенія современниковъ“; онъ считалъ необходимымъ пользоваться данными Палицына, хотя бы потому, что старецъ является въ иныхъ случаяхъ единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній. „Повѣрять — нечѣмъ, и отвергать вовсе — также нѣтъ основанія“, говорилъ Костомаровъ и сознавался, что, передавая иногда разсказы старца, считалъ необходимымъ сдѣлать при нихъ оговорку: „если только довѣрять Сказанію, которое передается самимъ тѣмъ, кто здѣсь играетъ столь блестящую роль“ ³⁾. Такимъ образомъ, если въ 40-хъ годахъ споръ шелъ о необходимости или возможности полнаго довѣрія къ Сказанію Палицына, то тридцать лѣтъ спустя спорили только о степени недоувѣрія къ нему: г. Забѣлинъ склоненъ былъ вовсе отвергать годность Сказанія, какъ историческаго источника, Костомаровъ же не соглашался только съ рѣзкостью такого осужденія. И другіе изслѣдователи, придавая цѣну той или другой сторонѣ Сказанія, въ тоже время высказывали убѣжденіе, что Палицыну „во многомъ нельзя вѣрять“ ⁴⁾.

Однако въ послѣднее время въ защиту Палицына написаны были два трактата С. И. Кедровымъ: въ первомъ изъ нихъ изложены данныя о жизни и дѣятельности знаменитаго старца; во второмъ раз-

¹⁾ И. Е. Забѣлина Мининъ и Пожарскій. М. 1883 (и въ *Русск. Архивъ* за 1872 г.). — Н. И. Костомарова Личности смутнаго времени (*Вѣстн. Европы* за 1871 г., июнь) и Кто виноватъ въ смутномъ времени? (*Вѣстн. Европы* за 1872 г., сентябрь).

²⁾ Мининъ и Пожарскій. М. 1883, стр. 74—75.

³⁾ *Вѣстн. Европы* за 1872 г., сентябрь, стр. 34.

⁴⁾ К. Н. Бестужева-Рюмина Русская Исторія, т. I, Введеніе, стр. 53, и Обзоръ событій отъ смерти ц. Іоанна Вас. (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1887 г., августъ, стр. 259—260). — Соловьева Ист. Россіи, VIII, по изд. 1873 г. стр. 216—219.

смотряны его литературные труды¹⁾. Г. Кедровъ стремится сбросить всякую тѣнь съ добраго имени Палицына, какъ общественнаго дѣятеля, и безусловно считаетъ его достойнымъ представителемъ Троицкаго монастыря. По мнѣнію г. Кедрова, монастырь въ эпоху московскаго разоренія велъ свою особую политику, имѣвшую цѣлью примирить стремленія разныхъ партій и направить ихъ силы на освобожденіе Москвы и восстановленіе порядка. Эта высокая патриотическая цѣль была достигнута трудами и талантами знаменитаго келаря²⁾. Такая характеристика дѣятельности Палицына заставляетъ уже предугадывать благосклонное отношеніе г. Кедрова и къ Сказанію его героя. И дѣйствительно, онъ считаетъ Сказаніе искреннимъ и правдивымъ произведеніемъ. Но при этомъ онъ не отрицаетъ у его автора нѣкоторыхъ субъективныхъ цѣлей, именно, желанія оправдать свои поступки и показать свои заслуги. Почему это было нужно Палицыну, г. Кедровъ категорически не объясняетъ: „остается предположить“, говоритъ онъ,—„что свидѣтельства Палицына о самомъ себѣ вызваны были отрицаніемъ его заслугъ“. Признаніе субъективнаго элемента въ трудѣ Палицына ведетъ г. Кедрова къ такому опредѣленію Сказанія: „На Сказаніе Палицына“, говоритъ онъ — „надо смотрѣть, какъ на оправдательный документъ личнаго поведенія автора, какъ на автобіографію, а не какъ на исторію измышленныхъ дѣяній, написанную по тщеславію“³⁾.

Разборъ высказанныхъ относительно Палицына взглядовъ и пересмотръ тѣхъ историческихъ вопросовъ, которые связаны съ его общественною и литературною дѣятельностью, — вывели бы насъ далеко изъ предѣловъ нашего изслѣдованія. Поэтому мы считаемъ себя вправѣ ограничиться изложеніемъ лишь нѣкоторыхъ нашихъ замѣчаній, касающихся собственно литературныхъ трудовъ Палицына. Внешняя исторія его Сказанія не можетъ считаться вполне разработанной ни въ одномъ изъ названныхъ нами трудовъ объ Аврааміи Палицынѣ.

Еще Д. П. Голохвостовъ полагалъ, что Сказаніе Палицына со-

¹⁾ „Авраамій Палицынъ“ въ *Чт. Имп. Общ. Ист. и Др.* за 1880 г., IV, и отдѣльно: М. 1880. — „Авраамій Палицынъ, какъ писатель“, въ *Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8.

²⁾ Такой взглядъ на дѣятельность Авраамія развивается и въ томъ, и въ другомъ трудѣ г. Кедрова. Кратко и полно сформулированъ онъ въ *Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 507—508.

³⁾ *Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 508.

стоитъ какъ бы изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сочиненій и ясно раздѣляется на три отдѣла: краткое повѣствованіе о времени царя Θεодора, Годунова, Разстриги и В. Шуйскаго (главы 1—6), собственно сказаніе объ осадѣ монастыря (главы 7—57) и рассказъ о дальнѣйшихъ событіяхъ до 1618 года (глава 58 — 86 ¹⁾). А. В. Горскій, въ дополненіе къ разысканіямъ Голохвастова, замѣтилъ, что въ книгѣ Авраамія болѣе, чѣмъ три самостоятельныя части. Первые шесть главъ составляютъ вступительную часть книги; главы 7—57-я заключаютъ въ себѣ исторію осады; главы 58—61-я—„описаніе послѣднихъ событій, относящихся къ исторіи осады“; главы 62—70-я посвящены послѣднимъ мѣсяцамъ правленія Шуйскаго и эпохѣ междупарствія до разоренія Москвы; главы 71—79-я повѣствуютъ о разореніи и освобожденіи Москвы; главы 80—82-я представляютъ собою исторію избранія на царство царя Михаила, и накопецъ, главы 83—86-я содержатъ рассказъ о нашествіи на Москву Владислава. Все это были, по мнѣнію Горскаго, особые лѣтописные труды Палицына. „Книга сія (говоритъ Горскій о Сказаніи старца-келаря), какъ видно изъ особыхъ заглавій въ главѣ 7-й, 57-й, 71-й и 83-й, составилаь изъ отдѣльныхъ сочиненій, писанныхъ Аврааміемъ въ разныя времена“ ²⁾). Согласно съ Горскимъ, и П. М. Строевъ считаетъ книгу Палицына историческимъ сборникомъ, „ядромъ“ котораго была исторія осады монастыря. Указывая составныя части этого сборника, Строевъ расходится съ Горскимъ только въ томъ, что соединяетъ въ одно „отрывочное“ повѣствованіе 58 — 79 главы печатнаго изданія, тогда какъ онѣ основательно раздѣляются Горскимъ на три отдѣльныхъ рассказа ³⁾). Позднѣйшій изслѣдователь Сказанія Палицына, С. И. Кедровъ, признавая, что Сказаніе писалось „постепенно“, въ то же время находилъ въ немъ всего три части, указанныя Голохвастовымъ ⁴⁾).

Знакомство съ произведеніемъ Палицына несомнѣнно убѣждаетъ, что Горскій и Строевъ были ближе къ истинѣ, чѣмъ г. Кедровъ. Въ книгѣ Палицына замѣчаемъ нѣсколько такихъ частей, которыя сохранили на себѣ слѣды самостоятельныхъ повѣствованій. Таково прежде всего сказаніе о Троицкой осадѣ (главы 7—57-я печатнаго из-

¹⁾ *Москвитянинъ* за 1842 г., ч. IV, № 7, стр. 126.

²⁾ *Москвитянинъ* за 1842 г., ч. VI, № 12, стр. 421—422.

³⁾ Библиол. Словарь, стр. 9—11.

⁴⁾ Онѣ руководятся при этомъ внѣшними указаніями нѣкоторыхъ списковъ. Слѣд. *Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 445 и 447.

данія). Предъ нимъ находится особое предисловіе; оно имѣетъ и заключеніе, состоящее въ „словѣ благодарственномъ“¹⁾. Содержаніе его вполне цѣльно. Оно хотя и рѣдко, но встрѣчается въ спискахъ отдѣльно отъ прочихъ частей книги Палицына²⁾. Затѣмъ, первыя главы Сказанія, служація въ общемъ расположеніи книги какъ бы вступленіемъ въ исторію осады Лавры, въ сущности являются вполне самостоятельнымъ произведеніемъ и существуютъ въ двухъ редакціяхъ: первоначальной-распространенной и окончательной-краткой. Первоначальная редакція въ единственномъ ея спискѣ сохранилась въ видѣ отдѣльнаго произведенія безъ прочихъ частей книги старца Авраамія³⁾. Оба эти повѣствованія, занимающія первыя 57 главъ книги Палицына, всѣми безспорно признаются за отдѣльные литературные труды; разногласіе существуетъ только о послѣднихъ 29-ти главахъ печатнаго изданія. Г. Кедровъ, какъ и Голохвостовъ, считаетъ ихъ однимъ сочиненіемъ; Строевъ дѣлитъ ихъ на три части (отрывки о событіяхъ 1610 — 1612 годовъ, рассказъ объ избраніи царя Михаила, рассказъ о пашествіи Владислава); Горскій же, какъ мы видѣли выше, находитъ въ нихъ пять отдѣльныхъ повѣствованій. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣленіе Горскаго справедливѣе другихъ.

Прежде всего, совершенно ясно выдѣляются въ послѣднихъ главахъ книги Палицына три отдѣльныхъ „сказанія“. Одно изъ нихъ есть „Сказаніе вкратцѣ о разореніи царствующаго града Москвы“ (главы 71—79-я печатнаго изданія). Оно имѣетъ отдѣльное предисловіе⁴⁾ и кончается такъ, что не предполагаетъ непосредственнаго продолженія. Предисловіе, въ главѣ 71-й, ясно говоритъ намъ, что Палицынъ въ этомъ сказаніи намѣренъ былъ описать не одно разореніе, но и освобожденіе Москвы. Сравпывая паденіе Москвы съ ра-

¹⁾ Сказаніе, изд. 2-е, стр. 58—62, 206—212.

²⁾ Такой списокъ знали Строевъ, Горскій и г. Кедровъ (Библиол. Словарь, стр. 11.—*Москвитянинъ* за 1842 г., ч. VI, № 12, стр. 421.—*Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 445, § 3).

³⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175 (описаніе рукописи см. у арх. Леониды „Свѣдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Свято-Троицкія Сергіевы Лавры въ бібліотеку Троицкой дух. семинаріи въ 1747 г.“ въ *Чт. Имп. Общ. Ист. и Др.* за 1884 г., III, стр. 182). Первоначальная редакція 1—6 главъ Сказанія Палицына была извѣстна Горскому (*Москвитянинъ* за 1842 г., ч. VI, № 12, стр. 421) и Кедрову (*Русск. Архивъ* за 1886 г. № 8, стр. 445).

⁴⁾ Сказаніе, изд. 2-е, глава 71-я до словъ на стр. 245: „Но о семъ убо впереди изъяснено будетъ“....

зореніємъ древнихъ царствъ, онъ прибавляетъ: „Но сія убо... не возмогутъ возстати, царствующій градъ Москва не тако: аще за беззаконія наша и тмочисленныя грѣхи мало наказа насъ Господь, за милость же свою много возлюби и помилова. Егда убо... возопихомъ ко Господу, и услыша насъ и отъ бѣдъ нашихъ избави насъ“. Эти слова обнаруживаютъ главную мысль автора, проводимую въ сказаніи о разореніи Москвы: онъ хотѣлъ показать, что если грѣхи вызываютъ бѣдствія, то раскаяніе ведетъ къ спасенію. Развитие этой мысли стройно заканчивается въ главѣ 79-й разсказомъ объ освобожденіи московскихъ святыхъ, и вполне естественно, что авторъ, дописывая послѣднія строки этой главы, поставилъ на концѣ слово аминь. Этимъ онъ обозначилъ конецъ не только главы, но цѣлаго поучительнаго повѣствованія.—Такою же цѣльностью содержанія и изложенія обладаетъ разсказъ Палицына „о избраніи благовѣрнаго и благороднаго великаго государя... Михаила Феодоровича“ (главы 80—82-я печатнаго изданія). Въ началѣ разсказа давая понятъ, что освобожденіе отъ враговъ не спасло безгосударнаго народа отъ безначалія и беспорядковъ, авторъ показываетъ всѣмъ послѣдующимъ изложеніемъ, что благодать Божія осѣнила благое дѣло избранія государя, какъ только къ нему обратились отъ своеволія и самоуправства. Сказаніе объ избраніи царя Михаила заканчивается послѣсловіемъ, которое желаетъ государю славнаго и безмятежнаго царствованія, а народу мирной и счастливой жизни. По своему смыслу послѣсловіе относится не къ одной той главѣ, къ которой приписано, а ко всему разсказу о избраніи Михаила. Цѣльность этого разсказа повела даже къ тому, что главы 80—82-я переписывались отдѣльно отъ прочихъ частей книги Палицына, какъ совершенно самостоятельное произведеніе ¹⁾.—Наконецъ, книга Палицына заканчивается совершенно самостоятельнымъ „Сказаніемъ о приходѣ подъ царствующій градъ Москву изъ Польши королевича Владислава“ (главы 83—86-я печатнаго изданія ²⁾). Сказаніе писано, безъ сомнѣнія, позднѣе другихъ частей книги. Въ этомъ убѣдимся, если сличимъ за-

¹⁾ И. В. Миловидова Содержаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ Ипатьевского монастыря. Кострома. 1887, стр. 1—17, № 1. Въ этой книгѣ цѣликомъ перепечатаны по рукописи главы 80—82-я Сказанія Палицына, соотнесенныя за отдѣльное произведеніе неизвѣстнаго автора.

²⁾ Глава 86-я является просто позднѣйшею припискою къ сказанію о нашествіи Владислава и въ нѣкоторыхъ спискахъ отсутствуетъ (*Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 445, § 5).

включеніе 82-й главы со вступленіемъ 83-й. Въ концѣ разсказа объ избраніи Михаила Феодоровича Палицынъ желаетъ государству мира и не предполагаетъ, чтобы посѣщенный благодатию Божьею народъ могъ снова уклониться съ праваго пути и вызвать на себя Господню кару. Въ началѣ же 83-й главы Палицынъ описываетъ новое нравственное паденіе русскаго общества и новое наказаніе, посланное на него отъ Бога, — приходъ поляковъ на Москву. Прерывая затѣмъ разсказъ о войнѣ и о заключеніи мира съ поляками повѣстью о ново-явленномъ чудѣ преподобнаго Сергія (глава 84-я), Палицынъ продолжаетъ и заканчиваетъ свое повѣствованіе въ главѣ 85-й.

Такъ съ полною очевидностью обнаруживается, что въ 71—86-й главахъ книги Палицына мы имѣемъ дѣло съ тремя произведеніями, независимыми другъ отъ друга, самостоятельно задуманными и выполненными, какъ можно думать, не въ одно время. Два такихъ же отдѣльныхъ сказанія, какъ мы видѣли выше, заключаются въ главахъ 1—57. И только тринадцать промежуточныхъ между ними главъ (58—70) не имѣютъ характера отдѣльныхъ литературныхъ произведеній и играютъ служебную роль, соединяя собою цѣпь отдѣльныхъ сказаній въ одну историческую хронику. Анализъ содержанія этихъ промежуточныхъ главъ приводитъ къ выводу, что четыре изъ нихъ (58—61) составляютъ дополненіе къ сказанію о Троицкой осадѣ и касаются дѣлъ монастыря и чудотвореній преп. Сергія ¹⁾. Остальныя же девять главъ (62—70) повѣствуютъ о дѣлахъ общерусскихъ: въ нихъ весьма кратко описывается освобожденіе Москвы отъ Тушина, смерть Скопина-Шуйскаго, сверженіе царя Василія, избраніе Владислава и притѣсненія поляковъ, смерть Тушинскаго вора и начало народнаго движенія противъ Сигизмунда. Когда написаны первыя четыре главы, судить не беремъ. Что же касается до остальныхъ девяти, то, по нашему мнѣнію, онѣ были составлены послѣ сказанія Палицына о разореніи Москвы, вѣроятно, тогда, когда Палицынъ собиралъ свои отдѣльныя произведенія въ одну книгу ²⁾. Этимъ объяс-

¹⁾ Въ томъ спискѣ Сказанія Палицына, гдѣ находится одна исторія Троицкой осады, оказываются и эти четыре главы (58—61): онѣ приписаны, очевидно, какъ позднѣйшія дополненія къ заключительному благодарственному слову (*Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 445, § 3.—*Москвитянинъ* за 1842 г., ч. VI, № 12, стр. 421).

²⁾ Въ данномъ случаѣ мы высказываемъ не болѣе, какъ догадку. Основаніе для нея мы находимъ слѣдующее: Въ своемъ сказаніи о московскомъ разореніи (глава 71) Палицынъ говоритъ, что кн. Дм. Т. Трубецкой, Пр. Липуновъ и другіе

яется ихъ краткость, отрывочный характеръ изложенія, строгая фактичность: онѣ должны были заполнить тотъ пробѣлъ, который существовалъ въ историческихъ показаніяхъ прочихъ частей книги Палицына. Первая ея часть остановилась на изображеніи смуты при Шуйскомъ, вторая была посвящена описанію осады монастыря, далѣе слѣдовали повѣствованія о разореніи и освобожденіи Москвы, о воцареніи Михаила; паденіе же Шуйскаго и избраніе Владислава оставалось не описаннымъ. Палицынъ и описалъ эти событія въ рядѣ краткихъ замѣтокъ.

Изъ сказаннаго ясно, какъ мы представляемъ себѣ составъ и происхожденіе книги Палицына. Это—сборникъ, составленный изъ нѣсколькихъ цѣльныхъ сказаній, соединенныхъ иногда отдѣльными статьями. Части этого сборника создавались авторомъ, несомнѣнно, въ разное время и имѣли неодинаковый характеръ. Конецъ авторскихъ работъ указанъ самимъ Палицынымъ: въ послѣсловіи къ своей книгѣ онъ говоритъ, что „послѣдоважеса и исправися кнпга сія, глаголемая Исторія вкратцѣ,... въ лѣто 7128 (1620)-е“¹⁾. Когда же онъ

воеводы подвиглись на освобожденіе Москвы послѣ ея разоренія вслѣдствіе призыва Троицкихъ властей. А въ главѣ 70-й находимъ показаніе, что Ляпуновъ съ Рязанью и другіе города поднялись сами на поляковъ, видя ихъ „насилства“. Первое изъ этихъ показаній грѣшитъ противъ истины и плохо согласуется со вторымъ. Это и дало поводъ нѣкоторымъ послѣдователямъ обвинить Палицына въ полномъ противорѣчій самому себѣ (Отвѣтъ *Голожвастова Горскому въ Москвитянинъ* за 1844 г., ч. IV, № 7, стр. 105—106, и отдѣльно: М. 1844, стр. 138—139.—*Забѣлина* Мининъ и Пожарскій. М. 1883, стр. 248—252). Но это противорѣчіе или, вѣрнѣе, несоответствіе двухъ показаній Палицына, стоящихъ рядомъ, объясняется весьма легко, если предположить, что глава 71-я (о разореніи Москвы) была написана не одновременно съ 70-й, а раньше ея. Составляя сказаніе о погибеліи и освобожденіи Москвы отъ поляковъ, Палицынъ не имѣлъ уждмъ объяснять, какъ произошло движеніе противъ поляковъ въ городахъ. Онъ только хотѣлъ—справедливо или нѣтъ—засвидѣтельствовать, что городскія дружины подошли къ Москвѣ вслѣдствіе грамотъ его монастыря. Когда же онъ собралъ всѣ свои отдѣльныя повѣствованія въ одно цѣлое и дополнилъ ихъ краткими разсказами о событіяхъ 1610—1611 годовъ, онъ, естественно, не могъ умолчать о движеніи городовъ противъ поляковъ послѣ смерти Тушинскаго вора. Но краткій разсказъ объ этомъ (въ 70 главѣ) онъ не согласилъ, какъ должно, съ прежними замѣтками о городскихъ ополченіяхъ (въ 71 главѣ). Отсюда и произошла шероховатость изложенія, подавшая поводъ къ обвиненію въ противорѣчій.

¹⁾ Послѣсловіе Палицына напечатано въ „Замѣчаніяхъ“ *Голожвастова (Москвитянинъ)* за 1842 г., ч. IV, № 7, стр. 126—127) и въ Библіол. Словарѣ *Стрובה* (стр. 10—11).

началъ свой трудъ, опредѣлить трудно. Еслибы можно было твердо установить, что Авраамій началъ свои историческіе труды съ первыхъ главъ его книги, со сказанія о временахъ царя Бориса, то мы стали бы утверждать, что онъ началъ писать въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича. Во 2-й главѣ своего Сказанія старецъ Авраамій говоритъ, что въ смуту народъ между прочимъ питался и старымъ хлѣбомъ, который былъ спрятанъ владѣльцами еще во время голода при царѣ Борисѣ: „гумна же пренаполнены одоней, и копенъ и взородовъ и до четырехънадесять лѣтъ, отнелѣже смятеніе бысть во всей Руской земли“ ¹⁾. Это мѣсто показываетъ, что Палицынъ составилъ начало своей книги не ранѣе, какъ черезъ 14 лѣтъ послѣ голода 1601—1603 годовъ, то-есть, въ 1615—1617 гг. ²⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ старецъ не могъ написать первыхъ главъ своего труда и позже этого времени. Онъ считаетъ смуту еще существующею: говоря о первомъ самозванцѣ, онъ замѣчаетъ, что „и до днесь вся Россія не можетъ отъ вья своея разрѣшати того ярма“, въ какое введена была зломъ самозванщины ³⁾. Филарета Никитича называетъ онъ митрополитомъ, а не патріархомъ ⁴⁾. Значить, онъ писалъ первыя главы до окончанія войнъ съ Польшею и до возвращенія Филарета изъ плѣна. Такъ опредѣляется время составленія первой части Сказанія Палицына; но мы не можемъ поручиться, что исторія Троицкой осады или сказаніе о разореніи Москвы не были написаны авторомъ раньше, чѣмъ первыя главы. Въ этихъ частяхъ книги Палицына нельзя уловить опредѣленныхъ хронологическихъ указаній на время ихъ написанія. И только сказаніе о нашествіи Владислава самымъ содержаніемъ своимъ показываетъ, что составлено не ранѣе 1618 года.

Признавая книгу Палицына собраніемъ отдѣльныхъ и разновременныхъ произведеній, мы думаемъ, что она не допускаетъ одной общей характеристикки. Именно потому, что въ ней нѣсколько частей различнаго характера, ее нельзя считать ни автобіографическимъ

¹⁾ Такъ читается это мѣсто въ печатномъ изданіи Сказанія (изд. 2-е, стр. 13). Въ первоначальной редакціи: „...до четырехнадесять лѣтъ отъ смятенія во всей Руской землѣ“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 330).

²⁾ Этими опровергается мнѣніе А. В. Горскаго, что начало Сказанія Палицына написано было во время самой смуты, до избранія царя Михаила (*Москвитинъ* за 1842 г., ч. VI, № 12, стр. 422 и 429).

³⁾ Сказаніе, изд. 2-е, стр. 22.—Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 337—337 об.

⁴⁾ Сказаніе, изд. 2-е, стр. 8—9, 50—51.—Ркп. Моск. Дух. Академіи, № 175, л. 327 об., л. 358.

трудомъ, ни духовно-историческою эпопеей. Если сказаніе о разореніи и освобожденіи Москвы и рассказъ объ избраніи царя Михаила полны свидѣтельствами о заслугахъ самого Авраамія, если исторія осады эпическимъ складомъ излагаетъ чудеса святыхъ Сергія и Никона и подвиги ихъ служителей, то въ первыхъ главахъ Сказанія не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Въ нихъ Палицынъ выступаетъ обличителемъ русскаго общества и стремится показать, какіе грѣхи низвели Русь до полного паденія. Тотъ же суровый обличитель-моралистъ является иногда и въ послѣднихъ главахъ книги. Словомъ, въ различныхъ частяхъ Сказанія Палицына читатель видитъ большое разнообразіе творческихъ мотивовъ и только тогда составитъ надлежащее представленіе о произведеніяхъ Авраамія, когда дастъ себѣ трудъ анализировать отдѣльно каждую изъ составныхъ частей Сказанія. Всѣ же попытки объяснить Сказаніе старца, какъ нѣчто цѣльное, останутся безплодными, потому что при исправленіи своей книги въ 1620 году Палицынъ не успѣлъ изгладить особенности своихъ отдѣльныхъ произведеній.

Мы, впрочемъ, можемъ думать, что онъ старался сдѣлать это. До насъ дошла въ отдѣльномъ спискѣ первая часть его Сказанія (главы 1—6) далеко не въ томъ видѣ, какой имѣетъ она въ печатномъ изданіи и въ прочихъ спискахъ ¹⁾. Горскій и С. И. Кедровъ уже обращали вниманіе на этотъ списокъ, и г. Кедровъ въ своемъ трудѣ „Авр. Палицынъ, какъ писатель“ ²⁾ напечаталъ изъ него нѣкоторые отрывки, которыхъ нѣтъ въ печатномъ изданіи. Признавая,

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, лл. 324—368.

²⁾ *Русск. Архивъ* за 1886 г., № 8, стр. 445, 448—455. И Горскій, и г. Кедровъ считаютъ отдѣльный списокъ болѣе раннимъ въ сравненіи съ текстомъ печатнымъ. Г. Кедровъ выражается даже такъ, что, судя по письму, это — „древнѣйшій экземпляръ и несомнѣнно списанный съ черновой рукописи“. Не видно, на чемъ основываетъ г. Кедровъ свои заключенія. Мы не будемъ утверждать, что это—древнѣйшій списокъ, но представимъ основанія, почему считаемъ его копіею съ авторской рукописи. На л. 334, въ концѣ 3-й главы, находимъ въ отдѣльномъ спискѣ такое мѣсто: „и одоля зла о бритіи брадъ ба благочестію“. Въ печатномъ изданіи на этомъ мѣстѣ (изд. 2-е, стр. 20) читаемъ просто: „и одоля злоба благочестію“. А немногимъ ниже въ обоихъ текстахъ говорится о бывшемъ при Борисѣ обычаѣ брить бороды. Ясно, что на поляхъ оригинала, съ котораго списанъ отдѣльный списокъ, была авторская замѣтка о томъ, о чемъ слѣдовало написать ниже: „о бритіи брадъ“. Перепищикъ же по недоразумѣнію присоединилъ эти слова къ той строкѣ, противъ которой они были написаны на полѣ.

что въ отдѣльномъ спискѣ мы имѣемъ дѣло съ первоначальною редакціей, г. Кедровъ старается объяснить тѣ причины, какія побудили [Авраамія] передѣлать и сократить ее. Онъ думаетъ, что эти причины были чисто вѣшнія: „многого, что случилось въ смутное время, нельзя было открыто и высказать“. Дѣйствительно, нѣкоторыя сокращенія Палицына, приведенныя г. Кедровымъ, наводятъ на такую мысль. Но съ одной стороны, Палицынъ не боялся оставить въ окончательной редакціи 6-й главы извѣстіе о томъ, что Филаретъ Никитичъ былъ въ Тушинѣ нареченъ патриархомъ; не боялся онъ также назвать „безумнымъ“ со стороны народа крестное цѣлованіе „благочестивому“ Шуйскому ¹⁾). Съ другой стороны—многочисленныя сокращенія и поправки Палицына часто вызывались только литературными соображеніями, какъ ясно показываетъ сличеніе текстовъ первоначальнаго и окончательнаго. На этомъ основаніи мы и не можемъ допустить, чтобы Палицынъ измѣнялъ свое произведеніе изъ одной боязни навлечь на себя вѣшнюю бѣду. Нѣтъ сомнѣнія, что имъ руководила и простая цѣль—придать своему произведенію лучшую форму.

Въ заключеніе не можемъ не остановиться на одной любопытной частности. Всѣ изслѣдователи считаютъ Палицына вполне самостоятельнымъ писателемъ. И мы вообще не можемъ указать у него литературныхъ заимствованій. Тѣмъ болѣе удивляетъ насъ полное тождество немногихъ фразъ Авраамія, которыми онъ описалъ въ окончательной редакціи 1-й главы избраніе Бориса, съ изложеніемъ избранія въ Повѣсти 1606 года ²⁾). Можно было бы думать, что на этотъ разъ Палицынъ, вопреки своему обычаю, просто заимствовалъ изъ Повѣсти. Но въ первоначальной редакціи 1-й главы текстъ Палицына менѣе точно воспроизводитъ слова Повѣсти 1606 г. и заключаетъ въ себѣ обширное прибавленіе, напечатанное г. Кедровымъ ³⁾).

¹⁾ Сказаніе, изд. 2-е, стр. 50, 56—57.

²⁾ Сравни. Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 7 (отъ словъ: „или хотя или не хотя“... до словъ: „снипетръ Россійскія державы“) съ Инымъ Сказаніемъ (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVI, стр. 7 и 9).

³⁾ Въ первоначальной редакціи объ избраніи Бориса разсказано такъ: „Онъ же или хотя или не хотя, но вскорѣ на се не подадеса, и отрицаяся много, и достойныхъ на се избирати по(ве)лѣвая, самъ же отшедъ въ великую лавру Матери Слова Божія воспоминаемаго чудеса Смоленскія иконы двѣвчья монастыря и ту сестрѣ си царидѣ Иринѣ, уже инокъ Александрѣ, служаше. Отъ народнаго жъ множества по вся дни принужаемъ бываше къ воспріятію царствія и молимъ отъ многихъ слезъ, но никакожъ преклоняшеся. Та жъ что просто тую (такъ

Стало быть, будучи сначала очень близокъ къ тексту Повѣсти, Палицынъ не только не удалился отъ него впоследствии, но исправилъ свое изложеніе точными словами Повѣсти 1606 года. Это обстоятельство усложняетъ дѣло: понятнѣе было бы, еслибы, передѣлывая свой рассказъ и исправляя заимствованное мѣсто, Палицынъ внесъ въ него еще болѣе отличій отъ оригинала. Очевидно, онъ придавалъ извѣстную цѣну своему заимствованію и имѣлъ передъ глазами Повѣсть 1606 г. и тогда, когда писалъ, и тогда, когда исправлялъ свой трудъ. Если вспомнить, что Повѣсть 1606 г. была составлена Троицкимъ же монахомъ, какимъ былъ самъ Палицынъ, то невольно является мысль, не самъ ли Палицынъ, возвышеніе котораго совершилось при Шуйскомъ, составилъ и Повѣсть 1606 г. При этой догадкѣ понятно будетъ, почему Палицынъ, ни откуда ничего не заимствовавшій, свободно позаимствовалъ изъ этой Повѣсти.

въ спискѣ) *вси церковници повелѣніемъ патріаршимъ* со всѣмъ освященнымъ соборомъ приемятъ убо икону Матери всѣхъ Бога, юже и на (е)я пречистую руку воображенъ младенецъ, держай всю тварь словомъ велѣнія, написанъ сѣй Лукою апостоломъ. Той убо и иніи прочіи святаи иконы и мощи пѣшеносцы износими биваша отъ мѣста. И къ нему жъ царіе со страхомъ многимъ приближающе“... (Далѣе слѣдуетъ вставка, напечатанная г. Кедровымъ въ *Русск. Архивъ* За 1886 г., № 8, стр. 449.—Ркп. Моск. Дух. Академіи № 175, л. 325—325 об.).

IV.

И Авр. Палицынъ, и Ив. Тимоѳеевъ желали своими трудами сохранить для потомства память о событіяхъ ихъ замѣчательной эпохи. Но, несмотря на это, легко замѣтить, что въ ихъ повѣствованіяхъ вѣтъ фактической полноты и точности. Имѣя въ виду читателей-современниковъ, такихъ же очевидцевъ смуты, какими были они сами, оба писателя часто опускали подробности событій и обо многомъ говорили только намеками, считая лишнимъ распространяться о томъ, что было еще всѣмъ памятно и извѣстно. Съ другой стороны, внося субъективный элементъ въ свое повѣствованіе, не только описывая, но и обсуждая пережитую эпоху, оба писателя нерѣдко выходили изъ роли историковъ и вступали на почву публицистическихъ разсужденій. Авр. Палицынъ задавался мыслью показать читателямъ, „киихъ ради грѣхъ попусти Господь Богъ нашъ праведное свое наказаніе“ на Русскую землю. Ив. Тимоѳеевъ точно также размышлялъ о томъ, „отъ кихъ разліяся грѣхъ земля наша“. Желаніе провести и доказать свой личный взглядъ на смуту, подчиняя изложеніе извѣстной идеѣ, влекло за собою отсутствіе строгой хронологической послѣдовательности, пробѣлы въ фактическихъ показаніяхъ, обиліе отвлеченныхъ разсужденій и правоченій. Собирая въ 1620 году свою „Исторію“, Палицынъ самъ нашелъ нужнымъ сократить въ ней подобныя отступленія, придававшія началу его повѣствованія характеръ обличительной проповѣди.

Но не всѣ писатели о смутѣ принимали на себя задачу обличать и поучать московское общество. Авторъ разобраннаго нами Хронографа второй редакціи, писавшій въ 1616—1617 году (стало быть, одновременно съ Палицынымъ и Тимоѳеевымъ), сдѣлалъ свое изло-

женіе строго-фактическимъ, и только въ его общихъ характеристикахъ лицъ можно найти слѣды его собственныхъ воззрѣній и симпатій. Въмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ меньше оставалось очевидцевъ смуты, и замирали устные воспоминанія о ней. У послѣдующихъ поколѣній являлась потребность въ такихъ литературныхъ трудахъ, которые знакомили бы прямо съ фактами смуты. Простой разсказъ о событіяхъ получалъ значеніе самъ по себѣ; напротивъ, для русскаго общества середины XVII вѣка менѣе понятны были тѣ обличенія, какія имѣли живой смыслъ для людей смутной поры. Этимъ, по нашему мнѣнію, объясняется характеръ послѣдующихъ самостоятельныхъ произведеній о смутѣ. Въ нихъ на первомъ планѣ стоитъ изображеніе фактовъ; личность автора отражается лишь въ литературныхъ приемахъ и въ различныхъ оттѣнкахъ отношенія къ тому или другому событію или дѣятелю смуты. Если же въ произведеніе вносится какая-нибудь руководящая идея, то она или исходитъ изъ отвлеченнаго міровоззрѣнія писателя, или объясняется обстоятельствами общественной жизни уже не смутной эпохи, а того времени, когда было написано произведеніе.

Подобными признаками отмѣчены труды виднѣйшихъ писателей о смутѣ времени царя Михаила: князей Ив. Андр. Хворостинина, Ив. Мих. Катывева-Ростовскаго, Сем. Ив. Шаховскаго, автора Нового Лѣтописца и нѣкоторыхъ другихъ. Ихъ произведенія явились немногимъ позднѣе трудовъ Палицына и Тимоѣева; повѣствованіе же кн. Хворостинина, быть можетъ, написано было и одновременно съ ними. Обратимся къ изученію этихъ цѣнныхъ памятниковъ.

Трудъ князя Ивана Андреевича Хворостинина носитъ названіе: „Словеса дней и царей и святителей Московскихъ, еже есть въ Россіи“. Онъ былъ извѣстенъ П. М. Строеву ¹⁾ и И. П. Саха-

¹⁾ „Хронологическое указаніе матеріаловъ Отеч. Исторіи, Литературы, Правовѣднія“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1834 г., ч. I, отд. II, стр. 175, § 167.—Библиол. Словарь, стр. 288—290.—Хворостинину Строевъ приписывалъ и „Написаніе вкратцѣ о царѣхъ Московскихъ“ (напечатано въ Русскихъ Достопамятностяхъ. М. 1815. I, стр. 172—175, и въ Изборникѣ А. Н. Попова, стр. 313—314). Ниже увидимъ, что это не основательно.—Кромѣ того, Строевъ указываетъ еще одинъ трудъ Хворостинина—полемическій трактатъ противъ протестантовъ (Библиол. Словарь, стр. 289). Этого труда мы въ спискахъ не видали и упоминанія о немъ не нашли въ полнѣйшемъ трудѣ о полемической литературѣ этого рода (*Дм. Цветаева Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ государствѣ. М. 1887*).

рову ¹⁾. До насъ онъ сохранился въ единственномъ спискѣ, съ нѣсколькими пропусками и безъ конца ²⁾. Но и въ такомъ видѣ онъ представляетъ значительный интересъ, какъ своимъ содержаніемъ, такъ и личностью автора, далеко не заурядною въ московскомъ обществѣ. Характеристика кн. И. А. Хворостинина поможетъ намъ лучше понять его произведение ³⁾.

Въ первый разъ является передъ нами ⁴⁾ Хворостининъ при дворѣ Лжедмитрія въ должности кравчаго ⁴⁾. Въ то время онъ былъ еще

¹⁾ Записки русскихъ людей. С.-Пб. 1841. Предисловіе.

²⁾ Сборникъ Имп. Публ. Библіотеки Q. IV. 172, въ 4 д., XVII в., 24 листа, разными почерками, безъ переплета (Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1863 г., стр. 53—54). На первыхъ 16 листахъ рукописи сдѣлана по листамъ надпись: „Сентября въ 20 день дому великаго господина святѣйшаго Курь Адриана архіепископа Московскаго і всеа Россіи і всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха“. Начало сборника (л. 1—15об.) занято трудомъ Хворостинина, полное заглавіе котораго таково: „Словеса дней и царей и святителей Московскихъ, еже есть въ Россіи, списано вкратцѣ; предложене историческо; написано бѣ ко исправленію и ко прочтанію благочестіе любящихъ; составлено Ивановъ дуксомъ. Сіе князь Ивана слогу Андрѣевича Хворостинина“. За трудомъ Хворостинина въ сборникѣ, на л. 16—16 об., слѣдуетъ глава 168-я Хронографа 2-й редакціи „О владѣніи Москвы литовскими людьми“ и т. д. (Изборникъ А. Н. Попова, стр. 201—202). Далѣе, на л. 17—23, находятся двѣ подложныя грамоты султана Турецкаго и цесаря Римскаго (Изборникъ, стр. 453—454, № 4 и № 5). По листамъ сборника уцѣлѣли слѣды его первоначальной пагинаціи (цифры 124—146), которые даютъ поводъ думать, что сборникъ былъ прежде частью другой рукописи. Если не ошибаемся, сборникъ Q. IV. 172 принадлежалъ П. М. Строеву, а впоследствии И. П. Сахарову.

³⁾ Біографическія данныя о Хворостининѣ находятся въ трудахъ *Строева* (Библіол. Словарь, стр. 288—290), *Соловьева* (Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 412—414), *митр. Макарія* (Ист. р. церкви, XI, стр. 59—61), *А. Смирнова* („Св. патріархъ Филаретъ Никитичъ“ въ *Чт. въ Общ. Любителей дух. просвѣщенія* за 1874 г., февраль, стр. 235—238) и др. Въ рукописяхъ Имп. Публ. Библіотеки видѣли мы обстоятельное изслѣдованіе о Хворостининѣ *Н. Комшима*, не заключающее въ себѣ однако новыхъ матеріаловъ въ сравненіи съ давно опубликованными (см. Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1876 г., стр. 171). Нѣкоторые данныя о личности Хворостинина, какъ и первое указаніе на его произведеніе, сообщены намъ *Л. Н. Майковымъ*.

⁴⁾ Др. Росс. Вивліоекна, изд. 2-е, XX, стр. 78.—Дворцовые Разряды, I, 706.—Хворостинины вѣли свой родъ отъ Ярославскихъ князей; родоначальникомъ ихъ вѣтви былъ князь Михайлъ Хворостина (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, X, Родословныя книги, стр. 62—63, 152—153, 236—237.—*Θ. А. Бичкова* „Родословныя князей Ярославля“ въ книгѣ *А. А. Титова*: Ярославль. М. 1883, стр. 158—159).—Отецъ князя Ивана, Андрей Ивановичъ, умершій околѣ-

очень молодъ, но, какъ замѣчали современники, отличался уже дурными чертами характера ¹⁾. Почетное положеніе при самозванцѣ получилъ онъ благодаря своей позорнѣйшей близости ко Лжедмитрію, развратившей его въ юные годы ²⁾. Оставался кравчимъ до конца дней самозванца ³⁾, Хворостининъ при Шуйскомъ былъ посланъ на покаяніе въ Іосифовъ (Волоколамскій) монастырь за свою близость къ свергнутому царю и за еретичество ⁴⁾. До какихъ поръ онъ оставался въ монастырѣ, сказать трудно. Если вѣрить его словамъ, онъ уже въ 1610 или въ началѣ 1611 года возвращенъ былъ въ Москву и присутствовалъ при столкновеніи Гермогена съ боярскимъ правительствомъ. Предъ нимъ самимъ патріархъ оправдывался отъ обви-

ничимъ въ 1604 году (Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XX, стр. 65 и 73), носилъ прозвище Старко, почему и сынъ его, Иванъ Андреевичъ, назывался иногда Хворостининымъ-Старковымъ (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, X, стр. 153.—Дворц. Разряды, I, 133).

¹⁾ Масса называетъ Хворостинина надменнымъ и все себѣ позволявшимъ мальчишкой (Сказанія Массы и Германа, стр. 208).

²⁾ О позорныхъ свойствахъ отношеній самозванца и Хворостинина Масса выражается весьма опредѣленно (Сказанія Массы и Германа, стр. 208.—*Regum Rossicarum script. exteri*, II, p. 100). Что подъ именемъ Хворостинина (Guogostinin) у Массы слѣдуетъ разумѣть именно князя Ивана Андреевича, ясно изъ слѣдующихъ соображеній: во первыхъ, именно его при Шуйскомъ послали въ монастырь за близость къ Разстригѣ; вторыхъ, другіе Хворостинины, которыхъ Лжедмитрій держалъ въ почетѣ, были гораздо старше „надменнаго мальчишка“: дядя его, Федоръ Ивановичъ, былъ бояриномъ съ 1589 года, а двоюродный братъ, Иванъ Дмитриевичъ, былъ сказанъ въ окольные еще до воцаренія самозванца (Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XX, стр. 63 и 73.—Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 93, стр. 209); прочіе же Хворостинины (Юрій Дм., Григорій Фед.) не пользовались особымъ почетомъ при Лжедмитріи.

³⁾ Кравчимъ онъ былъ на свадьбѣ Лжедмитрія (Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XIII, стр. 121—122). Онъ же, кажется, участвовалъ во встрѣчѣ невѣсты самозванца (*Устрялова Сказанія современниковъ о Дмитріи самозванцѣ*, изд. 3-е, II, стр. 142).

⁴⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. III, № 90. Причины ссылки объясняются въ этой грамотѣ такъ: „Какъ ты былъ при Ростригѣ у него близко, и ты впалъ въ ересь, и въ вѣрѣ пошатался, и православную вѣру худилъ, и постовъ и Христіанскаго обычая не хранилъ“.—Можно думать, на основаніи словъ самого Хворостинина, что виновникомъ его заточенія былъ патріархъ Гермогенъ: „Аще и больши всѣхъ подъятъ отъ него гоненіе и грабленіе,—говоритъ Хворостининъ объ отношеніи къ нему Гермогена,—въ тиранствѣ живуще подъ властію его, но ничто же лукавно нанъ помыслихъ.... Гнѣвомъ его быхъ ни во что же“, прибавляетъ онъ (Ркп. Имп. Публ. Библіотеки Q. IV. 172, л. 10 об.).

неній въ томъ, будто бы онъ возбуждалъ народъ къ возстанію на поляковъ ¹⁾. Но Хворостининъ не оставался въ Москвѣ во время ея осады русскими ополченіями. По его разсказу видно, что онъ вошелъ въ Кремль вмѣстѣ съ осаждавшими; достигнувъ Чудова монастыря и „мало числомъ братіи обрѣтши“, спрашивалъ онъ монаховъ, гдѣ похороненъ Гермогенъ, и, найдя его могилу, поклонился ей ²⁾. Если бы онъ былъ въ Кремлѣ во время кончины патріарха, онъ, конечно, зналъ бы самъ мѣсто его погребенія.

Но, побывавъ въ освобожденной Москвѣ въ 1612 году, онъ не остался тамъ до царскаго избранія. Московское правительство послало его на службу: уже въ началѣ 1613 года былъ онъ воеводою во Мценскѣ и 12-го марта писалъ земскому собору въ Москву о повлеченіи на югъ польскихъ войскъ ³⁾. Въ отвѣтъ на это отъ государя и собора приказано было ему съ бѣлевскими воеводами кн. Андреемъ Хованскимъ и кн. Семеномъ Гагаринимъ промыслять надъ непріателемъ. Хворостининъ долженъ былъ идти на сходъ къ Хованскому. Сошлись они недалеко отъ Козельска. Хованскій приглашалъ Хворостинина соединиться съ нимъ, но Хворостининъ заупрямился, постоялъ въ шести верстахъ отъ бѣлевскаго отряда, а затѣмъ безо всякаго дѣла ушелъ обратно во Мценскъ „и тѣмъ своимъ походомъ и рознью.... государеву дѣлу поруху учинилъ“. Такъ доносили бѣлевскіе воеводы. Но самъ Хворостининъ еще раньше писалъ въ Москву о Хованскомъ, „что онъ, въ приходъ литовскихъ людей, изъ Бѣлева побѣжалъ“. Московское правительство, видя между воеводами „рознь великую“, справедливо заключало, что „государеву дѣлу въ ихъ розни прибыли не будетъ“, и рѣшило отставить и Хованскаго, и Хворостинина. Но оно не знало, кѣмъ ихъ замѣнить, и тому же Хворостинину послало новый приказъ—промыслять надъ шайбами Заруцкаго ⁴⁾. Въ слѣдующемъ 1614 году дѣтомъ Хворо-

¹⁾ Ркп. Имп. Публ. Библиотеки Q. IV. 172, л. 12—12 об. Приводя оправданія патріарха, авторъ прямо утверждаетъ, что Гермогенъ говорилъ лично съ нимъ: „Ту прилучившуся и мнѣ; паче же всѣхъ ко мнѣ рече (то-есть, патріархъ) и предъ всѣми мя объя со слезами“.

²⁾ Ркп. Имп. Публ. Библиотеки Q. IV. 172, л. 14—15.

³⁾ Дворц. Разряды, I, 1051 и 92.

⁴⁾ Дворц. Разряды, Приложенія, №№ 5, 37, 46 и 51; №№ 31, 47 и 49. Боярство, управлявшее дѣлами въ Москвѣ, не знало, кого послать на смѣну соорившимся воеводамъ, по той причинѣ, что „стольники и дворяне большіе, и изъ городовъ выборные вст... съ государемъ“ были въ его походъ изъ Ярославля

стининъ былъ уже въ числѣ „большихъ воеводъ“ Украиннаго разряда и стоялъ со сторожевымъ полкомъ въ Новосиля. Съ этой службы онъ былъ отпущенъ 30-го октября 1614 года, и затѣмъ втеченіе трехъ лѣтъ о немъ вовсе нѣтъ извѣстій¹⁾. Только въ 1618 году, въ апрѣлѣ, былъ онъ посланъ воеводою на Рязань въ Переяславль Рязанскій и оставался тамъ до марта 1619 года²⁾. Нашествіе Владислава съ Сагайдачнымъ застало его въ Переяславлѣ. Онъ удачно „отсидѣлся отъ черкасъ“ и за это получилъ награду по возвращеніи своемъ въ Москву: 13-го марта 1619 года государь пожаловалъ его „у стола“ серебрянымъ кубкомъ и шубой въ 160 руб. Въ то время онъ считался стольникомъ³⁾, и его прошлое какъ будто бы было забыто.

Но немного лѣтъ спустя его вспомнили. Поведеніе Хворостинина въ Москвѣ обратило на князя вниманіе правительства и вызывало осужденіе со стороны частныхъ лицъ. Князь Сем. Ив. Шаховской, извѣстный писатель XVII вѣка, происходившій изъ того же рода Ярославскихъ князей, какъ и Хворостининъ, былъ лично съ нимъ

къ Москвѣ (Дворц. Разряды, I, 1144, 1156). Указъ, которымъ было „вѣдно столникамъ и стряпчимъ и жильцомъ быть... съ нами (государемъ) въ походѣ къ Москвѣ“, состоялся, вѣроятно, въ началѣ апрѣля или концѣ марта 1613 года (Дворц. Разряды, I, 1145). Вслѣдъ за придворными чинами „и городовые... дворяне многіе повѣхали къ ... государю“; ѣхали къ государю изъ Москвы и представители тяглыхъ людей (Дворц. Разряды, I, 1131 и 1085—1086). Такимъ образомъ можно думать, что весь земскій соборъ сосредоточился около государя и въ Москвѣ осталась только боярская коммиссія, вѣдавшая текущія дѣла въ Москвѣ и имѣвшая одну исполнительную власть. Этимъ объясняется, почему московскіе бояре въ апрѣлѣ 1613 года стали писать къ государю не отъ лица собора, какъ писали раньше, а отъ лица одного „Ө. Мстиславскаго съ товарищи“; понятнымъ становится и то, почему изъ Москвы бояре одни „не смѣютъ“ назначать въ города воеводъ; ясно также, съ какимъ „соборомъ“ объяснялся государю въ Троицкомъ монастырѣ въ концѣ апрѣля (Дворц. Разряды, I, 1103, 1106, 1138—1139, 1162). Мы позволили себѣ это отступленіе въ виду того, что въ специальныхъ трудахъ по исторіи земскихъ соборовъ нѣтъ указаній на отъѣздъ собора 1613 года изъ Москвы.

¹⁾ Дворц. Разряды, I, 133, 159 — 160.—Книги Разрядныя, I, 29 — 30. Въ этомъ году Хворостининъ служилъ подъ командой своего литературнаго собрата кн. Ив. Мих. Катырѣва-Ростовскаго, бывшаго въ Тулѣ первымъ воеводою большаго полка.

²⁾ Книги Разрядныя, I, 482, 532, 620 — 621, 652.—Дворц. Разряды, I, 346, 420—421.

³⁾ *Забѣлина* Дополненія къ Дворцовымъ Разрядамъ, часть I (*Чт въ Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1882 г., I. ст. 158—160).

знакомъ и оставилъ любопытные о немъ отзывы въ своихъ произведеніяхъ, писанныхъ около 1622 года ¹⁾. Въ это время Шаховскаго постигла царская опала; даже посторонніе люди приходили къ нему съ сочувствіемъ и помощью, а его далекій родичъ Хворостининъ не только не помогъ ему, но и не посѣтилъ его. А между тѣмъ Хворостининъ, по словамъ Шаховскаго, считалъ себя нравственно совершеннымъ человѣкомъ и желалъ поучать другихъ. Съ горечью замѣчаетъ о немъ Шаховской, что „такова бо человѣка и нрава его во истинну далече бѣжимъ, понеже фарисейскою гордостію надменъ“... ²⁾. Но затѣмъ самъ же Шаховской написалъ Хворостинину письмо, убѣждая его на дѣлѣ показать свою любовь и милосердіе къ страждущимъ ³⁾. Позднѣе, когда Шаховской былъ въ гостяхъ у Хворостинина, между ними возникъ любопытный споръ, описанный Шаховскимъ. Дѣло шло о шестомъ вселенскомъ соборѣ; Хворостининъ говорилъ, что онъ не былъ вселенскимъ, и очень дерзко обошелся съ Шаховскимъ: „Укорялъ мя еси“, писалъ ему Шаховской, — „вчерашняго дня въ дому своемъ, величаяся въ рабѣхъ своихъ и превозношася многимъ велерѣчіемъ и гордяся, реку, фарисейски, мняся превыше всѣхъ человѣкъ ученіемъ божественныхъ догматъ превзыти. Наше же убожество грубо и несмысленно нарековалъ еси и отнюдь чюжа ученію священнаго и отцепреданнаго писанія, и за малое мое нѣкое реченіе препирахся еси гнѣвно и люте свирѣпствова“. Выговаривая Хворостинину за его грубость, Шаховской ставилъ ему на видъ, что „нѣсть полезно благовѣрну мужу тщеславіемъ побѣжденну быти или звѣрски яритися на друга“. Отъ высокоумія, тщеславія и гордости Хворостинина, по словамъ Шаховскаго, не онъ одинъ страдалъ: „измлада обыкохъ еси въ таковѣ велехвальнѣ бычѣ быти“, говоритъ онъ Хворостинину, подтверждая этими словами болѣе раннія показанія Массы о поведеніи „надменнаго и все себѣ позволявшаго мальчишки“. Шаховской успѣлъ даже замѣтить стороннее вліяніе на своего сородича: онъ говоритъ, что главнымъ потаковникомъ

¹⁾ Отзывы Шаховскаго мы беремъ изъ наиболѣе полныхъ рукописныхъ сборниковъ его произведеній. Въ этихъ сборникахъ, принадлежащихъ библіотекѣ Моск. Дух. Академіи, труды Шаховскаго расположены въ хронологическомъ порядкѣ ихъ составленія и, какъ увидимъ ниже, первые изъ нихъ относятся къ началу 20-хъ годовъ XVII вѣка.

²⁾ Моск. Дух. Академіи ркп. № 213, лл. 7—9 об.; ркп. № 214, лл. 7 об.—11.

³⁾ Моск. Дух. Академіи ркп. № 213, лл. 14 — 15 и 19; ркп. № 214, лл. 18 об.—20.

заблужденій и страстей Хворостинина былъ только что перешедшій въ православіе Заблоцкій, очевидно, полякъ ¹⁾).

Иноземное и иновѣрное вліяніе на Хворостинина замѣчало и московское правительство. Обыски, два раза произведенные въ домѣ Хворостинина, обнаружили у него латинскіе книги и образа. О немъ узнали, что онъ „учалъ приставать къ польскимъ и къ латинскимъ попамъ и къ полякамъ и въ вѣрѣ съ ними соединился“. На первый разъ его простили. Но Хворостининъ не одумался и отсталъ не только отъ православія, но и вообще отъ евангельскаго ученія. Онъ сталъ отрицать воскресеніе мертвыхъ, необходимость поста и молитвы; людей своихъ не пускалъ въ церковь, самъ на страстной недѣлѣ въ 1622 году „пилъ безъ просыпу“, ѣлъ мясо, не былъ въ церкви на Пасхѣ и не поѣхалъ съ поздравленіемъ во дворецъ. Съ другой стороны Хворостининъ въ это же самое время обнаруживалъ и „къ измѣнѣ шатость“. Онъ думалъ „отѣхать въ Литву“ и для этой цѣли, какъ догадывались, хлопоталъ въ Разрядномъ приказѣ, чтобы его отпустили на литовскую границу на посольскій сѣздъ (съ кн. В. П. Ахамашуковымъ-Черкасскимъ), вмѣсто того, чтобы быть на „береговой службѣ“ противъ ногайцевъ (съ кн. И. М. Катыревымъ-Ростовскимъ). Хворостинину въ Москвѣ казалось скучно: „все людъ глупой, жити.... не съ кѣмъ“. Свою тоску и презрѣніе къ московскимъ людямъ изливалъ онъ „на письмѣ“: въ книжкахъ его слога были „многія укоризненныя слова писаны на виршь“ противъ московскихъ порядковъ. Все это послужило поводомъ ко вторичной ссылкѣ Хворостинина подъ началъ въ Кирилловъ монастырь ²⁾).

¹⁾ Моск. Дух. Академія ркп. № 213, лл. 60 об.—69 об.; ркп. № 214, лл. 79 об.—91 об.—*Строева* Библиол. Словарь, стр. 290.—Свѣдѣній объ этомъ Заблоцкомъ намъ не встрѣтилось.

²⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. III, № 90. Дата этой грамоты невѣрна, какъ замѣчалъ еще *Строевъ* (Библиол. Словарь, стр. 289): вмѣсто 1632 года слѣдуетъ читать 1623. Когда въ первый разъ уличенъ былъ Хворостининъ въ ереси при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, опредѣлить нельзя. Тѣ же проступки, за которые онъ былъ посланъ въ Кирилловъ монастырь, совершены имъ въ 1622 г. Въ этомъ убѣждаемся какъ изъ самой грамоты 1623 года, такъ и изъ сравненія ея показаній съ разрядными книгами. Сѣздъ съ поляками, о которомъ говорится въ грамотѣ, былъ въ серединѣ лѣта 1622 года; одновременно съ назначеніемъ по слову произведено было назначеніе воеводъ и на береговую службу (Дворц. Разряды, I, 518—519). Думный дьякъ Т. Луговскій, къ которому обращался Хворостининъ, въ 1622 году сидѣлъ въ Разрядѣ (Дворц. Разряды, I, 507—508).

Онъ былъ посланъ туда въ 7131 году (вѣроятно, въ концѣ 1622 или въ началѣ 1623 года) и долженъ былъ тамъ жить въ особой кельѣ подъ надзоромъ „добраго“ и „житьемъ крѣпкого“ старца. Ему было запрещено выходить изъ монастыря, и никто не могъ его посѣщать. Патріархъ требовалъ, „чтобъ у него безъ келейнаго правила не было ни одного дни и церковнаго-бъ пѣнія николи не отбывалъ“. Вѣроятно, кн. Хворостининъ скоро обнаружилъ признаки искренняго раскаянія, потому что въ концѣ 1623 года власти Кириллова монастыря, не спросясь у патріарха, допустили своего узника къ исповѣди и причастію. За это послѣдовалъ имъ выговоръ отъ патріарха; но вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ Филаретъ призналъ возможнымъ снять съ Хворостинина наложенное наказаніе. Въ ноябрѣ 1623 года послалъ онъ въ монастырь „учительной свитокъ“, въ которомъ заключалось опроверженіе главнаго заблужденія Хворостинина — о воскресеніи мертвыхъ. Этотъ свитокъ монастырскія власти сперва должны были прочесть Хворостинину на соборѣ, а затѣмъ истребовать отъ него торжественное отреченіе отъ прежнихъ ересей. Учительный свитокъ онъ долженъ былъ подписать своею рукою. Все это было исполнено: князь былъ „въ вѣрѣ истязанъ и далъ на себя въ томъ обѣщанье и клятву“, что будетъ строго блюсти православіе¹⁾. Вслѣдъ за этимъ 11-го января 1624 года человекъ князя Хворостинина, Иванъ Михайловъ, привезъ въ Кирилловъ монастырь царскую грамоту объ освобожденіи Хворостинина изъ монастыря. Власти должны были отпустить его къ Москвѣ на своихъ подводахъ и со своими служками, „для береженья и проѣзду“. Однако князь былъ отправленъ съ приставами, которые заранѣе должны были извѣстить правительство о приближеніи его къ Москвѣ²⁾. Одновременно съ послѣднею грамотой монастырскимъ властямъ послана была, вѣроятно, грамота и самому Хворостинину. Въ ней государь и патріархъ объявили князю полное прощеніе, велѣли ему „видѣти свои государскія очи и быти

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. III, № 147. — Собр. Гос. Гр. и Д. III, № 90. — „Учительный свитокъ“, носящій заглавіе: „О востаніи мертвыхъ поученіе отъ Божественныхъ писаній Ивану Хворостинину“, дошелъ до насъ въ ркп. Имп. Публ. Библиотеки Погодинск. № 1563, лл. 115—122 об., XVII в., въ 4 д. (А. Ф. Бычкова Описание церк.-слав. и русск. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библиотеки, I, стр. 105). Поученіе это представляетъ собою собраніе текстовъ св. Писанія и выдержекъ изъ житій, свидѣтельствующихъ о воскресеніи мертвыхъ. Въ концѣ его находятся слова: „Хворостининъ св(о)ею рукою“; они написаны тѣмъ же почеркомъ, какъ и все поученіе.

²⁾ Акт. Арх. Эксп. III, № 149.

во дворянѣхъ по прежнему¹⁾. Но недолго пользовался Хворостининъ милостью государей: черезъ годъ, 28-го февраля 1625 г., онъ скончался и былъ погребенъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ²⁾. Изъ Кормовой книги Кириллова монастыря узнаемъ, что кн. Иванъ въ концѣ своей жизни принялъ монашество съ именемъ Іосифа³⁾. Не знаемъ, осталось ли у него потомство; его Переяславскою вотчиной, селомъ Даратниковымъ и деревнею Бурцовой, владѣла въ 1627 г. его вдова, имени которой въ памятникахъ не сохранилось⁴⁾.

Такова была жизнь князя Хворостинина. Рѣдкая личность его вѣка можетъ быть характеризована съ такою опредѣленностью, какъ онъ. Современники замѣчательно сошлись въ его нравственной оцѣнкѣ, считая его самоувѣреннымъ, надменнымъ и дерзкимъ. Шаховской, какъ мы видѣли, говорилъ ему это въ глаза. Заявлялось это и въ правительственнымъ грамотахъ, обращенныхъ къ нему: „въ разумѣ себѣ въ версту не поставилъ никого“, писали ему изъ Москвы при его освобожденіи изъ монастыря⁵⁾. Мы имѣемъ возможность и сами убѣдиться въ истинности подобныхъ отзывовъ. Вопреки литературнымъ обычаямъ своей эпохи, Хворостининъ въ своемъ трудѣ далеко былъ отъ авторской скромности и самоуниженія. Передавая свою бесѣду съ Гермогеномъ, онъ не затруднился его устами сказать себѣ высокую похвалу⁶⁾. Въ сознаниіи своего превосходства надъ

¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. III, № 90.

²⁾ День смерти И. А. Хворостинина показанъ въ „Спискѣ надгробій Троицкаго Сергіева монастыря“ (*Чт. съ Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1846 г., II, стр. 36.—Историч. Описаніе Св.-Троицкія Сергіевы лавры. М. 1879, II, стр. 85). Здѣсь читаемъ: „Князь Иванъ Андреевичъ Хворостининъ, преставился 7133 (1625) г. февраля въ 28 день“.

³⁾ *Записки Отд. Русск. и Слав. Археологій Имп. Археолог. Общества*, I, отд. 3-е, стр. 70. Въ этой книгѣ записаны вклады И. А. Хворостинина, „во инокѣхъ Іосифа“, въ Кирилловъ монастырь: „и всего дачи его на 190 р.“. Кормъ по немъ былъ 9-го февраля, а не въ день кончины.

⁴⁾ Русск. Ист. Библиотека, IX, стр. 499—500. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь рѣчь идетъ о людяхъ и вотчинахъ кн. Ивана Андреевича, а не кн. Ивана Дмитріевича Хворостинина, умершаго въ 1612 году (Историч. Описаніе Св.-Троицкія Сергіевы лавры. М. 1879, II, стр. 86, примѣч.). Среди людей Хворостинина упоминается, очевидно, тотъ самый Иванъ Михайловъ, который незадолго передъ тѣмъ привезъ въ Кирилловъ монастырь царскую грамоту объ освобожденіи своего господина (Акт. Арх. Эксп. III, № 149, стр. 216).

⁵⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. III, № 90, стр. 332.

⁶⁾ Правда, во введеніи Хворостининъ прибѣгаетъ къ обычному извиненію предъ читателями въ томъ, что не удержалъ „своей немощи“ и сталъ повѣст-

другими русскими людьми Хворостининъ не умѣлъ уступать имъ и уживаться съ ними. Съ Хованскимъ онъ ссорится на службѣ, съ Шаховскимъ—дома. Онъ ищетъ другой среды и, познавась съ польскою цивилизаціей при самозванцѣ, стремится къ ней и впоследствии, читаетъ польскія книги, знаетъ съ выѣзжимъ полякомъ, молится католическимъ иконамъ. Разъ осмѣлившись выйти изъ круга установившихся въ Москвѣ понятій, онъ потомъ далеко заходитъ въ своемъ отрицаніи и начинаетъ скептически относиться даже къ частностямъ обще-христіанской догмы. Но смѣлая работа его ума не даетъ ему твердой нравственной устойчивости. Если его юношескіе грѣхи могутъ быть извиняемы молодостью, то позднѣйшее поведение прямо свидѣтельствуетъ о распущенности его нравовъ. Слабость къ вину составляла главный порокъ Хворостинина. Патриархъ, увѣщавая его отстать отъ ереси, прямо говорилъ ему, что его губило именно „безмѣрное пьянство“¹⁾. Читая произведеніе Хворостинина о смутѣ, мы убѣждаемся и въ томъ, что постоянство взглядовъ не было его добродѣтелью. Въ этомъ произведеніи нѣтъ и слѣда тѣхъ симпатій и возрѣній Хворостинина, которыя навлекали на него гоненія. Напротивъ, онъ является передъ нами вполне православнымъ и вполне московскимъ человѣкомъ.

Знакомство съ личностью автора поможетъ намъ дать должную оцѣнку его труда. „Словеса“ Хворостинина весьма любопытны, но не столько фактическими показаніями,—ихъ въ произведеніи немного—, сколько взглядами автора и его личными цѣлями. Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что Хворостининъ больше всего имѣлъ въ виду оправдать свое собственное поведение въ смуту, избавиться отъ обвиненій, надъ нимъ тяготѣвшихъ, и заявить о своемъ правовѣрїи и патриотизмѣ. Но сдѣлать это прямо и открыто онъ почему-то не желалъ и постарался придать своему труду характеръ

вать подвиги „великодушныхъ мужъ“. Но въ самомъ повѣствованіи не замѣтно сознанія этой немощи: авторъ безъ стѣсненія передаетъ, напримѣръ, такую похвалу Гермогена, обращенную къ нему: „Ты *боль всмѣх* потрудишься во ученіи; ты *вси*, ты *знаеши*“... (Ркп. Имп. Публ. Библиотеки Q. IV. 172, л. 12 об.).

¹⁾ Ркп. Имп. Публ. Библиотеки Шогодинск. № 1563, л. 122. Патриархъ пишетъ: „Обычай бо есть ему (дѣволу) прежде челоука *воврещи* въ *ростлѣнно* житіе, еже *безмѣрное* пьянство; отъ него жъ *ражаеця* различный блудъ, о немъ же *срамъ* есть не токмо *писати*, но и *глаголати*; и оттуду *безстрашіе* и *отчаяніе*; изъ *нихъ* же *паки* ересь и *невѣріе*, *яже* *вся* *збышася* на *тобѣ* *убозѣмъ* (то-есть, Хворостининѣ)“.

объективнаго повѣствованія о достопримѣчательныхъ личностяхъ его времени. Однако полагаться на эту кажущуюся объективность Слова Хворостинина историку не возможно и при оцѣнкѣ его показаній всегда необходимо обращать вниманіе на житейскія отношенія автора. Трудно, напримѣръ, допустить, чтобы Хворостининъ въ своихъ отзывахъ о Лжедимитріи или Шуйскомъ оставался совершенно свободнымъ отъ личныхъ своихъ съ ними счетовъ.

Между тѣмъ все произведеніе Хворостинина состоитъ изъ общихъ характеристикъ тѣхъ дѣятелей смуты, которые были ему извѣстны лично. Послѣ вступленія, въ которомъ развивается мысль о томъ, что Русская земля „благочестіемъ всѣхъ преодолѣ“¹⁾, авторъ приступаетъ къ изображенію личности Бориса Годунова. Прежде всего указываетъ онъ на заботы Бориса о народѣ, страдавшемъ отъ голода 1601 — 1603 годовъ²⁾. Годуновъ былъ тогда очень милосердъ: по мнѣнію Хворостинина, „никто же отъ преждебывшихъ царей тако сотвори, яко же владыка нашъ (то-есть, Борисъ) надъ убогими ми-

¹⁾ Ркп. Имп. Публ. Библіотеки Q. IV. 172, лл. 1—3 об.—Въ началѣ вступленія излагается кратко исторія грѣхопаденія и искупленія человечества. Говоря о началѣ христіанства, авторъ рассказываетъ о пришествіи на Русь ап. Андрея Первозваннаго — словами первоначальной лѣтописи (ихъ Хворостининъ могъ заимствовать и изъ какого нибудь позднѣйшаго извода; ср. Полн. Собр. Р. Лѣт., I, 4; X, 3—4). Далѣе повѣствуется о просвѣщеніи Руси христіанствомъ и выясняется главная мысль вступленія: „якожь прежде нечестіемъ всѣхъ превыде Руская земля, тако и нынѣ благочестіемъ всѣхъ преодолѣ“. Въ концѣ вступленія (л. 3) замѣтенъ перерывъ смысла, — быть можетъ, вслѣдствіе пропуска. Авторъ круто обрываетъ свое разсужденіе и выясняетъ дѣли своего труда: по его словамъ, онъ желаетъ описать „пастырей нашихъ дѣтели“, подвиги „великодушныхъ мужъ, и бескровныхъ мучениковъ, и побѣдоносцовъ“.

²⁾ Любопытно у Хворостинина описаніе этого голода: „Страна Руская и преславный градъ Москва свидѣтель словесемъ нашимъ есть (такъ начинается князь свой разсказъ). Внегда иудимъ бѣ (то-есть, градъ Москва) и разслабваемо богатство, красота и слава оскудѣваше, и родоначаліе владыческое преиде отъ земли нашея, — изриновени быша отъ любве чловѣколюбія, оскудѣша грады, оскудѣша люди, не оскудѣ мерзость и возрасте плодъ грѣха, възде дѣло беззаконія и возненавидѣ другъ друга, и умножися въ насъ паденія, и убіена бысть земля наша гладомъ. И мнози вкусяша отъ глада лайка, и плотей чловѣческихъ, и мертвыхъ тѣлесъ существа своего, птицъ же, и звѣрей, и рыбъ, и елико слово подробну сказати не можетъ: коры древяныя, коренія водное, быліе непотребное, и елика таковая и множайша сихъ, елико ни качеству предати возможно“ (Ркп. Имп. Публ. Библіотеки Q. IV. 172, л. 3 об. — Сравни. *Карамзина* Ист. Гос. Росс. XI, прим. 168, и *А. Ѳ. Бычкова* Описаніе ц.-слав. и русскыхъ рукописн. сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки, I, стр. 468).

дость яви". Мало того, что онъ истощалъ свои богатства на подаваніе голоднымъ,—онъ съ честью хоронилъ и погибшихъ отъ голода. „Кто изглаголетъ челоуѣколюбный его нравъ въ то время и къ нищимъ благодать?“ восклицаетъ авторъ и переходитъ къ описанію другихъ добродѣтелей Бориса: его благочестія и правительственныхъ способностей. Но рядомъ съ ними Хворостининъ описываетъ и дурныя качества Бориса, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру другихъ писателей своего времени ¹⁾. Онъ расходится съ ними существенно только въ одномъ: въ его общей характеристикѣ Годунова нѣтъ обвиненія Бориса въ убіеніи Димитрія. Правда, въ дальнѣйшемъ изложеніи, упоминая о поруганіи праха царя Бориса при самозванцѣ, Хворостининъ мелькомъ замѣчаетъ, что это поруганіе было возмездіемъ злодѣю, „иже уби сына господина своего, нелѣпно глаголя нань, его же ублажи Христось Богъ“. Но въ другомъ мѣстѣ гибель Годунова онъ объясняетъ гнѣвомъ Божиимъ не за убійство праведника, а за „высокоуміе“ Бориса. Смирная гордость Бориса, Господь „укроти высокоуміе его и уби землю его кровми и умали дни времени его“. Скоропостижная кончина Бориса не дозволила даже причастить умирающаго и обрядъ постриженія совершили уже надъ мертвымъ, какъ сообщаетъ нашъ авторъ ²⁾.

¹⁾ Вотъ слова Хворостинина о Борисѣ: „Аще бо и лукавъ сый нравомъ и властолюбивъ, но зѣло и боголюбивъ. Церкви многи возгради и красоту градскую велелѣпиемъ исполни. Лихомцы укроти, самолюбныхъ погубивъ, областемъ страннымъ страшень показася, и въ мудрость житія міра сего, яко добрый гигантъ, облечеса, и принѣмъ славу и честь отъ царей. И озлоби люди своя и постави сына на отца и отца на сына. И сотвори вражду въ домѣхъ ихъ, и ненавидѣніе и лезть въ рабѣхъ сотвори, и возведе работныхъ на свободныхъ, и уничижи господа на начальствующихъ (такъ въ спискѣ), и соблазни міръ, и введе ненависть, и постави рабовъ на господъ своихъ. И власти сильныхъ отъять и погуби благородныхъ много, иже нелѣпо есть днесь простерти слово, да не постигнетъ насъ время повѣсти дѣюще. Съ волхвы убо совокупився и бытіе дней своихъ разумѣти и тщаніе свое положи въ чародѣваніе, и возвысися зѣло и почитаніе сотвори себѣ, яко Богу, и приношаше ему и восписовашеся, паче Творца тварь почтеса“.—Объ образованіи Бориса Хворостининъ говоритъ почти то же, что Тимоеевъ: „аще и не наученъ сый писаніямъ и вѣщемъ книжнымъ, но природное свойство цѣлоносно имѣя“ (Ркп. Имп. Публ. Библіотеки, Q. IV. 172, л. 4 — 4 об.). Въ этой характеристикѣ мало найдемъ новыхъ чертъ въ сравненіи съ отзывами о Борисѣ Палицына, Тимоеева и автора Хронографа 1617 г. Быть можетъ, Хворостининъ зналъ нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ. Но въ такомъ случаѣ не лишено значенія и то, что онъ съ ними согласился.

²⁾ Хворостининъ говоритъ о Борисѣ: „Не сподобися... тѣла и крови... Христа Бога нашего во оставленіе грѣховъ“. Но жертва суца постническимъ образомъ

Отзывъ Хворостинина о наследникѣ Бориса крайне лестенъ: „Благородный свѣтлѣйшій юноша, образомъ же и савомъ и словесемъ и отеческимъ наказаніемъ и книжнымъ почитаніемъ искусенъ бывъ“, — такими словами описанъ царь Θεодоръ Борисовичъ у Хворостинина ¹⁾. Его несчастная судьба вызываетъ живѣйшее сожалѣніе автора. По его словамъ, зловѣщія знаменія уже заранѣе указывали на то, что Годуновы обречены были на погибель ²⁾. И дѣйствительно, неповинный Θεодоръ какъ бы понесъ наказаніе за грѣхи отца: онъ былъ свергнутъ съ престола, и его смерть казалась необходимою для самозванца, „да не будетъ крамола въ людѣхъ“. О томъ какъ убили Θεодора, авторъ сообщаетъ со словъ одного изъ участниковъ злодѣяства ³⁾.

Хворостининъ не падить въ своихъ отзывахъ того ложнаго царя Димитрія, который приблизилъ его къ себѣ и осыпалъ милостями. „И саде,—говоритъ онъ,—песь смрадный на престолѣ, а не царь, но законопреступникъ и хульникъ иноческаго житія“ ⁴⁾. О походженіяхъ Разстриги авторъ не рассказываетъ ⁵⁾, но не одинъ разъ повторяетъ,

почетша и черноризца славы иноческаго житія беззавсудне показати по смерти изволиша“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 172, л. 4 об.). Официальныя грамоты дѣйствительно извѣщали о постриженіи Бориса (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 83.—Акт. Арх. Эксп. II, № 31, № 32). И Новый Лѣтописецъ сообщаетъ о томъ же: „едва успѣ поновитися и постричься“ (Ник. Лѣт. VIII, 64.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 86.—Нов. Лѣт., 66. См. также Сказанія Массы и Геркмана, стр. 136).

¹⁾ Сравн. Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 191—192 и 313—314.

²⁾ „Во времена же его (пишетъ Хворостининъ о Θεодорѣ) и предъ смертію отца его быша знаменія многа комитнаго указанія: овогда копейнымъ образомъ; овогда двѣ луны, и едина едину побораше; овогда на царственномъ дворѣ его въ ноци коегождо часа отъ храма боголѣпнаго Преображенія Спасова и отъ двора его исхождаше свѣтъ, взимашеся на высоту. И тако разумѣхомъ, яко присѣщеніе Божіе отъяся отъ нихъ и власть милости Божіа отъиде отъ дому ихъ“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 172, л. 5). О знаменіяхъ того времени есть и другія указанія (*А. Θ. Бычкова* Описание ц.-слав. и русск. рукописн. сборниковъ Имп. Публ. Библиотеки, I, стр. 468.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс. XI, прим. 191.—Сказанія современниковъ о Димитріи самозванцѣ, изд. 3-е, I, стр. 38.—Сказанія Массы и Геркмана, стр. 85).

³⁾ Когда посланные отъ самозванца думали, какъ погубить Θεодора и мать его, тогда, по словамъ Хворостинина, „единъ злосовѣтникъ золь прииде, якоже самъ сказа мнѣ сіе, и совѣща посланнымъ совѣтъ золь: да послють тамо войны, нмуща ужа, и подавятъ ихъ, да не будетъ крамола въ людѣхъ“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 172, л. 5 об. Сравн. Новый Лѣтописецъ въ Ник. Лѣт. VIII, 69—70).

⁴⁾ Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 172, л. 6 об.

⁵⁾ Онъ говоритъ только: „И воста законопреступникъ и уклони окрестныхъ сердца ходити во слѣдъ свой, предсти несмысленныхъ, благочестивыхъ же стра-

что всѣ русскіе люди увѣровали въ самозванца и съ радостью приняли его: „святительскій чинъ и ерейскій соборъ съ сущими жителями благолѣпно почтоша беззаконнаго со святыми иконами, псалмы и пѣснями духовными ублажиша его всѣ роды града того (Москвы) и вся страна преклонися къ похваленію того“. Указывая на то, что заблужденіе относительно личности самозванца было всеобщимъ, Хворостининъ тѣмъ самымъ косвенно оправдывалъ свое личное служеніе Лжедмитрію. Кажется, съ такою же цѣлью личнаго оправданія приводитъ онъ и слѣдующій рассказъ, не вполне вразумительный: Лжедмитрій построилъ себѣ „храмины въ свое юношеское бытіе“¹⁾, и сталъ неумѣренно хвастаться своимъ сооруженіемъ. При этомъ самовосхваленію присутствовалъ „юноша вѣкій, иже ему (то-есть, самозванцу) любимъ бѣ и печашеся присно о его спасеніи“ (по частностямъ дальнѣйшаго изложенія можно думать, что это былъ самъ Хворостининъ). Юноша безстрашно выступилъ съ обличеніемъ противъ самозванца и сравнилъ его съ Михаиломъ, царемъ греческимъ, который „конскую хранительницу устрои“ и за это былъ пристыженъ „магистромъ вѣбимъ“. „Тако же и ты хвалишися, о царю, блудническіе храмы златомъ довольно украсивъ; въ память вѣчнаго устроенія сіе мниши, а не Содѣтелю имѣя хвалу“, — говорилъ юноша Лжедмитрію и указывалъ ему на то, что Богъ всегда смирялъ нечестивую гордыню. Самозванецъ не исправился, но и не наказалъ смѣлаго юношу²⁾, несмотря на то, что царствовалъ, „мыслию же и тцаніемъ

хомъ укроти. И тако многимъ бѣдствомъ неукротимый звѣръ инокъ Григорій царскимъ имянемъ облече себе и беззаконною заповѣдью мучительскою всѣхъ людей поколеба, и смятошася отъ ополченія его всѣ; даже и до царствующаго града достиже“. О личности самозванца авторъ замѣчаетъ: „мерзость запустѣнія въ сердцѣ имѣя и острою смысла, ученіемъ книжнымъ себе давно искусивъ“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 172, л. 5, л. 6 об.).

¹⁾ Вѣроятно, дворецъ, описанный Массою (Сказанія Массы и Геркмана, стр. 165—166 и прим. 257 и 258).

²⁾ Приведа изъ библейской исторіи примѣры того, какъ Господь смирялъ гордыхъ, юноша закончилъ свою рѣчь самозванцу словами: „сіе убо вѣдая, бойся непотребія творити. И егда слышавъ онъ (продолжаетъ Хворостининъ о самозванцѣ), яко стрѣлою сердце свое словесы онѣми пронзе, нѣвако сокровенно рече ми: и ты ли злая помыслилъ еси на мя? Остави свое правленіе моему любочестію. Онъ же рече: никакоже, о царю, еже къ тебѣ благосердія отрекохся, не точію здѣ въ изобиліи живуще у тебе, но и при смерти никакожде же отторгнулся бы отъ тебе. Азъ, владыко мой, отъ прирожденья своего имѣхъ нравъ, еже царя чтити и еже къ нему благоразумія имѣти. Не небрегохъ твоего спасенія, понеже и мнози на твою державу подвигшеся, зъ Богомъ рещи свою бод-

много возвысився и самодержавіе выше чловѣческихъ обычаевъ устроая и крови проливая*.

Для характеристики самозванца въ произведеніи Хворостинина не находимъ ничего болѣе. Мало говоритъ нашъ авторъ и о патриархѣ Игнатіи, котораго называетъ „врагомъ Богу и чловѣкомъ“¹⁾. О другихъ же лицахъ, близкихъ къ самозванцу, не найдемъ и простаго упоминанія. Хворостининъ гораздо обстоятельнѣе говоритъ о времени Шуйскаго, которое онъ провелъ въ ссылкѣ, чѣмъ о времени самозванца, когда онъ игралъ роль при дворѣ.

Шуйскаго Хворостининъ не любитъ. О его царствованіи говоритъ онъ, что „во дни его всяка правда успе, и судъ истинный не бѣ, и всяко любочестіе пресякну“. Шуйскій несправедливо завладѣлъ престоломъ, самовольно далъ на себя клятву народу „и преступи клятву свою“. Поэтому и подданные нарушили данную ему присягу и возстали противъ него. „Юношескимъ обуяся житіемъ“, царь Василій

рость о твоёмъ спасеніи дѣлеса покажахомъ, тѣмъ же и любочестія отъ твоея десницы пріяти надѣяся. Звло опасно мыслихъ о твоёмъ спасеніи и ничто же лукаво и тебѣ и на тя помыслихъ, но здраву совѣтъ помышленія своего имѣхъ къ тебѣ, и прави пути словесъ своихъ мню, и паче всего своего спасенія хошу зрѣти твое здравіе. Но не воздамъ тебѣ чести, царю чловѣку суцу, паче славы Божіа; отъ милости жъ твоей, самодержца, никое зло отторгнути мя можетъ отъ тебе, развѣ поверженія христіанскаго закона. Око всевидящее Божіе зрѣнемъ богочалія вѣсть, како къ вашему величеству безлестіемъ имѣхъ смыслъ. И тако прекративъ слово. Ничто же страхованіемъ претивъ ми, руку на уста положи, охалая ея отъ мене въ нечловѣчныхъ коварствахъ“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 172, л. 7 об.). Въ этомъ діалогѣ юноша съ самозванцемъ (если только его текстъ точно сохранился въ спискѣ) Хворостининъ употребляетъ мѣстоименіе перваго лица—я, мене, говоря о юношѣ-обличителѣ. Это даетъ полное основаніе думать, что обличителемъ былъ онъ самъ. Повѣствуя подробно о ссорѣ своей со Дзедимитріемъ и представляя свою близость къ нему болѣе благовидною, чѣмъ она была на дѣлѣ, авторъ, конечно, писалъ въ видахъ личнаго оправданія.

¹⁾ По словамъ автора, Игнатій „ничто же самъ божественное творити навъче,—жезломъ святительскимъ и пастырскимъ сановники украшаетъ“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 172, л. 8). Въ этомъ можно видѣть намекъ на поставленіе Филарета Никитича въ митрополиты Ростовскіе. Официально признавалось въ XVII в., что Филаретъ былъ посланъ въ Ростовъ Гермогеномъ (Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 196), но еще до поставленія Гермогена въ патриархи Филаретъ, въ санѣ митрополита, отыгрывалъ мощи цар. Дмитрія (Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 110.—Рукопись Филарета въ Сборникѣ *Муланова*, изд. 2-е, стр. 267, и отдѣльно: стр. 5), а Хронографъ 1617 года прямо свидѣтельствуетъ что на Ростовскую кафедру онъ былъ поставленъ при самозванцѣ (Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 194).

не имѣлъ силы укротить мятежи, много скорбѣлъ, прибѣгалъ къ чародѣйству и вѣрилъ клеветникамъ, пока недовольный имъ народъ не лишилъ его царства ¹⁾. Но въ то время, когда власть принадлежала недостойному ея Шуйскому, патриаршій престолъ „добрѣ украсалъ“ собою патриархъ Гермогенъ. Гермогенъ—главный герой повѣсти Хворостинина: авторъ расточаетъ ему самыя лестныя похвалы, называетъ его даже „праведникомъ, мученикомъ и страдальцемъ Христовымъ“ ²⁾. Вопреки категорическому показанію Хронографа

¹⁾ Приводимъ нѣкоторыя мѣста о царѣ Василии: „По паденіи же сего (то-есть, самозванца), иже смерти ходатай, духъъ Василей ульсти люди благословеннымъ сана смиреніемъ и свое хотѣніе въ нихъ покладая, да его сотворятъ царя; якоже и бысть. Потичаетъ бо и подсѣдаетъ другъ своихъ и лукавыми бесѣдами и тщетными прибытки, и хотѣнію своему ласканіемъ превозводя, обята имъ всячески творити благоготовляшеся; яко же и сродницы его, тако же и онъ отъ бытія начала своего подъ всѣми деспоты своими взыскати начальство ихъ желая, и многообразное помышляя господемъ своимъ мысль выну; искони бѣ властолюбцы, а не боголюбцы. И тако пріяты Василій хоругви царскія многими своими труды, злымъ и лестныя своя измѣнныя поты отерши“... „Въ церковь соборную Божія Матери вшедъ, безстрастіемъ дерзновенія исполнися, и не положи Бога предъ собою по писанному, но вземъ... святыи поклоняемый крестъ, рече самодержецъ, новизбранныи царь, людемъ благодаренія творяше, лукаво крестъ добаа, клятву сямъ на ся возда... О бѣда! о скорби! единаго ради малаго времени житія сего святомъ льстится царь и клятву возводитъ на главу свою, никто же отъ человекъ того отъ него требуя, но самовольне клятвъ издавася. О властолюбецъ смѣи, а не боголюбецъ!“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 172, л. 8 об.—9).—Когда земля возстала на Шуйскаго, „царь же Василій въ тузъ и скорби бывъ, утвержашеся и противляшеся на нихъ... и никакоже истинно Богу притече. Юношескимъ обуяся житіемъ и подвиги, аще и старъ бѣ, но объюроде отъ многоаго сѣтованія: овогда Бога помощника себѣ творя, овогда же съ чародѣи бытіе свое познавая, и гаданіемъ суетнымъ и безвѣстнымъ вдаше себе, якоже внаученъ бысть гаданію“ (л. 9 об.).—„Сей убо присноглаголемый владыка и царь нашъ невѣрствіемъ отъ многоаго сѣтованія обята бысть, и въ буйство преложися, и праведное существо измѣнивъ, ложная шептанія во уши своя отъ неискусныхъ пріемля, на свое достояніе подвижеся, и свои люди оскорби, злосердіемъ творя. Никако же о сихъ не преста, внимаючи духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ входящихъ къ нему, вѣруя ихъ блядословію, и во истину вмѣняше, и оскорбляя православныхъ... И въ пятое лѣто державы его исполнись лютою ревностію люди нань, на братію его, отъ бояръ же и до простыхъ людей подвижеся, подстрекая и подтичая малоумныхъ и страха Божія не имущихъ... не бояшеся крестныя клятвы, завистію и гнѣвомъ отлучаше отъ престола его“ (л. 10).

²⁾ Между прочимъ, Хворостининъ даетъ такой отзывъ о патриархѣ: „Бѣ бо ученикъ и книжному любомудрію искусенъ; каноны и житія святыхъ написа и церкви отца; добрый кормчій, добръ управляя Христовъ корабль“ (Ркп. Имп.

1617 г.¹⁾, Хворостининъ утверждаетъ, что Гермогенъ являлся постояннымъ доброжелателемъ и союзникомъ Шуйскаго: „много пользова его отъ своего искусства и невозможе, многи убо бѣды прїимъ отъ всѣхъ человѣкъ его ради“²⁾. Свидѣтелемъ этихъ бѣдъ былъ самъ авторъ: онъ говоритъ, что лично видѣлъ „пастыря, поражена своими козлищи“, но не могъ помочь Гермогену³⁾.

Когда же Шуйскій былъ сверженъ и нѣкоторые бояре („ини отъ славныхъ нашихъ“, какъ выражается авторъ)—начали говорить объ избраніи Владислава, Гермогенъ сталъ противъ нихъ. Онъ толковалъ народу, что избраніе иновѣрца не принесетъ пользы Руси, и при этомъ „слезами же святитель лице, ризи же и браду мочаше“. Но не помогли никакія убѣжденія: москвичи „по многихъ прекословіяхъ сложишася въ совокупленіе едино со странными“ и избрали Владислава. Царя же Василія рѣшено было постричь въ монахи „по нуждѣ: да не приложатся къ нему единомысленники его, да не сотворятъ крамолы въ людѣхъ и да не лъстятся къ тому народы“. Гермогенъ не признавалъ такой нужды. „Нѣсть достоинъ иночеству“, говорилъ онъ о Василіи: „совлеку его отъ ризъ и отъ иночества“. Онъ, на-

Публ. Библ. Q. IV. 172, л. 13). О твореніяхъ Гермогена см. Библиод. Словарь *Строева*, стр. 62.

¹⁾ Избсрникъ *А. Н. Попова*, стр. 201.

²⁾ Въ чемъ заключались эти бѣды, Хворостининъ не объясняетъ удовлетворительно; онъ только говоритъ, что люди до того ополчались на патріарха, „яко же нѣкогда влачити его неискусно и поверзати праведника“ (Ряп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 172, л. 10 об.).

³⁾ „Видѣхъ убо и азъ неистовствоующихъ на его величество, и распалахся мыслию своею и душею болѣхъ его ради. Видѣ бо пастыря поражена своими козлищи, и вмѣсто волковъ избодая и узвляя своего владыку. Аще и болши всѣхъ подыятъ отъ него гоненіе и грабленіе, въ тиранствѣ живуще подъ властію его, но ничто же лукавно нанъ помыслихъ; но бохъ всѣхъ о немъ имѣя скорбь и тѣхася ко спасенію его и не можаше, зане гнѣвомъ его быхъ ни во что же. Но истинное свое и благочестное исправленіе ему отдахъ, яко же и ко врагомъ его многимъ (не) пригнѣтися любимымъ и славнымъ его, призываху же мя, обогащеніе многотысящное обѣщавше ми, нещца мира (быть можетъ: ми не) разумѣти креста Христова клятву, юности моя ради, и тѣмъ упразднити душу мою хотя. Въ житіи семъ ничто же стяжа(хъ), развѣ Христа Іисуса въ мертвеннѣмъ тѣлѣ своемъ приобрѣсти, да отъ многихъ сдѣянныхъ мя волю свободитъ и вся яже на мя лютии совѣсти разоритъ, яко да оправдаюся въ словесахъ и походу я“ (Ряп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 172, лл. 10 об.—11). У насъ нѣтъ данныхъ истолковать сдѣянные здѣсь автобіографическіе намеки, но мы можемъ воспользоваться однимъ изъ нихъ: желаніе Хворостинина „оправдатися въ словесахъ“ едва ли не объясняетъ настоящей причины появленія его труда.

противъ, грозилъ постричь тѣхъ лицъ, которыя рѣшились говорить за Василія монашескіе обѣты, „отрицатися винъ мірскаго житія за чужее спасеніе“ ¹⁾). Видя такое настроеніе Гермогена, москвичи отдали Василія полякамъ, а затѣмъ допустили враговъ занять Москву; поляки же стали притѣснять русскихъ людей и обманывать ихъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда на патріарха взвели клевету, будто онъ вооружаетъ русскихъ людей на поляковъ. Гермогенъ оправдывался передъ народомъ и утверждалъ, что онъ ни къ чему, кромѣ молитвы, не призываетъ свою паству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ твердо отказывался признать Владислава царемъ, пока Владиславъ не приметъ православія. Узнавъ объ этомъ, приверженцы Сигизмунда стали тѣснить Гермогена и прогонять отъ него народъ ²⁾). Патріархъ не терялъ мужества и стоялъ на своемъ, противясь желаніямъ короля; тогда его заточили въ Чудовъ монастырь и „опечалиша его кормлею и питіемъ“ ³⁾). При такихъ условіяхъ дѣятельность святителя

¹⁾ Сравни. Новый Лѣтописецъ (Нвк. Лѣт. VIII, 140.—Лѣт. о мн. мѣт., пзд. 2-е, 188.—Нов. Лѣт. 120).

²⁾ Хворостининъ былъ очевидцемъ бесѣды Гермогена съ народомъ: „Ту прилучившуся и мнѣ, паче же всѣхъ ко мнѣ рече (Гермогенъ) и предъ всеми мя объи со слезами: Ты болѣе всѣхъ потрудишя во ученіи, ты вси, ты знаеши (такъ говорилъ патріархъ)... Рекоша бо на мя враждотворцы наши, яко азъ оставлю васъ и вооружаю ополченіе страннаго сего и не единовѣрнаго воинства, иже преступивъ клятву, обладая нами чрезъ словеса своя. И азъ никако таковая глаголю вамъ когда, вы бо есте словесѣмъ моимъ свидѣтели. И едино имѣхъ вамъ реченіе: облецытеся во оружіе Божіе, въ постъ и въ молитвы,... и поможеть намъ Господь Богъ... А его же нарекше царемъ, аще не будетъ единоголасенъ вѣры нашея, иѣсть намъ царь сынъ; но вѣренъ—да будетъ намъ владыко и царь. И тако слышавше, елицы бѣша воини и елицы властодержцы, възъаришася на архіереа и грядущихъ ко благословенію его отревати повелѣ, непослушающихъ совѣта ихъ кознемъ многочиснымъ и расточенію предавати указа“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 172, л. 12 об.). Рѣчь Гермогена въ передачѣ Хворостинина весьма напоминаетъ тѣ рассказы о патріархѣ и его рѣчахъ, которые разсмотрѣны были нами выше (во II главѣ). Хворостининъ не сообщаетъ, когда именно слышалъ онъ рѣчь патріарха. Такъ какъ, по словамъ автора, послѣ этой рѣчи Гермогена стали притѣснять, то является основаніе думать, что Хворостининъ рассказываетъ о событіяхъ конца ноября или начала декабря 1610 года (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 224 и № 228).

³⁾ Повѣствуя о Гермогенѣ, Хворостининъ владаетъ въ хронологическія неточности. Послѣ рассказа о притѣсненіяхъ, постигшихъ патріарха, онъ говоритъ объ отправленіи великаго посольства къ королю и представляетъ дѣло такъ, какъ будто бы митр. Филаретъ былъ отправленъ однимъ Гермогеномъ съ цѣлью противодѣйствовать измѣнникамъ и королевскимъ слугамъ и требовать обращенія Владислава въ православіе. Нѣтъ надобности доказывать, насколько неточно

не могла принести всѣхъ своихъ плодовъ. Русскіе люди стали въ полную зависимость отъ поляковъ, владѣвшихъ Москвою. „Не имѣхомъ надежды ни единны и мнози чести отъ иновѣрнаго приѣмши царя“,—говоритъ Хворостининъ. И нельзя было москвичамъ бороться со врагами: „боляре страха ради, инѣи же корысти ради, сложишася съ ними и воинстїи полки наша изъ града изыти повелѣша“. Послѣ этого они сожгли Москву: „во врага мѣсто со иноплеменники свои быша, и пожигая и погубляя насъ“. Въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ умеръ патріархъ Гермогенъ „по многому страданїи и тѣснотѣ“.

Хворостининъ не останавливается на исторїи освобожденїя Руси отъ поляковъ. Продолжая свою рѣчь о Гермогенѣ, онъ прямо переходитъ отъ разсказа о смерти патріарха къ тѣмъ личнымъ впечатлѣнїямъ, какія онъ пережилъ по освобожденїи Москвы. Когда русскіе люди послѣ взятїя Кремля вошли въ соборную церковь Богоматери (съ ними былъ и самъ авторъ, какъ можно судить по его изложенїю), то не нашлї уже тамъ патріарха. Имъ казалось, что они слышатъ плачь самой церкви по доблестномъ пастырѣ¹⁾, и они „таковая аки отъ церкви изреченїе приѣмъ, страдальца и исповѣдника

такое изображенїе событїй: извѣстно, что посольство не было дѣломъ одного Гермогена и ушло изъ Москвы ранѣе, чѣмъ патріархъ могъ узнать о двучинномъ поведенїи короля. Заговоривъ о посольствѣ, Хворостининъ кратко описываетъ осаду и паденїе Смоленска, торжестно поляковъ надъ Русью и несчастный исходъ посольства. Всѣ эти частности введены въ его повѣствованїе для болѣе полного освѣщенїя дѣятельности Гермогена и сами по себѣ представляютъ мало любопытнаго. Приведемъ только одно мѣсто о судьбѣ посольства въ Сигизмунду. „Посланныхъ же преждевспомянутый краль Жигимонтъ и его единомысленнїи совѣтницы ни во что же вмѣнявъ, едино рече имъ: Не блазнитесь ничїемъ! всѣ руки наша обдержати имать и владыка нашъ владѣти имать. Се превьшайї градъ вашъ Москва со владу(щи)ми вашими ко владыцѣ нашему взирають и воспеуютъ, славы и чести приѣмлютъ; вы же иная мудрствуете! И тако сущихъ со преосвященнымъ митрополитомъ (то-есть, Филаретомъ) и со земскимъ посломъ (то-есть, Голицынымъ) при семъ священнической и иноческой чинъ и воинскїи санъ возврати (то-есть, Сигизмундъ) вспять, и посланныхъ немного главнѣйшихъ взя, во свою страну отведе и заточи во своихъ градѣхъ“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 172, л. 13 об.).

¹⁾ Авторъ выражается такъ: „По многихъ искушенїихъ градъ свой обрѣтше, въ соборную церковь Божїа Матери со благохваленїемъ вынодоша, ... пастыря не обрѣтши, аки глаголанїе во уши наши слышати: Се красота моя отъяся и завѣса моя раздрася еретическимъ хуленїемъ“.... (Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 172, л. 14). Не выписываемъ самаго плача: онъ не представляетъ ничего любопытнаго.

похвалиша“. Изъ собора авторъ отправился въ Чудовъ монастырь и молился тамъ у гроба Гермогена ¹⁾. Однако при всемъ благоговѣннѣи Хворостинина къ покойному святителю, его не мало смущали, какъ онъ самъ сознается, неблагопріятныя толки о дѣятельности Гермогена въ смуту. Нѣкоторые утверждали, что Гермогенъ поднималъ народъ на борьбу съ врагами и что потому именно пролилось много крови на Руси ²⁾. Хворостининъ былъ убѣжденъ, что „не достойтъ духовну челоувѣку сущу дерзати на кровопролитіе поученіемъ“. Кромѣ того, какъ выше мы видѣли, патріархъ при немъ самомъ отвергалъ подобное обвиненіе, какъ клевету. Не зная, какъ рѣшить свое сомнѣніе, авторъ будучи воеводой на Рязани, обратился за разъясненіемъ къ архіепископу Θεодориту ³⁾. Въ какомъ смыслѣ отвѣтилъ ему Θεодоритъ, не знаемъ: единственный списокъ повѣствованія Хворостинина обрывается на полусловѣ при описаніи бесѣды автора съ архіереемъ ⁴⁾.

¹⁾ Разсказъ автора о посѣщеніи Чудова монастыря очень живъ: „Монастыря достигше, хвалу Божию архангелу Михаилу воздахомъ, чудесемъ его удившася и великаго святителя Алексѣя чудотворца прославиша ту. О мученикѣ и страдальцѣ Христовѣ патріархѣ Гермогенѣ, мало числомъ братіи обрѣтши, вопрошихомъ сидевыми глаголы: гдѣ положиште отъ еретикъ пострадавшаго Христа ради нашего учителя? рцыте намъ.... И тако достигше, хваленіе благодушнѣо страданію принесше, глаголаше бо: Учителю святыи! Не прогнѣвайся на насъ, непослушающихъ словесъ твоихъ и клятву самоволне возложше; но прости наша вины и очисти наша беззаконія.... помози убо и моему недостойнству! Поклоншуся гробу его, и многого ради ко мнѣ любленія плакахся у гроба его зѣло, яко сподобися вѣнценосецъ Христовъ быти во дни наша послѣдняя“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV, 172, л. 14 об.—15).

²⁾ „Воспоминухъ и уранихся мыслію, — говоритъ авторъ, — яко же слышашомъ: етери глаголюще, яко соблазнъ и смущеніе патріархъ той сотворилъ естъ и возведе люди своя брѣтися на враги, владуща нами. Изсѣчени быша отъ нихъ, и кровь проліяшася велицы отъ его учительства. И отъ Рязани и Сѣверы воставилъ воля, и писаніемъ подошря“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV, 172, л. 15).

³⁾ Θεодоритъ былъ архимандритомъ и архіепископомъ въ Рязани въ 1604—1617 годахъ (*Строева* Списки Іерарховъ, ст. 415 и 419).

⁴⁾ Приводимъ окончаніе списка: „Во градѣхъ Резанскихъ стратиматствующу ми довольню (пишетъ Хворостининъ), тамо архіерея имѣя сообщника любви моея Феодорита, суща добръ украшающа престолъ Воіи Матере честнаго и славнаго Ея Успенія по преданному его уставу. Вопрошающу ми его о списаніи патріаршескомъ: како нальсти народы и ополченіе ваше къ своей погибели поцѣятъ? Онъ же сей, духовныя ради любви, въ нутреннюю хранину поуде, и епистолюю самыя патріаршескія руки вдасть ми, имуще образъ пи-

Таково содержаніе Словесъ князя Хворостинина. Личность автора играетъ въ нихъ не послѣднюю роль. Хворостининъ выступаетъ въ нихъ, какъ обличитель самозванца, не боявшійся говорить ему правду въ глаза. Хворостинина хвалить патріархъ Гермогенъ, какъ человѣка, изучившаго книжную мудрость; въ дружбѣ съ Хворостининимъ находится и другой московскій іерархъ—Феодоритъ; Хворостининъ участвуетъ въ освобожденіи Москвы отъ поляковъ, стало быть, является врагомъ, а не другомъ еретиковъ-иноземцевъ. Всѣ эти показанія не случайно, конечно, сдѣланы авторомъ, а подобраны имъ съ явною цѣлью — возстановить свою репутацію, подорванную тяжелыми обвиненіями уже при Шуйскомъ. Къ той же цѣли направлено и вступленіе въ Словеса: доказывая въ нихъ, что благочестіемъ русская земля превзошла всѣ другія страны, авторъ тѣмъ самымъ свидѣтельствовалъ, что не сочувствуетъ никакому иноземному еретичеству. Такъ обнаруживается субъективная подкладка повѣствованія Хворостинина. Зная ее, мы съ осторожностью должны относиться къ показаніямъ автора: они не всегда прямодушны и простодушны.

Когда же Хворостининъ писалъ свое произведеніе? На основаніи текста Словесъ на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить точно. Хворостининъ упоминаетъ въ текстѣ о своей службѣ на Рязани ¹⁾. Стало быть, Словеса его писаны послѣ этой службы. Какъ показано выше, Рязанскимъ воеводой Хворостининъ былъ въ 1618 и началъ 1619 г., умеръ же онъ въ 1625 году. Въ послѣднія шесть лѣтъ своей жизни онъ пережилъ очень много: впалъ въ еретичество, жилъ подъ началомъ въ монастырѣ, раскаялся и даже принялъ схиму. Понятно, что онъ не могъ писать свои Словеса и въ нихъ по доброй волѣ заявлять о своемъ правовѣрїи и патріотизмѣ въ то время, когда его мучили сомнѣнія въ вѣрѣ и разочарованіе въ московскомъ народѣ. По такому соображенію, нельзя относить произведеніе Хворостинина къ 1621—1622 годамъ, когда авторъ не скрывалъ своихъ еретическихъ взглядовъ. Онъ писалъ или вскорѣ по возвращеніи съ Рязанской службы, когда его въ Москвѣ встрѣтили съ привѣтомъ и на-

савія сицевъ: О Христвъ возлюбленный брате нашъ и сослужителю нашего сми“..... (Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 172, л. 15—15 об.). Рукопись прерывается въ началѣ страницы; списокъ, очевидно, не былъ дописанъ.

¹⁾ „Во градѣхъ Рязанскихъ стратилатствующу ми довольно“, говоритъ онъ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV, 172, л. 15).

градой (1619 г.), или же въ самомъ концѣ своей жизни, когда онъ принесъ покаяніе въ своей ереси (1624 г.) ¹⁾.

По нашему предположенію, Словеса написаны были раньше дѣла о ереси Хворостинина. Уличенный въ еретичествѣ книжками его „слога“, взятыми „на письмѣ“, Хворостининъ не могъ надѣяться, что оправдаетъ свое прошлое въ глазахъ государя и патріарха путемъ литературнаго самовосхваленія. Какое значеніе могли имѣть разбираемая нами Словеса, когда великіе государи знали, что у Хворостинина при обыскѣ взяты „иныя многія укоризненныя слова, писаны на виршь“ противъ православныхъ москвичей ²⁾. Напротивъ, въ 1619 г. у Хворостинина могла явиться мысль о необходимости самооправданія. Въ этомъ году возвратился изъ Польши Филаретъ Никитичъ и сталъ патріархомъ. О „владительномъ“ и „опальчивомъ“ его характерѣ въ Москвѣ, конечно, знали, и Хворостининъ могъ опасаться гоненій отъ него за свое прошлое ³⁾. Явиться въ глазахъ Филарета православнымъ человѣкомъ и патріотомъ было для него весьма важно. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Хворостининъ избралъ для этого литературный путь ⁴⁾.

Обращаемся теперь къ произведенію о смутѣ князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго. Оно до послѣдняго времени было извѣстно подъ именемъ Хронографа Сергѣя Кубасова. А. Н. Поповъ, изслѣдовавшій составъ этого Хронографа ⁵⁾, замѣтилъ, что

¹⁾ Не думаемъ, чтобы Хворостининъ могъ писать въ монастырѣ въ 1623 г.: патріархъ запрещалъ ему имѣть книги, кромѣ церковныхъ, „безъ которыхъ быти нельзя“, и предписывалъ наблюдать за его перепиской (Акты Арх. Эксп. II, № 147).

²⁾ Собр. Гос. Гр. и Дог. III, № 90, стр. 332.

³⁾ Вспомнимъ отзывы о Филаретѣ его современниковъ: Изборникъ А. Н. Попова, стр. 316.—Ник. Лѣт. VIII, 245.

⁴⁾ Хворостининъ въ своихъ Словесахъ упоминаетъ о Филаретѣ, какъ о Ростовскомъ митрополитѣ, но не называетъ его ни разу патріархомъ (Ркп. Имп. Публ. Библи. Q. IV, 172, л. 13—13 об.). Это даетъ поводъ думать, что Хворостининъ писалъ въ первой половинѣ 1619 года до поставленія Филарета на патріаршество. Сказаніе его, какъ мы видѣли, дошло до насъ съ пропусками и не оконченными, въ единственномъ спискѣ, принадлежавшемъ „дому“ патріарха Адриана. Это наводитъ на мысль, не была ли неоконченная рукопись Хворостинина конфискована вмѣстѣ съ его еретическими писаніями и не хранилась ли она въ патріаршемъ архивѣ, гдѣ и былъ сдѣланъ списокъ для патр. Адриана?

⁵⁾ Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 231—236. — А. Н. Поповъ думалъ, что „списки сочиненія Кубасова составляютъ въ настоящее время большую рѣдкость“. Кромѣ погибшаго (какъ полагаетъ А. Н. Поповъ) Демидов-

„матеріалъ свой Кубасовъ расположилъ оригинальнымъ образомъ, строго отдѣливъ общенсторическую часть отъ русскихъ статей“. Эта общенсторическая часть, по авторитетному свидѣтельству А. Н. Попова, является простою передѣлкой первой редакціи Хронографа. За нею слѣдуютъ русскія статьи о событіяхъ до царствованія Грознаго. Онѣ составлены по тому же Хронографу и по лѣтописямъ и не представляютъ историческаго интереса. За то „несомнѣнное историческое значеніе“ имѣеть, по отзыву Попова, третья часть Хронографа,—тѣ „статьи“ объ Іоаннѣ Грозномъ и о смутѣ, которыми заканчивается трудъ Кубасова. Эта послѣдняя заключительная часть составленная въ 7134 (1626) году, какъ значится въ ея заглавіи, помѣщена въ Хронографѣ подѣ отдѣльнымъ названіемъ „Повѣсти“, и стихотворное послѣсловіе, за ней слѣдующее, относится только къ ней, а не ко всему Хронографу ¹⁾.

Для насъ нѣтъ необходимости вдаваться въ изслѣдованіе всего Хронографа, уже рассмотрѣннаго А. Н. Поповымъ, и мы остановимся лишь на его заключительной Повѣсти о смутѣ. Не смотря на то, что эта Повѣсть ничѣмъ не связана съ прочими частями того компілятивнаго сборника, въ которомъ встрѣчается, — А. Н. Поповъ приписывалъ и Повѣсть, и самый Хронографъ одному автору — „тобольскому сыну боярскому Сергѣю Кубасову“. Въ этомъ онъ слѣдо-

скаго экземпляра, описаннаго въ „Русскихъ Достопамятностяхъ“ (ч. I, М. 1815, стр. 170—175), А. Н. Поповъ зналъ всего два списка: одинъ изъ нихъ принадлежалъ самому изслѣдователю, другой Д. В. Пискареву; въ настоящее время оба эти списка находятся въ Моск. Публ. и Рум. Музеяхъ. — Мы можемъ указать и другіе списки: 1) Библ. Имп. Академіи Наукъ № 153, въ листъ, XVII в., скорописью, 164 л.; эта рукопись была известна подѣ названіемъ „Едомскаго Лѣтописца“ П. М. Строеву и Я. И. Берединову (Протоколы засѣданій Археогрѣ. Коммисіи, I, стр. 9—10.—*Строева* Библиол. Словарь, стр. 290); 2) Библ. Археогрѣич. Коммисіи № 123, въ листъ, XVII в., скорописью, 578 л. (*Н. Барсукова* Рукописи Археогрѣич. Коммисіи. С.-Пб. 1882, стр. 84—86); 3) Библ. Имп. Общ. Любителей Др. Письменности, F. VI, въ листъ, XVII в., скорописью; 4) Библ. гр. А. С. Уварова, изъ собранія И. Н. Царскаго, № 412, въ 4 д., XVII в., 237 л. (*Строева* Рукописи И. Н. Царскаго. С.-Пб. 1848, стр. 501). Уже бѣглое сличеніе списковъ показываетъ большія различія текстовъ. Важнѣйшія изъ этихъ различій въ заключительной части Хронографа будутъ указаны ниже.

¹⁾ Въ полномъ своемъ видѣ эта Повѣсть напечатана въ Изборникѣ А. Н. Попова (стр. 283 — 315); отрывками — въ Русскихъ Достопамятностяхъ (I, стр. 171 — 175) и у гр. *Растопчина* Четыре сказанія о Лже-Димитріѣ (стр. 25—52).

валъ ранѣе установившемся мнѣнію ¹⁾. Но почтенный изслѣдователь не обратилъ вниманія на одно обстоятельство: уже въ 1834 г. въ печати было высказано сомнѣніе въ томъ, чтобы Кубасовъ могъ составить эту Повѣсть и слѣдующее за нею „Написаніе вкратцѣ о царѣхъ московскихъ“. П. М. Строевъ называлъ Кубасова „мнимымъ авторомъ“ и приписывалъ послѣднюю часть его труда сперва князю Ивану Хворостинину, затѣмъ кн. С. И. Шаховскому ²⁾. Хотя Строевъ ничѣмъ не доказывалъ своихъ догадокъ, однако основанія ихъ ясны. Въ тѣхъ виршахъ, которыми заключается въ Хронографѣ Повѣсть о смутѣ, имѣются кое-какія данныя объ авторѣ этой Повѣсти. На нихъ-то и остановилъ свое вниманіе знаменитый археографъ; эти данныя позволили ему отвергнуть принадлежность Повѣсти Кубасову, но онъ же ввели его и въ заблужденіе относительно настоящаго ея автора. Для того, чтобы освоиться съ этими данными, необходимо ознакомиться съ нѣкоторыми частностями и мелочами текста разбираемаго памятника.

Прежде всего необходимо замѣтить, что Повѣсть о смутѣ, приписанная къ Кубасовскому хронографу, есть совершенно самостоятельное и цѣльное литературное произведеніе. Объ этомъ не можетъ быть и спора; особое заглавіе и послѣсловіе, оригинальный слогъ Повѣсти убѣждаютъ насъ въ этомъ вполне. Не лишентъ значенія и тотъ фактъ, что Повѣсть сохранилась до насъ и въ отдѣльномъ спискѣ, безъ прочихъ частей Хронографа и безъ приписки о „трудахъ и тщаниі“ Кубасова ³⁾. Сличая между собою текстъ различныхъ списковъ Повѣсти, легко замѣчаемъ, что они раздѣляются на

¹⁾ Это мнѣніе, впервые высказанное въ „Русскихъ Достопамятностяхъ“ (I, стр. 170—172), основывалось на слѣдующемъ: въ нѣкоторыхъ спискахъ Хронографа въ самомъ концѣ находятся слова: „Труды же и тщаніе многогрѣшнаго раба Тобольскаго сына боярскаго Сергія Кубасова“.

²⁾ Строева „Хронологич. указаніе матеріаловъ Отечеств. Исторіи, Литературы, Правовѣднія“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1834 г., ч. I, отд. II, § 150 (стр. 173) и § 167 (стр. 175). — Рукописи И. Н. Царскаго. М. 1348, стр. 501. — Библиог. Словарь, стр. 289. — *Я. И. Березниковъ* раздѣлялъ мнѣніе Строева о принадлежности послѣднихъ статей Кубасовскаго хронографа Хворостинину или же Шаховскому; это видно изъ его отиѣтокъ на одномъ спискѣ Хронографа (Ркп. Имп. Академіи Наукъ, № 153, л. 164. — Протоколы засѣданій Археографич. Коммисіи, I, стр. 9—10).

³⁾ Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 154, въ 4 д., XVII в., 30 л., скропильсю. Отрывокъ этого весьма хорошаго списка напечатанъ былъ гр. Ростопчинимъ („Четыре сказанія о Лже-Димитріѣ“, стр. 25—52).

два извода. Одинъ изъ нихъ можетъ быть названъ первоначальнымъ, другой — позднѣйшимъ и видоизмѣненнымъ. Отличія ихъ, наиболѣе замѣтныя, таковы: первоначальный изводъ носитъ названіе „Повѣсти“, позднѣйшій—„Хроники“¹⁾; въ первоначальномъ изводѣ нѣтъ дѣленія на главы, въ позднѣйшемъ введено дѣленіе, иногда весьма дробное²⁾; въ первоначальномъ изводѣ находится похвала князю Михаилу Петровичу Катыреву-Ростовскому, въ позднѣйшемъ—она пропущена³⁾. Въ связи съ этимъ послѣднимъ различіемъ находится и различное

¹⁾ Первое заглавіе: „Повѣсть книги сея отъ прежнихъ лѣтъ“ и т. д. цѣликомъ приведено: *А. Н. Попова* въ *Обзорѣ хронографовъ* р. редакціи, II, стр. 235, и въ *Изборникъ*, стр. 283; также и въ *Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки* за 1862 г., стр. 52—53. Это заглавіе имѣютъ два списка: списокъ, принадлежавшій *А. Н. Попову*, по которому *Повѣсть* издана въ его *Изборникъ*, и списокъ *Имп. Публ. Библіотеки* Q. IV. 154. — Что заглавіе „Повѣсть книги сея“ было первоначальнымъ, указываютъ вирши въ концѣ *Повѣсти*, въ которыхъ произведение названо также *книгою*: „изложена бысть сія лѣтописная книга“ (*Изборникъ*, стр. 314).—Другое заглавіе: „Кроника, сирѣчь Лѣтописецъ, отъ великаго князя Василія Ивановича начало пріа(хъ)“ и т. д. цѣликомъ читается у *Строева* *Рукописи* II. Н. Царскаго, стр. 501, и у *Н. П. Барсукова* *Рукописи* *Археографич. Коммиссіи*, стр. 85. Это заглавіе находится во всѣхъ прочихъ спискахъ кромѣ двухъ указанныхъ выше, и уже не заключаетъ въ себѣ словъ первоначальнаго заглавія: „Написана бысть сія книга въ лѣто 7134 іюля въ 28 день“. Въ нашихъ глазахъ уничтоженіе этой даты—признакъ позднѣйшей передѣлки.

²⁾ Для примѣра укажемъ, что первыя строки *Повѣсти*, до воцаренія *Теодора Иоанновича*, занимающія всего одну страницу *Изборника* (283 — 284), разбиты на пять главъ. Для того, чтобы придать той или другой главѣ литературную цѣльность, позднѣйшій исправитель *Повѣсти* вводилъ два-три лишнихъ слова или хронологическую дату. Но эти вводныя слова не всегда правильно слиты съ изложениемъ *Повѣсти*, а хронологическія показанія обнаруживаютъ иногда невѣжество исправителя. Такъ въ началѣ *Повѣсти*, при извѣстии о кончинѣ отца *Иоанна Грознаго*, вел. князя *Василія Ивановича*, вставленъ вмѣсто 7042 (1533)-го 6970 (1462) годъ, въ который умеръ вел. кн. *Василій Васильевичъ Темный* (*Ркп. Археограф. Коммиссіи*, № 143, л. 536). Не раздѣленными на главы являются именно тѣ два списка (*А. Н. Попова* и *Имп. Публ. Библіотеки*), въ которыхъ сохранилось и первоначальное заглавіе.

³⁾ Въ спискахъ *А. Н. Попова* и *Имп. Публ. Библіотеки* находится эта похвала (*Изборникъ* *А. Н. Попова*, стр. 291, и „Четыре сказанія о *Лже-Димитрѣ*“, стр. 41—42, отъ словъ: „...сихъ же помилова. А болшіе бояре и воеводы...“ до словъ: „А другіе же бояре и воеводы измѣнницы и крестопреступники, и кровноначальники царствующаго града *Москвы* бояринъ князь *Василей Васильевичъ...*“). Въ другіхъ спискахъ все это мѣсто опущено и чтеніе таково: „...и сихъ помилова. И пакы другія начальницы и воеводы князь *Василей Васильевичъ* *Голицынъ...*“ (*Ркп. Имп. Академіи Наукъ* № 153, л. 134. — *Ркп. Археограф. Коммиссіи* № 143, л. 547).

чтеніе виршей, заключающихъ Повѣсть. Въ первоначальныхъ виршахъ читаемъ: „Есть же книги сей слагатай сынъ предиреченнаго князя Михаила роду Ростовскаго сходатай“. Въ позднѣйшей же передѣлкѣ вирши читаются такъ: „Есть же книги сея слагатай рода Ярославскаго исходатай“ ¹⁾.

Знакомство съ первоначальнымъ текстомъ Повѣсти позволяетъ открыть настоящаго ея автора: это князь Иванъ Михайловичъ Катыревъ-Ростовскій, единственный сынъ прославленнаго въ Повѣсти кн. Михаила Петровича и послѣдній представитель рода Катыревыхъ ²⁾. П. М. Строевъ не имѣлъ возможности указать на него потому, что зналъ только измѣненный текстъ Повѣсти, въ которомъ авторомъ назывался исходатай не Ростовскаго, а Ярославскаго княжескаго рода ³⁾. Изъ многочисленныхъ князей Ярославскихъ были извѣстны Строеву, какъ писатели, И. А. Хворостининъ и С. И. Шаховской; хотя Строевъ видѣлъ ихъ дѣйствительныя произведенія о смутѣ, но никому, кромѣ нихъ, не рискнулъ приписать и Повѣсть Катырева. Такъ произошла одна его ошибка. Но онъ допустилъ и другую погрѣшность, считая Кубасова только „переписчикомъ“ того экземпляра Хронографа, который былъ описанъ К. Ѳ. Калайдовичемъ въ „Русскихъ Достопамятностяхъ“. Свое мнѣніе онъ основывалъ, конечно, на томъ, что далеко не всѣ списки Хронографа имѣютъ приписку Кубасова ⁴⁾. Но эта приписка находится въ экземплярахъ и первоначальнаго, и позднѣйшаго изводовъ ⁵⁾, притомъ же содержаніе ея

¹⁾ Первое чтеніе виршей приведено въ Изборникъ *А. Н. Попова* (стр. 314—315), второе—въ *Русскихъ Достопамятностяхъ* (I, стр. 171).

²⁾ Печатное указаніе на дѣйствительнаго автора Повѣсти сдѣлано *В. О. Ключевскимъ* (*Русская Мысль* за 1881 г., ноябрь, стр. 100.—*Боярская Дума*, изд. 2-е стр. 360). Одновременно съ этимъ *Л. Н. Майковъ* въ С.-Петербургѣ сообщилъ намъ, вмѣстѣ съ такимъ же указаніемъ, и нѣкоторыя данныя о жизни Ив. Мих. Катырева.

³⁾ Любопытно, что для себя Строевъ сдѣлалъ выписки изъ „Едомскаго Лѣтописца“ (Ркп. Имп. Акад. Наукъ, № 153), принадлежащаго къ позднѣйшему изводу Повѣсти Катырева (Библиол. Словарь, стр. 290, примѣчаніе).

⁴⁾ Библиол. Словарь, стр. 183.—Отмѣтки о Кубасовѣ вѣтъ, напримѣръ, въ ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 154; въ ркп. Общ. Люб. Др. Письменности F. VI. въ ркп. Д. В. Пискарева (см. Каталогъ слав.-русскихъ рукописей Пискарева, М. 1871, стр. 42—43).

⁵⁾ Слѣд. Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 315 (изводъ первоначальный) и *Русскія Достопамятности*, I, стр. 171—172 (изводъ позднѣйшій). Въ послѣднемъ заключительная приписка Кубасова прямо отнесена ко всему Хронографу: „Слава свершителю Богу, иже способивый въ совершеніе привести книгу сію Гранографъ сирѣчь Лѣтописецъ“.

не даетъ права ограничивать роль Кубасова однимъ трудомъ переписчика. Ближе къ истинѣ будетъ предположеніе, что Сергѣй Іевлевъ Кубасовъ былъ авторомъ компилятивнаго Хронографа, въ который онъ включилъ и Повѣсть Катырева безъ всякихъ измѣненій. Передѣлки же какъ въ Повѣсть, такъ и въ другія части Хронографа Кубасова, внесены были позднѣе и неизвѣстно кѣмъ ¹⁾.

Такъ разрѣшается довольно запутанный вопросъ объ авторѣ разбираемой Повѣсти. Князь Ив. Мих. Катыревъ-Ростовскій былъ весьма родовитымъ человѣкомъ: его прямые предки бывали въ боярахъ ²⁾, и родъ Катыревыхъ считался весьма честнымъ среди многихъ Ростовскихъ княжескихъ фамилій. „И великъ и малъ въ Ростовскихъ князьяхъ, не ровны Ростовскіе“, — говорилось официально въ XVII вѣкѣ. Но Катыревы считались между ними одними изъ самыхъ „великихъ“. Въ одномъ мѣстническомъ дѣлѣ 1618 года было засвидѣтельствовано самими Ростовскими князьями, что „у нихъ по роду Буйносовы большіе, а князь Иванъ Катыревъ причитаетъ ихъ себѣ близко“. Стало быть, и самъ Катыревъ сознавалъ себя „большимъ“ въ своемъ роду, выше Буйносовыхъ или по крайней мѣрѣ, не ниже

¹⁾ Тотъ фактъ, что упоминаніе о Кубасовѣ имѣется и въ спискахъ первоначальнаго извода, ясно показываетъ, что Кубасовъ составлялъ или списывалъ, именно этотъ изводъ и не былъ повиненъ въ передѣлкѣ Повѣсти Катырева. Передѣлка была совершена, судя по вѣршамъ, „исходатаемъ“ Ярославскаго рода, а Кубасовъ былъ изъ Тотмы и служилъ въ Сибири „сыномъ боярскимъ“ и „подъячимъ“. Сыномъ боярскимъ подписался онъ подъ Хронографомъ; подъячимъ ѣздилъ онъ въ 1654—1657 гг. вмѣстѣ съ Ѡ. И. Байковымъ въ Китай (Др. Росс. Вивліоенка, изд. 2-е, III, стр. 185—186). Изъ выраженій самого Кубасова нельзя непремѣнно заключать, что онъ только переписалъ Хронографъ; его слова даютъ одинаковое право думать, что онъ былъ и собирателемъ-компиляторомъ всего труда. Кубасовъ о себѣ не говоритъ, что „писалъ“ или „списалъ“, но какъ сказано въ предыдущемъ примѣчаніи, благодарить Бога за „совершеніе“ Хронографа. Люди XVIII вѣка, очевидно, считали Кубасова авторомъ, потому что, переписывая его трудъ, считали нужнымъ удерживать при немъ имя Кубасова.

²⁾ Родъ Катыревыхъ пошелъ отъ кн. Ивана Андреевича Хохолкова Катыря; у Катыря были дѣти Петръ и Андрей; у Петра былъ сынъ Михаилъ (отецъ нашего автора, на которомъ и прекратился родъ). Изъ Катыревыхъ были боярами Иванъ Андреевичъ, Андрей Ивановичъ и Михаилъ Петровичъ, — отецъ, двоюродный дядя и прадѣдъ автора (Родословныя книги во *Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, X, стр. 37—39, 141, 228—230.—Др. Росс. Вивліоенка, изд. 2-е, XX, стр. 25, 32, 41, 48, 69 и 77.—Родословіе Ростовскихъ князей, составленное Ѡ. А. Бичковымъ, въ книгѣ А. А. Титова Ростовскій уездъ Ярославской губ. М. 1885, стр. 577, 580, 585, 590 и 595).

ихъ. Стольникъ же В. А. Третьяковъ, который мѣстничался съ Буйносовыми, говорилъ князю Ивану Катыреву: „мнѣ де съ тобою, князь Иванъ Михайловичъ, не сошлось, готовъ быть хотя со внукомъ твоимъ; а бью де челомъ государю на Буйносовыхъ по многимъ случаямъ, а отецъ де твой, князь Михайло Петровичъ, Буйносовыхъ въ потеркѣ николи не вступался, ты самъ себя позоришь, что за Буйносовыхъ вступаешься“. Такое высокое представленіе существовало въ XVII вѣкѣ о родовой чести Катыревыхъ. И дѣйствительно, князь Иванъ Михайловичъ Катыревъ, будучи большимъ дворяниномъ московскимъ, всегда писался въ своемъ чинѣ неизмѣнно первымъ, выше всѣхъ прочихъ дворянъ и въ томъ числѣ „большихъ“ Буйносовыхъ ¹⁾. Случалось, что ему давали первое мѣсто и Трубецкіе ²⁾. Къ высокому роду Романовыхъ Катыревъ стоялъ весьма близко: въ первомъ бракѣ своемъ онъ былъ женатъ на дочери Ѳеодора Никитича Романова Татьянѣ Ѳеодоровнѣ, рано умершей ³⁾. Вторая же его жена Ирина Григорьевна по смерти мужа сохраняла высокое положеніе при дворѣ, именовалась „болярней“ и „большой вдовой“, наравнѣ съ боярскими вдовами, и была первой „мамою“ при царевичѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ ⁴⁾. Хотя самъ князь Иванъ въ боярахъ не былъ, какъ увидимъ ниже, тѣмъ не менѣе ясно, что онъ и по роду, и по личному поло-

¹⁾ Дѣло Василя Третьякова съ княземъ Юрьемъ Буйносовымъ во Дворцовыхъ Разрядахъ, I, 325—327, 514—517.—По родословцу Катыревы съ Буйносовыми довольно близки: родоначальникъ Катыревыхъ Иванъ Катыръ былъ старшимъ двоюроднымъ братомъ Ивана Александровича Буйноса, родоначальника Буйносовыхъ.

²⁾ Симбирскій Сборникъ, М. 1845, стр. 150: въ 1602 году кн. Т. Р. Трубецкой „сказалъ передъ государемъ: мочно быть племяннику моему со княземъ Иваномъ Катыревымъ“. И позже, въ перечняхъ большихъ дворянъ, Катыревъ писался выше Трубецкихъ, всегда первымъ.

³⁾ Въ „Описаніи царскихъ пресвѣтлыхъ родителей, въ которыя лѣта и мѣсяцы и числа бысть преселеніе ихъ отъ здѣшняго благороднаго житія“ и т. д. (Новоспасскій монастырь. *И. Снегирева*. М. 1843, стр. 132) читаемъ: „Лѣта 7119 (1611) іюля въ 21 день преставися раба Божія благовѣрная княгиня Татьяна Ѳеодоровна, болярина Ѳеодора Никитича Романова дщерь, а княгиня князя Іоанна Михайловича Катырева“.

⁴⁾ „Книга дядькамъ и мамамъ и болярнямъ верховымъ“ и т. д. во *Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, IX, смѣсь, стр. 46.—*Заблужина* Бытъ русскихъ царицъ, изд. 2-е, стр. 498.—*Русск. Ист. Библиотека*, X, стр. 258.—Къ какому роду принадлежала княгиня Ирина, не удалось опредѣлить ни намъ, ни *Ѳ. А. Бычкову* (*А. А. Титова* Ростовскій уездъ, стр. 595).

женію принадлежалъ къ первостепенной московской знати ¹⁾. Это обстоятельство даетъ особенную цѣну его Повѣсти о смутѣ. Она является голосомъ изъ среды того класса, который игралъ въ смутѣ выдающуюся роль, руководилъ дѣлами и могъ хорошо звать ихъ. Родство же Катыревыхъ съ Романовыми даетъ возможность объяснить себѣ и то, къ какому именно боярскому кругу принадлежалъ авторъ. Если въ Повѣсти 1606 года мы имѣли дѣло со взглядами партіи Шуйскихъ, то въ Повѣсти Катырева можемъ искать взглядовъ той стороны боярства, которая шла за Романовыми.

Показанія Катырева дороги еще и тѣмъ, что онъ былъ современникомъ смуты. Началъ онъ свою службу еще при жизни отца ²⁾; вмѣстѣ съ нимъ подписался онъ на избирательной грамотѣ царя Бориса въ 1598 году и при дворѣ Бориса въ чинѣ стольника участво-

¹⁾ Если вѣрить преданіямъ, Катыревы были не только знатымъ, но и богатымъ родомъ. Въ своихъ трудахъ по исторіи Ростовскаго уѣзда *А. А. Титовъ* указываетъ на принадлежность Катыревымъ въ XVI вѣкѣ многихъ селъ и деревень вокругъ Ростова (Ростовская старина. Изданіе *А. А. Титова*. Вып. I, 1883, стр. 65 и 133, § 148.—*Титова* Ростовскій уѣздъ, стр. 302—303, 322, 387, 429—430, 452—453, 527, 536). Но источникъ свиданій г. Титова въ этомъ случаѣ не надеженъ: насколько мы можемъ судить, данныя о Ростовскихъ князьяхъ заимствованы имъ изъ Хлѣбниковскаго Лѣтописца; самый Лѣтописецъ уже не существуетъ и сохранились только выписки изъ него у крестьянина *А. Я. Артынова* (Ростовскій уѣздъ. Предисловіе, стр. V—VII). По однимъ этимъ выпискамъ можно уже догадываться, что Хлѣбниковскій Лѣтописецъ иногда отличался крайнею невѣжественностью показаній. Такъ, напримѣръ, сопоставивъ страницы 302, 387, 430, 452 и 453 книги „Ростовскій уѣздъ“, читатель увидитъ, что, по свидѣтельству Хлѣбниковскаго Лѣтописца, кн. Петръ Ивановичъ Катыревъ былъ женатъ на пяти женахъ, жившихъ въ разные вѣка: двѣ изъ нихъ были внучками героевъ Мамаева побоища и жили, стало быть, въ XV вѣкѣ; другія же были дочерьми воеводъ *Василія III* и *Юанна IV* и жили, стало быть, въ XVI вѣкѣ. Если мы остановились здѣсь на этихъ данныхъ, то только потому, что видимъ въ нихъ отголоски старыхъ преданій, не всегда вѣрныхъ, но всегда любопытныхъ. Въ данномъ случаѣ преданіе о вотчинахъ Катыревыхъ близъ Ростова подтверждаетъ тотъ установленный фактъ, что московскіе служебные князья, „переставъ быть удѣльными, оставались еще простыми земельными владѣльцами въ своихъ бывшихъ удѣлахъ“ (*В. О. Ключевскаго* Боярская Дума, изд. 2-е, стр. 243—246). Указаніе, вполнѣ точное, на помѣстья кн. *Ив. Мих. Катырева* въ *Зубцовскомъ уѣздѣ* находимъ въ *Акт. Западн. Россіи*, IV, № 183, стр. 322, § 17 (слич. стр. 402, § 750).

²⁾ Кн. *М. П. Катыревъ* умеръ „въ моровое повѣтріе“ 1606 года въ Новгородѣ, гдѣ былъ первымъ воеводой. *Ник. Лѣт. VIII*, 79.—*Акт. Арх. Эксп. II*, № 42, стр. 98.—*Др. Росс. Вивл.*, изд. 2-е, XX, стр. 77.

валъ не разъ въ придворныхъ церемоніяхъ ¹⁾. Оставался онъ при дворѣ и во время Лжедмитрія и былъ на его свадьбѣ въ 1606 году. Черезъ два года, въ 1608 году, участвовалъ онъ въ свадебномъ поѣздѣ царя Шуйскаго, который женился на его родственницѣ, М. П. Буйносовой ²⁾. Но родство съ царемъ Василіемъ не сблизило Катырева съ Шуйскими. Въ томъ же 1608 году, въ то время, когда второй самозванецъ приближался къ Москвѣ и противъ него были высланы войска подъ начальствомъ князя М. В. Скопина-Шуйскаго и И. Н. Романова, въ этихъ войскахъ „нача быти шатость, хотяку царю Василю измѣнити“. Измѣна во-время стала извѣстна Шуйскому. Онъ отозвалъ все войско къ Москвѣ, „переималъ измѣнниковъ“, и однихъ сослалъ, другихъ казнилъ. Лѣтопись, передавая имена измѣнившихъ, на первомъ мѣстѣ называетъ князя Ивана Катырева вмѣстѣ съ князьями Ю. Трубецкимъ и Иваномъ Троекуровымъ. Всѣ трое были сосланы съ Москвы, и Катыревъ дальше всѣхъ— въ Сибирь ³⁾. Карамзинъ обвиняетъ этихъ князей въ желаніи „снискать милость бродяги“, противъ котораго они были посланы; онъ даже рискуетъ утверждать, что они „не имѣли души благородной“ Скопина и Романова, „чистыхъ сердцемъ предъ людьми и Богомъ“ ⁴⁾. Между тѣмъ, сопоставленіе нѣкоторыхъ данныхъ даетъ поводъ думать, что движеніе въ войскѣ не было мелкимъ замысломъ отдѣльныхъ лицъ, искавшихъ карьеры, а исходило изъ вліятельнаго круга Романовыхъ ⁵⁾. Оно имѣло, очевидно, большую силу, если Шуйскій

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 7, стр. 42, 43, 48 и 49. — Сибирскій Сборникъ, стр. 150, 152—153.

²⁾ Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XIII, стр. 122, 123.

³⁾ Ник. Лѣт. VIII, 96—97. — Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 130—131. — Нов. Лѣт. 91 (въ последнемъ любопытные варианты). Всѣ три списка говорятъ о томъ, что измѣнники были „пытаны“, повинились „на мученіи“. Этому не повѣрилъ кн. Щербатовъ (Ист. Росс., т. VII, ч. 2-я, стр. 202—203), но повѣрилъ Соловьевъ (Ист. Россіи, VIII, по изд. 1873 г. стр. 189).

⁴⁾ Ист. Гос. Росс., XII, изд. 5-е, стр. 48—49.

⁵⁾ Во главѣ войска стоялъ одинъ изъ Романовыхъ, Иванъ Никитичъ; во главѣ же оставшихъ видимъ кн. Ив. М. Катырева, зятя Ѳедора Никитича Романова, и кн. Ивана Ѳед. Троекурова, его шурина: въ названномъ уже нами „Описаніи царскихъ пресвѣтлыхъ родителей“ значитъ: „Лѣта 7094... представися... княгиня Анна боярина Никитина дщерь Романовича Юрьева, и князя Иоанна княгиня Ѳедоровича Троекурова“ (Новоспасскій монастырь. *И. Снегирева*. М. 1843, стр. 130.—Этотъ Троекуровъ былъ сказанъ въ бояре въ 1620 г., а умеръ въ 1622 году. Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XX, стр. 91—92).—Кромѣ того, и среди низшихъ участниковъ измѣны встрѣчаемъ лицъ, которые, насколько

нашелъ нужнымъ все войско возвратить въ Москву. При такомъ характерѣ измѣны поведеніе Ив. М. Катырева представляется въ иномъ свѣтѣ: въ данномъ случаѣ онъ не безнравственный „перелетъ“, какіе бывали при Шуйскомъ, а болѣе или менѣе видный представитель извѣстной стороны боярства, дѣйствовавшій вмѣстѣ съ родными и близкими ему людьми. Врядъ ли, поэтому, „милости бродяги“ были ему дороги.

Князь Иванъ былъ посланъ въ Сибирь не на житье, а на воеводство. Назначеніе это состоялось въ 1608 году, но въ Tobольскъ онъ прибылъ уже въ 1609. Въ должности Tobольскаго воеводы ему суждено было остаться приблизительно до освобожденія Москвы отъ поляковъ ¹⁾. Такимъ образомъ онъ не былъ очевидцемъ смуты во второй ея половинѣ, и если онъ описалъ въ своей Повѣсти послѣдніе смутные годы такъ же обстоятельно, какъ первые, то, конечно, пользовался при этомъ чужими показаніями и письменными источниками. Дошедшіе до насъ остатки той дѣловой переписки, каковую онъ велъ, будучи въ Tobольскѣ, свидѣтельствуютъ намъ, что Катыревъ своевременно узнавалъ о главнѣйшихъ политическихъ событіяхъ на Руси путемъ официальныхъ извѣщеній. Въ 1612 году бояре „изъ полковъ“, стоявшихъ подъ Москвой, вызвали Катырева изъ Сибири и назначили на его мѣсто кн. И. П. Буйносова. Въ іюлѣ 1612 г. Катыревъ еще исправлялъ должность Tobольскаго воеводы, а затѣмъ въ 1613 г. мы видимъ его уже въ Москвѣ. Быть можетъ, онъ успѣлъ туда пріѣхать раньше избранія въ цари его шурина Михаила Ѳеодоровича: подпись Катырева находится на избирательной грамотѣ 1613 г. ²⁾

можно судить, близко стояли къ Романовымъ. Таковъ казенный Яковъ Желябовскій (или Желябужскій): вспомнимъ, что въ 1614 году царь Михаилъ „отъ себя“ послалъ къ отцу своему Ѳ. Желябужскаго; вспомнимъ, что и первая невеста царя Михаила, Хлопова, была съ родни тѣмъ же Желябужскимъ (Ник. Лвт. VIII, 211.—Собр. Гос. Гр. и Д. III, № 24, № 25, № 26 и № 63).

¹⁾ О Сибирской службѣ Катырева сохранилось довольно извѣстій; дошло до насъ и нѣсколько грамотъ 1609—1612 гг. съ его именемъ (Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, III, стр. 122—123, 129.—Акт. Арх. Эксп. II, № 146.—Акт. Ист. II, № 261, стр. 314.—Акт. отн. до кур. быта, II, № 192; III, № 295, стр. 74—77.—Русск. Ист. Библиотека II, № 89, № 90, стр. 204—213.—Ркп. Имп. Публ. Библиотеки Эрмитаж. № 358, лл. 6—7 об.). Эти данныя опровергаютъ то извѣстіе о присутствіи Катырева въ Москвѣ въ 1610 году, которое находится въ одномъ изъ списковъ Новаго Лѣтописца (Нов. Лвт., 116).

²⁾ Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, III, стр. 129.—Русск. Ист. Библиотека, II, № 100, стр. 284.—Собр. Гос. Гр. и Д. I, № 203, стр. 638.

При новомъ государѣ началась весьма почетная служба Катырева— придворная и военная. Онъ часто въ чинѣ стольника упоминается въ разрядныхъ книгахъ. Такъ въ 1614 году лѣтомъ былъ онъ назначенъ первымъ воеводою большого полка на Тулу противъ татаръ. Въ 1615 г., когда татары грозили самой Москвѣ, ему поручена была защита Замоскворѣчья, и онъ опять былъ первымъ воеводою большого полка ¹⁾. Въ то же время поручались ему и придворныя службы: въ 1615 г. ходилъ онъ съ государемъ къ Троицѣ; въ 1616 и 1617 гг. „смотрѣлъ въ большой столъ“ на дворцовыхъ обѣдахъ послу Дж. Мерику ²⁾. Въ 1618 и 1619 годахъ снова видимъ Катырева въ военныхъ должностяхъ: съ мая и до зимы 1618 г. вѣдалъ онъ оборону Замоскворѣчья отъ поляковъ, а „на весну“ 1619 г. его послали въ Тулу противъ крымцевъ. И въ Москвѣ, и въ Тулѣ былъ онъ опять первымъ воеводою ³⁾. Затѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ о дѣятельности Катырева въ разрядныхъ книгахъ нѣтъ извѣстій. А въ 1622 г. Катыревъ, бывший до тѣхъ поръ стольникомъ, именуется уже дворяниномъ московскимъ и въ перечняхъ дворянъ всегда пишется первымъ ⁴⁾. Въ іюлѣ 1622 г. онъ былъ назначенъ, по обычаю, первымъ воеводою, въ Серпуховъ, но походъ не состоялся, и князь Иванъ на этой службѣ не былъ. За то вторую половину 1622 г. часто видимъ его при государѣ за царскимъ столомъ ⁵⁾. Точно также и въ 1624 и началѣ 1625 года, живя въ Москвѣ, онъ бывалъ частымъ гостемъ у царя и патриарха Филарета на ихъ праздничныхъ обѣдахъ ⁶⁾. Учас-

¹⁾ Книги Разрядныя, I, 29—30.—Дворцовые Разряды, I, 133, 159, 177, 178. Въ Украинный разрядъ на службу выбирали людей бояре и не назначали туда тѣхъ, которые „молоды и польскихъ служебъ не знаютъ“ (Дворц. Разряды, II, 624). Стало быть, Катыревъ считался уже лицомъ опытнымъ и не „молодымъ“, если назначался въ первые воеводы.

²⁾ Дворц. Разряды, I, 178, 220, 282.

³⁾ Дворц. Разряды, I, 333, 336, 341, 353 и 358; 388—389.—Книги Разрядныя, I, 505, 566; 620—640.—Заньски кн. С. Шаховскаго въ *Московскомъ Вѣстникѣ* за 1830 годъ, ч. V, № 17—20, стр. 66.—*Забѣлина*. Дополненія къ Дворц. Разрядамъ въ *Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1882 г., I, ст. 137—139.

⁴⁾ Дворц. Разряды, I, 526—527, 529 и т. д. Впрочемъ, и позднѣе (въ 1624 г.) Катырева писали иногда стольникомъ (Дворц. Разряды, I, 634 и прим.). Переходъ его въ дворяне для него не былъ безчестьемъ: стольниковъ въ дворяне „жаловали“ (Русск. Ист. Библиотека, X, стр. 255; см. также: IX, стр. 412, 473, 491.—Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XX, стр. 142—143.—Дворц. Разряды, I, 905.—*Ключевскаго* Боярская Дума, изд. 2-е, стр. 386).

⁵⁾ Книги Разрядныя, I, 860—861.—Дворц. Разряды, I, 518—519, 526—530.

⁶⁾ Дворц. Разряды, I, 604—629, 646—655, 671, 673.

вовадь онъ и въ первой свадьбѣ царя Михаила въ 1624 г. ¹⁾. Въ 1625 г. 13-го марта указано было Катыреву быть противъ татаръ на Туль въ большомъ полку. Эта служба не была счастлива для Катырева; дѣйствіями его и подчиненныхъ ему воеводъ въ Москвѣ остались недовольны, и государь выговаривалъ ему: „татары отъ васъ были въ ближнихъ мѣстѣхъ, а вы надъ ними никакого промысла не учинили“. Однако въ октябрѣ князь Иванъ былъ отпущенъ къ Москвѣ милостивою грамотою царя ²⁾ и дальнѣйшее его положеніе не пострадало отъ случайной неудачи. Въ слѣдующіе 1626—1629 годы онъ живетъ въ Москвѣ, ходитъ за государемъ въ походы на богомоля, присутствуетъ на второй свадьбѣ Михаила Федоровича и на другихъ придворныхъ церемоніяхъ, часто обѣдаетъ за царскимъ и патриаршимъ столомъ, — словомъ, онъ остается ближнимъ, „комнатнымъ“ челоуѣкомъ и неизмѣнно пишется первымъ московскимъ дворяниномъ ³⁾.

До сихъ поръ, какъ нетрудно замѣтить, Катыревъ являлся исполнителемъ случайныхъ, экстренныхъ порученій. Въ 1630 году, послѣ тридцатилѣтней службы, онъ достигъ достаточной опытности въ дѣлахъ, достигъ и почтеннаго возраста ⁴⁾. Вполнѣ понятнымъ является поэтому переломъ въ его служебной дѣятельности: вмѣсто почетныхъ, но кратковременныхъ дѣлъ, 14-го марта 1630 года онъ былъ назначенъ на постоянную должность начальника Владимірскаго суднаго приказа и занималъ ее приблизительно до 1-го сентября 1632 года ⁵⁾. Въ то же время участвовалъ онъ и въ пріемахъ по-

¹⁾ Дворц. Разряды, I, 634—643, 1218.—Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, III, стр. 138.

²⁾ Отъ этой службы Катырева дошло до насъ много любопытныхъ документовъ. См. Книги Разрядныя, I, 1051—1106, 1167.—Дворц. Разряды, I, 666—668, 714—718, 720, 753—757.

³⁾ Можно удивляться массѣ мелкихъ упоминаній о князѣ Иванѣ въ приказныхъ книгахъ этихъ лѣтъ. Чтобы не быть голословными, отмѣтимъ извѣстные намъ: Дворц. Разряды, I, 761—762, 776, 784, 790, 799, 801, 822—823, 827, 829—830, 832, 855; 880, 882, 903, 906, 908, 914, 927, 930, 932—933, 954, 957, 970; 982, 995, 998, 1001, 1005, 1009, 1013, 1018—1025; II, 5, 24, 41, 52, 54, 57, 65, 68, 85.—Русск. Ист. Библиотека, IX, стр. 396, 399, 402, 405, 410; 453, 463, 470, 472, 475, 486, 491, 501, 506, 509, 511.—Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XIII, стр. 160.—*Голицева* „Дѣланія Петра В.“, изд. 2-е, XIII, стр. 184 (сравни Дворц. Разряды, 824, и Русск. Ист. Библ., IX, стр. 521).

⁴⁾ Въ началѣ 1630 года онъ жалуется государю на свое нездоровье и просить у него лѣкарствъ (Акт. Ист. III, № 161).

⁵⁾ Дворц. Разряды, II, 126, 164, 237, 289. (Въ этомъ изданіи, на стр. 179, ошибочно помѣщено извѣстіе о назначеніи въ 1631 г. во Владимірскій приказъ

словъ турецкаго, шведскаго и датскаго, и попережнему оставался ближнимъ челоуѣкомъ во дворцѣ ¹⁾). Въ сентябрѣ или октябрѣ 1632 г. князю Ивану дано было новое почетное назначеніе: онъ былъ посланъ первымъ воеводой въ Новгородъ и оставался тамъ около трехъ лѣтъ до конца 1635 или начала 1636 года ²⁾). Что дѣлалъ онъ въ 1636 году, мы не знаемъ; но въ 1637—1639 годахъ имя его встрѣчается изрѣдка при описаніи посольскихъ пріемовъ и придворныхъ обѣдовъ въ Москвѣ ³⁾). Въ концѣ же 1640 года князь Иванъ скончался ⁴⁾ въ прежнемъ своемъ чинѣ московскаго дворянина. Нѣтъ возможности объяснить, почему не достигъ онъ боярскаго сана: послѣдніи его службы въ приказахъ и на воеводствахъ были службами боярскими ⁵⁾; опалы надъ нимъ не бывало при царѣ Михаилѣ, а давняя

И. П. Шереметева. Текстъ, внесенный сюда, относится къ 1642 году и правильно повторенъ на стр. 696. Ошибка эта указана *А. П. Барсуковымъ* въ его трудѣ: Родъ Шереметевыхъ, III, стр. 119).—Книги Разрядныя, II, 368.—Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XX, стр. 292 (здѣсь ошибочно показано, что Катыревъ сидѣлъ во Владимірскомъ приказѣ въ 1631—1633 г. вмѣсто 1630—1632).

¹⁾ Дворц. Разряды, II, 140 (и примѣч.), 144, 147—149 (и примѣч.) 840; 210, 222—225 (и примѣч.), 243, 843; 251, 277, 855.

²⁾ Дворц. Разряды, II, 295 (и примѣч.), 342 (и примѣч.), 395, 478.—Книги Разрядныя, II, 680, 810. О времени, когда Катыревъ былъ отозванъ изъ Новгородъ, нѣтъ точныхъ указаній. Въ Дворц. Разрядахъ (II, 469) объ отозваніи кн. Ивана говорится подъ 7143 (1635) годомъ; въ Книгахъ Разрядныхъ (II, 917—918)—подъ 7144 (1636) г. Во всякомъ случаѣ лѣтомъ 7144 (1637) г. въ Новгородѣ былъ уже другой воевода кн. П. А. Репнинъ (Ак. Арх. Эксп. III, № 263.—Дворц. Разряды, II, 517). Сохранились грамоты съ именемъ Катырева въ бытность его Новгородскимъ воеводой (Русск. Ист. Библиотека II, № 158, стр. 542; VIII, № 10, стр. 256—260).

³⁾ Дворц. Разряды, II, 872.—Русск. Ист. Библиотека, X, 80—82, 95, 99, 110, 179.

⁴⁾ Въ „Алфавитн. указателѣ фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ боярскихъ книгахъ“ (М. 1853, стр. 177) о Катыревѣ замѣчено: „7149 г. ноября умеръ“.—На основаніи тѣхъ же боярскихъ книгъ, *В. О. Ключевскій* смерть князя Ивана относитъ не къ концу 1640, а къ 1641 году (Боярская Дума, изд. 2-е, стр. 360). Во всякомъ случаѣ въ началѣ 1641 г. Катырева уже не было въ живыхъ: 15-го марта жена его упоминается въ числѣ „вдовъ большихъ“ (Русск. Ист. Библиотека, X, стр. 256—258). Князь Иванъ былъ погребенъ, кажется, въ Новоспаскомъ монастырѣ (Новоспасскій монастырь. *И. Снегирева*, стр. 65).

⁵⁾ Въ Записной книгѣ Московскаго стола 7147 г. и въ Боярской книгѣ 7148 г. Катыревъ писанъ дворяниномъ (см. предыдущее примѣчаніе). Во Владимірскомъ приказѣ до Катырева сидѣлъ бояринъ В. П. Морозовъ, послѣ Катырева—бояре И. В. Морозовъ, И. А. Голицынъ, И. П. Шереметевъ; въ Новгородѣ до Катырева былъ воеводоу бояринъ кн. Ю. Я. Сулешевъ, послѣ Катырева — бояринъ кн. П. А. Репнинъ (Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XX, стр. 292—293.—Книги Разрядныя, II, 368, 680, 918).

его ссылка при Шуйскомъ не могла стать ему упрекомъ въ глазахъ Романовыхъ; мы видѣли ея причины.

Такова была жизнь Катырева. Извѣстія о ней хотя и многочисленны, но односторонни: они даютъ прекрасныя свѣдѣнія о службѣ князя Ивана, но не даютъ никакого понятія о его личныхъ способностяхъ, образованіи и взглядахъ. А между тѣмъ Повѣсть Катырева, выдѣляясь изъ ряда современныхъ ей историческихъ повѣствованій своими литературными достоинствами, заставляетъ видѣть въ ея авторѣ талантливаго и образованнаго человѣка. Съ литературной стороны его трудъ стоитъ выше чуть ли не всѣхъ прочихъ произведеній о смутѣ. Послѣ утомительныхъ иносказаній Тимофеева и правоучительной прозы Палицына, послѣ избитыхъ риторическихъ украшеній, одинаковыхъ почти у всѣхъ писателей,—слогъ Катырева можетъ увлечь своимъ оригинальнымъ и красивымъ эпическимъ складомъ. Обиліе троповъ дѣлаетъ языкъ его Повѣсти изобразительнымъ, но не вычурнымъ и не запутаннымъ; рѣчи, вложенныя въ уста дѣйствующихъ лицъ, оживляютъ изложеніе; въ рассказъ иногда удачно вводится картина природы, набросанная немногими, но яркими штрихами ¹⁾. Умъ писателя сказывается въ той сдержанности, съ какою онъ обыкновенно относится и къ друзьямъ, и къ врагамъ своимъ; чувство мѣры не позволяетъ автору кстати и не кстати перестричь свое изложеніе библейскими выписками: онѣ являются у него всегда у мѣста и не нарушаютъ общаго характера рѣчи. Эти выписки свидѣтельствуютъ о томъ, что князь Иванъ былъ человѣкомъ книжнымъ, а вирши, которыми онъ заканчиваетъ свой трудъ, намекаютъ на то, что Катыревъ не ограничивалъ своего чтенія одними богословскими книгами.

Историческимъ содержаніемъ Повѣсть Катырева довольно богата. Начинаясь краткимъ рассказомъ о царѣ Иванѣ Грозномъ, она заканчивается извѣстіемъ объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича.

¹⁾ Общедоступность текста Катырева избавляетъ насъ отъ обязанности упоминать мѣста и приводить здѣсь выписки въ оправданіе нашей характеристики. Не можемъ, однако, не обратить вниманія читателя на любопытное описаніе весны, которое можетъ служить образцомъ повѣстической рѣчи Катырева (Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 297). Изложеніе нашего автора, мѣстами цѣликомъ перенесенное въ Рукопись Филарета, уже давно заслужило названіе „повмы“ (Ст. *Руссова* Примѣчанія на книгу, г. Бергомъ изданную. С.-Пб. 1833, стр. 7.—*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1878 г., сентябрь, стр. 76). Ст. *Руссовъ*, отказываясь признать въ изложеніи Катырева лѣтопись, однако замѣчалъ, что „вся сія повесть написана очень скромно“, то-есть, сдержанно, объективно.

Предъ читателемъ проходятъ послѣдовательно всѣ главнѣйшіе моменты смуты, очерченные довольно кратко, но весьма стройно. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, и заключается главное значеніе Повѣсти. Какъ мы видѣли раньше, уже Хронографъ 2-й редакціи заключалъ въ себѣ общій обзоръ событій смуты, но весьма краткій и лишенный внутренней цѣльности. Сказаніе Палицына точно также не обладало внутреннимъ единствомъ: не обо всемъ Палицынъ писалъ съ одинаковымъ вниманіемъ и съ одной точки зрѣнія. И Временникъ Тимоѣева не представилъ полной картины смуты: въ немъ пройдены молчаніемъ годы московскаго разоренія и исторія освобожденія Москвы. Повѣсть же князя Катырева впервые даетъ цѣльное описаніе всей эпохи. Съ одинаковымъ вниманіемъ авторъ останавливается на времени Бориса и похожденияхъ самозванца, на междуособіяхъ при Шуйскомъ и на обстоятельствахъ борьбы съ поляками. Разсказъ его не подробенъ: Катыревъ не вдается въ описаніе мелочей, а въ общемъ очеркъ слѣшитъ отъ факта къ факту, ограничиваясь ипогда только упоминаніемъ о томъ или другомъ событіи, о томъ или другомъ лицѣ. При такихъ условіяхъ нельзя ждать отъ повѣствованія Катырева большаго числа новыхъ и цѣнныхъ фактическихъ показаній. Главный интересъ подобнаго произведенія долженъ заключаться въ субъективной его сторонѣ, въ томъ освѣщеніи, какое придано описаннымъ событіямъ и дѣятелямъ.

Но, изучая произведеніе Катырева, нельзя не замѣтить, что онъ замѣчательно объективенъ въ сравненіи съ другими современными ему писателями о смутѣ. Своею задачей онъ ставитъ простое изображеніе фактовъ и очень рѣдко высказываетъ свои взгляды на событія и лица; о себѣ же самомъ не говоритъ ни слова. У него нельзя замѣтить и какой-нибудь общей мысли, которая руководила бы всѣмъ изложеніемъ; не всегда наблюдается даже стремленіе къ простому прагматизму. Авторъ довольствуется фактическимъ описаніемъ одного событія за другимъ, не претендуя на истолкованіе ихъ общаго смысла и связи. Такой приѣмъ автора обращаетъ его трудъ въ безпристрастную хронику событій, которая дорога историку тѣмъ, что составлена современникомъ описанной эпохи.

Называя произведеніе Катырева объективнымъ, мы не забываемъ однако тѣхъ немногихъ мѣстъ первой половины Повѣсти, въ которыхъ авторъ измѣняетъ своему обычному безстрастію. Мѣста эти очень любопытны; они касаются общихъ характеристикъ Бориса Годунова, Лжедмитрія и царя Василія. Не смотря на то, что Борисъ „не по-

миловаль " славнаго рода Романовых ¹⁾, и, помраченный властолюбіемъ, посягнувъ на жизнь царевича Димитрія ²⁾, Катыревъ все таки даетъ прекрасный отзывъ о Борисѣ, какъ о человѣкѣ и правителѣ. Не смотря на то, что преступленія Бориса вызываютъ у князя Ивана жестокіе „укоры“ Годунову, онъ рядомъ съ этими укорами высказываетъ мысль, что Борисъ царствовалъ съ Божьимъ покровительствомъ и помощью ³⁾. Такъ, колеблясь между двумя различными оцѣнками Годунова, нашъ авторъ то хвалитъ, то осуждаетъ его. Онъ какъ будто не можетъ выработать твердаго и спокойнаго отношенія къ Борису, не можетъ выйдти изъ своихъ очевидныхъ противорѣчій. Определеннѣе, но не спокойнѣе отношеніе Катырева къ первому самозванцу. Для того, чтобы объяснить происхожденіе ложнаго царя, Катыревъ довольно обстоятельно рассказываетъ о его походеніяхъ на Руси и въ Польшѣ ⁴⁾. Затѣмъ, обличая его злодѣйства и приписывая

¹⁾ Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 287, 312. — Катыревъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, что Борисъ имѣлъ Романовыхъ „въ завѣщательномъ союзѣ дружбы“. Этотъ намекъ получаетъ совершенно ясный смыслъ при сопоставленіи его съ другими свидѣтельствами о скрѣпленной клятвами близости Годунова и Романовыхъ (Авр. Палицына Сказаніе, изд. 2-е, стр. 8: Борисъ „клятву же къ великому боярину Никитѣ Романовичю Юрьеву преступи“.—Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 194—195: Борисъ къ Романовымъ „исперва любовно присоединяся и клятву страшну тѣмъ сотвори, яко братію и царствію помощателя имѣти“).

²⁾ Какъ и всѣ предыдущіе писатели, Катыревъ не сообщаетъ подробностей объ убіеніи царевича, но въ его смерти рѣшительно обвиняетъ Бориса (Изборникъ, стр. 285, 293). Убійцами Димитрія называетъ онъ тѣхъ же Н. Качалова и М. Битяговскаго, которые были названы ранѣе въ Иномъ Сказаніи; и вообще весь его рассказъ о смерти царевича по содержанію близокъ къ Повѣсти 1606 г. (слич. Изборникъ, стр. 285, и Иное Сказаніе, стр. 4—5): и тамъ и здѣсь одни имена и одинакія частности, за исключеніемъ только сообщенія о ядѣ, котораго не находимъ у Катырева. Кромѣ того, Катыревъ вѣритъ, что Борисъ велѣлъ зажечь Москву въ 1591 г. (Изборникъ, стр. 285). Этому въ Повѣсти 1606 г. не находимъ: слухъ о поджогѣ ранѣе Катырева былъ записанъ Тимошеевымъ, какъ мы видѣли выше.

³⁾ Изборникъ, стр. 285—287, 313. Замѣчательно кратко и сдержанно говоритъ Катыревъ объ избраніи Бориса въ цари: совершилось оно Божьей волей и „единомышленными“, „единогласными“ просьбами народа: народъ же просилъ Бориса „ови отъ престопаго ума своего, ови же научени бывше отъ самого (Бориса), ови же боязни ради“. Хотя Борисъ „царскій престолъ себѣ подручи, ему же недостойнъ былъ“ (стр. 293), однако, „подаде ему Богъ время тихо и безмятежно отъ всѣхъ окрестныхъ государствъ... и возвыси руку его Богъ, яко и прежнихъ великихъ государей и наипаче“ (стр. 287).

⁴⁾ Изборникъ, стр. 287—294.—Четыре сказанія о Лже-Димитріѣ, стр. 26—50. Мы уже сказали, при разборѣ Повѣсти 1606 г., что изъ русскихъ сказаній

ему намѣреніе разорить православную вѣру, авторъ слагаетъ „проклятому Разстригѣ“ рядъ „укаровъ и поносовъ“¹⁾. Эти укоры, являясь рѣзкимъ лирическимъ отступленіемъ отъ общаго строя повѣствованія, сближаютъ Повѣсть нашего автора съ обличительными произведеніями современныхъ ему писателей. Далѣе, о Василии Шуйскомъ находимъ у Катырева безусловно неодобрительный отзывъ въ его краткомъ „Написаніи о царѣхъ московскихъ“²⁾. Въ самомъ же текстѣ Повѣсти авторъ, хотя и не щадитъ Шуйскаго, представляя его избраніе незаконнымъ, однако воздерживается отъ его прямого осужденія и удачно сохраняетъ по отношенію къ нему тонъ безпристрастія³⁾. Наконецъ, рядомъ со всѣми этими субъективными отзывами, нельзя не отмѣтить у Катырева и той лестной похвалы его отцу, о которой мы уже имѣли случай говорить⁴⁾.

наиболѣе обстоятельныя данныя о Гришкѣ Отрепьевѣ даютъ Новый Лѣтописецъ (Ник. Лѣт. VIII, 54 и т. д.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 72 и д.—Нов. Лѣт., 58 и д.), Повѣсть 1606 г. (Ин. Сказ., стр. 10) и „Сказаніе, еже содѣяся“... (въ *Ист. Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1846—1847 г., IX, стр. 3 и д.). Сравненіе Повѣсти Катырева съ названными повѣствованіями показываетъ, что у нашего автора есть нѣкоторыя оригинальныя частности: такъ, напримѣръ, по его разсказу, Отрепьевъ постригся не въ Москвѣ и не въ Суздаль, а „во единой отъ убогихъ пустынь въ Галичской странѣ, Борки зовомой“ (въ Желѣзноборовскомъ монастырѣ; см. *Строева* Списки Іерарховъ, ст. 871); въ Суздаль же Гришка не былъ вовсе, между тѣмъ какъ и Повѣсть 1606 г., и Новый Лѣтописецъ утверждаютъ, что Отрепьевъ жилъ въ Спасо-Евфимьевѣ Суздальскомъ монастырѣ. Въ общемъ, однако, разсказъ Катырева менѣе обстоятеленъ и подробнѣе, чѣмъ названныя нами русскія произведенія.

¹⁾ Изборникъ, стр. 293.—Четыре сказанія о Лже-Димитрѣ, стр. 46—49.

²⁾ Изборникъ, стр. 314.

³⁾ Изборникъ, стр. 294. Отношеніе Катырева къ Шуйскому разобрано г. *Кондратьевымъ* въ его трудѣ о Рукописи Филарета: онъ находитъ это отношеніе несочувственнымъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1878 г., сентябрь, стр. 39 и далѣе).

⁴⁾ Изборникъ, стр. 291.—Четыре сказанія о Лже-Димитрѣ, стр. 41—42. Въ этой похвалѣ есть одна очень любопытная частности. По словамъ Катырева, отецъ его остался вѣренъ Годунову, потому что „извѣстно вѣдаше про сего богомерзкаго еретика Растригу Гришку, что лжа есть и начатокъ лжи и кровопролитія, а не царевичъ“. У читателя невольно является вопросъ, откуда могъ знать это М. П. Катыревъ, когда по случаю побѣды самозванца „радостны бысть вси людие, мняху его суща царевича Дмитрія быти“? И если зналъ, то почему не обличилъ онъ Растригу? Трудно рѣшить, чѣмъ слѣдуетъ считать это мѣсто Повѣсти Катырева: простымъ ли литературнымъ промахомъ или сознательнымъ намекомъ на то, что отецъ автора зналъ интригу, породившую самозванца, но не сочувствовалъ ей.

Такъ иногда нарушается общій тонъ объективнаго повѣствованія нашего автора. Всѣ отмѣченныя нами субъективныя отступленія сдѣланы Катыревымъ по отношенію къ тѣмъ лицамъ, дѣятельность которыхъ онъ самъ видѣлъ въ то время, когда еще не былъ въ ссылкѣ отъ В. Шуйскаго. О тѣхъ же лицахъ и событіяхъ второй половины смуты, о которыхъ ему приходилось говорить не по личнымъ впечатлѣніямъ, князь Иванъ отзывался съ полною сдержанностью. Единственнымъ основаніемъ въ глазахъ автора для того, чтобы осудить кого-нибудь (какъ напримѣръ, М. Салтыкова и Ѳ. Андропова), служить измѣна родинѣ; единственнымъ основаніемъ для похвалъ служить патріотическая дѣятельность того или другаго лица ¹⁾. Но и въ подобныхъ похвалахъ авторъ весьма умѣренъ: мы не встрѣчаемъ у него шумныхъ панегириковъ ни М. В. Скопину-Шуйскому, ни Гермогену, ни предводителямъ земскихъ ополченій, ни даже патріарху Филарету, хотя послѣдній былъ тестемъ автора и главнымъ человѣкомъ въ Москвѣ въ то время, когда Катыревъ писалъ свое произведеніе ²⁾.

При такой манерѣ изложенія нѣтъ возможности возстановить съ желаемою полнотою взгляды автора на смуту и ея дѣтелей. Родство Катырева съ Романовыми давало бы особенное значеніе этимъ взглядамъ; но, вѣроятно, это же самое родство и было причиной того, что Катыревъ не высказался въ своемъ произведеніи. Занявъ Московскій престолъ, семья Романовыхъ перестала быть боярскою семьей; высокое положеніе и новая обстановка жизни помогали ей забыть прошлое и обязывали отзываться о немъ спокойно и сдержанно. Всякое слово Романовыхъ послѣ смуты пріобрѣтало официальное значеніе, и Катыревъ, бывшій ближнимъ человѣкомъ во дворцѣ, не могъ не знать, что по его родству съ государями Михаиломъ и Филаретомъ и его словамъ можетъ быть приданъ официальный характеръ. Въ этомъ обстоятельствѣ, какъ намъ кажется, и слѣдуетъ искать разгадки его объективности. Съ этой точки зрѣнія тѣ отступленія отъ

¹⁾ Сдержанность и осторожность въ отзывахъ иногда приводила Катырева къ противорѣчію съ самимъ собою. Такъ напримѣръ, говоря о назначеніи кн. В. В. Голицына въ великое посольство и памятуя его пѣвнѣ за правое дѣло, авторъ характеризуетъ его, какъ „мужа великаго разсужденія, изящнаго въ посольственныхъ уставѣхъ и искусна“. Но раньше, при похвалѣ своему отцу, авторъ, отмѣчая, что В. В. Голицынъ съ другими боярами предался самозванцу, за это называлъ того же Голицына „измѣнникомъ, крестопреступникомъ и кровоначальникомъ“ (Изборникъ, стр. 304 и 291).

²⁾ Изборникъ, стр. 299, 303, 307—309, 310, 312, 313.

обычной сдержанности, какія мы видѣли въ его повѣствованіи, могутъ казаться весьма существенными и даже смѣлыми.

Вотъ тѣ общія замѣчанія, которыя мы можемъ представить о Повѣсти Катырева. При строго-фактическомъ характерѣ ея показаній, дальнѣйшій анализъ ея содержанія повелъ бы насъ къ критической повѣркѣ cadaго отдѣльнаго показанія автора. Не составляя вообще задачи нашего труда, такая повѣрка въ данномъ случаѣ ничего не прибавила бы къ общей характеристикѣ труда кн. Ивана. Еслибы намъ и удалось отмѣтить нѣкоторыя его ошибки и неточности, мы не сумѣли бы доказательно объяснить ихъ происхождение. Источники, которыми пользовался Катыревъ, намъ неизвѣстны. Онъ не говоритъ, откуда онъ беретъ свѣдѣнія о тѣхъ фактахъ, очевидцемъ которыхъ самъ не былъ, и мы можемъ лишь догадываться, что онъ основывался въ своемъ повѣствованіи не только на своихъ воспоминаніяхъ и устныхъ разсказахъ очевидцевъ, но и на письменныхъ документахъ. Такъ, слѣды пользованія лѣтописями находимъ на первыхъ страницахъ Повѣсти Катырева. Безъ сомнѣнія, изъ какого-нибудь лѣтописнаго свода взялъ онъ свои показанія о „великомъ князѣ“ Данилѣ Московскомъ и заимствовалъ дату 4-го декабря 7042 г., подъ которою помѣстилъ смерть Василія III ¹⁾. Изъ какихъ-нибудь разрядныхъ записей почерпалъ онъ, вѣроятно, свѣдѣнія о томъ, какіе воеводы начальствовали въ городахъ и надъ войсками въ тотъ или другой годъ смуты. И нѣкоторыя фактическія показанія бралъ онъ, можно думать, отсюда же. Такъ, напримѣръ, разсказывая о походѣ Отрепьева на Русь, первымъ городомъ, принявшимъ самозванца, считаетъ онъ „Монастыревской зовоймъ“. Съ такою формою имени городъ Моравскъ или Муромскъ упоминается именно въ разрядныхъ книгахъ, какъ первый пунктъ, къ которому направился на Руси Лжедимитрій ²⁾.—Но далѣе подобныхъ шаткихъ догадокъ объ источникахъ Катырева идти нельзя. Какъ писатель, совершенно

¹⁾ И названіе Данила Александровича „великимъ“ княземъ, и число 4-го декабря находимъ въ Книгѣ Степенной (I, стр. 377; II, 217). Въ прочихъ лѣтописяхъ о смерти Василія III говорится чаще подъ 3-го декабря (II. Собр. Р. Лѣт., III, 149, 199; IV, 298; VI, 274—275, 292; VII, 285).

²⁾ Изборникъ, стр. 289.—*Карамзина* Ист. Рос., XI, прим. 248.—Хронографъ Столяра въ Изборникѣ, стр. 323.—Книга, глаголемая Большою Чертежъ. М. 1846, стр. 86.—Иное Сказаніе, стр. 15.—Поляки называли этотъ городокъ Morawisko, Morawiesk (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 80, стр. 169.—Русск. Ист. Библиотека, I, ст. 85).

самостоятельный въ литературномъ отношеніи, онъ ни у кого не заимствовалъ прямо, а перерабатывалъ каждое свое показаніе, откуда бы онъ его ни взялъ, сообразно своимъ вкусамъ и задачамъ. Поэтому если мы и замѣчаемъ иногда внутреннюю близость того или другаго мѣста Повѣсти Катырева къ какому-нибудь иному болѣе раннему памятнику, то все-таки не можемъ въ этихъ случаяхъ настаивать на заимствованіи со стороны Катырева: сходство произведеній могло явиться и безъ заимствованія ¹⁾.

Произведеніе Катырева получило большое распространеніе въ московскомъ обществѣ XVII вѣка. Объ этомъ свидѣлствуетъ не только достаточное число его списковъ, указанныхъ нами выше, но и тотъ фактъ, что Повѣсть князя Ивана отрывками вносились въ компилятивныя произведенія о смутѣ ²⁾ и даже приписывалась къ разряднымъ книгамъ XVII вѣка въ видѣ предисловія ³⁾. Не разъ подвергалась она и передѣлкамъ. Одну изъ этихъ передѣлокъ мы уже указали, называя ее позднѣйшимъ изводомъ Повѣсти. Въ ней, какъ мы видѣли, измѣнено заглавіе, внесено дѣленіе на главы и уничтожены тѣ мѣста, по которымъ можно было возстановить имя автора. Гораздо существеннѣе перемѣны въ той переработкѣ Повѣсти Катырева, которая извѣстна подъ именемъ Рукописи Филарета.

Рукопись Филарета сохранилась всего въ одномъ спискѣ XVII вѣка, далеко не полномъ и представляющемъ собой черновой текстъ повѣствованія о смутѣ со многими поправками и приписками. Начала повѣствованія не достаетъ; рассказъ начинается съ воцаренія Шуйскаго и заканчивается избраніемъ на царство Михаила Феодоровича. Первоначальнаго заглавія произведенія не сохранилось;

¹⁾ Мы уже отмѣтили общія черты въ повѣствованіи Катырева и Повѣсти 1606 г. объ убіеніи Дмитрія. Такая же близость замѣтна между рассказомъ Катырева о сожженіи Москвы въ 1611 году (Изборникъ, стр. 307) и повѣствованіемъ объ этомъ же разобраннаго нами во II главѣ Плача и тѣхъ грамотъ, которыя послужили источниками для Плача. При полномъ различіи литературной формы, всѣ эти рассказы сходны въ существенныхъ чертахъ своего содержанія.

²⁾ При описаніи одного изъ списковъ „Плача о разореніи Московскаго Государства“ (Ркп. гр. Уварова № 896), во второй главѣ нашего труда, мы указали уже одну изъ компиляцій, основанныхъ на трудѣ Катырева. Съ другими встрѣтимся не одинъ разъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

³⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ Дворцовыхъ Разрядовъ (т. I, стр. XXVI—XXVIII и 1—7) помѣщенъ, со вставками и измѣненіями, рассказъ Катырева о Нижегородскомъ ополченіи и освобожденіи Москвы (Изборникъ, стр. 310—312).

ныѣшнее же ея заглавіе—Рукопись Филарета—дано произведенію Карамзинымъ ¹⁾). Единственнымъ основаніемъ для того, чтобы приписывать эту рукопись Филарету, служить неизвѣстно кѣмъ составленное въ XVIII уже вѣкѣ слѣдующее заглавіе ея: „Повѣсть о бывшихъ въ Россіи послѣ кончины царя Бориса Годунова до избранія государя царя Михаила Ѳеодоровича замѣшательствахъ и бѣдствіяхъ, сочиненная (витіевато) при патриархѣ Филаретѣ Никитичѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его рукою (уповательно) исправленная“. Въ 1837 году Рукопись Филарета была издана П. А. Мухановымъ весьма тщательно, съ подробнымъ описаніемъ подлиннаго списка и съ указаніемъ всѣхъ поправокъ, въ немъ находящихся. Позднѣе, въ 1866 году, П. А. Мухановъ включилъ напечатанный ранѣе текстъ Рукописи во второе изданіе своего Сборника ²⁾).

Долгое время всѣ свѣдѣнія о составѣ и происхожденіи Рукописи Филарета исчерпывались замѣчаніями, сдѣланными о ней издателемъ. По его свидѣтельству, основной текстъ Рукописи писанъ былъ на листкахъ шестью различными почерками. Въ исправленіи же основнаго текста принимали участіе четыре лица, и почеркъ одного изъ этихъ лицъ, по мнѣнію Муханова, сходенъ съ рукою Филарета. Не утверждая этого категорически, Мухановъ въ то же время не отрицалъ участія Филарета въ составленіи Рукописи. Боясь высказаться рѣшительно, онъ оставлялъ открытымъ вопросъ о происхожденіи Рукописи. Лишь въ видѣ простаго предположенія высказывалъ онъ мысль, что „Филаретовская Рукопись составлена изъ нѣкоторыхъ современныхъ хроникъ, которыя были ведены разными лицами, иногда и въ разныхъ мѣстахъ, и вполнѣдствіи составлены и склеены въ одинъ столбецъ“. Это именно дѣло составленія изъ разныхъ хроникъ

¹⁾ *Карамзина* Ист. Гос. Росс., XI, прим. 570; XII, прим. 23, 27, 28 и т. д.—*Карамзину* была извѣстна только неисправная копія со списка Рукописи, какъ это удостовѣряетъ П. А. Мухановъ въ своемъ Предисловіи къ Рукописи Филарета. Всѣ наши свѣдѣнія о подлинномъ спискѣ Рукописи заимствованы изъ того же Предисловія; списка же мы не видѣли.

²⁾ „Рукопись Филарета, патриарха Московскаго и всея Россіи“. М. 1837.—Сборникъ *Муханова*, изд. 2-е, № 195, стр. 263—330, и Примѣчанія, XXXI—XXXXI.—Отдѣльное изданіе Рукописи удобнѣе для пользованія; въ Сборникѣ текстъ отдѣльнаго изданія воспроизведенъ страница въ страницу, но нѣсколько дополнены примѣчанія. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ на Рукопись, при означеніи страницъ отдѣльнаго изданія, мы будемъ указывать въ скобкахъ и соответствующія страницы Сборника.

одной, по представлению Муханова, могло совершиться при участии патриарха ¹⁾).

Болѣе обстоятельное изслѣдованіе Рукописи Филарета произведено было А. А. Кондратьевымъ въ 1878 г. ²⁾. Сравнивъ текстъ Рукописи съ другими произведеніями о смутѣ, г. Кондратьевъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: „Рукопись эта (говоритъ онъ) есть официальная лѣтопись, составленная въ патриаршество Филарета Никитича. Въ основѣ Лѣтописи легъ Хронографъ особаго состава тобольскаго боярскаго сына Сергѣя Кубасова (или, какъ мы видѣли выше, Повѣсть Катырева-Ростовскаго). Кромѣ Хронографа Кубасова, составители Рукописи пользовались и другими источниками, какъ напримѣръ, древнѣйшимъ изводомъ Новаго Лѣтописца и нѣкоторыми официальными извѣстіями“. Не смотря на официальный характеръ Рукописи, г. Кондратьевъ отвергаетъ однако всякое участіе въ ней патриарха Филарета ³⁾. Со взглядами Муханова г. Кондратьевъ такимъ образомъ расходится совершенно.

Прекрасное изслѣдованіе г. Кондратьева избавляетъ насъ отъ обязанности вдаваться въ сличеніе текстовъ Рукописи Филарета и Повѣсти Катырева. Многочисленными примѣрами и соображеніями доказываетъ г. Кондратьевъ, что Рукопись есть простая передѣлка труда Катырева, иногда довольно неумѣлая и неловкая ⁴⁾. Нѣтъ намъ необходимости уяснять и общій характеръ этой передѣлки: г. Кондратьевъ съ полною очевидностью показываетъ, что исправленія и дополненія, сдѣланныя въ рассказѣ Катырева, носятъ на себѣ характеръ официальной сдержанности и торжественности ⁵⁾. Несочувственное отношеніе Катырева къ Василю Шуйскому закрыто въ Рукописи Филарета рядомъ официальныхъ похвалъ, и царь Василій изображенъ законнымъ монархомъ, мужественно боровшимся съ измѣнниками. Простой рассказъ Катырева объ открытіи мощей царевича Димитрія замѣненъ такимъ подробнымъ и витиеватымъ описаніемъ,

¹⁾ Рукопись Филарета, Предисловіе, стр. III—IV, VII (и дополненія въ Сборникѣ, XXXII—XXXIV).

²⁾ „О такъ-называемой Рукописи патриарха Филарета“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1878 г., сентябрь.

³⁾ Тамъ же, стр. 82—83.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 30—37.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 37—70. — И *Соловьевъ* считалъ Рукопись Филарета „официальною лѣтописью смутнаго времени“ (Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 417).

какого не встрѣчаемъ ни въ одномъ литературномъ памятникѣ XVII в. Выразительный слогъ Катырева украшенъ риторическими оборотами, въ которыхъ часто исчезаетъ живой смыслъ показаній князя Ивана ¹⁾. Такой характеръ исправленій и дополненій показываетъ намъ, что составители Рукописи Филарета находили повѣствованіе Катырева слишкомъ простымъ по слогу и недостаточно сдержаннымъ, напримѣръ, въ отношеніи къ Шуйскому. Въ своемъ мѣстѣ мы говорили, какъ былъ объективенъ и остороженъ самъ Катыревъ въ сравненіи съ другими современными ему писателями. Кто же могъ быть еще осторожнѣе его, какъ не лица официальныя? Это соображеніе представляетъ еще лишній доводъ къ доказательствамъ г. Кондратьева, что Рукопись Филарета есть памятникъ официального происхожденія. Почтвенный изслѣдователь удивляется тому, какъ официальные историки могли избрать главнымъ источникомъ для своего труда произведеніе Катырева, въ которомъ они находили негодные имъ взгляды. Обстоятельство это онъ объясняетъ литературными достоинствами Повѣсти Катырева ²⁾. Но высокое общественное положеніе князя Ивана играло здѣсь, вѣроятно, гораздо большую роль: его трудъ былъ, конечно, извѣстенъ и государю, и патриарху уже потому, что Катыревъ былъ имъ родной человекъ ³⁾. Кромѣ того, Повѣсть Катырева, какъ мы уже замѣтили, была первымъ по времени трудомъ, въ которомъ данъ былъ стройный и цѣльный очеркъ смуты. Такой трудъ было легче дополнить и передѣлать, чѣмъ, напримѣръ, Сказаніе Палицыпа, страдающее неравномѣрностью частей и поучительными тенденціями, пли слишкомъ краткій Хронографъ 1617 года. Въ этихъ обстоятельствахъ нужно искать причины, почему подверглась передѣлкѣ именно Повѣсть Катырева, а не другое повѣствованіе.

¹⁾ Въ изслѣдованіи г. Кондратьева приведено нѣсколько сопоставленій текста Катырева и Рукописи Филарета, различныхъ только по слогу. Укажемъ, напримѣръ, на различіе извѣстій о вѣнчаніи на царство В. Шуйскаго (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1878 г., сентябрь, стр. 43).

²⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1878 г., сентябрь, стр. 75.

³⁾ Въ заглавіи Повѣсти Катырева отмѣчено, что „написана бысть сія книга въ лѣто 7134 (1626) іюля въ 28 день“. Врядъ ли Катыревъ работалъ въ этотъ день: это былъ праздникъ иконы пресв. Богородицы Смоленскія; князь Иванъ былъ съ государемъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и обѣдалъ тамъ за царскимъ столомъ (Дворц. Разряды, I, 829.—Русск. Ист. Библиотека, IX, стр. 399). Не помѣтилъ ли онъ въ своей Повѣсти день поднесенія ея государю?

Высокое положеніе Катырева даетъ основаніе думать, что, если исправленіе его Повѣсти было предпринято официально, то оно было поручено лицу высокопоставленному: иначе Катыревъ могъ бы счесть себя униженнымъ (мы увидимъ далѣе, что исправленіе производилось при его жизни). Внѣшнія условія составленія Рукописи Филарета, описанныя П. А. Мухановымъ, ведутъ къ тому же заключенію: редакторъ рукописи имѣлъ у себя нѣсколько переписчиковъ; или самъ онъ, или другія лица по его порученію дѣлали замѣчанія на поляхъ, указывая одно исправить, другое дополнить; ихъ указанія, судя по почеркамъ, исполнялись не ими самими, а другими лицами. Словомъ, знакомство съ текстомъ Рукописи показываетъ, что надъ нею работалъ цѣлый штатъ людей (П. А. Мухановъ считаетъ въ Рукописи 10 почерковъ: это указываетъ на трудъ десяти человекъ). Нѣтъ сомнѣнія, что по свойству самаго дѣла этотъ штатъ имѣлъ одного руководителя, и понятно, что руководитель этотъ не могъ быть мелкимъ подначальнымъ человекъ. Мы имѣемъ свѣдѣніе, что при составленіи своего Хронографа архіепископъ астраханскій Пахомій самъ дѣлалъ выписки на столбецъ и не сразу нашелъ писца, который бы могъ переписать его трудъ; а Пахомія нельзя, конечно, считать лицомъ ничтожнымъ въ московскомъ обществѣ ¹⁾. По аналогіи съ этимъ любопытнымъ случаемъ можно думать, что поставленный въ несравненно лучшія условія труда главный составитель Рукописи Филарета или самъ принадлежалъ къ высшему слою общества, или трудился по порученію важнаго лица. Разсуждая такъ, не находимъ ничего страннаго въ предположеніи, что къ составленію Рукописи былъ причастенъ такъ или иначе самъ Филаретъ. Возраженія противъ этого, представленныя г. Кондратьевымъ, не могутъ по нашему мнѣнію, имѣть большой силы ²⁾, а преданіе о принадлежности Рукописи

¹⁾ А. Н. Попова Обзоръ хронографовъ р. редакція, II, стр. 236—238.

²⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1878 г., сентябрь, стр. 76—80.—Въ данномъ случаѣ доказательство г. Кондратьева кажется намъ слабымъ: Впервыхъ, г. Кондратьевъ говоритъ, что Филаретъ не могъ участвовать въ составленіи такой летописи, которая „въ значительно большей своей части представляетъ чужой трудъ“, заключающей къ тому же взгляды, несочувственные „правительству смутнаго времени“. Но литературныя понятія XVI—XVII вв. не соответствуютъ нашимъ: передѣлка чужихъ работъ тогда считалась вполне дозволенною. Укажемъ для примѣра на передѣлку царевичемъ Иваномъ, сыномъ Грознаго, житія Антонія Сійскаго, написаннаго Іоной (*Ключевскаго Древнерусскія житія святыхъ*, стр. 300—302). Для патріарха же Филарета весьма естественно

Филарету, существовавшее еще в XVIII в., было же на чем-нибудь основано. Родственная близость Катырева к патриарху дает и некоторую фактическую основу для этого предания, помимо еще не установленного твердо сходства почерка Филарета с почерком одного из поправщиков Рукописи ¹⁾. Для Филарета не могла быть унизительно переработка Повѣсти близкаго ему челоуѣка.

Расходясь с г. Кондратьевым во взглядах на участие патриарха в составленіи разбираемаго памятника, мы не считаемъ прочно основанными и некоторыя его выводы об источникахъ Рукописи Фи-

было заняться исправленіемъ труда своего зятя, если этотъ трудъ ему не вполне нравился по исполненію и взглядамъ. — Вовторыхъ, г. Кондратьевъ говоритъ, что при участіи Филарета не появились бы в Рукописи строки об отравленіи М. В. Скопина и нападки при этомъ на В. Шуйскаго. В Рукописи Филарета мы, дѣйствительно, видимъ эти не подходящія къ официальному повѣствованію мѣста, но всѣ они — зачеркнуты. Если Филаретъ принималъ участіе в составленіи Рукописи, то, конечно, не самъ писалъ ее, а былъ только ея редакторомъ. При такомъ условіи вполне могло быть, что кто-нибудь изъ его помощниковъ безтактно внесъ въ повѣствованіе не соответствующія извѣстія, а Филаретъ, оставаясь вѣрнымъ разъ взятому тону, вычеркнулъ ихъ. — Наконецъ, третьихъ, г. Кондратьевъ сличаетъ съ Рукописью грамоты, писанныя Филаретомъ со словъ В. Шуйскаго и Гермогена в 1606 — 1607 гг., когда онъ былъ митрополитомъ в Ростовѣ (Акт. Арх. Эксп. II, № 57—№ 59, № 73 и № 74); сличеніе показываетъ противорѣчія между грамотами и Рукописью, и г. Кондратьевъ считаетъ это доказательствомъ, что Филаретъ не былъ причастенъ къ сочиненію Рукописи. Но между этими грамотами и Рукописью болѣе 20 лѣтъ прошло не безъ слѣда для Филарета. Положеніе его измѣнилось, многое онъ могъ узнать лучше, чѣмъ зналъ в Ростовѣ; неужели же онъ могъ остаться неизмѣнно вѣренъ всему тому, что когда-то говорилъ со словъ правительства Шуйскаго? неужели онъ долженъ былъ все это помнить и обратиться непременно къ грамотамъ Шуйскаго для того, чтобы возстановить факты прошлаго?

¹⁾ Текстъ Рукописи не даетъ положительныхъ указаній на его составителей. Но если искать въ немъ какихъ-нибудь намековъ на участіе Филарета, то нельзя не отмѣтить слѣдующихъ мѣстъ: вопервыхъ, при разсказѣ объ обрѣтеніи мощей ц. Димитрія, на поляхъ сдѣланы указанія такого рода, что позволяютъ видѣть въ ихъ авторѣ очевидца обрѣтенія; Филаретъ же, какъ извѣстно, былъ при отысканіи мощей царевича. Вовторыхъ, при извѣстіи о возвращеніи Филарета изъ Тушинскаго плѣна в Москву в 1610 году точно отмѣченъ день возвращенія: „приде на Москву марта в 14 день“; кто, кромѣ Филарета и его близкихъ, могъ записать или запомнить это число? Третьихъ, при описаніи происхожденія царя Михаила отъ „великаго боярина“ Федора Никитича, много пострадавшаго в смуту, — на поляхъ сдѣлано замѣчаніе: „о семъ покороче написать“... Замѣчаніе это можно приписывать авторской скромности Филарета. — Рукопись Филарета, стр. 6 (268), 27 (289) и 67—68 (329—330).

ларета. Г. Кондратьевъ многого не сказалъ объ источникахъ Рукописи. Прилежно сравнивъ тексты Повѣсти Катырева и Рукописи до извѣстій о смерти Скопина, онъ почти не обратилъ вниманія на тѣ обширныя вставки въ текстъ Катырева, которыми испещрена вторая половина Рукописи. А между тѣмъ эти послѣднія дополненія заключаютъ въ себѣ рядъ любопытнѣйшихъ извѣстій, дающихъ большую историческую цѣнность Рукописи Филарета. Только указаніемъ всѣхъ этихъ вставокъ и попыткою характеризовать ихъ происхожденіе можно исчерпать вопросъ о томъ, какими источниками, кромѣ Повѣсти Катырева, руководились составители Рукописи.

Обращаясь къ разсмотрѣнію всѣхъ вообще дополненій, внесенныхъ въ Рукопись, замѣчаемъ, что они дѣлятся на два разряда: одни изъ нихъ представляютъ собою риторическія упражненія, составленныя для того, чтобы украсить простой и краткій рассказъ Катырева; другія же строго фактичны, отличаются болѣе простымъ языкомъ и имѣютъ характеръ простыхъ лѣтописныхъ замѣтокъ. Дополненія перваго рода не всегда интересны для историка ¹⁾; сравненіе ихъ съ другими повѣствованіями о смутѣ не даетъ права видѣть въ нихъ заимствованіе, не указываетъ ихъ источника. Весьма легко можетъ быть, что всѣ они составлялись самими редакторами Рукописи; по крайней мѣрѣ можно въ ней указать такія мѣста: первоначальный текстъ Катырева зачеркнутъ; на полѣ сдѣлано указаніе „пополнить и исправить“; а рядомъ съ этимъ вписано витіеватое дополненіе, очевидно, явившееся вслѣдствіе этого указація ²⁾. За то вставки лѣтописнаго характера неоспоримо указываютъ на то, что у составителей Рукописи были богатые источники фактическихъ свѣдѣній о смутѣ ³⁾. Показаній столько же подробныхъ, какъ тѣ, какія

¹⁾ Вотъ ихъ перечень съ указаніемъ страницъ Рукописи, на которыхъ они находятся: стр. 16—18 (278—280)—рѣчь Гермогена къ Шуйскому; стр. 30 (292)—плачъ о паденіи Новгорода; стр. 31—33 (293—295)—риторическое повѣствованіе о сверженіи Шуйскаго и плачъ царицы его жены; стр. 60—62 (322—324)—изображеніе битвы съ Хотявичемъ (здѣсь, впрочемъ, на стр. 62 (324), есть и любопытныя фактическія данныя). Къ этимъ же риторическимъ вставкамъ можно отнести и рассказъ о перенесеніи мощей Димитрія царевича, а также и строки объ избраніи на царство Шуйскаго, на стр. 2—9 (364—271): въ нихъ ярава преобладаетъ надъ содержаніемъ.

²⁾ Рук. Фил., стр. 2 (264), стр. 6 (268).

³⁾ Вотъ ихъ перечень: стр. 14 (276)—извѣстіе о свадьбѣ Шуйскаго; стр. 25—26 (287—288)—извѣстіе объ отравленіи Скопина; стр. 27—28 (289—290)—извѣстіе о началѣ войны съ Польшою и о Клушинскомъ пораженіи; стр. 33—

находимъ въ этихъ вставкахъ, мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ литературномъ памятникѣ. Сравнивая эти вставки съ повѣствованіемъ Новаго Лѣтописца, наиболѣе подробнаго изъ извѣстныхъ намъ повѣствованій о смутѣ, не только не замѣчаемъ литературныхъ изъ него заимствованій со стороны составителей Рукописи, но, напротивъ, можемъ отмѣтить въ этихъ произведеніяхъ различное отношеніе къ одному и тому же факту и даже противорѣчія въ описаніи однихъ и тѣхъ же событій ¹⁾. Понятно, при такихъ условіяхъ, для того, чтобы говорить о зависимости Рукописи отъ Новаго Лѣтописца, нужно представить болѣшія доказательства, чѣмъ тѣ, которыя даны г. Кондратьевымъ ²⁾. Случайныя сходства не литературной формы, а

36 (295—298)—разсказъ объ избраніи Владислава и о великомъ посольствѣ; стр. 38—39 (300—301)—о М. Салтыковѣ; стр. 40—41 (302—303)—разсказъ о плѣнѣ царя Василія и о польскихъ притѣсненіяхъ; стр. 43—44 (305—307)—о Ѳ. Андроновѣ и Гермогенѣ; стр. 47—48 (309—310)—тѣ данныя о разореніи Москвы, которыя писаны особымъ почеркомъ на 44 листѣ подлиннаго списка; стр. 51 (313)—мелкія дополненія къ разсказу Катывева о смерти Ляпунова; стр. 55 (317)—о битвѣ 15-го сентября 1611 года; стр. 57—59 (319—321)—спутанныя извѣстія о походѣ Сигизмунда, взятіи Китай-города и подмосковномъ ополченіи 1612 года (до листа 57); стр. 64—65 (320—327)—объ оскверненіи Москвы поляками; стр. 66—67 (328—329)—о походѣ Сигизмунда на Русь и объ иконѣ св. Николая Можайскаго.—Кромѣ этихъ крупныхъ вставокъ, въ Рукописи разсыяна масса мелкихъ дополненій и поправокъ, перечестъ которыя нѣтъ возможности. Для характеристики ихъ укажемъ надстрочныя примѣчанія на стр. 12 (274), 13 (275), 14 (276) и др.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, сравнивая описаніе сверженія Шуйскаго въ Рукописи Филарета, стр. 31—33 (293—295) и въ Новомъ Лѣтописцѣ (Ник. Лѣт. VIII, 138—139.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 186—187.—Нов. Лѣт., 119—120), видимъ совершенно различное изображеніе роли бояръ въ этомъ дѣлѣ: въ Рукописи—они всѣ за царя Шуйскаго, въ Новомъ Лѣтописцѣ—„бояре жъ немногіе постояху за него“.—Далѣе, о времени появленія въ Москвѣ Ѳ. Андронова Рукописи и Новый Лѣтописецъ говорятъ совершенно различное: первая утверждаетъ, что онъ пришелъ съ Гонимымъ, второй—что онъ уже былъ при Жолкивскомъ (Рук. Фил., стр. 43 (405).—Ник. Лѣт. VIII, 147.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 197.—Нов. Лѣт., 125).—Размѣщеніе воеводъ Ляпуновскаго ополченія подъ Москвою въ 1611 году передается въ этихъ памятникахъ разнорѣчиво (Рук. Фил., стр. 51 (313).—Ник. Лѣт. VIII, 159.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 213—214.—Нов. Лѣт., 134—135).—Смерть патр. Гермогена въ Рукописи отнесена къ январю 1612 года, въ Новомъ Лѣтописцѣ—къ февралю (Рук. Фил., стр. 57 (319).—Ник. Лѣт. VIII, 177.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 238.—Нов. Лѣт., 146).

²⁾ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1878 г., сентябрь, стр. 73—75. Г. Кондратьевъ указываетъ всего два сходныхъ показанія Новаго Лѣтописца и разбираемой Рукописи: 1) о посылкѣ грамоты въ города для избранія царя послѣ убійства Раз-

самаго содержанія того или другаго извѣстія въ этихъ памятникахъ могутъ лать поводъ только къ той догадкѣ, что оба произведенія пользовались одинаковыми источниками. Противъ этой догадки мы спорить не будемъ. И Новый Лѣтописецъ, какъ увидимъ ниже, и Рукопись Филарета—произведенія, одинаково вышедшія изъ официальныхъ круговъ московскаго общества. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что ихъ составители пользовались одинаковымъ историческимъ матеріаломъ, сохранившимся отъ смуты. Какого сорта былъ этотъ матеріалъ, рѣшить не трудно.—Если мы не находимъ въ лѣтописныхъ произведеніяхъ о смутѣ тѣхъ образцовъ, которыми пользовались составители Рукописи Филарета, если по многимъ признакамъ рѣшаемъ, что эта Рукопись была официальнымъ произведеніемъ, то для насъ ясно, что источниками для нея могли быть только официальные документы. Эти соображенія подтверждаетъ съ своей стороны и г. Кондратьевъ, указывая на сходство нѣкоторыхъ официальныхъ грамотъ съ изложеніемъ Рукописи ¹⁾. Но, къ сожалѣнію, по скудости дошедшихъ до насъ официальныхъ документовъ, это сходство не всегда можно показать нагляднымъ сличеніемъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о времени составленія Рукописи Филарета. Г. Кондратьевъ относитъ Рукопись къ 1630—1633 гг. на слѣдующихъ основаніяхъ: во первыхъ, въ ней самой находится указаніе, что она составлена въ патріаршество Филарета

стриги, и 2) объ ужасной смерти измѣнниковъ Салтыкова и другихъ (Рук. Фил., стр. 1—2 (263—264) и стр. 27—28 (289—290).—Ник. Лѣт. VIII, 75 и 142.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 102 и 191.—Нов. Лѣт., 74 и 121—122). Сличая эти показанія въ томъ и другомъ памятникѣ со стороны ихъ литературной формы, видимъ, что она не одинакова; сличая фактическія частности показаній, видимъ, что и онѣ различны. Въ одномъ памятникѣ о послыскѣ грамотъ въ города предъ избраніемъ Шуйскаго думаютъ одни бояре, въ другомъ—весь народъ. Далѣе, имена измѣнниковъ показаны не одинаково: въ Новомъ Лѣтописцѣ ихъ больше; кромѣ того, въ немъ Витовтовъ названъ Евдокимомъ, въ Рукописи же Есимомъ. Понятно, какимъ слабымъ доказательствомъ литературнаго заимствованія должно считаться такое отдаленное сходство немногихъ мѣстъ. Оно теряетъ и послѣднюю силу, если сопоставить цѣликомъ рассказы объ избраніи Шуйскаго въ томъ или другомъ произведеніи: Новый Лѣтописецъ прямо осуждаетъ способъ избранія Шуйскаго, Рукопись же представляетъ его совершенно правильнымъ. Наконецъ замѣтимъ, что г. Кондратьевъ дѣлаетъ ошибку и въ томъ, что считаетъ первоначальнымъ изводомъ Новаго Лѣтописца тотъ его списокъ, который изданъ кн. Оболенскимъ (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVII) какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, это изводъ позднѣйшій.

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1878 г., сентябрь, стр. 70—73.

Никитича, стало быть, не позже 1633 года; а ввторыхъ, по мнѣнію почтеннаго изслѣдователя, составители Рукописи пользовались Новымъ Лѣтописцемъ, законченнымъ около 1630 года, и, стало быть, не могли писать раньше этого года ¹⁾). Не соглашаясь съ тѣмъ, чтобы Рукопись Филарета сколько-нибудь зависѣла отъ Новаго Лѣтописца, мы не можемъ въ данномъ случаѣ принять 1630 года за хронологическую грань. Для насъ такою гранью является 1626 годъ, когда была составлена Повѣсть Катырева, легшая въ основаніе Рукописи, и мы поэтому считаемъ періодъ времени, въ который могла составляться Рукопись Филарета, нѣсколько бѣльшимъ, чѣмъ считаетъ г. Кондратьевъ,—именно, съ 1626 по 1633 годъ.

Обратимся теперь къ произведеніямъ о смутѣ князя Семена Ивановича Шаховскаго-Хари. Онъ составилъ Житіе царевича Дмитрія и сказаніе о первомъ самозванцѣ подъ названіемъ Повѣсти о нѣкоемъ мниѣ, како послася отъ Бога на царя Бориса. Оба произведенія стоятъ въ тѣсной связи одно съ другимъ, оба одинаково сильно зависятъ отъ Повѣсти Катырева-Ростовскаго въ своихъ фактическихъ показаніяхъ и оба составлены въ духѣ обычнаго вѣтѣйства князя Шаховскаго.

Благодаря своимъ литературнымъ трудамъ, князь Семень Шаховской получилъ достаточную извѣстность въ исторіи нашей письменности. О немъ сохранилось много біографическихъ свѣдѣній ²⁾; установилось и опредѣленное представленіе о характерѣ его литературной дѣятельности ³⁾. Обиліе отзывовъ о Шаховскомъ, какъ писателѣ,

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Цр. за 1878 г., сентябрь, стр. 81—82. — Рук. Фил. стр. 5 (267).

²⁾ Его автобіографія, написанная, вѣроятно, около 1649—1650 гг. (судя по тому, что ея извѣстія кончаются началомъ 7158 года), напечатана подъ заглавіемъ: „Домашнія записки князя С. Шаховскаго“ въ Моск. Вѣстникъ за 1830 г. (ч. V, № 17—20, Науки, стр. 61—70) съ новаго списка, принадлежавшаго П. П. Бекетову, а нынѣ хранящагося въ библ. Имп. Общества Ист. и Древностей (Отд. I, № 227: это, какъ кажется, списокъ единственный). Біографическія замѣчанія о кн. С. П. Шаховскомъ собраны, кромѣ того, въ Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, IX, стр. 279—281. Отдѣльныя данныя о Шаховскомъ будутъ указаны ниже.

³⁾ Рядъ справедливыхъ замѣчаній о характерѣ и значеніи трудовъ Шаховскаго находимъ въ трудѣ г. Смирнова: „Св. патріархъ Филаретъ Никитичъ“ (въ Ут. Общ. любит. дух. просв. за 1874 г., февраль, стр. 244—245; мартъ, стр. 455—456; апрѣль, стр. 620—622).—См. также: митр. Макарія Ист. русск. церкви, XI, стр. 227—231, и Соловьева Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 417. Литературные труды Шаховскаго наибольше полно исчислены митр. Макаріемъ

даетъ намъ возможность не останавливаться долго на его литературной характеристикѣ. Но отсутствіе хотя бы краткой его біографіи вынуждаетъ насъ привести въ порядокъ тѣ данныя о его жизни, какими мы располагаемъ. Знакомясь съ ними, мы убѣждаемся, что Шаховской многое обошелъ молчаніемъ въ своемъ собственномъ жизнеописаніи.

Князь Семень Ивановичъ Шаховской ¹⁾, сперва стольникъ или стряпчій, затѣмъ дворянинъ московскій ²⁾, пачалъ свою службу еще во время смуты. Въ 1606 году, во время возстанія Сѣверскихъ городовъ противъ Шуйскаго, онъ былъ посланъ на службу подъ Елецъ. Но здѣсь его постигла царская опала. Привезенный „за приставомъ“ въ Москву, князь Семень не узналъ тамъ причины царскаго гнѣва и былъ сосланъ „въ Новгородъ въ морь“. Однако, прежде чѣмъ онъ доѣхалъ до мѣста ссылки, ему дано было приказаніе „жить до указа въ деревнѣ“. Указъ послѣдовалъ только чрезъ два года: осадивъ Тулу въ 1608 году, царь Василій пожаловалъ Шаховскаго, „велѣлъ взять къ Москвѣ“ ³⁾. Годы 1608—1609 князь Семень провелъ въ Москвѣ на

и *И. М. Строевымъ* (Бибаіол. Словарь, стр. 291—298). Мы пользовались сборникомъ его произведеній, составленнымъ трудами самого автора и сохранившимся въ двухъ совершенно сходныхъ спискахъ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213 и № 214. Строевъ зналъ эти списки подъ № 191 и № 192).

¹⁾ Его родословіе въ книгѣ *А. А. Титова* Ярославль. М. 1883 г., стр. 137, № 502, и во *Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, X, Родословныя книги, стр. 59, 150, 234.—О прозвищѣ его (Харя) см. въ *Др. Росс. Вивл.*, изд. 2-е, III, 149, 150, и *Дворц. Разряды* I, 341, 389; II, 17, 568.—С. И. Шаховской былъ челоувѣкомъ состоятельнымъ; его вотчины, какъ видно изъ его автобіографіи и переписки, былъ подъ Москвой и въ Галичѣ (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 69.—*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, IX, Переписка дьяка Третьяка Васильева, стр. 5); кромѣ того, онъ имѣлъ крупный помѣстный и денежный окладъ (*Др. Росс. Вивл.*, изд. 2-е, IX, стр. 280, 281).

²⁾ Подъ 7114 (1606) г. самъ Шаховской говоритъ о себѣ въ своей автобіографіи: „послани насъ стольниковъ и стряпчихъ пятнадцать челувѣкъ“ (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 62). Позднѣе же, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ, онъ писанъ былъ „во дворянѣхъ“ (*Др. Росс. Вивл.*, изд. 2-е, IX, стр. 279—281.—*Дворц. Разряды*, II, 718. — *Алфавитный указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Боярскихъ книгахъ*. М. 1853 г., стр. 468).

³⁾ *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 62—63. Этотъ эпизодъ изъ жизни Шаховскаго весьма любопытенъ. Князь Семень, рассказывая о своей опалѣ, замѣчаетъ, что Шуйскій ему „не сказалъ никакія вины“. Подобной жалобы не находимъ въ запискахъ Шаховскаго, когда онъ говоритъ о другихъ своихъ ссылакахъ и опалахъ. И мы можемъ повѣрить ему, что въ данномъ случаѣ онъ

службѣ Шуйскому, и не разъ бился съ тушинцами; но въ самомъ началѣ 1610 года, „въ великой мясоѣдѣ“, онъ измѣнилъ царю Василию и отъѣхалъ изъ Москвы въ Тушино. Въ Тушинѣ ему пришлось быть не долго: уже въ февралѣ того же года отправился онъ къ Сигизмунду, получилъ отъ него помѣстья, а затѣмъ въ 1611 году, неизвѣстно какъ, очутился въ Новгородѣ около того времени, когда Новгородъ взяли шведы: „и я, князь Семенъ, на томъ новгородскомъ взятѣ былъ“, — говоритъ онъ о себѣ¹⁾. Однако онъ не остался ни въ плѣну у шведовъ, ни въ польскомъ лагерѣ, а пришелъ подъ Москву въ русское ополченіе. Подмосковные воеводы еще до освобожденія Москвы отправили князя Семена „походнымъ воеводою“ въ Торопецъ, откуда онъ вернулся въ Москву уже во время избранія Михаила Ѳеодоровича²⁾.

Изъ этихъ краткихъ замѣчаній видно, какъ много впечатлѣній долженъ былъ вывести Шаховской изъ смутной эпохи. Но эти личные впечатлѣнія и воспоминанія совершенно не отразились на его произведеніяхъ о смутномъ времени. Ему, конечно, не совсѣмъ было удобно писать со всею откровенностью о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ во время смуты: пришлось бы вспоминать свою тушинскую службу и награды, полученные отъ короля. Послѣ прекращенія смуты, когда общественное мнѣніе безповоротно осуждало всякую измѣну, откровенность въ этомъ отношеніи могла бы повредить князю Семену, и только въ интимной своей автобіографіи рѣшился онъ записать нѣсколько воспоминаній, весьма краткихъ и сдержанныхъ, о томъ, что дѣлалъ онъ въ смутные годы. Звало или не звало московское правительство времени царя Михаила, какъ держалъ себя Шаховской раньше, рѣшить трудно; но князь Семенъ съ первыхъ же дней царствованія Михаила Ѳеодоровича началъ служить новому государю. Въ 1613—1615 годахъ онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ

пострадалъ безъ личной вины: Шуйскій сослалъ князя Семена, всего вѣроятно, потому, что онъ былъ роднымъ племянникомъ извѣстнаго Григ. Петр. Шаховскаго, возставшаго въ 1606 году противъ Шуйскаго (А. А. Титова Ярославль. М. 1883 г., стр. 137). Если эта догадка вѣрна, мы имѣемъ право предполагать, что Шуйскій очень скоро забылъ свое клятвенное обѣщаніе „безъ вины ни на кого опалы своей не класти“ и не преслѣдовать братьевъ, женъ и дѣтей виновныхъ лицъ (Акт. Арх. Эксп. II, № 44. — Ник. Лѣт. VIII, 77).

¹⁾ *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 63—64. — Акт. Западн. Россіи, IV, № 183, стр. 322, § XIII, и стр. 321. Дата 2-го марта здѣсь новаго стиля.

²⁾ *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 64.

поляковъ и два раза былъ раненъ. Трудности походной жизни заставили его бить челомъ о томъ, что онъ „заволочень со службы да на службу“; но это челобитье навлекло на него кратковременную опалу и ссылку на Унжу и не избавило отъ новой службы. Въ 1616 году онъ былъ посланъ воеводою въ Ядринъ, гдѣ и пробылъ до августа 1618 года. Осенью этого года онъ участвовалъ въ защитѣ Москвы отъ Владислава, а „на весну“ 1619 года былъ отправленъ въ Пронскъ полковымъ воеводою противъ татаръ. Съ лѣта 1619 до лѣта 1620 г. оставался онъ свободнымъ отъ служебныхъ посылокъ, а на вторую половину 1620 года былъ отправленъ вторымъ воеводою въ Вязьму, но скоро оттуда возвратился ¹⁾).

Съ 1620 года начались для князя Семена большія неприятности. Произошли онѣ отъ разныхъ причинъ, и самъ Шаховской былъ виновать въ нихъ лишь отчасти. Въ концѣ 1619, кажется, года, послѣ смерти своей третьей жены, онъ женлся въ четвертый разъ, и это навлекло на него преслѣдованіе патріарха ²⁾). Въ то же приближи-

¹⁾ *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 65 — 67. — Дворц. Разряды, I, 102 181—182: 247, 349; 336, 341, 359; 389—390, 407; 421; 456. — Книги Разрядныя, I, 47—48; 196, 545; 507, 566, 568; 621 — 624, 640, 653; 717 — 718. — Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, IX, стр. 279—280. Здѣсь ошибочно показано, что князь Семень былъ на службѣ въ Можайскѣ въ 7122 (1614 г.) вмѣсто 7142 (1633—1634 г.). — Самъ князь Семень неправильно говоритъ, что былъ посланъ въ Ядринъ „во 125 году“: другіе источники согласно показываютъ 7124 годъ. Въ Вязьмѣ онъ былъ очень короткое время: въ 7129 (1620 — 1621) году тамъ уже были другіе воеводы (Книги Разрядныя, I, 762).

²⁾ О своихъ женахъ Шаховской говоритъ въ автобіографіи, въ посланіи къ патріарху Филарету и въ молитвахъ своего сочиненія. Въ первомъ произведеніи читаемъ подъ 122 (1614) годомъ: „того году у меня, князь Семена, жены первыя не стало“; подъ 127 (1619) г. — „тое весны у меня другія жены не стало послѣ Свѣтлова Воскресенія вскорѣ“; подъ 128 (1619) г. — „того же лѣта на Филипово заговѣнье (то-есть въ ноябрь) женился я, князь Семень, на нынѣшней своей княгинѣ“ (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., стр. V, 65 — 67). Такимъ образомъ можно думать, что князь Семень женатъ былъ въ молодости три, а не четыре раза. Но въ посланіи къ патріарху онъ говоритъ слѣдующее: „Умершу ми тремъ женамъ въ маловременней годниѣ и ни со единою довольно пожихъ, толко очима своимъ видѣхъ я. Со единою пожихъ тригодинное число, со второю полтора года, съ третьєю девятнадцать недѣль... И удаляся отъ различнаго многого блудодѣянія, сочтался есмь бракомъ съ дѣвицею сущою и жилъ съ нею два годы, и дѣтки, государь великій, даровалъ ми Богъ съ нею“ (Рки. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 20 об.—21; № 214, лл. 28 об.—29). Въ молитвахъ своихъ Шаховской молится за упокой трехъ своихъ женъ и проситъ долгоденствія для четвертой: „Помяни, Господи, рабы своя законоданныя ми жены: Матрону и Настасью и Татьяну...“

тельно время случилось событіе, въ которомъ князь Семенъ не былъ виноватъ, но за которое постигла его опала уже отъ самого государя. Въ 1620 г. въ Москвѣ нѣсколько Шаховскихъ были уличены въ „великихъ винахъ“ политическаго характера и приговорены къ смерти, но помилованы и сосланы „въ понизовые города по тюрьмамъ“ ¹⁾. Хотя князя Семена въ то время не было и въ Москвѣ, когда его родня впала въ „беззаконіе“, однако и его привлекли къ дѣлу, обвинивъ, какъ кажется, въ недонесеніи и укрывательствѣ ²⁾. Источники не позволяютъ точно опредѣлить, когда именно и какое наказаніе понесъ за свои вины князь Семенъ. Въ своихъ запискахъ онъ отмѣтилъ только, что въ 7130 (1622) году онъ былъ сосланъ въ Тобольскъ „въ опалу въ чужомъ дѣлѣ и того же году пожало-

..Помилуй, Господи Царю, и сохрани жену мою, аще и незаконно поятъ ю, и чада моя, еже ми еси даровалъ“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 314 об.—315; № 214, лл. 422—423.—Библиох. Словарь *Стрцова*, стр. 291). Такимъ образомъ, можно съ полнымъ основаніемъ думать, что князь Семенъ не упомянулъ въ своихъ запискахъ одной изъ своихъ умершихъ женъ и подъ „нынѣшней своей княгиней“ разумѣлъ не третью, а четвертую супругу. Всего вѣроятнѣе, не упомянулъ онъ ту, съ которой жилъ не годы, а недѣли. Мы ошибемся во всякомъ случаѣ немного, если временемъ его четвертаго брака будемъ считать 7128 годъ (то-есть, конецъ 1619 г.).

¹⁾ Русск. Ист. Библіотека, IX, стр. 550 и 529. — „Великія вины“ Шаховскихъ были сказаны имъ въ такихъ словахъ: „Во 128 (1620) году извѣщаль на васъ государю... Ондрей Голубовской, что вы въ вечеру у Плейки Бочкина были и затѣйнымъ воровскимъ обычаемъ вы, князь Оеонасей, и князь Ондрей, и князь Иванъ, и Плейка Бочкинъ называлъ тебя, князя Матвѣя, царемъ, а ты, князь Матвѣй, князя съ братьею называлъ бояры, и сами вы въ томъ воровствѣ винились“.—Князя Андрей, Аванасій, Матвѣй Федоровичи Шаховскіе по роду были довольно близки къ князю Семену и пмѣли съ нимъ общаго прадеда князя Андрея Александровича Шаховскаго.

²⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что князь Семенъ былъ привлеченъ къ этому именно дѣлу. Въ посланіи къ митрополиту Кипріану, прося о милости къ себѣ, онъ приводитъ такіа оправданія: „имъ, государямъ, всяко вѣдома суть о сихъ, что моя худости и на Москвѣ не было въ тѣ дни, въ нихъ же случися братимъ нашимъ въ таковое беззаконіе впасти, и не разумѣхъ о томъ“. Намѣтъ на „братій“ здѣсь очень ясенъ. Изъ другаго же мѣста этого посланія видно, что князя Семена обвинили въ томъ, что онъ не донесъ о проступкѣ родныхъ: „Свидѣтельствуютъ о мнѣ самомъ дѣла мои“, говоритъ онъ. — „яко ниже по умышленію, ниже по лукавству нѣкомуе сицевое дѣло приключися ми, о нихъ же по невѣднѣиу умодчахъ и за то расхищенъ и различными озлобленіи озлобленъ“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 50, л. 52; № 214, л. 65, л. 67 об.).

ванъ, взять къ Москвѣ“. Въ своихъ посланіяхъ онъ мимоходомъ замѣчаетъ, что благополучно жилъ съ четвертою женою „два года“, прежде чѣмъ его съ нею разлучили. Такъ какъ послѣдняя его женитьба, по всѣмъ соображеніямъ, была въ концѣ 1619 года, то разлученіе съ женою, по всей вѣроятности, произошло одновременно съ ссылкой его въ 1622 году ¹⁾. Но ссылкой и разлученіемъ бѣды Шаховскаго не ограничились. Прося ходатайства у митрополита Кипріяна, князь Семенъ говоритъ, что четыре года онъ терпитъ безъ вины, „гонимъ и прогонимъ и всячески озлобленъ и расхищенъ“, въ нищетѣ и убожествѣ ²⁾. Это даетъ поводъ думать, что имущество его было конфисковано. А изъ другихъ его произведеній видно, что онъ одно время былъ заключенъ и въ тюрьму ³⁾. Болѣе опредѣленныхъ показаній о бѣдахъ князя Семена не находимъ ни у него самого, ни въ официальныхъ документахъ. Можемъ только догадываться, что въ 1625 году положеніе Шаховскаго уже улучшилось: въ маѣ этого года онъ пишетъ, по порученію патріарха, официальное посланіе персидскому шаху, въ которомъ убѣждаетъ шаха принять православіе, а въ іюлѣ 1625 г. князь Семенъ служитъ во дворцѣ ⁴⁾. Но опала съ него не была снята: на службу его не посылали до 1628 г., а затѣмъ отправили воеводой въ Енисейскъ, гдѣ онъ и пробылъ до начала 1631 г.

¹⁾ Моск. Вѣстн. за 1830 г., V, стр. 67.—Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 21; № 214, л. 29

²⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 51, л. 52 об.; № 214, л. 66 — 66 об., л. 68.

³⁾ Въ первомъ посланіи Шаховскаго самое заглавіе показываетъ, что авторъ сидѣлъ въ тюрьмѣ: „егда ми случися стрегому быти, въ царствѣй опалѣ сущу неповинну“. II въ текстѣ этого посланія говорится: „Ты бо, господине мой и друже, не тако просто въ темницу прійдохъ посѣтити убогаго мнѣ, но и потребна принесохъ“. Это первое посланіе писано къ Семену Гавриловичу: по указателю къ Книгамъ Разряднымъ можно видѣть, что изъ замѣтныхъ людей того времени имя Семена Гавриловича носилъ одинъ Коробьинъ, дворянинъ московскій. Въ предисловіи къ сборнику своихъ произведеній Шаховской также свидѣтельствуетъ, что былъ „въ заключеніи и но изгнаніи“ и писалъ оттуда своимъ друзьямъ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 2, л. 3 об.; № 214, л. 2, л. 3 об.). Не знаемъ, откуда почерпнулъ митроп. *Евгеній* свое извѣстіе о томъ, что князь Семенъ былъ заключенъ въ Чудовъ монастырь (Словарь русск. святскихъ писателей, II, стр. 248).

⁴⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 24 об. — 43; № 214, лл. 32 — 55.—Дворц. Разряды, I, 699.—Митр. *Макарія* Ист. р. церкви, XI, стр. 65 — 66 и 228 — 229.

Потомъ въ качествѣ опальнаго человѣка онъ жилъ въ Tobольскѣ еще около года и возвратился въ Москву только въ августѣ 1632 года ¹⁾.

Со смертью патріарха Филарета въ 1633 г., Шаховскіе, дѣйствительно виновные, были помилованы и возвращены въ Москву; имъ былъ данъ совѣтъ „впередъ свои великіе вины покрывать службою“. И неповинный князь Семенъ, вмѣстѣ съ прочею роднею, снова началъ служить по смерти Филарета, какъ служилъ до своей опалы. Въ 1633—1637 гг. онъ ходилъ въ походы противъ поляковъ и участвовалъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Польшей ²⁾. Въ 1638 году, съ апрѣля по ноябрь, былъ онъ противъ крымцевъ воеводою на Крапивнѣ и мѣстничался съ княземъ С. Гагинымъ, при чемъ былъ обвиненъ и въ февралѣ 1639 года за Гагина сидѣлъ въ тюрьмѣ ³⁾. Вслѣдъ затѣмъ его отправили воеводою на Терекъ, гдѣ онъ оставался до 1642 года ⁴⁾. Въ самомъ концѣ 1643 г. его посылали въ Тверь встрѣчать королевича Вольдемара на его дорогѣ въ Москву ⁵⁾. Такъ

¹⁾ *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 67.—Дворц. Разряды, II, 17, 186.—Книги Разрядныя, II, 208, 299, 365.—Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, III, стр. 149 (и 147), 150; IX, 280.

²⁾ Русск. Ист. Библиотека, IX, стр. 529, 551.—*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 67—68 (слич. Дворц. Разряды, II, 349, 355, 373, 380, 413, 438, 445). Въ 1637 г., 20-го сентября, онъ былъ даже отправленъ посланникомъ въ Польшу (Дворц. Разряды, II, 530, 873.—Доп. къ Акт. Ист., VI, № 138, стр. 430.—Памятники дипломатич. сношеній, III, стр. 89, 121, 212.—Акт. Западн. Россіи, V, № 14 и 15.—Протоколы засѣданій Археографич. Комиссіи, I, 345—346.—Изборникъ А. Н. Попова, стр. 377—378).

³⁾ *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 68.—Дворц. Разряды, II, 568, 590—591, 599—600.—Русск. Ист. Библиотека, X, стр. 110, 113—114, 127.—Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, стр. 280—281.—Въ 1637—1639 гг. видимъ иногда князя Семена за государевымъ столомъ (Русск. Ист. Библиотека, X, стр. 100, 180).

⁴⁾ О Терской службѣ князя Семена показанія источниковъ разнорѣчивы: Самъ Шаховской говоритъ, что на Терекъ его послали въ 147 (1639) году (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 69); въ Др. Росс. Вивлюеикѣ (изд. 2-е, IX, стр. 281) пребываніе его на Терекѣ показано въ 149—150 (1641—1642) годахъ; а изъ Дворц. Разрядовъ (II, 633, 639) видно, что назначеніе его на Терскую службу состоялось 5-го мая 7148 (1640) года. И о концѣ этой службы извѣстія не согласны: по однимъ показаніямъ, князь Семенъ остался на Терекѣ и въ 7150 (1642) году, по другимъ же—въ этомъ 7150 г. воеводою Терскимъ былъ М. П. Волинскій (Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, IX, стр. 281.—Дворц. Разряды, II, 662 и 688).

⁵⁾ Дворц. Разряды, II, 718.—*Соловьева* Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 291—292.—Самъ князь Семенъ ошибочно написалъ, что эта его служба

обычнымъ московскимъ порядкомъ шла жизнь Шаховскаго до тѣхъ поръ, пока весною 1644 года не разразилась надъ нимъ, неизвѣстно за что, новая опала. Онъ былъ посланъ на далекое воеводство въ Усть-Колу и служилъ тамъ до апрѣля 1646 года; оттуда былъ переведенъ въ Устюгъ и тамъ оставленъ до начала 1647 года. Тамъ ждалъ онъ государевой милости и прощенія: „ожидалъ,.... что велѣтъ мнѣ быть къ Москвѣ (такъ писалъ онъ дьяку Васильеву), а вмѣсто такового чаянія подвинули меня подалѣ, указалъ мнѣ государь быть у Соли у Вычегодской“. Князя Семена хотѣли, кажется, вмѣсто Москвы отправить на Лену, гдѣ тогда только что былъ построенъ „городъ Якутской“. Но эта посылка не состоялась: въ февралѣ 1648 г. отъ государева гонца узналъ Шаховской, что государь велѣлъ его „отъ Ленскіе службы отставить, а до своего государева указу велѣлъ еще побыть у Соли“. И только въ концѣ 1648 года его отпустили изъ Сольвычегодска въ его вотчину въ Галичъ, а затѣмъ позвали и въ Москву. Но опала миновала не надолго: уже на масляницѣ 1649 года князь Семень снова поѣхалъ въ ссылку въ Томскъ ¹⁾. Хотя свѣдѣній о его жизни послѣ 1649 года совсѣмъ нѣтъ, однако является возможность утверждать, что онъ въ Сибири не умеръ, но возвратился въ Москву и еще въ 1653 году переписывался съ Троицкимъ келаремъ Симономъ Азарьинимъ ²⁾. Въ это время ему

была въ 1642 году: „во 151 году... на Рождество Христово“ (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 69).

¹⁾ Въ своихъ запискахъ Шаховской не объясняетъ причины опалы (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 69). Въ перепискѣ же съ тобольскимъ дьякомъ Т. Васильевымъ, которая относится къ 1647—1648 годамъ (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, IX, № 1—4), князь Семень объясняетъ свои бѣды не преступленіемъ или проступкомъ, а вообще своими грѣхами: „А напасти, государь мой (пишетъ онъ въ первомъ своемъ письмѣ), за грѣхи постигаютъ мя, а иного не вѣмъ въ себѣ ничесо же“. Ту же мысль развиваетъ онъ очень пространно и въ третьемъ письмѣ.—Обстоятельства этой ссылки Шаховскаго изложили мы по его запискамъ и перепискѣ съ Васильевымъ. Кромѣ того, см. Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, III, 176 (здѣсь показано, что Шаховской былъ въ 1647 году въ Томскѣ; это опровергается его перепиской); III, 161; IX, 281.—При перевѣздѣ изъ Колы моремъ къ Архангельску, Шаховской и его спутники едва не погибли отъ бури. Спасеніе свое они приписывали чудотворенію преп. Сергія Радонежскаго; князь Семень составилъ святому „кондаки и икосы по подобію несѣдальныхъ“ и принесъ ихъ къ Троицкому келарю Симону Азарьину, когда возвратился изъ ссылки. Симонъ же описалъ все это въ своей Книгѣ новоявленныхъ чудесъ преп. Сергія (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 203, лл. 93—95).

²⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 202, л. 108: „161 (1653) году... писалъ ко мнѣ, келарю Симону, съ Москвы князь Семень князь Ивановъ сынъ Шахов-

шелъ по крайней мѣрѣ седьмой десятокъ лѣтъ (около пятидесяти лѣтъ онъ уже находился на службѣ); вѣроятно, князь Семенъ и скончался въ 50-хъ годахъ XVII вѣка.

Трудно догадаться, почему такъ много потерпѣлъ въ концѣ своей жизни такой благочестивый человѣкъ, какъ князь Семенъ. Его знакомый дьякъ Т. Васильевъ называлъ его человѣкомъ „предивнымъ, шествующимъ путемъ правды, и не мало разумѣющимъ божественнаго писанія, и примѣшимъ по дару Божию много здраваго ученія“. Патриархъ Филаретъ, преслѣдовавшій Шаховскаго, именно ему поручилъ составленіе своего посланія къ шаху; очевидно, онъ считалъ князя Семена способнымъ къ такому важному труду, въ которомъ должны были сочетаться и правыя богословскія знанія, и литературныя способности. Изъ сочиненій князя Семена видно, что многія лица считали его авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры и обращались къ нему за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній. Изучая его произведенія, мы дѣйствительно убѣждаемся въ большой начитанности Шаховскаго въ книгахъ священныхъ и церковныхъ. Какъ писатель, онъ является предъ нами писателемъ-богословомъ. Его излюбленныя темы — похвальныя слова святымъ, церковныя службы, молитвы; въ просительныхъ своихъ посланіяхъ и въ частныхъ письмахъ онъ легко обращается къ религіознымъ размышленіямъ и наставленіямъ; если же берется за историческій сюжетъ, то непременно обрабатываетъ его

ской...“. Въ этомъ письмѣ князь Семенъ сообщаетъ келарю, что пожаръ въ его вотчинѣ былъ остановленъ иконою преп. Сергія. Такъ какъ онъ упоминаетъ здѣсь объ иконахъ „своего творенія“, то нѣтъ сомнѣнія, что это былъ именно писатель Шаховской. Но другія извѣстія о Семенѣ Ивановичѣ Шаховскомъ, дошедшія отъ второй половины XVII в., не могутъ относиться непременно къ С. И. Шаховскому-Харѣ. Въ родѣ Шаховскихъ былъ другой Семенъ Ивановичъ, поколѣніемъ младше князя Семена Хари, приходившійся ему, если не ошибаемся, троюроднымъ племянникомъ (А. А. Титова Ярославль. М. 1883, стр. 136). Онъ началъ свою службу стряпчимъ около 1640 года и былъ потомъ стольникомъ; упоминанія о его службѣ въ Москвѣ встрѣчаемъ въ 1640 и 1647 гг., какъ разъ тогда, когда старшаго князя Семена въ Москвѣ не было (Русск. Ист. Библіотека, X, стр. 215, 366, 372, 377). Зная о существованіи втораго С. И. Шаховскаго и не имѣя точныхъ указаній на жизнь князя Семена Хари послѣ 1649 года (на которомъ онъ прекратилъ свои записки), мы не можемъ рѣшить, къ кому изъ нихъ отнести слѣдующія, напримѣръ, данныя: въ 1652 г. С. И. Шаховской упоминается въ одномъ изъ богомольныхъ походовъ государыни; въ Боярскихъ книгахъ 7166 (1657—1658) и 7176 (1667—1668) годовъ С. И. Шаховской показанъ дворяниномъ московскимъ. Сомнѣваемся, чтобы князь Семенъ могъ дожить и дослужить до 1670, приблизительно, года.

въ формѣ богословскаго трактата, религіозно-нравственнаго поученія. Таково его Слово о пожарѣ московскомъ 1626 года ¹⁾. Въ немъ находимъ лишь нѣсколько словъ о самомъ событіи, и то довольно общихъ и риторичныхъ; но пожаръ даетъ автору поводъ сказать москвичамъ обширную обличительную проповѣдь на ту тему, что несчастіе было Божьимъ наказаніемъ за грѣхи московскихъ людей. Такимъ же точно характеромъ благочестиваго поученія отличаются и произведенія Шаховскаго о смутѣ. Въ нихъ изображеніе фактовъ не играетъ главной роли; событія смуты интересуютъ автора постольку, поскольку на нихъ оправдываются его религіозно-нравственные взгляды. Излагая эти взгляды и въ нихъ полагая главное значеніе своего труда, Шаховской счелъ болѣе удобнымъ для себя при описаніи фактовъ воспользоваться готовымъ рассказомъ о смутѣ находящимся въ повѣсти Катырева.

Оба произведенія Шаховскаго, касающіяся смутнаго времени, такъ тѣсно связаны между собою, что ихъ правильнѣе считать одною повѣстью, раздѣленною на двѣ части только заглавіями ²⁾. Въ первомъ изъ этихъ произведеній описаны преступленія Бориса Годунова, во второмъ — то возмездіе, какое онъ получилъ отъ Бога за эти преступленія. Основная мысль, одинаково замѣтная и въ томъ, и въ другомъ повѣствованіи, такова: ни одинъ грѣхъ не остается безъ наказанія, какъ не остается безъ награды терпѣніе и страданіе. Борисъ, много согрѣшившій властолюбія ради, могъ бы заглядить свою вину передъ Богомъ, если бы началъ „по волѣ Божіи.. власть свою строити“; но онъ не сдѣлалъ этого и погибъ отъ само-

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 113 об.—140; № 214, лл. 149—185 (самое же описаніе пожара находится въ ркп. № 213 на лл. 115—116 об.; въ ркп. № 214—на лл. 151—153).

²⁾ Оба произведенія находятся въ сборникъ сочиненій Шаховскаго непосредственно одно за другимъ. Первое носитъ заглавіе „Повѣсть, извѣстно сказума, на память великомученика благовѣрнаго царевича Димитрія, о убіеніи его и о преславномъ обрѣтеніи тѣлеси, и о язвѣ людствій. Списано Семіономъ Шаховскимъ“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 267—285 об.; № 214, лл. 362—386). Часть этого заглавія („о преславнемъ обрѣтеніи тѣлеси“) относится къ содержанію уже втораго произведенія, въ которомъ повѣствуется объ открытіи мощей царевича. Второе произведеніе озаглавлено: „Повѣсть о нѣкоемъ мнись, како послася отъ Бога на царя Бориса во отмщеніе крове праведнаго царевича Димитрія“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 286—301; № 214, лл. 387—404 об. Существуетъ и отдѣльный списокъ: см. *Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1879 г. II, Протоколы засѣданій, стр. 4).

званца, въ свою очередь скоро ниспровергнутаго за свои беззаконія. Невинно же пострадавшій Димитрій сподобился дара чудесъ и былъ прославленъ, какъ святой ¹⁾).

Свой рассказъ о страданіяхъ Димитрія Шаховской начинаетъ пространнѣмъ описаніемъ того, какъ угождаютъ Богу Его святые или отшельничествомъ, или подвигами труда и послушанія въ обществѣ, или, наконецъ, мученичествомъ. Мученическаго вѣнца достигъ и царевичъ Димитрій. Приступая къ изображенію его судьбы, авторъ боится, что не съумѣетъ этого сдѣлать по своему невѣжеству и „юродству ума“. Рѣшается онъ писать лишь въ надеждѣ на Божью помощь и съ тѣмъ соображеніемъ, что житія святыхъ можно описывать „не витѣйскими словесы и риторскимъ разумомъ“, а простою рѣчью. „Житія святыхъ и мученія и доблести ихъ ясно да сказуются“, говоритъ онъ, — „яко же и не книжнымъ мочно простымъ глаголемая внимати“. Въ судьбѣ царевича Димитрія прежде всего занимаетъ автора его „многобрачное рождество“, то-есть, то, что царевичъ родился „отъ шестыя жены“ Грознаго. „Не осудится бо всякъ родившійся отъ многобрачія родительскимъ согрѣшеніемъ“, пишетъ онъ и указываетъ затѣмъ, что даже въ книгѣ родства Иисуса Христа можно найдти примѣры неправильныхъ браковъ. За этимъ обширнымъ вступленіемъ начинается у Шаховскаго и самое житіе царевича.

Помянувъ о смерти Грознаго, о возвышеніи Годунова, авторъ характеризуетъ степень власти Бориса словами Катывева: „и самому царю во всемъ послушну ему быти и повелѣнное имъ творити“ ²⁾. Послѣ краткихъ самостоятельныхъ замѣчаній о честолюбіи Бориса и ссылкѣ въ Угличъ царевича ³⁾, Шаховской въ рассказѣ о смерти царевича, о бесиліи царя Ѳеодора узнать правду въ этомъ дѣлѣ, о московскомъ пожарѣ 1591 года, о кончинѣ царя Ѳеодора, — прямо слѣдуетъ словамъ Катывева, изрѣдка дополняя ихъ риторическими

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 281 об.—284 об., лл. 293—296; № 214, л. 381 об.—385, л. 395 об.—399.

²⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 278 об.; № 214, л. 377.—Изборникъ А. Н. Попова, стр. 285.

³⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 278 об.—279; № 214, л. 377 об.: по словамъ Шаховскаго, Борисъ „посылаетъ юнѣйшаго брата царева Димитрія царевича и съ матерію его на Угличъ лестію, якобы власть даруя ему“. Обыкновенно въ сказаніяхъ читаемъ, что Димитрія на Угличъ отправилъ царь Ѳеодоръ; къ показанію Шаховскаго близки только Хронографъ 2-й редакціи (Изборникъ, стр. 186—187) и „Сказаніе и Повѣсть, еже содвися...“, стр. 1.

вставками ¹⁾. Измѣнивъ затѣмъ со стороны слога и сокративъ извѣстіе Катырева объ избраніи Бориса въ цари, Шаховской приступаетъ къ обстоятельному развитію основной идеи своего произведенія, уже указанной нами. Вспоминая судьбу Саула, говоритъ онъ, что Борисъ, ставъ царемъ, не избѣжалъ этихъ суда и кары Божьей. Спасти его могло бы благочестивое правленіе и добрыя дѣла. Но Борисъ „слѣпотою объять бысть и братоненавидѣніемъ“; онъ сталъ гордиться, сталъ подозрѣвать и преслѣдовать своихъ подданныхъ. Словами Катырева излагаетъ Шаховской опалу на Романовыхъ ²⁾ и затѣмъ замѣчаетъ, что именно съ тѣхъ поръ, какъ обнаружили грѣхи Бориса-царя, Господь послалъ ему казнь, поразивъ его народъ голодомъ и моромъ. Немногомъ позже голода явился Борису новый мститель отъ Бога—самозванецъ, котораго Шаховской сравниваетъ съ Фокою, убійцею имп. Маврикія. Но разсказъ объ этомъ мстителѣ авторъ обѣщаетъ дать уже въ другой повѣсти. Борисъ „судъ пріятъ подобенъ своему нечестію“, пишетъ Шаховской,—„и многожелаемаго своего владычества лишается образомъ симъ, яко же здѣ явственно Повѣсть предложити вамъ хошу“.

Такимъ образомъ Повѣсть о нѣкоемъ мнѣшѣ, по признанію самого автора, является непосредственнымъ продолженіемъ Повѣсти о смерти царевича. Начинается она разсказомъ о похиженіяхъ самозванца на Руси и въ Польшѣ, при чемъ этотъ разсказъ, съ чисто-внѣшними стилистическими измѣненіями, прямо взятъ изъ Повѣсти Катырева ³⁾. Затѣмъ, опуская всѣ подробности борьбы самозванца съ войсками царя Бориса, Шаховской беретъ у Катырева лишь немногія строки о томъ, какъ распространился на Руси слухъ о самозванцѣ и какъ Борисъ приготовился къ борьбѣ съ своимъ врагомъ ⁴⁾. Душевное состояніе Бориса при этомъ онъ рисуетъ обстоятельнѣе, чѣмъ Катыревъ: хотя Бориса и мучила совѣсть, тѣмъ не менѣе онъ „мужески“

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 279—281; № 214, лл. 378—380 об.—Изборникъ, стр. 285, отъ словъ: „послалъ таибниковъ своихъ“, и стр. 286, до словъ: „аки овца не имѣюще пастыря“. — Изъ дополненій Шаховскаго исторической характеръ имѣетъ только одна замѣтка, что царь Федоръ не могъ узнать о смерти брата, „понеже удержанъ бысть властью убійцы оногo“, то-есть, Бориса.

²⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 284 об.; № 214, л. 385.—Изборникъ, стр. 287: „Не усрами же ся и славна роду“ и т. д.

³⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 286—289; № 214, лл. 387—390 об.—Изборникъ, стр. 287—288 (до словъ: „и отпускаетъ досягати царства отеческаго“).

⁴⁾ Изборникъ, стр. 287.—Ркп. Моск. Дух. Академіи, № 213, лл. 289—290; № 214, лл. 390 об.—391 об.

ополчался на самозванца, напрасно думая избѣжать Божьяго мщенія. Оно скоро постигло его: самъ Борисъ умеръ внезапною смертью, а семья его стала жертвою Разстриги. При описаніи смерти Бориса, гибели его семейства и торжества самозванца Шаховской возвращается къ тексту Катырева и передаетъ его въ сильно сокращенномъ видѣ съ измѣненіями и вставками, мало интересными въ историческомъ отношеніи. Словами Катырева характеризуетъ онъ и царствованіе Разстриги ¹⁾, при чемъ, сообщая о женитьбѣ самозванца, даетъ самостоятельный отзывъ о поведеніи Гермогена при Лжедимитріи ²⁾. Очень близокъ къ тексту Катырева и рассказъ о сверженіи самозванца и поруганіи его тѣла, объ избіеніи поляковъ въ Москвѣ и о тѣхъ физическихъ явленіяхъ, которыя совпали съ переворотомъ 17-го мая ³⁾.

Отъ описанія гибели самозванца Шаховской переходитъ къ отвлеченнымъ размышленіямъ и окончательно выясняетъ главную мысль своего повѣствованія. Онъ показываетъ читателю, что и Борисъ, и самозванецъ пали вслѣдствіе своихъ грѣховъ; ему остается для полного раскрытія темы показать, что награда не замедлила явиться тому праведному страдалцу, судьба котораго была связана съ судьбою описанныхъ авторомъ злодѣевъ. И Шаховской обращается къ

¹⁾ При описаніи царствованія самозванца заимствованія Шаховскаго идутъ приблизительно въ такомъ порядкѣ: рассказавъ о сверженіи и заточеніи Годуновыхъ (Изборникъ, стр. 292), онъ въ двухъ самостоятельныхъ фразахъ говоритъ о воцареніи Лжедимитрія; затѣмъ сообщаетъ словами Катырева о замыслахъ самозванца противъ православія (Изборникъ, стр. 293 въ концѣ), о сверженіи Іова, о поставленіи въ патріархи Игнатія, о судьбѣ царевны Ксеніи (Изборникъ, стр. 292), о призваніи въ Москву Мнишка и другихъ поляковъ, о женитьбѣ самозванца съ позволенія Игнатія (Изборникъ, стр. 293—294).

²⁾ Послѣ сообщенія, со словъ Катырева, что Игнатій благословилъ самозванца на женитьбу „безо всякаго прекословія“ (Изборникъ, стр. 294), Шаховской пишетъ: „Митрополиту же казанскому Ермогену, единому по благочестію поборнику, ревностію всяко Божіею много запрещающе ему (то-есть, Разстригѣ) о сквернобрачіи семъ, глаголюще: яко не достоинъ ти естъ, царю, совокупитися со иновѣрною отроковицею, не омывъ ю духовною банею паки бытія, сірвѣчъ святымъ крещеніемъ. Онъ же, окаянный, никако сего восхотѣ послушати, яко аспидъ глухій затыкая уши своя, и многу ненависть и рвеніе воздвизаетъ на блаженнаго сего отца. Аще не бы Богъ прекратилъ днѣе его, безъ сумнѣнія убилъ быхъ того окаянный“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 291 об.—292; № 214, л. 394. Сравни. отзывъ Катырева о Гермогенѣ въ Изборникѣ, стр. 295).

³⁾ Изборникъ, стр. 294, отъ словъ: „Во десятый же день“..... до словъ: „волненіе въ царствующемъ градѣ даже и до третьяго дня“.—Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 292—293; № 214, лл. 394 об.—395 об.

разказу объ открытіи мощей царевича. Кратко говоритъ онъ, заимствуя фразы у Катирева, объ избраніи на царство царя Василія и о возведеніи въ патріархи Гермогена; затѣмъ даетъ самую общую характеристику послѣдующей смуты „даже и до благочестиво царствующа великаго князя Михаила Ѳеодоровича“¹⁾. Эта характеристика служитъ для него какъ бы введеніемъ въ разказъ объ обрѣтеніи мощей Дмитрія. „Внегда убо царю Василію скипетры царскія удержавшу и млтежу велію бывшу, той же.... Ермогенъ воспоминаетъ царю, да послется отъ него на взысканіе тѣлеси праведнаго царевича“,—такъ начинается Шаховской свой разказъ²⁾. Изъ лицъ, посланныхъ въ Угличъ за мощами, называетъ онъ одного Филарета Никитича и повторяетъ о немъ почти буквально отзывъ Катирева³⁾. Самое же обрѣтеніе и перенесеніе мощей описываетъ онъ такими общими фразами, въ которыхъ нельзя уловить сколько-нибудь цѣпныхъ показаній. Очевидно, съ подробностями этого дѣла онъ былъ мало ознакомленъ и не зналъ такого обстоятельнаго источника, изъ котораго могъ бы черпать свои свѣдѣнія въ данномъ случаѣ такъ-

¹⁾ Этотъ обзоръ смуты не даетъ историческа-цѣпныхъ свѣдѣній, благодаря своей чрезвычайной краткости. Читая его, невольно думаешь, что онъ писанъ подъ впечатлѣніемъ шестой главы Сказанія Палицына. На это же какъ будто намекаютъ и слѣдующія слова Шаховскаго: „Не азъ, иже не вѣжда по всему, но и мудръ нѣкто не бы могъ писаніемъ представи нужду тогдашняго времени; и нѣсть мощно подробно глаголати нынѣ, паче же и слову удожитися. Хотяй навмкнути о сиковыхъ да прочита: въ лѣтописныхъ исторіяхъ мало что изъявлено суть любомудрецы“ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 297—297 об.; № 214, л. 400—400 об.). Въ то время, когда писалъ Шаховской (въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича), еще не появились историческіе труды С. Азарьина и Ив. Насѣдки; Сказаніе Палицына было единственною „исторією“, гдѣ обстоятельно были описаны ужасы смутной поры и бѣдствія русскихъ людей.

²⁾ Приведенная фраза Шаховскаго заключаетъ въ себѣ двѣ неточности: съ одной стороны перенесеніе мощей царевича состоялось до появленія открытой смуты при Шуйскомъ; а съ другой—Гермогенъ не участвовалъ въ дѣлѣ перенесенія мощей. Эти ошибки нашего автора показываютъ, что онъ не руководился ни официальными грамотами Шуйскаго, ни Повѣстью о перенесеніи мощей Дмитрія, составленною въ 1607 году (показанія этихъ памятниковъ рассмотрѣны нами въ первой главѣ нашего труда). Источники Шаховскаго въ данномъ случаѣ опредѣлить трудно; но нельзя не замѣтить, что въ Хронографѣ 2-й редакціи находятся подобныя же фактическія неточности (Изборникъ, стр. 195—196).

³⁾ Изборникъ, стр. 312—313.—Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 297 об.—298; № 214, л. 401.

же удобно, какъ въ другихъ случаяхъ изъ Повѣсти Катырева ¹⁾. Повѣствованіе свое князь Семенъ оканчиваетъ молитвою къ святому царевичу Дмитрію и проситъ помощи отъ всѣхъ бѣдъ „благовѣрному царю Михаилу“.

Двукратное упоминаніе о царѣ Михаилѣ свидѣлствуетъ, что Шаховской писалъ не позже 1645 года, а его зависимость отъ Повѣсти Катырева говоритъ намъ, что онъ не могъ писать раньше 1626 года. Точнѣе указать время составленія его Повѣстей мы не можемъ, да въ этомъ не представляется и нужды въ виду ничтожнаго историческаго значенія произведеній князя Семена. Для того, чтобы окончить рѣчь о нихъ, замѣтимъ, что Шаховской передѣлывалъ Повѣсть Катырева иногда очень небрежно, какъ бы спѣша, и поэтому допускалъ въ своемъ изложеніи нѣкоторыя несообразности и неловкости. Отмѣтимъ, на примѣръ, слѣдующее мѣсто. Рассказывая о смерти Бориса, Шаховской затѣмъ такъ сокращаетъ повѣствованіе Катырева: „Слышана же бысть смерть царева во емъ п всѣмъ людемъ, и сотвориша совѣтъ, да отоимуть скипетръ отъ дому его (то-есть, Бориса)... и предадутъ царство въ руцѣ грядущаго (то-есть, самозванца). И тако утверждаютъ совѣтъ и предаются въ руцѣ злокозненнаго мниха оного“. Читатель думаетъ, что рѣчь идетъ о Москвѣ и всемъ государствѣ, но сейчасъ же встрѣчаетъ фразу: „Слышана же бысть сія въ царствующемъ градѣ, яко предашася все многособранное воинство въ руцѣ оного, и воздвигоша оружіе и придоша на царскій дворъ и пограбиша вся царская сокровища“ ²⁾. При сопоставленіи этихъ мѣстъ съ Повѣстью Катырева, становится яснымъ, что Шаховской въ первой фразѣ очень неудачно сократилъ рассказъ Катырева объ измѣнѣ Ѳедору Борисовичу въ полкахъ, а вторую фразу объ измѣнѣ въ Москвѣ частью списалъ у Катырева, частью же составилъ самъ. Далѣе, сокращая изложеніе Катырева, Шаховской постоянно выбрасывалъ изъ повѣствованія собственныя имена ³⁾ и отдѣльныя извѣстія и не всегда заботился о возстанов-

¹⁾ Шаховской, насколько можно судить, не зналъ даже мѣсяца и дня принесенія мощей царевича въ Москву. Онъ оставилъ пробѣлъ для того, чтобы вписать число и мѣсяць, и почему-то не вписалъ (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 298 об.; № 214, л. 402).

²⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 290—290 об.; № 214, л. 392—392 об. Изборникъ, стр. 290—291, 292.

³⁾ Такъ, при описаніи жизни самозванца въ Литвѣ, Шаховской выпустилъ всѣ личныя и географическія имена, находящіяся у Катырева, кромѣ имени Мишиша.

леніи нарушенной пропусками грамматической правильности рѣчи. Въ этомъ отношеніи любопытна такая частность: Шаховской говорить о трупѣ Лжедмитрія, что его положили на площади „нага суца, ничимъ покровенна и лежаху трупъ его три дни“. Неправильное употребленіе формы „лежаху“ объясняется текстомъ Катыврева: „Положиша его... на площади, нага суца, въ знакъ ничѣмъ прикровенна; подъ ногами же положиша боярина П. Басманова... и тако лежаху трупія ихъ“¹⁾. Такія литературныя оплошности Шаховскаго ясно показываютъ (если только въ этомъ можетъ быть сомѣніе), что именно онъ дѣлалъ заимствованія у Катыврева, а не наоборотъ.

Отъ произведеній кн. Шаховскаго, представляющихъ собою типичный образецъ риторическаго искусства его эпохи, перейдемъ къ безыскусственной по формѣ „Книгѣ, глаголемой Новыи Лѣтописецъ“. Въ XVII вѣкѣ она была распространена во множествѣ списковъ²⁾; богатствомъ своихъ показаній она рано обратила на себя вниманіе историковъ и была издана два раза въ прошломъ столѣтіи и одинъ разъ въ настоящемъ³⁾. Въ наше время извѣстія Но-

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 292 об.; № 214, л. 395.—Изборникъ, стр. 294.

²⁾ Трудно перечислить всѣ списки этого памятника: они находятся во всѣхъ нашихъ древлехранилищахъ. Мы лично не могли принять на себя громадный трудъ ихъ сличенія и ограничили свои занятія одними напечатанными текстами въ той увѣренности, что одно изъ печатныхъ изданій счастливо воспроизвело первоначальный текстъ памятника (Ник. Лѣт. VIII).

³⁾ „Лѣтопись о многихъ мятежахъ“ и т. д. (изд. 1-е: С.-Пб. 1771 г.; изд. 2-е: М. 1788).—„Руская Лѣтопись по Никонову списку“, VIII, С.-Пб. 1792.—„Новый Лѣтописецъ, составленный въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, изданъ по списку вн. Оболенскаго“. М. 1853 (и во *Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVII).—Изъ этихъ печатныхъ текстовъ первоначальнымъ мы считаемъ тотъ, который помѣщенъ въ Никоновой Лѣтописи. Онъ сохранилъ свое первоначальное заглавіе: „Книга, глаголемая Новой Лѣтописецъ; степень ц. и в. кн. Ѳеодора Ивановича всеа Русіи, въ ней же сперва степени немногіе главы ц. и в. кн. Ивана Васильевича всеа Русіи; въ началѣ убо книги о взятіи царства Сибирскаго; нача писати съ 92 (1584)-го году и *донынѣ*“ (то-есть, до 1630 г., которымъ оканчивается списокъ. См. Ник. Лѣт. VIII, стр. 1 и 256.—П. Собр. Р. Лѣт., IX, стр. VIII). Въ этомъ текстѣ находимъ много указаній на то, что онъ составлялся дѣйствительно при патр. Филаретѣ (эти указанія будутъ приведены ниже) и именно около 1630 года. Другой печатный текстъ (въ Лѣт. о мн. мятежахъ) сохранилъ вообще неприкосновенною первоначальную редакцію памятника, но утратилъ нѣсколько первыхъ статей его и имѣетъ позднѣйшія приписки (Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, стр. 343—366). А тотъ текстъ Новаго Лѣтописца, который

ваго Лѣтописца пользуются большимъ вниманіемъ со стороны историковъ смуты, но и до сихъ поръ ничего не сдѣлано для того, чтобы освѣтить происхожденіе этого цѣннаго памятника.

Изученіе текста Новаго Лѣтописца не даетъ никакихъ прямыхъ указаній на его автора. Авторъ очень немного говоритъ о себѣ самомъ. Въ первый разъ, описывая чудесное видѣніе 1611 года и не довѣряя ему, онъ замѣчаетъ: „обаже азъ написахъ се, а не мимо идохъ“. Въ другомъ мѣстѣ при разсказѣ о томъ, что поляки, осажденные въ Кремлѣ, питались человѣческимъ мясомъ и дѣлали запасы этого мяса, авторъ прибавляетъ: „то сами видѣхомъ очима своимъ“ ¹⁾. На основаніи этихъ фразъ нельзя дѣлать никакихъ заключеній о личности писателя; можно только считать его современникомъ смуты. Мы не остановились бы на вопросѣ о личности составителя Новаго Лѣтописца, еслибы не встрѣтили въ „Исторіи Россійской“ Татищева намека на то, что авторомъ этого произведенія Татищевъ считалъ Іосифа, келейника патріарха Іова, или же самого Іова ²⁾. Нельзя, конечно, думать съ Татищевымъ, что лѣтопись,

начинается краткимъ обзоромъ всей русской исторіи и который былъ принятъ кн. Оболенскимъ за „первобытный“ текстъ (*Врем. Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVII), есть не что иное, какъ позднѣйшая литературная переработка, стершая указанія первоначальной редакціи на автора и время составленія. Мы будемъ руководиться при разборѣ памятника его первоначальнымъ текстомъ и въ своемъ мѣстѣ дадимъ рядъ сопоставленій, которые оправдаютъ изложенныя здѣсь замѣчанія.

¹⁾ Ник. Лѣт., 173, 197.—Лѣт. о ин. мят., изд. 2-е, 233, 265.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ оба эти указанія выпущены (стр. 143, 157—158), что свидѣтельствуєтъ о позднѣйшемъ происхожденіи текста.

²⁾ Исторія Россійская, I, Предъизвѣщеніе, стр. XII.—Татищевъ не говоритъ прямо о Новомъ Лѣтописцѣ. Приписывая митр. Макарію описаніе первыхъ 26 лѣтъ „жизни“ Ивана Грознаго, онъ затѣмъ говоритъ: „Іосифъ келейникъ Іова Патріарха или самъ Іовъ нѣкоторыя дѣла онагошъ Государя послѣднихъ 24 года, но весьма кратко, а по немъ до избранія царя Михайла довольноностранно (описалъ)“. Не смотря на всю неточность выраженій Татищева, думаемъ, что онъ здѣсь разумѣетъ именно Никонову Лѣтопись съ ея продолженіемъ Новымъ Лѣтописцемъ. Макарьевская лѣтопись, по представленію Татищева, обнимала 26 лѣтъ „жизни“ Грознаго, и, стало быть, должна была кончатся 1556 годомъ, а лѣтопись Іова (Іосифа) обнимала послѣдніе 24 года жизни Грознаго и, стало быть, должна была начинаться 1560 годомъ. Изъ московскихъ сводовъ до конца 50-хъ годовъ XVI в. доведены Воскресенская и Никонова Лѣтописи и Степенная Книга. Но только одна Никонова Лѣтопись имѣетъ краткія приписки о концѣ царствованія Грознаго (Ник. Лѣт. VII, 313—316) и добавленія о Грозномъ, царѣ Феодорѣ и смутѣ—въ Житіи ц. Феодора и въ Новомъ Лѣ-

доходящую до 1630 года, составилъ Іовъ, умершій въ 1607 году. Но келейникъ патріарха могъ на много лѣтъ пережить его и, какъ современникъ смуты, могъ быть авторомъ Новаго Лѣтописца. Въ нашемъ распоряженіи вѣтъ извѣстій объ этомъ келейникѣ Іосифѣ, мы не можемъ поэтому провѣрить показанія о немъ Татищева; но мы интересуемся этимъ показаніемъ потому, что оно даетъ намъ извѣстную точку зрѣнія на памятникъ, даетъ поводъ считать Новый Лѣтописецъ произведеніемъ, составленнымъ при патріаршемъ дворѣ. Къ такому же взгляду на происхожденіе Новаго Лѣтописца приводятъ и нѣкоторыя другія соображенія.

Въ источникахъ сохранились указанія на то, что московскіе патріархи XVII вѣка, и особенно—Гермогенъ, были прикосновенны къ дѣлу составленія, переписки и храненія лѣтописей. Эти указанія, какъ ихъ ни мало, вполне заслуживаютъ вниманія. Ту лѣтопись, которая теперь извѣстна подъ названіемъ Воскресенской, люди XVII вѣка считали патріаршею: они называли ее „лѣтописцемъ святѣйшаго патріарха Гермогена“¹⁾. Списокъ этой лѣтописи былъ позднѣе, въ 1658 году, въ рукахъ патріарха Никона, который и пожертвовалъ его въ только что основанный Воскресенскій монастырь²⁾. Та-

тописца (Ник. Лѣт. VII, VIII). Это даетъ уже поводъ догадываться, что приведенныя слова Татищева должны относиться къ Никонову своду. Еще большее основаніе для такой догадки заключается въ томъ обстоятельствѣ, что въ V томѣ своей Исторіи Татищевъ пересказывалъ именно послѣднія части Никонова свода со всѣми отрывочными извѣстіями о времени Грознаго и съ Житіемъ Θεодора патр. Іова (Исторія Россійская, V, М. 1848, стр. 490—530.—Ник. Лѣт. VII, 313—359). При такихъ условіяхъ ясно, что Татищевъ считалъ Іова и Іосифа авторами послѣднихъ частей Никоновой Лѣтописи (и Новаго Лѣтописца), а не другаго какого-нибудь произведенія.

¹⁾ Мы утверждаемъ это по слѣдующимъ соображеніямъ: въ одной изъ Родословныхъ книгъ, писанныхъ, какъ думаютъ, въ началѣ XVII в., включено родословіе литовскихъ великихъ князей. Предъ нимъ находится статья: „Предисловіе родомъ великихъ князей литовскихъ“ и при ней замѣчаніе: „Списано съ Лѣтописца Святѣйшаго патріарха Гермогена Московскаго“ (Родословныя книги во *Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, X, стр. 74 и предисловіе, стр. I.—*Барсукова* Рукописи Археографич. Комиссіи, стр. 23). Сравнивая это „предисловіе родомъ“ съ московскими сводами, убѣждаемся въ томъ, что выписка о Литовскихъ князьяхъ сдѣлана изъ Воскресенской Лѣтописи и съ добавочныхъ статей (Сравни. Родословную книгу, стр. 74—75, и II. Собр. Р. Лѣт., VII, 253—254 и 165; см. также „Русскую Лѣтопись съ Воскресенскаго списка“. С.-Пб. 1793—1794, т. I, 48—49; т. II, 239—240).

²⁾ П. Собр. Р. Лѣт., VII, Предисловіе, стр. VI.

кимъ образомъ исторія одного изъ подробнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ московскихъ связана съ именами двухъ московскихъ патріарховъ, и это даетъ поводъ думать, что послѣ историческихъ трудовъ митр. Макарія (Степенная книга) и патр. Іова (Житіе царя Θεодора) послѣдующіе московскіе іерархи не пренебрегали лѣтописнымъ дѣломъ. На ту же мысль наводитъ и весьма вѣроятное, какъ мы видѣли, преданіе о происхожденіи Филаретовой Рукописи. Наконецъ, имѣемъ мы и прямое свидѣтельство самого Гермогена о томъ, что онъ записывалъ „въ лѣтописцѣхъ“ замѣчательныя событія его времени ¹⁾. Рядъ подобныхъ указаній невольно возбуждаетъ вопросъ: если при патріаршемъ дворѣ существовали лѣтописныя своды, если Гермогенъ, какъ онъ самъ говоритъ, дѣлалъ записи о событіяхъ, то гдѣ искать патріаршую лѣтопись за позднѣйшіе (XVI—XVII) вѣка и гдѣ искать тѣ записи Гермогена, которыя относятся къ смутному времени? Помимо Новаго Лѣтописца, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ общихъ повѣствованій о смутѣ безусловно ни одно не можетъ считаться произведеніемъ патріаршимъ, кромѣ Рукописи Филарета. Но изучая всѣ тѣ дополненія, какія привнесены въ этомъ послѣднемъ памятникѣ къ Повѣсти Катырева, не находимъ никакихъ слѣдовъ литературнаго творчества Гермогена. Остается, стало быть, предположить, что записи Гермогена или не дошли до насъ вовсе, или же находятся именно въ Новомъ Лѣтописцѣ, который чрезвычайно богатъ свѣдѣніями, пользовался, очевидно, официальными источниками и былъ въ рукахъ патр. Никона, какъ дополненіе къ Никоновой Лѣтописи ²⁾.

Было бы довольно легко оправдать это послѣднее предположеніе, еслибы намъ удалось отыскать въ текстѣ Новаго Лѣтописца изло-

¹⁾ „И то чудо въ Лѣтописцѣхъ записали мы“, — таковы слова патріарха (Акт. Арх. Эксп. II, № 169, стр. 290—291).

²⁾ Описаніе списка Никоновой Лѣтописи, отданнаго Никономъ въ Воскресенскій монастырь, — вл. П. Собр. Р. Лѣт., IX, Предисловіе, стр. VIII—IX. Мы не имѣемъ твердыхъ данныхъ, чтобы установить официальное происхожденіе этого свода, но не можемъ не указать на слѣдующее: въ Никоновой Лѣтописи находится официальное повѣствованіе Іова о Житіи царя Θεодора; Никонова лѣтопись очень близка по составу къ Воскресенской; Никонову лѣтописью въ XVII в. интересовались официально: въ 1637 году одинъ изъ ея списковъ, принадлежавшій Тр.-Сергіеву монастырю, былъ доставленъ „по государеву указу“ въ Приказъ Большаго Дворца (П. Собр. Р. Лѣт., IX, Предисловіе, стр. VII—VIII). Совокупность этихъ признаковъ, вмѣстѣ съ общимъ официальнымъ тономъ этой лѣтописи, даетъ нѣкоторое право считать памятникъ официальнымъ.

женіе того факта, который хотѣлъ занести патр. Гермогенъ въ свой лѣтописецъ. Въ грамотѣ своей къ русскимъ измѣнникамъ, отѣхавшимъ отъ царя Василія, Гермогенъ свидѣтельствуеетъ, что самъ Богъ немедленно наказалъ людей, возставшихъ на законнаго государя Шуйскаго. „Преславно, Божиимъ праведнымъ судомъ“, говоритъ патріархъ,—„тѣ враждотворцы сами отъ Бога въ мгновеніи ока мѣсть воспріяша и разоришася, ни отъ кого, но сами отъ себя... И то чудо въ Лѣтописцѣхъ записали мы“, — прибавляетъ Гермогенъ ¹⁾. Естественно было бы ожидать, что въ Новомъ Лѣтописцѣ (если онъ дѣйствительно былъ составленъ при Гермогенѣ) мы встрѣтимъ рассказъ объ этомъ чудѣ, на которое патріархъ только намекаетъ въ своей грамотѣ. Обращаясь къ тексту памятника, мы находимъ въ немъ повѣствованіе о тѣхъ событіяхъ, по поводу которыхъ составлены грамоты Гермогена: Новый Лѣтописецъ перечисляетъ нѣсколько отъѣздовъ изъ Москвы въ Тушино ²⁾. Но при этомъ онъ не упоминаетъ о скорой гибели измѣнниковъ и не говоритъ ни о какомъ чудѣ ³⁾. Такимъ образомъ мы лишены возможности подтвердить свою догадку текстомъ разбираемаго памятника. Въ немъ не оказывается того, что записывалъ Гермогенъ въ своей лѣтописи.

Однако на этомъ основаніи еще нельзя заключать, что Гермогеновская лѣтопись исчезла для насъ совершенно безслѣдно. Мы можемъ только утверждать, что она не дошла до насъ въ томъ видѣ, какой имѣла при Гермогенѣ. Но легко можетъ быть, что матеріалъ, собранный Гермогеномъ для исторіи смуты, не пропалъ, а былъ сведенъ и переработанъ позднѣе, уже по смерти Гермогена. Не представляетъ ли собою Новый Лѣтописецъ именно такого свода данныхъ, офиціально собранныхъ при патріаршемъ дворѣ для исторіи смуты? Въ такую форму облакается въ концѣ концовъ вопросъ о

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 169, стр. 290, и примѣчаніе 19.

²⁾ Слич. Акт. Арх. Эксп. II, № 169, и Новый Лѣтописецъ (Ник. Лѣт. VIII, 101—102, 111—112, 122—123.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 136—137, 150—151, 165.—Нов. Лѣт., 95, 101—102, 107).

³⁾ Правда, въ Новомъ Лѣтописцѣ есть рассказъ о необычайной, чудесной кончинѣ измѣнниковъ, просившихъ „съ лестію“ патріаршатаго благословенія. Но объ этомъ повѣствуется уже послѣ рассказа о сверженіи Шуйскаго; измѣнники, проклятые Гермогеномъ и погибшіе страшною смертью, были уже не тушинцы, а слуги Сигизмунда и поляковъ. Поэтому нѣтъ возможности отождествить это чудо Новаго Лѣтописца съ чудомъ Гермогеновой грамоты (Ник. Лѣт. VIII, 141—142.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 190—191.—Нов. Лѣт., 121—122).

происхожденіи Новаго Лѣтописца, и для разрѣшенія этого вопроса негдѣ искать указаній, кромѣ текста самого памятника.

Наблюденія надъ этимъ текстомъ прежде всего приводятъ къ мысли, что Новыи Лѣтописецъ не есть лѣтопись въ строгомъ смыслѣ этого слова. Его повѣствованіе представляется читателю не рядомъ разновременныхъ записей, сдѣланныхъ по годамъ, а довольно цѣльнымъ рассказомъ, составленнымъ, такъ сказать, за одинъ пріемъ. Много данныхъ говорятъ намъ, что этотъ рассказъ во всѣхъ его частяхъ былъ писанъ не въ смуту, а послѣ нея,—въ то приблизительно время, къ которому относятся послѣднія извѣстія Новаго Лѣтописца. (1630 г.). Укажемъ эти данныя. Онѣ находятся уже въ началѣ Лѣтописца, въ статьѣ о ссылкѣ Романовыхъ отъ Бориса Годунова ¹⁾. Здѣсь Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ названъ „государемъ“, а всѣ Романовы—„царскимъ послѣднимъ сродствіемъ“. Понятно, что такого отношенія къ семьѣ Романовыхъ въ смуту у лѣтописца, современнаго событію, быть не могло. Статья эта написана, очевидно, тогда, когда Филаретъ Никитичъ уже сталъ „государемъ“: послѣ 1619 г. и никакъ не раньше 1613 года. Послѣ 1619 года составленъ и рассказъ о Ростовскомъ плѣнѣ Филарета въ 1608 году: въ немъ Филаретъ названъ „великимъ государемъ“ ²⁾. И далѣе, въ нѣсколькихъ статьяхъ, посвященныхъ судьбѣ Филарета въ смуту, авторъ Лѣтописца не разъ даетъ понять, что писалъ въ патриаршество Филарета, послѣ 1619 года. Такъ, говоря объ отправленіи великаго посольства подъ Смоленскъ въ 1610 году, онъ замѣчаетъ о митрополитѣ Филаретѣ: „многую бѣду и скорбь въ девять лѣтъ за православную христіанскую вѣру претерпѣлъ“ ³⁾. То же повторяетъ онъ, говоря о плѣненіи Филарета и пословъ: „и былъ онъ, государь, въ такихъ великихъ бѣдахъ девять лѣтъ“ ⁴⁾. И въ рассказѣ о взятіи Смоленска находимъ подобное же свидѣтельство, касающееся участи воеводы Шеина съ

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 42—45.—Лѣт. о ми. мят., изд. 2-е, 56—61.—Нов. Лѣт., 49—51.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 103.—Лѣт. о ми. мят., изд. 2-е, 139.—Иначе въ Нов. Лѣт., 96: здѣсь находимъ литературную переработку первоначальнаго рассказа.

³⁾ Ник. Лѣт. VIII, 143.—Лѣт. о ми. мят., изд. 2-е, 192 (здѣсь варианты: „десять лѣтъ“).—Нов. Лѣт., 122 („до девяти лѣтъ“).

⁴⁾ Ник. Лѣт. VIII, 160.—Лѣт. о ми. мят., изд. 2-е, 215.—Нов. Лѣт., 134 („велию скорбь оніи послы претерпѣша въ девять лѣтъ“).—Подобный же намекъ на позднее время составленія Лѣтописца встрѣчаемъ и въ статьѣ о посылкѣ въ Литву къ плѣнному Филарету игумена Ефрема: Ник. Лѣт. VIII, 210.—Лѣт. о ми. мят., изд. 2-е, 283.—Нов. Лѣт., 165.

его семьею: „быша въ полону девять лѣтъ“ (1611—1619 гг.)¹⁾. Всѣ эти признаки ясно говорятъ, что обработка Новаго Лѣтописца завершилась не ранѣе 1619 года. Другія же данныя болѣе определенно свидѣтельствуютъ, что Новый Лѣтописецъ составленъ около 1630 года: въ это время были занесены въ него не только послѣднія его пзвѣстия, но и показанія о событіяхъ довольно раннихъ. Такъ, помѣщая въ началѣ своего повѣствованія о времени царя Михаила разсказъ о Казанской иконѣ Божьей Матери, авторъ Новаго Лѣтописца приводитъ въ этомъ разсказѣ фактъ 7133 года—признакъ, что статья эта составлена не ранѣе 1625 года²⁾. Говоря о состояніи Новгорода подъ шведскимъ владычествомъ въ 1613—1617 гг., авторъ свидѣтельствуетъ, что Хутынской архимандритъ Киприанъ, едва не убитый шведами, былъ впоследствии Новгородскимъ митрополитомъ. Назначеніе митрополита Кипріана въ Новгородъ состоялось въ 1626 году, и, стало быть, ранѣе этого года не могли появиться замѣтки о Киприанѣ въ Новомъ Лѣтописцѣ³⁾. Наконецъ, въ разсказѣ о кометѣ 7127 (1618) года, авторъ Лѣтописца прямо указываетъ, что писалъ этотъ разсказъ въ 7138 (1630) году⁴⁾. Такимъ образомъ рядъ указаній заставляеть насъ считать Новый Лѣтописецъ произведеніемъ, составленнымъ и законченнымъ много лѣтъ спустя послѣ смуты, въ 1630 году.

Намъ можно возразить противъ такого вывода. Всѣ приведенныя нами хронологическія показанія могли быть внесены въ первоначальный текстъ Лѣтописца его позднѣйшимъ поправщикомъ во время Филарета, самый же Лѣтописецъ могъ по частямъ составляться и

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 163.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 219.—Нов. Лѣт., 136.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 210.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 282.—Нов. Лѣт., 165.

³⁾ Ник. Лѣт. VIII, 223.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 299—300.—Нов. Лѣт., 173—174.—*Строева* Списки Іерарховъ, ст. 36.—П. Собр. Р. Лѣт., III, 188.

⁴⁾ Ник. Лѣт. VIII, 238.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 320—321.—Комета явилась въ 1618 году: „въ то же пору пришелъ подъ Москву“ королевичъ Владиславъ. По мнѣнію автора, небесное знаменіе пророчило войну въ Германіи и междоусобія среди нѣмцевъ дѣйствительно произошли: „Бывшимъ у нихъ межъ себя войнамъ великимъ по 138 (1630) году, а впрѣдь объ нихъ Богу сподушу, покажетъ у нихъ Богъ велитъ быти войнамъ“,—говоритъ авторъ. Ясно, что онъ писалъ эту статью въ 1630 году и тогда же закончилъ свой трудъ, потому что послѣднія извѣстія Никонова списка оканчиваются именно 1630 годомъ. Въ списокѣ Новаго Лѣтописца кн. Оболенскаго (стр. 183) это мѣсто о войнахъ въ Германіи пропущено, что прямо указываетъ на позднѣйшее происхожденіе списка.

раньше, даже въ самую смуту. Однако знакомство съ содержаніемъ памятника устраняетъ такое соображеніе. Новый Лѣтописецъ отличается внутреннею цѣльностью повѣствованія. Съ одной стороны, онъ весь проникнутъ единствомъ взгляда на событія, и это единство указываетъ на трудъ одного автора. Съ другой стороны, въ Лѣтописцѣ нѣтъ и слѣда личныхъ симпатій и антипатій его составителя; авторъ очень спокойно относится ко всѣмъ лицамъ и дѣятелямъ смуты и нигдѣ не измѣняетъ разъ принятому тону. Въ этомъ мы видимъ ясный признакъ поздняго происхожденія Лѣтописца: еслибы его авторъ работалъ въ самую эпоху смуты, онъ не могъ бы съ такимъ успѣхомъ скрыть свои личныя чувства подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій. Постараемся оправдать свои предположенія текстомъ памятника.

Авторъ на все смотритъ съ религіозной точки зрѣнія. Всѣ бѣды, постигающія Русь, приписываетъ онъ Божьему гнѣву и кознямъ діавола. И въ началѣ, и въ концѣ своего Лѣтописца многія статьи онъ начинаетъ однообразными фразами, въ родѣ такихъ: „Богу же попускающу, а врагу дѣйствующу, видя Богъ наши неправды и лукавство, наипаче жъ любви не имѣхомъ, всякіе козни наведе на насъ грѣхъ ради нашихъ: аки волны морскія, едина погибаетъ, а другая востааетъ“... или „Врагъ же ископи вѣкъ не хотя видѣти добра роду христіанскому, а хотя видѣти души въ лагубѣ, вложи мысль на Москнѣ многимъ людемъ“...¹⁾ Этими и подобными фразами исчерпывается стремленіе автора къ прагматизму. Благочестивыя размышленія нашъ авторъ охотно вводитъ и по поводу различныхъ мелочей своего повѣствованія: такъ, о лукавомъ поступкѣ кн. В. Голицына, который при переходѣ на сторону Лжедимитрія велѣлъ себя связать, чтобы казаться не измѣнникомъ, а плѣннымъ, авторъ замѣчаетъ: „хотя у людей утаити, а у Бога не утаити ничто же“. Говоря о преданности и повиновеніи русскихъ людей самозванцу, авторъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они „не восхотѣша отъ Бога приняти вѣнца страсотерпческаго“. По поводу зависти Шуйскихъ къ М. В. Скопину авторъ высказываетъ такія мысли: „Видяще, кому Богъ даетъ храбрость и разумъ, и тѣхъ не любяху;

¹⁾ Сравн. начала статей въ Ник. Лѣт. VIII, 6, 15, 20, 29, 40, 53, 54, 80, 89, 111, 116, 122 и т. д.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ кн. Оболенскаго (стр. 24, 31—32, 36, 41, 52, 57, 78, 87, 101, 105, 107) эти вступительныя фразы часто выбрасываются.

силою жъ никому у Бога не взять: всякъ бо званный отъ Бога честь воспріемлетъ; власть даетъ Богъ: кому хоцетъ, тому и даетъ“¹⁾. Благочестивое настроеніе автора вызываетъ въ немъ сожалѣніе, что датскій „королевичъ Еганъ“, пріѣхавшій при царѣ Борисѣ на Русь, „умре не крещенъ“²⁾. Преобладаніе религіознаго чувства въ авторѣ сказывается на всемъ его разсказѣ объ избраніи королевича Владислава и отправленіи къ нему посольства: авторъ все свое вниманіе сосредоточиваетъ на вопросѣ о вѣроисповѣданіи Владислава и даже отмѣчаетъ, что Гермогенъ избиралъ такихъ священниковъ и дьяконовъ въ посольство, „которые бѣ умѣли говорити съ Латыни о православной христіанской вѣрѣ“³⁾. При такомъ настроеніи писателя естественно то вниманіе, съ какимъ онъ относится къ дѣламъ церкви и духовенства: онъ нерѣдко описываетъ открытіе мощей или освященіе новой раки того или другаго святаго; онъ упоминаетъ объ установленіи новыхъ праздниковъ, о приходѣ греческихъ іерарховъ на Русь, о бѣдствіи монастырей русскихъ, о крещеніи иновѣрцевъ и т. п.⁴⁾. Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы уяснить себѣ господствующую точку зрѣнія автора. И кто дастъ себѣ трудъ сравнить тѣ статьи Новаго Лѣтописца, какія были составлены несомнѣнно въ патриаршество Филарета, съ остальными частями памятника,—тотъ убѣдится, что авторомъ и тѣхъ, и другихъ было одно лицо. Статьи позднѣйшаго происхожденія ничѣмъ не выдѣляются отъ прочаго повѣствованія: на нихъ лежитъ печать того же строгаго религіознаго міровоззрѣнія. Это—первое основаніе для того, чтобы считать Новый Лѣтописецъ такимъ произведеніемъ, которое было написано послѣ смуты и однимъ лицомъ.

Другое основаніе заключается въ отношеніи автора къ описаннымъ въ Лѣтописцѣ событіямъ и лицамъ. Авторъ не безстрастенъ: къ однимъ дѣятелямъ смуты онъ относится съ рѣзкимъ осужденіемъ, къ другимъ же—съ похвалою. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ не стоитъ на точкѣ зрѣнія личной или партійной. Всѣ тѣ лица, которыхъ онъ осуждаетъ,—„отметники“ и „измѣнники“; тѣ же, кото-

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 66, 72, 132—133.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 88, 97, 178. Въ Новомъ Лѣтописцѣ кн. Оболенскаго (стр. 66, 72, 114) всѣ эти мѣста выпущены.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 50.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 67.—Нов. Лѣт., 56.

³⁾ Ник. Лѣт. VIII, 143.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 192.—Нов. Лѣт., 122.

⁴⁾ См., на примѣръ, Ник. Лѣт. VIII, 12, 27—28, 31, 32—33, 49, 79, 128—130, 167—168, 190, 209—210, 245.

рых онъ хвалить,—защитники православія и русской народности. Такимъ образомъ авторъ является не представителемъ политическоіи партіи, а выразителемъ всей православно-русской народности ¹⁾. При этомъ самый тонъ повѣствованія автора остается спокойнымъ и не переходитъ ни въ страстное обличеніе, ни въ страстную похвалу. Уже то обстоятельство, что авторъ счумѣлъ возвыситься до такого отношенія къ событіямъ смуты, можетъ навести на мысль, что онъ писалъ по окончаніи смутной эпохи, когда тяжелые годы, пережитые русскимъ обществомъ, стали простымъ воспоминаемъ и не будили острыхъ чувствъ въ русскихъ людяхъ. Если же мы обратимся къ частностямъ повѣствованія автора и разберемъ его отношеніе къ нѣкоторымъ лицамъ, дѣйствовавшимъ въ смуту, то для насъ не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что авторъ не стоялъ близко ни къ кому изъ дѣятелей смутной поры (кромя патріарха Филарета), не зависѣлъ ни отъ кого изъ нихъ, даже мало былъ знакомъ съ нѣкоторыми событиями смуты. Это — уже ясный признакъ поздняго происхожденія Лѣтописца.

Посмотримъ, напримѣръ, какъ относится авторъ къ Борису Годунову. Онъ совершенно объективно излагаетъ борьбу Годунова съ боярами при царѣ Ѳеодорѣ, обвиняетъ Бориса въ томъ, что онъ погубилъ въ этой борьбѣ много народа и „оболгалъ“ передъ царемъ митрополита Діонисія; рассказываетъ затѣмъ подробно, какъ Борисъ изыскивалъ средства умертвить царевича Дмитрія, какъ онъ велѣлъ ослѣпить Симеона Бекбулатовича. Далѣе, отмѣчая, что Бориса избрали въ цари, „видяще его при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ праведное и крѣпкое правленіе къ землѣ“, авторъ свидѣтельствуетъ, что Борисъ въ первое время царствованія оправдывалъ свою репутацію, „объявляясь всѣмъ добръ“. Но вслѣдъ затѣмъ находимъ въ Лѣтописцѣ рядъ новыхъ обличеній Годунова: авторъ говоритъ о доносахъ, опалахъ и казняхъ, бывшихъ при Борисѣ, и даетъ понять, что въ успѣхахъ самозванца самъ Борисъ „слышавъ на себя гнѣвъ Божій“ ²⁾. При такомъ отношеніи къ Борису автора Новаго Лѣто-

¹⁾ Единственнымъ уклоненіемъ отъ обычной широты воззрѣнія автора является необъяснимая вражда его къ Прокопію Ляпунову. Онъ называетъ Ляпунова „лѣстивымъ чловѣкомъ“, упрекаетъ его въ томъ, что онъ „не по своей мѣрѣ вознесся и гордость взя“ (Ник. Лѣт. VIII, 123—124, 133—134, 165—167. —Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 166, 178—179, 222—225.—Нов. Лѣт., 108, 118, 138).

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 7—10, 15—20, 23, 30, 36—39, 40—45, 62.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 8—13, 19—26, 30—31, 39—40, 48—52, 54—61, 83.—Нов. Лѣт., 25—27, 33—35, 38, 42, 46—48, 49—53, 64.

писца нельзя и думать, чтобы Лѣтописецъ составлялся кѣмъ-нибудь изъ приверженцевъ Годунова. Не могъ, конечно, написать такое произведение и патріархъ Іовъ, на котораго, какъ мы видѣли, намекалъ Татищевъ. Не могъ, наконецъ, написать его и патріаршій келейникъ Іосифъ: еслибы составителемъ Лѣтописца былъ этотъ Іосифъ, отношеніе Лѣтописца къ Іову было бы и внимательнѣе, и теплѣе, чѣмъ мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Объ Іовѣ говорится весьма мало и довольно холодно. Съ нѣкоторымъ сочувствіемъ рассказываетъ авторъ только о поведеніи Іова въ тѣ минуты, когда его свергли съ престола. Но такое отношеніе вызвано въ данномъ случаѣ не близостью къ пострадавшему патріарху, а тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ пострадалъ отъ еретика самозванца ¹⁾. Такимъ образомъ можно высказать увѣренность, что Новый Лѣтописецъ составлялся не при Годуновѣ и не при Іовѣ. Увѣренность эта усиливается и тѣмъ, что авторъ, говоря о времени Бориса, впадаетъ въ такія противорѣчія и неточности, какихъ могъ бы избѣжать современникъ событій ²⁾.

Къ подобному же выводу приводитъ и разборъ отношенія автора къ лицамъ времени царя Шуйскаго. Самъ Василій Шуйскій рисуется въ Новомъ Лѣтописцѣ, какъ Богомъ вѣнчанный государь, много терпѣвшій отъ мятежниковъ и измѣнниковъ. Это привлекаетъ къ нему сочувствіе благочестиваго автора; но, сочувствуя монарху, онъ иногда не падаетъ въ Шуйскомъ человѣка. Такъ онъ не скрываетъ, что Шуйскій солгалъ царю Θεодору о смерти царевича Димитрія и что онъ всгупилъ на престолъ не вполне законно; не

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 11—12, 36, 55—56, 67—69.—Лѣт. о мн. ят., изд. 2-е, 14—16, 48—49, 74—75, 90—93.—Нов. Лѣт., 29, 46—47, 58—59, 68—69.

²⁾ Такъ, повѣствуя о посылкѣ царевича Димитрія въ Угличъ, авторъ заявляетъ, что съ нимъ поѣхали и убійцы его Д. Волоховъ и Н. Качаловъ. А ниже онъ говоритъ, что эти лица посланы въ Угличъ передъ самымъ убіеніемъ царевича (Ник. Лѣт. VIII, 5 и 17.—Лѣт. о мн. ят., изд. 2-е, 6 и 22.—Нов. Лѣт., 21 и 33). Это грубое противорѣчіе отмѣчено между прочимъ въ статьѣ *Е. А. Бьлова*: „О смерти царевича Димитрія“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1873 г., августъ, стр. 286—287). Далѣе авторъ свидѣтельствуетъ, что Шуйскіе не хотѣли избранія Бориса въ цари, ибо знали „что быти отъ него людямъ и къ себѣ гоненію: они же отъ него потомъ многія бѣды и скорби и тѣсноты пріяша“ (Ник. Лѣт. VIII, 36.—Лѣт. о мн. ят., изд. 2-е, 48.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ, стр. 46, этого нѣтъ). А между тѣмъ известно, что Шуйскіе при Борисѣ уцѣляли отъ „многихъ бѣдъ“.

оправдываетъ авторъ и неприязни царя Василія къ М. В. Скопину ¹⁾. Объективно отношеніе Новаго Лѣтописца и къ патриарху Гермогену до тѣхъ поръ, пока авторъ не подходитъ къ концу царствованія Шуйскаго. О дѣятельности Гермогена при Шуйскомъ говоритъ онъ очень мало, отзываясь о патриархѣ сдержанно и вообще при описаніи царствованія Шуйскаго настолько же далекъ отъ Гермогена, насколько былъ далекъ отъ Иова при описаніи царствованія Бориса ²⁾. Словомъ, нѣтъ въ Лѣтописцѣ ни одной черты, которая давала бы право заключать о близости автора къ царю Василію и къ его патриарху, и это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что Новый Лѣтописецъ не былъ официальнымъ произведеніемъ времени Шуйскаго. Рядомъ съ этимъ не найдемъ мы въ Лѣтописцѣ никакихъ слѣдовъ приязни автора къ какой-нибудь партіи времени Шуйскаго. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ статьяхъ Лѣтописца, которыя посвящены Романовымъ, и позднее происхожденіе которыхъ, какъ мы показали выше, несомнѣнно. Ихъ нельзя принимать въ расчетъ; остальные же статьи памятника яспо показываютъ, что авторъ Новаго Лѣтописца не вынесъ изъ царствованія Шуйскаго личныхъ впечатлѣній; онъ даже не яспо представлялъ себѣ нѣкоторыя видныя событія этого времени и дѣлалъ фактическія ошибки ³⁾.

Иного рода признаки появляются въ изложеніи событій, послѣдовавшихъ по сверженіи царя Василія. Борьба Москвы съ иновѣр-

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 19, 75—77, 124, 131—132.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 26, 102—104, 166—167, 176—178.—Нов. Лѣт., 35, 74—76, 108—109, 113—114.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 76—77, 95, 111, 139—140.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 103, 128, 150, 187—188.—Нов. Лѣт., 75, 90, 101 (здѣсь вставлена витѣватая рѣчь Гермогена), 119—120.

³⁾ Авторъ говоритъ, что Гермогенъ вѣнчалъ Шуйскаго на царство и встрѣчалъ (уже патриархомъ) мощи цар. Дмитрія въ Москвѣ (Ник. Лѣт. VIII, 76, 78.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 103, 106.—Нов. Лѣт., 75, 76). Но въ официальномъ чинѣ вѣнчанія царя Василія первое мѣсто занимаетъ митрополитъ Новгородскій Исидоръ (Ак. Арх. Эксп. II, № 47), а отсутствіе патриарха на встрѣчѣ мощей цар. Дмитрія удостовѣряется грамотою самого Шуйскаго (Ак. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 110—111). По одному показанію, Гермогенъ былъ поставленъ въ патриархи только черезъ мѣсяцъ послѣ перенесенія мощей царевича—3-го іюля 1606 года (*Митр. Макарія* Ист. р. церкви, X, стр. 130).—Любопытна и другая неточность въ рассказѣ Новаго Лѣтописца: авторъ его говоритъ, что Шуйскій тогда только подумалъ о перенесеніи тѣла царевича въ Москву, когда узналъ, что „многіе города измѣнили“. Въ этомъ заблужденіи авторъ Лѣтописца сошелся съ авторомъ Хронографа 2-й редакціи (*Изборникъ А. Н. Попова*, стр. 194—196).

ными врагами выдвинула на первый планъ патриарха Гермогена и людей, шедшихъ за нимъ и ему помогавшихъ. На нихъ-то и обращено главное вниманіе автора. Отношеніе его къ Гермогену замѣтно измѣняется. Въмѣсто краткихъ отзывовъ о патриархѣ мы видимъ рядъ пространныхъ главъ, посвященныхъ похваленію дѣятельности Гермогена. Авторъ не разъ называетъ Гермогена „праведнымъ“ и приписываетъ ему даже даръ пророчества: патриархъ предрекаетъ „злую смерть“ нѣкоторымъ измѣнникамъ, предвѣщаетъ князю Ѡ. И. Мстиславскому скорое прекращеніе его рода ¹⁾. Рядомъ съ Гермогеномъ какъ его лучший и достойнѣйшій сподвижникъ, поставленъ въ Новомъ Лѣтописцѣ и митрополитъ Филаретъ Никитичъ. Съ Гермогеномъ онъ былъ связанъ обѣтомъ умереть за православіе,—и дѣйствительно, будучи въ великомъ посольствѣ, Филаретъ „подвизашеся, чтобъ пострадать за православную христіанскую вѣру, и товарищей своихъ укрѣпляше“. Въ глаза врагамъ говорилъ онъ, что „радъ страдать“ за православіе, и не сдавался на ихъ увѣщанія, какъ сдавались другіе. Его твердость повела къ тому, что сами поляки удивлялись митрополиту, желали его благословенія и „начаша ево почитать и честь ему воздаваху велию“ въ то время, когда онъ былъ плѣннымъ въ Польшѣ ²⁾. Авторъ Лѣтописца могъ усвоить себѣ одинаковое отношеніе къ заслугамъ Гермогена и Филарета съ общей своей точки зрѣнія, православно-національной. Этого, конечно, нельзя отрицать; но нельзя также отрицать и нѣкоторой близости автора къ Филарету, о которомъ онъ сообщаетъ положительно больше, чѣмъ о Гермогенѣ. Переходя къ описанію царствованія Михаила, авторъ не теряетъ изъ виду плѣннаго Филарета: мы читаемъ въ Лѣтописцѣ обстоятельныя сообщенія о томъ, какъ Михаилъ Ѡеодоровичъ сносился со своимъ отцомъ чрезъ довѣренныхъ людей. Изъ этихъ сообщеній особенно любопытно одно—о свиданіи Филарета съ Ѡ. Желябужскимъ ³⁾. Русскихъ людей не было при разговорѣ Филарета съ гонцомъ его сына. Кромѣ самихъ собесѣдниковъ и людей близкихъ къ

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 141—142, 152—153, 177.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 190—191, 204—206, 238.—Нов. Лѣт., 121—122, 128—129, 146.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 143, 148, 153—154, 160—161.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 191—192, 199, 206—207, 215—216.—Нов. Лѣт., 122, 125, 129—130, 134.

³⁾ Ник. Лѣт. VIII, 210—211.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 283—284.—Нов. Лѣт., 165—166 (здѣсь бесѣда Филарета съ Желябужскимъ изложена болѣе литературнымъ языкомъ,—знакъ позднѣйшей передѣлки).—О послылкѣ Желябужскаго мы уже упоминали въ одномъ изъ примѣчаній къ этой главѣ.

государевой семьѣ, никто не могъ сообщить автору свѣдѣній объ этой бесѣдѣ. А между тѣмъ какъ безыскусственно и правдиво она изложена въ Новомъ Лѣтописцѣ! При описаніи патріаршества Филарета, въ концѣ произведенія, находимъ подобныя же черты близости автора къ патріарху. Характеризуя правленіе Филарета, авторъ замѣчаетъ, что Филаретъ привелъ въ православіе многихъ иновѣрцевъ, которые „подъ началомъ всѣ быша у него, государя, на патріаршѣ дворѣ“¹⁾. Это частное замѣчаніе свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора съ внѣшними порядками патріаршаго управленія, бывшими при Филаретѣ.—Такимъ образомъ только во второй половинѣ Новаго Лѣтописца обычное безстрастіе автора исчезаетъ и замѣняется панегирическими отзывами о двухъ московскихъ патріархахъ. Кромѣ Гермогена и Филарета, авторъ со всею теплотой чувства повѣствуетъ о Мининѣ, Д. М. Пожарскомъ и вообще о дѣятеляхъ нижегородскаго движенія; но по отношенію къ нимъ нельзя уловить въ Новомъ Лѣтописцѣ такихъ частныхъ, которыя дали бы намъ право говорить о томъ, что Лѣтописецъ составлялся въ лагерь второго ополченія. Такихъ частныхъ не найдемъ мы, строго говоря, и въ отношеніи автора къ Гермогену: авторъ благоговѣетъ передъ нимъ, но не близокъ къ нему. Ближе, чѣмъ къ кому бы то ни было, стоитъ онъ къ Филарету, и это даетъ намъ еще одинъ лишній поводъ утверждать, что разбираемый Лѣтописецъ есть литературное произведеніе времени патріарха Филарета.

Итакъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, изучая общіе взгляды автора рядомъ съ частностями его повѣствованія, приходимъ мы къ одному и тому же заключенію: Новый Лѣтописецъ, доходящій въ своихъ показаніяхъ до 1630 года, былъ весь составленъ около этого же года (допускаемъ, что составленіе такого крупнаго памятника продолжалось не одинъ годъ: онъ могъ быть начатъ въ 20-хъ годахъ XVII вѣка и только законченъ въ 1630 году). На основаніи такого заключенія можемъ мы установить и дальнѣйшую характеристику разбираемаго произведенія.

Если авторъ его работалъ надъ исторіею смуты много времени спустя послѣ ея окончанія, если онъ писалъ о нѣкоторыхъ событіяхъ черезъ тридцать, даже черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ они совершились, то очевидно, что онъ писалъ не по однимъ своимъ вос-

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 245.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 329.—Нов. Лѣт., 186 (здѣсь эта живая подробность выпущена при переработкѣ первоначальнаго текста).

поминаніямъ. Никакая память не могла бы удержать съ такою отчетливостью той массы фактовъ, какую передаетъ намъ Новый Лѣтописецъ. Нѣтъ сомнѣнія, что у автора Лѣтописца были источники, и при томъ очень хорошіе и очень разнообразные, такіе, которые позволяли ему съ замѣчательною обстоятельностью, съ мелочною точностью описывать положеніе дѣлъ одновременно въ различныхъ частяхъ Русской земли ¹⁾. Какого рода историческіе документы были подъ руками автора, мы можемъ догадываться съ большою вѣроятностью. Можно даже категорически утверждать, что авторъ зналъ, напримѣръ, много официальныхъ грамотъ и центрального правительства, и мѣстныхъ властей. Часто находимъ у него упоминанія о грамотахъ времени Шуйскаго: онъ говоритъ, по поводу разныхъ дѣлъ, что „съ Коломны писалъ ко царю Василью воевода“, или что „писалъ изъ Торжку воевода К. Чоглоковъ ко князь Михаилу Васильевичу (Скопину)“, или что кн. Дм. Мих. Пожарскій „съ тою грамотою посла ко царю Василью наскоро“. Очень обстоятельно излагаетъ нашъ авторъ и дипломатическую переписку со шведами и съ Новгородомъ властей нижегородскаго ополченія. Упоминаетъ онъ и о грамотахъ времени царя Михаила ²⁾. Рядомъ съ официальною перепиской, безъ сомнѣнія, были извѣстны автору и разрядныя записи.

¹⁾ За всѣ описанныя въ Лѣтописцѣ годы авторъ даетъ одинаково хорошія свѣдѣнія о разныхъ мѣстностяхъ, другъ отъ друга отдаленныхъ. Сопоставимъ, напримѣръ, нѣкоторые рассказы автора о событіяхъ въ разныхъ городахъ: Новгорода, Владиміръ, Смоленскъ, Нижнемъ. Подробно рассказывая о пребываніи Скопина въ Новгородѣ, сообщая мелочныя частности его бѣгства изъ Новгорода и затѣмъ похода къ Москвѣ, авторъ съ такою же обстоятельностью рисуетъ убіеніе воеводы во Владиміръ, послѣдовавшее въ то же, приблизительно, время. Приводя много подробностей о томъ, какъ Казань цѣловала крестъ Вору, авторъ черезъ нѣсколько страницъ обнаруживаетъ весьма близкое знакомство съ тѣми обстоятельствами, какія помогли Сигизмунду овладѣть Смоленскомъ. И въ описаніи первыхъ минутъ нижегородскаго движенія авторъ выступаетъ съ такимъ же знаніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ: онъ даже помнитъ, что „первое придоша Коломничѣ“ на помощь Нижнему (Ник. Лѣт. VIII, 106—109, 118—121; 114, 150, 162—163, 174—178.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 143—147, 158—162; 153—154, 201—202, 218—219, 234—240.—Нов. Лѣт., 97—100, 105—107; 103, 127, 136, 144 и далѣе; замѣтимъ, что въ этомъ послѣднемъ изводѣ Лѣтописца свѣжестъ извѣстій значительно уже пострадала отъ литературной переработки). Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что авторъ не могъ самъ видѣть всѣхъ сопоставленныхъ нами событій: не могъ онъ быть въ одно время въ Новгородѣ и Владиміръ, въ Нижнемъ и подъ Смоленскомъ.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 105—106, 119, 133; 181, 184; 230, 233.

Начиная со времени царя Θεодора Ивановича, почти на каждой страницѣ онъ даетъ рядъ извѣстій о служебныхъ назначеніяхъ, о придворныхъ торжествахъ и церемоніяхъ, о царскихъ походахъ и т. п. Нѣтъ нужды приводить примѣры подобныхъ показаній: настолько они многочисленны и опредѣленны по своему, такъ сказать, разрядному характеру. Если даже и вѣрно то извѣстіе, что официальные разряды не были писаны за 7113—7121 (1605—1613) годы ¹⁾, то разряды частные, безъ сомнѣнія, существовали и за это время (примѣръ—разрядная книга, носящая названіе Хронографа Столяра). Кромѣ того, въ московскихъ приказахъ не исчезалъ, конечно, и въ смуту тотъ матеріалъ, на основаніи котораго составлялись обыкновенно разряды. Нѣтъ поэтому ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что авторъ Новаго Лѣтописца могъ заимствовать свои данныя изъ подобнаго матеріала, официального или частнаго. Помимо официальныхъ документовъ, авторъ зналъ и литературу своего времени. Въ этомъ убѣждаетъ насъ прежде всего его знакомство съ лѣтописью: онъ, напримѣръ, знаетъ обстоятельства смерти Андрея Боголюбскаго и сравниваетъ предателя Романовыхъ Втораго Бартенева съ убійцею Андрея, Якимомъ Кучковичемъ ²⁾. Пользуясь древними памятниками съ цѣлями литературнаго украшенія своего разсказа, составитель Лѣтописца изъ современныхъ ему произведеній заимствовалъ иногда и факты. Такъ онъ зналъ разобранную нами выше Повѣсть нижегородца Григорія о чудесномъ видѣніи 1611 года и далъ довольно подробный отчетъ о ея содержаніи ³⁾. Какъ ни малочисленны и какъ ни проблематичны эти указанія на источники Новаго Лѣтописца, тѣмъ не менѣе ихъ совершенно достаточно для того, чтобы утверждать, что авторъ Новаго Лѣтописца имѣлъ у себя нѣкоторыя пособія, а не записывалъ одни только личныя впечатлѣнія.

Это обстоятельство не лишено значенія для общей характеристики разбираемаго памятника. Если мы признаемъ, что Новый Лѣтописецъ есть произведение, основанное на источникахъ, то должны, конечно, признать нѣкоторую зависимость автора отъ его источниковъ, и со стороны фактической точности показаній, и со стороны литературной. Только эту зависимость можемъ мы объяснить, во-

¹⁾ *Русск. Ист. Сборникъ* подъ ред. *Погодина*, II, стр. XVI—XVII.

²⁾ *Ник. Лѣт.* VIII, 42.

³⁾ Повѣсть о видѣніи Григорія рассмотрѣна нами во II главѣ.—*Ник. Лѣт.* VIII, 172—173.—*Лѣт. о мн. мят.*, изд. 2-е, 231—233.—*Нов. Лѣт.*, 143.

первыхъ, нѣкоторыя противорѣчія автора, а вовторыхъ, двойственность его литературныхъ приѣмовъ. Наконецъ характеръ источниковъ Лѣтописца преимущественно официальный, позволяетъ догадываться съ большою или меньшею вѣроятностью, что разбираемое произведеніе создано въ средѣ официальной.

Что касается до противорѣчій въ повѣствованіи Новаго Лѣтописца, то мы не задаемся цѣлью указать ихъ всѣ. Для характеристики ихъ мы позволимъ себѣ остановиться на такомъ рѣзкомъ примѣрѣ: рассказывая объ установленіи праздника иконъ Казанской Божіей Матери при царѣ Михаилѣ, авторъ даетъ перечисленіе чудесъ отъ иконы, бывшихъ въ смуту. Въ числѣ ихъ онъ помѣщаетъ и взятіе у поляковъ Новодѣвичьяго монастыря: „ею помощію подъ Москвою взяли Новой дѣвicheй монастырь у Литовскихъ людей“. Авторъ, очевидно, упустилъ изъ виду, что объ иконѣ и о взятіи монастыря онъ уже повѣствовалъ раньше, и повѣствовалъ въ совершенно иномъ тонѣ ¹⁾. Раньше онъ заявилъ, что подъ Москву былъ принесенъ „списокъ съ Казанскія иконы“; позже заявляетъ, что былъ принесенъ подлинный образъ, который затѣмъ былъ отпраздненъ въ Ярославль, а въ Казань возвращенъ списокъ, сдѣланный въ Ярославлѣ. Сверхъ того, въ первомъ рассказѣ нѣтъ ничего о чудесной помощи иконы при взятіи Новодѣвичьяго монастыря, и самое взятіе описывается съ полнымъ несочувствіемъ къ казачеству, взявшему монастырь. Получается, такимъ образомъ, полное противорѣчіе и въ тонѣ, и въ содержаніи двухъ повѣствованій: одно и то же событіе возбуждаетъ въ авторѣ раньше чувство нѣкотораго неодобренія, позже—чувство благоговѣнія. Очевидно, что эта разница отношенія къ одному и тому же факту существовала въ различныхъ источникахъ, которыми въ данномъ случаѣ воспользовался авторъ. Такое же подчиненіе разнообразнымъ источникамъ сказывается и въ отношеніи нашего автора къ бывшему при самозванцѣ патриарху Игнатію. Какъ и всѣ прочіе писатели, онъ считаетъ его еретикомъ и говорить, что онъ „пришелъ къ Москвѣ при царѣ Ѳеодорѣ; царь же Борисъ не позна въ немъ, окаяннемъ, ерести, посла его на Рязань“. Но раньше и самъ авторъ какъ будто впалъ въ одинаковую ошибку съ Борисомъ и свидѣтельствовалъ, что когда греческое духовенство приходило на Русь „въ утверженіе вѣры“ при царѣ Ѳеодорѣ Иоан-

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 209—210 и 167—168.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 281—282 и 225—226.—Нов. Лѣт., 164—165 и 139—140.

новичѣ, то многіе греки на Руси „видяху православную христіанскую, истинную, непорочную вѣру и остапась на Москвѣ, туто жь остася Кипрскій архіепискупъ Игнатей“ ¹⁾). Читатель въ правѣ думать, что Игнатій, пришедшій вмѣстѣ съ прочими для „утвержденія вѣры“, остался именно потому, что убѣдился въ правовѣрїи Москвы. Очевидно, что это объективное извѣстіе объ Игнатіи, которое замѣняется потомъ обвиненіемъ его въ ереси, попало въ Новый Лѣтописецъ изъ какого-нибудь источника времени царя Θεодора, и авторъ Лѣтописца не привелъ своего перваго показанія въ соотвѣтствіе съ дальнѣйшимъ разсказомъ.

Рядомъ съ внутренними противорѣчіями въ Лѣтописцѣ бросается въ глаза и отсутствіе внѣшней литературной обработки повѣствованія. Авторъ вообще не заботился о своемъ слогѣ. Между статьями, составленными по правиламъ тогдашняго витійства, помѣщалъ онъ простыя лѣтописныя отмѣтки о разныхъ фактахъ, иногда вовсе не замѣчательныхъ исторически. Такъ, почти рядомъ съ обширными статьями о доносахъ при Борисѣ и о ссылкѣ Романовыхъ, авторъ помѣстилъ такое, напримѣръ, извѣстіе: „тое же зимы въ великій постъ (1599 г.) ходилъ царь Борисъ съ сыномъ своимъ съ царицею Феодоромъ на Волокъ на Ламской въ Оснѣовъ монастырь молитися“ ²⁾). Официально-спокойный и безыскусственный тонъ этой и многихъ подобныхъ ей замѣтокъ о царѣ Борисѣ совершенно расходится съ литературно обработаннымъ слогомъ статей о жестокостяхъ Бориса. Такая двойственность внѣшняго литературнаго приѣма свидѣтельствуемъ намъ о томъ, что авторъ Лѣтописца зависѣлъ отъ своихъ источниковъ не только въ выборѣ и освѣщеніи фактовъ, но и въ литературномъ отношеніи. Тамъ, гдѣ его источники говорили простымъ языкомъ, и онъ выражался просто. И напротивъ, онъ стремился облечь свое повѣствованіе въ торжественныя фразы и придать ему литературную цѣльность и законченность въ томъ случаѣ, если сообщаемый фактъ казался автору особенно важнымъ. Просматривая Новый Лѣтописецъ, мы легко можемъ отмѣтить въ немъ нѣсколько такихъ статей, которыя рѣзко выдѣляются изъ прочаго повѣствованія своею литературною отдѣланностью и законченностью. Часто эти

¹⁾ Ник. Лѣт., VIII, 31—32 и 71.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 42 и 95.—Нов. Лѣт., 43 и 70—71.—Выше мы имѣли случай указать и еще одно грубое противорѣчіе Лѣтописца—о времени отправления въ Угличъ Битяговскихъ и Качалова.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 39 и 40—45.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 52 и 54—61.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ кн. Оболенскаго это извѣстіе выпущено.

статии имѣютъ всѣ признаки отдѣльныхъ сказаній: при нихъ находимъ особья предисловія и заключенія, въ нихъ авторъ нарушаетъ общую послѣдовательность изложенія, возвращается ко времени ранѣе описанному и забѣгаетъ впередъ за цѣлые годы ¹⁾). Сопоставленіе этихъ сказаній съ массой простыхъ и краткихъ фактическихъ извѣстій, среди которыхъ они находятся, даетъ намъ право раздѣлить статьи Новаго Лѣтописца на два ясно-очерченныхъ типа повѣствованій: на повѣствованія литературно-обработанныя и на записи лѣтописнаго характера. Между тѣми и другими очень часто вѣтъ никакой литературной связи. Поэтому Новый Лѣтописецъ можетъ быть названъ сводомъ разнохарактернаго литературно-историческаго матеріала.

Давая такое опредѣленіе разбираемому памятнику, мы тѣмъ самымъ лишаемъ себя возможности точно опредѣлить его историческую цѣнность. Если Новый Лѣтописецъ не имѣетъ однороднаго состава,

¹⁾ Попробуемъ перечислить статьи Новаго Лѣтописца, болѣе или менѣе близкія къ типу отдѣльныхъ сказаній (при названіи статей указываемъ страницы Никонова списка): 1) „О смерти царевича Малатъ-Кирея“ (13—15); 2) „О убіеніи царевича Димитрія“ (15—20); 3) „О приходѣ царя Крымскаго подъ Москву и о пророчествѣ царя Феодора“ (20—22); 4) „О преставленіи царя Феодора“ (33—35); 5) „О доводѣхъ холопныхъ на бояръ“ и „О Феодорѣ Никитичѣ зъ братьею“ (40—45); 6) О королевичѣ Яганѣ (49—50); 7) „О послыкѣ и о побоѣ въ Таркахъ“ (51—53); 8) „О настоящей бѣдѣ Московскому государству, о Гришкѣ Отрепьевѣ“ (54—55—59); 9) „О ворѣ Стародубскомъ“ (89—91); 10) „О градѣ Ростовѣ и о крѣпкостоятельствѣ митр. Филарста“ (103—105); 11) „О осадѣ Троицкаго монастыря“ (128—130; здѣсь помѣщены такіа чудеса преп. Сергія, о которыхъ Авр. Палицынъ или не говоритъ, или говоритъ иначе: см. его Сказаніе, изд. 2-е, стр. 88—89, 93—94, 102—104, 157—158, 185—190); 12) „О взятіи Пафнутьева монастыря“ (136—137); 13) „О разореніи Московскаго государства“ (156—158); 14) „О взятіи Смоленскомъ“ (162—163; это сказаніе едва ли не составлено по показаніямъ Юрія Потемкина: см. стр. 163); 15) „О приговорѣ всей земли и убіеніе Пр. Ляпунова“ (стр. 165—167; и здѣсь играетъ роль тотъ же Потемкинъ: см. стр. 167); 16) „О посту“ (172—173); 17) О нижегородскомъ движеніи (174—177); 18) „О умышленіи Заруцкаго“ (185—186); 19) О пребываніи нижегородскаго ополченія въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ (189—191); 20) „Объ избраніи царя Михаила“ (201—203); 21) „О походѣ подъ Москву иконы преч. Богородицы Казанскія“ (209—210); 22) „О воровствѣ и о побоѣ на казаковъ и на черкасъ“ (214—216); 23) „О принесеніи срачицы Господни“ (248—250).—Предлагая этотъ перечень, мы не думаемъ, что онъ полонъ и безошибоченъ. Дальнѣйшія изслѣдованія текста Новаго Лѣтописца, быть можетъ, укажутъ точнѣе на его источники и въ связи съ этимъ вѣрнѣе опредѣлятъ характеръ его составныхъ частей.

то трудно допустить, чтобы всё его показанія были одинаково точны, вѣрны и цѣльны. Въ Лѣтописцѣ, рядомъ съ драгоцѣнною записью современника, можетъ стоять позднѣйшее литературное воспроизведение какого-нибудь событія (слѣды такихъ позднѣйшихъ литературныхъ упражненій автора были указаны нами выше). Кто же можетъ поручиться, что поздняя редакция разсказа не исказила подробностей какого-нибудь факта, не внесла въ него чертъ легендарныхъ?

Если тѣ показанія Новаго Лѣтописца, которыя мы назвали записями лѣтописнаго характера, дышатъ часто наивною правдивостью, отличаются полною достовѣрностью и нерѣдко удивительною точностью показаній ¹⁾, то разсказы, облеченные въ литературную форму, не всегда заслуживаютъ такого отзыва. Убѣдиться въ этомъ не трудно. Стоитъ, наиримѣръ, сравнить уже упомянутую нами статью Новаго Лѣтописца „О посту“, въ которой разсказано нижегородское видѣніе, съ ея оригиналомъ—подлиннымъ повѣствованіемъ о видѣніи нижегородца Григорія,—и мы увидимъ, что авторъ Лѣтописца и неполно, и неточно передалъ содержаніе оригинала ²⁾. Въ прочихъ случаяхъ подобное сравненіе Лѣтописца съ его источниками не возможно, однако найдутся основанія для того, чтобы заподозрить и нѣкоторые другіе литературно обработанные разсказы его текста. Мы уже видѣли, что иногда самъ авторъ допускалъ разногласія и самъ себѣ противорѣчилъ при повтореніяхъ своихъ извѣстій. Про-

¹⁾ Нѣтъ возможности исчислить всё тѣ извѣстія Лѣтописца, въ которыхъ видны правдивыя впечатлѣнія не только современника, но и очевидца событій. Они встрѣчаются почти на каждой страницѣ памятника. Для характеристики ихъ приведемъ немногіе примѣры: Описывая бурю, бывшую въ Москвѣ въ 1595 году, авторъ замѣчаетъ, что „въ Кремль городъ у Бориса Годунова съ воротъ верхъ сломило“. Въ замѣткѣ объ одной изъ послѣднихъ битвъ съ тушинцами подъ Москвою авторъ говоритъ, что враги „древяной городъ зажгоша“ въ Москвѣ, и что выгорѣло стѣны „сажень съ сорокъ“. Въ разсказѣ о притѣсненіяхъ Гермогену въ Москвѣ авторъ мимоходомъ замѣчаетъ о полякахъ: „въ то бо время бысть у нихъ костелъ на старомъ царя Борисовъ дворѣ въ полатѣ“. Въ повѣствованіи о приходѣ втораго ополченія подъ Москву находимъ указаніе даже на то, гдѣ именно Пожарскій устраивалъ свой первый ночлегъ подъ Москвою: „сташа на Яузѣ за пять версть . . . и нача туто на Яузѣ ночевати, а не пошелъ (то-есть, къ самой Москвѣ) для того, что пришли поздно“ (въ спискѣ кн. Оболенскаго это извѣстіе уже испорчено).—Ник. Лѣт. VIII, 28—29, 125—126, 155—156, 190—191.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 38, 168—169, 209, 256—257.—Нов. Лѣт., 41, 109—110, 131, 153—154.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 172—173.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 231—233.—Нов. Лѣт., 143.—Подлинное сказаніе Григорія рассмотрѣно нами въ концѣ II главы.

стими замѣтками о взятіи Новоѣвичьяго монастыря онъ заставляеть насъ убѣдиться въ неполнотѣ своего же сказанія о Казанской иконѣ. Замѣткою о томъ, что Битяговскіе и Качаловъ отправлены были въ Угличъ одновременно съ Нагими, онъ самъ подрываетъ весь свой рассказъ о томъ, какъ Борисъ долго не могъ отыскать злодѣевъ, готовыхъ убить царевича, какъ онъ, наконецъ, отыскалъ Битяговскаго и послалъ его въ Угличъ уже тогда, когда царевичъ давно жилъ тамъ. Такимъ образомъ неосмотрительность самого автора помогаетъ намъ убѣдиться въ неправотѣ нѣкоторыхъ его показаній. Подробная критическая оцѣнка извѣстій Новаго Лѣтописца найдетъ, безъ сомнѣнія, и другіе пути для того, чтобы выдѣлить въ немъ достовѣрные факты отъ легендъ. Одну такую попытку критическаго изученія статей разбираемаго памятника представилъ уже Е. А. Бѣловъ, заподозрившій достовѣрность того сказанія о смерти царевича Дмитрія, которое мы находимъ въ Новомъ Лѣтописцѣ ¹⁾). Къ замѣчаніямъ г. Бѣлова, сводящимъ на степень простой легенды рассказъ Лѣтописца о смерти царевича, мы относимся съ полнымъ сочувствіемъ. Въ дополненіе къ нимъ можемъ сказать, что этотъ рассказъ представляется намъ позднѣйшимъ произведеніемъ, принадлежащимъ перу самого автора Лѣтописца, который, какъ мы видѣли, писалъ около 1630 года ²⁾). Нельзя допустить, чтобы онъ былъ очевидцемъ собы-

¹⁾ Е. А. Бѣлова „О смерти царевича Дмитрія“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1873 годъ, августъ, стр. 281—294.—*Ник. Лѣт.* VIII, 15—20.—*Лѣт. о мн. мат.*, изд. 2-е, 19—26.—*Нов. Лѣт.*, 31—35.

²⁾ Въ томъ, что рассказъ о смерти царевича не есть запись очевидца или современника событія, убѣждаетъ насъ слѣдующее его мѣсто: авторъ говоритъ, что Богъ хранилъ царевича отъ яда, „хотя его праведную душу и неповинную кровь объявити всему міру“. Это—ясный признакъ, что сказаніе составлено послѣ канонизаціи Дмитрія въ 1606 году. Мнѣніе же наше о томъ, что это сказаніе принадлежитъ самому составителю Новаго Лѣтописца, а не просто имъ списано съ какого-нибудь другаго памятника, мы основываемъ на слѣдующемъ: впервые, вступленіе въ рассказъ о смерти царевича совершенно соответствуетъ обычному тону тѣхъ благочестивыхъ вступленій, которыми авторъ, какъ мы уже говорили, начинаетъ многія главы своего Лѣтописца; и вообще языкъ этого рассказа ничѣмъ не отличается отъ языка всего Лѣтописца. Въ вторыхъ, въ сказаніи мы можемъ отмѣтить слѣды любопытнаго повѣрья: авторъ думаетъ, что кровь убитаго царевича не допустила бѣгства преступниковъ и они невольно возвратились на мѣсто преступленія, съ котораго сначала убѣжали. „Кровь же праведнаго вопіаше къ Богу, непусти ихъ, они же окаяніи возвратишася назадъ“,—говорится въ сказаніи. Такое повѣрье принадлежитъ именно автору Лѣтописца: онъ высказываетъ его и въ другомъ мѣстѣ, когда повѣствуетъ о по-

тія: слишкомъ много лѣтъ прошло между фактомъ и его описаніемъ. Очевидно, что у автора должны были быть какіе-нибудь источники. Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами раннихъ произведеніяхъ о смутѣ мы находили лишь краткія замѣтки о убіеніи Димитрія. Можно думать, что подробныхъ описаній угличскаго происшествія и не существовало до перенесенія въ Москву мощей царевича, потому что самое раннее Житіе царевича, какъ мы уже видѣли, было составлено только въ 1607 году, при чемъ заимствовало свое краткое фактическое содержаніе изъ Повѣсти 1606 года ¹⁾. При такихъ условіяхъ необходимо допустить, что, если авторъ Новаго Лѣтописца пользовался чужими показаніями при описаніи смерти царевича, то эти показанія онъ почерпнулъ или въ не дошедшихъ до насъ литературныхъ произведеніяхъ, составленныхъ не ранѣе времени Шуйскаго (1606—1607 гг.), или въ тѣхъ устныхъ преданіяхъ, какія существовали во время составленія Лѣтописца. Если же настаивать на раннемъ происхожденіи источниковъ нашего автора, то всего естественнѣе предположить, что онъ воспользовался фактическими данными извѣстнаго слѣдственнаго дѣла о смерти Димитрія и перемѣшалъ ихъ съ позднѣйшими легендами ²⁾. Почти къ такому выводу при-

кушеніи казака Степана на жизнь Пожарскаго. Убійца ранилъ не князя, а стоявшаго подлѣ казака и не убѣждалъ: „злѣдѣя Стеньку не попускаше кровь, тутъ же стоящу ему“ (Ник. Лѣт. VIII, 18 и 186). Втретнихъ, наконецъ, въ разсказѣ о смерти царевича выражается симпатія къ Гр. В. Годунову. И въ сколькихъ страницахъ ниже, въ другой главѣ Лѣтописца, видимъ опять благосклонное отношеніе къ тому же лицу и увѣреніе, что Гр. Годуновъ былъ близокъ къ царю Θεодору (Ник. Лѣт. VIII, 16 и 21).

¹⁾ См. первую главу нашего труда, гдѣ разсмотрѣна нами первая редакція Житія цар. Димитрія, внесенная въ Миней Тулунова.

²⁾ Полною легендарностью отличается разсказъ Лѣтописца объ участіи и поведеніи Гр. Годунова во всемъ этомъ дѣлѣ объ убіеніи царевича: Григорій Годуновъ знаетъ умыселъ, сокрушается и молчитъ, тогда какъ по своей близости къ государю, о которой свидѣтельствуетъ самъ Лѣтописецъ, онъ могъ бы предупредить злодѣйство. Мало вѣроятно и молчаніе Загряжскаго съ Чечуговымъ. Несомнѣнны также легендарныя свойства преданія о томъ, что убійцы успѣли убѣжать за двѣнадцать верстъ, но вернулись сами собою для того, чтобы понести наказаніе. Тѣмъ же эпическимъ числомъ двѣнадцать исчислены и всѣ убитые „совѣтники“ злодѣйства. Словомъ, легендарно-поэтической отпечатокъ лежитъ на всемъ сказаніи. Въ немъ можно даже различить слѣды легендъ болѣе раннихъ отъ слѣдовъ легендъ болѣе позднихъ. Преданіе о лѣдѣ, не подѣйствовавшемъ на царевича, было создано еще въ Повѣсти 1606 года; слухъ о злодѣйской близости Клещина къ Борису ходилъ еще въ 1608 году (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVI, стр. 4.—*Бутурлина* Ист. смутн. времени, II,

ходить и А. Е. Бѣловъ, считая рассказъ Лѣтописца воспроизведеніемъ народныхъ толковъ и догадокъ, соображеній самого сказателя и искаженныхъ отрывковъ дѣйствительныхъ фактовъ.

Какъ бы то ни было, къ тѣмъ частямъ Новаго Лѣтописца, которыя носятъ на себѣ слѣды литературной работы самого автора, нельзя относиться съ безусловнымъ довѣріемъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ приведенные примѣры неточностей, противорѣчій и разногласій въ текстѣ Лѣтописца. Вотъ почему нѣтъ возможности дать одну общую характеристику достовѣрности этого памятника. Въ то время, когда однѣ его части служатъ прекраснымъ источникомъ для историка, въ другихъ его показаніяхъ ясно выступаютъ на видъ искусственность и легендарность повѣствованія, сами себя обличающія, благодаря тому, что авторъ не былъ въ силахъ слить разнохарактерныя части своего свода въ цѣльное литературное произведеніе.

Сведемъ теперь результаты нашихъ наблюденій надъ текстомъ Новаго Лѣтописца. Къ изученію этого текста мы приступили съ вопросомъ: не есть ли Новый Лѣтописецъ офиціальныи сводъ данныхъ, собранныхъ для исторіи смуты при патріаршемъ дворѣ? Прежде всего мы замѣтили, что Новый Лѣтописецъ нельзя считать лѣтописью, слагавшеюся постепенно, трудомъ нѣсколькихъ лицъ. По всѣмъ признакамъ онъ былъ обработанъ съ начала до конца въ патріаршество Филарета, около 1630 года, и притомъ однимъ лицомъ. Авторомъ его былъ человекъ, проникнутый религіознымъ чувствомъ и обсуждавшій событія исключительно съ религіозно-національной точки зрѣнія безъ личныхъ симпатій и антипатій. Въ немъ незамѣтно близости ни къ какому дѣятелю смутной эпохи, кромѣ патріарха Филарета, о которомъ авторъ знаетъ даже такія подробности, какъ его частная бесѣда съ Желябужскимъ. Въ повѣствованіи своемъ авторъ Лѣтописца руководился разнообразными источниками, между прочимъ и офиціальными документами. Зависимость его отъ источниковъ была такъ велика, что вводила его въ противорѣчія съ самимъ собою и не позволила ему выработать цѣльный, однообразный

Приложенія, стр. 49). Напротивъ, сказочное повѣствованіе о томъ, какъ В. Шуйскій плакалъ надъ тѣломъ царевача, молчалъ во время слѣдствія, ни съ кѣмъ „не можаше проглаголати“, а потомъ сдѣлалъ ложное донесеніе царю,—это повѣствованіе могло появиться только по сверженіи Шуйскаго, когда его темное участіе въ этомъ дѣлѣ могло излагаться открыто и свободно. Повѣсть 1606 года молчитъ объ этомъ участіи, и въ первый разъ обличеніе двуличнаго поведенія Шуйскаго находимъ только въ Временникѣ Тимоѣева.

литературный приемъ. Тамъ, гдѣ онъ передавалъ свои источники не въ собственной обработкѣ, онъ сохранилъ намъ драгоцѣнныя записи, современныя событіямъ. Тамъ же, гдѣ онъ подвергалъ источники литературной передѣлкѣ, онъ не всегда умѣлъ воздержаться отъ неточностей, не всегда умѣлъ различать легенду отъ факта.

Нужно сознаться, что эти данныя не рѣшаютъ категорически вопроса о происхожденіи памятника. Обиліе въ немъ данныхъ officialнаго характера даетъ полное основаніе предполагать, что Новый Лѣтописецъ вышелъ изъ officialныхъ круговъ московскаго общества. Трудно себѣ представить, чтобы какое нибудь частное лицо могло собрать такой богатый матеріалъ, касающійся притомъ всѣхъ частей Русской земли, какимъ располагалъ авторъ Лѣтописца. Чтобы описать смуту такъ подробно, какъ описалъ онъ, нужно было пользоваться центральными правительственными архивами,—въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Каково же было общественное положеніе автора: былъ ли онъ самъ лицомъ officialнымъ? былъ ли онъ патріаршимъ лѣтописцемъ? На эти вопросы нельзя дать точнаго отвѣта. Текстъ памятника говоритъ намъ, что авторомъ его не могъ быть ни Іовъ, ни его келейникъ Іосифъ, ни патріархъ Гермогенъ. Но тотъ же самый текстъ указываетъ на близость автора къ Филарету; религіозное міросозерцаніе автора обличаетъ въ немъ лицо духовное. Подобныя обстоятельства нисколько не противорѣчатъ тому предположенію, что Лѣтописецъ могъ быть составленъ при дворѣ Филарета,—и это очень важно. Если приведенныя нами выше указанія на лѣтописную дѣятельность московскихъ патріарховъ заслуживаютъ довѣрія и если искать въ письменности XVII вѣка патріаршую лѣтопись о событіяхъ XVI—XVII вѣковъ, то прежде всего придется указать на Новый Лѣтописецъ, потому что никакой другой исторической памятникъ, намъ извѣстный, не можетъ претендовать на подобное значеніе. Новый же Лѣтописецъ легко могъ быть написанъ какимъ нибудь священникомъ или монахомъ изъ патріаршаго штата. Онъ и сохранился до насъ въ первоначальномъ видѣ именно въ патріаршемъ списокѣ лѣтописи.

Новымъ Лѣтописцемъ завершается рядъ наиболѣе замѣтныхъ литературныхъ произведеній о смутѣ, составленныхъ при Михаилѣ Теодоровичѣ современниками и очевидцами смутной эпохи. Отъ обозрѣнія этого Лѣтописца мы могли бы перейти къ перечню болѣе мелкихъ и позднѣйшихъ произведеній о смутѣ, еслибы не считали себя обязанными дать нѣсколько замѣчаній о томъ любопытномъ па-

мятникъ письменности XVII вѣка, который до сихъ поръ зачислялся въ ряды литературныхъ произведеній лишь по недоразумѣнiю. Разумѣемъ такъ-называемый Столяровъ хронографъ, принадлежавшій Карамзину и отъ него получившій свое названiе ¹⁾. Изъ обстоятельнаго описанiя этого хронографа, даннаго А. Н. Поповымъ, узнаемъ, что по составу своему онъ представляетъ сборникъ различныхъ историческихъ повѣствованiй, ничѣмъ не связанныхъ между собою ²⁾. Многiя части этого сборника общеизвѣстны и мало любопытны. Но среди нихъ находится повѣствованiе о событiяхъ 1604—1644 годовъ, къ которому Карамзинъ и Поповъ отнесли съ большимъ вниманiемъ. Карамзинъ нерѣдко пользовался его данными при обработкѣ XII тома своей Исторiи, а Поповъ, признавая это повѣствованiе частью „какого-то неизвѣстнаго лѣтописнаго сочиненiя“, оригинальнаго и самобытнаго, издалъ его цѣликомъ ³⁾. Это же самое сочиненiе, какъ можно думать, было извѣстно и П. И. Мельникову подъ именемъ Лобковского хронографа ⁴⁾. Всѣ названные изслѣдователи считали разбираемое повѣствованiе памятникомъ литературнаго творчества и называли его „хронографомъ“. Истинный же характеръ произведенiя опредѣленъ былъ А. И. Маркевичемъ который видѣлъ въ немъ довольно полную разрядную книгу частнаго происхожденiя ⁵⁾.

Знакомясь съ содержанiемъ памятника, мы убѣждаемся въ пол-

¹⁾ *Карамзина* Ист. Гос. Росс., XII, прим. 46.

²⁾ *А. Н. Попова* Обзоръ хронографовъ р. редакцiи, II, стр. 252—256. Въ основу сборника положена первая редакцiя Хронографа, дополненная извѣстiями Хронографа 1617 года, Новаго Лѣтописца и другихъ произведенiй XVII в. Сборникъ подписанъ рукою владѣльца „Спасскаго игумена Корнилiя, что въ Арзамасѣ“. Корнилiй былъ игуменомъ Спасскаго Арзамасскаго монастыря въ 1646—1661 годахъ (*Строева* Списки Иерарховъ, ст. 616). Къ этимъ годамъ и должно относить составленiе сборника, хотя онъ и дополнялся позднѣйшими замѣтками до 1668 года.

³⁾ Изборникъ, стр. 321—379.

⁴⁾ *П. И. Мельникова* „Нѣсколько новыхъ свѣдѣнiй о смутномъ времени“ и т. д. въ *Москвитянинѣ* за 1850 годъ, № 21, ноябрь, кн. I, стр. 1—12.—Мельниковъ, излагая данныя о смутѣ, найденныя имъ въ хронографѣ А. И. Лобкова, замѣтилъ, что этотъ хронографъ „цѣлыми страницами схожъ“ съ хронографомъ Столяра (*Карамзина* Ист. Гос. Росс., XII, пр. 100, 116, 117, 132, 133, 134 и др.). Дѣйствительно, сличая данныя Мельникова съ текстомъ Столярова хронографа въ Изборникѣ, убѣждаемся въ полномъ тождествѣ текстовъ. Къ сожалѣнiю, въ статьѣ Мельникова нѣтъ обстоятельнаго описанiя Лобковскаго рукописи.

⁵⁾ *А. И. Маркевича* О мѣстничествѣ. Ч. I, Киевъ. 1879, стр. 755—756.

ной справедливости такого опредѣленія. Повѣствованіе о смутѣ Столярова хронографа есть дѣйствительно разрядная книга. Это видно, во первыхъ, уже изъ того, что нѣкоторыя ея показанія слово въ слово были приводимы Карамзинымъ прямо изъ разрядныхъ книгъ, раньше, чѣмъ ему сдѣлался извѣстенъ хронографъ Столяра ¹⁾. А во вторыхъ, повѣствованіе о смутѣ Столярова хронографа всѣмъ строемъ своимъ свидѣтельствуетъ, что цѣлью его автора было не изложить исторію смуты, а собрать возможно большее число дѣловыхъ, иногда очень мелкихъ замѣтокъ о разнаго рода назначеніяхъ, мѣстническихъ случаяхъ и замѣчательныхъ событіяхъ въ сферѣ служебной. Поэтому авторъ обходитъ въ своемъ изложеніи многія выдающіяся событія смуты. Такъ, у него почти вовсе нѣтъ свѣдѣній о походе Отрепьева; очень кратко говорится и о самомъ царствованіи самозванца; но при этомъ весьма подробно записаны назначенія воеводъ противъ Лжедмитрія при царяхъ Борисѣ и Ѳеодорѣ Борисовичѣ, не забыта также и та частности, что самозванецъ „въ 114 году... велѣлъ всѣмъ городамъ верстати помѣстными оклады и денежными оклады“ ²⁾. О перенесеніи мощей царевича Дмитрія въ Москву не говорится вовсе; но съ большимъ стараніемъ отмѣчается, что во время похода царя Василія на Тулу, „Разрядъ былъ весь съ царемъ Васильемъ“, и что Иванъ Кровковъ, общавшій затопить Тулу, обратился съ своимъ предложеніемъ именно въ этотъ Разрядъ: „въ государевѣ Разрядѣ дьякомъ подалъ челобитную“. Точно также о существованіи Разрядной избы и другихъ приказовъ въ подмосковныхъ земскихъ ополченіяхъ говорится не одинъ разъ, а о началѣ нижегородскаго ополченія находимъ рассказъ далеко не полный и притомъ односторонній. И здѣсь авторъ все свое вниманіе обращаетъ на внѣшнюю организацію дѣла, на то, какъ устроены были служилые люди, пришедшіе служить нижегородцамъ, и какое денежное жалованье они получали отъ Пожарскаго и Минина ³⁾. Такимъ образомъ авторъ является въ своемъ повѣствованіи не историкомъ, желающимъ послѣдовательно изобразить крупнѣйшія событія прошлаго, а служилымъ человѣкомъ, ведущимъ разрядную лѣтопись, въ которую онъ заносилъ съ одинаковымъ вниманіемъ и служебныя

¹⁾ См. выписки изъ Разрядныхъ книгъ въ Ист. Гос. Росс., XI, прим. 285 (Изборникъ, ст. 326—327), прим. 304 (Изб., 327), прим. 311 (Изб., 327).

²⁾ Изборникъ, стр. 323—329.

³⁾ Изборникъ, стр. 335, 337, 351—352, 353.

мелочи, и великія историческія событія. Если же обратимъ вниманіе на полное отсутствіе въ повѣствованіи всякой риторики, даже всякой попытки къ построенію стройнаго литературнаго изложенія (разсказъ ведется погодно и не всегда послѣдовательно), то убѣдимся въ томъ, что имѣемъ дѣло не съ литературнымъ сказаніемъ, а съ разрядною книгой.

Опредѣлить точно происхожденіе этой разрядной книги намъ кажется невозможнымъ. Офіціальныя разряды въ смуту не велись ¹⁾, поэтому повѣствованіе Столярова хронографа должно считать произведеніемъ частнаго лица. Объ этомъ же говорятъ намъ и находящіяся въ произведеніи многочисленныя вставки лѣтописнаго характера, не имѣющія вида офіціальныхъ разрядныхъ записей (онѣ-то и были причиною того, что разрядная книга сочтена была за хронографъ). Можно думать, что та часть повѣствованія Столярова хронографа, которая посвящена событіямъ смуты, была составлена современникомъ и очевидцемъ. Только очевидецъ могъ дать такое живое описаніе, какое находимъ въ разсказѣ о народномъ сборищѣ на Красной площади, когда читались въ Москвѣ грамоты самозванца ²⁾. Только современникъ могъ знать такія частности о постриженіи царя Василя, какія сохранились въ разбираемомъ произведеніи ³⁾. Однако, какъ ни вѣроятны подобныя догадки, вопросъ о происхожденіи памятника ими не разрѣшается: на основаніи ихъ можно только утверждать, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ раннимъ, которое составлялось пли въ самую смуту, или не позднѣе времени царя Михаила Феодоровича, и было доведено путемъ постепенныхъ приписокъ до 1644 года, на которомъ и прерывается повѣствованіе ⁴⁾.

¹⁾ Русск. Ист. Сборникъ подъ ред. Погодина, II, стр. XVI—XVII; „со 113 году какъ пришелъ къ Москвѣ воръ розстрига Гришка Отрепьевъ... по 121 годъ, по царство В. Гос. Царя и В. Кн. Михаила Феодоровича всеа Русія разряды не писываны“.—См. также П. Н. Милюкова „Офіціальныя и частныя редакціи древнѣйшей Разрядной книги“ въ *Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1887 г., II, стр. 4—5.

²⁾ Заборникъ, стр. 328.

³⁾ Изборникъ, стр. 346—347.

⁴⁾ П. И. Мельниковъ замѣчаетъ, что „судя по тѣмъ подробностямъ, съ какими лѣтописатель говоритъ о нижегородскихъ и арзамасскихъ происшествіяхъ, надобно полагать, что хронографъ писанъ въ здѣшнихъ мѣстахъ“ (*Москвитянинъ* за 1850 г. № 21, стр. 1). Если сопоставить съ этимъ замѣчаніемъ то обстоятельство, что экземпляръ Карамзина принадлежалъ арзамасскому игумну, а экземпляръ Лобкова приобрѣтенъ имъ въ Нижнемъ, то догадка Мельникова получаетъ полную вѣроятность.

Характеръ памятника выводитъ его изъ круга тѣхъ литературныхъ произведеній, которымъ посвященъ нашъ трудъ. Для надлежащей оцѣнки показаній Столярова хронографа мы должны были бы войти въ сличеніе и изслѣдованіе различныхъ редакцій разрядныхъ книгъ за смутное время, которыя еще далеко не приведены въ извѣстность и не имѣютъ близкаго отношенія къ памятникамъ, нами изучаемымъ. Что же касается до тѣхъ мѣстъ Столярова хронографа, которыя приближаются къ лѣтописнымъ показаніямъ, то они представляются намъ весьма цѣннымъ историческимъ матеріаломъ. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, достаточно вспомнить находящееся въ памятникѣ обстоятельное описаніе походовъ и битвъ въ борьбѣ Годуновыхъ съ самозванцемъ и В. Шуйскаго съ мятежниками; далѣе, подробные рассказы о сверженіи Шуйскаго и о постриженіи его; цѣнныя показанія о грамотахъ Гермогена въ смуту; рассказы о сожженіи Москвы, о смерти Ляпунова и о третьемъ самозванцѣ; наконецъ, нѣкоторыя подробности о нижегородскомъ ополченіи ¹⁾. Всѣ эти показанія Столярова хронографа по своей обстоятельности и правдивости мало чѣмъ уступаютъ Новому Лѣтописцу и даютъ разбираемой разрядной книгѣ весьма почетное мѣсто въ ряду русскихъ неофициальныхъ памятниковъ смутной эпохи.

¹⁾ Изборникъ, стр. 346—347, 349, 350—352, 553, 354—355.

V.

Произведенія, рассмотрѣнныя въ предыдущихъ главахъ нашего труда, представляютъ собою наиболѣе цѣнный историческій и литературный матеріалъ сравнительно съ прочими сказаніями о смутѣ, завѣщанными намъ XVII вѣкомъ. По времени составленія всѣ они болѣе или менѣе близки къ смутной эпохѣ. Одни изъ нихъ тѣмъ и драгоцѣнны, что были составлены въ самую смуту; другія отличаются или богатствомъ содержанія, или оригинальными взглядами на эпоху, значеніе которыхъ заключается въ томъ, что они были высказаны современниками смуты; третьи, наконецъ, возбуждаютъ интересъ личностью автора. Въ массѣ другихъ сказаній о смутѣ, извѣстныхъ намъ, мы уже не найдемъ такихъ цѣнныхъ памятниковъ, которые могли бы по своему значенію стать рядомъ съ разобранными нами выше. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣтимся или съ произведениями довольно ранними, но имѣющими лишь второстепенный интересъ, или же съ памятниками позднѣйшими, не восходящими ранѣе половины XVII вѣка. Одни изъ нихъ, сохраняя литературную самостоятельность, изображаютъ или отдѣльный фактъ, или отдѣльное лицо смутной эпохи; если же рассказываютъ о смутѣ вообще, то вводятъ въ повѣствованіе легендарный элементъ. Другіе же пользуются текстами болѣе ранними и механически соединяютъ отрывки разнохарактерныхъ произведеній въ компилятивные рассказы. Иногда, впрочемъ, повѣствованіе какого-нибудь ранняго писателя подвергается литературной переработкѣ и дополняется вставками позднѣйшаго книжника.

Длинный рядъ этихъ второстепенныхъ и позднѣйшихъ произве-

деній мы пройдемъ краткими характеристиками. Обиліе текстовъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, и отсутствіе точныхъ указаній на время появленія многихъ изъ нихъ—заставляютъ насъ замѣнить хронологическій порядокъ въ размѣщеніи памятниковъ нѣкоторой ихъ систематизаціей. Прежде всего мы рассмотримъ памятники литературно-самостоятельные; не рискуя впасть въ большую неточность, можно сказать, что всѣ они имѣютъ характеръ біографическій, посвящены изображенію жизни и дѣятельности отдѣльныхъ лицъ смутнаго времени. Затѣмъ обратимся къ обзору компилятивныхъ произведеній, основанныхъ на извѣстныхъ уже намъ трудахъ о смутѣ. И наконецъ, представимъ краткія замѣчанія о мѣстныхъ сказаніяхъ, касающихся смуты.

1. Перечень памятниковъ біографическаго характера мы начнемъ такимъ произведеніемъ, которое по своему заглавію посвящено не лицу, а факту. Это пространное Сказаніе о поставленіи на патріаршество Филарета Никитича ¹⁾). Состоитъ оно изъ двухъ неравныхъ по объему частей: въ первой, меньшей, рассказывается о постепенномъ утвержденіи благочестія на Руси, о дѣятельности первыхъ русскихъ патріарховъ и о судьбѣ Филарета до возведенія его на патріаршество ²⁾). Во второй, болѣе части описывается возведеніе Филарета въ патріархи и приводится цѣликомъ „грамота благословенная“ освященнаго собора объ избраніи Филарета и чинъ нареченія и поставленія его на патріаршескій престолъ ³⁾). Все произведеніе носитъ характеръ официальнаго панегирика патріарху Филарету, и первая часть его, въ которой изложена исторія патріаршества въ Россіи, служитъ только введеніемъ въ этотъ панегирикъ. Вотъ почему мы причислили разбираемый памятникъ къ разряду тѣхъ произведеній, которыя посвящены лицамъ смутнаго времени.

Къ исторіи смуты нѣкоторое отношеніе можетъ имѣть только вступительная часть Сказанія. Въ ней находимъ прежде всего восторженный отзывъ о царѣ Феодорѣ, благосклонную характеристику

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист., II, № 76.—Повѣствованіе это напечатано по ркп. Моск. Синодальной Библіотеки, писанной въ листъ, скорописью конца XVII в., со многими украшеніями, на 117 лл. Не приводимъ полнаго заглавія памятника; оно очень обширно.

²⁾ Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 185—200.

³⁾ Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 200—221.

патріарха Іова и полное осужденіе Бориса. Авторъ, давая характеристику Годунова, упоминаетъ только о двухъ его дѣяніяхъ: убійствѣ цар. Дмитрія и гоненіи на Романовыхъ ¹⁾. Обходя время самозванца („яже о воцареніи того инѣмъ оставляю“,—говоритъ авторъ,—„повеже Лѣтописная книга пространно сія написа“), сказатель обращается къ В. Шуйскому, которому сочувствуетъ за то, что онъ „устраиваетъ“ Филарета ростовскимъ митрополитомъ ²⁾, и за то, что онъ будто бы самъ понялъ необходимость удалиться отъ царства во избѣжаніе кровопролитія ³⁾. Въ обзорѣ дальнѣйшихъ событийъ вниманіе автора вполне занято судьбою Филарета. Авторъ витиевато повѣствуетъ о его посольствѣ къ Сигизмунду и о девятилѣтнихъ страданіяхъ въ польскомъ плѣну. Краткія замѣчанія объ общемъ ходѣ смуты вводятся въ разсказъ для того только, чтобы лучше освѣтить патриотическую дѣятельность Филарета картиною общей шатости и разоренія Руси. При такомъ служебномъ значеніи общео историческихъ показаній понятнымъ становится отсутствіе всякой въ нихъ послѣдовательности. Авторъ упоминаетъ, напримѣръ, о страданіяхъ и смерти Гермогена раньше, чѣмъ о сожженіи Москвы; дѣятельность Жолкѣвскаго и Гонсѣвскаго въ Москвѣ онъ представляетъ одновременною. Разсказъ автора о смутѣ не даетъ ничего исторически цѣннаго, и для біографіи Филарета нѣтъ въ немъ ни одной такой подробности, которой бы не было въ Новомъ Лѣтописцѣ. Такимъ образомъ историческаго значенія разбираемое произведеніе не имѣетъ.

Происхожденіе Сказанія намъ не извѣстно. Общій характеръ его повѣствованія указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ официальнымъ, которое всего скорѣе могло быть написано при патріаршемъ дворѣ. Нѣкоторый намекъ на время его составленія за-

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 194—195.—Любопытно показаніе автора о томъ, что Борисъ къ Романовымъ „исперва любовно присоединяся и клятву страшну тѣмъ сотвори, яко братію и царствію помощника имѣти“. Объ этомъ показаніи мы уже упоминали при разборѣ Повѣсти Катырева.

²⁾ Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 196.— Мы уже видѣли, что Филаретъ сталъ ростовскимъ митрополитомъ при самозванцѣ, а не при Шуйскомъ (ср. Изборникъ А. Н. Попова, стр. 194, и Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 110).

³⁾ Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 196: Царь Василій „уразумѣвъ себя повинна быти таковому... и сего ради оставляетъ царствіе и во иноческа я облачится, лутче судивъ стяжати небесное богатство,... нежели имѣти привременное царство“... Нѣтъ нужды опровергать такое представленіе о Шуйскомъ.

ключается въ ссылкѣ автора на „Лѣтописную книгу“, содержащую въ себѣ „пространный“ разсказъ о воцареніи самозванца. Если подѣ этою „книгою“ разумѣть Новый Лѣтописецъ (а это всего вѣроятнѣе), то нужно отнести составленіе Сказанія ко времени послѣ 1630 года. Есть даже поводъ думать, что Сказаніе было написано послѣ смерти царя Михаила: о царѣ Михаилѣ въ Сказаніи нигдѣ не говорится, какъ о человѣкѣ еще живущемъ; напротивъ, въ его характеристикѣ находятся такіа выраженія: „бѣ же Михаилъ добръ, образомъ красенъ и очима свѣтель... и нравомъ зѣло преудобенъ, милостивъ же и кротокъ и тихъ“¹⁾. Такая форма отношенія къ личности государя могла явиться скорѣе по смерти его, чѣмъ при его жизни.

Рядомъ съ произведеніемъ о Филаретѣ можно поставить произведение о М. В. Скопинѣ-Шуйскомъ, извѣстное подѣ названіемъ: О роженіи князя Михаила Васильевича²⁾. Оно уже подверглось нѣкоторой оцѣнкѣ со стороны изслѣдователей. А. Н. Поповъ считаетъ его „въ высшей степени интереснымъ“ памятникомъ: по словамъ Попова, „несмотря на бѣдность сообщаемыхъ въ немъ фактовъ, оно интересно по своей литературной формѣ, по совмѣщенію книжныхъ пріемовъ съ народною думою о смерти Скопина-Шуйскаго“. В. С. Иконниковъ также указывалъ на двойственность литературныхъ пріемовъ въ этомъ произведеніи, а Л. Н. Майковъ изслѣдовалъ ту часть произведенія, которую онъ призналъ отрывкомъ изъ народной быliny, — именно разсказъ объ отравленіи князя Михаила³⁾. Но ни одинъ изслѣдователь не опредѣлилъ точно времени и обстоятельствъ происхожденія всего памятника; и самый текстъ его не заключаетъ въ себѣ ни хронологической даты, ни указаній на автора.

Изученіе памятника позволяетъ намъ сдѣлать нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о его составѣ. Первые страницы произведенія, повѣствующія несма кратко о рожденіи, дѣтствѣ и подвигахъ Скопина до Калязинской битвы съ тушинцами, представляютъ собою,

¹⁾ Доп. въ Акт. Ист. П., № 76, стр. 199.

²⁾ Издано въ Изборникѣ А. Н. Попова, стр. 379—388 (Отрывокъ въ „Памятникахъ старинной русск. литературы“ подѣ редакціей Н. И. Костомарова, II, стр. 410—411).

³⁾ А. Н. Попова Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 257.—В. С. Иконникова „Кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій“ въ *Чтеніяхъ въ Ист. Обществѣ Нестора Лѣтописца*, I, стр. 159—160.—Л. Н. Майкова „О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ и былинъ“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1880 г., ноябрь, стр. 209—211.

насколько мы можем судить, самостоятельный рассказ благочестиваго книжника, обильный ссылками на Св. Писаніе ¹⁾). Пространное описаніе Калязинской битвы, слѣдующее за нимъ, дословно взято изъ Сказанія Авраамія Палицына ²⁾). Рассказъ объ отравленіи и смерти Скопина сохранилъ намъ, какъ это указано Л. Н. Майковымъ, отрывокъ старинной былинны съ соблюденіемъ даже ея стихотворнаго склада ³⁾). Повѣствованіе о погребеніи Скопина, составляющее центръ всего Сказанія, носитъ на себѣ черты книжнаго эпическаго творчества ⁴⁾) и было, вѣроятно, написано современникомъ событія, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ частностям: авторъ знаетъ имена дѣйствующихъ лицъ и сообщаетъ много мелочныхъ подробностей событія ⁵⁾).

¹⁾ Изборникъ, стр. 379—381.—Эта часть повѣствованія очень бѣдна содержаніемъ, и В. С. Иконниковъ въ своей монографіи о Скопинѣ могъ взять изъ нея весьма немногія данныя.

²⁾ Сравни Изборникъ, стр. 382, и Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 190—193 (до словъ: „подъ Колязинъ монастырь со мноюю корыстію“). Авторъ Сказанія о Скопинѣ не сумѣлъ даже сдѣлать толковаго перехода отъ словъ Палицына къ дальнѣйшему повѣствованію. Обращаясь прямо къ исторіи отравленія Скопина и пропуская всѣ подробности его пріѣзда въ Москву, авторъ помѣщаетъ только слѣдующую, лишнюю яснаго смысла, фразу: „Егда той воинъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйскій послушавъ царя и пріѣхалъ въ царствующій градъ Москву изъ слободы Александровы (ранѣе о слободѣ не говорилось) и напрасно грѣхъ ради нашихъ и родишася боярину кн. И. М. Воротыяскому сынъ княжевичъ Алексѣй, и не дошедъ дву мѣсяцъ по чотыредесять роженію бысть князь Михайло крестнымъ кумомъ“..... (Изборникъ, стр. 382—383).

³⁾ Изборникъ, стр. 383.—Памятники старинной русск. литературы, II, стр. 410—411.—*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1880 г., ноябрь, стр. 209—211.—Сравни Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя *Кириемъ Даниловымъ*, изд. 3-е, М. 1878, стр. 191—193.

⁴⁾ Изборникъ, стр. 383—387. Эпическій складъ произведенія ярче всего обнаруживается въ обычаяхъ автора впадать длинныя рѣчи въ уста дѣйствующихъ лицъ. Въ условныхъ, поэтическихъ формахъ представляетъ авторъ многія частности, напримѣръ, горе царя Шуйскаго, который „егда отъ погребанія возвратися и пришедъ въ полату свою, и на златъ столъ свой царскій ницъ падъ и плачася, захлипяся горко, смоча слезами столъ, слезы на полъ со стола каплюще“ (Изборникъ, стр. 387). Тѣ же формы поэтическаго представленія находимъ и немногимъ ниже: „И тѣ же княгини, мати его (Скопина) и жена, пришедше въ домъ свой и падше на столъ свой ницъ, плакахуся горце и захлепающе, стениюще и слезами своими столъ уливая“ и т. д.

⁵⁾ Онъ знаетъ, какъ звали жену и мать Скопина (сравни Изборникъ, стр. 383 и 387, и *Чтенія въ Ист. Общ. Нестора*, I, стр. 105—106 и 160); вполне удовлетворительно объясняетъ, почему тѣло Скопина не отвезли въ Суздаль (Изборникъ, стр. 385); сообщаетъ даже такія подробности о днѣ погребенія князя:

Наконецъ, краткая замѣтка о Клушинской битвѣ и взятіи Новгорода, заключающая собою Сказаніе, рѣзко отличается отъ прочихъ частей произведенія простотою языка и представляется намъ лѣтописною замѣткою, ввятою въ Сказаніе со стороны ¹⁾.

Такимъ образомъ становится ясно, что разбираемый памятникъ не есть цѣльное произведеніе. Его смѣло можно назвать сборникомъ самыхъ разнообразныхъ отрывковъ, и если нѣкоторыя его части могутъ считаться разказами очевидца, то внесенный въ него отрывокъ Сказанія Палицына ясно свидѣтельствуетъ, что въ полномъ своемъ составѣ произведеніе возникло не ранѣе 1620 года. Историческими данными разбираемый памятникъ очень бѣденъ, какъ уже замѣтилъ А. Н. Поповъ; съ литературной же стороны мы назвали бы его компиляціей, еслибы могли доказать, что авторъ сборника не самъ составилъ его главную часть—повѣствованіе о погребеніи князя Скопина.

Къ біографіямъ причисляемъ мы и Исторію о первомъ Іовѣ, патріархѣ московскомъ, хотя авторъ и придалъ ей характеръ житія „уже во святыхъ отца нашего святѣйшаго Іова, патріарха Московскаго и всея Россіи чудотворца“ ²⁾. Литературная форма этого житія отстуетъ, по признанію В. О. Ключевскаго, „отъ стараго стиля житій“ ³⁾, а содержаніе памятника, лишенное агіографическаго колорита, почти все исчерпывается характеристикой Іова, какъ человѣка и дѣятеля. Авторъ начинаетъ свое повѣствованіе очень короткимъ перечнемъ внѣшнихъ данныхъ для біографіи патріарха, сообщая, когда и какія церковныя должности проходилъ Іовъ ⁴⁾. За этимъ въ Исторіи слѣдуетъ очень любопытная оцѣнка добродѣтелей патріарха, и авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается

„второму часу наставшу и паки стекается всенародное множество со всего Московскаго царства, понеже во вчерашній день не въсмъ въ слухи видоша и невѣдомо, гдѣ погребенъ будетъ“ (Изборникъ, стр. 385—386).

¹⁾ Изборникъ, стр. 387—388.

²⁾ Лучшій изъ извѣстныхъ намъ списковъ въ рукописи Саввина-Сторожевскаго монастыря № 5, въ 4 д., полууставомъ, 67 л., лл. 40—67 об. (*Строевъ* зналъ рукопись подъ старымъ № 196: Библіол. Словарь, стр. 333; истр. *Макарій*—подъ № 84: Ист. р. церкви, X, стр. 55. Копія съ этого списка руки *Строева* въ Румянц. Музеѣ, по описанію *Востокова* № 39).—Другіе списки: 1) ркп. Румянц. Музея, по описанію *Востокова* № 156, въ 4-ю д., полууставомъ, 7214 (1706) года, безъ конца, и 2) ркп. В. М. Ундольскаго № 1110 (см. „Слав.-русскія рукописи Ундольскаго“, стр. 22; этого списка мы не видѣли).

³⁾ Древнерусскія житія святыхъ, стр. 465.

⁴⁾ Ркп. Саввина мон., лл. 40—43 об.

на ней на томъ основаніи, что, по его словамъ: „индѣ бо о немъ (Іовѣ) нигдѣ не писано“. Іовъ владѣлъ рѣдкимъ знаніемъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, служилъ всегда напзустъ и съ замѣчательнымъ чувствомъ; вель воздержную жизнь и строго постился; отличался полнымъ смиреніемъ и кротостью; „во дни же убо его не обрѣтесе чловѣкъ подобенъ ему ни образомъ, ни нравомъ, ни гласомъ, ни похожденіемъ, ни вопросомъ, ни отвѣтомъ“. Патріаршій санъ не измѣнилъ натуры Іова, и онъ остался тѣмъ же кроткимъ чловѣкомъ: „лѣнвивыхъ никакоже никогда царю не оглашая и никого никогда же не оскорбляя, ни стужая никому, но всѣхъ милуя и превзлшшно питаа“¹⁾. Смиреніемъ патріарха думаетъ авторъ объяснить и всѣ особенности его политической дѣятельности. Когда Борисъ Годуновъ воцарился „многимъ кознодѣйствомъ“, его темныя дѣла стали извѣстны народу и соблазняли его. Многіе люди упрекали Іова въ томъ, что онъ „молчитъ“ передъ Борисомъ; но Іовъ только плакалъ и не могъ стать „обличникомъ“ Бориса²⁾. Не сталъ онъ прямо противъ Годунова и тогда, когда

¹⁾ Ркп. Саввина мон., лл. 43 об.—47.

²⁾ Приводимъ цѣликомъ это любопытное мѣсто Исторіи: „По смерти же царя Феодора Іоанновича хотя или не хотя воцарился правитель Борисъ Феодоровичъ многимъ кознодѣйствомъ. Патріарху же Іову та вся новотворимая царемъ Борисомъ видѣ, а иная дѣла явна бываемая, вся уразумѣваемая представляхуся. Мнози бо людіе стужаху ему, глаголюще: что, отче святый, новотворимое сіе видѣши, а молчиши? И совѣсть сердца его яко стрѣлами устрѣлено бываше и не могій что сотворити, еже съмена лукавствія съема видя и, винограда Христова дѣлатель сый, изнеможе, токмо къ Господу Богу единому взирая, ниву ту недобрую слезами обливаше. Быстръ (можетъ быть: бысть) убо и строптивъ сей царь Борисъ и не хотя видѣти обличника себя: тѣмъ же непороченъ единъ путь ходити оставивъ и во два пути хождаше“ (Ркп. Саввина мон., л. 47—47 об.). Очевидно, что здѣсь подъ словами „та вся новотворимая царемъ Борисомъ“ нельзя разумѣть культурныхъ новшествъ Бориса (о которыхъ авторъ выше не говорилъ ни слова), а слѣдуетъ понимать событіе политическое— узурпацію Борисомъ престола путемъ преступленій. Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ тѣмъ толкованіемъ, какое далъ приведенному мѣсту памятникъ С. М. Соловьевъ въ заключительныхъ строкахъ первой главы VIII т. Исторіи Россіи (по изд. 1873 г. стр. 57.—Сравн. *Макарія* Ист. р. церкви, X, стр. 89). Мы лично думаемъ, что весь приведенный нами рассказъ составляетъ позднѣйшее произвольное распространеніе словъ самого Іова въ его духовномъ завѣщаніи: „въ мнози скорби и въ печали впадохъ о преставленіи.... царя.... Феодора Іоанновича.... и всяко вещемъ сопротивное нападе на мя озлобленіе, и клеветы, укоризны, рыданіяжъ и слезы, сія убо мене смиреннаго достигоша“ (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 82, стр. 161).

развились доносы и погибало много невинныхъ людей: патриархъ только молился и просилъ народъ „дабы престаи отъ всякаго зла дѣла, паче же отъ доводовъ и отъ ябедничества; и бѣ ему непрестанныя слезы и плачь непостижный“¹⁾. Мужественно ополчился Іовъ только противъ самозванца, котораго авторъ Исторіи называетъ еретикомъ и волхвомъ. Патриархъ „съ горкими слезами глаголаше народомъ“, что онъ зналъ Отрепѣева давно,—„какъ въ Чудовѣ монастырѣ былъ и какъ въ келии у него жилъ“ этотъ еретикъ. Ничто однако не помогло Іову: клеветы самозванца свергли его съ престола, чернь разграбила его дворъ, и патриархъ едва „умолилъ, дабы разстрига его отпустилъ на обѣщаніе свое въ городъ Старицу во Успенской монастырь“²⁾. Въ Старицѣ Іовъ былъ встрѣченъ извѣстнымъ архимандритомъ Діонисіемъ, который, „невѣдый, что сотворити великому пастырю“, спрашивалъ Іова, „что укажетъ еже о себѣ творити“. Прежнее смиреніе не покинуло патриарха и въ ссылкѣ; въ молитвахъ окончилъ онъ свою жизнь въ Старицкомъ монастырѣ, окруженный заботами Діонисія³⁾.

Такъ кончаетъ авторъ главную часть своего труда—жизнеописаніе патриарха. Вслѣдъ за рассказомъ о погребеніи Іова начинается отрывочное повѣствованіе о чудесахъ его, между которыми особенно

¹⁾ Ркп. Саввина мон., л. 49—49 об. — Предъ этимъ заявленіемъ авторъ въ обширной вставкѣ рассказываетъ объ убійствѣ цар. Димитрія, о московскомъ пожарѣ 1591 г. и о развитіи доносовъ при Борисѣ. Онъ самъ указываетъ источникъ своего разсказа: „о сихъ всѣхъ злыхъ бѣдахъ писано пространно во Исторіи въ монастырѣ Сергія чудотворца“ (сравни. Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 3—6, 8—9, и Ркп. Саввина мон., лл. 48—49). Авторъ не строго держался своего источника: онъ, напримѣръ, обвиняетъ Бориса въ поджогѣ Москвы, чего не дѣлаетъ Палицынъ; но въ общемъ его разсказъ близокъ къ тексту Палицына.

²⁾ Разсказъ автора о похищеніяхъ самозванца не представляетъ ничего любопытнаго и повторяетъ по большей части данныя Новаго Лѣтописца (Ник. Лѣт. VIII, 54—56). За то любопытны нѣкоторыя подробности сверженія Іова съ престола (Ркп. Саввина мон., лл. 52—54 об.). Этими подробностями уже воспользовался митроп. *Макарій* въ своей Исторіи р. церкви (т. X, стр. 92—93), и потому мы не приводимъ здѣсь выписокъ. Случая повѣствованіе Исторіи Іова съ „прощальною грамотою“ Іова 1607 г. (Акты Арх. Эксп. II, № 67, стр. 153—154), неволью приходимъ къ догадкѣ, что извѣстія о насиліяхъ надъ патриархомъ и о разграбленіи его двора взяты авторомъ Исторіи изъ патриаршей грамоты и литературно переработаны.

³⁾ Данныя разбираемаго памятника объ отношеніи Діонисія къ Іову приведены и оцѣнены митроп. *Макаріемъ* (Ист. р. церкви, X, стр. 95—96).

достойны вниманія явленіе патріарха арх. Діонисію и исцѣленіе жителя Старицы Іоанна Іоанновича Тулупова. Іовъ явился Діонисію съ такою рѣчью: „поставили вы надъ гробомъ моимъ палатку не по моему приказу: мнѣ де палатка строить не тѣмъ переводомъ“ ¹⁾. Чудо исцѣленія, совершившееся надъ Тулуповымъ, произошло во время разоренія Старицы тушинцами въ 1609 году; нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что этотъ Иванъ Тулуповъ одно лицо съ извѣстнымъ монахомъ Германомъ Тулуповымъ, написавшимъ Миней Четьи и происходившимъ такъ же изъ Старицы ²⁾. За чудесами въ Исторіи Іова слѣдуетъ разсказъ о перенесеніи тѣла патріарха въ Москву въ 1652 году и, наконецъ, Исторія заключается повѣствованіемъ о тѣхъ чудесахъ, какія произошли отъ гроба святителя при перенесеніи его мощей ³⁾.

Таково содержаніе разбираемаго памятника. Время его появленія точно опредѣлить нельзя; но нѣтъ сомнѣнія, что всѣ части Исторіи составлены были не раньше 1652 г., когда состоялось перенесеніе мощей патріарха ⁴⁾. Быть можетъ, именно это перенесеніе и послужило поводомъ къ составленію жизнеописанія Іова ⁵⁾. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ сочиненіемъ довольно позднимъ. Авторъ его иногда самъ обнаруживаетъ свои источники, ссылаясь на Сказаніе Палицына, упоминая Житіе преп. Діонисія. Это обстоятельство, свидѣтельствуя о начитанности автора, въ то же время говоритъ намъ, что въ его произведеніи мы не найдемъ непосредственныхъ впечатлѣній очевидца и современника смуты. При такихъ условіяхъ нельзя придавать большаго историческаго значенія показаніямъ Исторіи, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и не встрѣчаются ни въ какихъ другихъ памятникахъ ⁶⁾.

¹⁾ Ркп. Саввина мон., л. 57—57 об.

²⁾ Ркп. Саввина мон., лл. 57 об.—60 об.—*Ключевскаю* Древнерусскія житія святыхъ, стр. 297—298.—Можно думать, что исцѣленный Тулуповъ былъ живъ, когда составлялась Исторія Іова, и былъ близокъ къ автору ея: авторъ иногда зоветъ его дружески однимъ отчествомъ „Іоанновичъ“.

³⁾ Ркп. Саввина мон., л. 61 об.—67 об.

⁴⁾ Въ біографіи Іова авторъ дѣлаетъ ясное указаніе на Житіе пр. Діонисія въ такихъ словахъ: „о архимандритѣ Діонисіи видѣ писано“ (Ркп. Саввина мон., л. 56). Житіе архимандрита Діонисія составлено было, какъ увидимъ ниже, въ 1648—1654 годахъ. Стало быть, и біографія Іова появилась не ранѣе.

⁵⁾ *Ключевскаю* Древнерусскія житія святыхъ, стр. 465.

⁶⁾ Всѣ сколько-нибудь цѣнныя данныя памятника касаются личной жизни Іова и, какъ мы сказали выше, уже извлечены митроп. *Макаріемъ*.

Едва ли мы впадемъ въ грубую ошибку, если предположимъ, что автора Исторіи слѣдуетъ искать среди братіи Троице-Сергіева монастыря. Онъ знаетъ объ архимандритѣ Діонисіи такія частности, какъ видѣніе ему патріарха Іова. Онъ знаетъ тѣ литературныя произведенія, которыя создавались въ Лаврѣ. Очень обстоятельно рассказываетъ онъ объ „Іоанновичѣ“ Тулуповѣ, а монахъ Тулуповъ по порученію Діонисія составилъ свои Минеи-Четы для Троицкаго монастыря и жилъ въ ту же эпоху, когда писалась Исторія о патріархѣ Іовѣ. Какъ ни мелочны всѣ эти черты, онѣ однако производятъ на читателя извѣстное впечатлѣніе: нѣсколько разъ въ Исторіи мелькаютъ имена, связанныя съ жизнью Троицкаго монастыря, тогда какъ о другихъ видныхъ лицахъ современнаго автору общества нѣтъ такихъ отзывовъ, которые способны бы были привлечь наше вниманіе.

Отъ произведеній, носящихъ характеръ біографій, переходимъ къ житіямъ. Между ними для насъ главное значеніе имѣютъ Житія царевича Дмитрія. Самое раннее изъ нихъ составлено было, какъ мы видѣли, въ 1607 году и представляло изъ себя дословный отрывокъ Повѣсти 1606 года, присоединенный къ обстоятельному повѣствованію о перенесеніи мощей царевича въ Москву ¹⁾. Второе житіе Дмитрія составилъ кп. С. И. Шаховской, при чемъ далъ ему характеръ поучительнаго трактата, а фактическую его сторону заимствовалъ изъ Повѣсти Катырева ²⁾. Къ половинѣ XVII вѣка появилась и третья редакція этого житія, въ литературномъ отношеніи мало зависящая отъ двухъ первыхъ. Она была внесена въ Минеи свящ. Іоанна Милютина (1646—1654 гг.) ³⁾ и получала чрезвычайно широкое распространеніе въ спискахъ ⁴⁾. Въ отличіе отъ прочихъ

¹⁾ См. въ первой главѣ нашего труда „Житіе цар. Дмитрія, внесенное въ Минеи Г. Тулупова“.

²⁾ См. въ четвертой главѣ нашего труда разборъ Повѣстей кп. Шаховскаго.

³⁾ Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805 (по указателю арх. *Саввы*), XVII в., въ 4-ю д., скорописью, 1489 лл., лл. 1026—1046. Нач.: „Сей благовѣрный царевичъ“... О Минеяхъ Милютина см. *Ключевскаго Древнерусскія житія святыхъ*, стр. 297—298.

⁴⁾ Укажемъ списки, намъ извѣстные: 1) Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, въ листъ, XVII вѣка, 252 лл., лл. 206 об.—213 об.;—2) Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1612, въ 4 д., XVII в., 215 лл., лл. 189—204;—3) Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 22 (изъ собр. гр. Толстова, отд. П, № 140), XVII и XVIII вв., въ 4-ку, 971 лл., лл. 100—115;—4) Имп. Публ. Библ. Q. I. 762, XVIII в., въ 4 д., 206 лл., лл. 38—52;—5) Библ. С.-Пб. Дух. Академіи Соейск. № 1459 (*Строевъ* зналъ этотъ списокъ подъ „№ 431 изъ Кирилловскихъ“; Библиол. Словарь, стр. 328), XVII в.,

редакцій мы будемъ звать ее Милютинскою редакціей житія, хотя и не рѣшаемся приписать ея составленіе самому Милютину ¹⁾. Въ полномъ своемъ видѣ это Житіе состоитъ изъ трехъ статей: первая рассказываетъ объ убіеніи царевича, вторая—о явленіи его старцу Тихону и о важнѣйшихъ событіяхъ въ Москвѣ до сверженія самозванца, третья же описываетъ перенесеніе мощей святаго.

Что касается до первой, главной части Житія, ²⁾ то она составлена, какъ можно догадываться, по двумъ источникамъ, хотя съ литературной стороны написана самостоятельно. Въ бѣльшей степени

въ 4-ку, 365 лл., лл. 114—135;—6) Библ. С.-Пб. Дух. Акад. Соеійск. № 1493, XVII в., въ 4-ку, 629 лл., л. 535—558;—7) Моск. Публ. Музея № 260, XVII в., въ 8-ку, 96 лл., лл. 1—36;—8) Моск. Публ. Музея № 925, XVII в., въ 4-ку, 215 лл., лл. 115 об.—149;—9) Моск. Публ. Музея, Ундольск. № 303, конца XVII в., въ 4-ку, 20 лл.;—10) Моск. Публ. Музея, Ундольск. № 609, XVII в., въ 4-ку, 447 лл., лл. 168—183;—11) Моск. Публ. Музея, Ундольск. № 623, XVII в., въ 4-ку, 87 лл., лл. 9—31 об.;—12) Моск. Публ. Музея, Ундольск. № 660, XVIII в., въ 4-ку, 227 лл., лл. 210—227;—13) Моск. Публ. Музея, Ундольск. № 1306, XVII в., въ 4-ку, 183 лл., лл. 106—117;—14) Моск. Публ. Музея, Бялев. № 1515, XVII—XVIII в., въ листъ, лл. 84—92.—Не всѣ изъ указанныхъ списковъ одинаково полны и исправны: лучшими намъ представляются тѣ, которые помѣщены въ нашемъ перечнѣ подъ цифрами 1, 5 и 6. — О другихъ спискахъ см. *Барсукова* Источники русск. агиографіи, ст. 154, § 3.—Любопытную попытку дополнить это Житіе данными Новаго Лѣтоисца (Ник. Лѣт. VIII, 19—20) находимъ въ рѣп. Имп. Публ. Библ. Q. I. 877, въ 4-ку, XVII—XVIII в., 71 лл., лл. 44—44 об. (въ этой рукописи смѣшаны отрывки Милютинскаго житія царевича съ тою его редакціею, которая вошла въ Минеи Четьи св. Дмитрія Ростовскаго).

¹⁾ В. О. *Ключевскій* удостоверяетъ, что I. Милютинъ „старался сокращать и даже иногда передѣлывать памятники“ (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 298). Можно было бы повтому предположить, что самъ Милютинъ составилъ Житіе царевича: это Житіе, какъ увидимъ ниже, есть переработка нмногихъ источниковъ; оно является впервые въ сборникъ житій Милютина и не попало еще въ Минеи Тулупова (написавшаго майскую Минею въ 1630 году). Но подобному предположенію мѣшаетъ то обстоятельство, что списокъ Житія въ подлинникъ Минеи Милютина не такъ исправенъ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ, и ничѣмъ не напоминаетъ авторскаго экземпляра. Во всякомъ случаѣ въ Милютинскомъ житіи мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ довольно позднимъ. Авторъ его косвенно даетъ понять, что писалъ уже послѣ патріаршества Филарета; онъ говоритъ, что за мощами царевича Дмитрія „посланъ бысть Филаретъ митрополитъ,... иже послѣди... и самъ патріархъ бысть во всей велицей Россіи“ (Рѣп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 212 об.).

²⁾ Въ спискахъ она носитъ заглавіе: „Мѣсяца маія въ 15 день. Убіеніе благовѣрнаго царевича князя Дмитрія Ивановича Углицкаго и вса Русіи новаго чудотворца“.

авторъ зависѣлъ отъ того сказанія о смерти царевича, которое мы видѣли въ Новомъ Лѣтописцѣ, а въ меньшей степени—отъ Повѣсти 1606 года (или, вѣрнѣе, отъ основаннаго на ней Житія 1607 года). Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь сравнить показанія Житія съ названными памятниками. Начинается оно именно тѣми извѣстіями, какія Житіе 1607 года заимствовало изъ Повѣсти 1606 года. Кратко сказавъ о смерти Грознаго, воцареніи Феодора и объ удаленіи Дмитрія въ Угличъ по Житію 1607 года,—авторъ описываетъ затѣмъ властолюбіе Годунова уже по тому образцу, какой нашель въ Новомъ Лѣтописцѣ. Не заимствуя изъ Лѣтописца фразъ цѣликомъ, онъ считаетъ позволительнымъ брать оттуда отдѣльные обороты рѣчи ¹⁾. За немногочисленными отступленіями и весь строй его изложенія соотвѣтствуетъ той послѣдовательности, какую находимъ въ Лѣтописцѣ. Стремленіе къ краткости заставляетъ автора опустить извѣстія Лѣтописца о томъ, какъ Борисъ тщетно искалъ убійцъ, пока Клешнинъ не нашель ему Битяговскаго ²⁾. Авторъ прямо переходитъ къ описанію смерти царевича. Сообщенія своихъ источниковъ о попыткахъ отравить Дмитрія, онъ передаетъ такъ, какъ будто бы эти попытки дѣлали Битяговскій и его сообщники, не рѣшавшіеся дѣйствовать открыто. При этомъ авторъ уже не видитъ прямого чуда въ томъ, что царевичъ уцѣлѣлъ отъ отравы; онъ замѣчаетъ только, что ради „рождшія и ближнихъ его (царевича) пріятелей и доброхотовъ облюденія, паче же Божіяго ради храненія не возможе (убійцы) тѣмъ своимъ коварствомъ таковѣй смерти пре-

¹⁾ Замыселъ Годунова истребить царскій корень авторъ Житія приписываетъ наущенію дьявола, какъ и авторъ Новаго Лѣтописца, и притомъ въ очень сходныхъ выраженіяхъ: „искони бо ненавидай добра роду человѣческому древній змій сатана... вложи убо во умъ тому Борису... и влагаетъ ему въ сердце злую и нечеловѣческую мысль“... (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 206 об.—207.—Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1027—1027 об.—Сравни. Ник. Лѣт. VIII, 15).

²⁾ Этотъ пропускъ ведетъ автора къ нѣкоторой оплошности. Впослѣдствіи, упоминая о поведеніи Клешнина на слѣдствіи въ Угличѣ, авторъ заявляетъ, что Клешнинъ „вкупъ бо съ нимъ (Борисомъ) бысть и убійца“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 209.—Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1035). Для читателя Житія это замѣчаніе лишено смысла, такъ какъ въ Житіи раньше нѣтъ ни слова о соучастіи Клешнина въ преступленіи. Для насъ же эти слова есть ясный признакъ зависимости Житія отъ Новаго Лѣтописца: злодѣйство Клешнина подробно описано въ одномъ только Новомъ Лѣтописцѣ. Отъ показаній этого послѣдняго авторъ Житія отступаетъ только въ томъ, что зоветъ Волохову не Марью, какъ Новый Лѣтописецъ, а Василисою, какъ Слѣдственное дѣло

дати его^а. Открытое покушеніе на царевича авторъ Житія описываетъ очень кратко, ближе подхода къ Повѣсти 1606 года, чѣмъ къ Новому Лѣтописцу ¹⁾). Дальнѣйшія обстоятельства—погибель убійцы и пристрастное слѣдствіе Клешинина и Шуйскаго—изложены въ Житіи очень близко къ Новому Лѣтописцу. Но въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія авторъ Житія дѣлаетъ легендарную вставку, которая ясно свидѣтельствуетъ о его историческомъ невѣжествѣ. Онъ говоритъ, что самъ царь Феодоръ, находившійся по случаю праздника Пятидесятницы въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, пожелалъ ѣхать въ Угличъ на погребеніе брата. Узнавъ это, Борисъ будто бы велѣлъ зажечь Москву и убѣдилъ Феодора, что его присутствіе въ столицѣ необходимо. Тогда царь Феодоръ возвратился въ Москву, а въ Угличъ послалъ Шуйскаго, къ которому Борисъ присоединилъ Клешинина „и много отъ священническаго чина“. Въ 1591 году праздникъ Пятидесятницы былъ 23-го мая, московскій пожаръ—22-го мая, а слѣдственная комиссія пріѣхала въ Угличъ—19-го мая ²⁾). Сопоставленіе этихъ датъ убѣждаетъ въ несправедливости всего разсказа автора. Первое же отступленіе его отъ текста тѣхъ источниковъ на которыхъ онъ построилъ свое повѣствованіе, оказывается неудачнымъ и ведетъ къ заключенію, что авторъ мало зналъ обстоятельства смерти царевича.

Собственно Житіе царевича оканчивается извѣстіемъ о его погребеніи. Въ первой изъ добавочныхъ статей Житія—о явленіи царевича старцу Тихону ³⁾—авторъ продолжаетъ держаться прежнихъ

¹⁾ „Часть приспѣвше, повелѣша (убійцы) той преждереченней Василисъ, да поведать кормилицѣ его, сирѣчь мамѣ, свести изъ дому исъ хоромъ его: вѣдуще бо окаяннѣи, яко обычай ему есть ходить на играніе дѣтское. И сотвориша та окаянная также, якоже речеся... Они же зли кровоядцы готови на пролитіе неповинныя тоя крови и наскочиша вань, аки волцы немилостивѣи, и сотвориша то прелютное дѣло средѣ двора его. Единъ отъ нихъ емъ его за выю и прерѣза ему гортань. Мати же его благочестивая царица Марія во внутреннихъ своихъ храмахъ сѣдючи, ничто же того свѣдучи, токмо внезапно услыша и узрѣ то сотворенное злое дѣло, борзостно стече долу“... (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 207—207 об.—Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1029—1029 об).—Далѣе разсказъ близокъ къ Новому Лѣтописцу.

²⁾ *Горбачевскаго* Археограф. календарь, табл. 14.—Сказаніе Авр. Палицына, изд. 2-е, стр. 4.—Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 60, стр. 103.

³⁾ Полное заглавіе статьи таково: „О явленіи благовѣрнаго царевича князя Дмитрія Ивановича Углицкаго и Московскаго старцу Тихону и отищеніи крови его“.

источниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ знакомство и съ Повѣстью 1607 года о перенесеніи мощей царевича въ Москву. Послѣ весьма близкаго къ Новому Лѣтописцу разсказа о томъ, какъ были наказаны Борисомъ угличане и всѣ Натіе за расправу съ убійцами Димитрія,—авторъ сообщаетъ о смерти царя Θεодора почти буквально словами Повѣсти 1607 года ¹⁾. Свидѣтельствуя затѣмъ, что при Борисѣ отъ царевича Димитрія „начаша знаменія и чудеса бивати“, авторъ совершенно самостоятельно описываетъ одно изъ такихъ знаменій. Въ „первоенадесять лѣто по убіеніи своемъ“, т.е. въ 1601—1602 годахъ, царевичъ явился „нѣкоему отъ калугерь тамо живущихъ во градѣ Угличѣ, имянемъ Тихону“. Онъ предсказалъ Тихону появленіе и погибель многихъ самозванцевъ, что скоро и сбылось. Для того, чтобы выяснитъ справедливость предсказанія, авторъ Житія даетъ краткую исторію перваго самозванца. Въ ней онъ не выходитъ изъ круга фактовъ, извѣстныхъ изъ Повѣсти 1606 года и Новаго Лѣтописца; вступительныя же фразы заимствуетъ онъ опять изъ Повѣсти о перенесеніи мощей ²⁾.

Нѣкоторое вліяніе этой Повѣсти можно замѣтитъ и въ послѣдней довольно краткой статьѣ Житія—о перенесеніи мощей царевича ³⁾. Но здѣсь встрѣчаемъ и существенныя отступленія: по разсказу Повѣсти 1607 года, перенесеніе мощей происходило до поставленія Гермогена въ патріархи; авторъ же Милютинскаго житія дѣлаетъ Гер-

¹⁾ „Во осмое жъ лѣто по убіеніи благовѣрнаго царевича князя Димитрія Ивановича случися Божиими судбами, или же самъ вѣсть“ и т. д. (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 210.—Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1037).—Срвни. начало Повѣсти 1607 года въ ркп. С.-Петербургск. Дух. Академіи № 1357, л. 474.

²⁾ „Бысть же сице грѣхъ ради нашихъ и всякихъ неправдъ, иже къ Богу. Сихъ ради насъ наказуя, да быхомъ творили заповѣди Его и отвратилися отъ всѣхъ злобъ своихъ, и пусти на насъ за наше беззаконіе аки новаго Іудіана“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 210 об.—Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1039). Въ Повѣсти 1607 года соотвѣтствующее мѣсто читается такъ: „Многихъ ради грѣхъ нашихъ и неправдъ, еже ко Господу и ко своей братіи, сихъ ради Богу насъ навазующу, да быхомъ познали заповѣди Его и отвратилися бы отъ всѣхъ золъ своихъ, пустившу на насъ, грѣхъ ради нашихъ, за наше беззаконіе богомерзанаго безбожнаго досадителя“.... (Ркп. С.-Петербургск. Дух. Академіи № 1357, л. 474 об.),

³⁾ Заглавіе этой добавочной статьи таково: „О принесеніи мощей благовѣрнаго царевича князя Димитрія отъ града Углича въ царствующій градъ Москву“.—Близость этой статьи къ Повѣсти 1607 года особенно замѣтна въ подборѣ по подробностей самаго обрѣтенія мощей.

могена однимъ изъ главныхъ участниковъ этого церковнаго торжества. Здѣсь ояъ впадаетъ въ ошибку, но нѣтъ основанія считать ошибками нѣкоторыя иныя мелочи его изложенія, не находящіяся въ Повѣсти 1607 года и въ другихъ извѣстныхъ намъ текстахъ ¹⁾). Правда, оригинальныя сообщенія автора, какъ въ этой части Житія, такъ и въ предыдущихъ, слишкомъ мелки для того, чтобы придать его повѣствованію историческій интересъ; но они видѣляютъ его Житіе изъ ряда многочисленныхъ компиляцій, также какъ и самостоятельныя литературныя приемы, свидѣтельствующіе о привычкѣ автора къ литературному труду ²⁾).

Большою оригинальностью отличается очень любопытная Повѣсть

¹⁾ Такъ, напримѣръ, заслуживаетъ вниманія извѣстіе, что мощи царевича остались нетлѣнны, „только мала часть взята отъ руку перста его“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 212 об.—Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1045). Этого извѣстія мы не нашли въ другихъ извѣстныхъ намъ повѣствованіяхъ о перенесеніи мощей.

²⁾ Милютинское житіе оказывало вліяніе на послѣдующіе литературныя труды, касающіеся изображенныхъ въ немъ событій. Впервыхъ, въ значительно мѣрѣ повліяло оно на ту редакцію Житія царевича, которую читаемъ въ Минеяхъ св. Димитрія Ростовскаго подъ 3 іюня (Нач: „По преставленіи благовѣрваго ц. и в. кн. Іоанна Васильевича“... См. *Барсукова* Источники русской агіографіи, стр. 154—155, § 6). Кромѣ печатныхъ изданій, эта послѣдняя редакція часто встрѣчается въ копіяхъ XVIII вѣка; съ двухъ лицевыхъ списковъ она издана Обществомъ Любителей Древней Письменности (въ 1879 г. подъ № XXXVI: „Житіе св. Димитрія царевича“). Самъ Димитрій Ростовскій такъ объясняетъ происхожденіе составленнаго имъ Житія: „азъ,... собравъ съ нѣкоего хронографа и съ Угличской книжицы, написалъ исторію о святомъ Димитріи царевича“ (*Каширева* Памятники новой русск. исторіи, т. II, отд. II, стр. 1). Подъ „Угличской книжицей“ трудно разумѣть что-нибудь иное, кромѣ Милютинской редакціи житія: на столько близки къ этой редакціи многія частности повѣствованія св. Димитрія Ростовскаго. Что же касается до хронографа, о которомъ упоминаетъ св. Димитрій, то ояъ, очевидно, былъ очень полезенъ: въ немъ Димитрій Ростовскій нашелъ и сказаніе Новаго Лѣтописца о смерти царевича, и части Хронографа 2-й редакціи, и отдѣльное „Сказаніе о царствѣ государя и в. кн. Θεодора Ивановича“ (о немъ будетъ рѣчь ниже). Сравненіе Житія, составленнаго Димитріемъ Ростовскимъ, съ этими памятниками открываетъ не только фактическую, но, если можно такъ сказать, и стилистическую зависимость отъ нихъ труда св. Димитрія. — Вовторыхъ, Милютинское житіе было, очевидно, извѣстно, знаменитому Котошихину, который въ своей книгѣ (О Россіи и т. д., изд. 3-е, стр. 2—3) разсказалъ о злодѣйствахъ Годунова и гибели царевича Димитрія всѣ тѣ недостоверныя подробности, какія впервые появились въ редакціи Милютинской. Наконецъ, вліяніе этой Милютинской редакціи житія увидимъ и на нѣкоторыхъ иныхъ памятникахъ, о которыхъ еще будемъ говорить.

о убіеніи царевича Димитрія, изданная съ единственнаго пока извѣстнаго списка А. Θ. Бычковымъ ¹⁾. Содержаніе ея общеизвѣстно, и намъ вѣтъ нужды пересказывать его. Издатель Повѣсти полагаетъ, что „она составлена современникомъ, бывшимъ близкимъ ко двору царевича или имѣвшимъ знакомство съ лицами, къ нему принадлежавшими“. Основаніемъ для такой догадки служитъ чрезвычайная подробность и видимое правдоподобіе показаній памятника: „въ цѣлой Повѣсти не встрѣчается ни одной черты, которая давала бы возможность заподозрить ея достовѣрность“, замѣчаетъ г. Бычковъ.

Дѣйствительно, такое именно впечатлѣніе производитъ первое знакомство съ текстомъ Повѣсти. Изслѣдованіе ея затрудняется отсутствіемъ всякихъ указаній на автора, время и обстоятельства ея составленія. Изученіе единственнаго списка Повѣсти не приводитъ ни къ какому результату: списокъ этотъ составляетъ лишь малую часть пестраго по составу сборника, сплетеннаго П. М. Строевымъ изъ многихъ рукописей, и Строевъ не оставилъ ни одной замѣтки о томъ, откуда досталась ему Повѣсть. Можно только удивляться тому, что такой любопытный историческій памятникъ сохранился до насъ всего въ одномъ, и притомъ несомнѣнно позднемъ экземплярѣ. Это—признакъ, не свидѣтельствующій въ пользу древняго происхожденія Повѣсти. Чѣмъ объяснить, что разбираемая Повѣсть, если она была записью современника убіенія царевича, не распространилась въ XVII вѣкѣ и не была внесена ни въ одно изъ многочисленныхъ компилятивныхъ повѣствованій о смутѣ? Неужели люди XVII вѣка, вообще интересуясь смутой и охотно переписывая мало содержательныя житія царевича, не довѣряли наиболѣе обстоятельному разсказу о смерти Димитрія?

Нѣкоторая загадочность происхожденія Повѣсти заставляетъ съ большою осторожностью отнестись къ ея показаніямъ. Изъ этихъ показаній прежде всего обнаруживается, что и краткое вступленіе въ Повѣсть, и самая Повѣсть были написаны уже послѣ 1605 года: во вступленіи авторъ говоритъ о гибели Бориса Годунова: „не во вѣки нацарствовавъ, яко прахъ во мгновеніи ока исчезе“; въ концѣ же Повѣсти авторъ замѣчаетъ о Марѣѣ Нагой, что она послѣ смерти

¹⁾ *Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1864 г., IV, Смѣсь, стр. 1—4. Списокъ находится въ Имп. Публ. Библіотекѣ Погодинск. № 1563, лл. 97—99, въ 4-ю, XVIII в. (См. А. Θ. Бычкова. Описание ц.-слав. и русск. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки, I, стр. 95 и 103—104).

сына „въ заточеніи была 14 лѣтъ“. Оба эти замѣчанія могли явиться не раньше царствованія Шуйскаго (при самозванцѣ сами Нагіе официально не считали царевича мертвымъ, и врядъ ли кто нибудь могъ составить такую Повѣсть, какъ разбираемая нами). Такія данныя о времени написанія Повѣсти ведутъ къ тому любопытному соображенію, что изучаемый памятникъ былъ составленъ не раньше известной намъ Повѣсти 1606 года. Косвенно подобное соображеніе подтверждается еще и содержаніемъ этой послѣдней Повѣсти. Ея авторъ—официозный публицистъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ много документовъ,—долженъ былъ придавать важное значеніе всякой подробности о смерти царевича ¹⁾. Еслибы разбираемое произведеніе возникло ранѣе его труда и въ официальномъ кругу Нагихъ (къ которому относитъ его А. О. Бычковъ), то авторъ Повѣсти 1606 г. легко могъ бы его знать при своемъ хорошемъ знакомствѣ съ официальными документами. Но онъ не воспользовался показаніями изучаемой Повѣсти, конечно, потому, что не зналъ ихъ.

Такимъ образомъ нѣтъ основанія считать разбираемую нами Повѣсть древнѣйшимъ литературнымъ изображеніемъ смерти царевича: Повѣсть 1606 года написана или одновременно съ нею, или раньше ея. Нѣтъ основанія и для того, чтобы въ нашей Повѣсти видѣть произведеніе, вышедшее непременно изъ среды Нагихъ. Этого не позволяетъ текстъ Повѣсти: въ немъ не видимъ никакихъ прямыхъ слѣдовъ близости автора къ Нагимъ. Въ немъ, напротивъ, читаемъ, что царица Марія надъ тѣломъ царевича Димитрія „плачяся, убиваяся, говорила всему народу, чтобы тѣ окавнннн злодѣи душегубцы царскому кореню живы не были“. Можно думать, что лицо близкое къ Нагимъ никогда не позволило бы себѣ изобразить въ такихъ чертахъ поведеніе Маріи Нагой и возложило бы вину угличскихъ убійствъ не на царицу, а на другихъ лицъ. Съ другой стороны, одна любопытная приписка къ компилятивному Житію царевича, какъ и самый составъ этого Житія, показываетъ намъ, что въ семьяхъ, родственныхъ Нагимъ, переписывали въ XVII—XVIII вв. не разбираемую Повѣсть, а Милютинское житіе Димитрія и сказаніе о его убіеніи Новаго Лѣтописца ²⁾. Наконецъ, мало основаній видѣть въ

¹⁾ Вспомнимъ, что главною цѣлью автора Повѣсти 1606 года было—доказать самозванство убитаго Лжедимитрія. Однимъ изъ действительнѣйшихъ средствъ для этого служили доказательства смерти настоящаго царевича (см. первую главу этого труда).

²⁾ Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. I. 877, въ 4 д., 71 л., лл. 44—45, — заклю-

авторѣ и угличанина-современника событія. Нельзя допустить, чтобы человекъ, знакомый съ топографіей Углича, стоящаго на правомъ берегу Волги, употребилъ такой оборотъ рѣчи, говоря о слѣдственной комиссіи по дѣлу царевича: „пріѣхавъ, досматривали тѣло государя царевича князя Дмитрія Ивановича, а осмотра, и отгѣхали прочь за Волгу“.

Изложенныя замѣчанія представляются намъ достаточными для того, чтобы не признавать въ изучаемой Повѣсти памятника, современнаго событію и написаннаго компетентнымъ лицомъ. Откуда же явился въ Повѣсти рядъ мелкихъ подробностей о послѣднемъ днѣ царевича? Не возможно дать категорической отвѣтъ на этотъ вопросъ, за то возможно построить простую догадку. Еслибы въ Повѣсти не было упоминанія о старцахъ Кириллова монастыря, отъ которыхъ царевичъ „образы принялъ“, и еслибы не было подробностей объ обѣдѣ царевича, мы рѣшились бы утверждать, что Повѣсть основана на показаніяхъ, записанныхъ въ извѣстномъ слѣдственномъ дѣлѣ, и представляетъ собою попытку кратко изложить данныя дѣла о смерти царевича,—только не въ оправданіе, а въ обвиненіе Бориса ¹⁾. Присутствіе же въ Повѣсти такихъ извѣстій, какихъ нѣтъ въ официальномъ дѣлѣ, заставляетъ подозрѣвать у автора и другіе источники,—быть можетъ, простое преданіе съ примѣсью благочестивой легенды. Отпечатокъ именно такой легенды

часть въ себѣ отрывки житія, составленнаго по Милютинской редакціи и Новому Лѣтописцу. Въ концѣ приписка: „Списано сіе страданіе благовѣрнаго царевича... Дмитрія... вт... градѣ Москвѣ, князь Петра Эльмураича Черкаского у жены его вдовы княгини Анны Васильевны, сродницы его, благовѣрнаго царевича Дмитрія, по матери его царицы Маріи Іоанновны (ошибочно вмѣсто Феодоровны), во инокиняхъ иноки Марѣы. Понежь мати благовѣрнаго царевича Дмитрія Марія Іоанновна и княгиня Анна Васильевна одного роду бѣше, прозваніемъ Нагихъ“. Эта приписка сдѣлана не ранѣе 1692 года (см. Отчетъ Имп. Публ. Библиотеки за 1882 г., стр. 45—47).

¹⁾ Возстановляя внѣшнюю обстановку смерти царевича, авторъ ни въ чемъ не противорѣчитъ даннымъ слѣдственнаго дѣла, только даетъ имъ то освѣщеніе, какое далъ на слѣдствіи Михайло Нагой (Соб. Гос. Гр. и Д. II, № 60). Мы вовсе не находимъ въ Повѣсти такихъ показаній о смерти и слѣдствіи, которыхъ нельзя было бы вывести изъ слѣдственнаго дѣла. Авторъ дополняетъ свой рассказъ другаго рода показаніями,—такими, которыхъ по существу своему не долженъ былъ заключать въ себѣ слѣдственный документъ: такъ онъ, на примѣръ, сообщаетъ день погребенія царевича—22-го мая, день и годъ его рожденія—9-го октября 7091 (1582) года (слѣдуетъ читать 19-го октября: *Карамзина* Ист. Гос. Росс., IX, прим. 741) и т. п.

агиографического стиля носят на себѣ всѣ подробности о благочестіи и воздержаніи царевича, который „кушалъ... по единожды днемъ, а обычай у него государя царевича былъ таковъ: по всѣ дни причащался хлѣбу Богородичну“. Въ другихъ документахъ и повѣстяхъ о царевичѣ не видимъ такихъ чисто житійныхъ чертъ; напротивъ, и въ грамотѣ Василя Шуйскаго ¹⁾, и во всѣхъ сказаніяхъ о перенесеніи мощей Дмитрія находимъ противорѣчащее по своему духу показаніе о томъ, что мальчикъ въ послѣдніе часы „тѣшился“ орѣхами ²⁾.

Сознаемся, что мы не идемъ далѣе шаткихъ догадокъ о составѣ и происхожденіи Повѣсти, но думаемъ, что болѣе точныя заключенія возможны станутъ лишь тогда, когда явятся новыя данныя по внѣшней исторіи этого памятника, заключающаго собой рядъ произведеній о царевичѣ Дмитрії. Не входя въ разборъ ничтожныхъ по значенію и весьма краткихъ литературныхъ варіацій, построенныхъ на извѣстныхъ уже намъ редакціяхъ житій царевича ³⁾, переходимъ къ другимъ житіямъ, касающимся смуты. Они пользуются нѣкоторою извѣстностью въ нашей литературѣ.

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 111.

²⁾ Память царевича окружалась легендами: кромѣ легендарныхъ чертъ въ разбираемой Повѣсти, мы видѣли легенду о явленіи царевича старцу Тихову въ Милютинскомъ житіи. Еще одно преданіе—о чюдѣ, бывшемъ во время перенесенія мощей царевича въ Москву,—заключается въ рип. Моск. Синод. Библиотеки № 858 (по указателю арх. Саввы), въ 4-ку, 1704 года, 230 л., л. 212 об.—213 об. (изъ рукописей св. Дмитрія Ростовскаго, съ его помѣтами). Чудо заключалось въ томъ, что могила, которую ископали для тѣла царевича въ Архангельскомъ соборѣ, „сама о себѣ засыпашеся“, а гробы, не разъ изготовляемые для мощей, не могли прійтись въ пору. Въ этихъ явленіяхъ царь Василій и патріархъ Гермогенъ (легенда изображаетъ Гермогена уже патріархомъ во время перенесенія мощей) увидѣли чудесное знаменіе и рѣшили поэтому не скрывать мощей царевича подъ землею. Текстъ легенды по указанному списку и нѣкоторыя соображенія о ея происхожденіи приведены нами въ журналѣ *Библиографъ* за 1888 г. (№ 1, стр. 18—19). Испорченный пересказъ этой легенды можно найти въ *Ярославскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* за 1867 г. (№ 15, стр. 117—118). Св. Дмитрій Ростовскій, собравшій въ своей редакціи Житія царевича полный сводъ его чудесъ, отвергъ эту легенду.

³⁾ Укажемъ извѣстныя намъ замѣтки о смерти царевича: 1) во многихъ спискахъ къ Милютинскому житію приписано его сокращеніе съ помѣтою: „а се по Проложному“ (Рип. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 213.—Рип. С.-Петербургск. Дух. Акад. Софійск. № 1493, л. 556.—Рип. С.-Петербургск. Дух. Акад. Софійск. № 1459, л. 133 об.); 2) Въ рип. Имп. Публ. Библ. Погодинск.

Прежде всего остановимся на Житіи ростовскаго затворника Иринарха, написанномъ его ученикомъ Александромъ ¹⁾. Житіе дошло до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, къ сожалѣнію, довольно позднихъ ²⁾. Оно было издано арх. Амфилохіемъ въ полномъ видѣ, но съ исправленіями слога ³⁾; нѣкоторые же его отрывки, касающіеся смутнаго времени, были напечатаны В. М. Ундольскимъ и заимствованы у него гр. М. В. Толстымъ ⁴⁾. Житіе Иринарха—памятникъ очень любопытный и по литературнымъ приѣмамъ, и по содержанію. Простотою своего разсказа оно приближается къ безыскусственному біографическому очерку и содержитъ въ себѣ много цѣнныхъ историческихъ чертъ. Мы не разъ замѣчали, что современники смуты, писавшіе о ней, были скупы на автобіографическія подробности и очень

№ 1616, XVШ в., л. 76, находится краткая запись о смерти царевича; 3) Въ ркп. Имп. Публ. Библ. Ф. IV. 215 (изъ собранія гр. Толстова, отд. I, № 157), XVII в., л. 293, читаемъ небольшой разсказъ житійнаго стиля; 4) Въ ркп. Имп. Публ. Библ. О. IV. 17, XVII в., л. 283, записано очень краткое житіе въ родѣ Проложнаго; 5) Въ ркп. Библ. Троице-Сергіев. Лавры № 325 (858), л. 747, XVII в., находится краткая запись о убіеніи царевича и принесеніи мощей 6) Въ ркп. Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 48 (изъ собранія гр. Толстова, отд. II, № 401), XVII в., лл. 1—19, находимъ попытку измѣнить съ стороны слога редакцію Житія, составленную Димитріемъ Ростовскимъ. Въ эти повѣствованія не представляютъ ни историческаго, ни литературнаго интереса.

¹⁾ „Мѣсяца генваря въ 13 день. Житіе и подвиги отца нашего воздержателя, столпа крѣпка, страдальца и наставника и учителя и затворника Борисоглѣбскаго монастыря на Устьѣ, старца праведна мужа Иринарха. Списано бысть тоя же обители ученикомъ его старцомъ Александромъ, иже бысть съ нимъ тридесать лѣтъ при животѣ его. Прочитати благослови, отче,“—такое заглавіе Житія въ одномъ изъ старѣйшихъ списковъ, принадлежащемъ Имп. Публ. Библиотекѣ (Погодинск. № 724). Борисоглѣбскій на Устьѣ монастырь находится въ 15 верстахъ отъ Ростова.

²⁾ Мы пользовались двумя списками: 1) Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 724 (изъ собранія Строева № 141, въ 4 д., XVII в., 63 лл.; листовъ 49—52, къ сожалѣнію, не достаетъ) и 2) Погодинск. № 725 (изъ собранія Строева № 121, въ 4 д., XVIII в., 38 лл.). Остальные извѣстные указаны у Барсукова Источники русск. агиографіи, ст. 224—225. Большинство списковъ—XVIII вѣка.

³⁾ „Жизнь преп. Иринарха, затворника Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря, что на Устьѣ рѣкѣ“. М. 1863.—Содержаніе Житія пересказано и И. Е. Заблужнымъ въ статьѣ: „Безвѣстный герой смутнаго времени“ (Мининъ и Пожарскій. М. 1863, стр. 271—284).—Общая историческая оцѣнка памятника дана В. О. Ключевскимъ (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 323).

⁴⁾ Ундольскаю „Библиографическія разысканія“ (въ *Московитянинѣ* за 1846 г., кн. XI—XII, стр. 187—193).—Гр. Толстаю Древнія святыни Ростова Великаго (въ *Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1847 (третій) годъ, II, стр. 63—67).

рѣдко спускались до простой передачи своихъ личныхъ воспоминаній и впечатлѣній. Они писали не мемуары, а историческія или публицистическія произведенія. Авторъ Житія Иринарха составляетъ въ этомъ отношеніи пріятное исключеніе ¹⁾. Онъ былъ близокъ къ Иринарху и въ простыхъ выраженіяхъ передаетъ намъ все то, что удержала его память о любимомъ учителѣ. При этомъ онъ и самъ не скрывается отъ взглядовъ читателя: по написанному имъ Житію можно возстановить его личность и вѣкоторые факты его монастырской жизни.

Автора въ мірѣ звали Алексѣемъ. Онъ пришелъ въ Борисоглѣбскій монастырь около 1586 года, когда Иринархъ только что обрекъ себя на затворничество. Видя подвижничество Иринарха, онъ увлекся, „позавидѣ житію его“ и просилъ затворника принять его къ себѣ. Иринархъ согласился, Алексѣй былъ постриженъ въ монахи подъ именемъ Александра и „бысть у него (Иринарха) первый ученикъ“. Старецъ Александръ не разставался съ своимъ наставникомъ въ теченіе 30 лѣтъ, до самой кончины Иринарха въ 1616 году. Въ 1608 году вмѣстѣ съ учителемъ ѣздилъ онъ въ Москву къ царю Василию и былъ свидѣтелемъ бесѣды Шуйскаго съ затворникомъ, предсказавшимъ царю плѣненіе Московскаго государства отъ Литвы. Во время перваго прихода шаекъ Сапѣги подъ монастырь послѣ Калязинской битвы въ 1610 году, Иринархъ съ учениками Александромъ и Корнилиемъ остался въ монастырѣ въ своей кельѣ. Тамъ нашелъ ихъ какой-то польскій панъ и донесъ Сапѣгѣ: „азъ нашелъ въ монастырѣ у Бориса и Глѣба трехъ старцовъ скованныхъ“ (стало быть и ученики Иринарха подвизались, какъ онъ самъ, въ веригахъ). Сапѣга видѣлся съ Иринархомъ и его учениками, удивлялся подвижнику и, не тронувъ его, ушелъ въ Переяславль. Послѣ того, какъ Скопинъ-Шуйскій, получившій отъ Иринарха вмѣстѣ съ благословеніемъ его крестъ, вступилъ въ Москву,—Александръ былъ посланъ отъ учителя ко князю Михаилу и привезъ отъ него крестъ обратно. Въ томъ же 1610 г. ²⁾ онъ не только былъ свидѣтелемъ притѣсненій, какія перенесъ Иринархъ отъ новаго игумна Симеона, но и самъ

¹⁾ Только извѣстные Симонъ Азарьинъ и Иванъ Насѣдка иногда могутъ сравниться съ нимъ въ простотѣ литературныхъ пріемовъ. Объ этихъ лицахъ будемъ еще говорить.

²⁾ Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. рип. № 724, л. 35 сб.: „во 112 году“; рип. № 725, л. 21: „во сто осмомъ на десять году“. См. *Строева* Списки Герарховъ, ст. 341.

потерпѣлъ: онъ былъ разлученъ на время со своимъ наставникомъ. Послѣ взятія Москвы въ концѣ 1612 или началѣ 1613 года (когда „король литовской побѣждалъ во свою землю изъ Вязьмы“), Александръ снова ѣздилъ въ Москву отъ имени Иринарха, на этотъ разъ ко князю Дм. М. Пожарскому, по дѣламъ своего монастыря. Въ 1616 году Александръ погребалъ своего учителя и, вѣроятно, вскорѣ послѣ кончины Иринарха и по его завѣту составилъ Житіе своего любимаго наставника ¹⁾).

Свѣдѣнія объ авторѣ Житія позволяютъ намъ съ увѣренностью сказать, что онъ былъ очевидцемъ всѣхъ тѣхъ событій смутнаго времени, о которыхъ упоминалъ въ своемъ трудѣ. Всѣ подробности его рассказа, допускающія провѣрку, свидѣтельствуютъ о правдивости его показаній ²⁾. Простота литературной формы придаетъ еще ббль-

¹⁾ Автобіографическія показанія Александра приведены нами по ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 724, лл. 16 об.—17, 26—28, 31—32, 34 об.—35, 36—38, 44—44 об., 54 об.—Въ этомъ спискѣ не достаеъ тѣхъ листовъ, на которыхъ должно было помѣщаться свѣдѣніе, что самъ Иринархъ завѣщаль написать свое житіе; въ ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 725, л. 31, смыслъ этого завѣщанія совершенно искаженъ, а въ печатномъ изданіи арх. Амфилохія (Жизнь преп. Иринарха, стр. 26) о немъ нѣтъ ни слова. Мы въ данномъ случаѣ опираемся на слова В. О. Ключевскаго, видѣвшаго болѣе исправные списки (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 382).

²⁾ Сопоставляя извѣстія Житія о событіяхъ смуты съ другими источниками, не находимъ въ Житіи никакихъ неточностей. Такъ походъ Скопина подъ Москву авторъ Житія излагаетъ подробно, чѣмъ какой-либо другой фактъ смуты, и его рассказъ совершенно согласенъ съ показаніями Авр. Палицына (Сказаніе, изд. 2-е, стр. 196—199, 202—204) и Новаго Лѣтописца (Ник. Лѣт., VIII, 122—123, 129—130). Тотъ, кто знакомъ только съ отрывками, напечатанными Ундольскимъ, и съ текстомъ арх. Амфилохія, можетъ видѣть ошибку въ словахъ Житія о смерти Яна Сапѣги: „Сапѣга побѣждалъ въ Переславль, въ Калугу, и самого его убили“ (Библиограф. разысканія, стр. 190.—Жизнь преп. Иринарха, стр. 19.—Сапѣга умеръ отъ болѣзни подъ Москвой въ 1611 году: Русск. Ист. Библіотека, I, ст. 254).—Но необходимо замѣтить, что въ ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 724, л. 34 об., это мѣсто читается такъ: „И Сапѣга побѣждалъ подъ Іосифовъ монастырь, а ись Тушина побѣждалъ прелестникъ (то-есть самозванецъ) въ Колугу, и тамо его убили“. — Также точно, хотя и кратко, рассказъ Житія о походѣ нижегородскаго ополченія къ Москвѣ. Наконецъ, и повѣствованіе о походѣ Лыкова на казаковъ, если сравнить его съ другими извѣстіями (Ник. Лѣт. VIII, 214—216.—Книги Разрядныя, I, 3 и далѣе.—Собр. Гос. Гр. и Д. III, № 22), не обнаруживаетъ крупныхъ неточностей: можно только замѣтить, что слова автора, будто государь далъ Лыкову „рати семь городовъ“, не соотвѣтствуютъ показаніямъ разрядныхъ книгъ, насчитывающихъ болѣе десятка городскихъ отрядовъ у Лыкова (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 724, л. 45—45 об.—Книги Разрядныя, I, 3—4).

шую цѣну этимъ показаніямъ въ глазахъ историка. Предъ читателемъ проходятъ въ Житіи рядъ картинъ, въ которыхъ дѣйствуютъ извѣстныя историческія лица смутной эпохи: Василій Шуйскій съ почетомъ принимаетъ затворника въ Москвѣ; М. В. Скопинъ, кн. Пожарскій и Мининъ дорожатъ благословеніемъ Иринарха и заходятъ къ нему на своемъ пути въ Москву; Янъ Сапѣга бесѣдуетъ со старцемъ и говоритъ о немъ: „я такова батька нигдѣ здѣсь, ни во иныхъ земляхъ крѣпка и безбоязна отъ нашего меча не наѣхалъ“¹⁾; кн. Б. М. Лыковъ во время похода 1614 года на казаковъ присылаетъ къ Иринарху „по благословенію“ и самъ заходитъ къ нему. Историческую дѣятельность всѣхъ этихъ лицъ старецъ Александръ описываетъ кратко, а то и совсѣмъ не описываетъ; частныя же отношенія ихъ къ Иринарху изображаетъ очень живо. Рядомъ съ этимъ просто и живо рисуется онъ и жизнь своего монастыря съ ея бѣдами и печалами, и даже съ темными ея сторонами. Такой характеръ повѣствованія, безыскусственного и правдиваго, придаетъ Житію Иринарха большой интересъ. Для общей исторіи смуты оно даетъ, конечно, немного фактовъ, но въ немъ историкъ можетъ найти рѣдкій по откровенности образецъ частныхъ записокъ смутнаго времени, въ которыхъ удачно переплелись бытовыя черты съ чертами, имѣющими и былевое значеніе. Остается только пожалѣть, что Житіе Иринарха до сихъ поръ не издано удовлетворительно: въ изложеніи арх. Амфилохія исчезла прелесть первоначальной формы Житія, а въ отрывкахъ Ундольскаго, далеко не исчерпывающихъ историческаго содержанія памятника, замѣтны пропуски и искаженія.

Не будемъ останавливаться на Житіи Θεодосія, архіепископа астраханскаго²⁾. Внѣшняя исторія этого памятника восстановлена В. О. Ключевскимъ, а все то, чѣмъ Житіе можетъ быть интересно историкъ смуты, уже пересказано Н. И. Костомаровымъ³⁾. Послѣдній склоняетъ относиться довѣрчиво ко всѣмъ подробностямъ разсказа Житія о томъ, что Θεодосій упорно не желалъ признавать Разстригу истиннымъ Димитріемъ и обличалъ его самозванство въ бесѣдѣ съ нимъ самимъ. Справедливѣе однако будетъ думать, что разговоръ

¹⁾ Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 724, л. 33.

²⁾ Мы пользовались спискомъ Имп. Публ. Библиотеки Q. XVII. 28 (изъ собранія гр. Толстова, отд. II, № 287). Другіе списки, вообще довольно рѣдкіе, указаны у Барсукова *Источники русск. агиографіи*, ст. 602.

³⁾ *Ключевскаго Древнерусскія житія святыхъ*, стр. 333.—*Костомарова Смутное время* (въ *Вѣсти. Европы* за 1866 г., II, стр. 14).

Θеодосіа съ Лжедимитріемъ дошелъ къ намъ уже въ легендарной формѣ. Повѣствованіе Житія о пребываніи Астраханскаго архіепископа въ Москвѣ мало похоже на правду и заключаетъ въ себѣ между прочимъ грубый анахронизмъ. Изъ него узнаемъ, что смѣлое обличеніе самозванца не навлекло на Θеодосіа никакого гоненія; мало того, Θеодосій при жизни Лжедимитрія оставался въ Москвѣ и на свободѣ: „и живяше сей... Θеодосій... на Москвѣ, — рассказываетъ Житіе,— у святѣйшаго Ермогена патріарха на дворѣ и тамо питается“. Когда же самозванецъ былъ убитъ, Гермогенъ отправилъ Θеодосіа за мощами цар. Димитрія ¹⁾. Не нужно доказывать, сколько ошибокъ заключается въ этихъ сообщеніяхъ Житія. Авторъ его, очевидно, не имѣлъ твердыхъ свѣдѣній о событіяхъ смутной эпохи, и это обстоятельство заставляетъ считать Житіе Θеодосіа памятникомъ позднимъ: современникъ смуты не могъ не знать, что при самозванцѣ былъ патріархомъ Игнатій, а Гермогенъ занялъ патріаршій престолъ уже послѣ послыжи въ Угличъ за мощами царевича.

Переходимъ къ общеизвѣстному Житію преп. Діонисія, архимандрита Троице-Сергіева монастыря ²⁾. Надъ нимъ въ 1648—1654 годахъ трудились два замѣчательныхъ человѣка XVII столѣтія: написалъ Житіе троицкій келарь Симонъ Азарыинъ, а ключарь Московскаго Успенскаго собора Иванъ Насѣдка дополнилъ его своими воспоминаніями о дѣятельности Діонисія. Мы не можемъ ничего прибавить къ тому, что уже извѣстно о жизни и дѣятельности составителей Житія ³⁾ и о внѣшней исторіи разбираемаго произведе-

¹⁾ Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 28, л. 360 об.—361.

²⁾ Издано подъ названіемъ: „Канонъ преп. отцу нашему Діонисію архимандриту Сергіевы Лавры, Радонежскому чудотворцу, съ присовокупленіемъ Житія его“. М. Въ синодальной типографіи. 1824 (были и другія изданія).—Списки Житія указаны у Барсукова *Источники русск. агиографіи*, ст. 169. Уцѣлѣлъ автографъ С. Азарыина въ ркп. Моск. Синод. Библиотеки № 416 (см. *Ключевскаго Древнерусскія житія святыхъ*, стр. 353).

³⁾ Биографическія данныя о С. Азарыинѣ приведены *Ключевскимъ* (*Древнерусскія житія святыхъ*, стр. 350), іеромонахомъ *Арсеніемъ* (*Летопись занятій Археографич. Коммиссіи*, IV, Матеріалы, стр. 83—84 и 97) и *Горскимъ* (*Историч. Описаніе Св.-Троицкія Сергіевы Лавры*. М. 1879, I, стр. 128—129). Нѣкоторыя подробности о себѣ сообщаетъ и самъ С. Азарыинъ въ своихъ трудахъ (см. ркп. Моск. Дух. Академіи № 203, лл. 142 об.—143 и др.). Изъ „Описи келейной казны патр. Филарета“ (*Русск. Ист. Библиотека*, III, № 6) узнаемъ, что Симонъ былъ патріаршимъ канцеляремъ съ августа 1630 г. по апрѣль 1631 г.—О священникѣ Іоаннѣ Насѣдкѣ много свѣдѣній собрано у митр. *Макарія* *Ист. русск.*

лія ¹⁾. Поэтому обратимся прямо къ содержанію памятника, насколько оно касается смутной эпохи.

Симонъ Азарьинъ при изображеніи подвиговъ архимандрита Діонисія не разъ обращается къ лицамъ и событіямъ смуты. Въ первый разъ упоминаніе о смутѣ является у него въ разсказѣ о близости архимандрита къ патриарху Гермогену. Діонисій страдалъ вмѣстѣ съ Гермогеномъ отъ противниковъ законнаго царя Василія. Чтобы объяснить читателю, какъ могло это случиться, Симонъ даетъ общій очеркъ междоусобій, бывшихъ въ Москвѣ при Шуйскомъ, когда „у многихъ отецъ на Москвѣ, а сынъ въ Тушинѣ“. Этотъ очеркъ не заключаетъ въ себѣ цѣнныхъ фактическихъ подробностей, но любопытенъ по тѣмъ намекамъ, какіе сдѣланы въ немъ на заговоръ противъ Шуйскаго князя Гагарина, Сумбулова и Грязнаго ²⁾. Далѣе въ Житіи находимъ не лишенный интереса, но не поддающійся подробнѣйшему разсказу о томъ, какъ въ 1610 году Діонисій узналъ о своемъ назначеніи въ Троицкій монастырь на дорогѣ изъ Ярославля къ Москвѣ. Чтобы избѣжать на пути притѣсненій и грабежа, архимандритъ и его спутники выдавали себя за братію Троицкаго монастыря и говорили о Діонисіи, что это—„Сергіева монастыря старецъ изъ селъ ѣдетъ“. Дѣлали они такъ потому, что троицкая братія „Сергіевымъ именемъ“ безопасно ѣздила по всеѣмъ путямъ, занятымъ разбойничьими шайками ³⁾. Къ характеристикѣ дѣятельности Діонисія и всей троицкой братіи въ смуту относится и то краткое предисловіе, которымъ Симонъ Азарьинъ снабдилъ статьи о Діонисіи, писанныя Иваномъ Насѣдкою и внесенныя въ Симоново Житіе ⁴⁾. Далѣе, интересно сообщеніе Азарьина о чудѣ, какимъ сопровождалось выступленіе нижегородскаго ополченія изъ-подъ Троицы къ Москвѣ: послѣ молитвъ и благословенія, даннаго войску преп. Діонисіемъ, вѣтеръ, дувшій до тѣхъ поръ въ лицо воинамъ, „потянулъ въ тылъ“. Объ этомъ чудѣ Палицынъ, бывший очевидцемъ выступле-

церкви, X и XI, и у г. *Центалева* Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ государствѣ. М. 1887.

¹⁾ Исторія составленія Житія Діонисія очень обстоятельно изложена *В. О. Ключевскимъ* (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 351—353).

²⁾ Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 10—11.—*Ник. Лѣт.* VIII, 111—112.—*Лѣт. о мн. мят.*, изд. 2-е, 150—151.—*Нов. Лѣт.* 101—102.—*Изборникъ А. Н. Попова*, стр. 198—199.

³⁾ Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 11—13.

⁴⁾ Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 40—42.

нія войска, не говорить ничего; Симонъ же свидѣтельствуеъ, что „сія писанія пріяхомъ отъ самого князя Димитрія (Пожарскаго)“¹⁾. Если мы упомянемъ еще объ одной мелочи повѣствованія Симона— о представленіи патріарху Теофану троицкихъ иноковъ-героевъ монастырской осады²⁾,—то исчерпаемъ весь матеріалъ, данный для исторіи смуты въ Симоновомъ Житіи. Нельзя не замѣтить, что матеріалъ этотъ незначителенъ по объему и интересенъ болѣе со стороны бытовой. Собственно историческія сообщенія Азарьина совпадаютъ съ показаніями другихъ источниковъ, уступая имъ въ подробности.

Большое значеніе для исторіи смуты имѣютъ дополнительныя къ Житію статьи Ивана Насѣдки. Въ первой изъ нихъ³⁾ Насѣдка даетъ прекрасную характеристику троицкаго старца Дороея, самоотверженно ходившаго за больными и ранеными жертвами смуты. Во второй статьѣ⁴⁾ мастерскимъ перомъ обрисованы ужасы московскаго разоренія съ 1610 года и раскрыта во всей ея полнотѣ патріотическая и благотворительная дѣятельность Троицкаго монастыря, руководимаго высокою доблестью Діонисія. Провѣривъ сообщенія Насѣдки нечѣмъ: у насъ нѣтъ другихъ настолько же подробныхъ извѣстій о тѣхъ фактахъ, которыхъ касается повѣствованіе Насѣдки⁵⁾. Усумнится въ этомъ повѣствованіи нѣтъ повода. Простая, искренняя рѣчь попа Ивана, точность показаній, постоянныя ссылки на то или другое лицо, знающее излагаемыя подробности, и вмѣстѣ съ тѣмъ откровенное недоувѣріе къ своимъ знаніямъ и памяти⁶⁾,—все это

¹⁾ Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 54—56. — Сказаніе Авр. Палицына, изд. 2-е, стр. 267—268. — Въ Новомъ Лѣтописцѣ (Ник. Лѣт. VIII, 189—190) это чудо разсказано столь же подробно, но приписано чудотворенію преп. Сергія. Это и понятно: Новый Лѣтописецъ писанъ былъ еще при жизни Діонисія, скончавшагося въ 1633 году.

²⁾ Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 80—81.

³⁾ Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 34—38.

⁴⁾ Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 43—54.

⁵⁾ Содержаніе послѣднихъ частей Сказанія Палицына (съ 71 главы) не совпадаетъ съ показаніями Насѣдки; Новый Лѣтописецъ не даетъ общихъ характеристикъ положенія Руси, а слѣдитъ за отдѣльными внѣшними фактами; въ прочихъ же связаніяхъ, какъ и въ грамотахъ смутнаго времени, нѣтъ изъ чего подходящаго къ показаніямъ Насѣдки ни по содержанію, ни по обстоятельству изложенія.

⁶⁾ Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 50: „и о таковыхъ грамотахъ тебѣ, господину, допросити Алексія Тихонова, который больше вѣдаетъ“. Въ этомъ

служить для насъ речательствомъ авторской добросовѣстности Насѣдки и даетъ его разсказу большую историческую цѣнность. Только шестая глава Авр. Палицына можетъ поспорить съ этимъ разсказомъ какъ въ богатствѣ содержанія, такъ и въ энергіи, даже красотѣ языка, свободнаго отъ условныхъ риторическихъ путей.

Благодаря тому, что Симонъ Азарыинъ жилъ въ Троицкомъ монастырѣ среди людей, не только видѣвшихъ смутную эпоху, но и вліявшихъ во время московскаго разоренія на общественное мнѣніе страны, его разсказы о смутѣ получаютъ большое значеніе, хотя они и были записаны уже въ половинѣ XVII вѣка. Еще болѣе можно это сказать о Насѣдкѣ, который самъ помнилъ смутное время, „послѣ разоренія московскаго вскорѣ прибравъ къ дому Пресвятыя Троицы“ и участвовалъ въ тѣхъ трудахъ троицкой братіи, которые такъ удачно описалъ ¹⁾.

Житіемъ Діонисія не ограничились агиографическіе труды Симона Азарыина. Еще раньше, чѣмъ онъ принялся за это Житіе, онъ сталъ работать надъ описаніемъ новоявленныхъ чудесъ преп. чудотворца Сергія. Но собранные имъ разсказы о чудесахъ не всѣ были включены въ печатное Житіе преп. Сергія 1646 года ²⁾: лица, вѣдавшія печатное дѣло, „вмѣняху въ случай, а не въ чюдеса“ многое изъ того, чтó имъ представилъ Азарыинъ. Возмущенный этимъ, Симонъ еще съ большимъ стараніемъ продолжалъ собирать и записывать извѣстія о чудотвореніяхъ святаго и только въ 1654 году закончилъ свою Книгу о чудесахъ преп. Сергія ³⁾. Изъ 76 описанныхъ Симономъ чудесъ нѣкоторыя имѣютъ отношеніе къ исторіи смутнаго времени. Такъ, чудо 2-е, описывая чудесное умноженіе муки въ мо-

случаѣ попъ Иванъ не надѣется на точность собственныхъ показаній; напротивъ, если онъ вѣрить въ свою память, онъ говоритъ: „и мнѣ то въ памяти есть гораздо“ (стр. 46).

¹⁾ Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 35, 41—42.

²⁾ По выходу книги видно, что Житіе печаталось съ 31-го августа 7154 (1646) по 27-е ноября 7155 (1646) года.

³⁾ Единственный списокъ, принадлежавшій автору, находится въ ркп. Моск. Дух. Академіи № 203, въ 4-ку, XVII в., 384 л., лл. 1—163.— „Книга о чудесахъ преп. Сергія“ въ полномъ видѣ напечатана Имп. Общ. Любителей Древн. Письменности въ „Памятникахъ древней письменности и искусства“ (С.-Пб. 1888). Предисловіе къ ней съ замѣчаніями г. *Смирнова* было помѣщено во *Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др.*, X, смѣсь, стр. 1—13, и въ *Историч. Описаніи Св.-Троицкія Сергіевы Лавры*. М. 1879, II, стр. 60—74.—Извѣстія о происхожденіи Книги заключаются въ ней самой.

настырской хлѣбнѣ во время московскаго разоренія, даетъ нѣсколько свѣдѣній о благотворительности Троицкаго монастыря въ смутные годы ¹⁾. Чудо 8-е повѣствуетъ о ссылкѣ при Борисѣ Ив. Н. Романова, который молитвами преп. Сергія получилъ облегченіе отъ узъ и впослѣдствіи разсказалъ объ этомъ арх. Діонисію и прочей братіи ²⁾. Чудо 10-е сообщаетъ намъ любопытныя подробности о томъ, какъ пришедшій съ царемъ Михаиломъ въ Троицкій монастырь какой-то рында остался недоволенъ монастырскимъ угощеніемъ и сталъ бранить братію. Между прочимъ онъ называлъ келаря (очевидно, Авраамія Палицына) „королемъ“, намекая на его измѣну и на службу королю Сигизмунду ³⁾. Чудо 13-е содержитъ въ себѣ легенду о смерти извѣстнаго Лисовскаго, обнаруживая вмѣстѣ съ тѣмъ и ея источникъ— царскую грамоту въ монастырь о гибели этого опаснаго врага Москвы ⁴⁾. Наконецъ, чудо 9-е представляетъ собою цѣлое сказаніе о началѣ нижегородскаго ополченія ⁵⁾.

¹⁾ Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 20—23.—Ркп. Моск. Дух. Академіи № 203, лл. 28 об.—32. — Это чудо записано Симономъ со словъ Ивана Насѣдки („Повѣда намъ соборный ключарь Иванъ, зовомый Насѣдкинъ“, — говоритъ Азарьинъ). И самъ ключарь Иванъ въ своей статьѣ о смутѣ намекаетъ на это чудо (Житіе Діонисія, изд 1824 г., стр. 53). Повѣствованіе о дѣятельности монастыря, находящееся въ описаніи 2-го чуда, основано Симономъ, очевидно, на статьѣ о смутѣ того же Насѣдки: Симонъ поминаетъ ее, называя Повѣстью.— Наконецъ, въ слѣдующемъ, 3-мъ чудѣ, является передъ нами тотъ же ключарь Иванъ съ любопытными размышленіями о смутѣ. Грустныя мысли приходили ему въ голову во время московскаго разоренія; онъ даже отчаялся въ спасеніи Руси и православія. Но невѣдомый голосъ устыдилъ его и успокоилъ, возвѣстивъ, что „будетъ православіе на Руси попрежнему“.

²⁾ Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 28—29. — Ркп. Моск. Дух. Акад. № 203, лл. 39—40.

³⁾ Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 39—40. — Ркп. Моск. Дух. Акад. № 203, лл. 52 об.—53 об.—Этотъ случай произошелъ вскорѣ послѣ смуты: Симонъ, пришедшій въ Троицкій монастырь въ 1624 году (*Лѣтопись занятой Археографич. Коммисіи*, IV, Матеріалы, стр. 83) самъ не помнитъ случая съ рындой и говоритъ: „обрѣтохъ же азъ о семъ въ писаніи прежнихъ нѣкнѣхъ“. При такомъ условіи ясно, что брань рынды относилась именно къ Палицыну. Такъ думаетъ и г. Кедровъ (Авр. Палицынъ. М. 1880, стр. 63—64).

⁴⁾ Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 43—46. — Ркп. Моск. Дух. Акад. № 203, лл. 57—61. — Грамота о смерти Лисовскаго именно съ этого списка напечатана была А. В. Горскимъ (Петрич. Описаніе Св.-Троицкія Лавры. М. 1879, I, стр. 116—117).

⁵⁾ Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 30—39.—Ркп. Моск. Дух. Акад. № 203, лл. 40 об.—52.

Это сказаніе начинается пространнымъ введеніемъ, въ которомъ нѣтъ ничего цѣннаго: словами, очень близкими къ выраженіямъ Житія Діонисія, описываются во введеніи бѣдствія Руси въ 1610—1611 годахъ и дѣятельность Діонисія, неустанно посылавшаго по городамъ свои „грамоты поучительныя“. Подъ вліяніемъ этихъ грамотъ составилось первое подмосковное ополченіе, но оно „непотребно бысть“ и потому распалось. Неудача не ослабила патріотическаго рвенія Діонисія и его помощника Авр. Палицына; они продолжали посылать свои воззванія по всей землѣ и имѣли новый успѣхъ: „начаша мнози во умиленіе приходити, паче же въ Нижнемъ Новѣгородѣ за се крѣпко взявшимся“. Разсказъ о томъ, какъ взялись нижегородцы за дѣло, и составляетъ главное содержаніе чуда. Благочестивому мужу нижегородскому Козьмѣ Минину три раза являлся преподобный Сергій, „повелѣвая ему казну собирать и воинскихъ людей надѣляти и идти на очищеніе Московскаго государства“. Не сразу повѣрилъ Мининъ велѣнію святаго и за то былъ наказанъ, „болѣзвуча чревомъ“. Повѣривъ же, онъ не зналъ, какъ приняться за дѣло. Но въ то время его выбрали въ земскіе старосты, и онъ позналъ въ этомъ „начало Божія промысла“. „Въ земской избѣ, и идѣже аще обрѣташесь“, началъ онъ говорить народу о необходимости идти на освобожденіе Москвы. Не всѣ сразу откликнулись на его призывъ. Св. Сергій предсказалъ Минину, что „юнии преже имутся за дѣло“. Такъ и случилось: юноши первые стали побуждать своихъ отцовъ къ походу и достигли цѣли. Нижегородцы „приговоръ всего града за руками устроиша, иже во всемъ Козмы слушати“,—и Мининъ собою подалъ примѣръ самоотверженія, „положивъ предъ всѣми на строеніе ратныхъ людей“ почти все свое имущество. За нимъ добровольно послѣдовали и другіе; скупыхъ же и „лѣнивыхъ“—Мининъ заставлялъ жертвовать и „съ нужею“, потому что онъ „уже волю возьмъ надъ ними по ихъ приговору“. Собравъ казну, Мининъ позвалъ въ Нижній смоленскихъ дворянъ, блуждавшихъ безъ крова „въ Арзамасскихъ мѣстѣхъ“, а затѣмъ нижегородцы избрали своимъ вождемъ Пожарскаго и пошли въ походъ. Самаго похода Симонъ не описываетъ. Онъ только упоминаетъ о чудесной переминой вѣтра въ ту минуту, когда ополченіе двинулось отъ Троицы къ Москвѣ (мы уже видѣли, что это чудо было имъ описано въ Житіи преп. Діонисія); а затѣмъ въ краткомъ очеркѣ Симонъ рисуетъ несогласія воеводъ и воинства подъ Москвою, примирительную роль троицкихъ властей и

чудесное явленіе преп. Сергія Арсенію Галасунскому наканунѣ взятія Москвы ¹⁾). Этимъ и кончается сказаніе.

Ново и цѣнно въ немъ только свидѣтельство о началѣ народнаго движенія въ Нижнемъ. Оно значительно дополняетъ тотъ скудный запасъ данныхъ, какой заключается въ памятникахъ болѣе раннихъ ²⁾). Сопоставленіе разсказа Симона съ этими болѣе ранними источниками не можетъ его опровергнуть и свести на степень недостоверной легенды. Истинный характеръ повѣствованія Симона уясняется не критикою его частныхъ, для которой мало данныхъ, а обстоятельствами его происхожденія. Симонъ свидѣтельствуесть, что о явленіи преподобнаго Сергія самъ Мининъ сообщилъ архимандриту Діонисію еще въ 1612 году, когда ополченіе стояло у Троицы на пути къ Москвѣ. Діонисій держалъ втайнѣ разсказъ Мипина, пока не освободилась Москва, впоследствии же передалъ его въ личной бесѣдѣ Симону Азарьину, какъ передавалъ, должно быть, и другимъ лицамъ. Симонъ слышалъ этотъ разсказъ не только отъ своего учителя, но и отъ иныхъ „достоверныхъ“ людей ³⁾). Очевидно, что благочестивое преданіе стало довольно извѣстнымъ въ той средѣ, гдѣ вращался Азарьинъ. Но можно думать, что до Симона оно никѣмъ не было записано: Симонъ, по своему обычаю, указалъ бы намъ, что пользовался письменными документами, еслибы онъ имѣлъ въ рукахъ какую нибудь записку о чудѣ. Но онъ не только не дѣлаетъ этого, но прямо намекаетъ на устный характеръ своихъ источниковъ. Такимъ образомъ, мы можемъ утверждать, что въ повѣствованіи Симона Азарьина имѣемъ дѣло съ преданіемъ, почти

¹⁾ Въ этой послѣдней части разсказа Азарьинъ не выходитъ изъ круга фактовъ, изложенныхъ Палицынымъ (Сказаніе, изд. 2-е, стр. 266—283), но выдвигаетъ на первый планъ Діонисія вопреки самолюбивымъ показаніямъ Палицына: архимандритъ подъ Москвою дѣйствуетъ не менѣ келаря для примиренія враждующихъ вождей и войска.

²⁾ Сравни. Новый Лѣтописецъ (Ник. Лѣт. VIII, 168, 175—176) и Столяровъ хронографъ (Изборникъ А. Н. Попова, стр. 352—354). Повѣствованіе Симона въ нѣкоторыхъ частностяхъ расходится съ извѣстіями этихъ памятниковъ.

³⁾ Симонъ Азарьинъ пишетъ: „Козма же повѣдавъ архимариту Діонисію, како ему явился Сергій... Слышавъ же сія, архимаритъ... до времени сего ни кому не повѣдавъ, дондеже исполнися благодать Божія“. О себѣ Симонъ замѣчаетъ, что о явленіи Сергія „отъ самого архимарита Діонисія отъ устъ его слышавъ, паки же и отъ прочихъ достоверныхъ увѣрився“ (Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 33 и 36.—Ркп. Моск. Дух. Акад. № 203, л. 44 об. и л. 48 об.—49).

повѣвка жившимъ въ устной передачѣ. Понятно, что при такомъ условіи нельзя требовать отъ повѣствованія строгой фактической точности: въ немъ неизбѣжны пробѣды и ошибки, въ немъ могутъ быть легендарныя наслоенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ преданіе не теряетъ исторической цѣны: мы знаемъ лицъ, передававшихъ его, и можемъ сказать, что оно дошло до насъ всего изъ третьихъ устъ ¹⁾).

И. Е. Забѣлинъ ²⁾ считаетъ разбираемое сказаніе Симона источникомъ той легенды о Мининѣ, которую нашелъ П. И. Мельниковъ въ такъ называемомъ Ельнинскомъ хронографѣ ³⁾. Легендарный рассказъ Ельнинскаго хронографа есть не что иное, какъ обширная вставка въ текстъ одной изъ главъ Новаго Лѣтописца ⁴⁾. Эта вставка повѣствуетъ прежде всего о приходѣ въ Нижній троичкой грамоты и о совѣтѣ, который составили по поводу ея нижегородцы: „Еоодосѣй, архимандритъ Печерскаго монастыря, Савва, спасскій протопопъ съ братією, да иные попы, да Биркинъ, да Юдинъ, и дворяне, и дѣти боярскіе, и головы и старосты, отъ нихъ же и Кузьма Ми-

¹⁾ Въ трудѣ *И. Е. Забѣлина* „Мининъ и Пожарскій“ (М. 1883, стр. 20—27) находимъ остроумную попытку возсоздать исторію легенды о явленіи Минину преп. Сергія. Но почтенный историкъ склоненъ сляшкомъ скептически относиться къ разсказу С. Азарьина, что, конечно, обусловливается излишнимъ довѣріемъ къ легендѣ его литературнаго противника *Н. П. Костомарова*.

²⁾ Мининъ и Пожарскій. М. 1883, стр. 315—316, прим. 10.

³⁾ *П. И. Мельникова* „Нижній Новгородъ и нижегородцы въ смутное время“ въ *Отечественныхъ Запискахъ* за 1843 г., т. XXIX, отд. II, стр. 31. — Хронографъ названъ Ельнинскимъ по имени стариннаго владѣльца, крестьянина Ельнина. Составъ его *Мельниковымъ* не описанъ, потому что *Мельниковъ* интересовался не столько хронографомъ, сколько приложенною къ нему отдѣльною рукописью (XVIII в., въ листъ, 21 л.). Въ ней, какъ говоритъ Мельниковъ, „заключаются выписки изъ VIII тома Никоновой Лѣтописи (то-есть, Новаго Лѣтописца) о разореніи Московскаго государства и восшествіи на престолъ Михаила.... Есть и прибавленія, заимствованныя изъ хронографовъ“. Изъ этихъ прибавленій одно содержитъ въ себѣ легенду о началѣ нижегородскаго ополченія и напечатано Мельниковымъ сполна (частью на стр. 31-й, частью же на стр. 23).

⁴⁾ Глава 283-я: „О присылкѣ изъ Нижняго Новгорода ко князю Дмитрею Михайловичю“ и т. д. (Ник. Лѣт. VIII, 174.—Лѣт. о мн. мят., изд. 2-е, 234). Въ Новомъ Лѣтописцѣ кн. Оболенскаго (стр. 144) эта глава уже подверглась переработкѣ, но здѣсь риторическое усердіе не дошло до созданія новыхъ легендъ. Напротивъ, въ Ельнинской рукописи текстъ 283-й главы не переработанъ литературно, а переданъ очень небрежно и просто разорванъ легендарною вставкой между словами: „какъ бы помочь Московскому государству“... и „Козма Мининъ, рекомый Сухорукъ, возопи“....

нинъ“¹⁾. На этомъ совѣтѣ Мининъ кратко объявилъ о своемъ видѣннiи; онъ сказалъ только: „Св. Сергiй явился мнѣ и повелѣ возбудити спящихъ, прочтите же грамоту властей Живоначальныя Троицы Сергiева монастыря въ соборѣ, а что Богъ велитъ“. Биркинъ „сумнишеся“, но въ чемъ,—легенда не объясняетъ точно. Мининъ погрозилъ Биркину: „исповѣдаю ты православнымъ“, — и опять не объясняется, въ чемъ можно было обличить Биркина передъ народомъ. Наконецъ, читатель не узнаетъ и того, чѣмъ кончился совѣтъ нижегородцевъ. Авторъ легенды забываетъ о немъ и переходитъ къ описанiю слѣдующаго дня, когда читали троицкую грамоту въ соборѣ и протопопъ Савва говорилъ рѣчь. Эта рѣчь очень риторична, какъ риторичны и возгласы народа, слушавшаго Савву. Народъ кричалъ: „увы намъ, увy намъ! погибаетъ царствующiй градъ. Москва, погибаетъ и государство Московское!“²⁾. Но сейчасъ же стали служить молебенъ,—„да подастъ Господь Богъ побѣду христіанамъ“,—прежде, чѣмъ христіане собрались на бой противъ враговъ.

Такии неловкостями и недомолвками чисто легендарными наполнено повѣствованіе Ельнинскаго хронографа. Зная его содержаніе, нельзя и думать, что оно стоитъ въ какой-нибудь литературной зависимости отъ сказанiя Азарьина. Общаго между ними нѣтъ ничего; только одинъ фактъ явленiя Минину преп. Сергiя упоминается и тамъ, и здѣсь, но и то съ совершенно различными чертами. Независимо повѣствованіе Ельнинскаго хронографа и отъ всѣхъ другимъ извѣстныхъ намъ разсказовъ о нижегородскомъ ополченiи. Но литературная самостоятельность этого повѣствованiя не можетъ, конечно, свидѣтельствовать о его достовѣрности. Тотъ фактъ, что оно явилось, какъ дополненіе къ Новому Лѣтописцу, показываетъ, что возникло оно послѣ 1630 года. Если же обратить вниманіе на слогъ повѣствованiя, отличающiйся болъшею правильностью синтаксиса, сравнительно съ памятниками XVII в. (особенно

¹⁾ Уничтоживъ слова Новаго Лѣтописца о Мининѣ: „Единъ же отъ нихъ нижегородецъ имѣяше торговлю мясную“ (Ник. Лѣт. VIII, 174), легенда вовсе не объясняетъ, кто былъ Мининъ: голова или староста, выборный ли человекъ, или простой нижегородецъ.

²⁾ Этотъ народный плачь обличаетъ въ его авторѣ человека XVIII столѣтiя, когда уже позабыли, что „Москва“ и „Московское государство“ въ XVII вѣкѣ были синонимами.

первой его половины), то придется отнести разбираемое произведение въ той формѣ, какъ оно дошло до насъ,—или къ XVIII вѣку, къ которому принадлежитъ его списокъ, или же къ концу XVII вѣка. Такимъ образомъ никакъ нельзя считать повѣствованіе Ельнинскаго хронографа памятникомъ раннимъ, современнымъ тѣмъ событіямъ, какія въ немъ описаны. Съ другой стороны, общій колоритъ повѣствованія, какъ замѣчали уже изслѣдователи ¹⁾, легендаренъ. Дѣйствительно, указанная нами сбивчивость изложенія, витиеватыя рѣчи дѣйствующихъ лицъ, не совсѣмъ понятныя ихъ діалоги, — все это свидѣтельствуетъ намъ, что авторъ произведенія не имѣлъ яснаго представленія о томъ, о чемъ писалъ, и вносилъ въ изображеніе факта свою творческую фантазію. Можно было бы при такихъ условіяхъ считать Ельнинскій хронографъ позднею выдумкою какого нибудь грамотѣя, недовольнаго краткимъ и непритязательнымъ разсказомъ Новаго Лѣтописца. Но отъ подобнаго приговора удерживаетъ одна черта разбираемой легенды: авторъ ея называетъ такого дѣятеля нижегородскаго движенія, котораго не знаютъ другія повѣсти и сказанія о смутѣ, но который дѣйствительно былъ въ Нижнемъ въ 1612 году: таковъ протопопъ Савва ²⁾. Очевидно, что если самъ авторъ и не былъ современникомъ описанныхъ имъ событій, то имѣлъ о нихъ какія-то данныя. Объяснить сочетаніе точныхъ данныхъ съ легендарными чертами всего разсказа возможно только тѣмъ предположеніемъ, что дошедшая до насъ легенда Ельнинскаго хронографа представляетъ собою позднее изложеніе и развитіе какого-то ранняго, намъ неизвѣстнаго преданія о подвигѣ Минина. Съ этой только точки зрѣнія она и можетъ имѣть нѣкоторое историческое значеніе.

Отъ легенды, посвященной болѣе всего прославленію Минина, мы можемъ перейти къ легендѣ, посвященной личности и происхожденіямъ перваго самозванца. Ею и закончимъ мы длинный рядъ сказаній о лицахъ смутнаго времени.

¹⁾ *Забѣлина* Мининъ и Пожарскій, стр. 20 и д.—*Кедрова* Авр. Палицынъ, стр. 100. — Одинъ *Костомаровъ* съ нѣкоторымъ, впрочемъ, колебаніемъ принимаетъ извѣстія разбираемаго повѣствованія за раннія и правдоподобныя (*Вѣстн. Европы* за 1871 г., іюнь, стр. 512; за 1872 г., сентябрь, стр. 20).

²⁾ Авторъ, кромѣ Минина, называетъ арх. Феодосія, Савву, Биркина и Юдина. Арх. Феодосій и Биркинъ встрѣчаются въ Новомъ Лѣтописцѣ. Савва—лицо извѣстное по актамъ, но не по сказаніямъ (Собр. Гос. Гр. и Д. I, № 203, стр. 643. — Дворцовые Разряды, I, 1085 — 1086). Юдинъ же намъ неизвѣстенъ.

Полный текст легендарнаго сказанія о Лжедмитріи давно уже извѣстенъ въ русской историографіи и былъ напечатанъ еще въ 1847 году подъ названіемъ: Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о разстригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ и о походе его ¹⁾. Сокращенная же редакція этого Сказанія, отбросившая многія его легендарныя черты, остается до сихъ поръ въ рукописяхъ и не пользуется извѣстностью ²⁾. Прежде

¹⁾ *Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1846—1847 г., IX, и отдѣльно: М. 1847. — *Карамзинъ*, зная это Сказаніе по рукописи, текстъ которой былъ сходенъ съ напечатаннымъ позднѣе (Ист. Гос. Росс., X, прим. 247; XI, прим. 194, 196, 199, 202, 207, 216, 405 и др.), называлъ его баснословнымъ. *Костомаровъ*, разбирая данныя Сказанія о походахъ Отрепьева въ Литвѣ, далъ о памятникѣ такой отзывъ: „это Сказаніе отъ начала до конца оказывается невѣроятнымъ... все это составлялось челоукомъ, жившимъ вдалекѣ отъ описываемаго театра событій“ (Кто былъ первый Лжедмитрій? С.-Пб. 1864, стр. 27—29). — Мы не видали хорошаго списка этого памятника. Извѣстные намъ или не полны, или небрежны (Ркп. Моск. Рум. Музея, № 390, въ 4-ку, XVIII в., 79 л., л. 1—43.—Ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ (изъ собр. Ундольскаго) № 790, XVIII в. въ 4-ку, 28 л.—Ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ (изъ собр. Бялева) № 1510, XVII в., въ 4-ку, западно-русс. скорописью, 211 л., л. 147—211; послѣдній списокъ очень любопытенъ, но не полонъ).

²⁾ 1) Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 33 (изъ собранія гр. Толстова, отд. II, № 70), въ 4-ку, 7157 (1649) года, 157 л., л. 116—157. На послѣднемъ листѣ приписка: „сія тетради Івашка Андрѣева сына поселку Сычева Соли Камской посацкого че(ло)вѣка; а писалъ ихъ свое(й) рукою лѣта 7157 году марта въ 15 день“ (см. *Строева* Библиол. Словарь, стр. 431—432); 2) Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 114, въ 4-ку, XVII в., 319 л., л. 293—311. Въ этихъ двухъ спискахъ выпущены всѣ подробности о походахъ Отрепьева (по печатному изданію стр. 2, отъ словъ: „поставленъ бысть царемъ въ лѣто 7106 году, мѣсяца сентября въ 1 день“, до стр. 12: „слышавше латинскаго языка папа Римскій“....). Взамѣнъ выпущеннаго поставлено буквально слѣдующее: „И въ пятое лѣто царства Борисова, во 111 году изыде изъ Російскаго государства въ Литовскую землю чернецъ именемъ Гриша Отрепьевъ. И вшедъ въ Литовскую землю и сверже еъ собя иноческій образъ и облечеса въ мірскія одежды и бысть бвлецъ. И дьявольскимъ навоженіемъ и еретическимъ умысленіемъ и бвсовскими козными нача себя называти царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Московскимъ. И своими вражиии прелестными словеса и лукавыми умысла и лживыми глаголы въ Литвѣ нача говорити: Не уби мене Борисъ Годуновъ холопъ, а убиенъ де бысть во мое мѣсто иной юноша, приидицея мому зраку; азъ же Божією милостію избѣгохъ и соблюдохся отъ крвнкия его отъ измѣнныхъ руки, сохранихся и до сего дни и часа. (И многожды сіи лукавая словеса) изнесе, и пріяша его въ Литвѣ Вишневецкіе князи, князь Адамъ да князь Костянтинъ и приведоша его въ Польшу хъ королю Жигимонту Августусу, Свицкія земли родомъ, Ягановъ (сынъ). И повѣдаша ему, яко царевичъ Російскаго

чѣмъ опредѣлить, какую редакцію считать болѣе древнею,—пространную или краткую,—остановимся на составѣ первой изъ нихъ. О происхожденіи памятника мы не имѣемъ никакихъ данныхъ и всѣ свои заключенія должны строить на основаніи простыхъ наблюденій надъ текстомъ Сказанія. Въ началѣ пространной редакціи Сказанія мы видимъ рядъ расположенныхъ по годамъ довольно отрывочныхъ извѣстій, повѣствующихъ о началѣ царствованія Θεодора Іоанновича, о возвышеніи, злодѣйствахъ и воцареніи Бориса Годунова. Извѣстія эти, при всемъ ихъ нерасположеніи къ Годунову, кажутся правдоподобными; съ литературной стороны они вполне оригинальны и заключаютъ въ себѣ новыя черты даже сравнительно съ такими памятниками, какъ Новый Лѣтописецъ и ранняя Повѣсть 1606 года. Въ доказательство укажемъ на точныя хронологическія показанія о смерти нѣкоторыхъ Шуйскихъ: ихъ нѣтъ ни въ какихъ иныхъ литературныхъ памятникахъ. Языкъ первыхъ извѣстій Сказанія не отличается отъ языка прочихъ русскихъ сказаній и повѣстей ¹⁾. Совершенно иной характеръ имѣетъ дальнѣйшій рассказъ—о появленіи самозванца и его приключеніяхъ въ Польшѣ ²⁾. Послѣ замѣчаній о немъ Карамзина и Костомарова нѣтъ нужды доказывать, что это—самая неумѣренная легенда, показанія которой не имѣютъ исторической цѣны. Она любопытна только съ точки зрѣнія литературной, и прежде всего—по своему языку. Въ немъ попадаются сплошь и рядомъ нерусскія реченія: „карточка“, „каморы“, „миля“, „рыцарствовать“ и т. д. Если сопоставить эти реченія, очевидно взятая

государства къ нимъ приде. Онъ же поганый король и не смысленъ въ разумѣ, и приемиетъ его съ честію великою и радуется своимъ безуміемъ о приходѣ его треклятаго. И посылаетъ вѣсть во всю Польскую землю и повелѣваетъ всемъ своимъ паномъ и гетманомъ и воеводамъ быти на раду и посылаетъ къ папѣ латынскому въ Римъ извѣсть достоверенъ, что приде къ нему изъ Російского государства царевичъ Дмитрей Ивановичъ. А сей убо не царевичъ Дмитрей, но злый еретикъ и отступникъ вѣры христіанскія и поругатель иноческому обѣщанію, Грешка Отрепьевъ, родомъ галечанинъ, и мати его и братія въ Галечи живутъ. И слышавъ се латынскаго закона папа Римскій“.... (Далѣе, какъ въ печатномъ. Мы привели текстъ по ркп. Q. XVII. 33, лл. 120—121 об., съ исправленіями по менѣе полному тексту — ркп. Q. XVII. 114, лл. 295—296). Кроме этого главнаго различія въ текстахъ пространной и краткой редакцій Сказанія, есть и другія: въ краткой редакціи иногда перемѣшаны порядкомъ, въ какомъ слѣдуютъ извѣстія, иногда выпускаются отдѣльныя показанія, иногда измѣненъ слогъ.

¹⁾ Сказаніе, еже содѣяся, стр. 1—2.

²⁾ Сказаніе, стр. 3—13.

изъ польскаго языка, съ нѣкоторыми бытовыми чертами легенды, то становится ясно, что легенда возникла подъ сильнымъ польскимъ вліяніемъ. Авторъ ея описываетъ нѣкоторые западно-русскіе обычаи ¹⁾, одежду польскихъ монаховъ ²⁾. Авторъ знаетъ о религиозной розни въ Литвѣ: его герои ведутъ пренія о вѣрѣ ³⁾. Авторъ самъ бывалъ близокъ къ литовскимъ людямъ и говорилъ съ ними ⁴⁾; онъ зналъ даже такихъ литовскихъ пановъ, которые не принимали участія въ походѣ Лжедмитрія на Русь и не играли въ Литвѣ выдающейся роли ⁵⁾. Словомъ, авторъ знакомъ съ польско-литовскимъ бытомъ больше, чѣмъ какой-нибудь иной писатель о смутѣ. Но отсюда нельзя еще заключать, что онъ самъ былъ изъ Литвы. Онъ, очевидно, противопоставляетъ литовцевъ и поляковъ себѣ и русскимъ людямъ, когда говоритъ: „повѣдаша ихъ же Литва, что придоша тринадцать тысячъ Запорожанъ къ самозванцу“ ⁶⁾. И языкъ автора, несмотря на частые полонизмы, не можетъ быть названъ западно-русскимъ, если сравнить его хотя бы съ памятниками западно-русской полемической литературы XVI — XVII вв. Это — испорченная московская рѣчь.

Вслѣдъ за легендой о началѣ самозванства Отрепьева въ Сказаніи слѣдуетъ болѣе правдоподобная исторія его похода на Москву, воцаренія и гибели ⁷⁾. Въ этой исторіи можно подмѣтить слѣды источниковъ, какими пользовался авторъ. Такъ, его рассказъ о прелестныхъ грамотахъ самозванца обнаруживаетъ знакомство съ подлинною грамотой Лжедмитрія, внесенною въ Повѣсть 1606 года ⁸⁾. Повліяли на Сказаніе и грамоты В. Шуйскаго: по нимъ авторъ рассказываетъ о посольствѣ отъ папы къ самозванцу; изъ такъ-называемыхъ рѣчей Бучинскихъ беретъ онъ данныя о жестокостяхъ Раз-

¹⁾ Напримеръ, обычай витанія (Сказаніе, стр. 8—9).

²⁾ Сказаніе, стр. 7—8.

³⁾ Сказаніе, стр. 6. По словамъ автора, литовцы даже полагали, что Гришка пришелъ въ Литву „о духовныхъ бесѣдовати“.

⁴⁾ Сказаніе, стр. 13: „слышахомъ отъ нихъ, литовскихъ людей“.

⁵⁾ Николай и Янъ Воловичи (Сказаніе, стр. 5—6). О нихъ мы не нашли извѣстій. Въ концѣ XVI в. въ Литвѣ замѣтенъ Евстафій Воловичъ (Сказаніе *жм. Курбскаю*, изд. 3-е, стр. 250—251.—Русск. Ист. Библиотека, IV, стр. 950, 1324, 1441). Какъ-то панъ Воловичъ упоминается и въ смутное время, но позже перваго самозванца (Акт. Ист. II, № 146, стр. 172; № 174, стр. 200).

⁶⁾ Сказаніе, стр. 14.

⁷⁾ Сказаніе, стр. 13—26.

⁸⁾ Сказаніе, стр. 13.—Иное Сказаніе, стр. 15—16.

стриги и безобразіяхъ поляковъ въ Москвѣ; изъ сообщеній Шуйскаго о перепискѣ самозванца онъ заимствуетъ черты для исторіи женитьбы Лжедмитрія (но отъ себя прибавляетъ имя Ае. Власьева и рассказъ о Гермогенѣ и коломенскомъ епископѣ Іосифѣ); наконецъ, на рѣчахъ Бучинскихъ основываетъ онъ свои показанія о замыслѣ Лжедмитрія перебить бояръ ¹⁾. Далѣе, сличая разбираемое произведеніе съ Новымъ Лѣтописцемъ, Сказаніемъ Авр. Палицына и Повѣстью 1606 года, находимъ у нашего автора нѣсколько мѣстъ, очень сходныхъ съ рассказами названныхъ памятниковъ ²⁾. Однако эти сходныя мѣста самостоятельны по языку и оригинальны по нѣкоторымъ деталямъ изложенія. При этомъ условіи нельзя, конечно, утверждать, что авторъ изучаемаго Сказанія прямо заимствовалъ изъ другихъ литературныхъ произведеній. Но можно догадываться, что онъ былъ съ ними знакомъ, и для такой догадки найдутся основанія.

Нѣкоторыя мѣста рассказа о царствованіи Лжедмитрія производятъ съ перваго взгляда такое впечатлѣніе, какъ будто они написаны современникомъ и даже очевидцемъ событій. Такъ, изображая въѣздъ Марины Мнишекъ въ Москву, авторъ сообщаетъ такія подробности: „И ѣхалъ Сендомирской съ панною съ Маринкою площадью гораздо тихо, а въ тѣ поры... игра была многая... до тѣхъ мѣстъ, какъ вошли въ Кремль городъ; а на Флоровскихъ воротѣхъ по тому жъ была игра въ музыки“. При описаніи свадьбы самозванца авторъ говоритъ, что для музыки поставлены были „съ трубы (слѣдуетъ читать: срубы) отъ соборныя церкви и до Архангела, противъ самыхъ церковныхъ дверей и образа Пречистыя Богородицы, что въ кіотѣ надъ дверьми“ ³⁾. Въ мѣстѣ съ такими подробностями въ Сказаніи находится нѣсколько точныхъ хронологическихъ датъ: авторъ любитъ указывать числа и дни событій. Однако не слѣдуетъ довѣряться этой

¹⁾ Сказаніе, стр. 18—19; 19; 19—20; 22—23.—Авт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 114; 108—109; 114—115; 108.

²⁾ Такъ, къ даннымъ Новаго Лѣтописца приближаются рассказы автора о первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ самозванца на Руси и о въѣздѣ самозванца въ Москву (Сказаніе, стр. 13—14, 17.—Ник. Лѣт. VIII, 60—61, 70—71). Къ показаніямъ Авр. Палицына авторъ близокъ въ рассказѣ о дьякѣ Тимоѣѣ Осиповѣ (Сказаніе, стр. 25.—Сказаніе Авр. Палицына, изд. 2-е, стр. 29). Наконецъ, съ Повѣстью 1606 года разбираемое Сказаніе сходится въ повѣствованіи объ опалѣ Шуйскихъ при самозванцѣ (Сказаніе, стр. 17—18.—Иное Сказаніе, стр. 30—31). Сказаніе какъ будто усвоило себѣ и общую точку зрѣнія Повѣсти 1606 года на Шуйскихъ, весьма благосклонную.

³⁾ Сказаніе, стр. 21—22.

мелочности и точности показаній. Рядомъ съ показаніемъ очевидца, на видъ правдивымъ, найдемъ и легендарную ложь: авторъ, напримеръ, утверждаетъ, что въ маѣ 1606 года въ Москвѣ литовскіе люди „хождаху по рядомъ и по улицамъ со оружіемъ и съ самопалами, и стрѣляху въ христіанъ, и грабляху, и біяху, и жены и дщери сильно у мужей отнимаху“¹⁾. До такой степени не обострились, какъ извѣстно, отношенія русскихъ и поляковъ до смерти самозванца. И точныя хронологическія указанія автора оказываются иногда совершенно невѣрными²⁾. Все это свидѣтельствуетъ намъ, что если въ разбираемомъ Сказаніи мѣстами видны впечатлѣнія очевидца, то эти впечатлѣнія не принадлежатъ самому автору Сказанія, а стали ему извѣстны случайно, изъ какихъ-нибудь другихъ сказаній. Въ такой догадкѣ утвердимся окончательно, если обратимъ вниманіе на слѣдующую подробность: авторъ Сказанія два раза опредѣляетъ время пріѣзда въ Москву Юрья Мнишка, и опредѣляетъ совершенно различно. Сначала онъ прямо называетъ число: „маія во 2 день въ Московское государство пришеде изъ Литвы и съ Польши Сендомирской воевода.... и дочь свою, панну Маринку, съ собою привезъ“³⁾. Немного ниже онъ повторяетъ извѣстіе о пріѣздѣ Мнишка съ дочерью и говоритъ между прочимъ о Мнишкѣ: „приде подъ царствующій градъ Москву на Свѣтлой недѣли въ четвергъ“, то-есть, 24-го апрѣля⁴⁾. Ясно, что самъ авторъ точно не зналъ дня пріѣзда Мнишка и не понялъ показаній тѣхъ источниковъ, которыми пользовался. Извѣстно, что Мнишекъ опередилъ свою дочь на пути въ Москву и пріѣхалъ туда дѣйствительно 24-го апрѣля; торжественный же въѣздъ Марины въ столицу былъ 2-го мая⁵⁾. Еслибы ав-

¹⁾ Сказаніе, стр. 23.

²⁾ Невѣрно показано число битвы подъ Новгородомъ - Свѣрскимъ 10-е декабря (вмѣсто 21-го) 1604 г. (Сказаніе, стр. 14.—Изборникъ А. Н. Попова, стр. 326.—Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 80, стр. 171). Неточно означенъ день смерти царя Ѳедора Борисовича: въ 1605 году 19-го іюня было не въ четвергъ, а въ среду (Сказаніе, стр. 16.—*Горбачевская* Археограф. календарь, табл. 10); весьма сомнительно и самое число 19-го іюня: Бусовъ пишетъ 10-го іюня, и справедливо, потому что смерть Борисова сына не могла быть напередъ пріѣзда Демидітрія въ Москву (Сказанія современниковъ о Димитріи самозванцѣ, изд. 3-е, I, стр. 46).

³⁾ Сказаніе, стр. 20.

⁴⁾ Сказаніе, стр. 21.—*Горбачевская* Археограф. календарь, табл. 50.

⁵⁾ На эти числа 24-го апрѣля и 2-го мая (или, по новому стилю, 4-го и 12-го мая) есть нѣсколько указаній: Сказанія современниковъ о Димитріи самозванцѣ, изд. 3-е, I, стр. 54, 302; II, стр. 141, 147.—Сказанія Массы и Германа, стр. 181, 183.

торъ Сказанія самъ видѣлъ изображенныя имъ событія, или еслибы онъ о нихъ слышалъ отъ очевидцевъ, то онъ не спуталъ бы такихъ фактовъ, которые видѣла вся Москва. Но авторъ имѣлъ въ рукахъ вполне точныя даты и не могъ съ ними справиться,—ясный знакъ, что онъ былъ далекъ отъ описанной эпохи и восстанавливалъ ее уже по источникамъ, не всегда даже умѣя ихъ понимать. Если же авторъ писалъ по источникамъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что онъ зналъ такіе крупные памятники, какъ Повѣсть 1696 года, Сказаніе Авр. Палицына и Новый Лѣтописецъ. Тѣ же немногія извѣстія нашего автора, которыхъ нельзя отыскать въ названныхъ памятникахъ, могли явиться у него изъ устныхъ преданій или изъ какихъ нибудь произведеній о смутѣ, до насъ не дошедшихъ (слѣды такихъ произведеній увидимъ ниже). По крайней мѣрѣ нѣтъ основаній думать, что все новое и цѣнное въ послѣдней части Сказанія непременно составляетъ плодъ личныхъ наблюденій автора. Чтобы окончить рѣчь объ этой послѣдней части Сказанія, нужно замѣтить, что языкъ ея такъ же отмѣченъ полонизмами, какъ и языкъ разсказа о жизни самозванца въ Литвѣ. Нерѣдко встрѣчаются здѣсь выраженія, заимствованныя, очевидно съ польскаго: „клеяности“, „магирка“, „капланъ (Kapelan)“. Но и здѣсь общій складъ рѣчи не даетъ права считать ее не московскою.

Итакъ, начало разбираемаго Сказанія представляетъ собою наборъ отдѣльныхъ извѣстій; вторая его часть является легендарнымъ преданіемъ, сложившимся подъ литературнымъ вліяніемъ польскимъ; повѣствованіе же о воцареніи и гибели самозванца не такъ легендарно, какъ разсказъ о первыхъ его походахъ, и представляется до извѣстной степени простою переработкою грамотъ и иныхъ источниковъ. Рѣзкое различіе литературныхъ приемовъ въ различныхъ частяхъ Сказанія даетъ намъ право не считать его произведеніемъ литературно-цѣльнымъ: авторъ довольно механически соединялъ простыя замѣтки лѣтописнаго типа съ легендою, художественно-стройною, и съ переработанными показаніями официальныхъ грамотъ.

Въ какомъ же отношеніи находится краткая редакція Сказанія къ пространной? Главное ихъ различіе заключается въ томъ, что въ краткомъ Сказаніи выпущена почти вся легендарная повѣсть о первоначальныхъ походахъ самозванца и сдѣланы нѣкоторыя сокращенія въ разсказѣ о царствованіи Лжедмитрія. Но въ ней остался конецъ легендарной повѣсти, съ извѣстіемъ о баснословномъ Ла-

шевскомъ сеймѣ ¹⁾, остались и характерныя не московскія выраженія пространной редакціи. Мало того, нѣкоторыя показанія той вставки, которою замѣнена въ краткомъ Сказаніи выпущенная легенда,—прямо согласованы съ окончаніемъ этой легенды. Для того, чтобы пояснить происхожденіе Лашевскаго сейма, составитель вставки нашелъ нужнымъ сказать о Сигизмундѣ, что онъ „повелѣваетъ всѣмъ своимъ паномъ и гетманомъ и воеводамъ быти на раду“. Для того, чтобы сдѣлать понятнѣе вмѣшательство папы въ дѣло самозванца онъ обстоятельнѣе, чѣмъ въ пространной редакціи, поясняетъ, будто король послалъ „къ папѣ латынскому въ Римъ извѣтъ достовѣренъ, что приде къ нему изъ Російскаго государства царевичъ Дмитрей Ивановичъ“. Но эту пояснительную фразу составитель вставки взялъ изъ пространной же редакціи ²⁾. Такимъ образомъ краткая редакція вмѣстѣ съ языкомъ пространнаго Сказанія заключаетъ въ себѣ и часть его легендарнаго содержанія. Это не позволяетъ думать, чтобы краткая редакція была составлена раньше полной и послужила для нея какъ бы канвой, на которой возникла впоследствии легенда. Гораздо вѣроятнѣе, что рассказъ пространной написанъ былъ раньше; обиліе въ немъ бытовыхъ чертъ западно-русской жизни, мало понятныхъ для московскихъ людей, могло вызвать желаніе упростить его,—и вотъ, главнѣйшее сокращеніе произведено было именно въ легендѣ о польскихъ приключеніяхъ Отрепьева.

Если наше соображеніе вѣрно, мы можемъ воспользоваться имъ, чтобы опредѣлить хотя до нѣкоторой степени время составленія Сказанія. На одномъ изъ списковъ краткой редакціи есть замѣтка о томъ, что онъ писанъ въ 1649 году ³⁾. Стало быть, краткое Сказаніе появилось не позднѣе этого года. Если оно есть переработка пространнаго, то и послѣднее слѣдуетъ отнести къ первой половинѣ XVII вѣка ⁴⁾. Кто былъ авторомъ разбираемаго произведенія, опре-

¹⁾ Имп. Публ. Библ. ркп. Q. XVII. 33, л. 121 об. и далѣе; ркп. Q. XVII. 114, л. 296 и далѣе.—Сказаніе, стр. 12—13.

²⁾ Сравн. Сказаніе, стр. 12, и выписку изъ краткой редакціи Сказанія, приведенную выше.

³⁾ Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 33, л. 157. Приписка приведена нами выше.

⁴⁾ Одинъ изъ списковъ пространнаго Сказанія западно-рускаго письма г. *Викторова* относилъ даже къ началу XVII вѣка (*Викторова Рукописи И. Д. Бѣляева. М. 1881, стр. 4, № 1510*). Мы имѣли случай видѣть этотъ списокъ: въ немъ рядомъ съ частями разбираемаго Сказанія списаны тѣмъ же почеркомъ

дѣлать нельзя. Изъ того, что было сказано о самомъ произведеніи, можно только вывести догадку, что авторъ его былъ московскій человекъ, знакомый съ польскою рѣчью и западно-русскимъ бытомъ.

II. Обращаемся къ произведеніямъ о смутѣ компилятивнаго характера. Среди нихъ можно замѣтить два различныхъ типа повѣствований. Одни компиляторы, явно пользуясь извѣстіями болѣе раннихъ текстовъ, стремятся на основаніи ихъ создать свой самостоятельный рассказъ о смутѣ и достигаютъ этого иногда съ большимъ литературнымъ искусствомъ. Другіе же просто соединяютъ части различныхъ произведеній и ограничиваютъ свой личный трудъ только тѣмъ, что вносятъ въ рассказъ двѣ-три соединительныя фразы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ необходимо поддержать чисто-внѣшнюю, грамматическую связь между заимствованными текстами. Въ первомъ случаѣ читатель имѣетъ дѣло съ очень стройнымъ литературнымъ произведеніемъ, во второмъ онъ видитъ предъ собою хрестоматію, составленную изъ плохо согласованныхъ отрывковъ.

Познакомимся сперва съ компилятивными произведеніями о смутѣ, имѣющими литературную цѣльность. Однимъ изъ наиболѣе раннихъ подобныхъ произведеній было повѣствованіе, внесенное въ Погодинскій хронографъ № 1465 ¹⁾. Оно представляетъ собой весьма краткій очеркъ смуты, лишенный цѣнныхъ историческихъ чертъ. Авторъ не скрываетъ того, что пользуется письменными памятниками, и, приводя извѣстіе о постриженіи Годунова съ именемъ Бого-

отрывки Сказанія Палицына (сравн., напримѣръ, л. 145, главу „О Борисѣ царь Годуновъ“, и Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 20: „Оскверни же царь Борисъ неправеднымъ прибыткомъ“ и т. д.). Стало быть, списокъ не могъ явиться раньше 1620 года.—Болѣе надежнымъ свидѣтельствомъ ранняго происхожденія пространной редакціи является слѣдующій фактъ: въ одномъ изъ хронографовъ, составленіе котораго *А. Н. Поповъ* относитъ къ первымъ годамъ царствованія царя Алексѣя (Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 264), мы находимъ извѣстія именно пространнаго Сказанія, выпущенныя въ краткомъ (Сравн. Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 416, и Сказаніе, стр. 19, 22: о посольствѣ Ае. Власьева и о свадьбѣ самозванца).

¹⁾ Издано: цѣликомъ въ Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 413—429; частью у гр. *Растолчина* Четыре сказанія о Лже-Димитрѣ, стр. 5—20.—Описаніе списка (рпк. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1465) въ Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 264—270 (*А. Н. Поповъ* относитъ составленіе этого хронографа къ началу царствованія Алексѣя Михайловича).—Есть и другой списокъ того же повѣствованія о смутѣ—въ рпк. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1616, XVIII вѣка, въ 4 д., 385 л., лл. 98—113 (*А. Ф. Бычкова* Описаніе церк.-слав. и русск. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библиотеки, I, стр. 470, § 6).

лѣпа, замѣчаетъ, что такъ „нѣщны же написаша“. Самъ же авторъ плохо зналъ событія и дѣлалъ крупныя промахи. Такъ, онъ думалъ, что мать царевича Дмитрія послѣ его смерти оставалась въ Угличѣ и что самозванецъ ее „взялъ съ Углича къ себѣ къ Москвѣ“. Подмошковаго Ляпуновскаго ополченія онъ вовсе не зналъ и писалъ, что Дм. Т. Трубецкой, Пожарскій и Мининъ вмѣстѣ собрали воинство и пришли подъ Москву ¹⁾. Краткость изложенія автора не позволяетъ указать его источники вездѣ съ одинаковой точностью. По тѣмъ же мѣстамъ Хронографа, гдѣ авторъ выражается пространнѣе, можно заключить, что ему были извѣстны „Сказаніе, еже содѣяся“, и грамоты, вошедшія въ Повѣсть 1606 года. Изъ Сказанія заимствовалъ онъ цѣлыя фразы въ свой рассказъ о царствованіи Лжедмитрія и не отбросилъ даже польскихъ выраженій, находящихся въ Сказаніи ²⁾. А по грамотамъ В. Шуйскаго описалъ онъ открытіе мощей царевича Дмитрія и всенародное покаяніе иноки Марѳы, матери царевича ³⁾. Иногда извѣстія своихъ источниковъ авторъ сопровождаетъ благочестивыми замѣчаніями и текстами Св. Писанія, а къ повѣсти о дьякѣ Тимоѳеѣ Осиповѣ, взятой изъ „Сказанія, еже содѣяся“, онъ присочинилъ цѣлую рѣчь Тимоѳея самозванцу и прибавилъ новую фактическую черту, что „зауши его (то-есть, самозванца) Тимоѳеѣ каменемъ въ лице“. Эта редакція рассказа о подвигѣ дьяка составляетъ самую любопытную часть разбираемаго памятника. Въ дальнѣйшихъ же его статьяхъ, относящихся уже ко времени Михаила Ѳеодоровича, нельзя не отмѣтить отрывковъ какого-то намъ неизвѣстнаго муромскаго лѣтописца, повѣствующаго приказнымъ слогомъ о приходѣ Лисовскаго подъ Муромъ въ 1616 году ⁴⁾.

Гораздо большею содержательностью и значеніемъ отличается Повѣсть о разореніи Московскаго государства и всеа Россійскія земли, изданная А. Н. Поповымъ въ 1881 году ⁵⁾. Въ прекрасномъ предисловіи издателя находится точная характеристика

¹⁾ Изборникъ, стр. 415, 421.

²⁾ Сравни. Изборникъ, стр. 416—417, и Сказаніе, стр. 19, 22, 25.

³⁾ Сравни. Изборникъ, стр. 418—419, и Иное Сказаніе, стр. 47—50 (Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 110—112).

⁴⁾ Изборникъ, стр. 422—423. Въ ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1616, л. 109 об.,—этого нѣтъ.—Сравни. Ник. Лѣт. VIII, 219.—Книги Разрядныя, I, 183.

⁵⁾ *Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1881 годъ, II, „Библиографическія матеріалы, собранныя А. Поповымъ“, стр. 1—51.—Повѣсть издана по двумъ спискамъ (изъ рукописей Моск. Дух. Академіи № 203 и № 201); третій списокъ былъ извѣстенъ *Карамзину* (Ист. Гос. Росс., X, прим. 248 и др.).

памятника и рядъ замѣчаній о времени его появленія и о личности автора. Повѣсть о разореніи Московскаго государства—очень любопытное произведеніе. Она написана въ 1654 году, въ то время, когда царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился объявить войну Польшѣ за Малороссію и самъ отправился въ походъ, „подвижеся со всѣмъ своимъ христіанскимъ воинствомъ“¹⁾. Цѣль Повѣсти—оправдать предпринятую войну, показать ея политическую необходимость и объяснить, что для войны выбрано надлежащее время. Повѣсть—это „проповѣдь безопадной кровавой политики возмездія“, говоритъ А. Н. Поповъ. Въ войнѣ съ Польшей авторъ видитъ прекрасный случай отплатить полякамъ за все зло, какое они нанесли Москвѣ полвѣка передъ тѣмъ: „день отмщенія настойтъ“,—воскликаетъ онъ,—„и время возданія належитъ нечестивымъ!“²⁾ Для того, чтобы показать, какія бѣды нанесли поляки Руси въ прошломъ, авторъ и вспоминаетъ весь ходъ смуты: торжество Разстриги, поддержаннаго Польшей, грабежи поляковъ при Шуйскомъ и польское господство послѣ Шуйскаго. Въ современной ему Польшѣ авторъ усматриваетъ такую же смуту, какъ была когда-то въ Московскомъ государствѣ: на престолѣ сидитъ разстрига³⁾, казачество возстало, и у Польши нѣтъ силъ съ нимъ справиться. При такихъ условіяхъ, слабость Польши очевидна, и Руси нельзя пропускать такой благоприятной минуты для отмщенія за свои обиды.

Итакъ, Повѣсть по своимъ цѣлямъ есть публицистическое произведеніе, въ которомъ исторія смуты играетъ только служебную роль. Исторической своей стороною разбираемый памятникъ, по словамъ Попова, „представляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ легкій поверхностный очеркъ, пересказъ событій, гораздо обстоятельнѣе изложенныхъ въ другихъ лѣтописныхъ трудахъ“. Къ тому же этотъ пересказъ событій весь построенъ на источникахъ, намъ уже извѣстныхъ, и потому историческая его цѣнность была бы совершенно ничтож-

¹⁾ Повѣсть, стр. 48.

²⁾ Повѣсть, стр. 48.

³⁾ Авторъ, сравнивая короля польскаго Яна Казимира съ Отрепьевымъ, такъ выражается о немъ: „то ли христіанскаго закона чинъ сохраняють: оставя иносскій образъ и духовный чинъ отъ себя отвергнувъ, и на королевство коруноватися и братню жену за себя взявъ и дѣти прияти“ (Повѣсть, стр. 44). О Янѣ Казимирѣ у *Bobrzyńskiego Dzieje Polski w zagysie*, t. II. Warszawa. 1881, p. 215: „r. 1643 wstąpił do Jezuitów, r. 1645 kardynałem, r. 1648 królem polskim obrany, rpanował do roku 1668“.

ной, еслибы не были любопытны нѣкоторые взгляды и отзывы умнаго и образованнаго автора Повѣсти.

Онъ самъ говоритъ намъ въ заглавіи своего произведенія, что оно „выписано отъ лѣтописныхъ книгъ и отъ иныхъ повѣстей“. И въ текстѣ Повѣсти онъ не разъ откровенно указываетъ на свои источники. Такъ, характеризуя царя Феодора Иоанновича, онъ прямо ссылается на его Житіе, составленное Іовомъ ¹⁾. Говоря объ ослѣпленіи Симеона Бекбулатовича, онъ указываетъ, какъ на источникъ, на „Лѣтопись русскую“, подъ которою разумѣть, какъ кажется, Никонову лѣтопись ²⁾. Заимствуя почти дословно одну фразу Новаго Лѣтописца, онъ не скрываетъ, что приводитъ чужія слова ³⁾. Иногда, по поводу того или другаго своего заявленія, авторъ спѣшитъ прикрыть свое личное мнѣніе авторитетомъ лѣтописей ⁴⁾. Наконецъ, и въ послѣсловіи къ Повѣсти авторъ еще разъ заявляетъ, что не вымышлялъ своихъ извѣстій, а бралъ ихъ изъ прежнихъ повѣстей ⁵⁾. Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ несамостоятельнымъ. Сличеніе текста Повѣсти съ другими памятниками позволяетъ опредѣлить довольно точно и тотъ тѣсный кругъ „прежнихъ повѣстей“ о смутѣ, съ которымъ былъ знакомъ авторъ Повѣсти. Кромѣ Новаго Лѣтописца и Житія царя Феодора, онъ пользовался только Сказаніемъ Авр. Палицына.

Болѣе всего слѣдовалъ онъ Новому Лѣтописцу. Изъ него заимствовалъ онъ свой рассказъ о смерти царевича Димитрія и о наказаніи Нагихъ и угличанъ за расправу съ убійцами (но число наказанныхъ угличанъ—200—взято у Авр. Палицына) ⁶⁾. По Новому Лѣтописцу

¹⁾ Повѣсть, стр. 12: „писано въ Житіи его“.

²⁾ Повѣсть, стр. 13, прим. 3. — Извѣстіе это, очевидно, взято изъ Новаго Лѣтописца (Ник. Лѣт. VIII, 30). Называя его „Лѣтописью русской“, авторъ этимъ обнаруживаетъ, что пользовался Новымъ Лѣтописцемъ уже въ лѣтописномъ сводѣ,—вѣроятно же всего, въ Никоновскомъ.

³⁾ Повѣсть, стр. 20: „непшуютъ о немъ (Отрепьевѣ)—такое ученіе дадеся ему не отъ Бога“. — Сравни. Ник. Лѣт. VIII, 55: „грамота жъ ему дася не отъ Бога“.

⁴⁾ Повѣсть, стр. 22: „яко же лѣтописныя книги объявляютъ“; стр. 50: „по свидѣтельству лѣтописныхъ книгъ“.

⁵⁾ Повѣсть, стр. 51: „Не отъ своего же помышленія о сихъ бесѣдовавъ, но прежнимъ повѣстемъ последовавъ“....

⁶⁾ Повѣсть, стр. 13—14.—Ник. Лѣт. VIII, 17—20. — Сказаніе Авр. Палицына, изд. 2-е, стр. 3—4.

изложено гоненіе Бориса на митр. Діонисія, нелюбовь его къ датскому королевичу, преслѣдованіе Шуйскихъ ¹⁾; далѣе, исторія перваго самозванца и послышка въ Литву Смирнаго-Отрепьева; усиленіе разбойничества при Борисѣ и смерть отъ разбойниковъ И. Ѳ. Басманова, строгія мѣры Бориса противъ казаковъ ²⁾. По Новому же Лѣтописцу излагается далѣе царствованіе и женитьба самозванца и всѣ дальнѣйшія событія смуты, за тѣми немногими исключеніями, когда авторъ беретъ данныя у Палицына ³⁾. Изъ Сказанія Палицына взяты между прочимъ слѣдующія подробности: описаніе московскаго пожара 1591 года, извѣстіе о невѣстѣ „изъ Хвались“ для Борисова сына, извѣстіе о голодѣ 1601—1603 гг., разсказъ о вѣнчаніи Бориса на царство, разсказъ о замыслѣ самозванца избить бояръ, и нѣкоторыя другія частности ⁴⁾. Изъ Житія же царя Ѳеодора взята, какъ мы уже видѣли, характеристика благочестиваго государя.

Но среди громаднаго большинства данныхъ, очевидно, взятыхъ изъ „прежнихъ повѣстей“, въ Повѣсти есть и оригинальныя мѣста. Любопытны тѣ изъ нихъ, гдѣ авторъ высказываетъ собственные взгляды и наблюденія. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о Борисѣ, что „поставленіе его на царство мноземъ яко роженъ въ сердцы быть“. О Борисовомъ дворѣ въ Москвѣ сообщаетъ онъ любопытное повѣрье XVII вѣка, что „ни дворъ его Борисовъ, идѣже живяше, можаше царскіе сановники вмѣщати въ себѣ на много лѣтъ“. Сѣмя смуты видитъ онъ въ преступной дѣятельности Бориса: „оттуду корень бѣдамъ и напастемъ начало изыде“. Погибель Ляпунова и неудачу его ополченія онъ приписываетъ тому обстоятельству, что въ полкахъ были „все уѣздные люди, а честныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ мало баше въ воинствѣ томъ“; „уѣздные люди“ и убили Ляпунова ⁵⁾. Этими примѣрами, конечно, не исчерпываются любопытныя для историка смуты частности разбираемаго труда. Благодаря обилію такихъ частей, Повѣсть о разореніи Московскаго государства можетъ имѣть, помимо своего большаго историко-лите-

¹⁾ Повѣсть, стр. 16, 17, 19.—Ник. Лѣт. VIII, 9—10, 49—50, 36.

²⁾ Повѣсть, стр. 20, 21, 24, 25.—Ник. Лѣт. VIII, 55—56, 60, 53, 59.

³⁾ Повѣсть, стр. 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36.—Ник. Лѣт. VIII, 72 и 74; 77 и 80—81; 90; 100 и 116—117; 132 и 140; 144—145; 148; 149; 171—172.

⁴⁾ Повѣсть, стр. 15, 16, 22, 23, 26—27. — Сказаніе Палицына, изд. 2-е стр. 4—5, 18, 11—13, 7—8, 30—31.

⁵⁾ Повѣсть, стр. 16, 19, 20, 37.

ратурнаго интереса, еще и нѣкоторое значеніе, какъ историческій документъ.

А. Н. Поповъ думаетъ, что авторомъ Повѣсти былъ Симонъ Азарьинъ: въ рукописяхъ Симона находится черновой списокъ Повѣсти ¹⁾. Нельзя отвергать возможности и правдоподобности такого заключенія. Но нельзя считать его и непреложнымъ. Въ Повѣсти на личность автора нѣтъ прямыхъ указаній; въ ней не разъ упоминается о Троицкомъ монастырѣ и о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ троицкіи власти и братія принимали дѣятельное участіе. Но нигдѣ не видно особеннаго вниманія автора къ Троицкимъ чудотворцамъ и братіи. Такое спокойное, чтобы не сказать равнодушное, отношеніе къ монастырю совершенно не въ духѣ Азарьина, глубочайшаго почитателя своей обители.

Отъ произведеній половины XVII вѣка переходимъ къ прозведеніямъ, составленнымъ въ послѣдніе его годы. Въ концѣ царствованія царя Алексѣя Михайловича извѣстный бояринъ А. С. Матвѣевъ приступилъ въ Посольскомъ приказѣ къ составленію нѣсколькихъ официальныхъ повѣствованій историческаго и дипломатическаго характера ²⁾. Между прочимъ подъ его руководствомъ въ 1672—1673 годахъ написана была роскошная по своей внѣшности Книга объ избраніи на престолъ царя Михаила Феодоровича ³⁾. Главное содержаніе Книги составляетъ разсказъ объ избраніи на царство царя Мххапла, а затѣмъ о нареченіи и поставленіи на патриаршество его отца Филарета. Разсказъ основанъ на официальныхъ документахъ ⁴⁾ и ведется официальнымъ языкомъ. Въмѣсто же вступленія къ нему приписано краткое повѣствованіе о смутѣ вообще. Оно имѣетъ компилятивный характеръ и составлено съ большимъ литературнымъ умѣньемъ изъ отрывковъ Хронографа 2-й редакціи, Повѣсти 1606 года, Новаго Лѣтописца, Сказанія Палицына и Мп-

¹⁾ Повѣсть, стр. 1—3, 8.

²⁾ Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева. С.-Пб. 1776 г., стр. 34—35.—Доп. къ Акт. Ист. VI, № 43.—*Строева* Библиол. Словарь, стр. 209.—Митр. *Евгенія* Словарь русск. свѣтскихъ писателей, II, 49—52.

³⁾ „Книга объ избраніи на царство великаго государя царя и в. кн. Михаила Феодоровича. Издана Коммисією печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ“ и т. д. М. 1856.

⁴⁾ Источниками его были: официальное описаніе избранія Михаила Феодоровича, составленное при царѣ Михаилѣ (см. Книгу объ избраніи, Предисловіе, стр. XXXIV — XXXV, и Собр. Гос. Гр. и Д. III, № 1 и № 16) и Чинъ поставленія въ патриархи Филарета Никитича (Доп. къ Акт. Ист. II, № 76).

лютинскаго житія цар. Дмитрія ¹⁾). Хотя авторъ повѣствованія не слѣдовалъ буквально своимъ источникамъ, а передѣлывалъ ихъ изложение въ официально-риторической разсказъ, тѣмъ не менѣе онъ не внесъ отъ себя ни одного новаго показанія, ни одной любопытной для историка мысли. Поэтому значеніе разбираемой Книги, какъ историческаго источника, вполнѣ ничтожно. Документы, сохранившіе намъ исторію составленія этого памятника, называя лицъ, трудившихся надъ перепиской, рисунками и переплетомъ Книги, не называютъ того лица, которое написало ея текстъ. Нельзя думать, чтобы это былъ личный трудъ Матвѣева: онъ и самъ не считаетъ себя одного авторомъ, такъ какъ говоритъ, что „сдѣлалъ книги съ товарищи своими, и съ приказными людьми, и съ переводчиками“.—Одновременно съ Книгою объ избраніи царя Михаила и тѣмъ же порядкомъ въ Посольскомъ приказѣ составлена была и другая книга—о титулахъ московскихъ государей и государей разныхъ земель ²⁾. Въ началѣ ея находится краткій очеркъ всей русской исторіи, показывающій, „откуда произыде корень великихъ государей... російскихъ“. Въ этомъ очеркѣ есть и описаніе смуты, прямо заимствованное съ нѣкоторыми пропусками и измѣненіями изъ Книги объ избраніи царя Михаила ³⁾.

Оба эти официальные труда не даютъ намъ ничего исторически цѣннаго. Нельзя сказать этого о любопытномъ частномъ произведеніи, которое было составлено въ тѣ же приблизительно годы и въ литературѣ получило названіе Латухинской Степенной книги. Единственный извѣстный намъ списокъ этого труда сохранился въ рукописяхъ Н. М. Карамзина ⁴⁾ и былъ полученъ историографомъ

¹⁾ Считая по страницамъ печатной Книги, заимствованія идутъ въ такомъ порядкѣ: стр. 2-я („Сей же царь“...) составлена по Хронографу 2-й редакціи и Милютинскому Житію; стр. 3 („Глаголють убо и преставленіе“...)—по Повѣсти 1606 года, затѣмъ по Новому Лѣтописцу (отъ словъ: „И по лукавомъ ихъ зловловіи“...); стр. 4, 5, 6—по Новому Лѣтописцу; стр. 6 („Царь же Борисъ, разумѣвъ, яко оіаль“...) — по Хронографу 2-й редакціи; стр. 7 — 10 заключаютъ въ себѣ очень краткія замѣтки, очевидно, по Новому Лѣтописцу и Сказанію Палицына; стр. 10—13—по Сказанію Палицына и официальнымъ актамъ. Далѣе, повѣствованіе идетъ исключительно по официальнымъ документамъ.

²⁾ Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XVI, стр. 86—251.—*Строева* Библиол. Словарь, стр. 209.—*Строевъ* невѣрно принимаетъ годъ составленія книги—1678; она была составлена равнѣе (Доп. къ Акт. Ист. VI, № 43, § XV).

³⁾ Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XVI, стр. 94—102.

⁴⁾ Книгъ въ Имп. Публ. Библиотекѣ (ркп. F. IV. 597, въ листъ, полууставомъ XVIII в.).

„отъ Волохнинскаго купца Латухина“¹⁾. Карамзинъ очень внимательно изучилъ показанія памятника и многіе его отрывки напечаталъ въ примѣчаніяхъ къ своей Исторіи²⁾. Но онъ не указалъ ни времени, ни автора произведенія, не опредѣлилъ и его состава. Списокъ же Латухинской книги даетъ нѣсколько опредѣленныхъ указаній въ этомъ отношеніи.

Въ началѣ его находятся длинныя „Виршы“, служащія предисловіемъ къ Степенной книгѣ³⁾. Слагая начальныя буквы каждаго стиха, получаемъ такую фразу, тоже стихотворную: „Тихонъ(ъ) монахъ(ъ) о Бозе начахъ(ъ), книги сія нетрудно писахъ(ъ), доволноу же мзду за се взяхъ(ъ), в(ъ) Лавроу Желтоводскую отдахъ(ъ) в(ъ) лето седмъ(ъ) тпсѣщ(ъ) сто осмдесѣтъ(ъ) седмое, в(ъ) месяце ноемврѣи“⁴⁾. Тихонъ монахъ, котораго по виршамъ слѣдуетъ считать составителемъ Степенной книги, есть, очевидно, тотъ самый архимандритъ макарьевскій Тихонъ, который управлялъ Желтоводскимъ монастыремъ въ 1675—1677 годахъ, въ 1680 году былъ сдѣланъ келаремъ Саввина-Сторожевскаго монастыря и получилъ извѣстность въ древнерусской письменности, какъ авторъ „Сказанія о потномъ гласобѣжаніи“⁴⁾. Оставивъ управленіе монастыремъ въ 1677 году, онъ, вѣ-

¹⁾ Ист. Гос. Росс., I, прим. 532.

²⁾ Длинный перечень ссылокъ Карамзина на Латухинскую книгу и выписокъ изъ нея см. у *Строева* Ключъ къ Исторіи Гос. Росс., подъ словомъ: Латухинъ.

³⁾ Нач.: „Творецъ и создатель Богъ всему
и всей твари, служащей Ему.
Христосъ истинный всѣхъ спаситель,
отецъ явися и виждатель,
Неизреченнымъ же совѣтомъ
многимъ сый озари насъ свѣтомъ“...

Много распространяясь о просвѣщеніи древней Руси истиннымъ свѣтомъ Христовой вѣры, вирши затѣмъ объясняютъ содержаніе слѣдующаго за ними труда такимъ образомъ:

„Сей лѣтописецъ возвѣщаетъ,
многій намъ разумъ просвѣщаетъ:
Древле бывшая вся времена,
единовѣрныхъ намъ племена,
Степени царскія и роды,
яже державства ихъ и годы,
Тѣхъ же время благоденствіе,
страшно же бысть и злоденствіе“... и т. д.

⁴⁾ *Строева* Списки Іерарховъ, ст. 613.—*Тимова* Троицкій Желтоводскій монастырь у Старога Макаря, М. 1887, стр. 27.—*Смирнова* Историч. описаніе

роятно, продолжалъ жить у Макарья и посвятилъ своей обители трудъ, законченный имъ въ исходѣ 1678 года ¹⁾).

Книга Тихона въ полномъ своемъ составѣ требуетъ особаго изученія, какъ одна изъ многихъ еще малоизвѣстныхъ попытокъ переработать Степенную книгу Макарія. Мы не можемъ, конечно, принять на себя подобнаго труда, не выходя далеко за предѣлы темы. Большой объемъ статей Латухинской книги, посвященныхъ смутѣ, лишаетъ насъ возможности представить и ихъ подробный анализъ, не распространивъ его въ обширную статью. Вотъ почему мы считаемъ себя въ правѣ привести о разбираемомъ памятникѣ только такія замѣчанія, которыя устанавливаютъ компилятивный характеръ произведенія, а, стало быть, и второстепенное его значеніе въ ряду лѣтописныхъ источниковъ для исторіи смуты.

Самое поверхностное сравненіе разбираемой Книги съ Новымъ Лѣтописцемъ показываетъ уже, что послѣдній легъ въ основаніе той части труда Тихона, которая повѣствуетъ о смутномъ времени. Кое-гдѣ измѣненъ порядокъ главъ; часто сокращено изложеніе, переработанъ слогъ; иногда показанія Новаго Лѣтописца замѣнены или дополнены рассказами другихъ писателей; кое-гдѣ внесены извѣстія для насъ новыя,—такой характеръ имѣютъ всѣ передѣлки и отступленія Тихона въ отношеніи къ тексту его главнаго источника. Несмотря на то, что онъ стремился вообще сокращать повѣствованіе Новаго Лѣтописца и совсѣмъ ничего не рассказалъ, напримѣръ, о перенесеніи мощей царевича Димитрія, о которомъ другіе писатели говорятъ съ особымъ вниманіемъ ²⁾),—несмотря на то онъ часто слѣдовалъ Новому Лѣтописцу даже въ изложеніи весьма мелкихъ событій давнопрошедшаго времени ³⁾).—Кромѣ главнаго своего источника, авторъ охотно черпалъ извѣстія изъ Сказанія Палицына. Изъ него заимствовалъ онъ, между прочимъ, описаніе голода 1601 года,

Саввина-Сторожевскаго монастыря. М. 1879, стр. 98 и прим. 172.—*Ундольскаго* Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи (въ *Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.*, годъ второй (1846—1847), № 3, стр. 14—16).

¹⁾ Нужно замѣтить, что до насъ дошелъ не авторскій экземпляръ Книги Тихона, а уже дополненный извѣстіями до 1725 года (послѣднее извѣстіе—о смерти Петра Великаго).

²⁾ Въмѣсто главы о перенесеніи мощей написано лишь ея заглавіе и подъ нимъ слова: „Полное его слово въ Проловъ мѣсяца маіа въ 15 день“ (л. 473 об.).

³⁾ Какъ на примѣръ, укажемъ на подробное описаніе одного изъ богомольныхъ походовъ царя Феодора, взятое прямо изъ Новаго Лѣтописца (Сравни. Ник. Лѣт. VIII, 24—25, и Латух. книгу, л. 428).

причемъ дополнилъ разсказъ Авраамія разсказомъ Хронографа 2-й редакціи ¹⁾. По Сказанію Палицына повѣствоваль онъ о разбойничествѣ при Борисѣ; а окончаніе третьей главы Палицына послужило ему основаніемъ для особой статьи: „О самохотѣннѣ царя Бориса укрѣпить свою державу“ ²⁾. Отъ Палицына же взялъ онъ извѣстіе объ оскудѣннѣ казны въ Троицкомъ монастырѣ и о явленіи преп. Сергія Арсенію Галасунскому ³⁾.—Не одинъ разъ видны заимствованія и изъ Хронографа 2-й редакціи: изъ него, напримѣръ, взята замѣтка о постройкѣ стѣнъ Бѣлаго города въ Москвѣ; его же словами начинаеть Тихонъ повѣствованіе о царствованіи царя Михаила ⁴⁾.—Знакомы Тихону и извѣстія Повѣсти 1606 года: напримѣръ, о лести и угрозахъ Годунова народу предъ избраніемъ его въ цари, о несостоявшейся казни Шуйскаго при Лжедмитріи, о потѣшномъ адѣ, который устроенъ былъ самозванцемъ ⁵⁾. Можно, наконецъ, замѣтити вліяніе и „Сказанія, еже содѣяся“, — въ разсказѣ Тихона о польскихъ послахъ къ самозванцу и о приѣздѣ въ Москву Маринны Мнишекъ ⁶⁾.

Такъ обширенъ былъ кругъ повѣстей о смутѣ, извѣстныхъ Тихону. Но не всѣ подробности Латухинской книги можно найти въ названныхъ нами выше памятникахъ: у Тихона были и такіе источники, опредѣлить которыхъ теперь нельзя, и о характерѣ которыхъ можно только догадываться. Такъ, подробный разсказъ о землетрясеніи въ Астрахани, бывшемъ въ 7116 (1608) году „апрѣлліа въ 7 день, въ 11 часъ дне“, — даетъ поводъ думать, что у автора Латухинской книги было подъ рукою мѣстное сказаніе объ этомъ событіи ⁷⁾. Откуда-то,—очевидно, изъ письменныхъ документовъ—почер-

¹⁾ Латух. книга, лл. 442 об.—443.—Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 10—13.—Изборникъ А. Н. Попова, стр. 190. — Уже и Карамзинъ замѣчалъ, что Латух. книга „повторяеть“ Сказаніе Палицына (Ист. Гос. Росс., XI, прим. 410).

²⁾ Латух. книга, лл. 446 об.—447, лл. 448—448 об. — Сказаніе Палицына, стр. 14—16, 18—21.

³⁾ Латух. книга, лл. 536, 537.— Сказаніе Палицына, стр. 224—225, 281—282.

⁴⁾ Латух. книга, л. 415 об., лл. 541 об.—542.—Изборникъ, стр. 187, 203.

⁵⁾ Латух. книга, л. 434—434 об., л. 464 об., л. 466—466 об. — Иное Сказаніе, стр. 7, 30, 32. — У Карамзина приведены также нѣкоторыя мѣста, заимствованныя изъ Повѣсти 1606 года и дополненій къ ней въ Иномъ Сказаніи (Ист. Гос. Росс., XI, примѣч. 574; XII, примѣч. 79, 84, 86 и др. — Слич. Иное Сказаніе, стр. 34, 58—59, 57—58, 60—61).

⁶⁾ Латух. книга, лл. 467—468. — Сказаніе, еже содѣяся, стр. 20—21.—Ник. Лѣт. VIII, 73.

⁷⁾ Латух. книга, лл. 481 об. — 482.

паль онъ и точныя хронологическія даты различныхъ событій, какихъ нѣтъ въ его источникахъ, намъ извѣстныхъ. Но всего любопытнѣе цѣлый рядъ извѣстій о Годуновыхъ, оригинальныхъ и притомъ замѣтно благосклонныхъ и къ Борису, и ко всему его роду ¹⁾. Тихонъ не былъ самъ сторонникомъ Бориса и собиралъ о немъ одинаково и хорошіе и дурные отзывы, не обходя въ этомъ случаѣ и враждебной Годунову Повѣсти 1606 года. Кромѣ того, съ необыкновенною подробностью и очень правдоподобно описывая смерть Ив. Ив. Годунова, онъ допустилъ при этомъ явный анахронизмъ, отнеси событіе ко времени перваго, а не втораго самозванца ²⁾. Нѣтъ поэтому никакого основанія приписывать самому Тихону составленіе показаній о Годуновыхъ. Вѣриѣ, что онъ имѣлъ дѣло съ какими-то документами о Годуновыхъ, или же съ повѣстью о нихъ, до насъ не дошедшею, и не всегда могъ справиться съ этимъ матеріаломъ, неудачно размѣщая его хронологически и сопоставляя пріязненные показанія друзей Бориса съ показаніями его враговъ. Наконецъ, среди разнообразныхъ источниковъ Латухинской книги нельзя не замѣтить и легендарныхъ преданій: рассказъ Тихона о томъ, что патріархъ Игнатій просилъ благословенія у патріарха Іова ³⁾, безъ сомнѣнія, баснословенъ.

Итакъ, Латухинская книга есть памятникъ поздній и компилятивный. Нужно замѣтить, что авторъ ея не высказываетъ никакихъ личныхъ взглядовъ на событія смутной эпохи, не имѣетъ личныхъ симпатій и антипатій по отношеніямъ къ дѣятелямъ смуты; онъ только собираваетъ факты и при этомъ обнаруживаетъ большую начитанность въ той литературѣ о смутѣ, которая успѣла образоваться къ его времени. При такихъ условіяхъ значеніе для насъ его труда опредѣляется суммою такихъ его показаній, источника которыхъ мы не можемъ опредѣлить. Выдѣлить и оцѣнить эти показанія—задача отдѣльнаго изслѣдованія; исполненіе ея недостижимо въ нашемъ общемъ обзорѣ.

Къ числу памятниковъ, въ которыхъ сочетались литературныя заимствованія съ самостоятельнымъ творчествомъ, слѣдуетъ отнести

¹⁾ Они собраны *Карамзинымъ* (Ист. Гос. Росс., IX, прим. 611, 618, 754; X, прим. 10, 30, 60, 147, 353, 365; XII, прим. 475).

²⁾ Латух. книга, л. 463 об. — *Карамзина* Ист. Гос. Росс., XII, прим. 475 (здѣсь и критическія замѣчанія по поводу этого эпизода).

³⁾ Латух. книга, л. 465—465 об. — *Карамзина* Ист. Гос. Росс., XI, прим. 378. — Сравни. Ник. Лвт., VIII, 71.

и нѣкоторыя явно легендарныя произведенія. Первое изъ нихъ сохранилось въ Хронографѣ князя М. А. Оболенскаго ¹⁾. Эта рукопись, подробно описанная И. Е. Забѣлинымъ ²⁾, заключаетъ въ себѣ первую редакцію Хронографа, дополненную, между прочимъ, предисловіемъ и статьями Хронографа 1617 года. Разсказъ о смутѣ Хронографа Оболенскаго ничѣмъ по существу не отличается отъ разобранныхъ нами выше статей второй редакціи Хронографа, но изложенъ въ сокращенномъ видѣ ³⁾. Значеніе для историка смуты списка князя Оболенскаго состоитъ не въ его основномъ текстѣ, а въ тѣхъ къ нему прибавленіяхъ, которыя сдѣлапы на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги и вклеены между большими листами рукописи. На нихъ находимъ портреты царя Ѳедора Ивановича, царя Михаила Ѳедоровича и польскаго короля Сигизмунда. Далѣе, на одномъ листкѣ читаемъ грамоты самозванца ⁴⁾, а на трехъ другихъ—легендарныя разказы о разныхъ эпизодахъ смутной эпохи ⁵⁾.

Первый разсказъ — о гибели самозванца и Марины Мнишекъ — любопытенъ по своей конструкціи: авторъ для начала взялъ фразу Хронографа 2-й редакціи, видоизмѣнилъ ее ⁶⁾ и къ ней придѣлалъ невѣжественную легенду о позорномъ погребеніи Лжедмитрія и казни Марины въ Астрахани на рыноцѣ.—Точно также поступилъ авторъ и съ разсказомъ о Скопинѣ: буквально списалъ первое предложеніе изъ того же Хронографа ⁷⁾, а затѣмъ разсказалъ о посоль-

¹⁾ Нынѣ — ркп. Моск. Главн. Архива Министерства Иностраннхъ Дѣлъ № 101—128 (въ листъ, скорописью XVII вѣка).

²⁾ И. Е. Забѣлина „Важный хронографъ особаго состава“ въ *Архивъ ист.-юридич. свѣдѣній* (Калачова), I, отд. VI, по изд. 2-му стр. 31—38.

³⁾ Хронографъ Оболенскаго, лл. 533, 534, 537, 540, 543. — Изборникъ, стр. 186—204. — См. первую главу нашего труда.

⁴⁾ Хронографъ Оболенскаго, л. 536. — Акт. Арх. Эксп. II, № 26 и № 34. — Иное Сказаніе, стр. 15—16, 24—27.

⁵⁾ Хронографъ Оболенскаго, л. 535, — о гибели самозванца и о судьбѣ Марины Мнишекъ (*Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній*, I, стр. 33—34); л. 538 — о Скопинѣ-Шуйскомъ (не издано); л. 542 — объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ и объ избраніи царя Михаила (начало въ *Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній*, I, стр. 34—36, а конецъ у Забѣлина: Мининъ и Пожарскій. М. 1883, стр. 310—312).

⁶⁾ Изборникъ, стр. 193: „И внезапно бо убо возшумѣша многочисленнаго народа волны и вси ведомжи, князи и бояре, и державніи земли, разъярившеся на мерзость его“ и т. д. — Сравни. *Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній*, I, стр. 33: „Разъярившеся православніи и возшумѣша яко волны“ и т. д.

⁷⁾ Хронографъ Оболенскаго, л. 538: „въ лѣто 117 царь Василій Іоанновичъ послалъ воеводу своего отъ еродства своего князя Михаила Скопина“ и т. д. —

ствѣ Скопина къ самому шведскому королю. Король „преклоняется на милость“, даетъ Скопину 40 тысячъ войска и, послѣ совѣта съ „бурмистромъ“ Пунтусовымъ, требуетъ отъ Скопина городовъ „въ закладъ въ грошахъ и въ кормахъ и во всякихъ проторяхъ подъемныхъ“. Скопинъ уступаетъ „Великій Новгородъ, да Корелской городъ, да Копорье, да Орѣшекъ, да Юрьи Ливонской, да Иванъ-городъ“, и съ шведскимъ войскомъ разбиваетъ своихъ враговъ „подъ Торжкомъ“¹⁾. Побѣда героя возвращаетъ автора къ тексту Хронографа 2-й редакціи: его словами характеризуетъ онъ побѣдителя²⁾, а затѣмъ кратко описываетъ отравленіе Скопина чертами, близкими къ знакомому уже намъ Сказанію о роженіи князя Михаила³⁾. Рассказъ заканчивается легендой о разореніи шведами Новгорода за то, что новгородцы „сильны учинилися“ и не заплатили Пунтусову его „гроши и подъемы и кормы и всякія изьяны“. Подробности этой легенды баснословны и нелѣпы: авторъ, напримѣръ, пишетъ, что Пунтусовъ „наѣхалъ“ въ Новгородъ въ 7087 (1579) году, а виѣхалъ въ 7125 (1617) году.

Болѣе независимо отъ Хронографа 2-й редакціи повѣствованіе о нижегородскомъ ополченіи, взятіи Москвы и избраніи царя Михаила, хотя и въ немъ мы видимъ фразу о Мининѣ, цѣликомъ взятую изъ Хронографа⁴⁾. За то авторъ звалъ Сказаніе Палицына, ибо упоминаетъ какъ о дѣятельности Авраамія, такъ и о его книгѣ⁵⁾. Легендарно разбираемое повѣствованіе не менѣе двухъ первыхъ. Козьма Мининъ дѣйствовалъ не какъ земскій староста, а какъ частный че-

Сравни. Изборникъ, стр. 197, и Иное Сказаніе, стр. 66 (до словъ: „скоро исполни; шедъ“...)

¹⁾ Сравни. Нив. Лѣт. VIII, 119—120.

²⁾ „И бысть воевода храбръ и мужественъ, скоро аки молнія супостатныя полки обтече и врагомъ противникъ непобѣдимъ являшеся и тако всѣхъ отъ царствующаго града, яко буря зѣлная съ громомъ страшнымъ и молніею, всѣхъ разгна, аще не бы темный гробъ такова храбраго Ектора или Ахиллеса покры“ (л. 538).—Слич. Изборникъ, стр. 198, и Иное Сказаніе, стр. 66.

³⁾ Изборникъ, стр. 383.—Новы у автора только слова, что „Скопинъ прие-летъ себѣ духовнаго отца и причащается святыхъ таинъ“ (л. 538).

⁴⁾ „Аще и неискусенъ стремленіемъ, но смѣлъ дерзновеніемъ“ (*Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній*, I, стр. 35.—Изборникъ, стр. 202.—Иное Сказаніе, стр. 71).

⁵⁾ *Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній*, I, стр. 35: „И свѣдалъ келарь Троицкой Аврамія Палицына“ и т. д.; немного ниже (стр. 36) читаемъ ссылку на книгу Палицына въ словахъ: „что Аврамія Палицына въ *Троицкомъ свѣдѣніи*“ (Сравни. Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 281—283).

ловѣкъ; онъ успѣлъ собрать полторы тысячи „единомысленниковъ“ и 1700 рублей „третьей деньги“,—и только тогда объявилъ о своемъ дѣлѣ земскимъ старостамъ. До прихода Минина подѣ Москву Трубецкой „взялъ Бѣлгородъ и Китай“, а затѣмъ они вмѣстѣ снова „взяша градъ Китай“. Когда нижегородское ополченіе шло къ Москвѣ, Пр. Ляпуновъ былъ еще живъ и сталъ съ Трубецкимъ противъ нижегородцевъ. Напротивъ, князя Пожарскаго какъ будто и вовсе не было при освобожденіи Москвы; онъ является только на земскомъ совѣтѣ объ избраніи государя и притомъ въ роли главнаго руководителя. На его вопросъ: „есть ли у насъ царское приращеніе?“ никто сразу не можетъ отвѣтить. Только на слѣдующій день, и то не духовные и не придворные люди, а простой галичскій дворянинъ и „славнаго Дону атаманъ“ объяснили собору, что Михаилъ Федоровичъ Романовъ имѣетъ право на престолъ, какъ племянникъ царицы Анастасіи и сынъ того самаго человѣка, которому царь Федоръ поручилъ свой скипетръ. Таковы легендарныя несообразности, придающія памятнику характеръ поэтической думы, изложенной въ прозѣ.

Итакъ, приписки къ Хронографу ⁵Оболенскаго—легенда, далеко ушедшая отъ исторіи. Возникла она однако на опредѣленномъ историческомъ матеріалѣ, пользовалась его литературною формою, сама приняла видъ историческаго повѣствованія съ хронологическими датами и числовыми показаніями. Когда же она создалась и кто былъ ея авторомъ? Приписки къ различнымъ частямъ Хронографа Оболенскаго, писанныя одинаковымъ почеркомъ съ разобранными нами повѣствованіями, заключаютъ въ себѣ указанія на годы 1680, 1681 и 1686,—время, когда составлялись дополненія къ основному, болѣе раннему тексту рукописи ¹⁾. Въ повѣствованіи о Скопинѣ авторъ егс-говоритъ,—что шведы „до днесь“ владѣютъ тѣми городами, которые были ими взяты при Шуйскомъ ²⁾. Оба признака заставляютъ относить возникновеніе легенды къ XVII в., и даже не къ послѣднимъ его годамъ. Далѣе, почеркъ приписокъ—бѣлорусскаго типа, а самыя приписки заключаютъ въ себѣ иногда польскія и латинскія фразы и обнаруживаютъ въ авторѣ человѣка, знакомаго съ латино-польскою схоластикой. Но еще вопросъ, самъ ли авторъ мелкихъ дополненій къ рукописи Оболенскаго составилъ легендарныя повѣсти о смутѣ

¹⁾ Хронографъ Оболенскаго, л. 263, л. 368 об., л. 522 об. (по современной пагинаціи, которою пользовались мы; у И. Е. Забѣлина другія цифры—по старой нумераціи листовъ: *Архивъ ист.-юрид. свидѣній*, I, стр. 37).

²⁾ Хронографъ Оболенскаго, л. 538 об.

Думаемъ, что нѣтъ. Какъ можно убѣдиться изъ напечатанныхъ отрывковъ, языкъ этихъ повѣстей—великорусскій, а не бѣлорусскій. Литературные ихъ источники—Хронографъ 1617 года и Сказаніе Палицына—тоже великорусскіе. Очевидно, что еслибы эти повѣсти были составлены самимъ бѣлоруссомъ, дополнявшимъ Хронографъ, то онѣ носили бы на себѣ болѣе замѣтные слѣды его языка и образованія. Кромѣ того, можно указать и прямой признакъ, что авторъ съ чего-то переписывалъ свой рассказъ объ освобожденіи Москвы: онъ выпустилъ изъ своего оригинала то мѣсто, гдѣ рассказывалось о явленіи преп. Сергія архіепископу Арсенію, и такъ какъ нарушилъ этимъ послѣдовательность изложенія, то считалъ нужнымъ отмѣтить свой пропускъ словами: „Здѣ повѣствуется о Арсеніи Голасунскомъ и о явленіи преп. Сергія, что Аврамія Палицына въ Троицкомъ сѣдѣніи“¹⁾. Такимъ образомъ, нельзя утверждать, что легенды Хронографа Оболенскаго создались непременно въ Бѣлоруссіи²⁾.

Другое легендарное произведеніе о смутѣ, не уступающее въ произвольномъ творчествѣ Хронографу Оболенскаго, — заключается въ рукописномъ Сказаніи о царствѣ государя и великаго князя Θεодора Іоанновича³⁾. Сказаніе повѣствуетъ о царствованіяхъ Θεодора, Бориса и самозванца. Составъ его опредѣляется очень легко: въ первой половинѣ оно представляетъ пересказъ Милютинскаго

¹⁾ *Арх. ист.-юрид. свидѣній*, I, стр. 36.

²⁾ Чтобы закончить рѣчь о тѣхъ преданіяхъ, которыми окружена была память Мнина и прославлялся подвигъ нижегородцевъ,—упомянемъ о легендѣ, недавно обнародованной *А. С. Гацискимъ* (Нижегородскій Лѣтописецъ. Н.-Новгородъ. 1886, стр. 45—46). Литературная исторія этой легенды такъ мутна, а содержаніе ея такъ сказочно, что мы не рѣшаемся видѣть въ ней сколько-нибудь пригодный для историка документъ.

³⁾ Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1617, XVIII в., въ 4 д., 74 лл., л. 1—30 (*А. Θ. Бычкова* Описание церк.-слав. и русск. рукописн. сборниковъ Имп. Публ. Библиотеки, I, стр. 408—410).—Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 234, XVIII в., въ 4-ку, 58 лл. (списокъ неполный, но болѣе исправный; см. Отчетъ Имп. Публ. Библиотеки за 1868 г., стр. 237).—Въ первомъ изъ этихъ списковъ произведеніе озаглавлено: „Сказаніе о царствіи государя и в. князя Θεодора Ивановича всея Россіи, и о убіеніи брата его государя царевича Дмитрія Ивановича Углицкаго и о царствіи злопрелесника и святоубица Бориса Годунова и о прелести зломъ проклятаго еретика и богоотступника Гришки Отрепьева“ Съ подобнымъ же названіемъ есть списокъ (также XVIII вѣка), намъ неизвѣстный, въ рукописяхъ И. Н. Царскаго, нынѣ гр. Уварова (*Стржева* Рукописи славянскія и русскія И. Н. Царскаго, стр. 564, № 459).

житія цар. Димитрія, дополненный легендарными вставками, а во второй половинѣ—пересказъ „Повѣсти, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престоль Борисъ Годуновъ“¹⁾. Изъ Житія авторъ заимствовалъ всю первую его часть, то-есть, исторію убіенія царевича и затѣмъ начало статьи о явленіи царевича старцу Тихону до разсказа Житія о самозванцѣ. Разсказъ же о самозванцѣ до его убіенія взялъ онъ изъ „Повѣсти, како восхити“ и пр. Наконецъ, смерть Лжедимитрія описалъ онъ самостоятельно въ краткомъ легендарномъ разсказѣ. Къ своимъ источникамъ авторъ относился очень свободно: то слѣдовалъ имъ дословно, то передѣлывалъ ихъ со стороны слога, то дополнялъ ихъ легендами, развивая простое показаніе въ цѣлую баснословную повѣсть²⁾. Такихъ баснословныхъ повѣстей въ Сказаніи довольно много. Укажемъ виднѣйшія изъ нихъ, опуская вымышленныя риторическія рѣчи, которыя авторъ постоянно влагаетъ въ уста героевъ. Дополненіемъ къ Милютинскому житію является разсказъ объ отправленіи въ Угличъ царевича Димитрія³⁾; далѣе, разсказъ о волхвованіи Бориса⁴⁾ и повѣствованіе объ убіеніи царе-

¹⁾ Эта Повѣсть, какъ сказано въ первой главѣ, составляетъ сокращеніе Повѣсти 1606 года. Что авторъ разбираемаго Сказанія заимствовалъ не изъ самой Повѣсти 1606 года, а изъ ея передѣлки, доказывается тѣмъ, что онъ точно воспроизвелъ тѣ мѣста послѣдней о самозванцѣ, гдѣ она расходится съ Повѣстью 1606 года.

²⁾ Можно привести очень наглядный примѣръ того, какъ фактъ перерожденія въ легенду подъ перомъ безцеремоннаго сказателя. Въ „Повѣсти, како восхити“, есть такое мѣсто о самозванцѣ, заимствованное прямо изъ Повѣсти 1606 года: „А за щитомъ онъ богомерскій не взялъ ни единыя веси, не точию что мала нѣкоего града. А знающа его не бѣ никого же въ тѣхъ странахъ“ (Иное Сказаніе, стр. 28). Авторъ Сказанія передѣлалъ эту фразу такъ: „А шелъ онъ окаянной въ то время за щитомъ, незяя некоторыми дѣлами его вскорѣ узнать; вся бо покоряхуся ему безъ драки, чающе его природнымъ (его) государя своего. А знающихъ людей въ тѣхъ (градѣхъ) никого нѣтъ, ктобъ его проклятого въ бѣдѣхъ зналъ или въ черничествѣ“ (Имп. Публ. Библ. рѣп. Погодинск. № 1617, лл. 20 об.—21; рѣп. Q. IV. 234, лл. 36 об.—37).

³⁾ Рѣп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1617, лл. 1—2.—*Бычкова* Описаніе церк.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библ., I, стр. 408—409.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс., X, прим. 9 (Карамзинъ зналъ разбираемое Сказаніе по Морозовскому Лѣтописцу, куда вошли многіе отрывки Сказанія: см. т. X, прим. 13, 155, 195, 221, 232, 233, 235, 244, 366, 368, 376, 385; т. XI, прим. 201, 305 (первая ссылка), 348, 351, 403).

⁴⁾ Рѣп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1617, лл. 2—3.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс., X, прим. 221.

вича Дмитрія ¹⁾. Авторъ Сказанія сообщаетъ, будто бы убійцы царевича сознались, что дѣйствовали по приказу Годунова, и будто бы земля не принимала ихъ труповъ ²⁾. Царь Ѳеодоръ, по словамъ автора, узналъ отъ В. Шуйскаго истину о смерти брата, но по своему

¹⁾ Начало разсказа сходно съ Милютинскимъ житіемъ и убійцы названы тѣ же; но самое преступленіе разсказано оригинально: „Они окоянные (убійцы) по ево Борисову ученію искаше времени на свою погибель и присовокупиша къ своей прелести кормилицу царевича Дмитрія Ивановича именемъ Дарію, по прозвощу Мляткуву, и прелести ея лукавыми своими словами лас(т)но, чтобъ она царевича Дмитрія Ивановича вывела изъ царскихъ хоромъ на дворъ гулять. Она жъ окоянная жена по ихъ лас(т)ивымъ словамъ некоторы(й) день, взявъ ево неповиннаго младенца за руку, и повела его за руку на дворъ гулять. И рече ему: поидемъ, государь, и погуляемъ на дворѣ! и дасть на потѣшеніе оружьовъ. А мати его царица Марья Ѳеодоровна того она не вѣдала и была въ заднихъ хоромахъ. Царевичъ же по словеси кормилицы своей поиде съ нею на дворъ гулять. Они же окоянные и злые кровопійцы и святоубі(й)дцы въ то время схо-ронишася на дворѣ подъ лѣсницу, на которой поиде царевичъ гулять, и они мастри неподобные свои руки на убивство неповиннаго младенца государя царевича Дмитрія Ивановича, аки звѣріе. И какъ царевичъ пошелъ по лѣсницѣ и будетъ посреде лѣсницы, и дѣякъ Мишка Бытяговскі(й) скоро вскочилъ, аки ехидной злой (то-есть, змій) и ухнатилъ его, незлобиваго младенца, сквозъ лѣсницу за пошки, сынъ же его Данилка за чес(т)ную его главу, аки злодѣи и душегубцы. Племянникъ же его Никита Качаловъ, вынявъ ножъ, и закололъ его, аки агнца непорочна и незлобиваго сущаго младенца. И напипшеса окоянные крови его, царевича Дмитрія Ивановича, и пресече царскую младость, и повергоша его на землю мертва, а сами окоянные побѣжали кои куда и не увидѣли пути себѣ и дороги. И въ той часъ ослапи ихъ неповинная кровь непорочнаго агнца, не потеряла беззаконію ихъ. И нѣкая богоизбранная жена возвѣстила царицѣ Марья Ѳеодоровнѣ о такомъ нелѣпомъ дѣлѣ. Она жъ государыня царица скоро изъ хоромъ побѣжала и увидѣла свое милое чадю на земли лежаща мертва“... (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1617, лл. 5 об.—6.—Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 234, л. 3—3 об.—Далѣе разсказъ идетъ близко къ Милютинскому житію). По сравненію съ другими повѣствованіями объ убіеніи царевича Сказаніе рисуетъ совершенно новую картину убійства, и еслибъ эта картина находилась въ другомъ, менѣе легендарномъ памятникѣ, она получила бы значительный историческій интересъ. Въ баснословномъ же памятникѣ и она кажется баснословіемъ.

²⁾ „Наша виновность и наше дѣло (говорили убійцы): неповинная насъ кровь обличила. Послушали прелестника и богоотступника Бориса Годунова, его прелестными словами прелестилися на такое дѣло“. Авторъ Сказанія пользуется суевѣрнымъ разсказомъ Повѣсти 1606 г. о бѣсовскихъ играхъ надъ трупомъ самозванца и переноситъ его черты на убійцъ царевича (Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, лл. 6 об.—7; ркп. Q. IV. 234, лл. 6 об.—7 об.). Заимствуетъ онъ, кажется, кое-какія подробности и изъ Новаго Лѣтописца (Ник. Лѣт. VIII, 18); но не рѣшаемся утверждать этого категорически.

беззлобію не наказавъ Бориса, провидя Божью казнь на него ¹⁾. Наконецъ, въ дополненіе къ краткимъ показаніямъ Милютинскаго житія о кончинѣ царя Феодора, въ Сказаніи находимъ пространную легенду объ отравленіи его Борисомъ ²⁾ и нѣсколько замѣчаній объ избраніи Бориса, основанныхъ на „Повѣсти, како восхити“ и пр. ³⁾. Измѣнивъ и распространивъ показаніе Житія о старцѣ Тихонѣ ⁴⁾, авторъ Сказанія основываетъ свое дальнѣйшее изложеніе почти исключительно на „Повѣсти, како восхити“ и гораздо менѣе измышляетъ самъ. Къ тексту Повѣсти прибавляетъ онъ между прочимъ извѣстіе о всенародномъ поруганіи тѣла Бориса ⁵⁾, о возвращеніи самозванцемъ сосланныхъ при Борисѣ лицъ, о замыслѣ самозванца избить бояръ ⁶⁾, и наконецъ заключаетъ свой трудъ баснословнѣйшимъ разсказомъ о гибели Лжедимитрія ⁷⁾.

¹⁾ Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, л. 12; ркп. Q. IV. 234 л. 19—19 об.

²⁾ Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, лл. 12 об.—14; ркп. Q. IV. 234, лл. 21 об.—23 об.—*Бычкова* Описаніе церк.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библ., I, стр. 409—410.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс., X, прим. 366.—Въ данномъ случаѣ авторъ распространилъ извѣстіе Повѣсти 1606 года (Иное Сказаніе, стр. 29—30).

³⁾ Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, л. 14—15 об.; ркп. Q. IV. 234, лл. 24—25, 27 (листы этой послѣдней рукописи спутаны). Авторъ говоритъ что по смерти мужа царица Ирина Федоровна держала скипетръ „полтора года“ Борисъ же ея именемъ приказывалъ избрать себя на престолъ, хотя сестра и не благословляла его на царство. „И цѣлой годъ онъ царемъ не сидѣлъ на царскомъ престолѣ, понеже сестра его не благословила и не дала царскаго посоха.“ Вотъ до какой степени доходитъ историческое невѣжество автора Сказанія.

⁴⁾ Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, л. 16; ркп. Q. IV. 234, лл. 26, 28.—*Бычкова* Описаніе церк.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библ., I стр. 410.

⁵⁾ Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, л. 22 об.—23 об.; ркп. Q. IV. 234, л. 41—42.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс., XI, прим. 351.

⁶⁾ Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, лл. 23 об.—24, лл. 26 об.—27 об.; ркп. Q. IV. 234, лл. 42 об.—43 об., лл. 49—51.—Въ разсказѣ о возвращеніи ссыльныхъ авторъ воспользовался, кажется, Хронографомъ 1617 года (Изборникъ, стр. 193—194): только изъ этого Хронографа могъ онъ взять извѣстіе, что Филаретъ былъ назначенъ въ Ростовъ при самозванцѣ.—О избіеніи же бояръ говорилъ онъ, очевидно, на основаніи не разъ нами упоминавшихся рѣчей Бѣчинскихъ.

⁷⁾ Объемъ этого разсказа не дозволяетъ привести его цѣликомъ (Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, лл. 29—30; ркп. Q. IV. 234, л. 54—54 об.). Содержаніе его вкратцѣ таково: когда „решъ омерзѣло“ поведеніе Разстриги, москвичи призвали въ Москву В. И. Шуйскаго и другихъ бояръ и градскихъ

Историческаго значенія Сказаніе, конечно, имѣть не можетъ ¹⁾; значеніе же историко-литературное, безъ сомнѣнія, имѣеть. Исслѣдователь не будетъ пользоваться показаніями этой сплошной легенды, не свѣривъ ихъ съ ея источниками. Но онъ съ интересомъ отпесется къ литературнымъ приѣмамъ баснословнаго повѣствованія: въ Сказаніи до мелочей можно прослѣдить отношеніе легенды къ ея фактическому материалу и можно такимъ образомъ возсоздать процессъ того творчества, какимъ исторія превращается въ сказку.

Обращаясь къ произведеніямъ, механически соединявшимъ отрывки разныхъ повѣстей и сказавій о смутѣ, мы ограничимся только перечнемъ ихъ и указаніемъ ихъ источниковъ. Перечень нашъ не можетъ быть полнымъ уже потому, что нѣтъ возможности собрать всѣ списки хронографовъ и позднихъ лѣтописцевъ, въ которыхъ находятся компилятивные рассказы о смутѣ. Нѣтъ возможности, кромѣ того, установить въ спискахъ намъ извѣстныхъ какіе-нибудь точные типы компиляцій: каждая рукопись имѣеть свои отличія, и даже повѣствованіе о смутѣ Хронографовъ 3-й редакціи распадается на большее число разрядовъ, чѣмъ тѣ три, какіе старался установить А. Н. Поповъ. Съ этихъ хронографовъ и начнемъ нашъ перечень.

1) Хронографы 3-й редакціи. „То, что мы называемъ третьею редакціею,—говоритъ А. Н. Поповъ,—характеризуется передѣлкою, по новымъ источникамъ, самой важной исторической части Хронографа,—въ русскихъ статьяхъ отъ царствованія Θεодора Ивановича до воцаренія Михаила Θεодоровича“ ²⁾. Русскія статьи въ третьей

людей“: всѣ они были разсланы въ заточеніе и ссылку самозванцемъ. Когда всѣ съѣхались, то москвичи всѣмъ городомъ „привдоша обличать его (самозванца) на царскій дворъ“. Услыша шумъ, Лжедмитрій тотчасъ приготовился къ оборонѣ и послалъ по городу собирать своихъ приверженцевъ. Но видѣвъ съ тѣмъ онъ „узнавъ свою погубель и нача непрестанно посылать изъ царскихъ полатъ и спрашивать: кой часъ и котораго часу четверть? И безпрестанно сидеть за своею еретическою книгою, и дожидаетца своего смертнаго часу, и повелѣлъ запереть вси двери полатные накрѣпко“. Однако москвичи съ В. Шуйскимъ во главѣ „вырубиха двери“, нашли самозванца и „каменіемъ ево проклятого еретика побиха“. Ясно, съ какою прихотливою сказкою мы имѣемъ дѣло.

¹⁾ Помимо легендарности повѣствованія, Сказаніе не заслуживаетъ довѣрія и вниманія изслѣдователя, какъ памятникъ поздній. Оно основано на Милютинскомъ житіи, которое само возникло довольно поздно. Всѣ его извѣстные списки относятся къ XVIII вѣку, и языкъ памятника уже не похожъ на языкъ раннихъ повѣстей о смутѣ. Съ большимъ вѣроятіемъ поэтому можно относить Сказаніе къ концу XVII вѣка.

²⁾ Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 147.

редакціи составлялись по тремъ источникамъ: Хронографу 1617 года, Сказанію Палицына и Иному Сказанію. Отрывки этихъ произведеній, взятые почти всегда дословно, присоединялись одинъ къ другому и составляли одно повѣствованіе, цѣль котораго заключалась въ возможно подробномъ описаніи событій. А. Н. Поповъ до послѣднихъ мелочей прослѣдилъ характеръ и порядокъ заимствованій Хронографовъ изъ этихъ источниковъ, и къ его труду мы съ своей стороны не можемъ прибавить ничего ¹⁾. Но нельзя не замѣтить, что самъ же Поповъ далъ основаніе заподозрить справедливость своего дѣленія 3-й редакціи на три только разряда. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на такъ-называемомъ Мухановскомъ хронографѣ и замѣтилъ, что онъ заключаетъ въ себѣ „важные варианты“ сравнительно съ третьимъ разрядомъ 3-й редакціи ²⁾. Дѣйствительно, Хронографъ Муханова отличается отъ всѣхъ разрядовъ, указанныхъ Поповымъ, хотя и составленъ по тѣмъ же тремъ источникамъ, какъ и прочіе разряды ³⁾. Мы могли бы поэтому назвать его четвертымъ разрядомъ 3-й редакціи Хронографа.

2) Хронографъ Императорской Публичной Библиотеки F. IV. 165, возникшій не ранѣе половины XVII вѣка ⁴⁾, представляетъ собою попытку изложить исторію смуты по Хронографу 1617 года, Повѣсти Катырева-Ростовскаго и грамотѣ Шуйскаго о первомъ

¹⁾ Обзоръ хронографовъ, II, стр. 150—173, 173—198, 198—214.—Изборникъ, стр. 213—246, 257—281.—Очень рѣдкія дополненія къ источникамъ, сдѣланныя въ первомъ разрядѣ 3-й редакціи, всѣ указаны Поповымъ (Обзоръ хронографовъ, II, стр. 152.—Изборникъ, стр. 215, 216—218, 239).—Отрывки Хронографа 3-й редакціи издали, кромѣ Попова: гр. *Расстонки* (Четыре сказанія о Лже-Дмитріѣ, стр. 79—132.—См. Обзоръ хронографовъ, стр. 198—199, № 4 и № 5) и *И. Д. Бѣляевъ* (Иное Сказаніе, стр. 81—146, — по рѣч. изъ собранія Ундольскаго № 725).

²⁾ Мухановскій хронографъ—въ рукописяхъ Археографич. Комиссіи, № 142 (XVIII в., въ листъ, 895 лл.). Отзывъ о немъ Попова — въ *Лѣтописи занятій Археографич. Комиссіи*, V, отд. IV, стр. 158—159.

³⁾ Въ Мухановскомъ хронографѣ глава о царствованіи Θεодора Ивановича начинается первыми словами Повѣсти 1606 года, тогда какъ третій разрядъ пропускаетъ эти слова. Послѣ статьи третьяго разряда „о чудесахъ бывшемъ во царствѣ Василія царя“, вставлены 66, 67, 68 и 71-я главы Сказанія Палицына. Послѣ статьи „о Гермогенѣ патріархѣ“ вставлены 69 и 70-я главы Палицына (см. Обзоръ хронографовъ, II, стр. 207, 212, 213). Таковы, между прочимъ, отступленія Мухановскаго хронографа отъ третьяго разряда 3-й редакціи, съ которымъ думаетъ его сблизить А. Н. Поповъ.

⁴⁾ Обзоръ хронографовъ, II, стр. 258.—Изборникъ, стр. 404—412.

самозванцѣ. Его глава „о Ростригѣ“ есть собраніе отрывковъ изъ всѣхъ этихъ источниковъ. Глава „царство Рострига“ начинается по Хронографу, продолжается изложеніемъ грамоты Шуйскаго и кончается опять отрывками Хронографа ¹⁾. Глава „царство царя Василія“ послѣ вступительной фразы изъ Хронографа излагаетъ ту же грамоту Шуйскаго; дальнѣйшее же повѣствованіе заимствовано уже исключительно изъ Хронографа 1617 года.

3) Погодинскій сборникъ № 1578 заключаетъ въ себѣ краткую лѣтопись, статьи которой о смутѣ сокращенно излагаютъ „Сказаніе, еже содѣяся“, дополняя его отдѣльными фразами Сказанія Палицына ²⁾.

4) Погодинскій сборникъ № 1616, кромѣ разобраннаго уже нами разсказа о событіяхъ смуты, одинаковаго съ Погодинскимъ хронографомъ № 1465, содержитъ въ себѣ еще одно повѣствованіе о смутѣ подъ не совсѣмъ точнымъ названіемъ „О убіеніи благовѣрнаго царевича великаго князя Димитріа“ ³⁾. Начало повѣствованія — по Сказанію Палицына; затѣмъ слѣдуютъ отрывки какого-то оригинальнаго произведенія, извѣстные Карамзину, — о голодѣ при Борисѣ Годуновѣ ⁴⁾. Прочее же повѣствованіе составлено по краткой редакціи „Сказанія, еще содѣяся“. Отступленіе отъ нея только одно — въ оригинальномъ извѣстіи о ссылкѣ Годуновыхъ при самозванцѣ ⁵⁾.

5) Отрывокъ Соловецкаго хронографа о ссылкѣ Романовыхъ ⁶⁾ состоитъ въ первой половинѣ изъ пересказа словъ Авраамія

¹⁾ Изборникъ, стр. 406—410, стр. 192—194. — Акт. Арх. Эксп. II, № 48. — Иное Сказаніе, стр. 42 и слѣд.

²⁾ Ркп. Имп. Публ. Библ., XVII в., въ 4-ку, 174 лл., лл. 95—119. — Отрывки приведены А. Θ. Бычковымъ въ Описаніи церк.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библиотеки, I, стр. 155—157 (Фразы Палицына на стр. 156: „такъ жѣ Рострига и по граду всегда со многимъ воинствомъ“... „И прежь сопряженія браку“... Слич. Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 26, 28).

³⁾ Ркп. Имп. Публ. Библ., XVIII в., въ 4-ку, 385 лл., лл. 76—97. — Отрывки приведены А. Θ. Бычковымъ въ Описаніи церк.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библиотеки, I, стр. 468—470, § 4.

⁴⁾ Лл. 77 об.—78 об. (у Бычкова стр. 468). — Карамзина Ист. Гос. Росс., XI, прим. 164 и 168. — Карамзинъ бралъ эти показанія изъ незнакомой намъ „Повѣсти о зломъ еретикѣ Гришкѣ Отрепьевѣ“. Интересъ отрывковъ о голодѣ — въ томъ, что они писаны очевидцемъ: „то бо мы сами видѣхомъ своимъ очима“ (у Карамзина: „то бо емь азъ видѣхъ своимъ очима“).

⁵⁾ Л. 86 (у Бычкова стр. 460).

⁶⁾ Изборникъ, стр. 437—438, и предисловіе (подобная же статья въ ркп. гр. Θ. А. Толстова, отд. I, № 67).

Палицына, а во второй—повторяетъ извѣстія Новаго Лѣтописца, видоизмѣняя ихъ форму ¹⁾). Оригинальны неизвѣстно откуда взятое показаніе о смерти Льва Романова и панегирикъ Филарету ²⁾).

6) Сборникъ Императорской Публичной Библіотеки Q. XVII. 159 заключаетъ въ себѣ не имѣющій заглавія и замѣчательный по отсутствію системы рассказъ о смерти и погребеніи царя Θεодора, о появленіи самозванца и затѣмъ о слѣдствіи по поводу смерти царя Димитрія. Все изложеніе буквально слѣдуетъ Житію царя Θεодора и Новому Лѣтописцу. Нѣкоторому сокращенію подверглись только подробности погребенія царя Θεодора ³⁾).

7) Исторія, како грѣхъ ради нашихъ попусти Господь Богъ праведное свое наказаніе отъ конецъ до конецъ всея Росіи, и т. д. ⁴⁾. Это—описаніе всей смутной эпохи, составленное на основаніи Хронографа 2-й редакціи, Палицына и Инаго Сказанія. Есть основаніе думать, что авторъ пользовался показаніями своихъ источниковъ уже въ передачѣ 3-й редакціи Хронографа, потому что приводитъ одно изъ тѣхъ рѣдкихъ извѣстій, которое составитель 3-й редакціи присоединилъ къ своимъ источникамъ ⁵⁾. За рассказомъ о смутѣ въ Исторіи слѣдуютъ погодныя извѣстія о времени послѣдующемъ, до царствованія царя Алексѣя.

8) Морозовскій Лѣтописецъ ⁶⁾, благодаря частымъ ссылкамъ

¹⁾ Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 8.—Ник. Лѣт. VIII, 44.

²⁾ Еще одинъ лѣтописный отрывокъ о томъ же времени Бориса Годунова былъ изданъ И. Д. Вьялевымъ (*Архивъ ист.-юр. свѣдѣній Калачова*, I, отд. VI, стр. 30—31). Вьялевъ ошибочно думалъ, что издавалъ неизвѣстный текстъ: приведенныя имъ извѣстія почти дословно заключаются въ Сказаніи Палицына (изд. 2-е, стр. 8 и 20).

³⁾ Ркп. XVIII в., въ 4 д., 71 л., лл. 58—69 об. Займствованія идутъ въ такомъ порядкѣ страницъ Никоновой лѣтописи: т. VII, 347, 350, 352—355, 355—357; т. VIII, 54—57, 17—20.

⁴⁾ Ркп. гр. Уварова (изъ собранія И. Н. Царскаго № 415), въ 4 долю, XVII вѣка (около 1661 г.), 124 л., лл. 76—101. Нач.: „Благочестивому и храброму во царѣхъ...“.

⁵⁾ Л. 76 об. (Изборникъ, стр. 215,—объ отравленіи Гр. В. Годунова).

⁶⁾ Списокъ, кажется, единственный находится въ Имп. Публ. Библ. Ф. IV. 228, въ листъ, 140 л.; рукопись принадлежала купцамъ Морозовымъ, а затѣмъ гр. Ѳ. А. Толстому (отд. I, № 447), отъ котораго и имѣлъ его Карамзинъ (Ист. Гос. Росс., IX, прим. 328). Карамзинъ относилъ рукопись къ XVII вѣку; Строевъ же и Калайдовичъ относили къ XVIII (Второе прибавленіе къ Описанію рукописей гр. Толстова, стр. 17—18). Первая половина рукописи занята краткимъ лѣтописцемъ, вторая (лл. 74 об.—140)—описаніемъ смуты.

на него Карамзина, получилъ значительную извѣстность и обратилъ на себя вниманіе и другихъ историковъ смуты ¹⁾). На самомъ же дѣлѣ значеніе этого памятника для исторіи смутной эпохи ничтожно: онъ представляетъ собою компиляцію, безхитростно соединившую отрывки Повѣсти Катырева, „Сказанія, еже содѣяся“, „Сказанія о царствѣ гос. и в. кн. Феодора Ивановича“ и Сказанія Палицына. Въ первой части разсказа о смутѣ, при описаніи царствованія Феодора, Бориса и Лжедимитрія, авторъ пользовался всѣми этими источниками, причемъ поступалъ такъ: переписывая извѣстіе одного памятника дословно, на поляхъ страницы присоединялъ къ нему извѣстіе другого писателя также въ дословной передачѣ. Въ этомъ собраніи отрывковъ наибольшее мѣсто занимаютъ баснословныя сказанія, свидѣтельства же Катырева и Палицына только дополняютъ ихъ разсказъ ²⁾). При описаніи же царствованія Шуйскаго и дальнѣйшей смуты (до освобожденія Москвы) составитель прямо списалъ Повѣсть Катырева безъ всякихъ дополненій. Карамзинъ, не знавшій ни Повѣсти Катырева, ни „Сказанія о царствѣ“ и пр., имѣлъ полное основаніе смотрѣть на Морозовскій Лѣтописецъ съ большимъ интересомъ; въ настоящее же время такого основанія нѣтъ.

9) Лѣтописецъ Имп. Публ. Библіотеки F. XVII. 17 ³⁾) представляетъ собою подобную Морозовскому Лѣтописцу попытку соединить повѣствованіе различныхъ источниковъ, сопоставляя иногда ихъ пока-

¹⁾ На Морозовскій Лѣтописецъ дѣлали указанія *С. М. Соловьевъ* (Ист. Россіи, VII, прим. 79, 82, 127) и *Бутурликъ* (Исторія смутнаго времени, I, стр. 8, 78, 277).

²⁾ Дополненій, не заключающихся въ названныхъ нами источникахъ Лѣтописца, почти нѣтъ. Мы успѣли замѣтить только, что въ Лѣтописцѣ очень пространено простое извѣстіе Палицына о томъ, что Марѳа Нагая „прельстилась“ и назвала самозванца сыномъ (Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 24.— Мороз. Лѣт., л. 109 об.). Кроме того, составитель Лѣтописца внесъ ту самую обличительную рѣчь Гермогена по поводу женитьбы самозванца, которую прибавилъ Шаховской къ даннымъ Катырева и которую мы привели цѣликомъ при разборѣ Повѣстей Шаховскаго въ IV главѣ (Мороз. Лѣт., л. 116). Наконецъ, любопытна слѣдующая приписка составителя Лѣтописца: „Старыя люди говорить, яко на Красной площади (въ Москвѣ) были десять церквей и наречены были Пятницы. И отъ простыхъ поселянскихъ женъ, приходяще къ Москвѣ изъ селъ, молящися имъ, и отъ того обыкоша говорить: осмая, и девятая, и десятая пятница“.

³⁾ Ркп. изъ собранія гр. Толстова (отд. I, № 198), XVII в., въ листѣ, 483 л.; Лѣтописецъ на лл. 267—483. Имъ пользовался *Соловьевъ* (Ист. Россіи, VIII, прим. 60).

занія рядомъ въ видѣ отдѣльныхъ разказовъ объ одномъ и томъ же фактѣ. Въ основаніе Лѣтописца положены статьи Хронографа 1617 года и дополнены извѣстіями Новаго Лѣтописца и Авр. Палицына. Между прочимъ составитель Лѣтописца сохранилъ намъ въ краткомъ пересказѣ неизвѣстное сказаніе о небесномъ знаменіи 1613 года ¹⁾; другихъ же дополненій къ источникамъ онъ, насколько можемъ судить, не дѣлалъ.

10) Рукопись Имп. Академіи Наукъ № 46 ²⁾ является очень интереснымъ памятникомъ, въ которомъ видно стремленіе собрать данныя для исторіи всего XVII вѣка. Начинается повѣствованіе описаніемъ московскаго разоренія, освобожденія Москвы и царствованія Михаила. Оно взято цѣлкомъ изъ позднѣйшаго извода Новаго Лѣтописца ³⁾. Затѣмъ, послѣ краткихъ замѣчаній о времени царей Алексѣя и Θεодора, помѣщены Записки Сильвестра Медвѣдева. Къ показаніямъ Новаго Лѣтописца нѣтъ рѣшительно никакихъ дополненій ⁴⁾.

Этими замѣчаніями мы и можемъ закончить нашу рѣчь о компилятивныхъ произведеніяхъ ⁵⁾. Переходимъ къ послѣднему виду памятниковъ, касающихся исторіи смуты,—къ сказаніямъ мѣстнымъ.

¹⁾ Л. 471: „Обрѣтохомъ же нѣгдѣ *въ особныя писанія* предивное сіе знаменіе 121 (1613) году, іюля въ“ „день, на исходѣ 17 часу дни“... Знаменіе состояло въ томъ, что на солнце напали два звѣря „зракомъ яко змій великъ“ и „яко медвѣдь великій“. Они рвали солнце на куски и уже едва не истребили его совсѣмъ, но, наконецъ, исчезли, и солнце засіяло по-прежнему. Ясна аналогія солнца съ погибавшей и только что ожившей Москвою, но прямого толкованія знаменія въ Лѣтописцѣ нѣтъ.

²⁾ Ркп. XVIII вѣка (не позже 1761 года), въ листъ, 10+186 лл. (см. Соколова Каталогъ обстоятельный рукописей Имп. Академіи Наукъ, стр. 16).

³⁾ Новый Лѣтописецъ по списку кн. Оболенскаго. М. 1853, стр. 144—190 (съ главы 161-й и до конца).

⁴⁾ Любопытно, что и та рукопись, съ которой издалъ кн. Оболенскій свой Новый Лѣтописецъ, имѣла такой же приблизительно составъ, какъ и рукопись Академіи Наукъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ ней заключался весь текстъ Новаго Лѣтописца (Предисловіе къ Лѣтописцу Оболенскаго, III).

⁵⁾ Кругъ извѣстныхъ намъ сколько-нибудь любопытныхъ произведеній будетъ исчерпанъ, если мы укажемъ на двѣ рукописи, изслѣдовать которыя съ желаніемъ точно намъ не пришлось. Обѣ онѣ принадлежатъ Имп. Публ. Библіотекѣ. Первая (Погодинск. № 1624) описана А. Θ. Бѣчковымъ (Описаніе церк.-слав. и русск. сборниковъ, I, стр. 411—415, § 13) и повѣствуетъ о смутѣ на основаніи Житія царя Θεодора и Сказанія Палицына. Въ другой же (Q. IV. 139, или, по каталогу Θ. А. Толстова, отд. II, № 101)—находится краткій „Лѣтописецъ великія земли Россійскія“, доведенный до 1700 года: его повѣствованіе о смутѣ

III. О мѣстныхъ сказаніяхъ, повѣствующихъ о смутѣ, мы можемъ предложить лишь самыя краткія замѣтки. Намъ не удалось ознакомиться со всѣми ихъ списками, извѣстными по описаніямъ библіотекъ и древлехранилищъ. Поэтому подборъ текстовъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, довольно случаенъ, и нельзя ручаться, что намъ удалось исчерпать весь археографическій матеріалъ этого рода. Съ другой стороны изученіе многихъ изъ мѣстныхъ сказаній затрудняется самымъ свойствомъ ихъ содержанія: для надлежащаго уразумѣнія его необходимо знакомство съ мѣстной топографіей и исторіей, которое не всегда въ средствахъ изслѣдователя. Вотъ почему мы сознательно придавали лишь второстепенное значеніе въ нашемъ трудѣ тѣмъ извѣстіямъ о смутѣ, которыя или повѣствуютъ о событіяхъ, имѣвшихъ только мѣстный интересъ, или носятъ на себѣ отпечатокъ мѣстнаго творчества.

Обиліе извѣстій о смутѣ находимъ мы въ Новгородскихъ лѣтописяхъ. На ряду съ простыми лѣтописными замѣтками о фактахъ смутнаго времени ¹⁾, находятса здѣсь и отдѣльныя сказанія. Таково въ „Лѣтописцѣ новгородскомъ церквамъ Божіимъ“ сказаніе О взятіи великаго Новагорода отъ Нѣмецъ, отмѣченное печатью правдивости и, очевидно, раннее ²⁾. Къ нему приписана статья О взятіи Новгородскомъ и о послѣхъ, дословно заимствованная изъ Но-

довольно кратко и составлено по хронографамъ и Сказанію Палицына, на которое дѣлаются прямыя указанія (л. 316). Изъ этого Лѣтописца взятъ разсказъ протопопа Терентія о видѣніи 1606 года, напечатанный въ *Лѣтописи замятій Археографич. Комиссін*, I, отд. II, стр. 52—56.—Кончая нашу рѣчь о второстепенныхъ трудахъ по исторіи смуты, не можемъ не упомянуть о трудѣ перводномъ. Въ концѣ XVII в. на русскій языкъ переведена была польская Хроника бискупа Павла Пясецкаго (съ конца XVI вѣка по 1637 годъ), и переводъ ея сохранился въ ркп. Имп. Публ. Библ. F. IV. 163 (изъ собранія гр. Ѳ. А. Толстова, отд. I, № 17). Съ этого списка отрывки Хроники изданы Имп. Обществомъ Любителей Др. Письменности подъ редакціей арх. Леониды (Памятники древней письменности. Смутное время и московско-польская война. С.-Пб. 1887).

¹⁾ Такія замѣтки внесены въ „Краткій Лѣтописецъ новгородскихъ владыкъ“ (П. Собр. Р. Лѣт. III, 187.—Новгородскія Лѣтописи. С.-Пб. 1879, стр. 149—150) и въ „Лѣтописецъ новгородскій церквамъ Божіимъ“ (П. Собр. Р. Лѣт. III, 264.—Новг. Лѣт., 350—351). Не можемъ считать особенно пригоднымъ историческія источники Дворященскаго Лѣтописца, дѣлающаго ссылки на историческія труды прошлаго вѣка (Новг. Лѣт., 449—456, и особенно 455; 470—475, и особенно 474).

²⁾ П. Собр. Р. Лѣт. III, 264—266.—Новг. Лѣт., 352—355.

ваго Лѣтописца ¹⁾). Въ томъ же Лѣтописцѣ церквямъ Божиимъ помѣщено и Сказаніе объ осадѣ Тихвинскаго монастыря въ 1613 году, существующее въ отдѣльныхъ спискахъ въ болѣе пространномъ видѣ. Сличая текстъ краткаго Сказанія, занесеннаго въ Лѣтопись ²⁾, съ текстомъ пространнаго, существовавшаго отдѣльно ³⁾, легко замѣчаемъ, что они близки между собою. Краткое Сказаніе написано, по всѣмъ признакамъ, очевидцемъ Тихвинской осады, очень просто, хотя и литературнымъ языкомъ. Пространное же Сказаніе передѣлало разсказъ краткаго въ риторическую напыщенную Повѣсть, не внесло собственно въ исторію осады ничего фактически новаго, за то стерло многія цѣнныя подробности событій и къ изложенію осады прибавило вступленіе, заимствованное изъ Хронографа 1617 года и Новаго Лѣтописца ⁴⁾).

¹⁾ П. Собр. Р. Лѣт. III, 266—267.—Новг. Лѣт., 355—357.—Ник. Лѣт. VIII 168—170.—Нѣтъ никакого основанія думать, чтобы эта статья была перенесена въ Новый Лѣтописецъ изъ Новгородскаго свода. Начало ея („В то же время...“) совершенно понятно въ первомъ памятникѣ и непонятно во второмъ, гдѣ уже были разсказаны событія болѣе позднія, чѣмъ приходъ шведовъ на Хутыны: вотъ почему составитель Новгородскаго свода и считалъ нужнымъ вставить отъ себя слово *какъ* („Въ то же время, какъ...“). Въ Новомъ Лѣтописцѣ статья о взятіи Новгорода и слогомъ и степенью подробности гармонируетъ совершенно съ рядомъ другихъ извѣстій о новгородскихъ дѣлахъ. Собиратель же Новгородскаго свода о штурмѣ Новгорода имѣлъ болѣе подробныя извѣстія въ мѣстномъ сказаніи, а къ Новому Лѣтописцу обратился за свѣдѣніями о капитуляціи новгородцевъ и о посольствѣ ихъ въ Швецію: этихъ свѣдѣній онъ, очевидно, не нашелъ на мѣстѣ. Переносъ изъ Новаго Лѣтописца статью цѣликомъ, онъ оставилъ въ ней всѣ выраженія своего источника—и о жителяхъ Новгорода писалъ „новгородцы“ (такъ называлъ ихъ посторонній Новгороду авторъ Новаго Лѣтописца), а раньше онъ выражался о нихъ иначе: „людіе Великаго Новаграда“, „людіе христіанствіа“.

²⁾ П. Собр. Р. Лѣт. III, 267—273.—Новг. Лѣт., 357—373.

³⁾ П. Собр. Р. Лѣт. III, 283—305 и 206.—Новг. Лѣт., 405—448 и XX—XXI (здѣсь текстъ полнѣе).—Списки въ Имп. Публ. Библіотекѣ: ркп. Погодинск. № 1601, XVII в., въ 4-ку, 147 л., лл. 88—120, и ркп. Погодинск. № 1619, XVII в., въ 12 д., 176 л., лл. 96—176 (*А. Ѳ. Бычкова* Описание церк.-слав. и русск. сборниковъ, I, стр. 238—239, 397.—*Москвитяинъ* за 1843 г., ч. V, № 9, стр. 137—138).—Это Сказаніе составлено въ 1658 году Иродіономъ Сергѣевымъ иконникомъ, вѣроятно, Тихвинскаго монастыря (Новг. Лѣт., XXI.—Впрочемъ, существуетъ мнѣніе, что въ 1658 г. Сказаніе было только переписано съ болѣе ранней рукописи: Ист.-статистич. описаніе первокласснаго Тихвинскаго Богородицкаго монастыря. С.-Пб. 1859, стр. 16—31 и прим. 19).

⁴⁾ Сравн. Изборникъ, стр. 197 и 203, съ первой статьей Сказанія („Всякое слово побѣждается...“) и съ главой его „О пріятія царств. града Москвы“ (П.

И въ Псковскихъ лѣтописяхъ находится много извѣстій о смутномъ времени. Къ такъ-называемой Первой Псковской лѣтописи приписанъ длинный рядъ замѣтокъ по годамъ, то краткихъ, то переходящихъ въ очень подробные рассказы о мѣстныхъ дѣлахъ ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ же спискахъ этой лѣтописи взаи́мнѣ рассказа по годамъ находимъ отдѣльныя сказанія о смутѣ. Первое изъ нихъ— О прежнемъ пришествіи нѣмецкомъ и о нынѣшнемъ на Новгородскую землю—заключаетъ въ себѣ рядъ очень бѣглыхъ замѣтокъ касательно смутнаго времени и интересный рассказъ о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Псковомъ въ 1615 году ²⁾. Другое—О нашествіи Литвы на Печерскій монастырь во Псковской области—представляетъ собою, вѣроятно, извлеченіе изъ полной Повѣсти о Псково-Печерскомъ монастырѣ, съ составомъ которой намъ не удалось ознакомиться ³⁾. Далѣе, въ Первой Псковской лѣтописи слѣдуютъ два извѣстныхъ сказанія, достаточно характеризованныхъ С. М. Соловьевымъ ⁴⁾. Сказаніе О бѣдахъ и скорбѣхъ и напастѣхъ, иже

Собр. Р. Лѣт. III, 283—284, 285. —Новг. Лѣт., 405—407, 408; главы 25 и 27).—Сравни. Ник. Лѣт. VIII, 168—169, и главу Сказанія „О взятіи Великаго Новаграда“ (П. Собр. Р. Лѣт. III, 284—285.—Новг. Лѣт., 407—408; глава 26). Въ дополненія пространнаго Сказанія къ краткому носятъ характеръ риторическій или агіографическій. Только въ главахъ 28 и 29 (П. Собр. Р. Лѣт. III, 285—286.—Новг. Лѣт., 408—411) находимъ фактическія добавленія изъ источника, намъ неизвѣстнаго (сравни. Ник. Лѣт. VIII, 205, 208).

¹⁾ П. Собр. Р. Лѣт. IV, 321—332.—Псковская Лѣтопись, изд. Погодинымъ М. 1837, стр. 213—235.—Можно думать, что первоначально этотъ изводъ Первой Псковской лѣтописи кончался извѣстіемъ о сожженіи Москвы въ 1611 году и словами „Царства царя Василья полчетверта лѣтъ“ (П. Собр. Р. Лѣт. IV, 322) Это видно изъ того, что послѣдующія извѣстія снова возвращаются къ царю Василю и говорятъ о немъ уже подробнѣе. Въ другомъ изводѣ Первой Псковской лѣтописи (о немъ см. П. Собр. Р. Лѣт., IV, 171, 307, 342—345; V, 49—74) погодныя замѣтки замѣнены рядомъ отдѣльныхъ сказаній, о которыхъ рѣчь ниже.

²⁾ П. Собр. Р. Лѣт. V, 51—54.

³⁾ Повѣсть о Псково-Печерскомъ монастырѣ издана подъ названіемъ: „Повѣсть о началѣ и основаніи Печерскаго монастыря, взятая изъ древнихъ Лѣтописцевъ, обрѣтающихся въ книгохранилищѣ оного монастыря“ (изданіе 2-е. Псковъ. 1849). Но въ ней нѣтъ статей, касающихся смуты. О рукописныхъ текстахъ, составѣ и происхожденіи Повѣсти см. *Ключевского* Древнерусскія житія святыхъ, стр. 249—250 и 315—316; также *Строева* Библиол. Словарь, стр. 378—380, и *Москвитянинъ* за 1843 г., ч. V, № 9, стр. 139.

⁴⁾ Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 428—431 и 431—436.

быть въ Велицѣй Росіи, ¹⁾—обнаруживаетъ въ своемъ авторѣ Псковича низшихъ классовъ общества, писавшаго о московскихъ событіяхъ „по стоустой молвѣ народной“, какъ выражается Соловьевъ. Онъ внесъ въ свое повѣствованіе много басенъ, примѣромъ которыхъ можетъ служить его рассказъ о сверженіи Шуйскаго. Явная противобоярская тенденція и довольно позднее происхожденіе Сказанія, писаннаго далеко не въ самую смуту, ²⁾ вмѣстѣ съ его баснословностью не позволяютъ придавать большую цѣну его показаніямъ. Сказаніе о смятеніи, междоусобіи и отступленіи Псковичъ отъ Московскаго государства ³⁾ болѣе предыдущаго занимается мѣстными дѣлами и въ своихъ сообщеніяхъ часто сближается съ текстомъ другаго извода Первой Псковской лѣтописи. Нельзя однако прослѣдить прямой литературной связи между обоими памятниками. Какъ уже выяснилъ С. М. Соловьевъ, они отличаются другъ отъ друга основною точкой зрѣнія. Въ то время, какъ авторъ погодныхъ замѣтокъ отличался безпристрастіемъ, авторъ „Сказанія о смятеніи“ и пр. былъ настроенъ противъ „смердовъ самовластія“, не разъ наступавшаго во Псковѣ, и держалъ сторону „нарочитыхъ мужей“ псковскихъ. И съ литературной стороны онъ былъ самостоятеленъ: хотя его Сказаніе знаетъ фактъ 144 (1636) года ⁴⁾ и, стало быть, поздно приняло окончательную редакцію, однако въ немъ можно найти много впечатлѣній очевидца, записанныхъ совершенно независимо отъ погодныхъ замѣтокъ, названныхъ нами.

Въ такъ-называемой Повѣсти о явленіи чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы, пже нарицается Курская ⁵⁾, находимъ стремленіе составить исторію города Курска съ его основанія. Нѣсколько главъ этой исторіи посвящено и общерусскимъ событіямъ въ смуту. Изъ нихъ только двѣ главы („О взятіи сего образа изъ

¹⁾ П. Собр. Р. Лѣт. V, 55—66.

²⁾ Последнее извѣстіе Сказанія, взложенное съ общей тенденціозной точки зрѣнія, касается смерти Маріи Долгорукой, жены царя Михаила. Она умерла въ 1625 году (Дворц. Разряды, I, 658.—Ник. Лѣт. VIII, 248); стало быть, ранѣе этого года не могло быть написано Сказаніе.

³⁾ П. Собр. Р. Лѣт. V, 66—73.

⁴⁾ П. Собр. Р. Лѣт. V, 73.

⁵⁾ *Москвитянинъ* за 1843 г., ч. V, № 9, стр. 138—139. Списка, принадлежавшаго Погодину, мы не знаемъ и пользовались спискомъ Имп. Публ. Библ. Q. IV. 10 (изъ собранія гр. Ф. А. Толстова, отд. V, № 13, новаго письма, въ 4-ку, 112 л.). Другой списокъ въ библиотекѣ гр. Уварова (изъ собранія Царскаго № 548, въ 4-ку, 1744 г., 133 л.).

града Курска во градъ Путивль⁴ и „О нашествіи на сію страну гетмановъ“ и т. д.)¹) даютъ нѣсколько новыхъ, хотя и скудныхъ чертъ для исторіи перваго самозванца и для московско-польской войны 1618 года. Остальныя же подробности о смутѣ заимствованы у Авр. Палицына²), на котораго ссылается самъ авторъ, и изъ Хронографа 1617 года³).

Если мы помянемъ еще Сказаніе о нашествіи поляковъ на Устюжну Желѣзопольскую⁴), отрывки изъ Угличскаго Лѣтописца⁵), Сказаніе о разореніи Пафнутаева монастыря⁶) и Лѣтописцы Двинскій и Нижегородскій⁷),—то исчерпаемъ всѣ тексты мѣстныхъ сказаній о смутѣ, какіе были въ нашихъ рукахъ. Еще разъ рѣшаемъ повторить, что не смотримъ на нашъ перечень какъ на полный сводъ того мѣстнаго матеріала о смутѣ, которымъ въ настоящую минуту можетъ располагать наша историографія.

¹) Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 10, лл. 51—52, лл. 68 об.—80.

²) Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 10, л. 60 об.: „въ книзѣ списано о семъ Троицкаго келаря Аврамія Палицына“.

³) Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 10, л. 33: „А ржи четверть купили“... Изборникъ, стр. 190.

⁴) Русск. Ист. Библиотека, II, № 187, ст. 793—814.

⁵) *Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости* за 1867 годъ, № 9—№ 21, стр. 70—168 (Часть неофициальная). — Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 54, конца XVIII в., въ 4-ку, 48 лл., лл. 1—32.—Оба текста не даютъ точнаго понятія о настоящемъ составѣ и времени происхожденія Лѣтописца.

⁶) Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XI, стр. 419—422.—Составитель ошибочно отнесъ событіе къ 1606 году (вмѣсто 1610) и невѣжественно соединилъ два отрывка Новаго Лѣтописца о Тушинскомъ ворѣ и Дженетрѣ (Ник. Лѣт. VIII, 136—137 и 87—88).

⁷) Двинскій Лѣтописецъ въ Др. Росс. Вивл., изд. 2-е, XVIII, стр. 1—71 статьи о смутѣ на стр. 16—22).—Нижегородскій Лѣтописецъ, „напечатанный первоначально въ томъ же томѣ Др. Росс. Вивлюеики (стр. 72—91), изданъ отдѣльно А. С. Гацискимъ („Нижегородскій Лѣтописецъ“. Н.-Новг. 1886. Извѣстія о смутѣ на стр. 36—50).

Рядъ литературныхъ памятниковъ, характеризованныхъ выше, свидѣтельствуеъ о высокой степени вниманія къ событіямъ смуты со стороны московскаго общества XVII вѣка. Изображенію и объясненію этихъ событій было посвящено въ XVII вѣкѣ до тридцати, если не болѣе, произведеній, отмѣченныхъ полною литературною самостоятельностью; число же компилятивныхъ описаній смуты не поддается точному опредѣленію, благодаря безконечнымъ, иногда очень мелкимъ варіаціямъ въ выборѣ и размѣщеніи заимствованнаго матеріала. Сама по себѣ одна численность литературныхъ произведеній о смутѣ способна привлечь вниманіе изслѣдователя древней письменности; а разнообразіе внѣшнихъ приѣмовъ и задачъ, богатство историко-литературнаго содержанія и творческихъ мотивовъ—придаютъ сказаніямъ и повѣстямъ о смутѣ значеніе довольно крупнаго литературнаго факта въ исторіи XVII вѣка.

Въ цѣли настоящаго изслѣдованія не входило, однако, полное изученіе памятниковъ съ ихъ литературной стороны. Сказанія о смутѣ служили и служатъ до сихъ поръ гораздо болѣе источникомъ историческихъ свѣдѣній, чѣмъ предметомъ историко-литературныхъ наблюденій. Это обстоятельство налагало на изслѣдователя обязанность опредѣлить прежде всего степень исторической достовѣрности сказаній. Литературная характеристика произведеній вводилась въ изслѣдованіе лишь настолько, насколько она помогала уснѣить общій характеръ и цѣнность фактическихъ показаній того или другаго памятника. Поэтому и заключительныя замѣчанія о разобранномъ матеріалѣ не дадутъ его полной оцѣнки съ точки зрѣнія исторіи литературы. Въ нихъ можетъ заключаться только выводъ о значеніи разбираемыхъ памятниковъ для исторіи смутнаго времени.

Исторіку древнерусскія сказанія о смутѣ могутъ служить или своею фактическою стороною, или тѣми взглядами на событія, какіе

въ нихъ высказаны. Нѣтъ, конечно, возможности ни оцѣнить правдивость каждаго отдѣльнаго извѣстія сказаній, ни предусмотрѣть, какою стороною этого извѣстія станетъ дорожить будущій изслѣдователь смуты. За то возможно установить общее представленіе объ исторической пригодности всего разбираемаго матеріала на основаніи уже произведеннаго анализа его отдѣльныхъ частей. Чтобы яснѣе выразить это представленіе, должно припомнить нѣкоторыя частныя замѣчанія, сдѣланныя выше по поводу отдѣльныхъ памятниковъ.

Разборъ наиболѣ раннихъ произведеній, написанныхъ въ смуту, показываетъ, что ея современники мало думали о передачѣ въ потомство замѣчательныхъ событій своего времени. Публицистическія задачи въ однихъ произведеніяхъ, обличеніе грѣховъ и благочестивая мораль въ другихъ—далеко отводили писателей отъ спокойнаго и систематическаго изображенія ихъ эпохи. Взять одинъ или нѣсколько фактовъ современной жизни, объяснить и обсудить ихъ съ точки зрѣнія своей партіи или съ точки зрѣнія личнаго отвлеченнаго міровоззрѣнія, вотъ обычный пріемъ писателя смутнаго времени. Авторъ Повѣсти 1606 года и авторъ подметнаго письма 1610—1611 года кажутся политическими дѣятелями, а не историками. Протопопъ Терентій съ своимъ новгородскимъ подражателемъ и составитель „Плача о разореніи Московскаго государства“ выступаютъ съ проповѣдью покаянія, съ обличеніемъ общественныхъ грѣховъ. Одинокое стоитъ среди раннихъ писателей благочестивый авторъ Повѣсти о перенесеніи мощей цар. Дмитрія: онъ заботится о простомъ описаніи фактовъ, но и онъ рисуетъ ихъ агиографически, а не исторически. При такомъ характерѣ раннихъ произведеній о смутѣ, историкъ можетъ пользоваться ихъ скудными фактическими показаніями не иначе, какъ исправляя уголь зрѣнія автора путемъ сравненія его труда съ болѣе объективными историческими свидѣтельствами.

И по окончаніи смуты не сразу наступило время для ея исторіи. Если въ 1616—1617 году авторъ второй редакціи Хронографа и сдумѣлъ иногда возвышаться до объективно-прагматическаго изложенія фактовъ смуты, за то онъ былъ очень кратокъ въ своихъ характеристикахъ и отзывахъ. Другіе же труды о смутѣ, написанные вскорѣ послѣ ея окончанія,—Временникъ Тимоѣева и Сказаніе Палицына—отличаются тѣми же чертами, какъ и современные смутѣ памятники. Ни у Тимоѣева, ни у Палицына нѣтъ стремленія собирать подробности происшедшихъ на ихъ глазахъ бѣдствій; оба писателя ищутъ объясненія этихъ бѣдствій, изображаютъ причины смуты

и ставить событія въ прагматическую связь, не описывая ихъ шагъ за шагомъ. Тимоѳеевъ болѣе выдержалъ такой способъ изложенія; въ книгѣ же Палицына, представляющей сборникъ разновременныхъ статей, литературные приемы измѣняются не одинъ разъ. Старецъ Авраамій изъ обличителя моралиста превращается въ скромнаго историка своей обители и слагаетъ панегирикъ ея святымъ; затѣмъ, возвращаясь на прежнюю точку зрѣнія и обсуждая факты общественной жизни, онъ пишетъ апологію своей собственной дѣятельности. Оба писателя сообщаютъ много фактовъ, еще больше личныхъ мнѣній; оба они даютъ значительный матеріалъ для историка. Но въ этомъ матеріалѣ, точно такъ-же какъ въ болѣе раннихъ трудахъ, изслѣдователь долженъ прежде всего принимать во вниманіе личность автора съ его индивидуальными и партійными интересами; онъ долженъ помнить, что имѣетъ дѣло не съ лѣтописцемъ, а съ общественнымъ дѣятелемъ и мыслителемъ, далекимъ отъ задачъ спокойнаго историка.

Такъ, изъ произведеній раннихъ ни одно не можетъ быть названо трудомъ историческимъ или лѣтописнымъ. Ни въ одномъ современная наука не можетъ найти безхитростнаго изображенія фактовъ на память грядущимъ поколѣніямъ. Если же и находится въ какомъ-нибудь памятникѣ подобное изображеніе, то оно далеко не всегда построено на личныхъ наблюденіяхъ автора: официальные источники частныхъ сказаній можно иногда показать съ достовѣрностью. Ясно, что подобнаго рода литературныя произведенія пригодны болѣе для характеристики литературныхъ мнѣній и движенія общественной мысли въ смуту, чѣмъ для исторіи вѣдшихъ фактовъ смутнаго времени.

Попытками дать объективное изложеніе событій смутной эпохи слѣдуетъ считать произведенія, появившіяся нѣсколько позже трудовъ Тимоѳеева и Палицына. У Хворостинина, Катывева-Ростовскаго, авторовъ Новаго Лѣтописца, Рукописи Филарета и другихъ болѣе мелкихъ произведеній стремленіе описать фактъ играетъ преобладающую роль. Личные взгляды и цѣли этихъ писателей мало замѣтны. Новый Лѣтописецъ мѣстами превращается даже въ собраніе мелкихъ замѣтокъ, не только лишенныхъ всякой внутренней связи и литературной формы, но и противорѣчащихъ другъ другу. Однако объективность изложенія въ этихъ памятникахъ не всегда можетъ быть ручательствомъ точности и искренности ихъ показаній. Если нѣтъ въ нихъ публицистическихъ выходовъ, если исчезла уже страстность мо-

ральныхъ поученій, то привзошли другіе элементы творчества и явились новыя точки зрѣнія.

Писатели не ограничивали своихъ задачъ отрывочнымъ хронологическимъ описаніемъ событій, а стремились придать своимъ трудамъ форму цѣльнаго повѣствованія со всѣми условностями литературныхъ приѣмовъ своего времени. Въ Рукописи Филарета можно видѣть любопытные образцы того, какъ простая запись о событіи безжалостно передѣлывалась въ напыщенное риторическое повѣствованіе. Простой складъ ранняго Сказанія объ осадахъ Тихвинскаго монастыря не удовлетворилъ литературнымъ требованіямъ своего времени, и Сказаніе было переработано въ болѣе витіеватый, но менѣе фактический рассказъ. Въ развитіи историческаго творчества XVII вѣка повторялось, словомъ, то же явленіе, какое В. О. Ключевскій подмѣтилъ въ литературѣ древнихъ житій.

Условная правильность вѣшной литературной формы была писателямъ дороже исторической точности, и поэтому фактами поступались очень легко, если этого требовала историческая красота рѣложенія. Мы можемъ только удивляться тому, съ какой сдержанностью относились къ изображенію смуты Хворостиницъ, Катыревъ-Ростовскій, Шаховской и редакторы Рукописи Филарета. Какъ мало живыхъ личныхъ впечатлѣній занесли они въ свои труды и какъ за то послушно слѣдовали литературнымъ требованіямъ своего времени! Искусственность формы позволяла писателю съ большимъ удобствомъ скрывать фактъ за фразой,—и необходимо обстоятельное знакомство съ личностью и біографіей самого автора, чтобы понять, какъ мало передалъ онъ намъ изъ того, что онъ видѣлъ и могъ обстоятельно знать. Преобладаніе литературныхъ требованій надъ собственно историческими задачами объясняетъ странную на первый взглядъ привычку писателей-очевидцевъ смуты опираться въ своихъ трудахъ не на личную память, а на источники. Лучшими примѣрами въ этомъ отношеніи могутъ служить Повѣсти Шаховскаго, который самъ жилъ въ смуту, но предпочелъ рассказать о ней чужими словами, не прибавивъ отъ себя никакихъ фактическихъ дополненій. Понятно, что подобное преобладаніе литературной стороны въ трудахъ историческихъ значительно уменьшаетъ цѣнность многихъ сказаній въ глазахъ изслѣдователя. Въ качествѣ историческаго источника, большее значеніе имѣютъ именно тѣ произведенія о смутѣ, которыя отступали отъ общаго литературнаго шаблона. Таковъ отчасти Новый Лѣтописецъ, такова вторая половина Рукописи Фила-

рета, которую не успѣли подвергнуть стилистической переработкѣ; таковы, наконецъ, Житіе Иринарха и труды Симона Азарьина и Ивана Насѣдки.

Рядомъ съ литературнымъ элементомъ вошелъ въ литературу о смутѣ и элементъ агиографической. Нѣкоторые лица и факты смуты съ перваго же упоминанія о нихъ въ сказаніяхъ стали предметомъ именно агиографическимъ. О царевичѣ Димитріи писали въ формѣ житійной, потому что царевичъ причисленъ былъ къ лику святыхъ. Повѣсти о перевесеніи его мощей слагались въ томъ же житійномъ стилѣ. Жизнеописаніе патріарха Іова составлено было также въ видѣ житія. Даже преданіе о подвигѣ Минина записано было Азарьинимъ въ ряду многихъ чудесъ преп. Сергія. Приемы древнерусской агиографіи сказались, конечно, на всѣхъ подобныхъ произведеніяхъ и замѣнили въ нихъ равнодушное безстрастіе лѣтописца теплымъ чувствомъ благочестиваго апологета. Хотя въ нѣкоторыхъ житіяхъ (преп. Иринарха и преп. Діонисія) религиозная похвала не облеклась въ формы искусственнаго риторическаго панегирика и не исключила изъ произведенія простыхъ и цѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ, тѣмъ не менѣе этимъ историческимъ свидѣтельствамъ отводилось лишь второстепенное мѣсто въ общемъ ходѣ разсказа.

Наконецъ, въ произведеніяхъ о смутѣ болѣе позднихъ замѣчаемъ и такое въ высшей степени любопытное явленіе: смута становится предметомъ поэтическаго творчества, на дѣйствительныхъ фактахъ нарастаютъ легенды и мало по малу сюжетъ историческій превращается въ эпическій. Еще О. И. Буслаевъ въ своемъ этюдѣ „О русской поэзіи XVII вѣка“ замѣтилъ, что лишенная своей мифической основы русская поэзія приняла въ XVII вѣкѣ историческое направленіе. Справедливость этого общаго наблюденія подтверждается и частнымъ литературнымъ фактомъ — письменностью, посвященной смутѣ. Пзвѣстный Джемсовъ сборникъ записанныхъ въ 1618—1819 годахъ русскихъ пѣсенъ о лицахъ смутной эпохи показываетъ, какъ чутко народное творчество искало для себя мотивовъ въ современности и какъ скоро успѣвало оно облекать дѣйствительность въ поэтическіе образы. „Сказаніе о роженіи князя М. В. Скопина“ можетъ служить нагляднымъ примѣромъ того, что поэзія книжная рано начала заимствовать у народной не только общій пріемъ отношенія къ фактамъ смуты, но и поэтическія детали. Составитель названнаго Сказанія цѣликомъ записалъ народную былинну о смерти Скопина и продолжать свое повѣствованіе не менѣе поэтическимъ, но болѣе

книжнымъ разсказомъ о погребеніи героя. И независимо отъ вліяній народнаго творчества писатели о смутѣ очень рано стали вводить въ свои труды эпическіе приемы. Повѣсть Катывева, составленная исключительно въ книжномъ стилѣ, уже давно и не даромъ была названа поэмой. Внѣшній строй изложенія съ обиліемъ эпитетовъ, съ повтореніемъ излюбленныхъ фразъ и съ наклономъ къ рѣмѣ; далѣе картины природы, къ которымъ авторъ такъ же внимателенъ, какъ и къ былевымъ подробностямъ; длинныя рѣчи дѣйствующихъ лицъ; чисто эпическая объективность отношенія и къ друзьямъ и къ врагамъ,—всѣ эти особенности Повѣсти даютъ право назвать ея автора скорѣе поэтомъ, чѣмъ историкомъ.—Однако поэтическіе приемы описанія смуты еще не вели ея современниковъ къ созданію легендъ. Легенда выростала позже, въ то время, когда реальныя воспоминанія о смутѣ стали слабѣе и не могли уже сдержатъ произвольнаго порыва творческой фантазіи. Развиваясь въ сферѣ литературной, легенды о смутѣ принимали и литературныя формы, выдавались за историческія повѣствованія. Въ текстахъ сказаній нерѣдко можно наблюдать различныя фазисы въ образованіи той или другой легендарной подробности. Иногда легендарный элементъ вкрадывался въ произведенія въ видѣ отдѣльныхъ недостоверныхъ показаній, которыя затѣмъ получали дальнѣйшее литературное развитіе. Такъ, злѣйшій врагъ Бориса Годунова, авторъ Повѣсти 1606 года не приписалъ ему вины въ московскомъ пожарѣ 1591 года; но уже Тимоѣевъ занесъ въ свой Временникъ показаніе, что московскій пожаръ произошелъ „повелѣніемъ“ Бориса, а немногимъ позже Катывевъ кратко объяснилъ и мотивъ преступнаго „повелѣнія“. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ нѣтъ еще легенды, есть только недостоверный слухъ. Позже этотъ слухъ постепенно развивается въ легенду очень обстоятельную. Въ Милютинскомъ житіи цар. Дмитрія находится уже подробный и вполне сказочный разсказъ о пожарѣ 1591 года. Въ позднемъ же „Сказаніи о царствѣ государя и вел. кн. Феодора Ивановича“ вымыселъ житія окончательно принимаетъ поэтическія формы нелѣпой исторически басни. Точно такой же процессъ постепеннаго нарощенія подробностей замѣтенъ въ разсказахъ о смерти цар. Дмитрія. Отправляясь отъ официальныхъ показаній, Повѣсть 1606 года дала очень краткій и скудный фактическимъ содержаніемъ разсказъ о убіеніи царевича. У другихъ раннихъ писателей замѣтна та же краткость и скудость показаній. Только въ Новомъ Лѣтописцѣ 1630 года встрѣчаемъ болѣе подробное повѣствованіе объ угличскомъ

убійствѣ, но его частности иногда дышатъ явною легендой. Въ повѣствованіи XVII вѣка Милютинское житіе перерабатываетъ рассказъ Новаго Лѣтописца и дополняетъ его новыми недостовѣрными чертами. А въ „Сказаніи о царствѣ“ и пр. замѣтенъ новый приливъ легендарныхъ чертъ, легшихъ на ту же литературную основу, данную Новымъ Лѣтописцемъ. Одна только „Повѣсть о убіеніи цар. Димитрія“ стоитъ въ сторонѣ отъ этого ряда зависимыхъ другъ отъ друга описаній смерти царевича. Остальные рассказы объясняются одинъ изъ другаго, представляя собою различныя звенья одного преданія, постепенно разроставагося подъ перомъ нѣсколькихъ книжниковъ. Кромѣ этого исключительно книжнаго пути въ развитіи легенды можно наблюдать и другой путь. Легенда получала окончательный свой видъ, такъ сказать, внѣ литературы и входила въ литературные памятники уже готовою, въ качествѣ дополненія къ сухому историческому тексту. Въ Хронографахъ Оболенскаго и Ельницкомъ, въ упомянутомъ „Сказаніи о царствѣ“ — обширныя и цѣльныя легендарныя повѣствованія привязаны къ тексту Хронографа второй редакціи, Новаго Лѣтописца и Милютинскаго житія и облечены въ формы книжной рѣчи. Но ни въ одномъ болѣе раннемъ литературномъ памятникѣ нельзя найти зародышей этихъ легендарныхъ повѣствованій. Очевидно, что въ данномъ случаѣ легенда возникла и сформировалась въ сферѣ устнаго творчества, въ письменный же памятникъ попала случайно. Какъ бы то ни было, и гдѣ бы ни создавалась легенда, — разъ ее заносили въ письменный памятникъ, она становилась исторіей въ глазахъ читателя XVII—XVIII вѣка, пользовалась довѣріемъ и охотно воспроизводилась въ компилятивныхъ трудахъ о смутѣ.

Итакъ, въ большинствѣ сказаній о смутѣ изслѣдователь имѣетъ предъ собою не безхитростныя записи о фактахъ, не простодушныя впечатлѣнія очевидцевъ, а рассказы, отразившіе на себѣ или условныя литературныя вкусы вѣка, или агиографическую точку зрѣнія, или поэтическое творчество, личное и народное. Понятно, какъ эта чуждая исторіи сторона сказаній дѣйствовала на общій характеръ повѣствованія о смутѣ въ ущербъ его простотѣ и достовѣрности. Въ сознаніи каждаго писателя слагалась подъ разнообразными вліяніями извѣстная точка зрѣнія на событія, опредѣлить которую изслѣдователю безусловно необходимо раньше, чѣмъ онъ воспользуется тѣмъ или другимъ историческимъ показаніемъ автора. Увеличивая историко-литературный интересъ сказаній о смутѣ, посторонніе элементы

творчества, входившіе въ нихъ, уменьшаютъ значительно историческую цѣнность ихъ фактическихъ сообщеній.

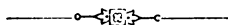
Если фактическая полнота и точность сказаній о смутѣ страдала отъ разнообразныхъ постороннихъ вліяній, то отъ подобныхъ же причинъ теряли свою непосредственность и даже искренность взгляды писателей на смуту въ ея цѣломъ и частностяхъ. Въ тѣхъ сказаніяхъ, въ которыхъ можно наблюдать не только сухой перечень фактовъ, но и субъективное отношеніе къ нимъ писателя,—это отношеніе высказывается не всегда свободно и полно. Общій взглядъ на происхожденіе и развитіе смуты очень рано сложился въ московскомъ обществѣ XVII вѣка и былъ усвоенъ одинаково писателями разныхъ поколѣній, отъ автора Повѣсти 1606 года до позднѣйшихъ компиляторовъ. Русскому обществу смута во всѣхъ ея проявленіяхъ казалась дѣломъ высшаго Промысла, руководившаго поступками людей во исполненіе своихъ предназначеній. „Не людское то дѣло дѣлало, то сила и рука всемогущаго Бога“,— говорили еще въ 1608 году русскіе дипломаты польскимъ о воцареніи самозванца. „Сія вся содѣяшася Божіимъ промысломъ,.. а не человѣческою хитростью“,— писалъ позднѣе по поводу освобожденія Москвы авторъ „Повѣсти о разореніи московскаго государства“. На этомъ чисто религіозномъ воззрѣніи и строились всѣ объясненія смуты въ сказаніяхъ о ней. Смуту считали Господнимъ наказаніемъ за грѣхи русскихъ людей, а въ счастливомъ ея исходѣ видѣли Божью милость, бывшую наградой за раскаяніе и обращеніе къ Богу и правдѣ. По вѣковому представленію древне-русскихъ людей, скорая небесная кара постигала всякій грѣхъ,—и для того, чтобы объяснить, за что эта кара была послана на Русь въ смуту, необходимо было только указать, какіе грѣхи могли ее вызвать. Именно такимъ образомъ и ставили свою тему Ив. Тимоѣевъ и Авр. Палицынъ, наиболѣе обстоятельно излагавшіе причины смуты сравнительно съ прочими писателями. Они объясняли читателю, „отъ кихъ разліяся грѣхъ земля наша“, „кихъ ради грѣхъ попусти Господь... свое наказаніе“. Другой формулы вопроса о происхожденіи смуты нельзя найти у писателей XVII вѣка; въ предѣлахъ же этой формулы замѣтно существенное разногласіе. Въ то время, когда одни сказатели думаютъ объяснить происхожденіе смуты Божіимъ возмездіемъ за преступленія одного Бориса Годунова, другіе не щадятъ и всего современнаго имъ общества, объясняя небесную кару общимъ паденіемъ нравовъ. Первый взглядъ былъ высказанъ еще авторомъ Повѣсти 1606 года, полагавшимъ, что смута окончилась сверженіемъ

Лжедмитрія. Изобразивъ злодѣянiя Бориса, онъ появленiе самозванца признаетъ мстью отъ Бога одному Борису; свергнувъ преступника, самозванецъ однако и самъ погибъ, открывъ московскимъ людямъ возможность счастливой жизни подъ державою благочестиваго царя Шуйскаго. Несмотря на то, что такой взглядъ подрывался послѣдующимъ ходомъ смуты, онъ получилъ дальнѣйшее литературное развитiе въ Повѣстяхъ князя С. Шаховскаго. Другой взглядъ, обличавшій грѣховность всего русскаго общества и въ ней видѣвшій причину смуты, возникъ не позже перваго взгляда и пользовался сравнительно съ нимъ большимъ распространенiемъ. Самымъ раннимъ литературнымъ его выразителемъ былъ протопопъ Терентій. Съ большей полнотою мысли Терентія развиты были въ Плачѣ о плѣненiи Московскаго государства. Самое же полное выраженiе этого взгляда далъ въ своемъ Временникѣ Ив. Тимоеевъ. И въ Новомъ Лѣтописцѣ замѣтна та же точка зрѣнiя, но уже свободная отъ публицистической ѣдкости болѣе раннихъ обличенiй. Во всѣхъ этихъ произведенiяхъ грѣхи Бориса не выставляются писателями, какъ единственная причина Божьяго гнѣва, а теряются въ картинѣ общаго нравственнаго растлѣнiя московскихъ людей. Близокъ къ этому послѣднему взгляду и Авр. Палицынъ, но старецъ Авраамiй мѣстами какъ будто раздѣляетъ и взглядъ Повѣсти 1606 года.

Обличая пороки своихъ современниковъ, писатели о смутѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ говорили съ большимъ одушевленiемъ и рѣзкою откровенностью. Рѣчь протопопа Терентія, Тимоеева и Палицына иногда поражаетъ тою смѣлостью, съ какою она касается вѣшнихъ авторитетовъ современнаго этимъ писателямъ общества. Однако отсутствiе сдержанности въ нѣкоторыхъ случаяхъ и у немногихъ авторовъ не даетъ еще права заключать, что этой сдержанности не было и вообще въ произведенiяхъ о смутѣ. Можно подыскать рядъ очень опредѣленныхъ указанiй на то, что писатели затруднялись прямо высказывать свои мысли и чувства; можно даже указать иногда и причины ихъ умолчанiй и недомолвокъ. Стоитъ только вспомнить, въ какомъ ложномъ свѣтѣ представилъ Хворостининъ свою близость къ самозванцу; какъ сдержанно отнесся Катыревъ къ сославшему его Шуйскому; какъ уклончиво говорилъ въ запискахъ Шаховской о своихъ приключенiяхъ въ смуту, и какъ Авр. Палицынъ сумѣлъ обойти неудобныя стороны щекотливаго для него вопроса о великомъ посольствѣ къ Сигизмунду. Во всѣхъ этихъ случаяхъ умолчанiй и неискренности ясны практическiя причины: писатели, замѣшанные

въ такихъ перипетіяхъ смуты, которыя не могли въ послѣдствіи встрѣтить общаго сочувствія и одобренія, были вынуждены скрывать свои личные поступки, отзываться спокойно о томъ, къ чему въ свое время, конечно, не могли спокойно относиться. Но и помимо случайныхъ побужденій, вытекавшихъ изъ личной обстановки писателей, замѣтны и другія основанія ихъ литературной сдержанности. Изученіе сказаній о смутѣ, составленныхъ послѣ ея окончанія, обнаруживаетъ во всѣхъ произведеніяхъ одинаковыя приемы отношенія къ смутной эпохѣ, объясненія которыхъ слѣдуетъ искать внѣ литературы, въ общемъ настроеніи общественнаго сознанія въ XVII вѣкѣ. На смуту смотрятъ какъ на борьбу православія съ иновѣріемъ и русской народности съ ея вѣковыми врагами. Этотъ общій взглядъ и предрѣшаетъ отношеніе сказателей къ частнымъ фактамъ смуты и къ дѣятелямъ смутнаго времени. Излюбленными героями въ письменности о смутѣ являются именно тѣ люди, которые руководили Русью въ борьбѣ за вѣру и народность, и наоборотъ,—тѣ люди, которые осуждаются сказателями, осуждаются какъ вѣроотступники и измѣнники. Даже поведеніе Бориса Годунова и Василя Шуйскаго иногда разсматривается, какъ нарушеніе завѣтовъ древняго правовѣрія. У Палицына Борисъ „ересъ же арменстѣй и латинстѣй послѣдствующимъ добръ потокавникъ бысть“; у Тимоѣева и Хворостинина—Шуйскій представляется прямо еретикомъ: „нечестивъ всяко“, „оставя Бога, къ бѣсомъ прибѣгая“, „праведное существо измѣнивъ“, „внимающіи... ученіемъ бѣсовскимъ“. Нельзя, конечно, отвергать, что наши предки обнаружили большую чуткость въ опредѣленіи общаго смысла исторической драмы, едва не погубившей Россію. Но оставаясь всегда на точкѣ зрѣнія религіозно-національной, писатели о смутѣ ея опредѣляли какъ выборъ матеріала для своихъ описаній, такъ и личное свое отношеніе къ матеріалу. Этимъ и объясняется нѣкоторая неполнота и условность ихъ повѣствованій. На взглядъ писателей XVII вѣка сословныя отношенія смутной эпохи не заслуживали того вниманія, съ какимъ относятся къ нимъ позднѣйшіе изслѣдователи,—и вслѣдствіе этого лишь у немногихъ сказателей находимъ мы летучіе памеки на сословныя мѣры Бориса, на борьбу общественныхъ элементовъ въ ополченіи Липунова и т. п. Національныя заслуги героевъ смутной эпохи вызываютъ со стороны сказателей восторженные дифирамбы этимъ героямъ. Но среди похвалъ трудно найти какія нибудь твердыя данныя для ясной характеристики того или другаго лица: ясно видно, что сказателя интересуетъ не столько

сама личность, сколько известныя стороны ея дѣятельности. Такая односторонность изображенія дѣлаетъ его неточнымъ, сообщаетъ лицамъ невѣрный колоритъ, исторію превращаетъ въ панегирикъ. Искусственность общихъ похвалъ героямъ особенно даетъ себя чувствовать тамъ, гдѣ нѣкоторые писатели, измѣняя обычной точкѣ зрѣнія, впадаютъ въ несдержанную откровенность. Такъ, Палицынъ, упоминая о безпорядкахъ въ ополченіи Пожарскаго и Минина, даетъ понять, что современникамъ освобожденія Москвы были видны и недостатки дѣятелей, поднятыхъ потомъ на недосягаемый пьедесталъ. Хворостининъ, передавая свои сомнѣнія въ пользу дѣятельности Гермогена, показываетъ намъ, что въ свое время патріархъ не вызывалъ, какъ позже, всеобщаго и безусловнаго поклоненія. Историкъ дорожитъ подобными откровенными отзывами писателей современниковъ, потому что они, рядомъ съ условными похвалами, полнѣе отражаютъ и взгляды общества и мощныя фигуры самихъ народныхъ дѣятелей. Но письменность XVII вѣка не сознавала всей цѣнности искренняго лѣтописанія. Для того чтобы выдержать цѣльность общаго взгляда жертвовали всѣмъ, что шло ей въ разрѣзъ, и этимъ, конечно, уменьшали историческую цѣнность произведеній.

ПЕРЕЧЕНЬ РУКОПИСЕЙ, УПОМЯНУТЫХЪ ВЪ ЭТОЙ КНИГѢ.

Цифры, поставленныя при названіяхъ рукописей, обозначаютъ страницы книги.

Рукописи Императорской Публичной Библіотекы:

- Погодинск. № 724 (Житіе преп. Ирнарха), 293—296.
Погодинск. № 725 (то-же), 293—295.
Погодинск. № 1465 (хронографъ), 314—315, 334.
Погодинск. № 1502 (Сказаніе Авр. Палицына), 168.
Погодинск. № 1503 (Сказаніе Авр. Палицына и Иное Сказаніе), 1, 2, 28, 56, 168.
Погодинск. № 1504 (Сказаніе Авр. Палицына и Плачь о плѣненіи Московскаго государства), 103—114, 168.
Погодинск. № 1505 (Сказаніе Авр. Палицына), 168.
Погодинск. № 1506 (то-же), 168.
Погодинск. № 1507 (то-же), 168.
Погодинск. № 1508 (то-же), 168.
Погодинск. № 1509 (то-же), 168.
Погодинск. № 1510 (то-же), 168.
Погодинск. № 1551 (Повѣсть протопопа Терентія), 56, 57.
Погодинск. № 1558 (Милютинское житіе цар. Дмитрія), 36, 283—288, 292.
Погодинск. № 1563 (О возстаніи мертвыхъ поученіе князю Ив. Хворостиннику и Повѣсть о убіеніи цар. Дмитрія), 189, 191, 289.
Погодинск. № 1570 (Повѣсть прот. Терентія), 56.
Погодинск. № 1578 (краткая лѣтопись), 334.
Погодинск. № 1601 (Сказаніе объ осадѣ Тихвинскаго монастыря), 339.
Погодинск. № 1612 (Милютинское житіе цар. Дмитрія), 283.

- Погодинск. № 1616 (нѣсколько повѣствованій о событіяхъ смуты), 292—293, 314—315, 334.
- Погодинск. № 1617 (Сказаніе о царствѣ государя и в. князя Теодора Ивановича), 328—331.
- Погодинск. № 1618 (Сказаніе объ осадѣ Тихвинскаго монастыря), 339.
- Погодинск. № 1622 (Посланіе прот. Терентія Лжедимитрію), 57—58.
- Погодинск. № 1624 (компилятивный рассказъ о смутѣ), 337.
- Г. IV. 147 (Толстов. I. № 67: отрывокъ Соловецкаго хронографа о ссылкѣ Романовыхъ), 334.
- Г. IV. 163 (Толстов. I. № 17: Хроника Павла Пясецкаго), 338.
- Г. IV. 165 (Толстов. I. № 61: хронографъ особаго состава), 333—334.
- Г. IV. 215 (Толстов. I. № 157: краткій рассказъ о убіеніи цар. Дмитрія), 293.
- Г. IV. 222 (Толстов. I. № 241: Повѣсть о нѣкоей брани, лежащей на благочестивую Россію), 116—121.
- Г. IV. 228 (Толстов. I. № 447: Морозовскій лѣтописецъ), 335—336.
- Г. IV. 597 (Латухинская степенная книга), 320—324.
- Г. XVII. 17 (Толстов. I. № 198: компилятивный лѣтописецъ), 336—337.
- Q. I. 352 (Толстов. II. № 510: Повѣсть о перенесеніи мощей цар. Дмитрія), 41.
- Q. I. 762 (Милютинское житіе цар. Дмитрія), 283.
- Q. I. 877 (Житія цар. Дмитрія), 284, 290—291.
- Q. IV. 10 (Толстов. V. № 13: Повѣсть о явленіи чудотворныя иконы пр. Богородицы, иже нарицается Курская), 341—342.
- Q. IV. 139 (Толстов. II. № 101: Лѣтописецъ великія земли Россійскія и въ немъ Повѣсть прот. Терентія), 56, 337—338.
- Q. IV. 144 (Толстов. II. № 438: Повѣсть, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Б. Годуновъ), 5, 35.
- Q. IV. 154 (Повѣсть кн. П. М. Катырева-Ростовскаго), 205—207.
- Q. IV. 172 (Словеса дней и царей и святителей московскихъ кн. П. А. Хворостинниа), 31, 183—185, 191—203.
- Q. IV. 234 (Сказаніе о царствѣ государя и в. князя Теодора Ивановича), 328—331.
- Q. XVII. 22 (Толстов. II. № 140: Милютинское житіе цар. Дмитрія), 283.
- Q. XVII. 28 (Толстов. II. № 287: Житіе Θεодосія архіеп. астраханскаго), 296—297.

- Q. XVII. 33 (Толстов. II. № 70: Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся... въ царствующемъ градѣ Москвѣ и т. д.), 307—308, 313.
- Q. XVII. 48 (Толстов. II. № 401: поздняя редакція житія цар. Дмитрія), 293.
- Q. XVII. 54 (Толстов. V. № 74: О разореніи града Углича), 342.
- Q. XVII. 94 (Повѣсть прот. Терентія), 56.
- Q. XVII. 114 (Сказаніе и повѣсть извѣстна, како избави Господь Богъ царствующій градъ Москву, и т. д.), 307—308, 313.
- Q. XVII. 159 (компилятивный рассказъ о событіяхъ смуты), 335.
- O. IV. 17 (нѣсколько повѣствованій о событіяхъ смуты), 5, 35, 56—60, 293.
- Эрмитажн. № 358 (Повѣсти о видѣніяхъ 1611 года и грамота того-же года), 121—125, 212.

Рукописи Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ:

- Общ. каталога № 260 (Милютинское житіе цар. Дмитрія), 284.
- Общ. каталога № 925 (то-же), 284.
- Общ. каталога № 1836 (Иное Сказаніе), 1—2, 56.
- Ундольск. № 303 (Милютинское житіе цар. Дмитрія), 284.
- Ундольск. № 609 (то-же), 284.
- Ундольск. № 623 (то-же), 284.
- Ундольск. № 643 (Тулуповское житіе цар. Дмитрія), 40.
- Ундольск. № 660 (Милютинское житіе цар. Дмитрія), 284.
- Ундольск. № 725 (Хронографъ третьей редакціи), 333.
- Ундольск. № 790 (Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и т. д.), 307.
- Ундольск. № 1110 (Исторія о первомъ Іовѣ патріархѣ), 279.
- Ундольск. № 1306 (Милютинское житіе цар. Дмитрія), 284.
- Бѣляев. № 1510 (Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и т. д.), 307, 313—314.
- Бѣляев. № 1515 (Милютинское житіе цар. Дмитрія), 284.
- Бѣляев. № 1516 (Сказаніе и повѣсть, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Б. Годуновъ), 35.
- Попов. № 2529 (Повѣсть, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Б. Годуновъ, и Плачь о плѣненіи и конечномъ разореніи Московскаго государства), 35, 103, 105—108, 111—113.
- Пискарев. № 169 (Повѣсть кн. И. М. Катырева-Ростовскаго), 204, 207.

- Румянцев. № 39 (Исторія о первомъ Іовѣ патриархѣ), 279.
Румянцев. № 156 (то-же), 279.
Румянцев. № 157 (Тулуповское житіе цар. Дмитрія), 40.
Румянцев. № 390 (Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ), 307.

Рукописи Археографической Комиссіи:

- № 142 (хронографъ Муханова), 333.
№ 143 (Повѣсть кн. П. М. Катывева-Ростовскаго), 204, 206.

Рукописи Императорской Академіи Наукъ:

- № 46 (отрывокъ Новаго Лѣтописца), 337.
№ 62 (Петра Крекшина повѣствованіе о Б. Годуновѣ); см. въ Дополненіяхъ, стр. 369.
№ 153 (Повѣсть кн. П. М. Катывева-Ростовскаго), 204—207.

Рукопись Московскаго главнаго Архива Мин. Иностранныхъ Дѣлъ:

- № 101—128 (хронографъ кн. Оболенскаго), 325—328.

Рукописи Московской Синодальной Библіотеки:

- № 416 (Житіе преп. Діонисія), 297.
№ 805 (Милютинское житіе цар. Дмитрія), 84, 283, 285—288.
№ 858 (Милютинское житіе цар. Дмитрія и разсказъ о погребеніи мощей царевича въ 1606 г.), 292.

Рукописи Московской Духовной Академіи:

- № 175 (Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ и первыя главы Сказанія Палицына въ особой редакціи), 86, 88—92, 96—102, 138, 147, 148, 173, 177—180.
№ 201 (Повѣсть о разореніи Московскаго государства), 315.
№ 203 (Книга о чудесахъ преп. Сергія и Повѣсть о разореніи Московскаго государства), 238—239, 297, 300—303, 315.
№ 213 (Творенія кн. С. П. Шаховскаго), 31, 32, 187, 188, 232, 234, 235, 236, 240—246.
№ 214 (то-же), 187, 188, 232, 234, 235, 236, 240—246.

Рукописи С.-Петербургской Духовной Академіи:

Софійск. № 1357 (Тулуповское житіе цар. Дмитрія), 40 - 45, 287.

Софійск. № 1459 (Тулуповское и Милютинское житія цар. Дмитрія),
40, 283—284, 292.

Софійск. № 1493 (Милютинское житіе цар. Дмитрія), 284, 292.

Рукописи Троице-Сергіевой Лавры:

№ 327 (краткая запись о убіеніи цар. Дмитрія), 293.

№ 625 (Тулуповское житіе цар. Дмитрія), 40.

№ 676 (то-же), 40, 42.

Рукописи монастырей:

Костромскаго Богоявленскаго № 838 (Тулуповское житіе цар. Дми-
трія), 40, 41.

Саввина-Сторожевскаго № 5 (Исторія о первомъ Іовѣ патріархѣ), 279—
282.

Флоріщевой пустыни № 108—682 (Временникъ Нв. Тимоѣева), 84,
128—168.

Рукопись Имп. Общества любителей древней письменности:

Ф. № VI (Повѣсть кн. Н. М. Катывева-Ростовскаго), 204, 207.

Рукописи Имп. Общества исторіи и древностей:

Отд. I. № 227 (Записки кн. С. П. Шаховскаго), 231.

Безъ № (Повѣсть о нѣкоемъ мнисѣ кн. С. П. Шаховскаго), 240.

Рукопись Имп. С.-Петербургскаго университета:

Безъ № (Повѣсть, како восхити неправдою на Москвѣ царскій пре-
столю Б. Годуновъ), 35.

Рукописи И. Н. Царскаго (графа А. С. Уварова):

Царск. № 412 (Повѣсть кн. Н. М. Катывева-Ростовскаго), 204.

Царск. № 415 (Исторія, како грѣхъ ради нашихъ попусти Господь
Богъ праведное свое наказаніе, и т. д.), 335.

Царск. № 417 (Уваров. № 896: Плачь о плѣненіи Московскаго го-
сударства и т. д.), 103—105, 107—109, 112, 114, 222.

Царск. № 459 (Сказаніе о царствѣ государя царя и в. князя Теодора Іоанновича), 328.

Царск. № 548 (Повѣсть о явленіи иконы Курской), 341.

Рукопись бібліотени А. И. Хлудова:

№ 258 (Повѣсть прот. Терентія), 56.

Рукописи бібліотени И. А. Шляпкина:

Безъ № (Повѣсть, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Б. Годуновъ), 35.

Безъ № (Повѣсть о чудесномъ явленіи мниху Варлааму), 61—63.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ ЛИЧНЫХЪ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ.

(Цифры обозначаютъ страницы книги).

А.

Августъ, цесарь римскій, 136.
Августъ, самозванный царевичъ, 112.
Авраамій Палицынъ, тропцкій келарь, писатель, 2, 29, 31, 84, 86, 91, 103, 137, 147, 148, 151, 158, 167, 168—180, 181, 182, 193, 216, 217, 225, 244, 264, 278, 279, 281, 282, 295, 298, 299—303, 310, 312, 314, 317—320, 322, 323, 326, 328, 333—338, 342, 344, 345, 350—353.
Адріанъ, патріархъ московскій, 183, 203.
Азарьинъ. См. Симонъ Азарьинъ.
Александра царица. См. Ирина.
Александрова слобода, 118, 278.
Александръ, мовахъ, въ мирѣ Алексѣй, составитель Житія преп. Ирнарха, 293—296.
Александръ Ярославичъ Невскій, вел. князь, 8, 14, 106.
Алексѣй, митрополитъ московскій, св., 110, 201.
Алексѣй Алексѣевичъ, царевичъ, 209.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 2, 3, 48, 80, 232, 314, 316, 319, 335, 337.
Алексѣй. См. Александръ, мовахъ.
Амфилохій, архимандритъ, писатель, 293, 295, 296.
Анастасія Романовна, царица, 132, 138, 327.
Андреевъ Иванъ, посадскій, собственникъ рукописи, 307.
Андрей Боголюбскій, вел. кн., 261.
Андрей Первозванный, апостоль, 192.
Андроновъ Феодотъ, приверженецъ короля Сигизмунда. 86, 89, 90, 97, 99, 100, 107, 108, 113, 161, 220, 229.

Антоній Сѣвскій, св., 226.
Арзамасскій игумень. См. Корнилій.
Арзамась, г., 270, 302.
Ариадій, имп. византійскій, 116.
Арсеній Галасунскій, архіепископъ, 303, 323, 328.
Арсеній, іеромонахъ, псалмодователь, 297.
Артыновъ А. Я., крестьянинъ, 210.
Архангельскъ, г., 238.
Арцыбышевъ Н. С., псалмодователь, 29, 68.
Астрахань, г., 131, 143, 323, 325.
Ахамашуновъ Чернаскій, В. П., князь, 188.
Афанасій Великій, архіеп., св., 7.

Б.

Байновъ Ѳ. И., государевъ посолъ въ Китай, 208.
Барсуновъ А. П., псалмодователь, 215.
Барсуновъ Н. П., псалмодователь, 206, 293, 296, 297.
Бартенева Вторая, казначей А. П. Романова, 261.
Бартенева Чулокъ, дьякъ, 130.
Басмановъ И. Ѳ., окольникій, 318.
Басмановъ П. Ѳ., бояринъ, 246.
Безносковъ И. В., 128.
Бердниковъ И. А., собственникъ рукописи, 2.
Бередниковъ Я. И. членъ Археографич. Коммисіи, 204, 205.
Биркинъ Иванъ, стряпчій, 304, 305, 306.
Битяговскій Данило, 21, 72, 263, 266, 330.
Битяговскій Михаилъ, дьякъ, 20, 21, 218, 263, 266, 330.
Блинскій, полякъ, 97, 98.

- Боголѣтъ, иноческое имя царя Бориса.
См. Годуновъ Борисъ.
- Болотниковъ Ивавъ, 3, 4, 10, 42, 47, 48, 49, 50, 53, 67, 76, 87, 104, 129, 130.
- Бомелій Елпсей, врачъ Ивана Грознаго, 137.
- Борисовъ, г., 143.
- Борисъ Годуновъ. См. Годуновъ Борисъ.
- Борисъ, „зовомый Мясникъ“, владимірець, 125.
- Бочиниъ Илейка, 235.
- Буйносова-Ростовская М. П., кн., жена ц. В. И. Шуйскаго, 211.
- Буйносовъ-Ростовскій И. П., кн., 212.
- Буйносовъ-Ростовскій Ю. П., кн., 209.
- Буйносовы-Ростовскіе, князья, 208, 209.
- Буйносъ Н. А., кн., родоначальникъ кн. Буйносовыхъ-Ростовскихъ, 209.
- Бурцова, деревня кн. П. А. Хворостинина, 190.
- Буслаевъ Ѡ. П., изслѣдователь, 347.
- Бусовъ, иностранецъ, писавшій о Россіи, 23, 97, 118, 146, 311.
- Бучинскіе, приближенные Лжедмитрія, 12, 13, 46, 167, 309, 310, 331.
- Бычновъ, А. Ѡ., изслѣдователь, 57, 289, 290, 334, 337.
- Бычновъ Ѡ. А., изслѣдователь, 209.
- Бѣлгородъ, г., 66.
- Бѣлевъ, г., 185.
- Бѣловъ, Е. А., изслѣдователь, 256, 266, 268.
- Бѣлоозеро, 138.
- Бѣлоруссія, 328.
- Бѣльскій Б. Я., бояринъ, 132, 138, 143.
- Бѣляевъ И. Д., изслѣдователь, 1, 2, 56, 69, 333, 335.
- В.**
- Варлаамъ, митр. новгородскій, 66.
- Варлаамъ, монахъ новгородскій, 61, 62.
- Варлаамъ, старецъ, авторъ Извѣта, 9—11, 23, 29, 37.
- Варлаамъ Хутынскій, св., 62, 161.
- Василиса Волохова. См. Волохова.
- Василій, вел. кн. См. Владиміръ Св.
- Василій Васильевичъ, вел. кн., 206.
- Василій Ивановичъ, вел. кн., 206, 210, 221.
- Василій Ивановичъ, царь. См. Шуйскій В. И.
- Васильевъ Третьякъ, дякъ, 238, 239.
- Вельяминовъ Р. А., воевода новгородскій, 130.
- Веневъ, г., 50.
- Венедиктъ, чернецъ, 37.
- Викторовъ А. Е., изслѣдователь, 313.
- Витовтовъ Евдокимъ (Ефимъ), 230.
- Вишневецкіе, князья, 10.
- Вишневецкій Адамъ, кн., 307.
- Вишневецкій Константинъ, кн., 11, 307.
- Владиміръ (Володимерь), г., 109, 124, 125, 130, 260.
- Владиміръ Андреевичъ Старицкій, кн., 132, 138.
- Владиміръ Святой, вел. кн., 14, 117.
- Владиславъ, королевичъ польскій, 86, 87, 93—95, 97, 101, 104, 107, 132, 161, 172, 173—176, 186, 198, 199, 229, 234, 252, 254.
- Власьевъ Аванасій, окольничій, 153, 154, 310, 314.
- Волга, р., 124, 291.
- Воловичи, паны, 309.
- Вологда, г., 122, 124.
- Волоколамскъ (Волокъ Ламскій), г., 263.
- Волохова Василиса (Марья), 285.
- Волоховъ Осипъ (Данילו), 21, 256.
- Волховъ. р., 80, 138.
- Вольнскій М. П., воевода терскій, 237.
- Вольдемаръ, королевичъ датскій, 237.
- Воротынскій А. П., кн., 278.
- Воротынскій Н. М., кн., 278.
- Воротынскій М. П., кн., 141, 142.
- Вырка, р., 50.
- Вязьма, г., 234, 295.
- Вятка, р., 99.
- Г.**
- Гагаринъ Романъ, кн., 68, 298.
- Гагаринъ Семеть, кн., 185.
- Гагинъ С. П., кн., 237.
- Галичь, г., 28, 118, 219, 232, 233, 308.
- Ганделіусъ Эразмъ, посолъ царскій, 165.
- Гацисскій А. С., изслѣдователь, 328, 342.
- Геласій, митр. крупицкій (сарскій), 21, 67, 79, 140.
- Германъ Тулуновъ, мовахъ, 31, 40, 81, 267, 282—284.
- Гермогенъ, патр. московскій, 26, 44, 54, 66, 68—70, 75, 78, 86—88, 90—94, 96, 98, 100—102, 106—108, 111, 112, 114, 117, 132, 144, 161, 184, 185, 190, 191, 196—202, 220, 227—229, 243, 244, 248—250, 254, 257—259, 265, 269, 273, 276, 287, 292, 297, 298, 310, 333, 336, 353.
- Годунова Ксения, 32, 33, 153, 243.
- Годуновъ Борисъ Ѡдоровичъ, царь, 2, 3, 5, 8, 9, 13, 15, 16—28, 30—36, 39, 40, 43, 44, 46, 53, 66, 72, 75, 78, 79, 82—85, 103, 105, 111, 127, 129, 132, 134, 135, 138—153, 155, 162, 172, 177—179, 192—194, 210, 217—219, 223, 231, 240—243, 245, 251, 254—257, 262, 263, 265—

267, 271, 276, 280, 281, 285—289, 291, 301, 307, 308, 311, 314, 318, 320, 323, 324, 328—331, 334—336, 348, 350—352.
Годуновъ Гр. В., бояринъ, 267, 335.
Годуновъ И. И., окольникій, 324.
Годуновъ Ѳеодоръ Борисовичъ, царь, 31, 38, 66, 78, 153, 194, 245, 263, 271, 311, 318.
Годуновы, 28, 31, 194, 243, 273, 324, 334.
Голицынъ В. В., кн., 86, 89, 100, 200, 206, 220, 253.
Голицынъ И. А., кн., 215.
Головинъ В. П., окольникій, 60.
Голохвастовъ Д. П., изслѣдователь, 168—173, 176.
Голубовскій Андрей, 235.
Гонорій, имп. римскій, 116.
Гонѣвскій, гетманъ, 229, 276.
Горскій А. В., изслѣдователь, 168—170, 172, 173, 177, 178, 297, 301.
Горчановъ Илья, самозванецъ. См. Петръ самозванецъ.
Григорій, нижегородецъ, 122—126, 261, 265.
Григорій Нисскій, св., 7, 43.
Григорій (Гришна) Отрепьевъ. См. Отрепьевъ Григорій.
Грязной Тимошей, 68, 298.
Гурій, самозванецъ, 112, 113.
Густавъ, принцъ шведскій, 143.

Д.

Даниль Александровичъ, кн. московскій, 221.
Даратниново, село кн. И. А. Хворостинина, 190.
Двина (Сѣверная), р., 49.
Делагарди Яковъ Понтусъ, воевода шведскій, 326.
Димитрій Ивановичъ Донской, вел. кн., 8.
Димитрій Ивановичъ, царевичъ, 3—7, 9, 11, 18—21, 30, 34—44, 46, 49, 50, 52, 67, 72, 73, 78, 79, 81, 83—85, 103, 106, 111, 117, 119, 126, 132, 138—140, 142—144, 152, 193, 196, 218, 222, 224, 227, 228, 231, 240, 241, 244, 245, 255—257, 264, 267, 271, 276, 281, 283—292, 296, 297, 307, 308, 313, 315, 317, 320, 322, 328—330, 334, 335, 347, 348.
Димитрій, митр. ростовскій, св., 284, 288, 292, 293.
Димитрій, самозванецъ. См. Отрепьевъ Григорій.
Діонисій, архимандритъ Троице-Сергіева мон., св., 281—283, 297—303, 347.

Діонисій, митр. московскій, 19, 255, 318.
Добрынич, дер., 16, 17, 33, 52.
Долгорукая М. В., жена царя Михаила Ѳед., 341.
Донъ, р., 327.
Доровей, старецъ Троице-Сергіева мон., 299.

Е.

Евгеній, митр. кіевскій, 236.
Евфимій, архимандр. Новоспасскаго мон., 91.
Еганъ. См. Іоаннъ королевичъ.
Елецъ, г., 20, 49, 232.
Ельнинъ, крестьянинъ, владѣлецъ рукописи, 304.
Енисейскъ, г., 236.
Ермогенъ. См. Гермогенъ.
Ермолаевъ А. И., владѣлецъ рукописи, 35.
Ефремъ, игумень Срѣтенскаго мон., 251.

Ж.

Желябовскій (Желябужскій) Іковъ, 212.
Желябовскій (Желябужскій) Ѳеодоръ, 212, 258, 263.
Жигимонтъ. См. Сигизмундъ.
Жолтѣвскій, гетманъ, 93, 107, 117, 162, 229, 276.
Жупновица, м., 11.

З.

Заблочній, лицо близкое къ кн. И. А. Хворостинину, 188.
Забѣлинъ И. Е., изслѣдователь, 169, 170, 293, 304, 325, 327.
Загрянскій Владиміръ, 267.
Заруцкій Иванъ, казачій атаманъ, 70, 185, 264.
Захарыинъ-Юрьевъ. См. Юрьевъ.
Звягинъ М. Ѳ., торговцй человекъ, 2.
Зубцовскій уѣздъ, 210.
Зюзинъ А. И., окольникій, 163.

И.

Иванъ-городъ, 159, 326.
Иванъ Васильевичъ Грозный, царь, 16, 35, 37, 42, 43, 64, 65, 71, 75, 105, 111, 132, 134, 136—138, 142, 143, 204, 206, 210, 216, 226, 241, 246—248, 285, 288.
Иванъ Ивановичъ, царевичъ, 54, 132, 138, 226.

Иванъ Даниловичъ Калита, вел. кн., 83, 112.
 Иванъ Милотинъ, священникъ, 103, 243, 284.
 Иванъ Настѣдн (Настѣдникъ), священникъ, 244, 294, 297—301, 347.
 Иванъ, самозванный царевичъ, 112, 113.
 Иванъ Тимошеевъ. См. Тимошеевъ Иванъ.
 Игнатій, архіеп. кипрскій, 263.
 Игнатій, патр. московскій, 26, 39, 57, 153, 196, 243, 262, 297, 324.
 Иконниковъ В. С., изслѣдователь, 160, 277, 278.
 Ирина Феодоровна (въ иночествѣ Алексавдра), царица, 23—25, 83, 145, 146, 179, 331.
 Ирнархъ, затворникъ ростовскій, 293—296, 347.
 Исидоръ, митр. новгородскій, 129, 131, 132, 135, 163, 257.

I.

Иевлевъ Корнилъ, дьякъ, 130.
 Иоаннъ, архіеп. новгородскій, св., 62.
 Иоаннъ, королевичъ датскій, 143, 254, 264.
 Иоаннъ. См. Иванъ.
 Иовъ, патр. московскій, 21, 23, 24, 26, 27, 29, 30, 37, 78, 82—86, 116, 111, 126, 127, 145, 147, 151, 153, 154, 243, 247—249, 256, 257, 269, 276, 279, 281, 283, 317, 324, 347.
 Иона, монахъ Сіійскаго мон., 226.
 Иосифъ, еп. коломенскій, 310.
 Иосифъ, келѣйникъ патр. Иова, 247, 248, 256, 269.
 Иосифъ. См. Хворостининъ П. А. кн.
 Иуда, апостолъ, 8, 88.
 Юліанъ. См. Юліанъ.

К.

Казань, г., 65, 94, 260, 262.
 Казы-Гирей, ханъ, 141.
 Калайдовичъ, К. Ѳ., изслѣдователь, 207, 335.
 Калита. См. Иванъ Даниловичъ Калита.
 Калуга, г., 50—52, 76, 119, 295.
 Карамзинъ Н. М., исторіографъ, 1, 28, 29, 35, 37, 69, 211, 223, 270—272, 307, 308, 315, 320, 321, 323, 324, 329, 334—336.
 Катывева-Ростовская Ирина Гр., жена кн. И. М. Катывева-Ростовскаго, 209.
 Катывева-Ростовская Татьяна Θεод., жена кн. И. М. Катывева-Ростовскаго, 209.

Катывевъ-Ростовскій А. И., кн., 208.
 Катывевъ-Ростовскій И. М., кн., 31, 84, 92, 93, 103, 182, 186, 188, 203—222, 224, 225—231, 240—246, 249, 276, 283, 333, 336, 345, 346, 348, 351.
 Катывевъ-Ростовскій М. П., кн., 206—210, 219.
 Катывевъ-Ростовскій П. И., кн., 208, 210.
 Катывевы-Ростовскіе, князья, 207—210.
 Катывъ-Хохолковъ И. А., кн., родоначальникъ Катывевыхъ - Ростовскихъ, 208, 209.
 Качаловъ Никита (Митька), 20, 21, 72, 218, 256, 263, 266, 330.
 Кедровъ С. И., изслѣдователь, 86, 168—173, 178—180, 301.
 Кернозицкій, полякъ, 161.
 Киприанъ, митр. новгородскій, 235, 236, 252.
 Киржацкій ямъ, 118.
 Киржачъ, г., 118.
 Кіевъ, г., 10, 16, 37.
 Клешиинъ Андрей (въ иночествѣ Луппъ), околъничій, 139, 140, 267, 285, 286.
 Клаушино, с., 228, 279.
 Ключевскій В. О., изслѣдователь, 15, 207, 215, 279, 284, 293, 295—298, 346.
 Козельскъ, г., 185.
 Козьма Мининъ. См. Мининъ Козьма.
 Кола, г., 238.
 Коломенское, с., 49—52, 67.
 Коломна, г., 260.
 Комарицкая волость, 33.
 Кондратьевъ А. А., изслѣдователь, 219, 224—231.
 Коношинъ Н., изслѣдователь, 183.
 Копорье, г., 326.
 Корельскій городъ, 326.
 Корнилий, пгумень Спасскаго Арзамаскаго мон., 270, 272.
 Корнилий, ученикъ затворника Ирнарха, 294.
 Коробейниковъ Трифонъ, 64, 65, 71, 73.
 Коробьинъ С. Г., дворянинъ московскій, 236.
 Костомаровъ Н. И., изслѣдователь, 10, 11, 170, 296, 304, 306—308.
 Кострома, г., 29, 118.
 Котошихинъ Гр. К., подъячій, 87, 288.
 Крапивна, г., 237.
 Крапольскій. См. Крапольскій.
 Кривновъ Иванъ, сынъ боярскій, 271.
 Кромь, г., 9, 16, 37, 49.
 Крапольскій Григорій, толмачъ, 117—119.
 Ксенія Борисовна Годунова. См. Годунова Ксенія.
 Кубасовъ Сергій Іевлевъ, сынъ боярскій, 203—205, 207, 208, 224.

Кулѣшевъ Ѡ. В., крестьянинъ, собственникъ рукописи, 2.
 Муракинъ А. П., кн., 129.
 Курбскій А. М., кн., 138.
 Курскъ, г., 341, 342.
 Кучковичъ Якимъ, убійца кн. Андрея Боголюбскаго, 261.

Л.

Лаврентій (Лаврушка), самозванецъ, 111, 112.
 Латухинъ, купецъ, владѣлецъ рукописи, 321.
 Левитскій Н., изслѣдователь, 17.
 Лена, р., 238.
 Леонидъ, архимандритъ, изслѣдователь, 86, 338.
 Леонидъ, старецъ, 33, 37.
 Лжедмитрій I. См. Отрепьевъ Григорій.
 Лжедмитрій II. См. Тушинскій воръ.
 Лжепетръ. См. Петръ (Петрушка), самозванецъ.
 Ливны, г., 142.
 Лисовскій, полковникъ, 301, 315.
 Лобковъ А. И., владѣлецъ рукописи, 270, 272.
 Луговскій Томило, думный дякъ, 188.
 Лука, апостолъ, 180.
 Лыковъ Б. М., кн., 295, 296.
 Ляпуновъ Прокофій, думный дворянинъ, 70, 78, 89, 91—93, 95, 111—113, 122, 175, 176, 255, 264, 273, 318, 327, 329, 352.

М.

Мавринъ, имп. визант., 148, 242.
 Майковъ Л. Н., изслѣдователь, 207, 277, 283, 284.
 Макарій, митр. московскій, изслѣдователь, 58, 231, 279, 281, 282, 297.
 Макарій, митр. московскій, составитель Степенной книги, 247, 249, 322.
 Макарій. См. монастырь Желтоводскій Макарьевскій.
 Маржеретъ, иностранецъ, писавшій о Россіи, 28, 31.
 Марина Мнишекъ. См. Мнишекъ Марина.
 Марія Владиміровна, дочь кн. Владиміра Андр. Старшцаго, 139.
 Марія Нагая. См. Нагая Марія.
 Маркевичъ А. И., изслѣдователь, 270.
 Марса Нагая. См. Нагая Марія.
 Масальскій Василій, кн., 153.
 Масѣвичъ, полякъ, писавшій о Россіи, 92, 95, 96.

Масса, иностранецъ, писавшій о Россіи, 9, 26, 28, 33, 87, 184, 187, 190.
 Матвѣевъ А. С., бояринъ, 319—320.
 Матрона. См. Шаховская Матрона.
 Мезецкій Д. И., кн., 80, 163.
 Меланія, повѣдавшая о чудесномъ видѣніи, 125, 126.
 Мельниковъ П. И., изслѣдователь, 270, 272, 304.
 Мерикъ Джонъ, посолъ англійскій, 165, 213.
 Милославовъ И. В., изслѣдователь, 174.
 Милотинъ. См. Иванъ Милотинъ.
 Мининъ Козьма, вичегородецъ, 70, 75, 109, 259, 271, 296, 302—306, 315, 326—328, 353.
 Мисаилъ Повадинъ, чернецъ, 29, 37.
 Митякова Дарья, кормилица цар. Дмитрія, 330.
 Михайловъ Иванъ, челоуѣкъ кн. И. А. Хворостинина, 189, 190.
 Михаилъ, имп. визант., 195.
 Михаилъ Феодоровичъ, царь, 3, 15, 54, 63, 64, 67, 70, 75, 78—80, 85, 109, 110, 120, 121, 127, 163—165, 172—178, 182, 188, 212, 214—216, 220, 222, 223, 227, 232, 233, 244—247, 252, 258, 260, 262, 264, 269, 272, 277, 301, 304, 315, 319, 320, 323, 325, 326, 332, 337, 341.
 Мнишекъ Марина, 106, 107, 152—154, 310, 311, 323, 325.
 Мнишекъ Юрій, 11, 32, 46, 243, 245, 310, 311.
 Можайскъ, г., 234.

Монастыри:

Арзамасскій Спасскій, 270.
 Благовѣщенскій на Киржачѣ, 118.
 Борисоглѣбскій на Устьѣ, 293, 294.
 Варсонофьевъ въ Москвѣ, 13, 31.
 Воскресенскій близъ Москвы, 248, 249.
 Донской въ Москвѣ, 142.
 Желтоводскій Макарьевскій, 321, 322.
 Желѣзноборовскій Предтеченскій, 29, 219.
 Иосифовъ Волоколамскій, 184, 263, 295.
 Кирпильовъ Бѣлозерскій, 138, 188—190, 291.
 Колмовъ близъ Новгорода, 61, 62.
 Колязинъ Макарьевскій, 278.
 Костромской Богоявленскій, 41.
 Крыпецкій Псковскій, 37.
 Кукоцкій Спасовъ, 29.
 Новгородъ-Сѣверскій Преображенскій, 11.

Новодѣвичій въ Москвѣ, 23, 25, 28, 132, 144, 145, 147, 225, 262, 266.
 Новоспасскій въ Москвѣ, 215.
 Пафнутаевъ Боровскій, 264, 342.
 Печерскій Киевскій, 37.
 Печерскій Нижегородскій, 304.
 Печерскій Псковскій, 340.
 Саввинъ-Сторожевскій, 279, 321.
 Спмоновъ въ Москвѣ, 49, 53, 76.
 Спасо-Евфимьевъ Суздальскій, 29, 219.
 Старицкій Успенскій, 281.
 Тихвинскій Богородицкій, 339.
 Тронце-Сергиевъ, 6, 7, 31, 33, 35, 37, 42, 77, 81, 86, 169—171, 173, 186, 190, 213, 249, 264, 283, 286, 297—300, 305, 319, 323.
 Угрѣшскій Николаевскій, 29.
 Флорещева пустынь, 128.
 Хлыновскій Успенскій, 29.
 Хутынский (Хутынь) близъ Новгорода, 132, 161, 339.
 Чудонъ въ Москвѣ, 29, 185, 199, 201, 236, 281.
 Монастыревской (Моравскъ, Муромскъ), городъ, 221.
 Морозовъ В. П., бояринъ, 215.
 Морозовъ И. В., бояринъ, 215.
 Морозовы, купцы, владѣльцы рукописи, 335.
 Москва, городъ, 2—5, 7, 9, 10, 12, 16, 20, 24, 26, 28—38, 40, 41, 43—46, 49—52, 58, 60, 65, 67, 69, 70, 75, 78, 79, 83, 85—87, 89—99, 102—104, 106—110, 113—118, 121, 124—127, 129—132, 134, 137, 138, 140—145, 148, 153, 155, 157, 158, 160—165, 171—178, 183—186, 188—192, 195, 199, 200, 202, 203, 206, 211—215, 217—220, 222, 227, 229, 232—239, 243, 245, 250, 252, 253, 257, 260, 262—265, 267, 271—273, 276, 278, 281—284, 286, 287, 291, 294—298, 301—303, 305, 307, 309—312, 315, 316, 318, 323, 325, 326, 328, 331, 336, 337, 339, 340, 350, 353.
 Москва, рѣка, 13, 33.
 Мостевъ Родионъ, посадскій, 92.
 Мстиславскій И. Ѡ., кн., 19.
 Мстиславскій Ѡ. И., кн., 16, 186, 258.
 Муратъ (Малатъ Кирей) цар. крымскій, 143, 264.
 Муромъ, г., 315.
 Мухановъ П. А., изслѣдователь, 223—226, 333.
 Мценскъ, г., 185.

Н.

Нагая Марія Ѡеод. (въ иночествѣ Марѳа), мать цар. Димитрія, 14, 20, 38, 132, 163, 165, 286, 289—291, 315, 330, 336.
 Нагѣ, бояре, 20, 22, 140, 266, 287, 290, 291, 317.
 Нагой Гр. Ѡ., бояринъ, 20, 21.
 Нагой М. Ѡ., бояринъ, 21, 291.
 Настасья См. Шаховская Настасья.
 Настѣдн. См. Иванъ Настѣдн.
 Нижній Новгородъ, г., 92, 109, 110, 122—124, 131, 260, 272, 302—304, 306.
 Никита, еп. новгородскій, св., 62.
 Никита Романовичъ Захарыинъ-Юрьевъ См. Юрьевъ Н. Р.
 Никола Можайскій, св., 229.
 Никонъ патр. московскій, 169, 178, 248, 249.
 Новгородъ, г., 8, 61—63, 80, 81, 125, 127, 130—132, 134, 137, 138, 155, 156, 158—161, 163—165, 210, 215, 228, 232, 233, 252, 260, 279, 326, 338—340.
 Новгородъ-Стверскій, г., 9, 16, 311.
 Новосиль, г., 186.

О.

Оболенскій М. А., кн., владѣлецъ рукописей и издатель, 230, 246, 247, 252—254, 263, 265, 304, 325—328, 337, 349.
 Одоевскій Большой И. Н., бояринъ, 130.
 Она, р., 141.
 Олегъ, кн. рязанскій, 8.
 Одроновъ Ѡедка. См. Андроновъ.
 Орѣшекъ, г., 159, 326.
 Осиповъ ТимоѠей, дьякъ, 13, 310, 315.
 Острожскій В. К., кн., 13.
 Отрепьевъ Григорій (Лжедмитрій, Разстрига), 5, 7, 10—13, 18, 28—34, 36—38, 43, 45, 46, 48, 49, 57—59, 92, 95, 97, 103, 106, 132, 144, 146, 148, 152—155, 157, 162, 172, 183, 184, 192, 194—196, 211, 217, 219, 221, 230, 243, 246, 253, 264, 271, 272, 281, 290, 296, 297, 306—313, 315—317, 323, 323, 328, 329, 331, 332, 334—336, 351.
 Отрепьевъ Смирной, 318.

П.

Палицынъ Авраамій. См. Авраамій Палицынъ.
 Пафнугій, архимандр. Чудова мон., 29.

Пахомій, архієп. астраханскій, 226.
 Пахомовъ Романъ, сынъ боярскій, 92.
 Пашновъ Истома, 4, 5, 50, 51, 67.
 Переяславль Залѣскій, г., 117, 118, 294, 295.
 Переяславль Рязанскій, г., 186.
 Петрей, иностранецъ, писавшій о Рос-
 сіи, 145.
 Петръ Великій, царь, 322.
 Петръ, митроп. московскій, св., 110,
 148, 149.
 Петръ (Петрушка), самозванецъ, 48—
 50, 53—55, 67, 73, 76, 79, 111, 112,
 129, 342.
 Повадинъ Мисаилъ. См. Мисаилъ Пова-
 динъ.
 Пожарскій Дм. М., кн., 109, 111, 112, 116,
 259, 260, 265, 267, 271, 295, 296,
 299, 302—304, 315, 327, 353.
 Поповъ Андр. Н., изслѣдователь, 5, 51,
 64, 65, 69, 71, 74, 78, 103, 168, 203,
 204, 206, 270, 277, 279, 314—316,
 319, 332.
 Поповъ Евтифій, владѣлецъ руко-
 писн., 128.
 Потемкинъ Юрій, 264.
 Прокофій Ляпуновъ. См. Ляпуновъ Проко-
 фій.
 Пронскъ, г., 234.
 Псковъ (Плесковт), г., 153, 340, 341.
 Пунтусовъ. См. Делагарди.
 Путивль, г., 33, 55, 67, 342.
 Пчельня, р., 50, 51.
 Пясецкій Павелъ, бискупт, писатель, 338.

Р.

Разстрига. См. Отрепьевъ.
 Репнинъ П. А., кн., 215.
 Римъ, г., 157, 308, 313.
 Романова Татьяна Θεод. См. Натырева-
 Ростовская.
 Романовъ И. Н., бояринъ, 211, 301.
 Романовъ Л. Н., бояринъ, 335.
 Романовъ М. Ѳ. См. Михаилъ Θεодо-
 ровичъ, царь.
 Романовъ Ѳ. Н. См. Филаретъ Никитичъ.
 Романовы, бояре, 72, 75, 209—212, 216,
 218, 220, 242, 251, 257, 261, 263,
 276, 334.
 Ростовскіе, князья, 203.
 Ростовъ, г., 117, 196, 210, 227, 264, 293.
 Ростопчинъ А., графъ, издатель, 64, 66,
 79, 204—206, 218, 314, 333.
 Руссовъ Сг., изслѣдователь, 216.
 Рязань (Рязанскіе грады, Рязанскій
 край), 49, 92, 93, 176, 186, 201,
 202, 262.

С.

Савва, спасскій протопопъ въ Ниж-
 немъ-Новгородѣ, 304—306.
 Сагайдачный, гетманъ, 186.
 Салтыковъ М. Г., бояринъ, 90, 97, 99,
 101, 107, 109, 113, 159, 161, 220,
 229, 230.
 Самборъ, г., 10, 11.
 Салта Левъ, канцлеръ, 89, 90.
 Салта Ицъ, гетманъ, 92, 294—296.
 Сауль, царь, 242.
 Сахаровъ И. П., изслѣдователь, 35,
 182, 183.
 Святополкъ Окаянный, кн., 8.
 Севастьянъ, панъ, 50, 51.
 Сендомирскій. См. Мнишекъ Юрій.
 Сергій преп., радонежскій чудотворецъ,
 169, 175, 178, 238, 239, 264, 281,
 299—304, 323, 328, 347.
 Сергѣевъ Иродіонъ, иконникъ, 339.
 Серебряные пруды, 50.
 Серпуховъ, г., 142, 147, 213.
 Сибирь, область, 208, 211, 212, 233.
 Сигизмундъ III, король польскій, 10, 59,
 86, 87, 89, 90, 92—100, 102, 113, 119,
 157, 161, 167, 175, 199, 200, 229,
 233, 250, 260, 276, 301, 307, 308,
 313, 325, 351.
 Силвестръ Медвѣдевъ, писатель, 337.
 Симеонъ Бекбулатовичъ, царь, 136, 255, 317.
 Симеонъ, игуменъ Борисоглѣбскаго на
 Устьѣ мон., 294.
 Симонъ Азарыинъ, келарь Тронце-Сер-
 гіева мон., 238, 239, 244, 294, 297—
 305, 319, 347.
 Скопинъ Шуйскій М. В., кн., 51, 68, 69,
 75, 130, 132, 134, 158—161, 175,
 211, 220, 227, 228, 253, 257, 260,
 277—279, 294—296, 325—327, 347.
 Смирновъ, изслѣдователь, 231, 300.
 Смирной-Отрепьевъ. См. Отрепьевъ Смир-
 ной.
 Смоленскъ, г., 12, 49, 66, 86, 87, 89—
 91, 95, 96, 98, 104, 107, 200, 251,
 260, 264.
 Соловьевъ С. М., изслѣдователь, 1, 5,
 7, 8, 10, 11, 18, 35, 83, 211, 224,
 280, 336, 340.
 Соликамскъ (Соль Камская), г., 307.
 Сольвычегодскъ (Соль Вычегодская), г.,
 122, 238.
 Старица, г., 281, 282.
 Старицкій. См. Владиміръ Андреевичъ
 Старшій.
 Стародубскій воръ. См. Тушинскій воръ.
 Степанъ (Степка), казакъ, 267.

Строевъ П. М., изслѣдователь, 1, 2, 40, 103, 128, 129, 168, 172, 173, 176, 182, 183, 188, 204—207, 232, 279, 283, 289, 320, 335.
 Суздаль, г., 29, 109, 219, 278.
 Сукинъ В. Б., думный дворянинъ, 91.
 Сулешевъ Ю. Я., кн., 215.
 Сумбуловъ (Сунбуловъ) Григорій, 68, 298.
 Сыдавынъ Васильевъ, дьякъ, 91.
 Сѣверская область (Сѣвера, Сѣверскіе города), 12, 49, 106, 201, 232.

Т.

Тарим, г., 264.
 Татищевъ В. Н., изслѣдователь, 247, 248, 256.
 Татищевъ М. И., окольный, 130, 155, 156, 158—160.
 Татьяна. См. Шаховская Татьяна.
 Татьяна Федоровна Романова. См. Натыва-Ростовская Татьяна.
 Тверь, г., 237.
 Теплеповъ Василий, думный дьякъ, 117.
 Теплеповъ Ефимъ, думный дьякъ, 130, 159.
 Терень, р., 237.
 Терентій, протопопъ, 56—61, 63, 81, 82, 104, 121, 123, 126, 127, 338, 344, 351.
 Тимошевъ Иванъ, дьякъ, 84, 128—168, 181, 182, 193, 216—218, 263, 344, 345, 348, 350—352.
 Титовъ А. А., изслѣдователь, 210.
 Тихонъ, архимандр. макарьевскій, 321—324.
 Тихонъ, старецъ угличскій, 234, 236, 287, 292, 329, 331.
 Тихоновъ Алексѣй, 299.
 Тобольскъ, г., 212, 235, 237.
 Толстой М. В., графъ, изслѣдователь, 293.
 Томскъ, г., 238.
 Торнонь, г., 260, 326.
 Горолецъ, г., 233.
 Тотма, г., 203.
 Трегубовъ, владѣлецъ рукописи, 103.
 Третьяковъ В. А., столбникъ, 209.
 Трифонъ, игуменъ Хлыновскаго мон., св., 29.
 Троекурова Анна Никитична, кн., 211.
 Троекуровъ П. О., кн., 211.
 Троя, г., 166.
 Грубещинъ, князь, 209.
 Грубещинъ Дм. Т., кн., 109, 110, 315, 327.
 Грубещинъ Г. Р., кн., 209.
 Грубещинъ Ю. Н., кн., 92, 211.
 Тула, г., 3, 49, 51, 53, 63, 68, 73, 76, 77, 104, 186, 213, 214, 232, 271.

Тулуновъ Германъ. См. Германъ Тулуновъ.
 Тулуновъ Иоаннъ Иоанновичъ, житель Старицы, 282, 283.
 Тургеневъ Петръ, дворянинъ, 13.
 Тушино, с., 69, 117, 118, 157, 158, 175, 179, 233, 250, 295, 298.
 Тушинскій воръ (Стародубскій воръ, самозванецъ второй), 68, 73, 91, 92, 94, 97, 104, 107, 112, 113, 118—120, 129, 175, 176, 264, 342.

У.

Угличъ (Угльчъ), г., 7, 20, 21, 30, 35—37, 39—41, 43, 67, 72, 132, 139, 140, 241, 244, 256, 263, 266, 285—287, 291, 297, 315, 329, 342.
 Ундольскій В. М., изслѣдователь, 293, 295, 296.
 Унижа, р., 234.
 Урусовъ Петръ, кн., 119.
 Устиньянъ. См. Юстиньянъ.
 Устюгъ, г., 122, 124, 238.
 Устюжна Желѣзопольская, г., 342.

Ф.

Филаретъ Никитичъ, патр. московскій (Романовъ Ф. Н.), 67, 79, 86, 89, 114, 163, 165, 169, 177, 179, 196, 199, 200, 203, 209, 211, 213, 216, 220, 222—231, 234, 237, 239, 244, 246, 249, 251, 252, 254, 258, 264, 269, 275—277, 284, 297, 319, 335.
 Фока, пмп. визант., 36, 242.

Х.

Хворостина Иванъ, кн., родоначальникъ Хворостининыхъ, 183.
 Хворостининъ А. И., по прозвищу Старко, кн., 183.
 Хворостининъ Гр. О., кн., 184.
 Хворостининъ И. Д., кн., 184, 190.
 Хворостининъ (-Старковъ) И. А. (въ почетвѣ Юсифъ), кн., 31, 182—203, 205, 207, 345, 346, 351—353.
 Хворостининъ Ю. Д., кн., 184.
 Хворостининъ Ф. П., кн., 184.
 Хлопова Марія, цевѣста ц. Михаила Фед., 212.
 Хлыновъ, г., 94.
 Хованскій Андрей, кн., 185, 191.
 Хотивичъ, гетманъ, 228.
 Хохоловъ П. А., кн., См. Натыва.

Ц.

Цвѣтаевъ Д. В., изслѣдователь, 182, 298.

Церкви:

Архангельскій соборъ въ Москвѣ, 60, 292, 310.

Благовѣщенскій соборъ въ Москвѣ, 59.

Василіи Блаженнаго въ Москвѣ, 109, 114, 124.

Преображенія въ Москвѣ, 194.

Софійскій соборъ въ Новгородѣ, 62.

Спаса на Дворцѣ въ Москвѣ, 59.

Успенскій соборъ въ Москвѣ, 48, 59, 61, 148, 297.

Ч.

Чепруговъ Никифоръ, 267.

Чернассая Анна Бас., княгиня, 291.

Чернассій П. Э., кн., 291.

Чернассій. См. Ахамашуковъ Чернассій.

Черниговская страна, 55, 67, 73.

Чоглоковъ Коршцль, воевода, 260.

Ш.

Шаховская Матрона, жена кн. С. Ш. Шаховскаго, 234.

Шаховская Настасья (Настасья), жена кн. С. Ш. Шаховскаго, 234.

Шаховская Татьяна, жена кн. С. Ш. Шаховскаго, 234.

Шаховскіе, князья, 235, 237.

Шаховской А. А., кн., 235.

Шаховской Андр. О., кн., 235.

Шаховской Ао. О., кн., 235.

Шаховской Гр. П., кн., 233.

Шаховской М. О., кн., 235.

Шаховской Сем. Пв. (старшій), по прозвищу Харя, кн., 31, 182, 186, 187, 190, 191, 205, 207, 231—246, 283, 336, 346, 351.

Шаховской Сем. Пв. (младшій), кн., 239.

Шенинъ М. Б., бояринъ, 251.

Шереметевъ И. П., бояринъ, 215.

Шереметевъ О. И., бояринъ, 16.

Шялнинъ П. А., владѣлецъ рукописей, 35, 61.

Шуйскіе, князья, 16, 18, 19, 26, 35, 43, 65, 66, 116, 121, 126, 210, 211, 253, 256, 308, 310, 318.

Шуйскій А. И., кн., 19.

Шуйскій Василій Ивановичъ, царь, 2—6, 10—22, 26, 30, 32—34, 33, 39, 42, 44—46, 48—52, 55, 56, 63, 66—70, 73, 77—79, 81, 89, 104, 106—108, 113, 116—120, 126, 129, 132, 140, 148, 155—159, 161, 167, 172, 175,

176, 179, 180, 184, 192, 196—199, 202, 212, 216, 217, 219, 220, 222, 224, 225, 227—230, 232, 233, 244, 250, 256, 257, 260, 267, 268, 271—273, 276, 278, 286, 290, 292, 294, 296, 298, 309, 310, 315, 316, 323, 325, 327, 330—334, 336, 340, 341, 351, 352.

Шуйскій Дм. П., кн., 17, 119.

Шуйскій П. П., кн., 10, 11, 55, 119, 121.

Шуйскій П. П., кн., 16, 19.

Шуйскій М. В. Скопнвъ. См. Скопннъ-Шуйскій.

Щ.

Щербатовъ М. М., изслѣдователь, 211.

Щелкаловъ А. Я., думный дьякъ, 150.

Щелкаловъ В. Я., думный дьякъ, 150.

Ю.

Юдинъ, 304, 306.

Юлианъ, имп. римскій, 287.

Юрьева Анна Никитична. См. Троекурова Анна.

Юрьевъ Н. Р., бояринъ, 73, 211, 218.

Юрьевъ (Юрьи) Ливонскій, г., 326.

Юстиніанъ, имп. визант., 58, 148.

Юшна (Юрій) Отрепьевъ. См. Отрепьевъ Григорій.

Я.

Яганъ. См. Іоаннъ королевичъ.

Ядринъ, г., 234.

Якутской городъ, 233.

Янь-Назмнръ, король польскій, 316.

Ярославъ (Поволжскій), г., 103, 112, 117, 122—124, 131, 262, 298.

Яруза, р., 265.

Ө.

Өедна, самозванецъ, 111.

Өеодора, императрица визант., 165.

Өеодоритъ, архіеп. рязанскій, 201, 202.

Өеодоръ Борисовичъ, царь. См. Годуновъ О. Б.

Өеодоръ Ивановичъ, царь, 9, 18, 19, 23, 24, 30, 35, 36, 43, 48, 54, 65, 66, 73, 78, 82—85, 126, 132, 138, 139, 141, 143, 144, 151, 172, 206, 241, 242, 246—249, 255, 256, 261—264, 267, 276, 280, 285, 286—288, 308, 317, 318, 322, 325, 328, 330—332, 335—337.

Өеодосій, архимандр. Печерскаго нижегородск. мон., 304, 306.

Өеодосій, архіеп. астраханскій, св., 296—297.

Өеодосій Великій, имп. римскій, 116.

Өеофанъ, патр. іерусалимскій, 299.

ДОПОЛНЕНИЯ.

I. Къ стр. 57, примѣч. 4. По напечатаніи первой главы этого труда авторъ получилъ отъ многоуважаемаго М. И. Соколова списокъ посланія прот. Терентія, тождественный со спискомъ Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. № 1622. Рукопись М. И. Соколова (новаго письма, въ 4-ку, 6 л.) заключаетъ въ себѣ обѣ части посланія Терентія подъ однимъ заглавіемъ, какъ одно цѣльное произведеніе. Для автора это служитъ подтвержденіемъ высказаннаго имъ взгляда на памятникъ.

II. Къ стр. 102—103. Существуетъ и еще одинъ списокъ Плача, упомянутый въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ за 1868 г. (т. II, стр. 369). Онъ находится въ небольшомъ сборникѣ историческаго содержанія рядомъ съ отрывками Сказанія Палицына. Приписка, сдѣланная къ заглавію Плача, называетъ его „словомъ“ и свидѣтельствуетъ, что „на кафизьмахъ чтется сіе слово“.

III. Къ стр. 237, примѣч. 2. Посольство князя С. И. Шаховскаго въ Польшу обстоятельно изложено Н. Н. Вантышемъ-Каменскимъ въ его „Перепискѣ между Россіей и Польшею по 1700 годъ“ (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. за 1862 г., IV, стр. 91—93).

IV. Къ стр. 337, примѣч. 5. Когда книга была уже напечатана, автору удалось ознакомиться съ составомъ рукописи Имп. Академіи Наукъ № 62 (XVIII в., въ листъ, 57 л.) Она озаглавлена такъ: „Петра Крекшина повѣствованіе о царѣ Борисѣ Годуновѣ“ и заключаетъ въ себѣ компилятивный рассказъ о времени отъ воцаренія Бориса до сверженія Лжедмитрія, составленный изъ отрывковъ Повѣсти 1606 года (преимущественно), Сказанія Палицына и Хронографа второй редакціи (См. Сахарова „Записки русскихъ людей“. С.-Пб. 1841, предисловіе къ Запискамъ П. Н. Крекшина, стр. третья).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	III—VI
Произведенія, составленныя до окончанія смуты.	
Глава первая	1—81
Иное Сказаніе; его составъ (стр. 1).	
Первая часть Инаго Сказанія или Повѣсть 1606 года (стр. 3). (Извѣтъ старца Варлаама, стр. 9).—Повѣсть, како восхити неправдою царскій престолъ Борисъ Годуновъ (стр. 35).—Житіе царевича Дмитрія, внесенное въ Миннен Германа Тулупова, и Повѣсть 1607 года о перевесеніи мощей царевича въ Москву (стр. 40).	
Вторая часть Инаго Сказанія: грамоты царя Василія Ивановича Шуйскаго (стр. 45).	
Третья часть Инаго Сказанія: повѣствованіе о событіяхъ 1606—1607 г. (стр. 47).	
Четвертая часть Инаго Сказанія или Повѣсть 1606 года о видѣніи нѣкотораго мужа въ Москвѣ, составленная протопопомъ Терентіемъ (стр. 56).—Повѣсть о видѣніи 1611 года мниха Варлаама въ Новгородѣ (стр. 61).	
Пятая часть Инаго Сказанія: статьи о событіяхъ 1607—1613 гг., тождественныя со статьями Хронографа второй редакціи (1617 года); разборъ статей о смутѣ этого Хронографа (стр. 63).	
Заключительныя замѣтки Инаго Сказанія (стр. 80).	
Глава вторая	82—127
Патріарха Іова Повѣсть о честнѣмъ житіи царя Феодора Ивановича (стр. 82).	
Новая Повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ (стр. 86).	
Плачь о плѣненіи и о конечномъ разореніи превысокаго и пресвѣтлѣйшаго Московскаго государства (стр. 102).	
Сказанія о чудесныхъ видѣніяхъ 1611 года нижегородскомъ и владимірскомъ (стр. 121).	

Важнѣйшія произведенія о смутѣ времени царя Михаила Теодоровича.

СТРАН:

Глава третья 128—180

Временникъ дьяка Ивана Тимоѣева (стр. 128).
Сказаніе келаря Авраамія Палицына (стр. 168).

Глава четвертая 181—273

Словеса дней и царей и святителей московскихъ, еже есть въ Россіи, князя И. А. Хворостинина (стр. 182).

Повѣсть князя И. М. Катырева-Ростовскаго, внесенная въ Хронографъ Сергѣя Кубасова (стр. 203).

Рукопись Филарета патріарха московскаго (стр. 222).

Произведенія князя С. И. Шаховскаго: Житіе царевича Дмитрія и Повѣсть о мисѣ, како послася отъ Бога на царя Бориса (стр. 231).

Книга, глаголемая Новый Лѣтоисецъ (стр. 246).

Разрядная книга, пзвѣстная подъ названіемъ Столярова (и Лобковскаго) хронографа (стр. 270).

Произведенія о смутѣ второстепенныя и позднѣйшія.

Глава пятая 274—342

Памятники біографическаго характера: Сказаніе о поставленіи на патріаршество Филарета Никитича (стр. 275).—Сказаніе о роженіи князя М. В. Скопина (стр. 277).—Исторія о первомъ Іовѣ патріархѣ московскомъ (стр. 279).—Житіе царевича Дмитрія, внесенное въ Миннею Іоанна Милютина, и произведенія отъ него записанія (стр. 283).—Повѣсть о убіеніи царевича Дмитрія (стр. 288).—Житіе ростовскаго затворника Приварха (стр. 293).—Житіе архіепископа астраханскаго Теодосія (стр. 296).—Житіе архимандрита Діонисія, составленное Симономъ Азарьинымъ и Иваномъ Пасѣдкою (стр. 297).—Симона Азарьина Книга о чудесахъ преп. Сергія (стр. 300).—Ельнинскій хронографъ (стр. 304).—Сказаніе и повѣсть, еже содѣся въ царствующемъ градѣ Москвѣ (стр. 307).

Памятники компілятивныя: Погодинскій хронографъ № 1465 (стр. 314).—Повѣсть о разореніи Московскаго государства (стр. 315).—Книга объ избраніи на престолъ царя Михаила Теодоровича и Книга о титулахъ (стр. 319).—Латухинская степенная книга (стр. 320).—Хронографъ князя М. А. Оболенскаго (стр. 325).—Сказаніе о царствѣ государя и великаго князя Теодова Іоанновича (стр. 328).—Хронографы третьей редакціи (стр. 332).—Хронографъ Имп. Публичной Библіотеки F. IV. 165 (стр. 333).—Погодинскій сборникъ № 1578 (стр. 334).—Погодинскій сборникъ № 1616 (стр. 334).—От-

рывокъ Соловецкаго хронографа о Романовыхъ (стр. 334).—Сборникъ Имп. Публичной Библіотеки Q. XVII. 159 (стр. 335).—Исторія, како грѣхъ ради нашихъ попусти Господь Богъ праведное свое наказаніе (стр. 335).—Морозовскій Лѣтописецъ (стр. 335).—Хронографъ Имп. Публичной Библіотеки F. XVII. 17 (стр. 336).—Рукопись Имп. Академіи Наукъ № 46 (стр. 337).

Сказанія мѣстныя (стр. 338).

Заключеніе	343—353
Перечень рукописей, упомянутыхъ въ книгѣ	354—359
Указатель именъ личныхъ и географическихъ	360—368
Дополненія	369.

28-2891

